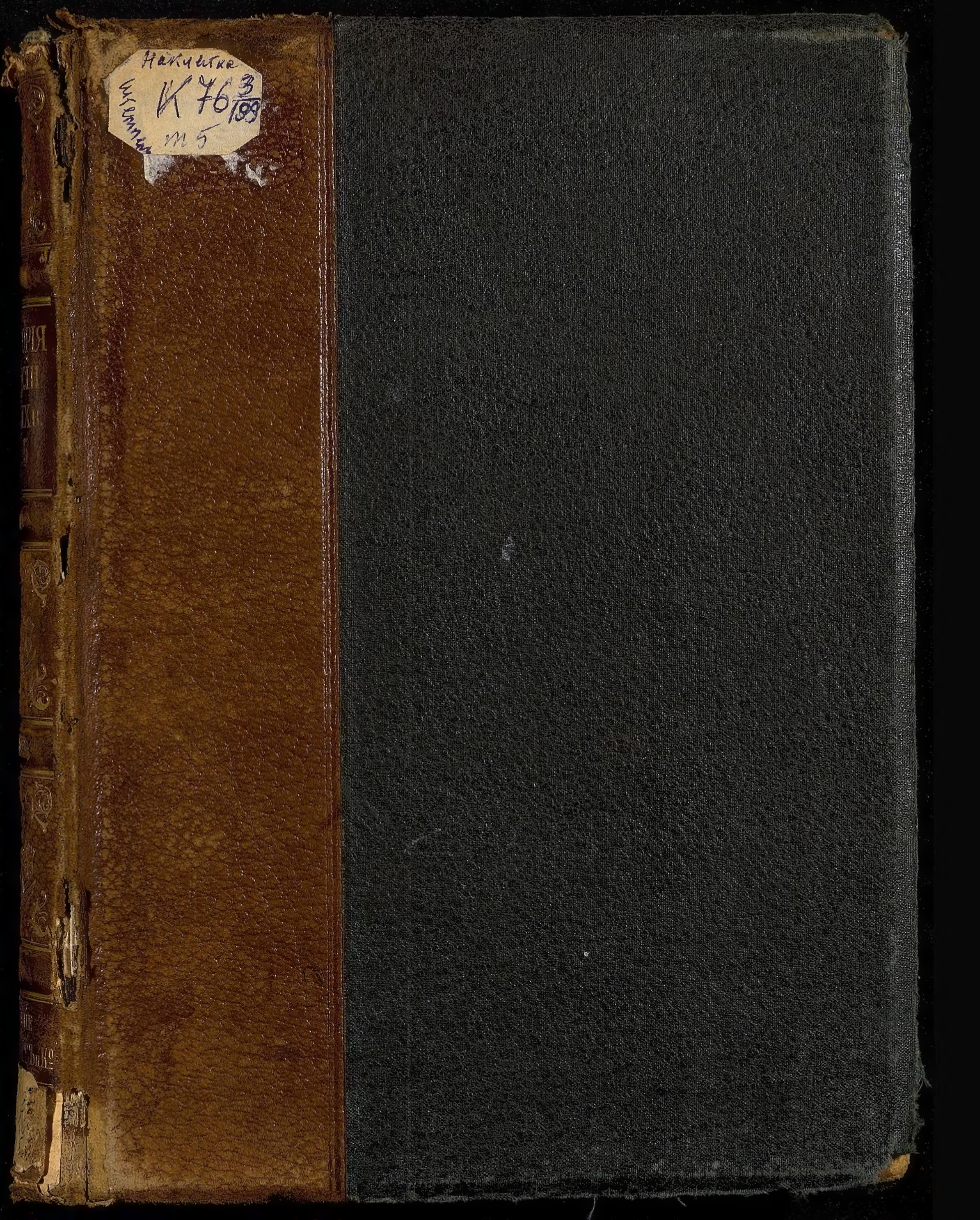

К 76 3/199
т 5

БИБЛИОТЕКА
Гельсингфорсскаго
Матросскаго Клуба.
Отд.
Хр. кат. 279
Сист. кат. 9 (47)
ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX В.
ИЗД.
Т-ва ГРАНАТЪ и К°

ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX В.
ИЗД.
Т-ВА ГРАНАТЪ и К°

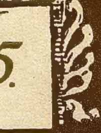

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ

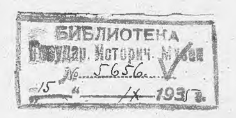

Томъ № 5.

Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°

Л. Пастернакъ

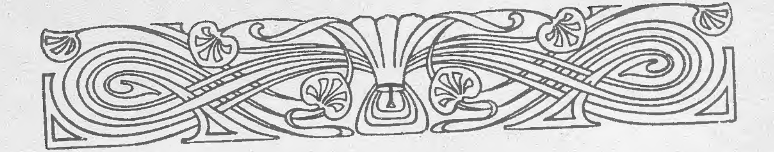

ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.)
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА, 117.

ЭПОХА РЕАКЦІИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Оглавленіе V-го тома.

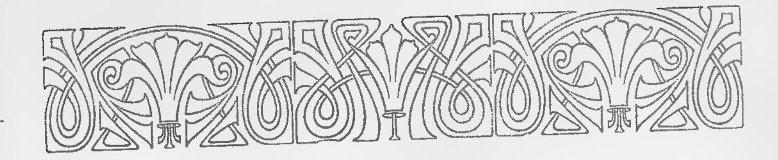
(Часть третья, отдѣлъ первый.)

Подробное оглавленіе см. въ концѣ III части (VII т.)

Снимки съ портретовъ и картинъ, помѣщенные въ V томѣ.

Объяснительный указатель художест. приложеній см. въ концѣ III части (VII т.)

ГЛАВА I.

Общая политика правительства 1866—1892 г.г.

(М. Н. Покровскаго).

1.

Соціальныя предпосылки.

На первый взглядъ могло казаться, что реформы 60-хъ годовъ сдѣлали свое дѣло прочно. Не только крестьянская революція, казавшаяся неотвратимой столь многимъ въ половинѣ 50-хъ годовъ, была отодвинута на нѣсколько десятилѣтій—а, быть можетъ, и вовсе сдѣлана невозможной. Даже никогда не притупляющееся жало политической оппозиціи, повидимому, потеряло свою остроту. Сами ея вожди признавались въ этомъ „...Гдѣ сила, которую придавала нашему слову борьба противъ крѣпостного права, противъ отсутствія всякаго суда, всякой гласности?"—писалъ Герценъ въ 1867 году,—сравнивая свое положеніе съ положеніемъ Маццини, „половина идеала" котораго исполнилась. Если мы вспомнимъ, какъ рѣдко осуществляются какіе бы то ни было идеалы полностью или хотя бы на большую свою часть, мы должны будемъ отнестись къ результатамъ „великихъ реформъ Александра II" очень оптимистически.

Давала ли дѣйствительность основанія для такого оптимизма? Самая крупная изъ реформъ, 19 февраля, имѣла своею задачей ликвидировать крѣпостное хозяйство. Къ чему однако привела эта ликвидація? Въ другомъ мѣстѣ читатель уже видѣлъ факты и цифры. Глядя на сорокъ лѣтъ назадъ, съ верхушки XX столѣтія, у насъ нѣтъ особыхъ основаній восхищаться крестьянской реформой. Но, быть можетъ, это оттого, что мы очень выросли изъ тогдашнихъ условій? Послушаемъ людей, видѣвшихъ реформу собственными глазами, отчасти принимавшихъ въ ней весьма активное участіе,—во всякомъ случаѣ, не подлежащихъ никакому подозрѣнію со стороны своей „прогрессивности". „Почти всѣ владѣльцы нашего околотка *) остались, какъ и крестьяне, при прежнихъ сельско-хозяйственныхъ порядкахъ, которые были еще пригодны, пока пашни давали хорошіе урожаи безъ удобренія и существовалъ крѣпостной трудъ, но которые съ истощеніемъ почвы и при вольнонаемномъ трудѣ ведутъ къ неизбѣжному разоренію".

*) Рѣчь идетъ о Тульской губерніи.

писалъ Кавелинъ двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ реформы. „Мѣсто прежняго разсчета и, если хотите, своего рода теоріи, заступила рутина, въ которой никто не отдаетъ себѣ отчета, которой слѣдуютъ только по привычкѣ" *). „Послѣ „Положенія" прошло уже 12 лѣтъ, но система хозяйства остается у большинства все та же", писалъ около того же времени самый внимательный, самый умный и тонкій изъ наблюдателей русской деревни 70-хъ годовъ—Энгельгардтъ. „Сѣютъ по-старому рожь, на которую нѣтъ цѣнъ и которую никто не покупаетъ, чуть. у крестьянъ порядочный урожай, овесъ, который у насъ **) родится очень плохо; обрабатываютъ поля по-старому, нанимая крестьянъ съ ихъ лошадьми и орудіями; косятъ тѣ же плохіе лужки, скотъ держатъ, какъ говорится, для навоза, кормятъ плохо и считаютъ скотъ хорошо содержаннымъ, если коровъ по веснѣ не приходится подымать" ***). Но еще это было бы очень хорошо, если бы можно было сказать, что все идетъ „по-старому": на самомъ дѣлѣ былъ не застой, а регрессъ. „Запашки уменьшены болѣе, чѣмъ на половину": въ имѣніи самого Энгельгардта при крѣпостномъ правѣ пахалось въ трехъ поляхъ 163½ десятины, а въ 1871 году онъ, пріѣхавъ хозяйничать, нашелъ въ обработкѣ всего 66 десятинъ, остальныя 97½ были запущены и заросли березнякомъ. „Обработка земли производится еще хуже, чѣмъ прежде, количество кормовъ уменьшилось, потому что луга не очищаются, не осушаются и зарастаютъ; скотоводство же пришло въ совершенный упадокъ". „...Большинство хозяйствъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ успѣло уже прійти въ совершенное разстройство, множество хуторовъ совершенно запущены, а большинство помѣщиковъ, бросивъ имѣнія, убѣжало на службу. Дѣйствительно, проѣзжая по уѣзду и видя всюду запустѣніе и разрушеніе, можно было подумать, что тутъ была война, нашествіе непріятеля"...

Еще черезъ пять лѣтъ мы читаемъ въ тѣхъ же письмахъ „изъ деревни": „Прошло уже семнадцать лѣтъ послѣ „Положенія", а помѣщичье хозяйство нисколько не подвинулось, напротивъ того, съ каждымъ годомъ оно болѣе и болѣе падаетъ, производительность имѣній болѣе и болѣе уменьшается, земли все болѣе и болѣе дичаютъ. Ни выкупныя свидѣтельства, ни проведеніе желѣзныхъ дорогъ, ни вздорожаніе лѣсовъ, за которые владѣльцы послѣднее время выбрали огромныя деньги, ни возможность получать изъ банковъ деньги подъ залогъ имѣній, ни столь выгодное для земледѣльцевъ паденіе кредитнаго рубля, ничто не помогло помѣщичьимъ хозяйствамъ стать на ноги..." *).

На первый взглядъ можетъ показаться, что исторія вполнѣ оправдала кн. Друцкого-Соколинскаго, пугавшаго императора Николая Павловича чуть не потопомъ и землетрясеніемъ въ случаѣ освобожденія крестьянъ **). И тѣмъ, кто только пытался хозяйничать въ русской

*) Сочиненія, т. II, стр. 794.
**) Въ Смоленской губерніи.
***) „Письма изъ деревни", стр. 118.

*) „Изъ деревни", стр. 544, 119, 366.
**) См. выше, часть II, стр. 89.

деревнѣ 70-хъ годовъ, не доводя своего опыта до конца, какъ Кавелинъ, пожалуй, и нечего было бы теперь отвѣтить на зловѣщія предсказанія злого врага эмансипаціи. Кавелинъ, конечно, пробуетъ отвѣчать—но вы чувствуете, что мрачной дѣйствительности, имъ же самимъ такъ ярко изображенной, онъ умѣетъ противопоставить только общія фразы, общія мѣста, которыя должны были успокоить читателей, но, видимо, мало утѣшали самого автора. „Самовоспитаніе“, „собственныя выгоды владѣльцевъ“, „культурные и нравственные элементы“, „выдержанная, непоколебимая, безусловная честность...“,—но обо всемъ этомъ можно говорить, и говорилось безъ конца и мѣры и безъ всякой пользы. А пока „владѣльцы „объегориваютъ“ крестьянъ и рабочихъ, крестьяне и рабочіе—владѣльцевъ; мы „объегориваемъ“ другъ друга, крестьяне точно также „объегориваютъ“ другъ друга. Кругъ „объегориваній“ обходитъ всѣхъ, проникаетъ всѣ отношенія и дѣлаетъ жизнь невыносимо тяжелой, ведя всѣхъ, владѣльцевъ и крестьянъ, къ обѣднѣнію, тормозя всякое благое начинаніе по сельскому хозяйству, дѣлая его невозможнымъ и лишая всѣхъ охоты положить въ него трудъ и деньги“ *). Надо было пройти сквозь строй всѣхъ деревенскихъ мытарствъ до конца и выйти, наконецъ, на какую-нибудь дорогу, чтобы ясно и отчетливо представить себѣ все дѣло.

Такъ случилось съ Энгельгардтомъ,—и, продѣлавъ этотъ опытъ, онъ понялъ, что суть дѣла вовсе не въ отмѣнѣ крѣпостного права, а въ томъ, что эта отмѣна произошла лишь на словахъ и на бумагѣ, что, благодаря той формѣ, въ какую вылилась эмансипація подъ давленіемъ наиболѣе отсталыхъ слоевъ помѣщичьей массы, наша деревня осталась такою же крѣпостною, какою была раньше,—„разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“, наперекоръ явной и очевидной тенденціи экономическаго развитія. Поневолѣ новому хозяйству пришлось итти кривымъ путемъ „объегориванія“—прямой путь экономической конкуренціи былъ для него искусственно закрытъ. „И теперь, какъ при крѣпостномъ правѣ, основа помѣщичьихъ хозяйствъ не измѣнилась... Прежде, при крѣпостномъ правѣ, помѣщичьи поля обрабатывались крестьянами, которые выѣзжали на эти поля со своими орудіями и лошадьми, точно такъ же обрабатываются помѣщичьи поля и теперь тѣми же крестьянами съ ихъ лошадьми и орудіями, съ тою только разницей, что работаютъ не *крѣпостные*, а еще съ зимы *задолженные*“ *).

Этотъ фактъ—крестьянской задолженности—такъ же общеизвѣстенъ, какъ и отрѣзки **), но онъ обыкновенно ставится нѣсколько особнякомъ: за него винятъ въ первую голову государственное хозяйство, затѣмъ—общественную непредпріимчивость, отсутствіе доступнаго для массы кредита и тому подобное. Невсегда видятъ, что и онъ есть часть цѣлаго, часть извѣстной системы, послѣдовательно проводившейся че-

*) Кавелинъ, ibid., стр. 807—808.

*) Энгельгардтъ, ibid., 432. Курсивъ нашъ.

**) См. часть II, гл. II: „Крестьянская реформа“.

резъ весь хозяйственный и соціальный строй пореформенной Россіи. Конечно, крестьяне должали отъ того, что у нихъ мало было земли, что съ нихъ много брали податей, что не было организовано мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита; но всѣ эти причины при другой общественной обстановкѣ могли бы дать совсѣмъ другія слѣдствія. Задолженность сельскаго населенія могла привести, напримѣръ, не къ его закабаленію, а къ его открѣпленію отъ земли, къ быстрому развитію пролетаріата. Противоположный результатъ былъ достигнутъ вовсе не самъ собою, а путемъ цѣлаго ряда мѣръ, съ своей точки зрѣнія весьма цѣлесообразныхъ, среди которыхъ на первомъ планѣ нужно поставить крестьянское законодательство эпохи „великихъ реформъ". Классовый смыслъ этого законодательства выражался прежде всего въ томъ, что опека отдѣльнаго помѣщика надъ *его* крѣпостными смѣнилась опекой всего мѣстнаго дворянства надъ всѣмъ мѣстнымъ крестьянствомъ. Мы видѣли, какъ боролся съ идеей этой опеки еще Милютинъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Но борьба была безуспѣшна — мировые посредники были созданы. Въ другомъ мѣстѣ читатель найдетъ и юридическое освѣщеніе этого института, и факты, характеризующіе его дѣятельность. Эта дѣятельность нерѣдко была предметомъ идеализаціи; мы не будемъ входить по этому поводу въ споры. Пусть мировые посредники перваго призыва были лично безупречны. Но вотъ какъ рисовалась власть посредника вообще тому тонкому и вдумчивому наблюдателю русской деревни, котораго мы уже цитировали однажды: „...посредникъ—все. И школы, и уничтоженіе кабаковъ, и пожертвованія, все это отъ посредника. Захочетъ посредникъ, крестьяне пожелаютъ имѣть въ каждой волости не то, что школы,—университеты. Посредникъ захочетъ—явится приговоръ, что крестьяне такой-то волости, признавая пользу садоводства, постановили взносить по столько-то копѣекъ съ души въ пользу какого-нибудь Гарлемскаго общества разведенія гіацинтовыхъ луковицъ. Посредникъ захочетъ — и крестьяне любого села станутъ пить водку въ одномъ кабакѣ, а другой закроютъ..." *).

На фонѣ этой всеобъемлющей опеки дворянина надъ крестьянскою массой дѣйствовало крестьянское „самоуправленіе". Мы видѣли, что даже въ идеалѣ, въ теоріи крестьянскій „міръ" представлялся крайне неудовлетворительнымъ даже сторонникамъ „мірского", общиннаго начала вообще **). На практикѣ мірское самоуправленіе было главнымъ орудіемъ классового господства помѣщиковъ надъ массой сельскаго населенія. Оно обезпечивало дворянству основное условіе новой эксплоатаціи крестьянства, опиравшейся не на внѣэкономическое, а, если такъ можно выразиться, на quasi - экономическое принужденіе. Экономическое принужденіе въ его чистомъ видѣ предполагаетъ прежде всего полную свободу передвиженія для работника. Этой „вредной подвижности" особенно боялись въ эпоху

*) „Изъ деревни", стр. 146.

**) См. выше, часть II, стр. 139—140.

эмансипаціи: и цѣлесообразными законодательными мѣрами предупредили ее вполнѣ. Освобожденный крестьянинъ оставался попрежнему крѣпокъ землѣ. Тройною цѣпью онъ былъ привязанъ къ своей деревнѣ. Во-первыхъ, безъ разрѣшенія „міра"— всегда готоваго по приказу мирового посредника запрещать и поощрять что угодно, какъ мы знаемъ— безъ разрѣшенія „міра" крестьянинъ не могъ экономически выдѣлиться изъ основной тяглой и хозяйственной ячейки деревни, изъ семьи. Крестьянскіе раздѣлы „Положеніе" ставило въ зависимость отъ согласія „міра". Протесты Унковскаго и другихъ представителей „буржуазной лѣвой" въ губернскихъ комитетахъ остались такъ же безплодны въ этомъ случаѣ, какъ и протесты Милютина противъ идеи мировыхъ посредниковъ. Во-вторыхъ, крестьянинъ не могъ даже на время отлучиться изъ деревни, не получивъ паспорта—а паспортъ волостное правленіе выдавало, только удостовѣрившись отъ такъ возмутившаго К. Аксакова „начальника міра", сельскаго старосты, что „препятствій" къ уходу крестьянина на сторону не имѣется. Что могло служить препятствіемъ, въ законѣ не было указано, такъ что на практикѣ препятствіемъ могло быть все, что угодно. Но само собою разумѣется, что еще во много разъ тягчайшія ограниченія встрѣчалъ крестьянинъ, дерзнувшій вовсе выйти изъ своего состоянія, раскрестьяниться. Законъ тутъ не устанавливалъ, правда, согласія „міра", какъ непремѣннаго условія,—хотя жизнь все равно ввела и это ограниченіе путемъ административной практики. Но это въ сущности была уже излишняя роскошь—скорѣе дань логикѣ крестьянскаго законодательства, нежели дѣло практической необходимости. Эмигрировать изъ своего сословія для русскаго крестьянина значило предпринять шагъ, экономически гораздо болѣе рѣшительный, чѣмъ для западно-европейскаго крестьянина эмигрировать изъ Европы въ Америку. Ибо европейскій эмигрантъ можетъ продать свое имущество и деньги увезти съ собой,—а оставляющій свое „состояніе" крестьянинъ долженъ былъ безвозмездно „сдать" свое главное имущество, свой земельный надѣлъ, той общинѣ, къ которой онъ принадлежалъ. Сколько бы труда и денегъ онъ ни вложилъ въ надѣльную землю—въ формѣ, напримѣръ, уже выплаченныхъ выкупныхъ платежей—все это пропадало даромъ. Любопытно, что наше законодательство знало и болѣе европейскую точку зрѣнія на предметъ: нѣкоторые разряды населенія Россіи имѣли право, выходя изъ общины, требовать себѣ вознагражденія за отходящій къ общинѣ надѣлъ. Но такимъ правомъ были надѣлены *башкиры*,—мало интересные для помѣщиковъ коренной России...

Прикрѣпленный къ землѣ „свободный" крестьянинъ являлся самымъ удобнымъ объектомъ ростовщической эксплоатаціи, какой только можно придумать. Современные наблюдатели прекрасно это видѣли и понимали. „Но этого еще мало, что мужикъ простъ, вывертовъ не знаетъ (Бога боится), *онъ еще крѣпокъ землѣ* и всегда впереди ожидаетъ нужды. Сегодня не отдашь долга—завтра уже не дадутъ, а кто же знаетъ, что

завтра не понадобятся деньги, хлѣбъ, покосъ, дрова и пр. и пр. Нѣтъ, въ отношеніи отдачи долговъ мужики гораздо удобнѣе, чѣмъ люди нашего класса, и мнѣ никогда не случалось столько хлопотать о полученіи съ крестьянъ проданнаго въ долгъ хлѣба, сколько случалось прежде хлопотать о полученіи изъ иныхъ редакцій денегъ за статьи" *). Крѣпость мужика землѣ позволяла деревенскому кулаку брать съ него 120% годовыхъ. Но помѣщикъ, понимавшій свои интересы, никогда не прельщался никакими денежными выгодами: и какъ отрѣзки никогда не отдавались въ аренду ни за какія деньги, а „непремѣнно подъ работу", такъ и долгъ крестьянина помѣщику взыскивался непремѣнно работой же.

„Въ апрѣлѣ ко мнѣ пришелъ разъ довольно зажиточный мужикъ, у котораго не хватило хлѣба, съ просьбой дать ему взаймы денегъ на два куля ржи. — Дай ты мнѣ, А. Н., пятнадцать рублей денегъ взаймы до Покрова; я тебѣ деньги въ срокъ представлю, какъ сѣмя продамъ, а за процентъ десятину лугу уберу.

— Не могу, а если хочешь, возьмись убрать три десятины лугу: по 5 рублей за десятину дамъ. Деньги всѣ впередъ.

— Нельзя, А. Н.

— Да вѣдь хорошую цѣну даю, по 5 рублей за десятину; самъ знаешь, какой лугъ; если 100 пудовъ накосишь, такъ и славу Богу.

— Цѣна хороша, да мнѣ-то невыгодно. Возьму я три десятины лугу убирать, значитъ свой покосъ упустить долженъ—хозяйству разстройство..."

*) „Изъ деревни", стр. 111. Курс. нашъ.

Но на „разстройствѣ" мужицкаго хозяйства и держался весь расчетъ землевладѣльца. Разорившійся крестьянинъ оставался вѣчнымъ должникомъ и вѣчнымъ работникомъ на барскомъ полѣ не хуже крѣпостного. Энгельгардтъ очень осуждалъ такую систему хозяйства, у себя онъ все старался дѣлать при помощи настоящаго наемнаго труда, но общій уровень экономическаго развитія страны отражался и на самыхъ прогрессивныхъ хозяйствахъ. „...Я измѣнилъ всю систему хозяйства", пишетъ онъ: „*значительная* часть работы производится батраками и поденщиками". Значительная часть, но не всѣ работы: „часть земли я сдаю на обработку крестьянъ кругами, потому что иначе мнѣ трудно было бы справиться со жнитвомъ ржи" *).

Еще болѣе архаическимъ покажется намъ самое передовое хозяйство Смоленской губерніи, если мы присмотримся къ способу, какимъ въ немъ вознаграждались сами наемные работники. Скотникъ Энгельгардта нанимался, во-первыхъ, не въ одиночку, а всей семьей: „старшіе ребята помогаютъ раздавать кормъ" и сторожатъ скотъ, жена скотника „доитъ коровъ", „поитъ телятъ, кормитъ ягнятъ". А получала эта семья за свой трудъ въ лицѣ своего главы „60 рублей деньгами, 6 кулей 6 мѣръ ржи, 2 куля овса, $1^1/_2$ куля ячменя", кромѣ того, держала на хозяйскомъ корму корову и овцу, имѣла маленькій огородъ, который обрабатывала сама, получала мѣсто для посѣва одной мѣрки льна и одной осьмины картофеля, получала 2 порціи водки—для самого скотника

*) „Изъ деревни", стр. 116, 211.

и его жены—по воскресеньямъ и праздникамъ и часть молочныхъ продуктовъ. Читая этотъ дословно воспроизведенный нами изъ „Писемъ“ Энгельгардта перечень, кажется, что видишь передъ собою средневѣковый картуларій или писцовую книгу Московской Руси.

Таковъ былъ „сельскій пролетаріатъ“ средней полосы Россіи въ 70-хъ годахъ XIX вѣка. Для полноты картины остается отмѣтить, что и положеніе фабрично-заводского пролетаріата отличалось отъ только что изображенной картины не очень сильно. Какъ сельско-хозяйственный работникъ былъ неоплатнымъ должникомъ помѣщика, такъ работникъ фабричный былъ въ такомъ же неоплатномъ долгу у хозяина фабрики. „Угнетенные до крайности безвыходной задолженностью хозяину, они (фабричные рабочіе) нерѣдко бываютъ поставлены въ невозможность не только уплачивать повинности и содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточныя средства на личное пропитаніе“, говоритъ одинъ офиціальный документъ 80-хъ уже годовъ. Натуральная форма оплаты труда была и здѣсь настолько распространена, что первымъ фабричнымъ законамъ временъ Александра III пришлось вести формальную борьбу съ „расплатою товаромъ, хлѣбомъ“ и тому подобнымъ. Порядки пореформенной фабрики настолько же близко напоминали порядки крѣпостной вотчины, насколько это было доступно и для дворянскаго имѣнія этой эпохи. Фабрикантъ у себя дома былъ такимъ же бариномъ. „До какой степени право свободнаго договора фабричнаго рабочаго съ хозяиномъ до введенія новыхъ законовъ являлось фикціей, можно видѣть изъ того, что до 1886 г. въ условіи рабочаго договора включались иногда пункты такого рода: рабочій обязуется не оставлять работу до истеченія срока договора подъ опасеніемъ уплаты штрафа вдвойнѣ противъ наемной платы за все недожитое время; а фабрикантъ оставляетъ за собой право уволить рабочаго по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ во всякое время, уплативъ ему деньги по день дѣйствительнаго служенія. Въ особенности, великъ былъ произволъ фабрикантовъ въ дѣлѣ наложенія штрафовъ. Фабриканты штрафовали рабочихъ, за что имъ вздумается и въ любыхъ размѣрахъ. Поводы къ штрафамъ были крайне разнообразные и иногда довольно курьезные: такъ, напримѣръ, рабочіе облагались штрафами за перелѣзаніе черезъ фабричный заборъ, за охоту въ лѣсу, за „сборище нѣсколькихъ человѣкъ въ одну кучу“ и т. п.“ *).

На три четверти крѣпостной деревнѣ соотвѣтствовала полукрѣпостная фабрика. И экономическіе результаты не могли быть иными: наша обрабатывающая промышленность въ пореформенное время развивалась почти такъ же туго, какъ и крупное сельское хозяйство. И, какъ и въ послѣднемъ, здѣсь былъ не только застой, но и регрессъ. Только что цитированный нами авторъ обращаетъ, между прочимъ, вниманіе на исчезновеніе въ 60-хъ годахъ цѣлаго ряда суконныхъ фабрикъ. Нѣ-

*) Туганъ-Барановскій. „Русская фабрика“, т. I, изд. 2-е, стр. 418.

сколько преувеличенное почтеніе къ „навсегда незабвенной эпохѣ 60-хъ годовъ“ *) заставляетъ его искать причину этого явленія только въ томъ, что на суконныхъ фабрикахъ дореформенной эпохи преобладалъ принудительный трудъ,—и онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что на мѣсто закрывавшихся дворянскихъ фабрикъ, жившихъ фабричной барщиной крѣпостныхъ, открывались купеческія, основанныя исключительно на свободномъ трудѣ. Но при своемъ оптимизмѣ онъ не можетъ не признать, что „вообще суконное производство несомнѣнно испытало сильное потрясеніе отъ крестьянской реформы“, и приводимыя имъ цифры не оставляютъ никакого сомнѣнія, что „потрясеніе“ дѣйствительно было:

годы	число фабрикъ	число рабочихъ	ежегодное производство (въ тыс. руб.)
1860	432	94.721	26.204
1863	365	71.797	26.083

Такъ какъ на эти же годы падаетъ хлопчатобумажный кризисъ, созданный сѣверо-американской междоусобной войной, то тутъ не приходится даже говорить о конкуренціи хлопка съ шерстью **): просто было уменьшеніе абсолютной суммы производства, безъ какого-либо эквивалента. И такой же ничѣмъ не вознаграждаемый регрессъ мы находимъ въ другой важнѣйшей отрасли индустріи, въ металлургіи. Потребленіе страною желѣза и каменнаго угля, какъ извѣстно, служитъ почти несомнѣннымъ барометромъ ея хозяйственнаго прогресса. Въ Россіи 60-хъ годовъ этотъ барометръ давалъ такія показанія:

годы	количество чугуна, выплавляемаго въ Россіи (въ тыс. пуд.)
1860	20.468
1861	19.451
1862	15.268
1869	20.104

Даже къ концу десятилѣтія производство не поднялось до послѣдней дореформенной цифры. 1861 годъ и здѣсь заставилъ „испытать сильное потрясеніе“. Но тутъ особенно ясно, что крестьянская реформа, какъ таковая, здѣсь ни причемъ: на Уралѣ, тогдашнемъ центрѣ нашей желѣзодѣлательной промышленности, всего больше сохранилось остатковъ крѣпостного права. Онъ тяжелѣе всего и поплатился—не за реформу, а за недодѣланность реформы, за попытку искусственно поддержать устарѣвшія формы труда. Привязать рабочихъ къ заводу на Уралѣ могло лишь прямое, внѣ-экономическое принужденіе, — т. е. попросту голое насиліе: разъ оно ослабилось, не смѣнившись новыми, свободными отношеніями, началось повальное бѣгство рабочихъ съ заводовъ, причемъ вольные рабочіе не появлялись на мѣсто ушедшихъ. Изъ одного Богословскаго округа сразу ушло около $^3/_4$ взрослаго мужского населенія *).

Но застойный и реакціонный характеръ пореформеннаго хозяйства выражался не только въ устарѣлой

*) Ibid., 385.

**) Количество хлопка, поступившаго въ переработку въ 1860 году—2.840 тыс. пуд., въ 1861—2.643 тыс. п., въ 1862—850 тыс. п., въ 1863—1.083 тыс. пуд.; пряжи въ 1860—145 тыс. п., 1861 — 142 тыс. п., 1862—97 тыс. п. и т. д.

*) Для всѣхъ выше приведенныхъ данныхъ см. названное сочиненіе г. Туганъ-Барановскаго, стр. 308 и слѣд.

организацiя труда со всѣми ея послѣдствiями. Если положенiе рабочаго напоминало средние вѣка, то повадки и привычки капиталиста были тоже средневѣковыя. Сельскохозяйственный и индустрiальный капитализмъ развивался плохо—зато процвѣталъ ростовщическiй капиталъ. Высшаго своего расцвѣта достигъ ростовщическiй капитализмъ въ разсматриваемую эпоху въ желѣзнодорожномъ строительствѣ. Постройка желѣзныхъ дорогъ, какъ это было правильно оцѣнено еще Энгельсомъ въ 70-хъ годахъ составляетъ крупнѣйшiй фактъ русской экономической исторiи во вторую половину XIX вѣка. Позднѣйшiя явленiя этой исторiи—промышленный подъемъ 80-хъ—90-хъ годовъ,—поскольку они не зависѣли отъ внѣшнихъ причинъ, напримѣръ, притока иностранныхъ капиталовъ въ видѣ займовъ, а опредѣлялись туземными условiями, приходится возводить гораздо болѣе къ этому факту, нежели къ „великимъ реформамъ". Но если желѣзныя дороги дали огромный толчокъ развитiю капитализма въ Россiи, то было бы очень ошибочно считать ихъ появленiе доказательствомъ существованiя уже въ наличности развитого капитализма. Исторiя ихъ постройки свидѣтельствуетъ какъ разъ о противоположномъ. Инициатива постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россiи, какъ всѣмъ извѣстно, принадлежала правительству. Хотя теоретически всѣ были согласны въ пользѣ и необходимости усовершенствованныхъ путей сообщенiя, тѣмъ не менѣе частная предпрiимчивость не только не взяла на себя почина въ дѣлѣ, но и не очень скоро и охотно оказала поддержку такому почину, когда онъ явился со стороны. Первое частное желѣзнодорожное общество у насъ („Главное Общество россiйскихъ желѣзныхъ дорогъ") было основано въ концѣ 50-хъ годовъ группою иностранныхъ, преимущественно французскихъ, капиталистовъ. Цѣлый рядъ туземныхъ попытокъ въ томъ же направленiи кончился полной неудачей. Причина всегда была одна и та же: отсутствiе капиталовъ. Чрезвычайно характерно, что суррогатъ этого необходимаго условiя наши первые желѣзнодорожные предприниматели пытались найти—въ возможно тѣсныхъ связяхъ съ правящими сферами. Въ числѣ „учредителей" — номинальныхъ, само собою разумѣется— этихъ неудавшихся желѣзнодорожныхъ компанiй мы встрѣчаемъ графовъ Ржевусскихъ, Лубенскихъ, Браницкихъ, Адлерберговъ, Ланскихъ, Строгановыхъ, Толстыхъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ, Барановыхъ, Апраксиныхъ, Голенищевыхъ-Кутузовыхъ, Воронцовыхъ-Дашковыхъ, шталмейстера Нарышкина, гофмейстера Абазу и даже генералъ-адъютанта Тотлебена съ принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ. Любопытно, что счастливымъ соперникомъ двухъ послѣднихъ явился въ концѣ концовъ... подрядчикъ Губонинъ. Какъ видимъ, наша высшая знать нисколько не конфузилась чисто „купеческихъ" занятiй и на этомъ пути не стыдилась конкуренцiи съ настоящими купцами, хотя конкуренцiя и не всегда была удачной *). Но эмансипи-

*) Фактъ этотъ настолько билъ въ глаза, что вызвалъ спецiальное правительственное вмѣшательство: Александръ II обра-

ровавшіеся отъ средневѣковыхъ предразсудковъ аристократы приносили съ собою только громкія имена и „связи“, а не капиталы: капитала они искали сами. И присутствіе именно ихъ въ такомъ изобиліи въ числѣ „учредителей“ показываетъ, въ какую сторону направлялись поиски: денегъ искали не столько въ частной кубышкѣ, сколько въ казенномъ сундукѣ. Но казна какъ разъ въ это время была озабочена выкупной операціей, отъ которой опасались чуть не государственнаго банкротства, и поневолѣ была еще скупа. Является вопросъ: неужели карманы частныхъ лицъ были такъ пусты въ то время? Вовсе нѣтъ, какъ разъ въ это время приходится говорить скорѣе объ избыткѣ, чѣмъ о недостаткѣ частныхъ капиталовъ. Наличность въ банкахъ и сохранныхъ казнахъ составляла въ 1855 году (въ разгарѣ Крымской войны) 20.445.000 рублей, на 1 января 1857 года 104.570.000 р., а на 1 іюля того же года уже 140 милліоновъ. Но владѣльцы этихъ капиталовъ предпочитали небольшой %, платившійся казною по вкладамъ, болѣе крупному доходу, связанному съ какимъ бы то ни было рискомъ. Въ концѣ концовъ эти находившіеся на казенномъ содержаніи капиталы стали такъ угнетать самое казну, что она приняла рѣшительныя мѣры, дабы выгнать ихъ изъ ихъ убѣжищъ на рынокъ: % платежей по вкладамъ въ короткое время былъ уменьшенъ съ 4 до 2. Цифры, въ которыхъ выразился отливъ капиталовъ, до тѣхъ поръ мертвымъ грузомъ лежавшихъ на казнѣ, чрезвычайно поучительны: съ 1 января 1859 года по 22 іюля 1860 г. было взято изъ казеннаго сундука 580.210.000 руб.— болѣе третьей части того, что вообще было затрачено на постройку желѣзныхъ дорогъ за десятилѣтіе 1865—1875 г. (1.544 милліона рублей). Но далеко не всѣ эти деньги нашли себѣ производительное употребленіе: большая часть ихъ укрылась въ привычное и безопасное убѣжище казенныхъ же процентныхъ бумагъ: 5% государственные займы поднялись на 15% выше pari, а 6% даже на 36%, тогда какъ акціи Главнаго Общества послѣ небольшого подъема въ декабрѣ 1860 года опять стояли уже ниже номинальной цѣны. Волей-неволей правительству пришлось приспособляться къ господствующимъ нравамъ и обычаямъ, — и желѣзнодорожныя предпріятія были уподоблены государственнымъ займамъ: доходъ отъ желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій по большей части сталъ гарантироваться правительствомъ въ предѣлахъ извѣстнаго минимума, такъ что предприниматели, не теряя надежды на барыши, избавлялись отъ всякаго риска. При такомъ порядкѣ покупать правительственныя или желѣзнодорожныя бумаги стало почти одно и то же, и капиталы стали притекать къ желѣзнодорожному строительству. Но уважалась гарантія только пра-

тилъ вниманіе министра финансовъ Рейтерна на то, что основаніе новыхъ желѣзнодорожныхъ компаній принимаетъ иногда „характеръ откупныхъ сдѣлокъ“. Чтобы положить этому конецъ, Рейтернъ предложилъ комитету министровъ — „устранить отъ желѣзнодорожнаго дѣла авантюристовъ и лицъ, по своему служебному положенію имѣющихъ болѣе или менѣе непосредственное вліяніе на государственное управленіе“...

вительственная: гарантированныя земствомъ акціи и облигаціи брались гораздо менѣе охотно, и почти третью часть всѣхъ гарантированныхъ земствами желѣзнодорожныхъ бумагъ пришлось скупить казнѣ. Вполнѣ логично и естественно было при такихъ условіяхъ, что и самыя дороги отнюдь не имѣли характера солидныхъ, раціонально организованныхъ капиталистическихъ предпріятій. Какъ создавались „земскія" дороги, объ этомъ въ беллетристической формѣ обстоятельно разсказано въ извѣстныхъ очеркахъ Сергѣя Атавы („Оскудѣніе"). Разсказъ послѣдняго можетъ показаться сплошнымъ анекдотомъ, но сухія цифры вполнѣ подтверждаютъ историческую достовѣрность этого анекдота. Русскія желѣзныя дороги, какъ извѣстно, вышли самыми дорогими въ Европѣ: если бы русская равнина была перерѣзана цѣльнымъ рядомъ хребтовъ, въ родѣ альпійскаго, онѣ едва ли стоили бы дороже. Но мы были бы очень несправедливы къ нимъ, если бы предположили, что русскія дороги построены черезчуръ роскошно и неразсчетливо. Самая важная часть, устройство пути, у насъ обошлась дешевле относительно, чѣмъ во Франціи, Пруссіи или Австріи: вездѣ расходы на эту часть составляли отъ 57 до 78%—у насъ менѣе 50%. Подвижной составъ во Франціи и Пруссіи тоже обошелся относительно дороже русскаго. А эксплоатація этого подвижного состава была у насъ такъ экономна, что это болѣе чѣмъ объясняло изобиліе крушеній въ первое время: на одинъ пассажирскій вагонъ приходилось въ Россіи болѣе $^3/_4$ пассажиро-версты, тогда какъ во всей остальной Европѣ не болѣе $^1/_3$; на одинъ товарный—3,7 пудо-версты, а въ Австріи, Германіи и Франціи—менѣе 3. Иными словами, каждый пассажирскій нашъ вагонъ работалъ вдвое болѣе иностраннаго, а каждый товарный болѣе на 25%. Дороговизна русскихъ дорогъ останется для насъ трудной загадкой, пока мы не взглянемъ въ графы расхода, обозначенныя „потеря при реализаціи", „управленіе", „общіе расходы и *негласныя издержки*". По всѣмъ этимъ графамъ Франція, напримѣръ, израсходовала всего 3,7% всего капитала, а Россія—32,7%: почти ровно треть. Преодолѣть треніе устарѣвшаго, заскорузлаго общественнаго механизма стоило намъ не меньше, чѣмъ европейцамъ— прорѣзать рельсовымъ путемъ Альпы *).

Явно ростовщическій характеръ единственнаго крупнаго предпріятія, удавшагося пореформенной Россіи, не менѣе показателенъ для ея экономическаго положенія, чѣмъ неудача капитализма въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ. Мы не можемъ, конечно, судить, что дало бы въ результатѣ полное крушеніе стараго порядка. Примѣръ странъ Западной Европы, болѣе рѣшительно порвавшихъ со своимъ прошлымъ,—возьмемъ ли мы послѣ-революціонную Францію или хоть бы даже только Германію эпохи „объединенія"—даетъ однако основаніе думать, что и мы имѣли бы въ этомъ случаѣ такой расцвѣтъ производительныхъ силъ, о которомъ и мечтать не приходилось пореформенной Россіи 60-хъ—70-хъ годовъ. Починка

*) Для всѣхъ приведенныхъ данныхъ см. Бліохъ.—Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, тт. I и V.

стараго платья въ концѣ концовъ обошлась, какъ это всегда бываетъ, дороже, чѣмъ совсѣмъ новый костюмъ. Но мы были бы очень дурного мнѣнія объ экономикѣ, если бы думали, что она совсѣмъ и навсегда безсильна справиться съ политикой. Экономическая природа, какъ и всякая другая, если ее гонятъ въ дверь, входитъ въ окно. „Новое общество", какія бы колодки ни были на него набиты реакціей, двигалось впередъ,—медленнѣе, чѣмъ оно шло бы безъ этихъ колодокъ, но вѣрнымъ шагомъ. Деревня и долго послѣ казалась друзьямъ стараго порядка самымъ надежнымъ оплотомъ противъ всякихъ новшествъ: стоитъ вспомнить хотя бы „конституцію" 6-го августа 1905 года. Мы знаемъ, что съ тѣхъ поръ ихъ постигло жестокое разочарованіе. Но при нѣсколько большей наблюдательности они могли бы начать разочаровываться задолго до осени 1905 года. Безъ этихъ ростковъ „новаго общества", пробивавшихъ даже твердую кору полукрѣпостной деревни 70-хъ годовъ, картина пореформеннаго соціальнаго строя была бы не полной. Мы могли бы принять за совершенный застой то, въ чемъ было все же нѣкоторое движеніе, и мы бы не поняли, съ чѣмъ же еще приходилось бороться реакціи 80-хъ годовъ, тогда какъ, казалось, уже реакціонеры 1861 года сдѣлали все, что можно и нужно было для достиженія ихъ цѣлей.

Мы видѣли, что крѣпостные порядки въ деревнѣ держались, главнымъ образомъ, благодаря заботливому охраненію коллективныхъ формъ быта, выработанныхъ въ свое время именно крѣпостнымъ хозяйствомъ для его надобностей. Тщательно охраняли отъ разрушенія процессомъ индивидуализаціи большую семью, общину, крестьянство, какъ сословіе. Ко всѣмъ тремъ крестьянинъ былъ привязанъ неразрывными почти узами. Такъ было юридически; посмотримъ, такъ ли было фактически. Обратимся къ разсказамъ того же Энгельгардта. Мы видѣли, что его скотникъ нанимался въ сущности „всей семьей"; но далеко не всегда такъ было съ сельскими работниками. Крестьянки, которыхъ авторъ нанималъ сдѣльно мять ленъ, обнаруживали совсѣмъ иную тенденцію. „Такъ какъ бабы мнутъ ленъ каждая на себя съ платою отъ пуда, то и вѣшать ленъ нужно у каждой бабы отдѣльно", говоритъ онъ. „Даже родныя сестры, не говоря уже о женахъ родныхъ братьевъ, мнутъ ленъ въ раздѣлъ, каждая на себя, и не согласятся класть ленъ въ одну кучу и вѣшать вмѣстѣ, а заработную плату дѣлить пополамъ, потому что сила и ловкость не ровная, да и стараться такъ не будутъ и, работая вмѣстѣ, наминать будутъ менѣе, чѣмъ работая каждая порознь. Только мать съ дочерью иногда вѣшаютъ вмѣстѣ, но и это лишь тогда, когда мать работаетъ на дочь и всѣ деньги идутъ дочери" *). Изъ другого мѣста мы узнаемъ, что подобная индивидуализація женскаго труда проявлялась не только на сдѣльной работѣ, а во всемъ семейномъ обиходѣ. „Я говорилъ, что баба лѣтомъ обязана работать на дворѣ на хозяина, будетъ ли баба ему жена, сестра, невѣстка, какъ батрачка. Къ этой работѣ бабы боль-

*) „Изъ деревни", 234.

шею частью особенно въ многосемейныхъ домахъ относятся, какъ батрачки: „хозяйской работы-де не передѣлаешь". Зиму баба работаетъ на себя, и главное ея занятіе—прясть волну и ленъ ткать, сверхъ того, все, что баба зимою заработаетъ на сторонѣ, поступаетъ въ ея собственность. Мужчина ничего не даетъ бабѣ на покупку одежды, баба одѣвается на свой счетъ, мало того, баба должна одѣвать своего мужа и дѣтей" *). Индивидуализація идетъ однако такъ далеко, что и эти семейныя обязанности лежатъ на женщинѣ лишь до тѣхъ поръ, пока семья, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, фактически существуетъ. „Замѣчательно, что баба считаетъ себя обязанною одѣвать мужа и мыть ему бѣлье *только до тѣхъ поръ, пока онъ съ нею живетъ*. Разъ мужъ измѣнилъ ей, сошелся съ другой, первое, что баба дѣлаетъ—это отказывается одѣвать его: „живешь съ ней, пусть она тебя и одѣваетъ, а я себѣ найду". „Угроза эта обыкновенно дѣйствуетъ очень сильно", прибавляетъ Энгельгардтъ,—поясняя въ примѣчаніи, что въ этой области деревенская женщина „пользуется полнѣйшей свободой" **).

Итакъ, юридически неразрывная крестьянская семья на практикѣ вовсе не представляетъ собою экономически единаго цѣлаго,—какъ это непрочь иногда утверждать по традиціи даже и тотъ авторъ, котораго мы только что цитировали. Но одна ли женщина была захвачена процессомъ экономической эмансипаціи? Изъ одного случайнаго упоминанія мы узнаемъ, что вовсе нѣтъ—то, что авторъ говоритъ о женщинѣ, съ полнымъ правомъ могло бы быть распространено на всѣхъ членовъ семьи. „Отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ при рытьи канавы дѣлятъ ее на участки и каждый отдѣльно гонитъ свой участокъ", разсказываетъ Энгельгардтъ о нанимавшихся имъ землекопахъ *). Весь этотъ рядъ примѣровъ не могъ не навести на обобщеніе и самого автора, хотя онъ въ теоріи великій сторонникъ крестьянскаго коллективизма—артелей, общины,—разумѣется, идеализированной — и т. д. „Въ моихъ письмахъ я уже много разъ указывалъ на сильное развитіе индивидуализма въ крестьянахъ, на ихъ обособленность въ дѣйствіяхъ, на неумѣніе, *нежеланіе, лучше сказать*, соединяться въ хозяйствѣ для общаго дѣла" **). Онъ думаетъ, что это происходитъ отъ неразвитости крестьянъ, что, когда они лучше поймутъ свою выгоду, они будутъ охотнѣе соединяться. Но его же собственныя фотографіи деревенской жизни безжалостно изобличаютъ его экономическій романтизмъ. Онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ того, что коллективизмъ въ деревнѣ идетъ въ убывающей прогрессіи,—вполнѣ раздѣляя въ этомъ случаѣ судьбу натуральнаго хозяйства. „Крестьяне обыкновенно берутъ работу сообща", разсказываетъ онъ, „или цѣлой деревней, или нѣсколько товарищей, согласившись вмѣстѣ. *Въ послѣднее время это однако уже начинаетъ выводиться* и на многія работы начинаютъ наниматься отдѣльно, одиноч-

*) Ibid., 209.
**) Ibid., 210 и примѣч.

*) Ib., 290.
**) Ib., 320.

ками, обыкновенно подъ руководствомъ мѣстнаго воротилы, который тогда уже получаетъ названіе рядчика... Взявъ работу сообща, крестьяне производятъ ее въ раздѣлъ— *каждый свою часть работаетъ отдѣльно отъ другихъ* и получаетъ соотвѣтствующую часть изъ заработной платы. При крѣпостномъ правѣ крестьяне многія работы производили огульно, такъ какъ во многихъ случаяхъ огульная работа гораздо выгоднѣе, и потому первые годы послѣ „Положенія" крестьяне по старой привычкѣ еще производили нѣкоторыя работы сообща, огульно, и не тяготились такими работами, но теперь на огульныя работы иначе нельзя нанять, какъ при особенныхъ условіяхъ съ отвѣтственнымъ рядчикомъ, который стоитъ къ артели почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ хозяинъ къ батракамъ, съ тою только разницею, что онъ артельщика, который залѣнился, не только выругаетъ, но и по уху свиснетъ или отправитъ безъ расчета..." *). Выходитъ такимъ образомъ, что крестьяне лучше „понимали свою выгоду" при крѣпостномъ правѣ и вновь обрѣтали эту способность только, тогда попадали въ условія, очень напоминавшія доброе старое время. Очевидно, что понятіе о „собственной выгодѣ" у интеллигентнаго народника и у наблюдавшагося имъ народа было весьма различное.

Перечитывая „письма изъ деревни", нельзя не замѣтить, что паденіе крѣпостного коллективизма шло рука объ руку съ паденіемъ натуральнаго хозяйства и кабальной зависимости крестьянъ отъ помѣщика. Когда Энгельгардтъ пріѣхалъ хозяйничать, наиболѣе распространеннымъ типомъ эксплоатаціи крестьянскаго труда была сдача помѣщикомъ крестьянамъ „круговъ" или „кружковъ", „т. е. за 25 рублей" (занятыхъ зимою) „крестьянинъ обрабатывалъ у помѣщика кругъ или три хозяйственныхъ (3.200 кв. саж.) десятины—паровую, яровую, ржаную—и производилъ на нихъ всѣ работы, включая и молотьбу". Это было „дешевле пареной рѣпы": фактически это было полное возстановленіе барщины, только опиравшейся не на право помѣщика требовать труда отъ крестьянина, а на право кредитора заставлять работать своего должника. Такъ было въ 1871 году. „За послѣдніе десять лѣтъ все это мало-по-малу измѣнилось въ „Счастливомъ Уголкѣ". Съ каждымъ годомъ сдать круги становилось все труднѣе и труднѣе, и теперь здѣсь уже нѣтъ крестьянъ, которые брали бы круги изъ-за денегъ. Если нѣкоторыя деревни работаютъ у помѣщиковъ круги, то только для того, чтобы имѣть выгонъ, если этотъ выгонъ они не могутъ нанять за деньги: кабала теперь держалась у сосѣдей Энгельгардта *только на отрѣзкахъ*. Этого условія крестьяне были не въ силахъ измѣнить, и потому ходили на барщину, брали круги — но *брали неохотно*. „Каждая деревня старается взять какъ можно менѣе круговъ— *лишь бы только выгонъ получить*, каждый хозяинъ тоже старается, чтобы на его долю пришлось какъ можно менѣе". „Не нуженъ былъ бы вы-

*) Ib., 204—205.

гонъ, ни за двойную плату, ни за какую бы не работали" *).

Задержанное искусственно, крѣпостное право все же неудержимо отмирало подъ давленіемъ стихійнаго экономическаго процесса. На мѣсто батрацкой деревни, составлявшей нѣчто въ родѣ придатка къ барской экономіи, вырастала деревня свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ. То, о чемъ только одинъ моментъ мечтало правительство—осенью 1859 года,—то, къ чему безуспѣшно стремилось меньшинство редакціонныхъ комиссій, складывалось само собою. Защитникамъ классовыхъ помѣщичьихъ интересовъ пришлось поставить на пути экономической эволюціи цѣлый рядъ новыхъ запрудъ, чтобы еще на два десятилѣтія задержать движеніе: то было крестьянское законодательство 80-хъ годовъ, которое мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ. Съ своей точки зрѣнія и оно было вполнѣ цѣлесообразно. „Новая деревня" мало отвѣчала ожиданіямъ нашихъ романтиковъ, мечтавшихъ о сельскомъ коммунизмѣ — она носила на себѣ всѣ отрицательныя черты возникающаго буржуазнаго строя, но тѣмъ страшнѣе она была для умирающаго феодализма. „Каждый мужикъ въ извѣстной степени кулакъ, щука, которая на то и въ морѣ, чтобы карась не дремалъ", признавался бытописатель этой новой деревни. „Въ моихъ письмахъ я не разъ указывалъ на то, что хотя крестьяне и не имѣютъ еще понятія о наслѣдственномъ правѣ собственности на землю—земля ничья, земля царская—но относительно движимости понятіе о собственности у нихъ очень твердо. Я не разъ указывалъ, что у крестьянъ крайне развитъ индивидуализмъ, эгоизмъ, стремленіе къ эксплоатаціи. Зависть, недовѣріе другъ къ другу, подкапываніе одного подъ другого, униженіе слабаго передъ сильнымъ, высокомѣріе сильнаго, поклоненіе богатству—все это сильно развито въ крестьянской средѣ. Кулаческіе идеалы царятъ въ ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянинъ, если обстоятельства тому поблагопріятствуютъ, будетъ самымъ отличнѣйшимъ образомъ эксплоатировать всякаго другого, все равно, крестьянина или барина, будетъ выжимать изъ него сокъ, эксплоатировать его нужду" *). Но буржуазный строй былъ логиченъ въ русской деревнѣ 70-хъ годовъ, какъ вездѣ и всюду. „Богачи-кулаки—это самые крайніе либералы въ деревнѣ, самые яростные противники господъ, которыхъ они мало того, что ненавидятъ, но и презираютъ, какъ людей, по ихъ мнѣнію, ни къ чему неспособныхъ, никуда не годныхъ. Богачей-кулаковъ, хотя иногда и ненавидятъ въ деревнѣ, но, какъ либераловъ, всегда слушаютъ, а потому значеніе ихъ въ деревнѣ, въ этомъ смыслѣ, громадное. При всѣхъ толкахъ о землѣ, передѣлѣ, о равненіи, кулаки - богачи болѣе всѣхъ говорятъ о томъ, что вотъ-де у господъ земля пустѣетъ, а мужикамъ затѣсненіе, что, будь земля въ мужицкихъ рукахъ, она не пустовала бы и хлѣбъ не былъ бы такъ дорогъ"... **).

*) Ib., 461—463.

*) Ibid., 491.
**) Ibid., 515.

2.

Механизмъ центральнаго управленія.

Крѣпостные порядки внизу оказывались прочнѣе, чѣмъ думали ихъ противники, смотрѣвшіе со стороны— и притомъ съ высоты птичьяго полета. Но „правительство“ всегда и всюду строится въ конечномъ счетѣ изъ тѣхъ же элементовъ, которые преобладаютъ въ „обществѣ“. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ *), что въ XVIII вѣкѣ организація верховной власти довольно точно воспроизводила организацію вотчиннаго управленія и была проникнута тѣмъ же духомъ: государство было большимъ крѣпостнымъ имѣніемъ, а большое имѣніе—крѣпостническимъ государствомъ въ миніатюрѣ. Государство въ миніатюрѣ оказалось довольно устойчивымъ и выдержало штормъ 1861 года съ гораздо меньшими поврежденіями, чѣмъ можно было ожидать. Его увеличенная копія сохранилась, если это возможно, еще лучше.

Теоретическій смыслъ реформъ Александра I, ихъ руководящая идея, заключались въ томъ, чтобы поставить на мѣсто вліянія „персонъ“ власть „мѣстъ государственныхъ“: на мѣсто лицъ учрежденія. Въ этомъ случаѣ онѣ примыкали къ тому идейному теченію, однимъ изъ первыхъ выразителей котораго былъ еще при Екатеринѣ II гр. Н. И. Панинъ съ его знаменитымъ проектомъ „императорскаго совѣта“. Идя въ томъ же направленіи, кружокъ „молодыхъ друзей“ Александра I пришелъ къ своему проекту—передачи исполнительной власти, ранѣе всецѣло сосредоточенной въ рукахъ одного *лица*—генералъ-прокурора, коллегіи изъ нѣсколькихъ лицъ — *министерству;* потому что по первоначальному плану Чарторыйскаго и Новосильцева имѣлось въ виду созданіе не 8 отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга „министерствъ“, а одного, цѣльнаго учрежденія, всѣ члены котораго были бы между собою солидарны, одинъ отвѣчалъ за всѣхъ и всѣ за одного. Отдѣльный министръ могъ что-нибудь докладывать императору только съ вѣдома и согласія своихъ коллегъ—по смыслу проекта и самый докладъ долженъ былъ производиться не съ глазу на глазъ, а въ собраніи всего „министерства“, всѣхъ министровъ. Но это до такой степени противорѣчило установившимся нравамъ, что индивидуальный докладъ съ самаго же начала былъ сохраненъ, а вмѣстѣ съ ними сохранились и всѣ прежніе прочіе порядки. Такъ какъ остальные министры не знали, о чемъ говорилъ съ императоромъ одинъ изъ ихъ коллегъ, то и контроль всей коллегіи надъ отдѣльными министрами оказывался призрачнымъ. Министръ докладывалъ общему собранію, „комитету министровъ“, только то, что выходило изъ рамокъ текущей практики, или что затрагивало компетенцію не одного, а нѣсколькихъ министерствъ. Причемъ рѣшать, что именно подлежитъ такому докладу, что нѣтъ,—

*) См. выше, часть I—„Россія въ концѣ XVIII вѣка“.

всецѣло зависѣло отъ самого докладчика: иниціативы комитетъ не имѣлъ. Если при Александрѣ Павловичѣ комитетъ министровъ все же дѣйствовалъ довольно энергично, какъ учрежденіе, то это объясняется отчасти тѣмъ, что комитетъ за отсутствіемъ императора подолгу непосредственно руководилъ общей политикой, внѣшней и внутренней, отчасти тѣмъ, что ему приходилось выдерживать борьбу съ сосѣдними учрежденіями, старыми и новыми: съ одной стороны, сенатомъ, которому номинально министры были обязаны ежегоднымъ отчетомъ, что, конечно, скоро стало совершеннѣйшей фикціей; съ другой стороны, государственнымъ совѣтомъ, съ 1810 г. заявлявшимъ притязаніе на первое мѣсто въ государственномъ механизмѣ. Какъ только и это послѣднее учрежденіе было „введено въ границы" и стало тѣмъ полнымъ ничтожествомъ, какимъ засталъ его 1905 г. — объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже,—какъ только, съ другой стороны, императорская власть, въ лицѣ Николая Павловича, стала болѣе осѣдлой, отъ „министерства" въ западно-европейскомъ смыслѣ стали исчезать послѣдніе слѣды. Министры превратились въ приказчиковъ, самостоятельно завѣдующихъ каждый ввѣреннымъ ему отдѣломъ государевой вотчины, ни передъ кѣмъ не отвѣчая, кромѣ своего государя, и ни отъ кого, кромѣ него, не завися. Генералъ-прокуроръ XVIII вѣка размножился, вмѣсто одного лица теперь было болѣе десятка, но управленіе не стало отъ того менѣе личнымъ. Въ началѣ своего царствованія Николай дѣлалъ попытки регламентировать, о чемъ министръ можетъ докладывать непосредственно, а что должно итти черезъ тѣ или другія учрежденія; главнымъ мотивомъ было желаніе избавиться отъ массы мелочей, которою заваливали носителя верховной власти министерскіе доклады. Но едва ли можно найти документъ, болѣе неопредѣленно выражавшійся, чѣмъ эти инструкціи николаевскимъ министрамъ, имѣвшія задачей именно опредѣлить возможно точнѣе кругъ дѣлъ, подлежавшихъ непосредственному докладу. Въ инструкціи министру внутреннихъ дѣлъ, напримѣръ, сюда были отнесены и „дѣла, особой тайнѣ подлежащія", и „чрезвычайные случаи по всѣмъ предметамъ, подлежащіе къ доведенію немедленно до Высочайшаго свѣдѣнія или къ *испрошенію Высочайшихъ повелѣній для выиграния времени*, или по другимъ особеннымъ на то уваженіямъ", и, наконецъ, уже прямо и откровенно „разные неопредѣленные случаи"... Двѣ вещи только были оговорены достаточно точно: „дозволеніе на пріѣздъ депутацій отъ дворянъ" да „о злоумышленныхъ тайныхъ обществахъ". Высшую политическую полицію Николай Павловичъ никоимъ образомъ не желалъ выпускать изъ-подъ своего личнаго надзора, все прочее было, въ сущности, предоставлено такту его министра внутреннихъ дѣлъ *).

Составитель одной записки о нашемъ центральномъ управленіи, возникшей въ высшихъ сферахъ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ самомъ на-

*) Именной указъ министру внутреннихъ дѣлъ 3-го мая 1829 года. 2-е Полное Собраніе Законовъ, № 2857.

чалѣ царствованія преемника Николая Павловича, очень сѣтуетъ на такую политическую практику покойнаго государя. „Величественный образъ императора Николая I запечатлѣнъ въ исторіи благородствомъ его идей и поступковъ, твердостью характера, любовью его къ отечеству, истинно христіанскимъ направленіемъ; образъ этотъ не боится критики. Потому должно сказать, что, въ противность всѣмъ великимъ государственнымъ людямъ и теперешнимъ правиламъ правленія, императоръ Николай I управлялъ внутри Россіи безъ строго образованной системы“. „Первое, чего ждутъ отъ императора Александра II всѣ просвѣщенные люди, это системы въ управленіи и, слѣдовательно, законодательства, истекающаго изъ постоянныхъ принциповъ и направленнаго къ опредѣленной цѣли, а равно и административныхъ мѣръ, тѣсно связанныхъ одна съ другою“. Завлекая своего высокаго читателя, авторъ записки вызываетъ въ его памяти цѣлую вереницу великихъ именъ, носители которыхъ якобы обязаны были своимъ величіемъ исключительно этому элементарному условію—наличности системы въ ихъ образѣ дѣйствій: Ришелье, Людовикъ XIV, Фридрихъ II, Іосифъ II, Наполеонъ I, въ Россіи Петръ Великій, Екатерина II, Александръ I „въ первую половину своего царствованія“ сильны были именно системой и только ею. Но вполнѣ понимая, что эти возвышенные примѣры могутъ быть легко парализованы соображеніями грубой житейской практики, совѣтчикъ Александра II не стыдится аргументовъ и отъ этой послѣдней. „Государь большой страны, особенно столь обширной, какъ Россія, не долженъ брать на себя невозможнаго; невозможно же, чтобы государь въ Россіи могъ дѣйствительно бодрствовать надъ всѣмъ управленіемъ огромной имперіи; невозможно даже, чтобы онъ посвящалъ ежедневно много часовъ механической работѣ, подписывая и прочитывая многочисленныя бумаги второстепенной важности; невозможно, чтобы при такомъ условіи у него оставалось время на важнѣйшіе государственные акты, наконецъ, время для размышленія... Отдохновеніе и свобода, которыми можетъ располагать умъ монарха,—существенныя условія великаго дѣла реформы; особенно въ Россіи необходимо государю править, а не управлять; для послѣдняго достаточно хорошо выработанныхъ орудій“.

Чтобы уподобиться Ришелье и Петру Великому, съ одной стороны, въ достаточной степени воспользоваться „отдохновеніемъ и свободой“ отъ докучныхъ подробностей, съ другой, Александру II рекомендовалось, въ сущности, вспомнить проекты Александра I „въ первую половину его царствованія“: Сперанскаго записка прямо называетъ даже по имени. Необходимо поставить на мѣсто лицъ—учрежденія. Безъ этого „въ Россіи каждый министръ слѣдуетъ болѣе или менѣе своимъ идеямъ. Вникая внимательно въ ихъ управленіе, изумляемся различію ихъ образа дѣйствій, и никто не скажетъ, что это орудія одной политики“. Постановка вопроса была болѣе, нежели историческая: отъ этого аргумента отправлялись строители рус-

ской „государственности“ уже полвѣка, но дальше перваго шага сдѣлать не могли, а потомъ возвращались на прежнее мѣсто. Такъ было и теперь. Высочайшее повелѣніе 12 ноября 1861 года, не упраздняя стараго коллегіальнаго учрежденія, комитета министровъ, но сохраняя его исключительно для „механической работы“ надъ „многочисленными бумагами второстепенной важности“, создало новое, подъ пышнымъ и европейскимъ заголовкомъ „совѣта министровъ“. Сюда должно было итти все новое и дѣйствительно важное: „виды и предположенія по устройству и усовершенствованію разныхъ частей“ и „свѣдѣнія о ходѣ работъ“, предпринятыхъ согласно съ этими видами, „первоначальныя предположенія... о необходимости отмѣнить или замѣнить какой-либо изъ дѣйствующихъ законовъ“, „мѣры, требующія общаго содѣйствія разныхъ вѣдомствъ и управленій“ и „свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства и главнаго управленія“. Предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министровъ самъ императоръ,—какъ Александръ Павловичъ постоянно присутствовалъ въ комитетѣ министровъ въ первые годы его существованія.

Словомъ, весь внѣшній аппаратъ крупной реформы центральнаго управленія былъ на лицо. Не хватало только самой реформы: министры новаго, европейски-солидарнаго кабинета, которые должны были проводить сообща новую политику, по-прежнему подбирались и назначались не по ихъ убѣжденіямъ и взглядамъ, а по личному довѣрію императора. Въ первомъ же совѣтѣ засѣдали рядомъ и представители прогрессивныхъ теченій въ тогдашней бюрократіи, Д. Милютинъ (военный министръ) и Головнинъ (министръ народнаго просвѣщенія), и бывшіе николаевскіе сановники, Блудовъ и Корфъ, и правая рука Муравьева-Виленскаго въ крестьянскомъ вопросѣ, Валуевъ. Послѣдній занималъ исключительно вліятельный постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Поскольку правительственная политика опредѣлялась общими соціальными условіями, общая политика и у этого разношерстнаго правительства, конечно, была. Частичная ликвидація феодальнаго порядка продолжалась въ томъ направленіи и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это было выгодно дворянству. Но это не мѣшало „каждому министру слѣдовать болѣе или менѣе своимъ идеямъ“. И въ то время, какъ въ университетахъ вводилось нѣчто въ родѣ свободы преподаванія и нѣчто въ родѣ академической автономіи, печать подвергалась жесточайшимъ карамъ, и журналы закрывались одинъ за другимъ. Въ то время, какъ судебная реформа стремилась провести, хотя бы теоретически, начала права и законности, насколько они были совмѣстимы вообще съ неконституціоннымъ режимомъ, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ выходили проекты усиленія губернаторской власти, которые отдавали во власть мѣстной администраціи всю жизнь мѣстнаго населенія и должны были упразднить въ Россіи даже теоретическую возможность законности. Вполнѣ понятно, что новая игрушка должна была скоро разонравиться,—и уже черезъ пять лѣтъ весьма важный образчикъ

„видовъ и предположеній“, уже упомянутая нами сейчасъ записка Валуева объ усиленіи губернаторской власти, разсматривалась не въ совѣтѣ, а въ прежнемъ комитетѣ министровъ, усиленномъ нѣсколькими членами. Совѣтъ министровъ не сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ; онъ не получилъ даже особой канцеляріи и постояннаго секретаря, заимствуясь этими служебными органами у стараго комитета. Для засѣданій его не было установлено никакихъ сроковъ, и они являлись торжественной случайностью, не затрагивавшей общаго хода текущихъ дѣлъ. Организація исполнительной власти во вторую половину XIX столѣтія по существу ничѣмъ не отличалась отъ первой.

Реформа органовъ законодательства съ самаго начала, уже при Александрѣ I, была поставлена гораздо рѣшительнѣе. Государственный совѣтъ 1810 года былъ не только теоретическимъ мечтаніемъ о конституціонныхъ учрежденіяхъ, какъ „министерство“ по проектамъ молодыхъ друзей Александра Павловича, — онъ и на практикѣ былъ пробной конституціей. Но отъ успѣха пробы всецѣло зависѣло, удержатся ли эти конституціонныя черты, исторически чуждыя императорскому самодержавію, логически съ нимъ не связанныя. А проба была, какъ мы видѣли, неудачна: русское дворянство оказалось вовсе нерасположеннымъ купить призракъ политическихъ правъ цѣною опасности для вполнѣ реальныхъ преимуществъ своихъ въ соціальной области *). Оставался, конечно, вопросъ, какъ отнеслось бы оно къ настоящей помѣщичьей конституціи, — въ родѣ закона 3 іюня 1907 года: но такъ далеко вести свой экспериментъ Александръ Павловичъ не видѣлъ нужды. Онъ нашелъ возможность примириться съ консервативнымъ большинствомъ гораздо дешевле—просто напросто прекративъ всякія дальнѣйшія попытки политическихъ нововведеній. Какъ скоро этотъ поворотъ совершился, конституціонныя декораціи быстро стали убираться одна за другой,—а законодательная власть вновь усваивать прежній, отнюдь не „европейскій“ обликъ. Шокировавшая вѣрноподданническія чувства Карамзина формула: „внявъ мнѣнію совѣта“ уже черезъ полтора года исчезла изъ заголовка новыхъ законовъ. Уже при Александрѣ I императору стало представляться на утвержденіе мнѣніе не только большинства, но и меньшинства государственнаго совѣта,— что лишало послѣдній всякой возможности хотя бы задержать на время законъ, который большинство членовъ считали нецѣлесообразнымъ. Вполнѣ естественно при такихъ условіяхъ, что „контрасигнированіе“ новыхъ законовъ предсѣдателемъ совѣта, символизировавшее ручательство этого высокаго учрежденія за новый законъ, замѣнилось простой „подписью“, равносильной простой секретарской скрѣпѣ и ручавшейся только за то, что текстъ закона не фальсифицированъ. Эта маленькая, но выразительная перемѣна нашла себѣ мѣсто въ новомъ „Учрежденіи Государственнаго Совѣта“ 1842 года, замѣнившимъ старое „Образованіе“ 1810 года. Въ „Учрежденіи“ императора Николая Павловича окристал-

*) См. часть I, стр. 60.

лизовалась вся эволюція, пережитая высшимъ законодательнымъ органомъ за предшествующіе тридцать лѣтъ; послѣдующее время добавило въ картину очень немного новыхъ штриховъ: государственный совѣтъ, какимъ мы его знали до 1905 года, это именно совѣтъ „Учрежденія". Александръ Павловичъ уже находилъ возможность не стѣсняться мнѣніемъ большинства „сословія",—„непремѣннаго и къ самому существу имперіи принадлежащаго". Его младшій братъ шелъ дальше: онъ допускалъ случай, когда ему не понравится ни одно изъ мнѣній, высказывавшихся въ совѣтѣ. § 112 „Учрежденія" гласитъ: „Если... по дѣламъ, требующимъ высочайшаго утвержденія, при происшедшемъ въ Совѣтѣ разногласіи, Государь Императоръ изволитъ принять заключеніе меньшаго числа голосовъ, *или*, по предмету сего же рода, *единогласно или съ разногласіемъ въ Совѣтѣ рѣшенному, постановитъ особенную резолюцію*, то исполненіе совершается именнымъ указомъ". Но разъ можно было не обращать вовсе вниманія на то, что говорилось въ совѣтѣ, то какой былъ смыслъ стѣснять себя обязательствомъ—непремѣнно всѣ законопроекты проводить черезъ совѣтъ? Учрежденіе 1842 года еще не нашло нужнымъ заявить прямо всѣми буквами, что государь передаетъ въ совѣтъ лишь то, что хочетъ, и что совѣтъ такимъ образомъ вовсе не является „непремѣннымъ" участникомъ законодательства, хотя бы и съ совѣщательнымъ голосомъ. Но логика заставила сдѣлать этотъ шагъ очень скоро: высочайшее повелѣніе 23 января 1851 года формально предусмотрѣло „тѣ особенные случаи, когда по собственному благоусмотрѣнію государя императора повелѣно будетъ представить дѣло прямо его величеству". Характерно, что это высочайшее повелѣніе постѣснились внести въ Полное Собраніе Законовъ: окончательное возвращеніе къ „домашнему" порядку законодательства само осталось на правахъ домашняго распоряженія.

На одномъ эпизодѣ крестьянской реформы мы уже видѣли, что въ началѣ второй половины XIX вѣка дѣла у насъ рѣшались почти такъ же, какъ и въ славный вѣкъ Екатерины. Реформы центральнаго управленія за сто лѣтъ въ совершенствѣ изобразили шагъ на мѣстѣ. Мы видѣли, что въ дѣлѣ организаціи исполнительной власти этотъ шагъ на мѣстѣ былъ повторенъ въ дни „великихъ реформъ 60-хъ годовъ". То же, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ и съ еще меньшими результатами, произошло и въ области законодательства. 30 октября 1858 года по докладу бар. Корфа, главноуправляющаго II Отдѣленіемъ государевой канцеляріи, состоялось высочайшее повелѣніе „войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса — что именно въ нашемъ законодательствѣ должно составить законъ (loi) и что административное распоряженіе (ordonnance administrative)". Корфъ не даромъ былъ воспитанъ въ школѣ Николая I. Онъ мотивировалъ предлагаемое имъ предпріятіе съ необыкновенной осторожностью. Домашній порядокъ законодательства давалъ прежде всего, какъ непосредственный результатъ, необычайное обиліе законовъ: въ первомъ изданіи Свода считалось 42.000 статей, въ третьемъ (1857 года) уже болѣе 100.000. Да-

лѣе, въ этомъ морѣ законовъ не было никакой руководящей мысли, никакой системы; а мы видѣли уже изъ другого документа, современнаго запискѣ Корфа, что именно система считалась первымъ условіемъ, которое должно было способствовать Александру Николаевичу уподобиться Людовику XIV, Наполеону и Петру Великому. Наконецъ, различіе между „закономъ“ и „административнымъ распоряженіемъ“ — невозможное, пока и то и другое одинаково были проявленіемъ одной личной воли,—должно было способствовать насажденію въ Россіи началъ законности. „Все, что разрѣшено при содѣйствіи законодательныхъ сословій и облечено въ извѣстныя формы, признается закономъ, должно быть безусловно исполняемо, пользуется особымъ уваженіемъ и можетъ быть отмѣнено или измѣнено лишь такимъ же порядкомъ. Остальныя правила не имѣютъ ни той святости, ни той силы, ни постоянства“. Смѣшанные въ одну кучу съ „остальными правилами“, у насъ законы раздѣляютъ ихъ участь: съ ними начинаютъ обращаться также непочтительно. „Наряду съ педантичной формалистикой царствуетъ на мѣстахъ всеобщее, всякому извѣстное, безотвѣтственное неисполненіе, можетъ быть, половины того, что содержится въ Сводѣ; неисполненіе, начинающееся съ неимѣющихъ значенія и часто дѣйствительно непримѣнимыхъ правилъ, но легко переходящее къ самымъ важнымъ положеніямъ, ибо тѣ и другія суть одинаково законы; неисполненіе, дошедшее у насъ до размѣровъ, могущихъ испугать человѣка, привыкшаго видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ смотрятъ на государственныя учрежденія и установленія въ другихъ странахъ“.

На самомъ дѣлѣ, однако, Корфъ имѣлъ въ виду нѣчто гораздо болѣе существенное, нежели педагогическое воздѣйствіе на небрежныхъ къ закону чиновниковъ. Кромѣ николаевской школы, главноуправляющій II Отдѣленіемъ прошелъ еще и другую: языкомъ, который могъ слушать, не чувствуя себя задѣтымъ, наслѣдникъ Николая Павловича, говорилъ ученикъ Сперанскаго. Конечнымъ результатомъ реформы, предлагавшейся Корфомъ, было уменьшеніе до крайней степени, если не полное исчезновеніе, высочайшихъ повелѣній, имѣющихъ силу закона. Чтобы имѣть такую силу, высочайшее повелѣніе, по его проекту, должно было быть облечено въ особенно торжественную форму: высочайшаго манифеста, собственноручно подписаннаго, съ приложеніемъ большой государственной печати. Словомъ, это должно было быть рѣдкимъ исключеніемъ; какъ норма же, законопроектъ долженъ былъ проходить черезъ государственный совѣтъ и лишь потомъ представляться на утвержденіе императора. Словесныя высочайшія повелѣнія могли получить силу закона, лишь пройдя этимъ путемъ: министръ, получивъ повелѣніе, отмѣняющее или измѣняющее изданный обычнымъ путемъ законъ, обязанъ былъ принять его, какъ указаніе, что верховная власть желаетъ внесенія въ государственный совѣтъ соотвѣтствующаго законопроекта. Отъ всего этого слишкомъ пахло конституціонными проектами Александра I „первой половины царствованія“. Истинно-ни-

колаевскіе юристы не могли этого не усмотрѣть. Дѣло тянулось четыре года (1858—1862). Наконецъ, смѣнившій Корфа во главѣ II Отдѣленія гр. Панинъ сталъ рѣшительно на ту точку зрѣнія, что все, утвержденное императоромъ, въ Россіи есть законъ, что, конечно, было вполнѣ логично для утвердившейся у насъ системы законодательства. Панинъ соглашался лишь на одно: распредѣлить по содержанію (но не по значенію) высочайшія волеизъявленія на законы и административныя распоряженія. На практикѣ обошлись даже и безъ этого.

Къ чему было тревожить, въ самомъ дѣлѣ, патріархальный режимъ, когда всѣ, за исключеніемъ кучки злонамѣренныхъ людей, были имъ такъ довольны? Крестьяне только что получили свободу — и потому должны были быть довольны. Но и съ дворянствомъ отношенія, казалось, были вновь и прочно налажены. 1862 годъ ознаменовался сценами, живо напоминавшими братаніе Николая Павловича съ его вѣрными дворянами въ 1848 году. Поводъ на этотъ разъ былъ не мрачный и зловѣщій, какъ тогда, не европейская революція, — а нѣчто само по себѣ радостное и пріятное: празднованіе тысячелѣтняго юбилея русскаго государства. По случаю открытія памятника „тысячелѣтія Россіи“ императоръ со всею царской фамиліей ѣздилъ въ Новгородъ. Здѣсь на другой же день по пріѣздѣ имъ была принята депутація новгородскаго дворянства съ хлѣбомъ-солью. На привѣтствіе дворянъ Александръ Николаевичъ отвѣтилъ рѣчью, гдѣ, между прочимъ, было сказано: „На васъ, господа дворяне, я привыкъ смотрѣть, какъ на главную опору престола, защитниковъ цѣлости государства, сподвижниковъ его славы, и увѣренъ, что вы и потомки ваши, по примѣру предковъ вашихъ, будете продолжать вмѣстѣ со мною и преемниками моими служить Россіи вѣрою и правдою (*Государь, будемъ*! съ чувствомъ воскликнули дворяне). Благодарю васъ отъ всей души за радушный пріемъ. Я вѣрю чувствамъ вашей преданности (*Вѣрьте, Государь, вѣрьте!*) и убѣжденъ, что они никогда не измѣнятся“. Крестьянъ приняли только на третій день и старались сказать имъ не столько пріятное, сколько полезное. Александръ II, по словамъ его біографа, „громко и внятно“ сказалъ имъ, „чтобы они не вѣрили кривотолкамъ людей недоброжелательныхъ, исполняли Положеніе 19 февраля и не ожидали иной воли, и всѣмъ объявили, что имъ это сказалъ самъ Государь“. Какъ видимъ, офиціальное ликованіе не вскружило головы Александру Николаевичу, и онъ продолжалъ питать подозрѣніе, что народъ не признаетъ объявленную имъ волю за настоящую. То же было повторено еще болѣе внушительно волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ московской губерніи два мѣсяца спустя. Читая эту послѣднюю рѣчь, можно подумать, что она обращена къ людямъ, которые только что вчера бунтовали и вотъ-вотъ взбунтуются завтра. Вотъ эта рѣчь дословно. „Здравствуйте, ребята! Я радъ васъ видѣть. Я далъ вамъ свободу, но помните, свободу законную, а не своеволіе. Поэтому, я требую отъ васъ, прежде всего, повиновенія вла-

стямъ, мною установленнымъ. Требую отъ васъ точнаго исполненія установленныхъ повинностей. Хочу, чтобы тамъ, гдѣ уставныя грамоты не составлены, онѣ были составлены скорѣе, къ назначенному мною сроку. Затѣмъ, послѣ составленія ихъ, то-есть послѣ 19-го февраля будущаго года, не ожидать никакой новой воли и никакихъ новыхъ льготъ. Слышите ли? Не слушайте толковъ, которые между вами ходятъ, и не вѣрьте тѣмъ, которые васъ будутъ увѣрять въ другомъ, а вѣрьте однимъ моимъ словамъ. Теперь прощайте, Богъ съ вами!“ Дворяне были приняты недѣлею раньше съ „необычайной торжественностью“, по словамъ того же біографа, и слышали вещи, несравненно болѣе пріятныя для самолюбія. „Я надѣюсь на васъ, господа, на ваше единодушіе помогать мнѣ во всемъ, что клонится къ благу и могуществу дорогого отечества нашего“, говорилъ между прочимъ Александръ Николаевичъ. „Да поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ Богъ и да будетъ благословеніе его съ нами! А вы, господа московскіе дворяне, знаете, что я за особую честь считаю принадлежать, какъ помѣщикъ вашей губерніи, къ вашей средѣ...“ Маленькія недоразумѣнія эпохи губернскихъ комитетовъ были, очевидно, основательно забыты.

Классовое содержаніе высшей политики не только Александра II, но и его преемника, было въ сущности дано уже въ 60-хъ годахъ. Съ особенной отчетливостью выразилось оно въ одномъ документѣ, поводомъ къ появленію котораго было покушеніе Каракозова *),—высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя комитета министровъ, кн. Гагарина. Призывая въ лицѣ послѣдняго исполнительную власть „имѣть въ виду содѣйствіе... здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и досслѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ“, рескриптъ такъ конкретнѣе опредѣляетъ „добронадежныя силы“: „Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры“. Но изъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей право собственности считалось, видимо, наиболѣе „добронадежнымъ“: о немъ упомянуто особенно еще два раза, и раньше, и послѣ цитированнаго мѣста. А какой видъ собственности является въ качествѣ опоры порядка наиболѣе цѣннымъ, этого рескриптъ также не скрывалъ. „Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями и *въ особенности* къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, *въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ*“. Послѣ этого уже не могло быть сомнѣній, что должны означать слова рескрипта: „Надлежитъ пользоваться

*) Подробнѣе обо всемъ этомъ дѣлѣ см. „Общественныя движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“.

этими (добронадежными) силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначенiи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленiя". Они могли значить только, что непосредственное управленiе страною попрежнему сосредоточивается въ рукахъ дворянства. Феодальная собственность по старому оставалась господствующей. Буржуазная собственность покровительствовалась—иногда даже къ нѣкоторому матерiальному ущербу феодальной—но не господствовала. Годъ спустя послѣ этого рескрипта было ограничено право земскихъ собранiй облагать налогами торгово-промышленныя предпрiятiя; протесты земствъ противъ этого были грубо подавлены *). Но когда зашла рѣчь о предоставленiи русскому обществу—имущему и цензовому — политическихъ правъ, на первомъ планѣ оказались дворянскiя земства, а буржуазныя городскiя думы на второмъ, даже на третьемъ. Отличiе отъ николаевской эпохи заключалось въ томъ, что дворянство было теперь не одно наверху; но оно все-таки сохраняло всѣ права и прерогативы старшаго сына. А капиталистическая буржуазiя была на положенiи юнаго Венiамина, котораго ласкали и холили,—но еще не давали ему правъ взрослаго человѣка.

Если эти дружескiя и довѣрчивыя отношенiя „правительства" и „общества", въ лицѣ крупныхъ собственниковъ, по временамъ какъ будто нарушались, и возникалъ только что упомянутый нами вопросъ о „политическихъ правахъ" (читатель сейчасъ увидитъ, почему и эти слова приходится ставить въ кавычки), то это было результатомъ не столько внутренняго развитiя, сколько внѣшнихъ осложненiй. Въ 1863 году на горизонтѣ вновь появился призракъ Крымской кампанiи. Императоръ французовъ не оставилъ своей мечты о возстановленiи Польши. Мощное развитiе польскаго нацiональнаго движенiя въ началѣ 60-хъ годовъ подогрѣло и оживило его планы. Имъ помогало еще и то, что и Австрiя была не прочь поправить на востокѣ свои дѣла, окончательно испортившiяся на юго-западѣ, въ Италiи. Въ Англiи польское дѣло пользовалось полнымъ сочувствiемъ. Россiя, казалось, вновь была наканунѣ войны изъ - за Польши съ тѣми самыми державами, которыя стояли противъ насъ въ полѣ въ концѣ 1855 года *). Францiя и Австрiя добивались, юридически, возстановленiя въ Польшѣ порядка, обезпеченнаго Вѣнскими трактатами,— т. е. возстановленiя польской конституцiи, уничтоженной Николаемъ I. Представлялось возможнымъ, что его наслѣдникъ вынужденъ будетъ части своихъ подданныхъ даровать политическую свободу, что, пользуясь выраженiями одного современнаго документа, „клеветники и завистники" Россiи усвоятъ ей „видъ коршуна, котораго Европа спугнула съ его добычи". Пока не выяснилось окончательно, что международная комбинацiя силъ не допуститъ активнаго вмѣшательства Францiи (а за нею и Австрiи) въ польское дѣло, въ Петербургѣ были настроены насчетъ Польши очень пессимистически. Да-

*) Подробнѣе см. объ этомъ въ главѣ „Земскiя учрежденiя".

*) Подробнѣе см. обо всемъ этомъ часть II, главу „Польское возстанiе".

вая прощальную аудіенцію отправлявшемуся въ Вильно Муравьеву, императрица Марія Александровна рѣшилась высказать только надежду, что мы сохранимъ, по крайней мѣрѣ, Литву: Польша считалась какъ бы заранѣе потерянной. При такой обстановкѣ весною 1863 года въ кругу ближайшихъ совѣтниковъ Александра Николаевича родилась идея — взорвать проекты „клеветниковъ и завистниковъ“ при помощи своего рода контръ-мины: давъ конституцію Россіи въ цѣломъ, тѣмъ самымъ отнять всякую остроту у вопроса о конституціи Польши—части Россійской имперіи. На худой конецъ, если бы даже Польша ушла изъ русскихъ рукъ окончательно, при помощи этой мѣры можно было бы закрѣпить за собою западную Россію, — которая иначе, несомнѣнно, стала бы тяготѣть къ освобожденной Польшѣ и съ первой же минуты сдѣлалась бы новымъ очагомъ волненій и безпокойства.

Задачу составить проектъ въ этомъ смыслѣ взялъ на себя самый живой и отзывчивый и въ то же время изъ всѣхъ министровъ Александра II наиболѣе свободный отъ политическихъ принциповъ,—Валуевъ. 13 апрѣля 1863 года онъ представилъ императору всеподданнѣйшую записку съ изложеніемъ мотивовъ и основъ „реформы“, какъ она ему представлялась. Задача была не изъ легкихъ и требовала, дѣйствительно, отъ автора большой приспособляемости и полной нравственной свободы. Нужно было проектировать нѣчто такое, что на Западѣ могло бы быть принято за настоящую конституцію, хотя бы въ очень умѣренномъ духѣ, — и въ то же время во всей неприкосновенности сохранить необходимое для Россіи самодержавіе. Перваго Валуевъ достигалъ тѣмъ, что создавалъ у центра власти настоящее представительное собраніе— „съѣздъ государственныхъ гласныхъ“. Мысль о приглашеніи въ государственный совѣтъ сословныхъ представителей, повидимому, не чужда была правительству и ранѣе: для нея можно было найти юридическую рамку даже и въ старомъ законодательствѣ. На основаніи ст. 12 „Учрежденія Государственнаго Совѣта“ въ его департаменты, по ихъ усмотрѣнію, могли быть приглашаемы и „лица постороннія, отъ коихъ по существу дѣла можно ожидать полезныхъ объясненій“. Сословные представители могли бы быть приглашены въ качествѣ такихъ экспертовъ. Это, быть можетъ, удовлетворило бы дворянство, „либерализмъ“ котораго, какъ мы видѣли въ свое время *), не шелъ далѣе самыхъ скромныхъ пожеланій. Именно въ отвѣтъ на либеральныя заявленія дворянства мысль о приглашенныхъ сословныхъ „представителяхъ“ - экспертахъ и возникла, повидимому, въ высшихъ сферахъ. Теперь нужно было удовлетворить Европу, гдѣ понятія о „либерализмѣ“ были нѣсколько шире. Валуевъ мужественно заявляетъ, что „представители земства“ („государственные гласные“, какъ именуетъ ихъ авторъ проекта, примѣняясь къ терминологіи уже окончательно принятыхъ земскихъ учрежденій) „должны быть *выборные* отъ мѣстныхъ земскихъ учрежденій“. Притомъ, — такъ какъ

*) См. статью „Крестьянская реформа“ во II части.

фактическое преобладаніе помѣстнаго землевладѣнія въ земскихъ собраніяхъ было совершенно очевидно, министръ Александра II рѣшался доводить свой либерализмъ до того, что не видѣлъ надобности въ дополненіи съѣзда выборныхъ отъ земства сословными дворянскими представителями,—какъ, очевидно, предлагалось нѣкоторыми. Зато онъ не видѣлъ надобности и въ отдѣльныхъ представителяхъ отъ городовъ,—за исключеніемъ „столицъ и значительнѣйшихъ торговыхъ или губернскихъ городовъ, каковы Одесса, Рига, Кіевъ". Необходимо добавить, что избирателями въ этихъ немногихъ городахъ должны были явиться мѣстные домовладѣльцы или „лица купеческаго сословія, хотя и не владѣющіе домами, но производящія въ тѣхъ городахъ торговлю по свидѣтельствамъ первой гильдіи не менѣе 3-хъ лѣтъ сряду". Какъ видимъ, по своему соціальному составу „съѣздъ государственныхъ гласныхъ" долженъ былъ выйти помѣщичьимъ парламентомъ, съ небольшой забѣлкой изъ очень крупной буржуазіи. Чѣмъ больше мы всматриваемся въ проектъ Валуева *), тѣмъ больше узнаемъ въ немъ очень знакомыя намъ черты. Но теперь учрежденіе съ этими чертами является, дѣйствительно, парламентомъ, хотя и скромнѣйшимъ изъ европейскихъ. Въ планы Валуева созданіе настоящаго парламента отнюдь не входило. „Надлежало соблюсти вполнѣ неприкосновенность верховныхъ правъ Самодержавной Власти", говоритъ онъ въ своей запискѣ. „Это исполнено при составленіи проекта въ такой мѣрѣ, что не представилось даже надобности въ какой-либо оговоркѣ или поясненіи, или подтвержденіи насчетъ неприкосновенности означенныхъ правъ". Достигнуто это было тѣмъ, что „съѣздъ государственныхъ гласныхъ" пріуроченъ былъ къ государственному совѣту „потому именно, что онъ и имѣетъ только совѣщательное участіе въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ ему дѣлъ". Но дать выборнымъ отъ земствъ рѣшающій голосъ хотя бы въ законосовѣщательномъ учрежденіи,—это было бы все же опасно для историческихъ основъ русской государственности. Передъ Европой должна была демонстрироваться не только русская конституція, а и, въ рамкахъ этой конституціи, солидарность „парламента" и самодержавной власти. Дворянскій составъ „съѣзда" отнюдь этого не обезпечивалъ еще—Валуевъ хорошо помнилъ исторію 19 февраля. Это обезпечивалось лишь безусловнымъ количественнымъ перевѣсомъ назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ надъ выборными, хотя бы и дворянскими. Авторъ проекта достигалъ этого сразу двумя пріемами: во-первыхъ, къ самому собранію „государственныхъ гласныхъ" присоединялись въ извѣстномъ количествѣ лица, назначенныя правительствомъ; во-вторыхъ, въ засѣданія государственнаго совѣта вводился не весь „съѣздъ" полностью, а лишь шестнадцать спеціально избранныхъ его членовъ, „*такъ что въ общемъ собраніи большинство болѣе чѣмъ вдвое на сторонѣ членовъ совѣта*".

Послѣдняя подробность окончательно дорисовываетъ намъ проекти-

*) Фактическія подробности о немъ см. во II части, ст. „Земская реформа".

рованное Валуевымъ учрежденіе, какъ чистую декорацію, предназначенную для отвода глазъ „Европѣ". И въ этомъ отношеніи проектъ 1863 года является прообразомъ многихъ послѣдующихъ. Что помимо этого, при безграничной политической наивности общества, новое учрежденіе могло попутно сыграть роль громоотвода и противъ внутреннихъ волненій, этого Валуевъ также не упускалъ изъ виду: онъ много распространяется въ своей запискѣ о томъ, какъ при помощи предлагаемой имъ мѣры можно вырвать почву изъ-подъ ногъ у „революціонныхъ агитаторовъ". Но для борьбы съ послѣдними и долго послѣ главнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ признавалась все-таки сильная и ничѣмъ не стѣсняемая въ своихъ дѣйствіяхъ полиція. Какъ и въ послѣдующихъ конституціонныхъ проектахъ того же типа, повліять на общественное мнѣніе Европы было главное: это рѣшило и судьбу „съѣзда государственныхъ гласныхъ" въ 1863 году. Польское возстаніе не пришлось тушить русской конституціей, потому что на сторонѣ Россіи оказались прусскіе штыки. Энергично ставъ въ конфликтѣ на сторону русскаго правительства, Бисмаркъ связалъ руки какъ Австріи, такъ и Франціи. Валуевскій проектъ былъ положенъ въ архивъ, пока въ немъ опять не почувствовалась надобности *).

Этотъ моментъ пришелъ очень поздно—не раньше, какъ черезъ шестнадцать лѣтъ, и при значительно измѣнившейся обстановкѣ. Какъ ни медленно шелъ процессъ русскаго экономическаго развитія, онъ однако не остановился: Россія конца 70-хъ годовъ была гораздо болѣе страной денежнаго хозяйства, гораздо болѣе капиталистической страной, чѣмъ Россія начала 60-хъ. Нѣсколько цифръ дадутъ объ этомъ понятіе.*) Въ 1864 году въ Россіи былъ только одинъ частный коммерческій банкъ, въ 1880 году ихъ было 33. Въ 1859 году ежегодный оборотъ правительственнаго коммерческаго банка составлялъ 535 милліоновъ рублей, въ 1878 году оборотъ государственнаго банка по соотвѣтствующимъ операціямъ былъ выше 29.327 милліоновъ рублей. „Въ 1855 году бывшій коммерческій банкъ съ его конторами имѣлъ въ затратѣ на учетъ векселей и краткосрочныя ссуды лишь $16^1/_2$ милліоновъ рублей, тогда какъ сумма

*) Какъ на самомъ дѣлѣ, а не „для Европы" смотрѣло на конституціонные порядки правительство Александра II въ этотъ періодъ, хорошо можно видѣть изъ отвѣта императора на адресъ московскаго дворянства (въ январѣ 1865 года), ходатайствовавшаго „довершить государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству". Въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ, данномъ по этому поводу, было сказано послѣ заявленія о „постоянной заботливости" правительства „улучшать и совершенствовать": „Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавной властью, Богомъ мнѣ ввѣренною... Никто не призванъ принимать на себя передо мною ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства". Объ исторіи самаго адреса см. главу „Общественныя движенія 60-хъ годовъ".

*) Подробнѣе см. главу объ экономическомъ развитіи Россіи отъ 60-хъ до 80-хъ годовъ"

векселей, учтенныхъ общественными и частными банками, и выданныхъ ими ссудъ составляла въ 1879 году около 389 милліоновъ, независимо отъ затратъ государственнаго банка на тѣ же операціи въ 175 милліоновъ рублей *). Экономически болѣе развитое общество было болѣе дифференцированнымъ: резервная армія труда складывалась, не смотря на все противодѣйствіе, оказывавшееся этому процессу полуфеодальнымъ строемъ русской деревни. Но мы уже видѣли, что полуфеодальной деревнѣ соотвѣтствовала такая же фабрика. Русскій рабочій 80-хъ годовъ испытывалъ двойную эксплоатацію, и по новому и по старому: пролетаріатъ явился первой *новой* группой недовольныхъ, почти незнакомой современникамъ 19 февраля. Другой такой же группой—мы уже ее наблюдали мимоходомъ — была *сельская буржуазія*, выраставшая опять-таки вопреки деревенскому феодализму въ прямомъ съ нимъ противорѣчіи. И наконецъ, количественно чрезвычайно усилилась одна группа, не новая — она намѣчалась уже въ 40-хъ годахъ—но зато неизмѣнно и наиболѣе сознательно враждебная феодальному строю. То былъ мозгъ новой Россіи—то, что у насъ тогда же окрестили именемъ *интеллигенціи*, объединяя однимъ словомъ экономически очень различные слои, отъ наиболѣе квалифицированныхъ рабочихъ до наиболѣе прогрессивныхъ представителей предпринимательской буржуазіи. Ненаучный и неточный терминъ не былъ однако же плодомъ индивидуальной ошибки — его создала исторія, поставившая подъ одно знамя людей съ очень различными, даже противоположными интересами. И для фабриканта европейскаго типа, и для эксплоатируемаго имъ техника, и для врача, лѣчившаго эксплоатируемыхъ фабрикантомъ рабочихъ, и для адвоката, ведшаго дѣла эксплоатирующаго ихъ фабриканта важно было прежде всего одно — полное устраненіе стоявшихъ поперекъ дороги экономическому развитію феодальныхъ порядковъ. Правительство смутно чувствовало эту связь: и не даромъ, отыскивая корни крамолы, оно хваталось то за выборныхъ мировыхъ судей, выходившихъ въ силу условій образовательнаго и имущественнаго ценза изъ рядовъ наиболѣе интеллигентной части буржуазіи и землевладѣльческаго класса, то за учителей, то за адвокатовъ; въ одномъ изъ конституціонныхъ проектовъ той поры, возникшемъ подъ покровительствомъ вел. кн. Константина Николаевича, мы встрѣчаемъ единственное въ своемъ родѣ правовое ограниченіе — въ видѣ лишенія присяжныхъ повѣренныхъ права быть народными представителями; а учителей, по крайней мѣрѣ, въ народной школѣ одно изъ особыхъ совѣщаній, созывавшихся въ послѣдніе годы царствованія Александра II, готово было вовсе упразднить, передавъ ихъ функціи сельскимъ батюшкамъ. Между тѣмъ корпоративно ни тѣ, ни другіе, ни третьи еще далеко не могли быть завинены въ революціонности: подозрительна была самая профессія, само соціальное положеніе.

Эти три группы — пролетаріатъ, сельская буржуазія, интеллигенція — политически далеко не были

*) Татищевъ. „Александръ II“.

солидарны между собою. Туманный утопическій соціализмъ большинства тогдашнихъ интеллигентовъ очень мало говорилъ пролетаріату, — а сельской буржуазіи былъ такъ же антипатиченъ, какъ и она ему *). Политическіе идеалы интеллигенціи были доступны лишь немногимъ, исключительно одареннымъ, выходцамъ изъ рядовъ рабочаго класса—а передовымъ слоямъ деревни едва ли не менѣе понятны, чѣмъ утопическій соціализмъ: деревенскій либерализмъ былъ направленъ противъ барина, а не противъ царя. Раздробить революцію и справиться съ нею по частямъ въ 70—80-хъ годахъ было гораздо легче, чѣмъ впослѣдствіи въ началѣ XX столѣтія. Но какъ Архимеду нужна была точка опоры, чтобы перевернуть земной шаръ, такъ и правительству для его работы нужна была общественная группа, на которую оно могло бы опереться, которая бы служила ему не только за страхъ, но и за совѣсть. Мы видѣли, что въ половинѣ 60-хъ годовъ правительство находило такую „добронадежную“ силу въ дворянствѣ. Оно держалось того же взгляда и теперь: совѣщавшіеся лѣтомъ 1879 года министры Александра II, въ поискахъ „разумныхъ и охранительныхъ силъ“, находили таковыя прежде всего въ „частномъ потомственномъ землевладѣніи, потому что онѣ (такія силы) возбуждаются и поддерживаются его собственными интересами“. Исторически въ примѣненіи къ долгому періоду времени они были, конечно, правы. Но въ тотъ критическій моментъ, когда происходило совѣщаніе, такой взглядъ былъ слишкомъ оптимистическимъ: „охранительныя силы“ не высказывали охоты за совѣсть служить интересамъ правительства, такъ какъ находили, что правительство слишкомъ плохо служитъ ихъ интересамъ.

Тутъ лишній разъ приходится вспомнить, что правительственная политика, будучи классовой помѣщичьей политикой вообще, не одинаково чисто и непосредственно отражала интересы всѣхъ дворянскихъ группъ. Ближайшимъ образомъ правительство было комите-

*) „...Что касается собственно толковъ о *равненіи земли*“, говоритъ Энгельгардтъ, „то богачи-кулаки („самые крайніе либералы въ деревнѣ“, какъ мы знаемъ уже) все это въ душѣ считаютъ пустыми мужицкими мечтаніями, фантазіями, иллюзіями. Принимая самое живое участіе въ деревенскихъ толкахъ, подливая масла въ огонь, они на сторонѣ съ презрительной усмѣшкой говоряте, что это мужики все пустое болтаютъ. „Статочное ли дѣло, говорятъ, что такъ и отберутъ у всѣхъ земли! Теперь это ужъ и нельзя, потому что многія земли мужичками и купцами куплены. Просто такъ будетъ, что господскія имѣнія, которыя заложены, какъ только баринъ не заплатитъ въ срокъ, будутъ отбирать въ казну и потомъ мужикамъ раздавать!“ А то еще, разсуждаютъ они, обложатъ всѣ господскія земли податями, по полтиннику или по рублю съ десятины. Многіе ли господа въ силахъ будутъ заплатить такую подать? —Одинъ, два. Тѣ, которые на томъ только хозяйничаютъ, что мужичка землей затѣсняютъ, развѣ въ силахъ будутъ платить? Вотъ у такихъ земли будутъ отбирать и мужикамъ отдавать, которые возьмутся платить. А богатыхъ мужичковъ съ деньгами много найдется: деньги внесутъ, землю подъ себя возьмутъ и пользу въ землѣ найдутъ, потому что мужичкамъ земля нужна. А то и такъ будетъ: найдется богатый мужичокъ, который деньги внесетъ, земля подъ общество пойдетъ, а общество мужику выплачивать будетъ...“ „Изъ деревни“, стр. 515.

томъ „лучшаго, высшаго дворянства“, употребляя терминъ одного документа XVIII вѣка,—т. е. самаго крупнаго землевладѣнія. Создавъ искусственное малоземелье и прикрѣпивъ крестьянина къ землѣ, реформа 19 февраля обезпечила этому послѣднему прочнаго, почти вѣчнаго арендатора и въ новой формѣ земельной ренты сохранила за богатыми помѣщиками тотъ оброкъ, который они получали до 1861 года. Иное было положеніе средняго помѣщика, который и до 19 февраля, и послѣ самъ велъ хозяйство, а не только получалъ оброкъ. Многочисленные остатки крѣпостного режима помогли просуществовать наиболѣе отсталымъ изъ этой группы; но долженъ же былъ наступить моментъ, когда и самые отсталые оказались на уровнѣ передовыхъ землевладѣльцевъ 50-хъ годовъ. Долженъ былъ наступить моментъ, когда и имъ понадобился оборотный капиталъ, когда и для нихъ появился вопросъ о „вольнонаемномъ трудѣ“. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они имѣли всѣ основанія жаловаться, что правительство совсѣмъ не приходитъ имъ на помощь. Капиталъ можно было достать лишь на условіяхъ, крайне стѣснительныхъ и невыгодныхъ до разорительности. Правительство перестало кредитовать помѣщиковъ какъ разъ ко времени крестьянской реформы (операціи сохранныхъ казенъ прекратились къ 1860 году). Въ 70-хъ годахъ существовалъ только частный кредитъ, стоившій номинально не менѣе 7%, а въ дѣйствительности болѣе. Между тѣмъ, по отзыву Кавелина, „семь процентовъ не выдержитъ теперь (1873 г.) никакое имѣніе“. Заемщики взаимнаго поземельнаго кредита, по его словамъ, спасались только тѣмъ, что здѣсь оцѣнки были всегда значительно ниже дѣйствительной стоимости имѣнія, а ссуды гораздо ниже оцѣнки. „Не знаю, что дѣлаютъ новые поземельные банки. Если справедливо, какъ говорятъ, что они цѣнятъ высоко и даютъ много, то большинство ихъ заемщиковъ непремѣнно пойдетъ ко дну“ *). Въ помѣщичьей прессѣ уже давно и весьма настойчиво указывалось на необходимость вернуться къ прежней системѣ государственнаго поземельнаго кредита. „Поземельный кредитъ всегда заключаетъ въ себѣ элементъ политическій, а потому благонадежными могутъ считаться только такія учрежденія поземельнаго кредита, которыя находятся въ рукахъ правительства“, внушали „Московскія Вѣдомости“ еще въ 1865 году. Но высшія сферы, непосредственно не заинтересованныя въ созданіи дешеваго поземельнаго кредита, оставались пока глухи. Не менѣе беззаботности обнаруживали онѣ и въ другомъ жгучемъ для средняго помѣщика вопросѣ — о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Не смотря на то, что крестьянинъ былъ лишенъ почти всѣхъ правъ, помѣщикъ передъ лицомъ наемнаго батрака чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ. Весь аппаратъ принужденія былъ разсчитанъ на полукрѣпостного мужика: какъ скоро отношенія принимали иную юридическую форму, помѣщикъ не зналъ, что ему дѣлать. Нужны были исключительно хорошія

*) „Изъ деревенской записной книжки“. Сочиненія, II, 784—785.

отношенія къ мѣстному населенію, какія установились, напримѣръ, у Энгельгардта, чтобы не чувствовать тяжести „рабочаго вопроса" въ деревнѣ. Но большинство помѣщиковъ вполнѣ подписались бы подъ словами Кавелина: „о лѣни, недобросовѣстности, пьянствѣ и негодности нашихъ деревенскихъ рабочихъ было говорено такъ много и такъ вѣрно, что трудно прибавить къ этому что-нибудь новое, кромѣ пикантныхъ подробностей, наглядно показывающихъ, сколько мы отъ нихъ терпимъ"... „Съ кирпичниками, пильщиками нельзя у насъ имѣть дѣло", приводитъ онъ въ другомъ мѣстѣ конкретный примѣръ. „Они заберутъ у васъ деньги впередъ (безъ этого вы ни одного не наймете) и въ одинъ прекрасный день уйдутъ съ деньгами, не кончивъ работы. Подите разыскивайте ихъ по бѣлу свѣту, тягайтесь съ ними у нашихъ мировыхъ судей за тридевять земель"... *).

Въ концѣ 70-хъ годовъ къ этимъ общимъ причинамъ помѣщичьяго недовольства присоединилась одна спеціальная, въ которой правительство было ни при чемъ, но которая должна была очень ухудшить общее настроеніе. Этой причиной была конкурренція Америки на хлѣбномъ рынкѣ. Слѣдя за вывозомъ изъ Россіи пшеницы, нельзя не замѣтить крайне рѣзкаго паденія цифры вывезеннаго продукта около 1880 года, одновременно съ пониженіемъ цѣнъ на пшеницу на міровомъ рынкѣ, хотя и не столь рѣзкимъ **). Не въ такой же степени, но сильно пострадалъ и вывозъ ржи, какъ разъ въ половинѣ 70-хъ годовъ сдѣлавшейся серьезнымъ вывознымъ хлѣбомъ. И тутъ дѣйствовала уже не одна экономика, а отчасти и политика: главнымъ потребителемъ русской ржи была Германія, въ 1879 году возвысившая ввозную пошлину на рожь до 1 марки съ центнера. „Униженіе" Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 года начинало давать осязательные плоды: Россію третировали, какъ слабую державу, неспособную отстоять свои интересы въ міровомъ соперничествѣ. Не даромъ дворянское негодованіе того времени такъ часто обращалось на злосчастный конгрессъ, а кстати и вообще на политику, доведшую Россію до этого „позора".

Все это, вмѣстѣ взятое, создало настроеніе, выразившееся въ рядѣ заявленій и манифестацій на земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ—заявленій, несомнѣнно, болѣе рѣзкихъ, чѣмъ тѣ, какія приходилось слышать правительству въ началѣ 60-хъ годовъ. Исторію этого „земскаго движенія" читатели найдутъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь насъ интересуетъ только, какъ реагировало на это правительство.

Настроеніе того общественнаго слоя, который стоялъ всего ближе къ власти, изъ рядовъ котораго рекрутировался весь правящій персоналъ страны, не могло не отражаться на тѣсномъ кружкѣ, руководившемъ дѣятельностью чиновничьей арміи. „Высшая власть будто улетучилась",

*) Ibid. 786—7, 790.

**) Вывозъ упалъ съ 170 милліоновъ пудовъ въ срединѣ 70-хъ годовъ до 60 мил. въ 1880. Цѣна—съ 65 до 45 шиллинговъ за квартеръ за тотъ же періодъ.

писалъ въ своемъ дневникѣ Валуевъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ комитета министровъ: „Здѣсь ихъ три, по политической части, не считая судебной, которая ведетъ процессы. Единства (trait d'union) нѣтъ. Есть отрывки правительства...“ „Государь имѣетъ видъ усталый и самъ говорилъ о нервномъ раздраженіи, которое онъ усиливается скрывать. Въ эпоху, гдѣ нужна въ немъ сила, очевидно нельзя на нее разсчитывать...“, пишетъ онъ же два мѣсяца спустя. „...Чувствуется, что почва зыблется, зданію угрожаетъ паденіе, но обыватели какъ-будто не замѣчаютъ этого, а хозяева смутно чуютъ недоброе, но скрываютъ внутреннюю тревогу“. „И мы правительство!“ съ горечью восклицаетъ онъ, разсказавъ объ одномъ засѣданіи, гдѣ одинъ говорившій былъ ничтожнѣе и безцвѣтнѣе другого,—а все это были ближайшіе сотрудники верховной власти.

До тѣхъ поръ, пока правящая группа была увѣрена, что весь представляемый ею классъ идетъ за нею и готовъ поддерживать, она шла твердо проторенной дорогой. Считая революціонное движеніе болѣзнью, притомъ изъ разряда дѣтскихъ, съ нимъ боролись обычными въ полицейскихъ лѣчебникахъ средствами, съ прибавкой—тоже впрочемъ обычнаго—воздѣйствія на молодое поколѣніе черезъ школу. Еще въ императорскомъ рескриптѣ кн. Гагарину (послѣ каракозовскаго покушенія въ 1866 году) Александръ II заявлялъ, что его „вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества“. „Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка“, говорилъ императоръ въ этомъ документѣ, „и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа“. Ближайшимъ результатомъ высочайшихъ указаній была, какъ извѣстно, система гр. Толстого, который около этого же времени и былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія *). Система коснулась главнымъ образомъ воспитанія молодежи изъ зажиточныхъ слоевъ общества. Въ 1873 году очередь дошла и до дѣтей „простого народа“. Попеченіе о нихъ было ввѣрено, какъ и слѣдовало ожидать, помѣщикамъ. „Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію его въ семъ истинно-благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны“, гласилъ императорскій рескриптъ министру народнаго просвѣщенія. „Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній“.

*) См. главу: „Средняя школа во II половинѣ XIX в.“.

Но борьба съ „разрушительными ученіями" путемъ школы шла медленно, а сами эти ученія обнаруживали тенденцію распространяться необычайно быстро. Требовались болѣе практичныя — и болѣе экстренныя мѣры. Возможность ихъ правительство съ самаго начала оставило за собою, не распространивъ суда присяжныхъ на политическія преступленія, — въ видѣ временной мѣры, какъ объяснялъ государственный совѣтъ, пока не успокоится волненіе въ обществѣ. Такъ какъ волненіе и не думало успокаиваться, то временная мѣра эта была дополнена въ началѣ 70-хъ годовъ, во-первыхъ, возстановленіемъ правъ жандармскаго корпуса въ области политическаго сыска, — нѣсколько задѣтыхъ судебными уставами, — а во-вторыхъ, формальнымъ установленіемъ внѣ-судебной репрессіи по отношенію къ тѣмъ изъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, которыхъ даже и безъ присяжныхъ засудить было трудно: ихъ стали ссылать въ административномъ порядкѣ. Къ 1875 году оказалось, что этотъ видъ репрессіи самъ является источникомъ распространенія зла: административно-высланные являлись готовыми пропагандистами для тѣхъ мѣстъ, куда они попадали, и такимъ путемъ „разрушительныя ученія" неожиданно обнаруживались въ такихъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ никакихъ ученій вообще подозрѣвать было нельзя. Въ этомъ году было образовано по этому поводу особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ уже знакомаго намъ автора конституціоннаго проекта 1863 года, Валуева: хотя онъ былъ въ 1875 году министромъ государственныхъ имуществъ, то-есть по должности своей всего меньше имѣлъ касательства къ политическому сыску, но, очевидно, Александръ II надѣялся на его уже неоднократно засвидѣтельствованную отзывчивость и чуткость къ вѣяніямъ времени. Совѣщаніе, впрочемъ, никакихъ результатовъ не дало: оно намѣтило рядъ мѣстъ, куда, по его мнѣнію, можно было направлять крамольниковъ безъ опасности для мѣстнаго населенія, но количество административно ссыльныхъ весьма быстро такъ выросло, что эти мѣста далеко не могли удовлетворить и малой доли явившагося спроса. Годъ спустя правительство должно было прійти къ заключенію, что нѣтъ другого средства помочь бѣдѣ, какъ направлять административно-ссыльныхъ политическихъ въ мѣста, болѣе или менѣе вовсе необитаемыя — въ восточную Сибирь и въ частности въ Якутскую область. Послѣдняя мѣра, на которой особенно настаивалъ самъ Александръ Николаевичъ, носила уже явно террористическій характеръ: ссылка въ „полярный адъ" вполнѣ заслуживала той же славы, какъ и ссылка въ Кайенну, прозванная во Франціи „сухой гильотиной". И еще болѣе явно ту же цѣль преслѣдовала передача военному суду, „съ примѣненіемъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени", т. е. смертной казни, всѣхъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, — какія бы скромныя послѣдствія не имѣло это сопротивленіе. На терроръ правительственный, какъ извѣстно, отвѣтилъ терроръ революціонный: борьба приняла столь острый характеръ, какого она еще не имѣла за всѣ пятнадцать лѣтъ, что

правительству пришлось вѣдаться съ „разрушительными ученіями“. Высшими сферами начинала овладѣвать та нервность, которую отмѣтилъ годомъ позже въ своемъ дневникѣ Валуевъ. Имъ, видимо, становилась непріятна пустота, создавшаяся около нихъ бюрократическимъ режимомъ,—пустота, такъ удобная въ мирное время. Теперь хотѣлось бы ее заполнить—но какъ это сдѣлать? Первый шагъ вышелъ очень элементарнымъ—и въ силу этого не только безрезультатнымъ, а даже, пожалуй, способнымъ дать отрицательные результаты. 20-го августа 1878 года въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было опубликовано правительственное сообщеніе, гдѣ послѣ нѣсколькихъ бранныхъ словъ по адресу революціонеровъ говорилось, между прочимъ, что „правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій. Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступленіямъ, что они дѣйствительно считаютъ ихъ отверженниками...“ Русскій народъ прежде всего могъ бы отвѣтить, что ему это очень трудно сдѣлать за неимѣніемъ какихъ бы то ни было представителей. Но именно по этой причинѣ онъ ничего не сказалъ,—а про себя долженъ былъ подумать, что, должно быть, плохо приходится правительству, если оно выступаетъ съ такими „сообщеніями“. Пренія же, вызванныя „сообщеніемъ“ въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ, должны были показать тѣмъ, кто его выпустилъ, что они не могутъ разсчитывать на безусловную поддержку даже своего собственнаго класса, гдѣ, казалось бы, „охранительныя силы“ должны были бы „возбуждаться и поддерживаться собственными интересами“.

Новое „особое совѣщаніе“, открывшееся весною 1879 года подъ предсѣдательствомъ все того же Валуева, обнаружило весь тотъ хаосъ мыслей, который только и могъ породить „сообщеніе“ 20 августа предшествующаго года — и который въ концѣ концовъ вызвалъ у предсѣдателя совѣщанія его трагическій возгласъ: „И мы—правительство!“ Совѣщаніе безпомощно металось отъ одного вопроса къ другому, то защищая полицію отъ засилья мировыхъ судей, то распространяясь о вредѣ дешевой платы за ученье въ гимназіяхъ, то, наконецъ, доискиваясь корня зла въ томъ, что нѣкоторые учителя позволяютъ себѣ являться въ классы въ пиджакахъ, пренебрегая установленною форменною одеждою. Противъ одной изъ самыхъ радикальныхъ мѣръ, предлагавшихся здѣсь,—уже упомянутаго нами проекта передачи народной школы въ полное и безраздѣльное завѣдываніе сельскаго духовенства — долженъ былъ возстать даже самъ гр. Толстой, будущій руководитель реакціонной политики Александра III, доказывавшій, что, „такъ какъ духовныя лица готовятся не къ учительскимъ, а къ несравненно болѣе важнымъ пастыр-

скимъ обязанностямъ, то во всей Европѣ, не исключая и католическихъ странъ, въ учительскихъ семинаріяхъ воспитываютъ учителей для начальнаго преподаванія народу". Тѣмъ не менѣе большинство — въ томъ числѣ и самъ предсѣдатель совѣщанія—были за полную клерикализацію русской народной школы, и роль защитника свѣтскаго образованія неожиданно пришлось взять на себя такому консервативному учрежденію, какъ комитетъ министровъ.

Въ области болѣе практической „совѣщаніе" не могло найти ничего лучше усиленія судебно-полицейской репрессіи, въ родѣ „новыхъ правилъ о денежныхъ съ періодической печати взысканіяхъ" и тому подобнаго, чисто количественнаго усиленія старыхъ средствъ борьбы. Ради концентраціи этой послѣдней на „разрушительныхъ ученіяхъ" предлагалось, впрочемъ, и нѣчто свѣжее: „совѣщаніе" находило полезнымъ прекратить травлю раскольниковъ, давно ставшихъ „охранительнымъ элементомъ", и поляковъ, давно окончательно усмиренныхъ. Главное же, рекомендовалось „оказать частному землевладѣнію ободрительное со стороны правительства вниманіе". Послѣдней мысли и суждено было стать въ центрѣ всей правительственной политики наступившаго десятилѣтія.

Нужно примириться съ дворянской массой, снискать вновь ея благорасположеніе, это было ясно. Но не ясно было, какимъ путемъ слѣдуетъ къ этому итти. Причины недовольства помѣщиковъ были, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ экономическія: мѣропріятія въ этой области скорѣе всего могли возстановить миръ, что и было довольно скоро доказано реформами Александра III. Но люди рѣдко попадаютъ сразу на вѣрную дорогу. Прежде чѣмъ былъ основанъ дворянскій банкъ, изданъ законъ о наймѣ на сельскія работы и введены земскіе начальники, правительственная политика сдѣлала нѣсколько зигзаговъ, оставшихся въ памяти общества подъ громкимъ именемъ „конституціонныхъ вѣяній" конца царствованія Александра II. Такое преломленіе тогдашнихъ событій въ общественной памяти тѣмъ любопытнѣе, что сами виновники этихъ зигзаговъ больше всего чурались слова „конституція", котораго Валуевъ, напримѣръ, по его собственному признанію, совѣтовалъ „отнюдь не произносить". Задача, которую они себѣ ставили, была теоретически гораздо проще, а практически гораздо сложнѣе, чѣмъ превращеніе Россіи изъ „монархіи неограниченной" въ „ограниченную". Они хотѣли не измѣнить русское государственное право, а, напротивъ, укрѣпить его историческіе устои, видимо, начинавшіе шататься,—заставивъ общество работать въ направленіи правительственной политики, но не давая ему никакихъ правъ и не связывая себѣ рукъ ни въ какомъ отношеніи. Александръ II одно время, видимо, увлекался этой соблазнительной, хотя и нѣсколько туманной перспективой. Но его преемникъ нашелъ эту перспективу слишкомъ туманной, и успѣхъ болѣе простыхъ средствъ его политики оправдалъ его скептицизмъ.

Начало „вѣяній" относится къ тому именно времени, когда Валуевъ

сталъ замѣчать у своего государя особенную, въ глаза бросавшуюся, нервность — къ срединѣ 1879 года. Съ присущимъ ему талантомъ приспособленія министръ Александра II поспѣшилъ извлечь изъ пыли свой проектъ 1863 года; не сразу, но онъ былъ встрѣченъ благосклонно. Проектъ снова былъ предметомъ нѣсколькихъ интимнѣйшихъ „совѣщаній“ въ началѣ слѣдующаго 1880 года. „Реформу“ думали пріурочить къ двадцатипятилѣтію царствованія. Совѣтники императора отнеслись однако къ валуевскимъ идеямъ холоднѣе, чѣмъ онъ самъ: и едва ли, съ своей точки зрѣнія, они не были правы, хотя Валуевъ и возмущается ихъ „лакействомъ“ и „неотесанностью“. Проектъ 1863 года былъ болѣе псевдоконституціей, чѣмъ попыткой использовать общественныя силы на службу правительству. Онъ былъ разсчитанъ болѣе на впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести „съѣздъ государственныхъ гласныхъ“ въ Западной Европѣ, нежели на реальное содѣйствіе этихъ „гласныхъ“ государственному совѣту. Валуевъ и на этотъ разъ былъ не прочь отъ декоративнаго эффекта, отсюда и мысль — связать манифестъ о созывѣ выборныхъ отъ земствъ и городовъ съ чествованіемъ 19 февраля 1880 года (двадцатипятилѣтней годовщиной вступленія на престолъ Александра II). Въ данный моментъ такой эффектъ не только ничего не прибавилъ бы, но могъ бы оказаться даже опаснымъ; по справедливому замѣчанію одного изъ сановныхъ критиковъ, общество приняло бы новый шагъ правительства „за даръ или за уступку со стороны верховной власти и было бы впослѣдствіи разочаровано, когда убѣдилось бы, что изданный манифестъ или указъ не имѣетъ значенія конституціоннаго“. Проектъ былъ отклоненъ почти единогласно. Довольно естественно, что его автору такой исходъ показался концомъ всѣхъ вообще „либеральныхъ вѣяній“ и что онъ исполнился желчнаго скептицизма по отношенію ко всѣмъ прочимъ попыткамъ этого рода. Это нисколько не мѣшаетъ однако тому, что въ дѣйствительности главный конкуррентъ Валуева, великій князь Константинъ Николаевичъ, выступилъ съ предложеніемъ гораздо болѣе „дѣловымъ“ для того момента, о которомъ идетъ рѣчь, и имѣвшимъ поэтому болѣе серьезные шансы на успѣхъ. Великій князь Константинъ былъ тогда предсѣдателемъ государственнаго совѣта; въ качествѣ таковаго онъ и выступилъ со своимъ проектомъ „совѣщательнаго собранія“. Основныя черты этого проекта уже были однажды изложены въ запискѣ, составленной для великаго князя и по его порученію кн. Урусовымъ въ 1866 году, — но тогда она не имѣла никакого успѣха. Сущность предложенія Константина Николаевича заключалась въ томъ, чтобы ввести представительный элементъ въ систему русскихъ государственныхъ учрежденій совершенно незамѣтно,—такъ, чтобы о немъ говорилось и онъ самъ о себѣ заявлялъ возможно меньше. Его „совѣщательное собраніе“ должно было состоять всего изъ 46 лицъ: 35 представителей отъ губернскихъ земствъ и 11 отъ крупнѣйшихъ городовъ; характерно, что теперь, въ періодъ

возрожденія дворянской оппозиціи, буржуазіи относительно давалось гораздо больше голосовъ. Это немногочисленное собраніе должно было засѣдать непублично (допускались только члены государственнаго совѣта и нѣкоторые, по выбору начальства, чиновники государственной канцеляріи), подъ предсѣдательствомъ назначеннаго императоромъ члена государственнаго совѣта, и разсуждать только о тѣхъ вопросахъ, которые правительство найдетъ нужнымъ ему предложить: ничего похожаго на законодательную инициативу оно отнюдь не должно было имѣть. Ради усиленія дѣловитости этого совѣщанія и „устраненія праздной болтовни",журналы совѣщательнаго собранія должны были составляться самими „гласными", а отнюдь не государственной канцеляріей: великому князю представители земствъ и городовъ рисовались, очевидно, въ образѣ захолустныхъ „дикихъ помѣщиковъ" и лабазниковъ, которые съ такимъ трудомъ держатъ перо въ рукахъ, что необходимость излагать на бумагѣ свои мысли быстро подрѣжетъ у нихъ всякія поползновенія къ краснорѣчію. Но онъ уже слыхалъ однако, что среди провинціальнаго общества, при всей его невѣжественности (характеристикѣ послѣдней Константинъ Николаевичъ посвятилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ, гдѣ вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ своихъ оппонентовъ, что, конечно, такихъ ученыхъ и развитыхъ людей, какіе водятся въ министерскихъ канцеляріяхъ, въ провинціи не найти), все же есть и интеллигенція. Возможность ея вмѣшательства въ выборы, особенно нѣкоторыхъ ея разрядовъ, очень безпокоила великаго князя. „Я не могу не признать", писалъ онъ, „что опасеніе насчетъ возможности выбора въ гласные адвокатовъ имѣетъ дѣйствительное основаніе. Между тѣмъ избраніе такихъ лицъ было бы и по моему мнѣнію нежелательно", а потому, какъ мы уже упоминали выше, постановлялось, что „въ гласные не могутъ быть избираемы присяжные повѣренные, ихъ помощники и ходатаи по дѣламъ". Зато этого права были лишены и правительственные чиновники: но не потому, что зависимость ихъ отъ начальства дѣлало ихъ мало надежными въ смыслѣ самостоятельности ихъ сужденій и голосованій, а, во-первыхъ, потому что начальство мнѣнія своихъ подчиненныхъ и такъ знаетъ, а во-вторыхъ, потому еще, что „неудобно было бы, чтобы проекты, внесенные въ государственный совѣтъ министрами и главноуправляющими, разбирались, хотя и предварительно, лицами, прямо имъ подчиненными".

Введеніе въ дѣйствіе новаго законосовѣщательнаго механизма предполагалось без какой-либо ломки въ нормахъ существующаго права: напротивъ, великій князь цитировалъ цѣлый рядъ статей дѣйствующаго свода, на основаніи которыхъ вполнѣ могло быть созвано проектируемое имъ собраніе. Это были статьи, касавшіяся предоставленнаго дворянскимъ собраніямъ права петицій, права земскихъ собраній и городскихъ думъ ходатайствовать о своихъ нуждахъ, права департаментовъ государственнаго совѣта приглашать въ свою среду экспертовъ и т. под.

цѣль этого „развитія добрыхъ началъ, существующихъ уже въ отечественномъ законодательствѣ", была самая благая: дать населенію возможность „доводить правду до государя" „безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ самодержавія". Словомъ, реформа представлялась настолько консервативной, что, говоря словами валуевскаго дневника, авторъ проекта „чуть-чуть не эскамотировалъ согласія цесаревича",— будущаго Александра III, въ высокой степени отрицательно относившагося ко всему, мало-мальски похожему на конституцію. „Но", съ торжествомъ добавляетъ Валуевъ, „я уперся и не далъ совершиться его фокусу (tour de prestidigitation). Онъ мнѣ вообще невыносимъ". Одинъ „конституціоналистъ" подсидѣлъ другого... 31 января Валуевъ могъ записать въ своемъ дневникѣ: „Вчера похоронена вновь—на долго ли, не угадываю—мысль 1863 года. На совѣщаніи у государя ей прочитаны краткія отходныя"...

На самомъ дѣлѣ, рѣшающую роль сыгралъ внѣшній ходъ борьбы съ революціей: 5 февраля произошелъ взрывъ Зимняго дворца, снова отвлекшій все вниманіе на полицейскую репрессію. Указомъ 12 февраля Россія была отдана во власть полицейской диктатуры — въ образѣ учрежденной, согласно этому указу, верховной распорядительной коммисіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта гр. Лорисъ-Меликова. Послѣднему передавалась, въ сущности, „вся полнота" самодержавной власти въ дѣлахъ, касавшихся „охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія", такъ какъ распоряженія его по этимъ дѣламъ и принимавшіяся имъ мѣры должны были „подлежать безусловному исполненію всѣми и каждымъ" и могли быть отмѣнены лишь имъ самимъ или особымъ высочайшимъ повелѣніемъ. Только временнымъ генералъ-губернаторамъ, — т. е. такимъ же диктаторамъ, но мѣстнымъ, а не всероссійскимъ—удалось послѣ нѣкоторой борьбы отвоевать обратно частицу своей самостоятельности; все остальное должно было безпрекословно подчиниться „главному начальнику" верховной коммиссіи, котораго Валуевъ тотчасъ же окрестилъ „Михаиломъ I". Такимъ неожиданнымъ способомъ было ознаменовано двадцатипятилѣтіе царствованія, праздновавшееся ровно черезъ недѣлю послѣ делегированія верховной власти въ руки одного изъ военныхъ генераловъ.

Повидимому, Россія была дальше отъ конституціи, чѣмъ когда бы то ни было. Новый вице-самодержецъ очень скоро имѣлъ случай доказать, что онъ намѣренъ вести борьбу съ „крамолой" съ еще невиданной до сихъ поръ энергіей. Всего черезъ недѣлю послѣ учрежденія комиссіи на Лорисъ-Меликова было произведено покушеніе, неудачное: покушавшійся былъ приговоренъ къ смерти и казненъ въ двадцать четыре часа. Тогдашнее общество уже успѣло привыкнуть къ военнымъ судамъ— но полевой судъ былъ еще новинкой. Если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого правительственная политика очутилась снова на той же колеѣ, куда ее направляли Валуевъ и вел. кн. Константинъ, то это было лучшимъ доказательствомъ, что пра-

вительство со всей своей непреклонностью и всѣмъ своимъ терроромъ чувствуетъ себя висящимъ на воздухѣ. За него была организованная сила—арміи и полиціи; но Лорисъ-Меликовъ былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы не понимать, что на штыкахъ, по крайней мѣрѣ, на *однихъ* штыкахъ долго сидѣть нельзя. Теоретически новый диктаторъ понималъ это съ первой же минуты. Въ своемъ обращеніи къ жителямъ Петербурга, обѣщая „не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни передъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество", онъ въ то же время выражалъ желаніе „успокоить и оградить законные интересы здравомыслящей части" этого общества. „На поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать вмѣстѣ къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества", увѣщевалъ онъ петербуржцевъ; другими словами, если вы поможете моей полиціи бороться съ „злоумышленниками", я въ награду за это избавлю васъ отъ лишнихъ полицейскихъ стѣсненій. Это было слишкомъ наивно и просто: и Лорисъ-Меликовъ самъ скоро убѣдился, что для завоеванія сочувствія хотя бы части общества необходимы средства гораздо болѣе сложныя и глубже дѣйствующія. Къ своему несчастію, хотя и будучи нѣсколькими головами выше обычнаго типа полицейскаго начальства, начальникъ верховной коммиссіи былъ все же слишкомъ губернаторъ по своему политическому воспитанію — и слишкомъ мало государственный человѣкъ. Въ администраціи онъ видѣлъ своего рода Бога русскаго общества—источникъ всѣхъ милостей и всѣхъ казней для русскихъ обывателей. Если послѣдніе недовольны, то, очевидно, потому прежде всего, что ими плохо управляютъ; что у общества могутъ быть свои горести и нужды, совершенно независимыя отъ качества начальниковъ и зависящія отъ гораздо болѣе глубокихъ причинъ, этого онъ не то, чтобы теоретически не въ силахъ былъ понять, а практически не чувствовалъ. Въ своемъ докладѣ императору о первыхъ шагахъ верховной коммиссіи (представленномъ въ апрѣлѣ 1880 года) онъ, правда, говоритъ объ общихъ причинахъ недовольства широкихъ слоевъ: о „возрастаніи общихъ потребностей населенія", о томъ, что „значеніе дворянства, какъ сословія, стушевалось",—наконецъ, о „застоѣ насущныхъ вопросовъ"—т. е. о томъ, что дѣятельность власти перестала отвѣчать требованіямъ наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ группъ. Но и здѣсь онъ поминутно сбивается на своего любимаго конька: земство страдаетъ отъ „недостатка оживляющей правительственной поддержки"; городское самоуправленіе „рѣдко гдѣ встрѣтило на первыхъ же шагахъ сочувственное отношеніе администраціи". Управляйте лучше, старайтесь заслужить любовь управляемыхъ—и все пойдетъ хорошо. Въ побужденіи „правительственныхъ учрежденій и лицъ къ болѣе внимательному отношенію къ выразившимся насущнымъ потребностямъ народа и общества и къ его представителямъ"

онъ видѣлъ одно изъ главныхъ лѣкарствъ для исцѣленія „общества" отъ „смуты". Оттого и первыми практическими шагами его политики были: увольненіе непопулярныхъ администраторовъ, раздражавшихъ „общественное мнѣніе", т. е. преимущественно имущіе круги, своимъ образомъ дѣйствій,—среди нихъ на первомъ мѣстѣ министра народнаго просвѣщенія гр. Толстого; да назначеніе сенаторскихъ ревизій, которыя должны были, рядомъ съ доставленіемъ матеріала, необходимаго собственно для полицейскихъ цѣлей („о распространеніи въ Россіи соціально-революціонныхъ лжеученій", о послѣдствіяхъ административной ссылки, о настроеніи умовъ крестьянскаго населенія и т. под.), всесторонне освѣтить дѣятельность мѣстной администраціи всѣхъ вѣдомствъ и ея отношенія къ мѣстному населенію и мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ, начиная съ земства. Среди программы сенаторскихъ ревизій, пестрящей такими вопросами, какъ объединеніе дѣйствій полицейскихъ властей разныхъ наименованій, объ отношеніи корпуса жандармовъ къ общей полиціи, о состояніи мѣстъ заключенія и надзорѣ за арестантами, о предположенномъ сліяніи управленій акцизныхъ сборовъ съ казенными палатами, и даже о содержаніи и распредѣленіи бечевниковъ и о денежныхъ сборахъ съ судовъ,—очень трудно уловить господствующую общую линію, хотя она, несомнѣнно, была. Ея выраженіемъ были вопросы „объ экономическомъ положеніи мѣстнаго населенія въ связи съ причинами упадка народнаго благосостоянія и общественной нравственности"; „о недостаткахъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и въ частности общественнаго крестьянскаго самоуправленія"; „о тяжести и недостаткахъ подушной подати"; „о положеніи ремесленнаго, фабричнаго и заводскаго населенія"; „о переселенческомъ движеніи". Пересматривая ихъ, мы вспоминаемъ нѣчто знакомое· нельзя не признать чертъ родства между соціальной политикой Лорисъ-Меликова и старымъ лозунгомъ Николая Милютина — „поднять и поставить на ноги угнетенную массу". Мы видѣли, какъ печальна оказалась судьба этого лозунга, когда ему пришлось столкнуться съ реальными классовыми интересами командующихъ слоевъ населенія. Судьба лорисъ-меликовскаго „демократизма" не могла быть иной. Народъ нельзя спасать сверху — онъ только самъ себя можетъ спасти. А когда онъ принимается за это, онъ обыкновенно начинаетъ съ низверженія всякихъ опекуновъ—злыхъ и добрыхъ безразлично. Программа начальника верховной коммиссіи стала бы сама собою осуществляться, если бы взяли верхъ его главные враги—„злоумышленники противъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія". А разгромъ ихъ, къ которому въ первую очередь стремился либеральный реформаторъ, не могъ означать ничего другого, кромѣ еще большаго угнетенія „угнетенной массы"; послѣ него заботы о ней не только не могли повести ни къ чему серьезному, а пріобрѣтали еще одіозное значеніе—подкупа, попытки грошовыми уступками купить себѣ право вновь на многіе годы засѣсть на ея хребтѣ.

Вполнѣ естественно однако, что самъ гр. Лорисъ-Меликовъ склоненъ былъ смотрѣть на осуществленіе своей програмы весьма оптимистически. Когда подготовлялись сенаторскія ревизіи (осенью 1880 года), онъ считалъ уже многое достигнутымъ — прежде всего непосредственно полицейскія задачи своей диктатуры: 6-го августа „верховная распорядительная комиссія“ была, по его представленію, закрыта, и самъ онъ переименованъ въ министры внутреннихъ дѣлъ. Этимъ какъ бы ознаменовывалось „возобновленіе правильнаго теченія государственной жизни“, обѣщанное въ свое время жителямъ Петербурга въ награду за хорошее поведеніе. Перемѣна не обошлась безъ популярной мѣры, — въ родѣ изгнанія гр. Толстого, но на видъ болѣе серьезной: упразднено было страшное III Отдѣленіе государевой канцеляріи. На самомъ дѣлѣ, это означало лишь перенесеніе центра политическаго сыска въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ для этой цѣли и былъ образованъ департаментъ государственной полиціи. Въ дѣйствительности и „диктатура сердца“, какъ иронически называли въ то время лорисъ-меликовскій режимъ, не прекратила своего существованія съ закрытіемъ „верховной комиссіи“. Лорисъ-Меликовъ не сдѣлался зауряднымъ министромъ, а продолжалъ оставаться вице-самодержцемъ. Среди своихъ товарищей онъ занялъ положеніе, напоминавшее положеніе премьера, предсѣдателя кабинета; полицейская диктатура такимъ образомъ неожиданно повела у насъ къ образованію „министерства“ въ западно-европейскомъ духѣ, о которомъ мечтали когда-то либеральные друзья Александра I. Большая часть докладовъ другихъ министровъ дѣлалась въ присутствіи Лорисъ-Меликова. Его личное вліяніе было настолько сильно, что передъ нимъ заискивали такіе люди, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ *). Къ началу 1881 года новый министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ уже возможнымъ подводить итоги своей политикѣ, констатируя въ докладѣ своему государю „постепенное возвращеніе государственной жизни къ правильному ея теченію“. „Объединеніе дѣйствій правительственныхъ органовъ, охраняющихъ государственный и общественный порядокъ; облегченіе участи административно высланныхъ, особенно изъ среды учащейся молодежи; внесеніе болѣе сердечнаго участія въ руководство учебною частью въ Имперіи; усиленное вниманіе правительства къ мѣстнымъ земскимъ нуждамъ въ широкомъ объемѣ, выразившееся какъ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ ходатайствъ, оставлявшихся прежде безъ движенія, такъ и въ назначеніи сенаторскихъ ревизій съ главнѣйшею цѣлью изученія сихъ нуждъ; отмѣна ненавистнаго для народа соляного налога; предпринятый пересмотръ неудовлетворяющаго своей цѣли законодательства о печати, оказали и оказываютъ благотворное вліяніе на общество въ смыслѣ успокоенія тревожнаго состоянія онаго и возбужденія вѣрноподданнической готовности служить Вамъ, Государь, всѣми своими си-

*) См. выдержки изъ дневника Валуева у г. Щеголева: „Изъ исторіи конституціонныхъ вѣяній въ 1879—1881 гг.“. „Былое“, 1906, декабрь.

лами для завершенія великаго дѣла государственныхъ реформъ...“

Валуевъ былъ въ извѣстной долѣ правъ, когда онъ охарактеризовалъ весь этотъ циклъ мѣръ, какъ систему „задабриванія и прихорашиванія“. Если по отношенію къ народной массѣ Лорисъ-Меликовъ былъ продолжателемъ Николая Милютина, то по отношенію къ такъ называемому „обществу“, т. е. къ имущимъ классамъ населенія, онъ былъ предшественникомъ и родоначальникомъ той „подкупательной“ системы, которая окрасила своимъ цвѣтомъ политику слѣдующаго десятилѣтія. Но его преемникъ лучше зналъ, кого нужно покупать и чѣмъ можно купить. Облегченіе участи административно-сосланной молодежи, смягченіе желѣзнаго гнета классической системы въ гимназіяхъ—все это могло тронуть сердца отцовъ и матерей; но развѣ это удовлетворяло помѣщика за разстройство его хозяйства? Стоитъ сопоставить эту реальную причину „земскаго движенія“ съ тѣми невинными пластырями и примочками, какими добрый администраторъ собирался лѣчить русское общество отъ сочувствія революціи, чтобы впечатлѣніе получилось почти комическое. Между тѣмъ Лорисъ Меликовъ отчасти, несомнѣнно, подъ вліяніемъ общенія съ умѣренно-либеральными кругами, которые сами не понимали подкладки совершающагося, былъ искренно убѣжденъ, что уже наступилъ моментъ, когда можно безбоязненно завербовать „общество“ на службу „правительству“. Центральная мысль его доклада, введеніе къ которому мы цитировали выше, состояла въ томъ, что „призваніе общества къ участію въ разработкѣ необходимыхъ дл настоящаго времени мѣропріятій есть именно то средство, какое и полезно и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою“.

Противники „диктатуры сердца“ поспѣшили заявить, что въ этой фразѣ ближайшій помощникъ самодержавнаго царя имѣлъ въ виду ограниченіе самодержавія. Но уже самое положеніе Лорисъ-Меликова должно было, казалось бы, служить ручательствомъ, что ничего подобнаго онъ не замышляетъ. Можно вполнѣ повѣрить, что онъ не хотѣлъ больше того, къ чему стремился въ своихъ проектахъ и великій князь Константинъ—больше заполненія той пустоты, которая дѣлала правительство чужимъ въ своей собственной странѣ. Можно вполнѣ повѣрить искренности словъ Лорисъ-Меликова, когда онъ говорилъ, что, по глубокому его убѣжденію, „для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствія коей трудно и предвидѣть“. Такое же впечатлѣніе выносили изъ разговоровъ съ нимъ его собесѣдники и впослѣдствіи, когда онъ былъ уже частнымъ человѣкомъ и не имѣлъ никакихъ поводовъ скрывать свои убѣжденія. То учрежденіе, которое представлялось его воображенію, какъ идеалъ сотрудничества общественныхъ силъ и правительства, было отнюдь не парламентъ, а нѣчто, прямо ему противоположное—редакціонныя комиссіи 1859 года. Въ по-

добныхъ комиссіяхъ должны были быть разсмотрѣны тѣ вопросы, которые правительство признавало очередными: согласно съ общей соціальной программой Лорисъ - Меликова, сюда входили главнымъ образомъ „дополненіе, по указаніямъ опыта, положеній 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ по крестьянскому дѣлу узаконеній, соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ крестьянскаго населенія“ и „изысканіе способовъ 1) къ скорѣйшему прекращенію существующихъ донынѣ обязательныхъ отношеній бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ и 2) къ облегченію выкупныхъ крестьянскихъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ опытъ указалъ на крайнюю ихъ обременительность“. Въ противоположность крестьянской реформѣ, только послѣ обсужденія въ редакціонныхъ комиссіяхъ, составленныхъ изъ чиновниковъ и членовъ-экспертовъ по назначенію правительства, проекты поступали въ учрежденія болѣе „общественнаго“ характера, напоминавшія губернскіе комитеты конца 50-хъ годовъ. „Составленные подготовительными комиссіями законопроекты“, говоритъ докладъ, „подлежали бы... предварительному внесенію въ общую комиссію, имѣющую образоваться, подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго Высочайшею волею лица, изъ предсѣдателей и членовъ подготовительныхъ комиссій, съ призывомъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а также отъ нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ, по два отъ каждой губерніи и города; причемъ, въ видахъ привлеченія дѣйствительно полезныхъ и свѣдующихъ лицъ, губернскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ должно быть предоставлено право избирать таковыхъ не только изъ среды гласныхъ, но и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города. Изъ губерній, гдѣ земскія учрежденія еще не открыты, могли бы быть призваны лица по указанію мѣстной власти. Для занятій общей комиссіи могло бы быть назначено *крайнимъ срокомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ*. Разсмотрѣнные и одобренные или исправленные общею комиссіею законопроекты подлежали бы внесенію въ государственный совѣтъ, съ заключеніемъ по онымъ министра, къ вѣдомству коего относится предметъ новаго законопроекта, причемъ *для облегченія государственнаго совѣта въ предстоящихъ ему работахъ*, быть можетъ, Вашему Величеству благоугодно будетъ повелѣть призвать и въ составъ его съ правомъ голоса нѣсколько, отъ 10 до 15, представителей отъ общественныхъ учрежденій, обнаружившихъ особенныя познанія, опытность и выдающіяся способности“.

Вотъ и вся „конституція Лорисъ-Меликова“, какъ она изложена самимъ ея творцомъ. Какъ видимъ, обсужденіе крестьянской реформы въ 50-хъ годахъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, было поставлено гораздо шире и „либеральнѣе“. Тамъ выборный элементъ рѣшительно доминировалъ (въ губернскихъ комитетахъ), здѣсь назначенные и приглашенные правительствомъ члены и предсѣдатели должны были до крайности его стѣснить. Тамъ на одинъ крестьянскій вопросъ было дано около году

времени, здѣсь на всѣ вообще вопросы отводилось *2 мѣсяца!* Наивнѣе нельзя было проговориться, что отъ общества требуется только приложить руку къ правительственной работѣ, а отнюдь не критиковать послѣднюю во всѣхъ деталяхъ. Наконецъ, приглашеніе въ государственный совѣтъ „представителей отъ общественныхъ учрежденій"— не по выбору однако послѣднихъ, а по приглашенію правительства, ничего новаго собою не представляло: при обсужденіи земской реформы въ работахъ совѣта принимали участіе нѣкоторые предводители дворянства и городскіе головы.

Обостреніе борьбы съ „крамолой" въ свое время помѣшало осуществленію аналогичныхъ проектовъ великаго князя Константина. Затишье, наступившее къ зимѣ 1880—81 года,—какъ казалось, благодаря „диктатурѣ сердца" — должно было подготовить благопріятную почву для предложенія Лорисъ-Меликова. Валуевъ, дневникъ котораго для перипетій „конституціи" въ высшихъ сферахъ является главнѣйшимъ нашимъ источникомъ, съ горечью отмѣчаетъ успѣхъ „обмана", которымъ опуталъ Александра II счастливый соперникъ автора конституціи 1863 года. Нѣтъ надобности говорить, что Михаила I онъ такъ же ненавидѣлъ, какъ и Константина Николаевича—и даже болѣе. Въ совѣщаніяхъ 4-го, 9-го и 14-го февраля 1881 года планъ Лорисъ-Меликова удостоился „всеобщаго одобренія",— въ особенности, повидимому, имъ былъ доволенъ императоръ. 16-го журналъ особаго совѣщанія былъ подписанъ и представленъ послѣднему; 17-го онъ вернулся съ высочайшей отмѣткой: „исполнить". Въ тотъ же день министру внутреннихъ дѣлъ было приказано составить „извѣщеніе" для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", о предполагаемомъ созывѣ комиссій.

„Извѣщеніе" было готово 1-го марта утромъ и также удостоилось высочайшаго одобренія. На 4-е марта было назначено засѣданіе совѣта министровъ — послѣ всего предыдущаго становившееся просто торжественной формальностью. А въ третьемъ часу, когда Валуевъ былъ съ этимъ извѣстіемъ у Лорисъ-Меликова, раздались взрывы бомбъ на Екатерининскомъ каналѣ. Вечеромъ того же дня императоромъ былъ Александръ III.

1-ое марта обмануло ожиданія обѣихъ борющихся сторонъ. Убійство Александра II не послужило сигналомъ къ народному взрыву. Вечеромъ Петербургъ былъ таковъ же, какъ и всегда. Но въ то же время наверху поняли, какъ обманчива была тишина, созданная „диктатурой сердца". Подготовить въ самой столицѣ, подъ глазами лучшей полиціи въ имперіи, сложное покушеніе—цѣлый динамитный заговоръ, потребовавшій устройства лабораторіи, устройства настоящей мины въ центрѣ города —все это не могло не служить доказательствомъ, что движеніе пользуется еще сочувствіемъ широкихъ слоевъ и располагаетъ большими матеріальными средствами. Иллюзіи общества, полнаго „вѣрноподданнической готовности служить" самодержавію, разсѣялись, какъ дымъ.

А такъ какъ планъ Лорисъ-Меликова держался именно на этой ил-

люзіи, то 1-ое марта убило и этотъ планъ, — хотя вовсе не такимъ способомъ, какъ это обычно себѣ представляютъ. „Подготовительныя комиссіи“ были такъ далеки отъ конституціи, что даже Александръ III отнесся къ нимъ вначалѣ индифферентно. На докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, излагавшемъ ходъ дѣла въ послѣдніе дни жизни покойнаго императора, новый государь написалъ: „онъ составленъ весьма хорошо“. Но противникамъ Лорисъ-Меликова очень скоро удалось убѣдить Александра Александровича, что затѣянное „диктаторомъ сердца“ новшество просто на просто совсѣмъ не нужно въ наступившей обстановкѣ. И нельзя не сказать, что логически они были безукоризненно правы: разъ исходной точкой проекта было „успокоеніе“, а оно только что было наглядно опровергнуто 1-мъ марта,— дѣло возвращалось къ тому положенію, въ какомъ оно было въ моментъ образованія „верховной распорядительной комиссіи“. Нужно было опять добиваться „успокоенія“. Какъ? На это отвѣтила политика антагониста и близкаго преемника Лорисъ-Меликова,—гр. Толстого.

Но вчерашній диктаторъ не хотѣлъ еще примириться со своей неудачей и настоялъ на новомъ обсужденіи своего проекта въ присутствіи только что вступившаго на престолъ императора. Александръ III старался держаться объективно, — но по существу уже былъ согласенъ съ противниками Лорисъ-Меликова. Новое совѣщаніе только дало возможность послѣднимъ окончательно дискредитировать своего врага въ глазахъ государя,—играя на томъ, къ чему Александръ Александровичъ былъ особенно чувствителенъ. Строгановъ и Побѣдоносцевъ произнесли горячія рѣчи,—особенно горячился послѣдній, гдѣ доказывали, что проектъ министра внутреннихъ дѣлъ есть измѣна самодержавію. Къ нимъ примкнули и нѣкоторые изъ бывшихъ министровъ Александра II, въ особенности Маковъ. Но большинство ихъ оказалось на сторонѣ своего фактическаго премьера: военный министръ Милютинъ, министръ финансовъ Абаза, юстиціи—Набоковъ и великій князь Константинъ, который теперь не имѣлъ уже никакихъ побужденій „льстить“ „Михаилу I“, высказались за созывъ комиссій. Въ исторіи русской исполнительной власти впервые появилось нѣчто въ родѣ министерской солидарности, и крушеніе „конституціонныхъ“ плановъ ознаменовалось своего рода министерскимъ кризисомъ: въ маѣ 1881 года подалъ въ отставку Лорисъ-Меликовъ, а немного погодя послѣдовательно ушли Милютинъ, Абаза, и в. кн. Константинъ Николаевичъ—при Александрѣ II, по званію генералъ-адмирала, стоявшій во главѣ морского министерства. Изъ оппонентовъ Строганова и Побѣдоносцева въ министерствѣ остался (до 1885) одинъ Набоковъ.

3. Законодательство Александра III *).

Перемѣна лицъ однако же вовсе не означала крутой и рѣзкой перемѣны курса правительственной политики. Трафаретное представленіе о „реакціи", наступившей тотчасъ „послѣ 1 марта", надо оставить вмѣстѣ со многимъ множествомъ другихъ легендъ, касающихся нашей новѣйшей исторіи. Психологически эта реакція, въ наиболѣе элементарномъ ея пониманіи, объясняется, примѣрно, такъ: правительство смягчилось было (эра „диктатуры сердца") и не прочь было „пойти навстрѣчу",—1-ое марта вызвало въ немъ чувства злобы и негодованія, которыя заставили его быстро вернуться къ репрессивнымъ мѣрамъ. Ни въ чемъ другомъ не выражается такъ ярко политическое безсиліе тогдашняго „общества", т. е. передовой буржуазіи и буржуазной интеллигенціи, сознававшихъ, что своими силами онѣ ничего не смогутъ и не сумѣютъ добиться, и надѣявшихся исключительно на „доброту" начальства, какъ въ этомъ пониманіи послѣдствій 1-го марта. Разсердили власть—и все пропало. Но правительство вовсе не чувствовало такой свободы въ выборѣ своихъ дѣйствій, чтобы руководиться „негодованіемъ" или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Еще Карамзинъ, во всякомъ случаѣ, правильно смотрѣвшій на психологію людей своего круга, говорилъ, что страхъ „обычнѣе всѣхъ другихъ побужденій для смертныхъ". Событіе 1-го марта прежде всего другого должно было внушить мысль, что заговорщики пользуются сочувствіемъ широкихъ общественныхъ круговъ. Имѣютъ ли они такую же опору въ народной массѣ? На первый взглядъ масса была равнодушно-спокойна. Сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ офиціальныя изъявленія преданности и негодованія, конечно, меньше всего могли обмануть правительство: оно имъ знало цѣну. Но что было въ дѣйствительности? Этого, *навѣрное*, никто не зналъ наверху въ 1881 году — какъ и въ 1905. Знали только — не могли не знать, — что среди крестьянства ходятъ толки, не предвѣщавшіе ничего добраго. „Толки о томъ, что будетъ милость „насчетъ земли", только усилились нынѣшней весной", писалъ Энгельгардтъ въ 1881 году, „а начали ходить еще давно. Каждый, кто, живя въ деревнѣ, находится въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, напримѣръ, самолично ведетъ хозяйство, навѣрно слышалъ объ этомъ еще въ 1878 году, когда толки и слухи вдругъ особенно усилились. Послѣ взятія Плевны о „милости" всюду говорили открыто и на сельскихъ сходахъ, и на свадьбахъ, и на общихъ работахъ. Даже къ помѣщикамъ обращались съ вопросами, можно ли покупать земли въ вѣчность, будутъ ли потомъ возвращены деньги тѣмъ, которые купили земли, и т. п.... Всѣ ожидали тогда, что

---

*) Само собою разумѣется, что настоящій очеркъ отнюдь не претендуетъ дать исчерпывающую характеристику всей законодательной работы этаго царствованія: его задача—намѣтитъ лишь основныя тенденціи этой работы. Анализъ отдѣльныхъ законовъ читатели найдутъ въ спеціальныхъ главахъ, посвященныхъ суду, земству, финансамъ и т. д.

въ 1879 году выйдетъ „новое положеніе“ насчетъ земли“... Что эти толки были знакомы не только тѣмъ, кто постоянно жилъ въ деревнѣ, доказывается изданнымъ въ этомъ самомъ 1879 году циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ (тогда Макова) губернаторамъ. Здѣсь предписывалось разъяснять крестьянамъ, что „ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ“. Циркуляръ не оказалъ никакого дѣйствія,—прежде всего уже потому, что тѣ, кто непосредственно долженъ былъ разъяснять сельскому населенію его заблужденіе, сельскія власти и низшая полиція, сами вѣрили въ предстоящую „милость насчетъ земли“ *). Очевидно, какая-нибудь „милость“ деревнѣ вообще была необходима: родственная милютинской идеологія Лорисъ-Меликова отнюдь не была случайностью и не даромъ нашла себѣ сочувствіе въ высшихъ сферахъ. Уже при Александрѣ II были намѣчены два шага въ этомъ направленіи: окончательная ликвидація обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и отмѣна подушной подати. Экономическое значеніе перваго изъ этихъ шаговъ, финансовое—второго читатели видѣли въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь для насъ важно отмѣтить, что и тотъ и другой входили въ лорисъ-меликовскую программу и значились въ числѣ тѣхъ вопросовъ, которые должны были стать предметомъ обсужденія въ проектировавшихся министрами Александра II комиссіяхъ. Провалъ этихъ послѣднихъ вовсе не означалъ упраздненія ставившейся имъ задачи, только правительство Александра III находило возможнымъ рѣшить ее своими собственными, обычно-бюрократическими средствами. 28 декабря 1881 года переходъ крестьянъ на выкупъ, прежде, какъ мы знаемъ, зависѣвшій отъ произвола помѣщика, былъ сдѣланъ обязательнымъ *). Одновременно съ этимъ были понижены выкупные платежи — притомъ понижены такъ своеобразно, точно не желали оставить никакого сомнѣнія въ характерѣ этой мѣры, какъ „милости“: скинули по 1 рублю съ души въ великорусскихъ губерніяхъ и 16% съ оклада въ малороссійскихъ,—безъ всякаго отношенія къ общему размѣру платежа, цѣнности надѣла и т. д. Это было своеобразное „поравненіе“—не совсѣмъ правда, такое, какого ожидали много толковавшіе о „поравненіи“ крестьяне. Поправкой къ нему было добавочное или спеціальное пониженіе выкупныхъ платежей для тѣхъ селеній, гдѣ крестьянское хозяйство пришло въ разстройство,—ибо благоустройства не было почти нигдѣ. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что размѣры „милости“ были значительные, такъ что остаться незамѣченной крестьянствомъ она не могла: въ общемъ на всю Россію выкупные платежи были понижены болѣе, чѣмъ на четверть (27%), причемъ по отдѣльнымъ губерніямъ пониженіе доходило до 92% (Олонецкая). Итакъ, крестьянство могло теперь спокойно ждать дальнѣйшаго: „милости“ начались,—правда, не въ формѣ при-

*) Энгельгардтъ, ibid. 507 и слѣд.

*) Съ 1 января 1883 года.

рѣзки земли, — но и по этой части правительство Александра III коечто спѣшило сдѣлать. Полгода спустя послѣ указа о выкупѣ былъ учрежденъ крестьянскій поземельный банкъ (18 мая 1882 года). Если пониженіе выкупныхъ платежей было „милостью" по отношенію ко всей крестьянской массѣ, то новая мѣра шла на встрѣчу той сельской буржуазіи, которая, какъ мы знаемъ, была особенно „либеральна", что не мѣшало ей, впрочемъ, съ большимъ усердіемъ ловить „злоумышленниковъ". Эта часть крестьянства могла теперь удовлетворить свою земельную жажду при помощи казеннаго кредита, — правда, очень не дешеваго ($7^1/_2$—$8^1/_2$ %), но все же неизмѣримо болѣе доступнаго для нея, нежели какой-нибудь другой. И деревенская буржуазія использовала эту „милость" въ столь широкихъ размѣрахъ, что дворянское правительство скоро испугалось послѣдствій своей собственной политики: за четыре года (1883—1887) крестьянами было куплено черезъ банкъ земли на 60 слишкомъ милліоновъ рублей. Открытіе дворянскаго банка затормазило ликвидацію помѣщичьихъ земель этимъ путемъ, и тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, съ конца 80-хъ годовъ нашли нужнымъ принять рядъ особыхъ мѣръ къ стѣсненію дѣятельности крестьянскаго банка.

Въ томъ же маѣ мѣсяцѣ 1882 года началось осуществленіе и другой „милости", входившей въ циклъ лорисъ-меликовской политики: отмѣнена была подушная подать для крестьянъ беземельныхъ и для получившихъ при освобожденіи „дарственный" или „нищенскій" надѣлъ, и понижена та же подать—на половину для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и на 10% для всѣхъ прочихъ. А черезъ три года, высочайше утвержденнымъ 28 мая 1885 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, подушная подать отмѣнена вовсе. Мотивировка, которую давали этой мѣрѣ и министръ финансовъ въ своемъ представленіи государственному совѣту и самъ этотъ послѣдній, не оставляла никакихъ сомнѣній въ характерѣ и этой мѣры, какъ „милости". „Чѣмъ скорѣе она совершится", писалъ объ отмѣнѣ подушной подати Бунге, „тѣмъ сильнѣе будетъ впечатлѣніе, которое она оставитъ въ умахъ,—*тѣмъ непосредственнѣе и осязательнѣе окажутся результаты, къ которымъ она приведетъ*". А государственный совѣтъ въ своемъ мнѣніи указывалъ, что „преобразованія, подобныя осуществляемому, достаточны, чтобы упрочить славу царствованія и сдѣлать имя Вѣнценосца священнымъ въ памяти народной" *)...

Но внѣ крестьянства въ собственномъ смыслѣ оставалась еще одна группа населенія, настроенная противъ существующаго соціальнаго порядка не менѣе остро, чѣмъ сельская буржуазія, но политически болѣе сознательная: то былъ фабрично-заводской пролетаріатъ. Программа Лорисъ-Меликова не забывала и его, какъ мы знаемъ, — не позабыло его и правительство Александра III. Министерство Бунге (1881—1887 гг.)

*) И. Страховскій, „Крестьянскій вопросъ въ законодательствѣ и въ законосовѣщательныхъ комиссіяхъ послѣ 1861 года". Сборникъ „Крестьянскій строй", I, стр. 418—19.

отмѣчено цѣлымъ рядомъ фабричныхъ законовъ, первыхъ въ русской исторіи: они уменьшили эксплоатацію дѣтскаго и отчасти женскаго труда, ограничили крѣпостной режимъ на фабрикахъ и подчинили послѣднія надзору правительственнаго инспектората. Если первыя мѣры и вызывались отчасти интересами самой промышленности и были желательны наиболѣе прогрессивнымъ предпринимателямъ, хотя и невыгодны болѣе отсталому большинству, то инспекторатъ не могъ быть пріятенъ и выгоденъ ни большинству, ни меньшинству фабрикантовъ. „Что же такое фабрика и фабрикантъ? Неужели они суть мѣсто беззаконія и личность, требующая внезапныхъ слѣдованій?“ восклицало тверское купечество въ 60-хъ годахъ — по поводу попавшаго на его обсужденіе проекта правительственной инспекціи; и нѣтъ сомнѣнія, что еще и въ 80-хъ годахъ къ этому восклицанію могли бы присоединиться 9/10 всѣхъ россійскихъ предпринимателей. Либеральная традиція связываетъ фабричные законы 80-хъ годовъ съ личностью Бунге: былъ добрый министръ, были и хорошіе законы. Но одинъ изъ самыхъ важныхъ среди этихъ законовъ (3-го іюня 1886 г.), сдѣлавшій самую широкую брешь въ вотчинныхъ правахъ фабриканта, обязанъ своимъ изданіемъ вовсе не Бунге, а Д. Толстому, министру внутреннихъ дѣлъ Александра III, вождю дворянской реакціи. Мотивы его вмѣшательства въ чуждую для него область были чисто полицейскіе, — чего онъ и не думалъ скрывать. „Изслѣдованіе мѣстными властями причинъ стачекъ рабочихъ“, писалъ онъ министру финансовъ, „обнаружило, что онѣ грозили принять размѣры серьезныхъ волненій и произошли главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ общихъ постановленій, на основаніи коихъ могли бы опредѣляться взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ“. Перечисливъ затѣмъ наиболѣе выдающіяся особенности крѣпостного режима на фабрикахъ, министръ внутреннихъ дѣлъ продолжалъ: „Совокупность всѣхъ изложенныхъ и многихъ другихъ причинъ влекла за собою, какъ показалъ опытъ, возникновеніе безпорядковъ, а необходимость для прекращенія ихъ прибѣгать къ содѣйствію войска въ достаточной степени свидѣтельствуетъ о настоятельности приступить къ составленію, въ развитіе дѣйствующаго законодательства, такихъ нормальныхъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произволъ фабрикантовъ, способствовали бы устраненію въ будущемъ прискорбныхъ случаевъ...“ А что и фабричные законы имѣли значеніе больше моральное, — осторожно выражаясь, — и разсчитаны были не столько на то, чтобы произвести нѣкоторыя реальныя перемѣны, сколько на настроеніе рабочихъ, это достаточно доказывается постановкой на практикѣ хотя бы, напримѣръ, фабричной инспекціи: инспекторовъ было назначено такъ мало, что они едва успѣвали осматривать 10% всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ промышленныхъ заведеній въ годъ. Иными словами, „внезапное слѣдованіе“ угрожало фабриканту разъ въ 10 лѣтъ; это было не очень еще страшно.

Тѣмъ не менѣе, когда моральный эффектъ мѣръ былъ достигнутъ, начались (при Вышнеградскомъ) ограниченія и фабричныхъ законовъ, — какъ это имѣло мѣсто и по отношенію къ „милостямъ“, оказаннымъ крестьянству, напримѣръ, по отношенію къ крестьянскому поземельному банку.

Преслѣдуя такимъ образомъ политику „милостей“ по отношенію къ широкимъ народнымъ массамъ, правительство совершенно иначе держало себя относительно той группы, сочувствіе которой революціи казалось не подлежащимъ уже сомнѣнію, такъ что щадить ее не стоило. Этой группой была интеллигенція. Но и тутъ Александръ III съ полнымъ правомъ могъ бы сказать, что онъ не отступаетъ отъ завѣтовъ своего отца: основныя мѣры въ этомъ случаѣ были намѣчены еще въ 1879 году на томъ „особомъ совѣщаніи“, о которомъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ. Изъ этихъ мѣръ приходится на первый планъ поставить двѣ: одна имѣла въ виду обуздать вредное вліяніе печатнаго станка, другая —университетской каѳедры. Временныя правила о печати 1882 года стѣснили почти до полной невозможности распространеніе въ обществѣ легальнымъ путемъ взглядовъ, которые правительство считало для себя вредными; эти правила мѣтили противъ будущаго,—изданный вскорѣ спеціальный каталогъ книгъ, запрещенныхъ къ выдачѣ изъ публичныхъ библіотекъ и читаленъ, распространилъ эту предохранительную мѣру и на прошедшее; отъ вредныхъ идей теперь русское общество было забронировано со всѣхъ сторонъ. Но и то и другое было уже рѣшено или намѣчалось въ предшествующее царствованіе. Преслѣдованіе отдѣльныхъ „вредныхъ“ книгъ, хотя бы изданныхъ давнымъ давно съ вѣдома и разрѣшенія цензуры, началось еще въ 70-хъ годахъ: такой участи подверглись сочиненія Писарева, I томъ „Капитала“ и многое другое. А „временныя правила“ 1882 года были прямымъ отвѣтомъ на одно изъ пожеланій „особаго совѣщанія“ 1879 года подъ предсѣдательствомъ Валуева: „въ виду постоянно и систематически вреднаго вліянія періодической печати и недостаточности дѣйствующихъ о ней постановленій, проектировать новыя правила...“ Что „особое совѣщаніе“ имѣло въ виду репрессію путемъ денежныхъ штрафовъ (съ такимъ успѣхомъ примѣняющуюся теперь), а „временныя правила“ разрѣшили вопросъ нѣсколько иначе,—это была уже частность, не мѣнявшая существа дѣла. То же „особое совѣщаніе“ поставило на очередь и вопросъ о „реформѣ“ университета. Всѣ основныя черты университетскаго режима 80-хъ годовъ, начиная отъ возвышенія платы за ученье и кончая введеніемъ бюрократической дисциплины по отношенію къ учащимъ и почти военной по отношенію къ учащимся,—все это можно найти въ хаотическихъ журналахъ „совѣщанія“. Толстой—тогда министръ народнаго просвѣщенія—уже въ то время заявлялъ совершенно опредѣленно, что у него готовъ проектъ новаго университетскаго устава, отдающаго высшія учебныя заведенія въ полную власть агентовъ министерства—попечителей учебныхъ округовъ—и устраняющаго „неудобную

во всѣхъ отношеніяхъ автономію" профессорскихъ коллегій. Онъ же обѣщалъ принять мѣры противъ „наплыва студентовъ въ столичные университеты", а равно „возстановить болѣе точную учебную дисциплину". Университетскій уставъ 1884 года всего менѣе былъ продуктомъ какой-либо внезапной „реакціи", наступившей немедленно послѣ 1 марта. И знаменитый циркуляръ, изданный уже во второй половинѣ 80-хъ годовъ министромъ народнаго просвѣщенія Деляновымъ, рекомендовавшій гимназическому начальству стѣснять доступъ въ среднія учебныя заведенія дѣтямъ изъ недостаточныхъ классовъ населенія,—въ просторѣчіи называемый „циркуляромъ о кухаркиномъ сынѣ",—и онъ былъ предвосхищенъ „совѣщаніемъ" 1879 года. Тогдашній министръ финансовъ — генералъ Грейгъ—усматривалъ одну изъ главныхъ причинъ размноженія революціонныхъ агитаторовъ въ дешевизнѣ платы за ученье, многочисленныхъ стипендіяхъ и „разныхъ другихъ воспособленіяхъ", приводящихъ къ наплыву въ концѣ концовъ въ высшія учебныя заведенія такихъ элементовъ, которые „не представляютъ достаточнаго обезпеченія ни къ окончанію начатаго курса ученія, ни къ размѣщенію въ общественной средѣ". Внявъ этимъ соображеніямъ министра финансовъ, „особое совѣщаніе" рѣшило поставить на ближайшую очередь вопросъ: „не слѣдуетъ ли положить предѣлъ искусственной поддержкѣ весьма распространеннаго стремленія перемѣщаться, путемъ высшаго образованія, изъ одного слоя общества въ другой?"

Мы уже видѣли выше, что и ключевая нота политики Александра III специальное покровительство дворянству, дана была тѣмъ же „совѣщаніемъ", пришедшимъ къ заключенію, что „необходимо ободрить и сплотить для противодѣйствія революціонной пропагандѣ тѣ элементы населенія, въ которыхъ должны *естественно* и *преемственно* заключаться разумныя и охранительныя силы", и „что такія силы дѣйствительно заключаются въ частномъ потомственномъ землевладѣніи". Но для настроенія правительства въ началѣ 80-хъ годовъ характерно, что до дворянства очередь дошла позднѣе „милостей", оказанныхъ крестьянамъ и рабочимъ. „Свои" могли и подождать, сначала нужно было обезопасить себя отъ „чужихъ"—отъ волненія общественныхъ низовъ, одинаково грозившаго и помѣщикамъ и правительству. Дворянамъ пришлось о себѣ напомнить: въ 1883 году одно изъ дворянскихъ собраній, орловское, первое возбудило вопросъ о правительственномъ кредитѣ изнывавшему подъ гнетомъ частныхъ банковъ „потомственному землевладѣнію". Лишь тогда Александръ III вспомнилъ, что „пора, наконецъ, сдѣлать что-нибудь, чтобы помочь дворянству",—и дѣло двинулось. Самая „милость" была пріурочена къ столѣтнему юбилею екатерининской жалованной грамоты дворянству (21 апрѣля 1885 года),—причемъ въ высочайшемъ рескриптѣ былъ вполнѣ опредѣленно подчеркнутъ политическій характеръ мѣры: „Дабы дворяне тѣмъ болѣе привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ преимущественно приложить свои силы

къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія". Дворянская публицистика высказывала уже эту мысль на двадцать лѣтъ раньше, — притомъ болѣе опредѣленно и откровенно. „Главная цѣль поземельнаго кредита, какъ показываетъ повсюду его исторія", писалъ Катковъ въ 1865 году, „есть поддержка не сельскаго хозяйства, которое болѣе нуждается въ краткосрочномъ кредитѣ, а землевладѣнія, то-есть содѣйствіе тому, чтобы поземельная собственность оставалась въ тѣхъ же рукахъ, въ которыхъ она находится въ данное время". *) Дѣятельность дворянскаго банка, — не въ примѣръ крестьянскому, — тотчасъ же показала, что теперь „милость" имѣла не только психологическое, а и вполнѣ реальное значеніе: въ то время, какъ операціи послѣдняго очень скоро начали суживаться, первый все болѣе ихъ расширялъ. Въ 1890 году, напримѣръ, на дворянскій банкъ были переведены и всѣ долги дворянъ бывшему „обществу взаимнаго поземельнаго кредита", и заемщики его получили возможность воспользоваться льготными условіями новаго правительственнаго кредита **). Въ то время, какъ недоимки кліентовъ крестьянскаго банка взыскивались необыкновенно сурово,—такъ что къ началу 90-хъ годовъ около 8% купленной крестьянами черезъ банкъ земли было отобрано у нихъ обратно,—дворяне закономъ 1 ноября 1889 года были какъ бы даже поощрены къ накопленію недоимокъ: по этому закону недоимка была отчасти прощена, отчасти причислена къ капитальной суммѣ долга,—иногда даже безъ начисленія на нее %. Не мудрено, что къ половинѣ 90-хъ годовъ приблизительно треть кліентовъ дворянскаго банка оказалась безнадежными недоимщиками; тѣмъ не менѣе продано съ торговъ было лишь ничтожное число имѣній.

Основной принципъ поземельнаго кредита, какъ понималъ его Катковъ, проводился такимъ образомъ весьма твердо: все было сдѣлано для того, чтобы „поземельная собственность оставалась въ тѣхъ же рукахъ". Но съ этой же точки зрѣнія кредитъ былъ только средствомъ, — цѣлью было сохраненіе помѣщичьей опеки надъ народной массой. Этой цѣли нисколько не помогли бы никакія комиссіи, въ родѣ проектировавшихся Лорисъ-Меликовымъ; потому диктатура сердца и вызывала больше всего надеждъ не у дворянства, къ ней очень холоднаго, а у буржуазной интеллигенціи, разсчитывавшей найти въ ней обходный путь къ недававшейся прямо конституціи. Если дворянскія земства давали звучное эхо интеллигентскимъ толкамъ, то вовсе не потому, что эти двѣ группы были сколько-нибудь между собою солидарны: раздѣлявшая ихъ пропасть, такимъ широкимъ зѣвомъ раскрывшаяся послѣ 1905 года, въ дѣйствительности существовала, конечно, и двадцатью годами раньше, только была менѣе замѣтна. Дворянство будировало, потому что оно было

*) Передовая „Московскихъ Вѣдомостей", отъ 28 іюня 1865 г.

**) Дворянскій банкъ взималъ до 1889 года 5%, съ 1889-94—4½%, 1894-97 — 4%, теперь 3½. „Общество взаимнаго поземельнаго кредита" брало, какъ мы знаемъ, болѣе 7%. Подробности см. въ главахъ объ экономическомъ развитіи и финансахъ.

вообще недовольно: если ты не съ нами, говорило оно своей фрондой правительству, — то мы пойдемъ съ ними, съ тѣми радикалами, которыхъ ты такъ боишься. Но фронда есть фронда, а революція—революція: не даромъ двѣ эти вещи называются различными именами. Когда 1 марта показало всю серьезность революціоннаго движенія, дворянство градомъ вѣрноподданническихъ заявленій—и въ искренности *этихъ* заявленій едва ли можно было сомнѣваться—выразило свою солидарность съ правительствомъ и отмежевалось отъ крайней лѣвой оппозиціи *). Правда, слабые намеки на конституцію слышались и въ этихъ заявленіяхъ; но исторія очень скоро доказала, что это были не предвѣстники новаго урагана, а послѣднія тучи уже разсѣянной бури. Чего дѣйствительно добивалось помѣстное землевладѣніе —это оно въ очень спокойной и дѣловой формѣ имѣло случай заявить какъ разъ въ это время, обсуждая, по порученію правительства, вопросъ о реформѣ крестьянскихъ учрежденій. Вопросъ былъ поставленъ Лорисъ-Меликовымъ (въ циркулярѣ отъ 22 декабря 1880 года) и представлялъ собою приступъ къ его программѣ — разработкѣ законодательныхъ вопросовъ съ участіемъ представителей отъ земства. Нельзя сказать, чтобы земцы очень горячо отнеслись къ этому почину министра внутреннихъ дѣлъ: изъ числа помѣщичьихъ губерній лишь въ пяти (Казанской, Новгородской, Петербургской, Псковской и Таврической) % гласныхъ, принявшихъ участіе въ обсужденіи поставленнаго вопроса, былъ выше 50; въ остальныхъ меньше половины наличнаго состава земскихъ собраній проявило интересъ къ крестьянскимъ учрежденіямъ. Въ отзывахъ земствъ мы имѣемъ передъ собою такимъ образомъ мнѣніе лишь наиболѣе передовыхъ элементовъ помѣщичьяго класса. Тѣмъ любопытнѣе, что даже среди нихъ обнаружились, — и отнюдь не въ видѣ единичныхъ исключеній,—тенденціи болѣе консервативныя, чѣмъ у разсматривавшей одновременно этотъ вопросъ правительственной, бюрократической комиссіи. Комиссія эта—такъ называемая кахановская **) — пришла къ мысли о совершенной негодности сословныхъ крестьянскихъ учрежденій и рѣшила, оставивъ за сельскою общиною только хозяйственныя функціи, замѣнить сельское общество и волость, какъ административно - полицейскія организаціи, учрежденіями всесословными. Идея всесословной волости часто всплывала и въ земскихъ совѣщаніяхъ — даже гораздо раньше 80-хъ годовъ,—правда, иногда съ очень специфической окраской, какъ это было съ петербургскимъ дворянствомъ за десять лѣтъ до разсматриваемой эпохи ***). Теперь къ этой идеѣ однако же весьма многіе земцы отнеслись съ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Симбирская общая земская комиссія находила, что „созданіе такой хозяйственной единицы явится насиліемъ надъ жизнью, которая не выработала никакихъ данныхъ для объединенія имущественныхъ инте-

*) Подробности см. въ главѣ „Общественное движеніе 80-хъ годовъ".

**) Подробности о ней см. въ главѣ, посвященной земству

***) См. тамъ же.

ресовъ населенія волости. Такая мелкая всесословная хозяйственная единица явится учрежденіемъ чисто искусственнымъ...“ Орловская комиссія послѣ легкой инсинуаціи, что всесословная волость нужна главнымъ образомъ „представителямъ самыхъ крайнихъ мнѣній“, опасалась, что въ составъ новыхъ, безсословныхъ, волостныхъ учрежденій войдетъ „тотъ вліятельный въ сельской средѣ и вредный классъ“, большинство котораго составляютъ „мѣщане и разночинцы“. „Такимъ образомъ низменные и своекорыстные интересы получатъ преобладаніе въ ущербъ интересамъ общиннымъ, а равно и интересамъ относительно крупнаго личнаго землевладѣнія, представители коего будутъ съ перваго же шага отстранены численною силой“. Одинъ изъ рязанскихъ гласныхъ также опасался „своекорыстныхъ инстинктовъ“, которые рисовались ему даже въ еще болѣе страшномъ видѣ, чѣмъ орловскимъ земцамъ. „Если въ округѣ найдется человѣкъ“, писалъ онъ, „способный эксплоатировать слабости и нужды крестьянъ, то въ этомъ округѣ онъ заберетъ всѣ дѣла въ свои руки и дѣло поведетъ въ личномъ своемъ интересѣ. Такой округъ возвратится къ крѣпостному праву“... Но еще болѣе, кажется, онъ опасался, что при безсословной волости землевладѣльцамъ придется „нести расходы на такіе предметы, которыми они никогда пользоваться не будутъ, напримѣръ, на сельскія школы, хлѣбные магазины и проч., и проч.“ Высказаться совершенно прямо нашелъ у себя мужество только ветеранъ крестьянской реформы, рязанскій же гласный, А. И. Кошелевъ. „Одно изъ двухъ“, говорилъ онъ: „либо придется дать землевладѣльцамъ въ этихъ (всесословныхъ) единицахъ столько же голосовъ, сколько крестьянскимъ общинамъ, или даже больше, соразмѣрно съ количествомъ владѣемой ими земли, либо оставить за каждымъ землевладѣльцемъ право лишь на одинъ голосъ, какимъ бы значительнымъ количествомъ земли онъ ни владѣлъ. Въ первомъ случаѣ крестьяне будутъ въ полной, почти крѣпостной зависимости отъ землевладѣльцевъ; во второмъ случаѣ землевладѣльцы отдаются въ полное подчиненіе крестьянскихъ общинъ, которыя могутъ обложить ихъ имущества какимъ угодно сборомъ“. Впрочемъ, нѣсколько иными словами ту же мысль выражали многіе земцы и земскія комиссіи. *) Совершенно естественно, что, когда представители „потомственнаго землевладѣнія“ появились въ кахановской комиссіи — въ качествѣ „свѣдущихъ людей“,— вопросъ о всесословной волости былъ похороненъ весьма быстро. Эпитафіей ему могли бы служить слова тверского земца, Квашнина-Самарина: „Крестьяне любятъ быть одни и только въ этомъ положеніи чувствуютъ себя совершенно свободными..“

Что понимали помѣщики подъ „свободой“ крестьянъ, это обнаружилось сейчасъ же въ тѣхъ же самыхъ земскихъ совѣщаніяхъ и комиссіяхъ, какъ только зашелъ вопросъ объ административной организаціи той самой волости, гдѣ кре-

*) Для всего вышеприведеннаго см.: Скалонъ. „Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія“, стр. 96 и сл.

стьяне должны были остаться въ гордомъ уединеніи. Тотчасъ же обнаружилось, что крестьяне не любятъ дворянъ въ волости только въ качествѣ равныхъ, — а въ качествѣ начальства дворянинъ имъ совершенно необходимъ. Прогрессивный составъ занимавшихся вопросомъ земскихъ собраній и комиссій выразился только въ томъ, что никто въ нихъ не рѣшился открыто стать на защиту сословнаго принципа въ чистомъ видѣ: въ самомъ дѣлѣ, къ чему было пользоваться этимъ ржавымъ оружіемъ, когда высокій имущественный цензъ достигалъ той же цѣли гораздо болѣе приличными средствами? Но съ этой оговоркой идея помѣщичьей опеки надъ крестьянствомъ проводилась очень многими—едва ли не большинствомъ. Симбирская комиссія находила необходимымъ „во главѣ волостного управленія поставить лицо, облеченное значительною властью, независимое по своему положенію, представляющее гарантію необходимыхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, способное дать защиту сельскому населенію отъ обидъ и притѣсненій и принять на себя отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ волости". Лицу этому—симбирскій проектъ именовалъ его „земскимъ судьею"—присваивались „всѣ права волостного старшины съ распространеніемъ ихъ на всѣхъ жителей волости безъ изъятія, но съ исключеніемъ правъ, предоставленныхъ старшинѣ ст. 86 полож. о крест., права мирового посредника какъ по поземельнымъ отношеніямъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, такъ и по общественному крестьянскому управленію съ распространеніемъ права налагать административныя взысканія на сотскихъ и десятскихъ". Статья 86-я, заботливо исключенная, касалась права волостного старшины налагать на виновныхъ наказанія въ полицейскомъ порядкѣ: пока въ волости были одни крестьяне, это было естественно, но вдругъ „земскому судьѣ" вздумается посадить въ холодную своего брата-помѣщика? Тутъ надо было заранѣе оградить „неприкосновенность личности". А на крестьянъ „земскій судья" могъ всегда воздѣйствовать и въ качествѣ мирового посредника.

Еще дальше симбирскаго шелъ въ томъ же направленіи московскій проектъ—не принятый, впрочемъ, губернскимъ земскимъ собраніемъ. Аналогій же симбирскому „земскому судьѣ" мы находимъ очень много: и въ „участковыхъ членахъ" уѣздной земской управы воронежскаго проекта, и въ „попечителяхъ" пензенскаго, и въ „окружныхъ членахъ управы" тульскаго, и въ „начальникѣ земской волости" вологодскаго и т. д. Какъ видимъ, земскій начальникъ гр. Толстого не съ неба свалился, и отсутствіе лорисъ-меликовскихъ „комиссій" нисколько не мѣшало общественному мнѣнію дворянства вдохновлять своихъ классовыхъ вождей, управлявшихъ Россіей. Центральной власти пришлось только приспособить земскіе проекты къ „общему духу нашего законодательства": всѣ вышеперечисленныя начальства, по мысли земцевъ, должны были быть выборными на условіяхъ имущественнаго и образовательнаго ценза. Земскій начальникъ по закону

12 іюля 1889 года только рекомендуется мѣстнымъ дворянствомъ въ лицѣ предводителей, а утверждается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, его феодальная сущность не замаскировывается никакими украшеніями, заимствованными изъ практики буржуазнаго западно-европейскаго общества; въ проектахъ о сословности умалчивалось, въ законѣ сословный цензъ рѣшительно доминируетъ и надъ имущественнымъ, и надъ образовательнымъ: земскій начальникъ прежде всего долженъ быть потомственнымъ дворяниномъ *).

Земское положеніе 12 іюня 1890 г. распространило этотъ принципъ и на мѣстное общественное управленіе: начавъ съ проектовъ упраздненія сословности въ деревнѣ, правительство Александра III кончило тѣмъ, что довело эту сословность до самаго верха, до губерніи. Мы не будемъ подробно разсматривать исторію этой реформы, — читатели найдутъ ее въ другомъ мѣстѣ **). Напомнимъ только статистическіе ея итоги—достаточно выразительные: до 1890 г. въ составѣ уѣздныхъ гласныхъ, составляющихъ, какъ извѣстно, основной „корпусъ“ нашего земства, дворяне и чиновники составляли около 42—43%, а крестьяне 38—39%. Послѣ реформы 1890 года первая группа поднялась до 57%, а вторая упала до 29,6. Притомъ настоящихъ „представителей“ отъ крестьянства въ теперешнемъ земствѣ и вовсе нѣтъ: есть гласные „отъ крестьянъ“, назначаемые губернаторомъ изъ числа кандидатовъ, выбранныхъ фактически по указанію земскаго начальника. Но, нужно сказать, реформа 1890 года больше была логическимъ завершеніемъ дворянской политики 80-хъ годовъ, больше дѣломъ субъективнаго удовлетворенія дворянской массы, нежели внесла крупную объективную перемѣну: земство и раньше было классовымъ помѣщичьимъ учрежденіемъ. Соціологически гораздо любопытнѣе тѣ возвраты къ режиму крѣпостной эпохи, которые отмѣчены законами о наймѣ на сельскія работы, о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ и о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Первый изъ этихъ законовъ (12 іюня 1886 года) знаменовалъ собою полное крушеніе тѣхъ манчестерскихъ иллюзій, которыми были заражены передовыя дворянскія группы въ эпоху реформы 1861 года. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ вопросъ стоялъ такъ: нужно или перейти къ новымъ, буржуазнымъ условіямъ хозяйства, или экономически погибнуть. Такъ какъ большинство помѣщиковъ хозяйничать по новому оказались неспособны, то, казалось, второй исходъ былъ неизбѣженъ. Но исторія нашла третій выходъ, котораго въ началѣ 60-хъ годовъ никто бы не предсказалъ: онъ заключался въ фактическомъ возстановленіи „внѣ-экономическаго принужденія“, но въ новыхъ, совершенно оригинальныхъ формахъ. Учрежденіе дворянскаго банка заставило въ сущности *всѣхъ* крестьянъ, поскольку они являлись главной платежной силой страны, работать

*) Исторію непосредственнаго возникновенія этой должности см. въ главахъ о крестьянскомъ самоуправленіи, земствѣ, судебныхъ учрежденіяхъ.

**) См. главы, посвященныя земству.

на *всѣхъ* помѣщиковъ, поскольку послѣдніе являлись теперь государственными пенсіонерами: убытки отсталаго дворянскаго землевладѣнія покрывала теперь казна, а въ лицѣ казны народъ, котораго никто объ его согласіи не спрашивалъ. Законъ о наймѣ на сельскія работы и былъ попыткою индивидуализировать эту возрожденную повинность крестьянина работать на барина. Сущность его заключалась въ томъ, что за уходъ до срока съ работы сельскохозяйственный рабочій подвергался *уголовному* взысканію и могъ быть возвращенъ къ хозяину *насильно*. До клейменія и висѣлицы, примѣнявшихся въ подобныхъ случаяхъ аналогичнымъ англійскимъ законодательствомъ XIV вѣка, наше однако не доходило. При всемъ своемъ принципіальномъ значеніи, законъ практически имѣлъ очень малыя послѣдствія и примѣнялся рѣдко. И тутъ косвенныя мѣры принужденія оказывались выгоднѣе и удобнѣе прямыхъ. Мы видѣли (въ первой главѣ настоящаго очерка), что настоящіе наемные рабочіе были исключеніемъ въ русскомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ 70-хъ годовъ. Рабочія руки гораздо вѣрнѣе и въ большемъ изобиліи доставлялись задолжавшими крестьянами, а задолженность крестьянъ держалась на ихъ *крѣпости землѣ*. Все, что увеличивало прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ, укрѣпляло и архаическія формы помѣщичьяго хозяйства. Мы знаемъ, что одною изъ трехъ цѣпей, привязывавшихъ крестьянина къ землѣ, было прикрѣпленіе его къ основной экономической ячейкѣ деревни — къ семьѣ, откуда онъ могъ экономически выдѣлиться только съ разрѣшенія міра, власть котораго замѣнила собою власть помѣщика. Но постепенная индивидуализація крестьянской массы подкопала эту власть, казавшуюся въ 1861 году столь надежной: міръ сталъ очень снисходителенъ въ вопросѣ о семейныхъ раздѣлахъ своихъ членовъ. Въ своемъ первомъ представленіи государственному совѣту (въ январѣ 1884 года) гр. Толстой могъ уже говорить о „размножившихся семейныхъ раздѣлахъ", какъ о серьезной опасности. Но въ этотъ періодъ — періодъ „милостей" крестьянству — приходилось еще аргументировать отъ интересовъ этого послѣдняго. Главный вредъ раздѣловъ министръ внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ большинствомъ тогдашнихъ помѣщиковъ, видѣлъ въ томъ, что „малосильныя семьи, большею частью съ однимъ рабочимъ, лишаются всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій правильнаго раздѣленія труда". Эта наивная увѣренность, что натуральное хозяйство съ внутрисемейнымъ раздѣленіемъ труда есть что-то отъ вѣка предопредѣленное русскому крестьянству, которое никогда не сможетъ и не должно перейти къ иной организаціи производства, уже само по себѣ чрезвычайно характерно для крѣпостнической идеологіи. Но когда государственный совѣтъ не удовлетворился этимъ аргументомъ и отвергъ законопроектъ Толстого въ его первоначальной формѣ, министръ заговорилъ уже совершенно яснымъ языкомъ. „Несогласія и раздоры (въ семьѣ)", писалъ онъ, „являются въ большинствѣ случаевъ проявленіемъ общаго упадка дисциплины среди

крестьянскаго населенія, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо ограниченій для развивающагося въ послѣднее время духа своеволія и распущенности". Столь рѣшительному требованію „поднять дисциплину" государственный совѣтъ Александра III не могъ противиться, и законъ 18 марта 1886 года поставилъ усмотрѣніе крестьянскихъ сходовъ въ отношеніи раздѣловъ подъ ближайшій контроль крестьянскихъ учрежденій; съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ это привело къ тому, что раздѣлъ сталъ возможенъ лишь съ согласія послѣднихъ. Въ то же время самая возможность хлопотать о раздѣлѣ крайне стѣснена тѣмъ, что сходъ могъ принять къ своему разсмотрѣнію просьбу о раздѣлѣ только при наличности согласія отца или старшаго члена семьи, — т. е. того лица, которому раздѣлъ менѣе всего выгоденъ. Отъ порядковъ, существовавшихъ до 19 февраля, дѣло теперь отличалось очень мало. Чтобы довершить сходство, нужно было заново прикрѣпленнаго къ семьѣ — и попрежнему прикрѣпощеннаго къ своему сословію крестьянина *) — прикрѣпить еще спеціально къ его надѣлу. Идея эта, нашедшая себѣ воплощеніе въ законѣ 14 декабря 1893 года, какъ и идея земскихъ начальниковъ, пришла къ правительству изъ земской среды. Во время упомянутыхъ нами выше земскихъ совѣщаній 1881 года нѣкоторыя земскія комиссіи высказали желаніе, чтобы правительство особенно позаботилось о неприкосновенности сельской общины, „этого страхового отъ пролетаріата общества", какъ выразилась одна изъ нихъ. А курское земство указало и конкретную форму этой заботы, признавъ необходимымъ, чтобы „земли, принадлежащія членамъ общины... не могли бы отчуждаться никому, кромѣ членовъ той же самой сельской общины". „Чиновникамъ" и здѣсь оставалось только приспособить идею „земцевъ" къ духу нашего законодательства, что они и исполнили, правда, въ довольно грубой формѣ, — признавъ, что „примѣненіе къ надѣльнымъ крестьянскимъ землямъ общаго понятія о правѣ собственности, какъ полной и исключительной власти субъекта надъ объектомъ обладанія, представляется неправильнымъ" (заключеніе комиссіи, работавшей въ 1888 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ). То, что у земцевъ имѣло красивый видъ „страхованія отъ пролетаріата", здѣсь пріобрѣло откровенное значеніе — ограниченія въ правахъ. Но суть дѣла отъ этого, конечно, мало мѣнялась. Эволюціонируя въ этомъ направленіи, наша судебная практика — въ лицѣ 2-го департамента сената, спеціально созданнаго въ 1884 году для объединенія крестьянской политики правительства, — дошла постепенно „до отрицанія правъ крестьянъ на завѣщательныя распоряженія" *). Обликъ крестьянина, какъ государственнаго

*) Эта крѣпость сословію тоже была усилена законодательствомъ 80-хъ годовъ, хотя и косвенно: земскіе начальники получили власть не только надъ крестьянами въ тѣсномъ смыслѣ, но и надъ мѣщанами, если они проживаютъ въ деревнѣ, и даже надъ крестьянами, торгующими по купеческимъ свидѣтельствамъ. Перечисленіе въ другія сословія такимъ образомъ не мѣняло дѣла...

*) Страховскій, въ сборникѣ „Крестьянскій строй", I, стр. 439.

крѣпостного, къ концу царствованія Александра III сложился вполнѣ, и никакіе „прогрессивные" шаги, въ родѣ отмѣны подушной подати, измѣнить этой картины не могли. Тамъ была отдѣльная „милость", спеціально разсчитанная на извѣстныя перемѣны въ настроеніи крестьянства, здѣсь—послѣдовательная, принципіально выдержанная постоянная политика.

Къ началу 90-хъ годовъ дворянское государство пріобрѣло ту окончательную форму, въ которой оно дожило до 1905 года. Земская реформа Александра III была послѣдней поправкой къ тому, сильно урѣзанному, буржуазному строю, элементы котораго были внесены въ русскую жизнь реформами 60-хъ годовъ. Изъ этихъ элементовъ выжили очень немногіе—не развился почти ни одинъ. Наша исторія съ 60-хъ по 80-е годы дала лишнее доказательство тому, что невозможно создать политическій порядокъ, отвѣчающій требованіямъ извѣстнаго класса, раньше, чѣмъ *экономически* этотъ классъ начнетъ господствовать. Юридическія и соціальныя послѣдствія капитализма сказались у насъ настолько, насколько они были выгодны старому командующему классу, феодальнымъ землевладѣльцамъ, т. е. насколько эти послѣдніе сами были захвачены процессомъ капиталистическаго развитія. Но превращеніе русскаго имѣнія средины XIX вѣка въ предпріятіе было не столько результатомъ внутренняго развитія, сколько слѣдствіемъ внѣшняго толчка, — быстро выросшаго спроса на русскій хлѣбъ на международномъ рынкѣ. Если бы за Россіей осталась монополія въ этомъ отношеніи, — наша деревня перешла бы къ чисто-буржуазнымъ отношеніямъ такъ же быстро, какъ англійская деревня XVIII столѣтія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ расчетѣ на такой ходъ развитія дѣлали передовыя группы дворянства и крестьянскую реформу. Но объективный ходъ исторіи оправдалъ пессимизмъ болѣе отсталой части помѣщиковъ: монополія на хлѣбномъ рынкѣ очень скоро была потеряна, начался затяжной сельскохозяйственный кризисъ—и безнадежная конкуренція со странами, лучше Россіи поставленными въ дѣлѣ производства и сбыта хлѣба. Паденіе цѣнъ на пшеницу на лондонскомъ рынкѣ съ 75 до 25 шиллинговъ за квартеръ, съ 50-хъ по 90-е годы, можетъ быть, лучше объясняетъ намъ дворянскую „реакцію" дней Александра III, чѣмъ не только личныя свойства Лорисъ-Меликова или Толстого, —но даже и чѣмъ исходъ борьбы народовольцевъ съ правительствомъ.

Съ 80-хъ годовъ экономическое, а стало быть, и политическое будущее Россіи было уже связано съ промышленнымъ, а не съ аграрнымъ капитализмомъ. Отодвинутая въ тѣнь въ началѣ десятилѣтія, крупная торгово-промышленная буржуазія взяла свое въ концѣ этого періода, въ кратковременное, но чрезвычайно выразительное министерство Вышнеградскаго. Послѣ Бунге, министра эпохи „милостей", иногда стѣснительныхъ для капитала, Вышнеградскій, кандидатъ биржи, связанный тѣсными личными отношеніями съ крупно-предпринимательскими кругами, былъ такимъ же реваншемъ для капиталистической буржуазіи, какъ Толстой для дворянства. Когда новый

министръ въ первый же годъ своего управленія русскими финансами, посѣтилъ нижегородскую ярмарку, купечество подало ему обширную жалобу на его предшественника: Вышнеградскій выразилъ свое полное согласіе со взглядами жалобщиковъ. Изданные при Бунге фабричные законы подверглись весьма существеннымъ ограниченіямъ: эксплоатація женскаго и дѣтскаго труда достигла теперь почти прежнихъ размѣровъ. Одновременно пошлины на всѣ иностранные товары были огуломъ повышены на 20%, — независимо отъ спеціальнаго повышенія пошлины на чугунъ, желѣзо, сталь и т. д. И вновь оживилось желѣзнодорожное строительство (при Вышнеградскомъ между прочимъ начата Сибирская дорога), имѣвшее теперь значеніе не столько для развитія обмѣна, сколько для развитія промышленности, начавшей жить желѣзнодорожными заказами. Но развитіе промышленности означало въ то же время и развитіе пролетаріата—здѣсь „охранительная" политика незамѣтно для самой себя переходила въ свою противоположность.

4.

Идеологія правящихъ классовъ.

Декабристы, дѣятели „великихъ реформъ" 60-хъ годовъ и дѣятели реакціи 80-хъ даютъ намъ три ступени эволюціи, пережитой русскимъ феодальнымъ землевладѣніемъ на протяженіи XIX столѣтія. Въ первой четверти вѣка крайняя лѣвая русскаго дворянства упиралась въ республику, въ третьей четверти оно не шло лѣвѣе очень блѣднаго и тусклаго „правового порядка": къ концу вѣка оно, повидимому, совершило кругъ и вернулось къ старой политической мудрости Карамзина, не мечтавшаго ни о чемъ лучшемъ исправнаго полицейскаго режима. „Хорошій губернаторъ" опять сдѣлался идеаломъ, заслонившимъ всякія помышленія о конституціи. Но мы напрасно стали бы приписывать этой эволюціи политическихъ идей какое либо самостоятельное значеніе. Она лишь точно отражала перевороты, происходившіе въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Политическому дерзновенію александровской эпохи отвѣчали радужныя перспективы, открывшіяся передъ этимъ хозяйствомъ, благодаря занятому имъ исключительно выгодному положенію на международномъ хлѣбномъ рынкѣ. Кризисъ барщины показалъ, что у этихъ перспективъ есть, однако же, свои предѣлы; отсюда политическая скромность 60-хъ годовъ. Но попытка преодолѣть этотъ кризисъ при содѣйствіи самодержавія не дала тѣхъ результатовъ, на которые разсчитывало дворянство: упадку помѣщичьяго хозяйства не видно было конца. Послѣ первой минуты острой досады — отразившейся въ оппозиціонномъ движеніи 70-хъ—80-хъ годовъ—пришлось приняться попросту за реставрацію стараго порядка.

Въ первой четверти вѣка политическая печать въ Россіи почти отсутствовала, и о настроеніи правящихъ группъ приходится узнавать либо изъ мемуаровъ, либо изъ болѣе

или менѣе интимныхъ документовъ. Во второй половинѣ вѣка къ услугамъ классовыхъ интересовъ крупнаго землевладѣнія были газеты, и на основаніи передовыхъ статей „Московскихъ Вѣдомостей“ за 60-е—80-е годы можно довольно точно вычертить кривую, описанную дворянской идеологіей подъ вліяніемъ перемѣнъ въ судьбахъ крупнаго сельскаго хозяйства. Тотъ фактъ, что эти статьи на всемъ протяженіи разсматриваемаго періода написаны одною и тою же рукою, только дѣлаетъ извороты кривой болѣе пикантными. Катковъ былъ секретаремъ дворянскаго общественнаго мнѣнія за этотъ періодъ: онъ послушно заносилъ въ свои протоколы все, что говорилось въ дворянскихъ кругахъ, что тамъ считали желательнымъ и полезнымъ. Въ этомъ его историческое значеніе—и въ этомъ же причина теоретическаго ничтожества его произведеній. Когда пришлось дать дворянской идеологіи рѣзкую, законченную форму — это выполнили другіе люди, скромно считавшіе себя учениками и послѣдователями Каткова, хотя они были головой выше его, какъ политическіе мыслители, — К. Леонтьевъ и Данилевскій. Либеральной публицистикѣ легко было потомъ ловить хозяйна „Московскихъ Вѣдомостей“ на самыхъ грубыхъ противорѣчіяхъ самому себѣ. Но сражаясь съ Катковымъ, его противники въ сущности сражались съ исторіей русскаго дворянства, и Катковъ былъ по своему правъ, презрительно игнорируя ихъ аргументацію: онъ зналъ, что *его* публики этимъ у него не отобьешь; а до общественнаго мнѣнія не правящихъ и не стоящихъ у власти группъ ему было мало дѣла. Не обращая вниманія на критику, онъ пытливо искалъ одного: господина завтрашняго дня, — того, къ кому выгодно будетъ перейти на службу, когда прежній баринъ окажется уже не въ состояніи платить. И, нужно отдать ему справедливость, въ общемъ, онъ угадывалъ вѣрно: въ послѣдніе годы своей жизни онъ отстаивалъ интересы крупной промышленной буржуазіи такъ же рьяно, какъ въ началѣ своей карьеры интересы дворянства. Но иногда ему случалось и ошибаться. За два года до назначенія Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, „Московскія Вѣдомости“ писали о немъ: „лучшая и дѣйствительно блистательная пора графа Толстого относится къ 1871 и къ 1872 годамъ, когда Богъ помогъ ему совершить преобразованіе нашихъ гимназій и, не смотря на всѣ усилія реакціи (!), поставить ихъ на высоту европейской школы. Тогда онъ пользовался и довѣріемъ государя и популярностью въ обществѣ. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ упрочить это положеніе. *Кто не идетъ въ гору, тотъ идетъ подъ гору*“ *). Нельзя въ лучшей формѣ резюмировать житейскую мудрость того, кто написалъ эти строки: онъ всегда старался быть съ тѣми, кто идетъ въ гору.

Первые годы „Московскихъ Вѣдомостей“ застали еще дворянское манчестерство въ полномъ цвѣту: Катковъ временъ польскаго возстанія, уже націоналистъ и реакціонеръ

*) Передовая „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 25 мая 1881 года, „М. Н. Катковъ. Собраніе передовыхъ статей М. В.“, годъ 1881, стр. 250. Курсивъ нашъ.

въ политикѣ, продолжаетъ отстаивать свободу торговли и экономическій индивидуализмъ; въ экономической области онъ больше буржуа, чѣмъ феодалъ. Еще въ 1865 году онъ полемизируетъ съ тѣми, кто высказывалъ тогда мысли, ставшія впослѣдствіи типичными для „Московскихъ Вѣдомостей“. На обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ по случаю выставки, нѣкоторые ораторы уже проводили идею о „самобытной“ торговой политикѣ Россіи, ссылаясь при этомъ на примѣръ Англіи, тоже сначала державшейся самобытнаго протекціонизма и только потомъ перешедшей къ фритредерству, когда это ей самой стало выгодно. Среди общества, „состоявшаго почти исключительно изъ фабрикантовъ“, такія рѣчи были болѣе, чѣмъ естественны. Но Катковъ служитъ еще дворянству,—только дворянству, а оно еще не потеряло надежды побѣдить своихъ соперниковъ на полѣ чистой капиталистической конкурренціи. „Свободу торговли, въ принципѣ, провозглашаютъ не одни англичане, а экономисты всѣхъ странъ“, поучали фабрикантовъ „Московскія Вѣдомости“ *). „Это голосъ не интересовъ Англіи; это голосъ науки, получившей лишь въ наше время свое полное развитіе, а въ пору установленія англійскихъ тарифовъ еще не существовавшей. Свобода торговли провозглашается въ общемъ интересѣ всѣхъ странъ вмѣстѣ и каждой въ отдѣльности. Политическая экономія доказываетъ ясными для разумѣнія доводами, что Англія, какъ и всякая другая страна, не могла въ экономическомъ отношеніи ничего выиграть, а, напротивъ, должна была много терять отъ покровительственныхъ запретительныхъ тарифовъ, въ ней существовавшихъ и теперь еще не вполнѣ отмѣненныхъ“. „...Политическая экономія вся состоитъ изъ ученія о невмѣшательствѣ, объ экономической свободѣ и, слѣдовательно, о свободѣ торговли; кто не признаетъ этихъ основныхъ началъ экономической науки, тотъ можетъ быть очень достойнымъ человѣкомъ, но экономистомъ названъ быть не можетъ“. Но вѣдь „невмѣшательство“, при послѣдовательномъ его проведеніи, можетъ довести, чего добраго, и до образованія, напримѣръ, пролетаріата? Катковъ не боится и этого. Рядъ статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ первой половины 60-хъ годовъ посвященъ борьбѣ съ идеей выкупа крестьянами своихъ надѣловъ—идеей, съ точки зрѣнія дворянскаго манчестерства, вдвойнѣ крамольной, такъ какъ она вела, съ одной стороны, къ отчужденію части помѣщичьей земли, съ другой—къ прикрѣпленію къ землѣ крестьянина. „Чтобы предотвратить невозможную въ Россіи опасность пролетаріата, мы обязываемъ каждаго крестьянина непремѣнно владѣть землей и непремѣнно быть хозяиномъ“, писалъ Катковъ въ томъ же 1865 году *) Но, дѣйствительно ли это такъ выгодно даже непосредственно для самаго крестьянина? Допустимъ, что „невозможный въ Россіи“ пролетаріатъ, въ самомъ дѣлѣ, у насъ разовьется: что же изъ

*) Передовая 25 іюня 1865 г.

*) Передовая „М. В.“ въ № 18 отъ 22 января.

того? „Развѣ лучше жить хозяиномъ въ развалившейся избѣ и по полгоду не имѣть хлѣба, нежели быть работникомъ и жить хотя въ чужой, но сухой и теплой избѣ, на сытныхъ хозяйскихъ харчахъ, пользуясь всѣми выгодами большого спроса на трудъ"? А ужъ что касается народнаго хозяйства въ цѣломъ, тутъ не можетъ быть двухъ рѣшеній: „для улучшенія экономическаго быта нашихъ земледѣльческихъ классовъ, для оживленія нашего сельскаго хозяйства нѣтъ другого средства кромѣ водворенія экономической свободы,— той экономической свободы, которой равно не достаетъ русскимъ крестьянамъ всѣхъ наименованій" *).

Вполнѣ понятно, что „великія реформы"—судебная и земская—находятъ въ это время въ лицѣ Каткова горячаго сторонника: это, вѣдь, была та новая одежда, въ которую облекалось господство дворянства надъ остальными классами населенія. Мировой судъ, конечно, прекрасная вещь: но, „безъ всякаго сомнѣнія, мировые судьи должны быть изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ жителей, собственниковъ или землевладѣльцевъ; безъ всякаго сомнѣнія также, право быть мировымъ судьею можетъ принадлежать лишь собственникамъ извѣстнаго ценза, и, конечно, цензъ мирового судьи не долженъ быть слишкомъ низокъ". Мѣстное самоуправленіе, — что можетъ быть лучше? Но „можно ли назвать такую систему самоуправленіемъ, гдѣ органами ему служатъ люди не въ силу своего хозяйскаго права, соединеннаго съ извѣстными размѣрами собственности, а въ качествѣ делегатовъ или уполномоченныхъ?" Дворянское манчестерство, уже въ силу того, что оно дворянское, никогда не могло вполнѣ уподобиться буржуазной идеологіи, какъ ни тщательно копировало оно послѣднюю. Земская реформа Александра II для Каткова была рѣшительно слишкомъ буржуазной. Въ сущности, ему бы хотѣлось, чтобы дѣла мѣстнаго хозяйства были по-просту переданы въ полное распоряженіе дворянскихъ собраній. „Фактически уѣздныя дворянскія собранія заключаютъ въ себѣ всѣхъ или почти всѣхъ значительныхъ людей уѣзда. Прибавьте еще нѣсколько сочленовъ, и очень немногихъ сочленовъ, и всякій согласился бы, что нѣтъ возможности пріискать въ уѣздѣ еще другихъ людей, способныхъ съ пользой управлять его дѣлами. Въ иныхъ уѣздахъ не пришлось бы прибавить ни одного человѣка; всѣ люди, дѣйствительно способные къ уѣздной общественной службѣ, принадлежатъ къ дворянскому собранію" **). Но у правительства еще живы были нѣкоторые предразсудки, оставшіеся отъ эпохи

*) Въ это время Катковъ былъ и противъ неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ,—впослѣдствіи любимой мысли дворянскихъ реакціонеровъ 80-хъ годовъ. „Виды опеки бываютъ различные", писали Мос. Вѣд. (4-го февраля 1865 г.): „крѣпостное право—одинъ изъ ея видовъ, неотчуждаемость собственности—другой видъ ея. Но сколько-бы ни было видовъ опеки, всѣмъ имъ противоположна свобода, и кто сочувствуетъ свободѣ, тотъ не можетъ сочувствовать ни одному изъ нихъ". „Открыть имъ (крестьянамъ) возможно широкій доступъ къ свободной собственности значитъ открыть имъ доступъ къ достиженію тѣхъ правъ, которыми уже пользуются лица высшихъ сословій."

*) „М. В.", 1863 г. № 140.

Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ.

Увеличенный снимокъ съ фотографіи Шапиро въ С.-Петербургѣ

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

всѣ—тогда какъ отъ другихъ классовъ населенія было бы лишь небольшое количество выборныхъ. Природа оказалась настолько сильна, что вмѣшательства искусства не потребовалось: земство и при трехклассной избирательной системѣ все же сдѣлалось чисто помѣщичьимъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ мы уже видимъ начало того зигзага, который должна была чертить политическая мысль русскаго дворянина на пути отъ 19 февраля къ земскимъ начальникамъ. Если картина помѣщичьяго хозяйства должна была внушить всякому вполнѣ основательный скептицизмъ насчетъ экономической прогрессивности землевладѣльческаго класса, то относительно дворянскаго либерализма (а другого, сколько-нибудь имѣвшаго вліяніе, въ 60-хъ годахъ не было) столь-же законный скептицизмъ должна была внушить дворянская публицистика. Своеобразное сочувствіе земской и судебной реформамъ создало предразсудокъ, будто Катковъ въ 60-хъ годахъ былъ еще либераломъ — и окончательно отпалъ къ реакціи лишь много позже. Дѣйствительно, въ его статьяхъ даже второй половины 60-хъ годовъ можно встрѣтить горячія діатрибы противъ бюрократіи, которыя должны были найти откликъ въ сердцѣ не одного русскаго либерала. „Бытъ нашъ полонъ пустоцвѣтовъ и злоупотребленій“, писалъ онъ въ іюлѣ 1866 года. „Причиной тому былъ, конечно, не преизбытокъ самостоятельнаго развитія разнообразныхъ силъ жизни, а напротивъ подавленіе и поглощеніе всѣхъ одною. Наука? Науки не было, была бюрократія. Право собственности? Его не было, была бюрократія. Законъ и судъ? Суда не было, была бюрократія. Церковь? Церковнаго управленія не было, была бюрократія. Администрація? Администраціи не было, — было постоянное, организованное превышеніе власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея бездѣйствіе, въ ущербъ интересамъ частнымъ и казеннымъ“. Но уже за три года передъ этимъ были написаны строки, достаточно обнажавшія соціальную подкладку этого „либерализма“. Въ той самой статьѣ, гдѣ Катковъ иронизируетъ надъ появленіемъ у насъ „третьяго сословія“, мы найдемъ и другую насмѣшку надъ „благотворителями изъ чужого кармана, *чиновниками-прогрессистами*, всякаго рода добродѣтельными демагогами и разными Кайями-Гракхами, которыхъ расплодилось у насъ такое множество“, и которые „притихли (болѣе всего пугнулъ *эту сволочь* высокій патріотическій духъ, которымъ мы обязаны польскому возстанію)“. Послѣ этой откровенности можно было и не приписывать, что крестьяне „гонятъ отъ себя этихъ благодѣтелей своихъ“ и „попрежнему начинаютъ видѣть своихъ истинныхъ доброжелателей и представителей въ дворянахъ-землевладѣльцахъ“: и безъ этой лжи „духъ“ катковскаго либерализма достаточно билъ въ носъ. Уже въ 1863 году люди покроя Николая Милютина были для друга земскихъ учрежденій и гласнаго суда не болѣе, какъ „сволочью“. Послѣ этого говорить объ „измѣнѣ“ Каткова его прежнимъ „идеаламъ“ едва-ли было хотя сколько-нибудь справедливо: въ душѣ онъ лелѣялъ всегда одинъ идеалъ—крѣпостного режима, внѣшне облагороженнаго и гуманизирован-

наго нѣсколько воспитаніемъ крѣпостниковъ на англійскій ладъ. Въ сущности, его нельзя обвинить даже въ скрытности: были моменты, когда онъ высказывалъ свою завѣтную мечту достаточно ясно для всякаго, умѣвшаго сдѣлать выводъ изъ нѣсколькихъ отчетливо поставленныхъ тезисовъ. Яркій примѣръ этого мы находимъ въ той же статьѣ, которую мы только что цитировали. „Въ Россіи прежней, оставшейся позади" (а позади мы оставляемъ „государство единое, крѣпкое, несокрушимо цѣлое, могущественное"...), писалъ здѣсь Катковъ, „мы видимъ крѣпкое единство двухъ самыхъ коренныхъ элементовъ народной и государственной жизни. Мы видимъ самое тѣсное, самое непосредственное единство между материкомъ, на которомъ все стоитъ и все держится, — крестьянствомъ,—и тѣмъ высшимъ классомъ народа,—землевладѣльческимъ дворянствомъ, въ которомъ заключалась дѣйствующая сила нашей государственной жизни... Двадцать слишкомъ милліоновъ людей находилось въ непосредственной зависимости у дворянъ - землевладѣльцевъ, подъ ихъ непосредственнымъ управленіемъ, и составляли съ ними одно политическое и хозяйственное цѣлое. Это единство выражалось въ крѣпостномъ правѣ"... „Но вмѣсто стараго единства должно ли непремѣнно утвердиться раздвоеніе, должна ли установиться рознь?.." Конечно, нѣтъ: „основой преобразованій долженъ быть существующій порядокъ. Самое слово *преобразованіе* показываетъ, что преобразованія не создаютъ чего-либо новаго, а даютъ существующему новый образъ". „Измѣняя къ лучшему формы нашей жизни, не должны ли мы сохранить то существованіе, для котораго мы ищемъ новыхъ, лучшихъ условій?" „...Вмѣсто одного единства можетъ и должно возникнуть другое". *)

Итакъ, *цѣль* всегда оставалась одна: подчиненіе крестьянской массы дворянской опекѣ. Въ 60-хъ годахъ была надежда достигнуть этого путемъ чисто-экономическаго принужденія. „Дѣло въ томъ, что системѣ труда принудительнаго съ ея внѣшними побужденіями можно противопоставить только систему труда совершенно свободнаго", писалъ Катковъ въ 1865 году, „при которой должны дѣйствовать другія, свойственныя ей, побужденія — надежда обезпечить себя и свое потомство въ случаѣ трудолюбія и страхъ попасть въ большую бѣду въ случаѣ лѣности и нерадѣнія. Средняго между этими двумя системами не можетъ быть". Но уже и въ тѣ дни дворянскій публицистъ чувствовалъ, какъ старый генералъ въ извѣстномъ разсказѣ Достоевскаго, что помѣщичье хозяйство можетъ „не выдержать" новой системы. И ему иногда начинало казаться, что даже и при крѣпостномъ правѣ „настоящей строгости не было нигдѣ". „Строгая дисциплина, суровая выдержка—вотъ чего не достаетъ нашему народу". **) И чѣмъ яснѣе представлялась его уму эта истина—необходимость „настоящей строгости" для дальнѣйшаго существованія помѣщичьяго хозяйства, тѣмъ больше блекли и развѣивались манчестерскія иллюзіи. Обо-

*) ibid. 1863, №№ 138 и 205.

**) „М. В.", 1864 г. № 112.

стренный кризисъ конца 70-хъ годовъ доканалъ ихъ окончательно. Въ 1880 году защита свободы торговли, столь краснорѣчиво защищавшейся самими „Московскими Вѣдомостями“ за 15 лѣтъ ранѣе, приравнивалась уже къ „безсмысленному поклоненію мертвымъ доктринамъ“. *)

По статьямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ особенно удобно прослѣдить экономическій характеръ наступавшей реакціи. Политическія проблемы или неудобно было ставить во всей ихъ классовой наготѣ — и приходилось искусно затуманивать помѣщичій идеалъ государства разговорами о „царскомъ пути“ и о томъ, что „бароны и простолюдины, богатые и бѣдные, при всемъ различіи между собою, равны передъ царемъ“ **). Или онѣ сами собой дробились на мелкіе нападки противъ отдѣльныхъ сторонъ буржуазнаго строя, — противъ суда присяжныхъ, противъ земства и т. п.: и тогда за деревьями не было видно лѣса, и являлась возможность подставлять индивидуальные мотивы,—въ родѣ столь многое объяснявшаго „человѣконенавистничества“,—подставлять туда, гдѣ была совершенно опредѣленная соціально-экономическая почва. При обсужденіи дѣловыхъ, практическихъ вопросовъ эта почва выступила воочію, спрятать ее было нельзя—да и надобности въ этомъ не представлялось—и общая картина становилась совершенно ясной. Дворянинъ 60-хъ годовъ жилъ въ оптимистической увѣренности, что онъ „справится самъ“—и горделиво отвергалъ услуги бюрократіи, по временамъ инсинуируя даже, что безъ ея вмѣшательства одни помѣщики управляли бы страною гораздо лучше. Какъ далеки были теперь эти самоувѣренныя мечты! Помѣщикъ начала 80-хъ годовъ такъ же вздыхалъ по „опекѣ“, какъ его предшественникъ и нерѣдко онъ же самъ за двадцать лѣтъ раньше вздыхалъ по „свободѣ“ и гналъ „опеку“ прочь. Мы уже видѣли на маленькомъ примѣрѣ, какъ относилась теперь дворянская публицистика къ корню всѣхъ буржуазныхъ свободъ — свободѣ торговли. Ярый фритредеръ 60-хъ годовъ, Катковъ былъ теперь столь же ярымъ протекціонистомъ. Что касается его лично, то, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что тутъ играло роль и желаніе снискать милость новаго бога, шедшаго на смѣну экономически падавшему феодализму,—промышленнаго капитализма. Но старый богъ не былъ вовсе брошенъ— и аргументація „Московскихъ Вѣдомостей“ достаточно ясно свидѣтельствовала, почему *теперь* вопросъ о пошлинахъ на иностранные товары помѣщикамъ сталъ безразличенъ. Защищая пошлины на чугунъ и желѣзо, Катковъ писалъ: „изъ массы привозимаго къ намъ желѣза на нужды сельскаго хозяйства идетъ ничтожная часть; изъ общаго итога стоимости привозныхъ машинъ на долю сельско-хозяйственныхъ не приходится и двадцатой доли. Повышеніе тарифа на металлы и машины отозвались бы поэтому на земледѣліи не особенно чувствительно, а развитіе отечественнаго механическаго производства будетъ сопровождаться для сельскаго хозяйства немалыми выгодами. Сельскимъ хо-

*) „Моск. Вѣд.“, 1880 годъ, № 337.
**) „М. В.“, 1881 г., № 115.

зяевамъ будетъ удобнѣе обращаться къ близкимъ, подручнымъ заводамъ, чѣмъ къ далекимъ заграничнымъ, и особенности нашихъ мѣстныхъ условій и требованій, какъ можно полагать, будутъ въ большей мѣрѣ принимаемы во вниманіе и удовлетворяемы у себя дома, чѣмъ за границей. *Притомъ, самое повышеніе тарифа на чугунъ и желѣзо дастъ правительству средство возмѣстить земледѣльцамъ даже временныя невыгоды*, какими могло бы отозваться для нихъ это повышеніе" *). Гораздо проще было получить прямо изъ казеннаго сундука ту прибыль, которой „земледѣльцы" (читай „землевладѣльцы") тщетно ждали отъ своего хозяйства. Наполненіе этого сундука и должно было теперь явиться главной цѣлью—все остальное могло быть только средствомъ. Въ какой формѣ могло осуществиться „возмѣщеніе временныхъ невыгодъ", это тоже было теперь ясно. Пока еще не были проѣдены выкупныя свидѣтельства, дворянинъ могъ относиться легкомысленно къ самой идеѣ поземельнаго кредита. „Сельское хозяйство въ нѣкоторомъ смыслѣ даже страдаетъ отъ поземельнаго кредита", писалъ Катковъ въ 1864 году: „онъ спасаетъ задолжавшаго землевладѣльца отъ необходимости продать свое имѣніе, а такъ какъ всегда болѣе вѣроятности, что покупатель будетъ въ состояніи лучше хозяйничать, чѣмъ продавецъ, то, спасая имѣнія отъ продажи, поземельный кредитъ оставляетъ ихъ въ такихъ рукахъ, о которыхъ можно предполагать, что онѣ менѣе способны и менѣе снабжены средствами къ хорошему веденію хозяйства, чѣмъ тѣ руки, въ которыя имѣніе поступило бы, если бы было продано". *) А о казенномъ кредитѣ и говорить не приходилось: „во всякомъ случаѣ возвращаться теперь къ казенному поземельному кредиту было бы теперь такимъ же шагомъ назадъ, какъ выпускать новые кредитные билеты, вводить откупъ, учреждать казенныя фабрики или возвышать тарифъ". **) Всего годъ спустя, однако, поземельный кредитъ оказывался уже не такою вредной вещью: экономически безцѣльный, онъ находилъ себѣ иную цѣль.—„Для народнаго хозяйства тутъ нѣтъ выгоды; оно можетъ иногда даже потерпѣть отъ того, что имѣнія останутся во владѣніи людей, обремененныхъ долгами. Но если эти люди особенно надежны въ политическомъ отношеніи или если государство считаетъ справедливымъ вознаградить ихъ за понесенные ими по его волѣ ущербы (!), то его долгъ и интересъ велятъ ему прибѣгнуть къ поземельному кредиту..." ***) Но въ 1865 году это все же была только „самобытная" поправка къ коренному манчестерскому положенію, строго судившему всякое „вмѣшательство" государства въ экономическую жизнь. Въ 1881 г. само коренное положеніе было признано грубой ошибкой: „Въ свое время реформа государственныхъ кредитныхъ установленій могла казаться дѣломъ благоразумія, но теперь разъяснилось, что разгромъ этихъ установленій поставилъ въ безвыходное положеніе русское

*) „М. В.", 1880, № 113 ср. №№ 120 и 129. Курс. нашъ, какъ и вездѣ.

*) „М. В.", 1864, № 184.

**) ibid., № 162.

***) „М. В.", 1865 г., № 141

дворянство въ самый критическій для него моментъ и лишилъ русское землевладѣніе всякой возможности денежнаго кредита именно въ ту пору, когда этотъ кредитъ былъ особенно необходимъ по случаю замѣны дарового труда наемнымъ...“ *) „Не скупясь на ежегодныя громадныя субсидіи нашимъ полуиностраннымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, — субсидіи, далеко не всегда требуемыя дѣломъ и часто не достигающія цѣли,—слѣдуетъ ли отказывать въ справедливомъ русскому помѣстному дворянству“? **) Еще въ 1866 году дворянство съ удовольствіемъ читало, что бюрократіи слишкомъ много, что она „становится теперь великимъ затрудненіемъ въ жизни нашего отечества“ ***). А въ 1880-мъ бѣда оказывалась въ томъ, что бюрократія слишкомъ мало обращаетъ вниманія на сельское хозяйство: „...невольно возникаетъ сожалѣніе, что правительство не имѣетъ пока по этой части спеціальнаго правительственнаго органа, для котораго наше земледѣліе не было бы такимъ второстепеннымъ и побочнымъ дѣломъ, какимъ естественно является оно для министерства государственныхъ имуществъ“ ****).

Мы не имѣемъ мѣста, чтобы останавливаться на другомъ характерномъ зигзагѣ дворянской идеологіи—отношеніи Каткова къ бумажнымъ деньгамъ. Низкій курсъ нашего рубля все же нѣсколько помогалъ русскому помѣщику въ безнадежной конкурренціи съ Америкой и другими соперниками на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ: получая за свой продуктъ золото, помѣщикъ расплачивался внутри страны дешевыми бумажками. Въ 1864 году Катковъ еще не сомнѣвался, „что мы страдаемъ отъ избытка кредитныхъ билетовъ“ *): шестнадцать лѣтъ спустя люди, такъ думавшіе, оказывались уже виновными въ „нагломъ искаженіи фактовъ и завѣдомой фальши въ ихъ истолкованіи“, имѣющими въ виду „не разъяснить, а затемнить и запутать дѣло, не убѣдить, а уловить въ свои сѣти публику и особенно кого нужно изъ лицъ, власть имѣющихъ“ **). А „воображаемое чрезмѣрное обиліе обращающихся въ странѣ денежныхъ знаковъ“ оказывалось „одною изъ грезъ, не перестающихъ смущать умы“ ***). Ни въ одномъ пунктѣ вліяніе сельско-хозяйственнаго кризиса на дворянскую идеологію не сказывалось ярче, и нигдѣ роль Каткова, какъ секретаря дворянскаго общественнаго мнѣнія, не обрисовывалась выпуклѣе.

Но хорошій секретарь никогда не занесетъ въ свои протоколы того, что могло бы кого бы то ни было скомпрометировать. Мало ли какія слова говорятся въ минуту откровенности,—не все же писать. Логическимъ выводомъ изъ новыхъ экономическихъ воззрѣній было бы возстановленіе стараго порядка въ его наиболѣе существенныхъ чертахъ. Защищая по существу именно эту позицію, „нашъ Times“—„газета съ наибольшимъ числомъ подписчиковъ, съ наибольшимъ вліяніемъ“, какъ

*) ib. 1881 г., № 333.
**) ibid. 339.
***) ibid. 1866 г. № 186.
****) ibid. 1880. № 164.

*) „М. В.“, 1864, № 155.
**) „М. В.“ 1880, № 25.
***) ib. № 21.

отзывались о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ ихъ поклонники *)—никогда, однако же, не договаривался до возстановленія крѣпостного права или до осужденія въ принципѣ реформъ Александра II. Эта роль невиннаго ребенка, вслухъ высказывающаго то, о чемъ шепчутся взрослые, выпала на долю публициста, подвизавшагося въ менѣе замѣтной, окраинной казенной газетѣ („Варшавскомъ Дневникѣ“)—и долгое время допускавшагося въ „солидные“ реакціонные органы только, такъ сказать, съ задняго крыльца. То былъ авторъ знаменитаго совѣта—„подморозить Россію“, Константинъ Леонтьевъ. Говорить всю правду, хотя бы и реакціонную, обходится дорого: насколько карьера Каткова была свѣтла и легка (онъ умеръ въ высокихъ чинахъ и обладателемъ милліоннаго состоянія) **), настолько жизнь К. Леонтьева была печальна, а успѣхъ доставался ему трудно. Въ сущности, его судьба была судьбой всякаго писателя, опередившаго свое время. Тридцать лѣтъ назадъ его истерическія выкликанія давали впечатлѣніе страшной преувеличенности,—болѣзненной и, пожалуй, смѣшной. Только читая теперь, послѣ всего пережитаго въ послѣдніе годы, его статьи, съ ихъ ужасающимъ презрѣніемъ къ человѣческой личности, съ ихъ фанатической проповѣдью голаго насилія въ политикѣ, съ ихъ циническимъ глумленіемъ надъ всѣмъ, что милліоны людей въ теченіе сотенъ лѣтъ называли своими идеалами,—только теперь начинаешь чувствовать, какимъ все это было зловѣщимъ пророчествомъ. И какъ легкомысленно было отношеніе къ Леонтьеву нѣкоторыхъ публицистовъ 80-хъ годовъ — въ родѣ Владиміра Соловьева—видѣвшихъ въ апологетѣ „византизма“ только талантливаго писателя съ нѣкоторыми односторонними увлеченіями и пристрастіями, пожалуй, странностями, но вредными прежде всего для него самаго. Въ этой оцѣнкѣ вѣрнаго было лишь признаніе литературной талантливости Леонтьева,—во многомъ напоминающаго его родственника по духу, Жозефа де Местра. Но индивидуальнаго въ немъ была только красивая, иногда сильная литературная форма: содержаніемъ же была коллективная психологія того общественнаго класса, который тридцать лѣтъ спустя показалъ, что онъ способенъ на всѣ звѣрства, только бы удержать свое командующее положеніе въ обществѣ.

„Я помню крѣпостное право; я выросъ на немъ; полъ-жизни моей прошло при его условіяхъ, и только во второй ея половинѣ (30 лѣтъ) я увидалъ новый порядокъ“, говоритъ о себѣ К. Леонтьевъ въ одной изъ своихъ статей *). Но онъ не со-

*) См. Данилевскій, „Россія и Европа“, стр. 302.

**) „Съ Катковымъ графъ Д. А. Толстой (тогда министръ народнаго просвѣщенія) обращался дружественно и съ видимымъ уваженіемъ“, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Г. К. Градовскій. „Бывавшіе у Каткова подчиненные графа Толстого, начиная съ Е. М. Ѳеоктистова (бывшаго потомъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати), явно и откровенно лебезили передъ Катковымъ. Ѳеоктистовъ сидѣлъ на кончикѣ стула и молчалъ, если его не спрашивали, и вставалъ, когда Катковъ приподнимался съ своего кресла“. Рус. Стар. 1908, январь.

*) „Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?“ Сборникъ „Востокъ, Россія и Славянство“, т. II, стр. 163.

блазнился этими новыми порядками. „Крѣпостное право было *въ свое время* великимъ и спасительнымъ для Россіи учрежденіемъ. Только съ утвержденія этого особаго рода феодализма, вызваннаго необходимостью стянуть, разслоить и этимъ дисциплинировать слишкомъ широкую и слишкомъ *однообразную* Россію, государство наше начало рости. Но и это столь полезное учрежденіе имѣло, какъ извѣстно, свои невыгоды. Помѣщики злоупотребляли данною имъ властью. Это извѣстно. Но кто же станетъ утверждать, что они злоупотребляли этой властью всѣ одинаково? Это было бы ошибкой или ложью. У многихъ крестьяне жили лучше нынѣшняго. Но многіе помѣщики все-таки производили насилія ни съ чѣмъ несообразныя, совершали безнаказанно преступленія и т. д. Это правда. *Теченіе* духа времени было въ эту сторону, и нѣкоторые *люди* изъ учрежденія разумнаго и необходимаго извлекали не то, чего бы желало правительство" *). Вамъ кажется, что подчеркнутой оговоркой „въ свое время" авторъ все же дѣлаетъ нѣкоторую уступку прогрессивнымъ теченіямъ, разлагавшимъ „столь полезное", „разумное и необходимое" учрежденіе и приведшимъ къ его гибели. Вовсе нѣтъ: вчитайтесь внимательнѣе; вы увидите, что въ глазахъ К. Леонтьева прогрессъ повелъ только къ искаженію и порчѣ крѣпостного права. „Теченіе духа времени" (сороковыхъ — шестидесятыхъ годовъ) вело къ тому, что помѣщики „производили насилія" и „совершали безнаказанно преступленія". Тургеневъ, Герценъ и Бѣлинскій были виноваты въ томъ, что положеніе крестьянъ передъ 1861 годомъ ухудшилось. Къ счастію, ядомъ прогресса были заражены не всѣ помѣщики, такъ что до самаго 19 февраля „у многихъ крестьяне жили лучше нынѣшняго". Если даже и К. Леонтьевъ не рѣшается прямо сказать, что 19 февраля было зломъ, и дѣлаетъ оговорку насчетъ „своего времени", то къ этому его побуждаютъ совсѣмъ особыя основанія. „*Всему своя пора*, — сказали мы. Ударилъ и часъ освобожденія! Государю было *угодно* даровать народу иныя права. По основному закону нашей Имперіи, по существенному духу націи нашей, законно и *хорошо* все то, что исходитъ отъ верховной власти. Законно было закрѣпощеніе, законно и *хорошо* было раздѣленіе народа на сословія (или „состоянія"), все было хорошо въ свое время—и старые, закрытые суды и тѣлесное наказаніе. *Законно и хорошо уничтоженіе* всего этого, не столько *по существу*, *сколько потому*, что *верховной власти было такъ угодно*... Мы *такъ* думаемъ и не считаемъ того настоящимъ *русскимъ*, кто не *умѣетъ такъ* думать, хотя бы онъ былъ и самый честный, и самый полезный съ виду *въ дѣлахъ* своихъ человѣкъ" *). Уже это обиліе истерическаго курсива достаточно показываетъ, чего стоило дворянину и помѣщику, воспитанному на крѣпостномъ правѣ, примириться съ актомъ царской воли, уничтожавшимъ (хотя бы на бумагѣ) это право. Но его логика требовала этого — на томъ держалась вся его теорія. И съ ха-

*) ibid., стр. 141 (изъ статьи „Чѣмъ и какъ либерализмъ нашъ вреденъ?") Курсивъ всегда К. Леонтьева.

*) ibid. 49, (передовая „Варшавскаго Дневника" отъ 12 января 1880 года).

рактернымъ для средневѣковаго человѣка наивнымъ лукавствомъ онъ надѣялся избыть непріятныя для его классоваго самосознанія послѣдствія теоріи посредствомъ толкованія того самаго закона, передъ которымъ онъ преклоняется, какъ передъ актомъ высочайшей воли. Что изъ того, что дворяне лишены своихъ привилегій? Не ставить же ихъ изъ за этого на одну доску съ хамами! И ему рисуется соблазнительная картина, какъ судили бы знаменитую игуменью Митрофанію (въ міру баронессу Розенъ), если бы у насъ „настроеніе общества было консервативное". „Свѣтскій судъ медлилъ бы нарочно, для избѣжанія огласки. Публика боялась бы, что бы игуменья не попала на скамью подсудимыхъ. Но положимъ—пріостановить дѣло, замять его съ нѣкоторой формальной несправедливостью и съ большимъ государственнымъ тактомъ — оказалось бы невозможнымъ. Игуменью судятъ гласнымъ судомъ... Но *какъ?* Всѣ смущены (хотя бы и притворно —и то хорошо; ибо притворство въ этомъ случаѣ доказываетъ только почтеніе къ извѣстному принципу)... Предсѣдатель ведетъ сессію, по возможности, въ предѣлахъ закона, благопріятно для подсудимой; онъ не позволяетъ адвокатамъ и прокурорамъ говорить противъ монастырей вообще... *) Личное самолюбіе ораторовъ, обвиняющихъ игуменью или защищающихъ ея противниковъ, оставляется немного (хотя немного) въ сторонѣ до другого случая—изъ гражданскаго, охранительнаго чувства; защита удачна, обвиненіе мягко и уклончиво. Преступленіе признано недоказаннымъ... Публика ликуетъ" *). Вотъ какъ судили бы у насъ (Леонтьевъ серьезно считаетъ всю изображенную имъ комедію судомъ) людей, власть имѣющихъ, если бы „духъ общества русскаго не любилъ бы переходить *налѣво* за черту новыхъ учрежденій". „Учреждая эти болѣе свободные суды, правительство передвигало значительно центръ тяжести государственной налѣво; мы, поэтому, для сохраненія равновѣсія, если уже неизбѣжно склонять вѣсы и т. д., будемъ склонять ихъ на противоположную *правую* сторону, т. е. скажу прямо, въ пользу старшихъ, генераловъ, игуменовъ, помѣщиковъ, отцовъ, матерей, хозяевъ, а не на сторону младшихъ и младшихъ, будто бы слабѣйшихъ. Эти слабѣйшіе легко могутъ стать слишкомъ сильными; не надо отучать ни народъ, ни молодежь, ни дѣтей отъ повиновенія: это противно тому духу православія, на которомъ взросло наше монархическое государство..." **)

Перечень „старшихъ", для которыхъ должна существовать особая справедливость, самъ по себѣ уже долженъ устранить иллюзію, будто К. Леонтьевъ въ дѣлѣ игуменьи Митрофаніи защищалъ интересы религіи, а не политики. Вообще, ставить въ центръ міросозерцанія Леонтьева религію, какъ таковую, такое же заблужденіе, какъ и считать

*) пропускаемъ нѣсколько цитатъ изъ судебныхъ преній — по мнѣнію Леонтьева, обидныхъ для религіознаго чувства.

*) ibid., стр. 137—8 („Чѣмъ и какъ либерализмъ нашъ вреденъ?"). Позволяемъ себѣ не мучить читателя непрерывнымъ курсивомъ Леонтьева.

**) ib. 141—142.

невинной странностью и чудачествомъ проповѣдуемое имъ „людодерство“ (говоря словами Крижанича). Леонтьевъ, вѣроятно, былъ вѣрующимъ православнымъ человѣкомъ: говоримъ „вѣроятно“, а не „навѣрно“, такъ какъ явное принесеніе въ жертву интересовъ православія на Балканскомъ полуостровѣ интересамъ борьбы съ „европейской либеральностью“ ставитъ подъ вопросъ даже и это. Леонтьевъ, какъ извѣстно, готовъ былъ привѣтствовать владычество турокъ надъ болгарами на томъ основаніи, что „безъ турецкаго презервативнаго колпака разрушительное дѣйствіе либеральнаго европеизма станетъ сильнѣе“. *) Что должно было у него уступать при столкновеніи религіи и политики — остается, такимъ образомъ, подъ вопросомъ. Но Леонтьевъ такъ своеобразно понималъ религію, христіанство и православіе, что такое столкновеніе могло быть только теоретической возможностью: на практикѣ его религія всегда предписывала то, что было нужно его политикѣ. И въ этомъ онъ опять характерный средневѣковой человѣкъ, никогда не забывающій своихъ выгодъ и въ то же время искренно убѣжденный, что его выгода—это и есть то самое, чего хочетъ Господь Богъ. Православіе для него прежде всего другого — средство дисциплинировать массы, и въ этой роли оно занимаетъ почетное мѣсто рядомъ съ крѣпостнымъ правомъ. „Народъ нашъ дѣйствительно еще полонъ „смиренія“, но надо помнить, что эти качества его выработались вѣками, подъ совокупнымъ давленіемъ: Церкви, государства, общины и *помѣщичьей власти*... Вотъ тамъ, гдѣ нужно быть *реалистами*, мы не умѣемъ ими быть!“ Вѣрная союзница помѣщичьей власти въ прошедшемъ, церковь была ея главной надеждой и для будущаго: противъ „жалкой европейской либеральности“ „лучшаго противоядія, какъ усиленіе церковно-православнаго духа, возвеличеніе церкви“ — „пока нѣтъ“. Даже изъ земства кое-что могло бы выйти, если бы „церковныя школы исподоволь совершенно бы вытѣснили либерально-земскія“. „Ибо истинное христіанство учитъ, что какова бы ни была, по личнымъ немощамъ своимъ, земная іерархія, она есть отраженіе небесной“. Христіанство „должно быть милостиво, но должно быть и грозно по духу самого евангелія“; иное пониманіе его презрительно клеймится, какъ „модное“ и, почему-то, „слишкомъ французское“. Но само собою разумѣется, что „истинное христіанство“ не можетъ быть грознымъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи свѣтской руки—и Леонтьевъ принимаетъ этотъ выводъ безотговорочно: одна изъ главныхъ заслугъ русскаго государства въ его глазахъ—то, что оно является „*столбомъ настоящаго недемократическаго христіанства*“ *).

Итакъ, вѣра, которую исповѣдывалъ К. Леонтьевъ—пусть она будетъ искренняя—во всякомъ случаѣ, не то историческое христіанство, какое нѣкогда проповѣдывали галилейскіе рыбаки, учившіе, что передъ

*) „Письма отшельника“. „Востокъ, Россія и Славянство“, I, 266.

*) ibid, т. I, стр. 57, 230, т. II, стр. 141, 100, 13, 41.

Богомъ нѣтъ разницы между рабомъ и свободнымъ; его вѣра—то православіе, которое практически существовало у насъ въ эпоху крѣпостного права, вѣра барская, для которой и въ гробу не было равенства между господиномъ и его рабомъ: первый и въ гробу оставался „болячиномъ“, а второй и здѣсь былъ только „рабомъ“,—правда „рабомъ Божіимъ“,—на практически безполезное мертвое тѣло земной господинъ уже не посягалъ. *Такое* православіе было для него дороже всего—дороже всякихъ національныхъ связей и даже національной независимости. „...Самый жестокій и даже порочный, по личному характеру своему, православный епископъ, какого бы онъ ни былъ племени, хотя бы крещеный монголъ, долженъ быть намъ дороже двадцати славянскихъ демагоговъ и прогрессистовъ“... „Сверженіе иноземнаго ига азіатской орды можетъ занимать ограниченные умы нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ; намъ же давно пора догадаться, что никакое насильственное иго азіатскихъ владыкъ не можетъ быть такъ „позорно“, какъ добровольно допускаемая народомъ власть собственныхъ адвокатовъ, либеральныхъ банкировъ и газетчиковъ.“ *) Пусть я буду лучше подъ игомъ турокъ, чѣмъ мною хамы будутъ управлять: въ одномъ мѣстѣ, по поводу Болгаріи, К. Леонтьевъ высказывается почти именно этими словами. „Какой же тутъ „страхъ Божій“ въ народѣ неопытномъ, незрѣломъ, *руководимомъ вчера лишь вольноотпущенными лакеями,* побывавшими кое-гдѣ въ Европѣ для того, чтобы перестать содержать посты и разучиться любить власти, Богомъ поставленныя?“ спрашиваетъ онъ по поводу болгаръ *). И ему не шутя казалось, что дворянинъ отъ рожденія, только потому что онъ дворянинъ, больше понимаетъ въ политическихъ вопросахъ нежели человѣкъ, имѣвшій несчастье родиться въ другомъ кругу. „Какъ было не понять, что какому-нибудь болгарскому учителю, купцу, доктору, депутату и даже министру изъ мужиковъ или лавочниковъ недоступно и нежелательно то, что было такъ ясно и такъ желательно Кирѣевскому, Хомякову и Аксаковымъ?.. Эти люди были все русскіе *дворяне*, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкіе, *европеизмомъ пресыщенные*, благородные москвичи, за спиной которыхъ стояли цѣлые вѣка государственнаго великорусскаго опыта. То ли можетъ нравиться кое-какъ или даже и хорошо обучавшемуся въ Европѣ пастуху“?.. **)

Итакъ, русскому дворянину даже ядъ европеизма не могъ повредить: напротивъ, ему „пресыщенность европеизмомъ“ какъ будто ставилась даже въ заслугу. Зато низкорожденнаго ничто въ мірѣ не могло облагородить: единственное хорошее, что согласился признать Леонтьевъ въ русскомъ мужикѣ, была „любовь къ самому принципу власти. Начальство смѣлое, твердое, блестящее, и даже крутое имъ нравится...“ Вообще же, „напрасны надежды на простой народъ, не онъ въ теченіе времени

*) ibid. I, стр. 262 и 280.

*) ibid. 267, курс. нашъ.
**) ibid. 266, курс. Леонтьева.

окрашиваетъ высшіе слои, но эти высшіе слои вездѣ одинаково вліяютъ на низшіе" *). И здѣсь аскетъ реакціи близко сходится съ защитниками ея практическихъ интересовъ: сохраненіе и укрѣпленіе помѣстнаго землевладѣнія являются въ глазахъ Леонтьева одной изъ насущнѣйшихъ задачъ момента. Онъ горячо привѣтствовалъ газетное извѣстіе о томъ, что вяземскіе дворяне выработали особый планъ сохраненія крупныхъ имѣній, установивъ для дворянскихъ земель „минимумъ дробленія", — „т. е. чтобы дворяне-наслѣдники не имѣли права дѣлить свою землю, если она ниже опредѣленнаго ценза". Чтобы провѣрить это извѣстіе, онъ даже нарочно заѣзжалъ въ Вязьму и съ большимъ огорченіемъ узналъ отъ тамошняго предводителя, „только что вернувшагося изъ Европы, чуть ли уже не изъ самаго Парижа", что газетное извѣстіе ложно; онъ даже готовъ былъ самого бѣднаго предводителя заподозрить во лжи, — такъ понравился ему проектъ **). „Найти средства утвердить хоть нѣсколько положеніе *дворянства*, какъ *дворянства*, это значитъ хоть сколько-нибудь укрѣпить подвижность нашего строя и пріостановить быстроту экономическаго броженія" ***). Въ тѣхъ же самыхъ видахъ ему казалось весьма желательнымъ и закрѣпленіе въ возможно неподвижной формѣ крестьянскаго землевладѣнія: законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ имѣлъ въ Леонтьевѣ не менѣе горячаго защитника, чѣмъ въ нѣкоторыхъ земскихъ дѣятеляхъ начала 80-хъ годовъ *). И совершенно естественно, что, отдавъ дань холоднаго почтенія реформамъ Александра II — только потому, что и это тоже „царская воля",—онъ уже дѣйствительно съ теплымъ чувствомъ вспомнилъ совсѣмъ иныя реформы Екатерины II. „Она вела Россію къ цвѣту, къ творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вотъ въ чемъ главная ея заслуга. Она охраняла крѣпостное право (цѣлость міра, общины поземельной), распространила даже это право на Малороссію и, съ другой стороны, давала льготы дворянству.." **). Такъ изъ подъ пера реакціонныхъ писателей, въ числѣ другихъ откровенностей, вылилось и точное опредѣленіе „мірского самоуправленія",—какъ остатка крѣпостного права. Нельзя не сказать, что этотъ „отшельникъ" въ реальныхъ вопросахъ оказывался иногда куда проницательнѣе патентованныхъ народолюбцевъ, не умѣвшихъ разобрать, гдѣ у нихъ друзья и гдѣ враги.

Онъ, какъ видимъ, отнюдь не полагался на одну „христіанскую дисциплину" („ученіе покорности властямъ", поясняетъ онъ) и на духовныя преимущества, отъ рожденія свойственныя дворянскому сословію: необходимость „экономическаго базиса" сознавалась имъ весьма отчетливо. И не менѣе отчетливо онъ понималъ, что данному экономическому базису соотвѣтствуетъ и данная политическая форма—и никакая другая. Въ лицѣ К. Леонтьева русское дворянство окончательно разставалось со всѣми

*) ibid. I, 207; II, 130.
**) ibid. II, 104—105.
***) ib. 106.

*) ib. II, 13 примѣч., ср. гл. II настоящаго очерка.
**) ib. I, 96.

либерально-аристократическими иллюзіями, какими оно тѣшилось, начиная съ первой половины XVIII вѣка и вплоть до 60-хъ годовъ. Оттого его историческія воспоминанія и обращались съ еще большей любовью, отъ дворянской Россіи XVIII вѣка къ тому времени, когда византизмъ „*высворилъ* насъ крѣпко и умно", — какъ охотникъ высвориваетъ собачью стаю *). И ничто не могло вызвать въ немъ большаго восторга, чѣмъ заявленіе правительства Александра III, что оно и не думаетъ мѣнять „образа правленія" въ Россіи. Мы знаемъ, что само правительство никогда и не имѣло такихъ намѣреній, и что „конституціонные планы Александра II" созданы были легковѣрной фантазіей тогдашняго общества: но Леонтьевъ вмѣстѣ съ другими находился подъ гипнозомъ этихъ фантастическихъ представленій, безъ сомнѣнія очень волновался **) и глубокимъ вздохомъ облегченія привѣтствовалъ манифестъ 29 апрѣля 1881 года. „Передъ лицомъ всей конституціонной Европы и всей республиканской Америки мы объявили, что не намѣрены больше жить чужимъ умомъ и приложимъ всѣ старанія, чтобы самодержавіе было крѣпко и грозно и чтобы о „конституціи" и помину бы больше не было", восторженно восклицаетъ онъ ***). Еще въ началѣ 60-хъ годовъ дворянскимъ манчестерцамъ казалось иногда, что самодержавіе несовмѣстимо, не вполнѣ, по крайней мѣрѣ, совмѣстимо съ господствомъ землевладѣльческаго класса. Не допуская и мысли о революціи снизу, они охотно приняли бы уступки сверху — въ пользу дворянскаго сословія. Двадцать лѣтъ спустя предтеча современной реакціи училъ, что даже, если самодержецъ самъ захотѣлъ бы себя ограничить, онъ не смѣетъ этого сдѣлать: „русскій царь, по существенному атрибуту его власти, по основнымъ законамъ государства, имѣетъ право на всякое дѣйствіе, кромѣ одного:—кромѣ дѣйствія самоограниченія. Самодержецъ не можетъ перестать быть самодержцемъ..." *)

Но кто хочетъ цѣли, долженъ хотѣть и средствъ. К. Леонтьевъ прекрасно понималъ и то, что его идеалъ естественнымъ и мирнымъ путемъ болѣе осуществленъ быть не можетъ. Онъ проговорился даже однажды, что считаетъ вполнѣ возможнымъ сближеніе народныхъ массъ съ „анархистами", — т. е. съ революціонерами 70-хъ годовъ—и по своему, въ отдѣльныхъ случаяхъ, принималъ противъ этого какія могъ мѣры, столь характерныя, что о нихъ нельзя не упомянуть. Разговаривая съ двумя монахами изъ простонародья по поводу нечаевскаго дѣла, онъ натолкнулся у нихъ, конечно, на полное непониманіе революціоннаго движенія. „Удивительно,—говорили монахи,—что съ этими молодыми господами двое,

*) ibid., т. I, стр. 188.

**) „Я осмѣлюсь, не колеблясь, сказать,—писалъ онъ немного ранѣе,—что никакое польское возстаніе и никакая пугачевщина не могутъ повредить Россіи такъ, какъ могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституція". I, стр. 101.

***) ibid. стр. 282—3.

*) II, 164 („Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?" Написано въ 1880 году —въ періодъ „диктатуры сердца").

никакъ изъ мѣщанъ, студенты попались. Другое дѣло, если господскія дѣти сердятся на государя за освобожденіе крестьянъ. А этимъ то что!" „Я изъ *политическаго* чувства не сталъ ихъ увѣрять, что между „господами" и „нигилистами" нѣтъ ничего общаго,— прибавляетъ Леонтьевъ. „Это *недоразумѣніе* тѣмъ спасительно, что *мѣшаетъ сближенію анархистовъ съ народомъ*" *).

Но что же дѣлать, если даже и политическая ложь не поможетъ? Логика и тутъ не пугаетъ Леонтьева: надо, „не стѣсняясь пустыми фразами прогресса, налагать на нѣкоторыхъ узду спасительнаго насилія". „Безъ *насилія*—нельзя. Неправда, что можно жить безъ насилія... *Насиліе не только побѣждаетъ, оно и убѣждаетъ многихъ, когда за нимъ, за этимъ насиліемъ есть идея*" **). Въ полной гармоніи съ этимъ стоитъ его знаменитый совѣтъ — высѣчь Вѣру Засуличъ за выстрѣлъ въ Трепова. Но если „анархистовъ", „нигилистовъ" и тому подобныхъ можно вразумить при помощи розогъ, висѣлицы и каторги, то какъ поступать съ тѣми, кто не совершаетъ „поступковъ", не выступаетъ прямо и открыто сторонниками революціи, чей „ядъ" скрывается въ легальныхъ рѣчахъ, въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ,—какъ поступать, словомъ, съ либералами?

*) „Византизмъ и славянство", ibid. I, стр. 102. курс. автора.

**) ib. II, 80.

Тутъ логика К. Леонтьева поднимается до высоты истиннаго героизма. „Теперь пора уже перестать придавать слову *доносъ* то унизительное значеніе, которое пріучилъ насъ придавать ему либерализмъ. Мы спросимъ: кто вреднѣе и опаснѣе для государства — иноплеменный врагъ или *свой* разрушитель? Всякій отвѣтитъ, мы надѣемся, что послѣдній опаснѣе. Итакъ, если каждый изъ насъ, не стѣсняясь, схватилъ бы и передалъ злоумышляющаго противу насъ во время открытой войны турка, черкеса или француза, или донесъ бы на него,—то отчего же не доносить на тѣхъ, которые даже „исподоволь" потворствуютъ Ткачевымъ, Гартманамъ, Засуличамъ и т. д.?" *)

На этой апологіи доноса, рядомъ съ которой можно поставить только апологію палача у Жозефа де Местра, мы можемъ кончить нашъ разборъ теоріи К. Леонтьева. У нея есть еще „соціологическая" сторона: Леонтьевъ былъ убѣжденъ, что онъ можетъ „научно" оправдать защищаемое имъ варварство. Но эта „соціологія", опирающаяся на цитаты изъ учебника Вебера, едва ли могла кого-нибудь убѣдить даже въ свое время. Для того, чтобы признать заслугу Леонтьева, вовсе не нужно, чтобы онъ былъ оригинальнымъ ученымъ; достаточно, что это былъ самый талантливый и самый откровенный русскій дворянинъ второй половины XIX вѣка.

*) Передовая „Варшавскаго Дневника" 10 апрѣля 1880 г. ibid., II, стр. 109.

ГЛАВА II.

Земское самоуправленіе и реформа 1890 г.

(1865—1890).

(С. Я. Цейтлина).

1.

Согласно высоч. указу 1 января 1864 г. и высоч. утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта 25 мая 1864 г., новыя земскія учрежденія должны были быть немедленно открыты въ 33 губерніяхъ. Введеніе ихъ въ губерніяхъ Архангельской и Астраханской, Бессарабской области, 9 западныхъ губерніяхъ и въ „частяхъ имперіи, управляемыхъ по особымъ учрежденіямъ“, было поставлено на вторую очередь. Сначала открытіе земскихъ учрежденій шло непрерывно и довольно быстро. 28 февраля 1865 г. они были введены въ Самарской губерніи, въ томъ же году— еще въ 18 губерніяхъ, въ 1866 г.— въ 9 губ.

Одновременно въ близкихъ къ верховной власти кругахъ снова ожилъ проектъ общеземскаго представительства. Въ 1866 г. Александру II была представлена кн. С. Н. Урусовымъ отъ имени великаго князя Константина Николаевича записка о привлеченіи выборныхъ къ участію въ законодательствѣ. Записка была составлена при участіи П. А. Валуева и отчасти основывалась на его проектѣ 1863 г. Компетенція „совѣщательнаго собранія гласныхъ“ была опредѣлена еще уже, чѣмъ въ валуевскомъ проектѣ; само учрежденіе теряло свой постоянный характеръ; значеніе его въ средѣ государственнаго совѣта было сведено къ минимуму. И тѣмъ не менѣе новый проектъ имѣлъ еще меньше шансовъ на осуществленіе, чѣмъ даже валуевскій.

Стихійные крестьянскіе бунты, разлившіеся широкой волной въ 1861—63 гг., совершенно прекратились къ этому времени. Къ концу шестидесятыхъ годовъ не могло быть и рѣчи о всероссійскомъ крестьянскомъ возстаніи, страхъ предъ которымъ оказывалъ такое сильное вліяніе въ предыдущую эпоху на правительственныя сферы. Широкія крестьянскія массы стали постепенно приспособляться къ новымъ соціально-экономическимъ условіямъ, созданнымъ отмѣной крѣпостного права, и только къ началу восьмидесятыхъ годовъ крестьянство снова начинаетъ „глухо бродить и безпокойно метаться, какъ звѣрь въ клѣткѣ, не сознавая еще ясно своихъ бѣдствій, не видя средствъ помочь имъ и постоянно опрокидываясь лишь на ближайшіе частные поводы своихъ невзгодъ“. Сліяніе стихійныхъ крестьянскихъ волненій начала шестидесятыхъ годовъ съ революціонно-демократическимъ движеніемъ разно-

чинной интеллигенціи такъ и не удалось. Само же по себѣ это революціонно-демократическое движеніе, какъ широко оно ни развилось въ семидесятые годы, не могло вызвать со стороны самодержавно-полицейскаго государства ничего другого, кромѣ усиленія и обостренія его обычныхъ репрессій.

Наконецъ, и среди новаго класса, выросшаго въ пореформенной Россіи, фабрично-заводскаго пролетаріата, значительныя и сколько-нибудь организованныя волненія начались также только въ самомъ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ (въ періодъ промышленнаго подъема).

Положеніе дѣлъ было въ высокой степени благопріятно для правительственной реакціи, — и она не замедлила наступить. Съ 1867 г. введеніе новыхъ земскихъ учрежденій становится крайне медленнымъ. Вскорѣ оно и вовсе прекращается. Въ 1867 г. земскія учрежденія были открыты только въ 2 губерніяхъ—Вятской и Олонецкой, въ 1869 г. — въ Бессарабской области, въ 1870 г. — въ губерніяхъ Вологодской и Пермской, въ 1875 г.—въ Уфимской, въ 1876 г. въ области Войска Донского. Этимъ и закончилось территоріальное распространеніе новаго земства. Изъ 33 губерній, поставленныхъ на первую очередь, Оренбургская такъ и осталась безъ земскихъ учрежденій. Изъ всей остальной Россіи, они были введены лишь въ Уфимской губерніи и областяхъ Бессарабской и Войска Донского (въ послѣдней — не надолго).

Мы уже говорили *), что новое земство получило въ свое распоряженіе лишь ничтожную часть тѣхъ финансовыхъ средствъ, которыми располагали дореформенныя учрежденія. Изъ всѣхъ государственныхъ денежныхъ повинностей, составлявшихъ огромнѣйшую часть бюджета стараго земства, за новыми земскими учрежденіями было оставлено лишь... содержаніе слѣдственныхъ приставовъ. Даже губернскія денежныя повинности были имъ переданы далеко не цѣликомъ. По смѣтамъ, дѣйствовавшимъ въ 30 губ. во время изданія „Положенія" 1864 г., губернскія денежныя повинности равнялись 3.123.839 р. Изъ нихъ 930.981 р., т. е. нѣсколько менѣе трети, были перечислены въ государственный сборъ. Вмѣстѣ съ сборами на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія всего было передано 5.186.302 р. По нѣкоторымъ губерніямъ эти переданные новому земству сборы составляли совершенно ничтожныя суммы: въ Вятской г. — 57.007 р., въ Олонецкой г. 65.005 р.— Максимальныя цифры приходились на Херсонскую г.—278.738 р., Полтавскую г.—241.722 р. Къ тому же эти незначительныя суммы должны были расходоваться исключительно на исполненіе обязательныхъ повинностей строго-опредѣленнаго размѣра. Самостоятельныя распоряженія со стороны земства могли требоваться развѣ только по дорожной повинности. По остальнымъ же — дѣло сводилось чуть ли не къ автоматическому выплачиванію земскими кассами указанныхъ суммъ. Такимъ образомъ, вся *будущая* административно-хозяйственная дѣятельность земства зависѣла исключительно отъ

*) См. часть II, гл. III („Земская реформа").

Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Съ портрета, писаннаго масляными красками.
(С.-Петербургъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

тѣхъ *новыхъ* финансовыхъ средствъ, которыя оно съумѣетъ найти, отъ тѣхъ *новыхъ* налоговъ, которые оно съумѣетъ взыскать съ населенія. Переданные ему дореформенные сборы не могли ничего дать для этой *будущей* его дѣятельности.

То же самое, и еще въ большей степени, приходится сказать о натуральныхъ повинностяхъ. Правда, онѣ были переданы цѣликомъ новымъ земскимъ учрежденіямъ. Но настоятельнѣйшія потребности новаго экономическаго строя съ необходимостью диктовали переложеніе ихъ (или, по крайней мѣрѣ, большинства изъ нихъ) въ денежныя, — что въ свою очередь означало введеніе земствомъ все новыхъ и новыхъ налоговъ. На первыхъ же порахъ своей дѣятельности земству пришлось столкнуться съ необходимостью такого переложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя и, слѣдовательно, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ земскихъ налоговъ. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить докладъ саратовской губернской земской управы очередному собранію 1867 г. Въ этомъ докладѣ управа указываетъ „на неисправность полотна почтовыхъ дорогъ при отбываніи дорожной повинности" и приходитъ къ заключенію, что „оставлять исправленіе полотна на прежнихъ условіяхъ становится дѣломъ невозможнымъ, такъ какъ подобная система, не достигая своей главной цѣли, въ будущемъ влечетъ за собой значительные расходы со стороны земства, которому придется дѣлать расходъ лишь потому, что при существующей системѣ не было принято своевременныхъ мѣръ къ исправленію полотна".

Даже дореформенныя учрежденія во многихъ губерніяхъ пришли въ концѣ своей дѣятельности къ необходимости переложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя. Такъ, въ 1861 г. исправникъ скопинскаго уѣзда рязанской губерніи сообщалъ, что „состояніе мостовъ, находящихся на бывшихъ трактахъ, исправленіе коихъ лежитъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ, крайне неудовлетворительно, и содержатся они въ неисправности". Причину этой „неудовлетворительности" онъ видѣлъ въ томъ, что „исправленіе мостовъ расположено на души,... между владѣльцами нѣтъ никакой возможности уравнять эту повинность ни работой, ни матеріаломъ...; съ имѣній же мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ трудно опредѣлить долю участія при отношеніи двухъ или трехъ душъ къ 180; кромѣ того, участки мостовъ по расписанію находятся въ 30 верстахъ разстоянія отъ приписанныхъ къ нимъ имѣній; нѣкоторыми владѣльцами, несмотря на неоднократныя напоминанія земской полиціи, мостовая повинность вовсе не отбывается". Необходимо поэтому, по мнѣнію исправника, „согласить владѣльцевъ и временно-обязанныхъ крестьянъ на отдачу исправленія мостовъ и гатей на большихъ дорогахъ *на содержаніе подрядчикамъ*, какъ это дѣлается государственными крестьянами."

Нѣсколько позже особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, завѣдывавшее натуральными повинностями всей рязанской губерніи, отмѣчало въ своей запискѣ: „дав-

нишнее желаніе, и притомъ желаніе большинства, устремлено было на то, чтобы какъ дорожная, такъ и подводная повинность, для уравнительнаго и вполнѣ правильнаго отбыванія сихъ повинностей, были переложены въ денежный сборъ...; этотъ пунктъ изъ предметовъ земскаго хозяйства есть одинъ изъ самыхъ важныхъ" *).

Передача новому земству всѣхъ натуральныхъ повинностей отнюдь не означала, такимъ образомъ, передачи ему какихъ бы то ни было финансовыхъ средствъ, а только обремененіе его новыми огромными денежными расходами, такъ какъ только при переведеніи большинства натуральныхъ повинностей въ денежныя возможно было дѣйствительное, а не фиктивное, чисто-бумажное исполненіе ихъ.

Наряду съ частью дореформенныхъ сборовъ и натуральными повинностями, новому земству должны были быть переданы также имущества и капиталы прежнихъ земскихъ учрежденій. Объ имуществахъ много говорить не приходится. Всѣ они находились въ самомъ жалкомъ состояніи и едва ли могли принести много пользы новому земству. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующее описаніе больничнаго зданія приказа общественнаго призрѣнія: „тѣсное, неудобное, ветхое, не имѣющее надлежащихъ хозяйственныхъ приспособленій и теплыхъ отхожихъ мѣстъ..., крыша течетъ, и въ домѣ до того холодно, а изъ половъ такъ дуетъ, что половики шевелятся".

Бо́льшее значеніе имѣли капиталы дореформенныхъ учрежденій. Если бы они были переданы цѣликомъ и своевременно—они могли бы значительно облегчить на первыхъ порахъ дѣятельность земства. Но передача ихъ шла крайне медленно. Только въ апрѣлѣ 1865 г. была образована особая комиссія изъ представителей вѣдомствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ „для выработки предположеній касательно распредѣленія продовольственныхъ капиталовъ". Черезъ годъ (25 апрѣля 1866 г.) „предположенія" комиссіи были утверждены государственнымъ совѣтомъ. Но прошелъ и еще годъ, а передача капиталовъ земству все не состоялась. Въ іюнѣ 1867 г. Н. Крузе и Н. Колюпановъ въ своихъ земскихъ обзорахъ отмѣчали: „передача капиталовъ до сихъ поръ еще не опредѣлена... передача продовольственнаго капитала въ предназначенномъ размѣрѣ земскимъ учрежденіямъ до сихъ поръ не состоялась, и они лишены возможности устроить не только продовольственную часть въ губерніи, но и воспользоваться оборотомъ этихъ значительныхъ капиталовъ для полезныхъ цѣлей по другимъ отраслямъ земскаго хозяйства".

Продовольственные капиталы были не только переданы *очень поздно* новымъ земскимъ учрежденіямъ; они были переданы имъ *далеко не въ полномъ размѣрѣ*. По вычисленіямъ особой комиссіи, продовольственныхъ капиталовъ числилось около 26 милліоновъ р. Огромныя суммы изъ нихъ

*) Обозрѣніе двадцатипятилѣтней дѣятельности земства рязанской губерніи, стр. 18—45.

были еще раньше израсходованы на различныя нужды, имѣвшія весьма мало общаго съ дѣломъ народнаго продовольствія: на помощь семействамъ нижнихъ запасныхъ чиновъ и погорѣльцевъ, на содержаніе мѣстныхъ и центральныхъ административныхъ учрежденій и т. д. Буквальный смыслъ закона ясно говорилъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ капиталамъ временно - обязанныхъ крестьянъ, что они составляютъ особую общественную собственность соотвѣтствующихъ губерній и не могутъ получить никакого другого употребленія, кромѣ нуждъ народнаго продовольствія. Тѣмъ не менѣе, ни въ особой комиссіи ни въ государственномъ совѣтѣ не заходило и рѣчи о возвратѣ позаимствованныхъ изъ продовольственныхъ капиталовъ суммъ. Мало того, даже наличные капиталы должны были быть переданы отнюдь не цѣликомъ земскимъ учрежденіямъ. Земству была предоставлена лишь часть ихъ, по расчету 48 копеекъ на каждую ревизскую душу сельскаго населенія, всего около 11 милліоновъ рублей. Остальные же 15 милліоновъ рублей пошли на образованіе общаго по имперіи продовольственнаго капитала, завѣдываніе которымъ было поручено министерству внутреннихъ дѣлъ. Земство было такимъ образомъ лишено большей половины продовольственныхъ капиталовъ, государственному же совѣту, несомнѣнно, удалось избѣжать „всякаго обремененія государственнаго казначейства“ *).

Въ рѣчи извѣстнаго земскаго дѣятеля, кн. А. И. Васильчикова, обращенной имъ въ 1865 г. къ своимъ товарищамъ-гласнымъ новгородскаго губернскаго земскаго собранія, ярко отразилось то чувство горечи и разочарованія, которое овладѣвало вліятельными земскими элементами по мѣрѣ ихъ ознакомленія съ способами введенія земскихъ учрежденій. Въ концѣ своей рѣчи кн. Васильчиковъ говорилъ: „Мы должны смиренно сознаться, что всѣ наши усилія привели насъ къ результатамъ совершенно отрицательнымъ. Наше финансовое положеніе представляетъ намъ крупныя цифры долговъ и недоимокъ; далѣе, въ туманѣ великолѣпныя ожиданія, еще далѣе, еще выше, въ облакахъ, ожидаемыя разрѣшенія и соглашенія о возвращеніи намъ капиталовъ народнаго продовольствія и общественнаго призрѣнія. Наши распорядительныя дѣйствія ограничиваются ходатайствами, и на всѣ наши ходатайства мы слышимъ только одинъ краснорѣчивый отвѣтъ—молчаніе. Вотъ наше положеніе. Впрочемъ, милостивые государи, я не полагаю, чтобы мы должны были нынѣ же немедленно и непосредственно приступить къ самоуничтоженію“... *).

Несомнѣнно, въ 1865 году никто изъ вліятельныхъ земскихъ дѣятелей

*) Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по народному продовольствію въ Россіи, т. II гл. IX, стр. 179—206. —Капиталы приказовъ общественнаго призрѣнія также были переданы земству далеко не въ полномъ размѣрѣ.

*) Послѣ этой рѣчи кн. Васильчиковъ долженъ былъ совершенно оставить службу въ министерствѣ внутрен. дѣлъ, въ спискахъ котораго онъ номинально числился. Въ практической земской работѣ кн. Васильчиковъ принималъ участіе до 1872 г. См. Голубевъ. Князь А. И. Васильчиковъ, стр. 19—31.

не думалъ серьезно о „самоуничтоженіи“ земства. Какъ ни велико было разочарованіе вліятельныхъ земскихъ элементовъ при столкновеніи ихъ съ конкретнымъ проведеніемъ въ жизнь земской реформы, очередной задачей ихъ должно было явиться и явилось использованіе новыхъ земскихъ учрежденій въ классовыхъ интересахъ опредѣленныхъ соціальныхъ группъ, организація этихъ соціальныхъ группъ въ рамкахъ „Положенія“ 1 янв. 1864 г. въ болѣе или менѣе крупную силу. Мы должны, поэтому, прежде всего ознакомиться съ вліятельными земскими элементами, съ соціальными группами, получившими фактическое преобладаніе въ новомъ земствѣ.

2.

Въ изданной въ 1888 г. центральнымъ статистическимъ комитетомъ „Статистикѣ выборовъ въ земскія учрежденія“ мы находимъ много любопытнаго матеріала для опредѣленія той роли, которую играли въ преобразованномъ земствѣ различныя соціальныя группы пореформенной Россіи. Правда, этотъ статистическій матеріалъ относится къ 1883—86 гг., т. е. почти къ концу періода, изученіемъ котораго мы занимаемся, и при анализѣ этихъ цифръ слѣдуетъ имѣть въ виду тотъ безостановочный процессъ дворянскаго оскудѣнія, мобилизаціи дворянскаго землевладѣнія, который продолжался втеченіе всего тридцатилѣтія со времени освобожденія крестьянъ. Но съ другой стороны, измѣненія въ экономическомъ положеніи соціальной группы далеко не сразу отражаются на ея политическомъ значеніи вообще, на ея представительствѣ въ органахъ мѣстнаго самоуправленія въ частности. Въ общемъ и цѣломъ, соціальный составъ земскихъ собраній и земскихъ исполнительныхъ органовъ едва ли подвергался крупнымъ измѣненіямъ за все двадцатипятилѣтіе съ 1865 г. по 1890 г., какъ это видно также изъ нѣкоторыхъ частичныхъ статистическихъ изслѣдованій, пытавшихся охватить весь этотъ промежутокъ времени. Въ общемъ и цѣломъ, слѣдовательно, картина, которую рисуетъ намъ „Статистика выборовъ въ земскія учрежденія“, приблизительно вѣрна для всего времени дѣйствія „Положенія“ 1 января 1864 г. Обратимся къ этому статистическому матеріалу.

Общее число гласныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній равнялось по 34 губерніямъ 13.196. Изъ нихъ 42,4% — было дворянъ и чиновниковъ, 38,5% — крестьянъ, 16,1% — купцовъ и мѣщанъ, 2,3% — духовенства, 0,7% — прочихъ сословій. Общіе итоги по всѣмъ 34 губерніямъ не даютъ, однако, вполнѣ правильнаго представленія о дѣйствительной соціальной группировкѣ земскихъ элементовъ. Въ общую сводку вошли также и „крестьянскія“ земства, т. е. земства тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ крупное и среднее дворянское землевладѣнія почти совершенно отсутствуютъ. Если изъ общей сводки исключить только земства шести наиболѣе характерныхъ въ этомъ смыслѣ губерній (вологодской, вятской, олонецкой, пермской, таврической и уфимской), то для остальныхъ 28 губерній процентъ уѣздныхъ гласныхъ-дворянъ и чиновниковъ уже повысится до 44½, крестьянъ — понизится до 37,1%.

44½% гласныхъ-дворянъ и чиновниковъ, т. е. почти половина всего состава уѣздныхъ земскихъ собраній,—это достаточно характерная цифра, ярко рисующая роль земельнаго дворянства въ пореформенномъ земствѣ!

Характерно также, что дворяне и чиновники избирались въ гласные не только отъ съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Среди избранниковъ городскихъ обществъ ихъ также насчитывалось около 26,8%. Нѣкоторая часть дворянства успѣла уже обжиться въ городахъ, обзавестись здѣсь недвижимымъ имуществомъ и нѣсколько сблизиться съ городской буржуазіей. Послѣдняя же еще далеко не ликвидировала процесса первоначальнаго накопленія капиталовъ, отличалась наивнѣйшей политической идеологіей, а къ земскому дѣлу относилась съ особеннымъ индиферентизмомъ, благодаря нѣкоторымъ спеціальнымъ причинамъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Даже отъ крестьянской куріи 11,1% гласныхъ были все тѣ же дворяне и чиновники: явленіе, почти столь же характерное для шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, какъ и для восьмидесятыхъ. Освобожденный рабъ выбиралъ представителемъ своихъ интересовъ своего вчерашняго владѣльца, фактъ, который становится сколько-нибудь понятнымъ лишь въ связи съ общимъ характеромъ участія крестьянства въ земскихъ дѣлахъ. Всѣ свидѣтельства, изъ какихъ бы источниковъ они не исходили, сводятся къ одной, очень опредѣленной характеристикѣ этого отношенія широкихъ крестьянскихъ массъ къ преобразованному земству. Крестьяне отличались большой „исполнительностью", аккуратно являлись на выборы (по даннымъ „Стат. выб. въ зем. учр.", фактически участвовали въ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ—20,8%, въ городскихъ — 20,9%, и въ сельскихъ—79,9% общаго числа полноправныхъ членовъ соотвѣтствующихъ курій), дружно, сплошь и рядомъ, единогласно намѣчали своихъ избранниковъ. И тѣмъ не менѣе, все это свидѣтельствовало о чемъ угодно, только не объ интересѣ крестьянства къ земскому самоуправленію. Сенаторы, ревизовавшіе въ 1880 и 1881 гг. нѣкоторыя губерніи, въ своихъ отчетахъ неоднократно указывали на „неукоренившееся еще ясно понятіе о значеніи земства для сельскаго сословія и встрѣчающійся часто среди крестьянъ взглядъ на выборы и на участіе въ земскихъ дѣлахъ, какъ на повинность, причемъ они откровенно выражаютъ, что присутствіе ихъ въ земскихъ собраніяхъ безполезно;... до сихъ поръ крестьяне смотрѣли на принятіе званія гласнаго не какъ на преимущество, а какъ на весьма тягостную обязанность; о существованіи земскаго самоуправленія крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ узнаетъ лишь отъ сборщика податей, взыскивающаго съ него земскіе сборы, и въ лучшемъ случаѣ, при полученіи ссуды изъ продовольственнаго капитала или страхового вознагражденія". Этотъ глубокій индиферентизмъ крестьянства къ земскимъ дѣламъ объяснялся, конечно, не „лишними расходами, дальней поѣздкой, непривычнымъ житьемъ въ уѣздномъ городѣ, занятіемъ дѣломъ, которое вмѣсто облегченія ляжетъ,

пожалуй, новымъ налогомъ". Подобныя препятствія, несомнѣнно, были бы преодолѣны крестьянствомъ, если бы на него не оказывалъ подавляющаго вліянія общій экономическій, податной и правовой гнетъ, столь характерный для строя деревенскихъ отношеній въ пореформенную эпоху. Связанныя по рукамъ и ногамъ общими условіями полицейско - крѣпостническаго деревенскаго режима, переживая въ то же время мучительный процессъ развитія денежнаго хозяйства, крестьянскія массы оказались вообще неспособными къ какой-бы то ни было политической самоорганизаціи. Тѣмъ менѣе онѣ, конечно, могли сдѣлать исходнымъ пунктомъ такой самоорганизаціи *дворянское* земство.

Правда, намъ извѣстны нѣкоторыя попытки крестьянскихъ гласныхъ протестовать противъ односторонней классовой политики дворянскаго большинства, „противъ весьма жалкихъ и неудобныхъ стѣсненій для сельскаго податнаго населенія". Но попытки эти были немногочисленны и въ большинствѣ случаевъ неудачны. По словамъ такого знатока земскаго дѣла, какъ А. И. Кошелевъ, „въ собраніяхъ гласные отъ крестьянъ почти никогда не брали на себя иниціативу ни по какому дѣлу.., они соглашались почти всегда съ гласными изъ дворянъ; даже въ уѣздныхъ собраніяхъ едва ли былъ гдѣ-либо примѣръ, чтобъ гласные изъ крестьянъ были всѣ сообща мнѣнія, противнаго мнѣнію землевладѣльцевъ; если крестьянъ можно въ чемъ либо упрекнуть, то развѣ въ томъ, что въ собраніяхъ они до сихъ поръ слишкомъ мало заявляли своего мнѣнія". Часто крестьянскіе гласные являлись совершенно безвольными игрушками въ рукахъ предводителей дворянства и, въ особенности, непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій, засѣдавшихъ въ томъ же земскомъ собраніи. И въ непремѣнные члены поэтому, господствующая въ земскомъ собраніи дворянская партія обыкновенно выбирала лицъ, извѣстныхъ своей непоколебимой преданностью ея интересамъ.

Вліяніе предводителей дворянства и непремѣнныхъ членовъ сказывалось сильнѣйшимъ образомъ также на самыхъ выборахъ въ крестьянской куріи. Вопреки буквальному смыслу 32 ст. „Положенія" 1864 г., министръ внутреннихъ дѣлъ (въ 1868 г.) и сенатъ (въ 1870 г.) „разъяснили", что сельскіе избирательные съѣзды должны открываться мировыми посредниками, а послѣ уничтоженія этой должности въ 1874 г. — членами уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Въ результатѣ этихъ „разъясненій", избирательная практика стала изобиловать, можно утверждать, въ чрезмѣрномъ количествѣ такими, напримѣръ, характерными фактами, какъ засвидѣтельствованный сенаторомъ Половцовымъ въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ. На съѣздъ сельскихъ обществъ борзенскаго уѣзда (черниговск. губ.) непремѣнный членъ „на выборахъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ выборщиковъ, самъ предлагалъ лицъ баллотировать въ гласные, самъ первый же себя записалъ въ списокъ, баллотировался и былъ избранъ". По даннымъ другого сенатора, среди 209 гласныхъ, избранныхъ въ 1878 г. сельскими съѣз-

дами саратовской губерніи, насчитывалось 22 крупныхъ землевладѣльца. Изъ такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, избранныхъ крестьянской куріей въ саратовской и самарской губерніи, было 5 уѣздныхъ предводителей дворянства (состоявшихъ ex officio предсѣдателями крестьянскихъ присутствій), 4 непремѣнныхъ члена, 2 брата уѣзд. предв. дворянства, 6 участковыхъ мировыхъ судей и т. д. Наконецъ, изъ самыхъ крестьянъ-гласныхъ 32% насчитывалось волостныхъ старшинъ и волостныхъ писарей, избранныхъ, очевидно, подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ все тѣхъ же предводителей дворянства и непремѣнныхъ членовъ и находившихся въ полнѣйшей зависимости отъ нихъ. Третій сенаторъ (Мордвиновъ) категорически заявляетъ въ своемъ отчетѣ, что крестьянами „большей частью въ гласные избираются должностныя лица, волостные старшины и волостные писаря, вліянію которыхъ при обсужденіи дѣлъ въ земскомъ собраніи подчиняются остальные гласные отъ крестьянъ, опасаясь высказывать свои мнѣнія и намѣренія; съ другой стороны, волостные старшины и волостные писаря, по собственному ихъ удостовѣренію, стѣснены въ свободѣ выраженія своего мнѣнія тѣмъ, что по должности своей подчинены предводителю дворянства, предсѣдательствующему какъ въ крестьянскомъ присутствіи, такъ и въ земскомъ собраніи“.

Такъ, гнетъ, тяготѣвшій надъ крестьянствомъ, проникалъ и за стѣны избирательныхъ и земскихъ собраній. Можно, поэтому, только удивляться умилительному настроенію нѣкоторыхъ видныхъ дворянскихъ либераловъ, краснорѣчиво говорившихъ о томъ, что „гласные отъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ и гласные отъ крестьянъ сѣли за одинъ столъ, какъ будто всю жизнь за нимъ сидѣли, и занимались общими дѣлами, *не помня прошедшаго и имѣя въ виду только настоящее и будущее*; великолѣпное свойство русскаго характера не помнить зла и соединяться какъ только можно и нужно“... Картина, несомнѣнно, столь же умилительная, какъ и переживаемое нами участіе крестьянъ-депутатовъ въ третьей государственной думѣ!..

Мы должны вернуться къ составу уѣзднаго земскаго собранія, какимъ рисуетъ его намъ „Статист. выбор. въ земск. учр.“ Оставляя въ сторонѣ ничтожное число лицъ „прочихъ сословій“ (0,7%), мы встрѣчаемъ, кромѣ дворянъ и крестьянъ, еще 2,3% гласныхъ изъ духовенства и 16,1% купцовъ и мѣщанъ. Обѣ эти цифры, конечно, весьма незначительны. Духовенство не играло никакой роли въ преобразованномъ земствѣ. Немногочисленные идеологи его горько жаловались на „подавленіе“ кандидатовъ духовенства дворянскимъ землевладѣніемъ, и какъ ни были, казалось, иногда убѣдительны ихъ доводы *),—они остава-

*) „Привычка обходиться безъ служителей Божіихъ влечетъ за собой привычку забывать Бога; священникъ всей своей личностью напоминаетъ Того, Кому онъ служитъ, и отъ людей зависитъ сдѣлать личность служителя Божія такой, чтобъ *онъ не оскорблялъ эстетическаго вкуса, какъ бы онъ высоко ни былъ развитъ*“ (sic). См. Скалонъ. По земскимъ вопросамъ. СПБ. 1905, стр. 162—167.

лись безъ отклика со стороны земельнаго дворянства.

Незначительное участіе торгово-промышленной буржуазіи въ земскихъ учрежденіяхъ объясняется кромѣ общихъ причинъ, непосредственно вытекавшихъ изъ соціально-экономическаго положенія этой группы, также нѣкоторыми спеціальными. Уже избирательная система „Положенія" 1 янв. 1864 г. представляла ей лишь второстепенное мѣсто въ земствѣ. Законъ 21 ноября 1866 г., установившій предѣльность обложенія ея капиталовъ и доходовъ, повлекъ за собой массовый абсентеизмъ ея представителей. Торгово-промышленная буржуазія „стала смотрѣть равнодушно на всѣ вновь предлагаемые расходы или на увеличеніе существующихъ...; съ 1867 г. она принимала слабое участіе въ дѣлахъ земства, говоря: „намъ здѣсь дѣлать нечего—меньше положеннаго вы не возьмете, а болѣе того потребовать не смѣете". Только къ концу изучаемаго нами періода, къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда процессъ дворянскаго „оскудѣнія" подвинулся далеко, торгово-промышленная буржуазія пытается овладѣть земствомъ и объявляетъ борьбу дворянскому большинству въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ. Авторъ редакціонной статьи перваго номера „Земства" (отъ 5 декабря 1880 г.) горько жалуется на это новое явленіе въ земской жизни: „Мѣсто исчезающаго дворянства сталъ занимать новый землевладѣльческій классъ—*купцы и разбогатѣвшіе крестьяне*, скупающіе дворянскія имѣнія и дѣлающіеся представителями новаго „помѣстнаго сословія"; эти новые владѣльцы бывшихъ дворянскихъ цензовъ... сдѣлались теперь наслѣдниками „того перевѣса въ земскихъ собраніяхъ", который былъ созданъ для дворянства; наряду съ ними выступилъ на сцену и другой классъ, въ лучшее время земскихъ учрежденій не дерзавшій выступать на поприще общественнаго служенія: отставные чиновники, на службѣ скопившіе состояніе, разжившіеся волостные писаря и разбогатѣвшіе кабатчики—вотъ элементы, изъ которыхъ стали набираться земскіе гласные, которые стали забирать въ руки земское управленіе; эти новые дѣятели не могутъ, конечно, дать жизни земскому дѣлу, они приводятъ его въ состояніе мертвенности, застоя". Авторъ этихъ строкъ, несомнѣнно, преувеличивалъ размѣры непосредственной опасности, угрожавшей господству дворянства въ земскихъ собраніяхъ. Даже въ нѣсколько болѣе позднюю эпоху дворянство уступало мѣсто разбогатѣвшему купечеству лишь послѣ упорной борьбы, во время которой оно старалось всячески использовать всѣ многочисленныя привиллегіи, предоставленныя ему избирательной системой „Положенія" 1864 г. Въ кинешемскомъ земствѣ, напримѣръ, долго правила дворянская партія во главѣ съ предводителемъ дворянства Рылѣевымъ, у котораго оставалось во владѣніи всего $^1/_2$ десятины земли; 17 сторонниковъ его платили всѣ вмѣстѣ земству налоговъ всего около 1.000 р. Купеческая оппозиція вносила въ земскую кассу около 64.000 рублей. Когда купеческая партія сорганизовалась съ цѣлью добиться власти и

произвести переоцѣнку земель и фабрикъ въ свою пользу, предводитель дворянства Рылѣевъ, являвшійся ex officio предсѣдателемъ съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ, просто-на-просто устранилъ непріятныхъ конкуррентовъ, произведя выборы въ ихъ отсутствіи. А земское собраніе, конечно, признало эти выборы совершенно правильными, и дворянская партія осталась господствующей въ земствѣ, пока не послѣдовало рѣшенія сената, отмѣнившаго выборы. Въ духовщинскомъ земствѣ дворянская партія воспользовалась другой привиллегіей дворянства: обязательнымъ предсѣдательствованіемъ на земскомъ собраніи уѣзднаго предводителя дворянства. Здѣсь сорганизовавшаяся купеческая партія одержала верхъ на выборахъ надъ дворянской, и когда гласные съѣхались и должно было открыться земское собраніе—не оказалось на лицо предсѣдателя собранія, уѣзднаго предводителя дворянства кн. Гурко, вождя побѣжденной партіи. Онъ внезапно заболѣлъ. Въ запасѣ оставались еще 4 дворянина, имѣвшихъ право замѣстить предводителя—но и они всѣ внезапно заболѣли. Предсѣдательская „обструкція", однако, не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, такъ какъ въ концѣ концовъ удалось найти въ *другомъ* уѣздѣ замѣстителя предводителя дворянства, который и открылъ собраніе. Въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ городская буржуазія *), такимъ образомъ, дѣлала только свои первые шаги для овладѣнія земствомъ, и эти первые шаги ея, конечно, были самыми трудными. Дальнѣйшихъ и болѣе важныхъ успѣховъ ей такъ и не удалось добиться, благодаря новой избирательной системѣ, введенной „Положеніемъ" 1890 года.

Чтобы получить полную картину соціальной группировки земскихъ элементовъ, мы должны еще коснуться состава губернскихъ земскихъ собраній и земскихъ исполнительныхъ органовъ. По даннымъ „Статист. выбор. въ земск. учр.", изъ общаго числа губернскихъ гласныхъ дворянъ и чиновниковъ было 81,5%, купцовъ и мѣщанъ—11%, крестьянъ—6,9%, духовенства—0,4%, прочихъ сословій — 0,2. Въ двухъ губерніяхъ не было ни одного губернскаго гласнаго крестьянина, въ 7 губерніяхъ — по одному, въ 7 — по два-три. Только въ вятскомъ губернскомъ земскомъ собраніи насчитывалось 11 крестьянъ-гласныхъ. Зато въ тамбовской губерніи процентъ губернскихъ гласныхъ-дворянъ возвышался до 90 (вмѣстѣ съ чиновниками—даже до 93). Менѣе половины дворянъ-губернскихъ гласныхъ насчитывалось лишь въ губерніяхъ вятской, олонецкой, пермской и таврической. Столь же характерны цифры, рисующія составъ земскихъ исполнительныхъ органовъ. Въ уѣздныхъ земскихъ управахъ дворянъ и чиновниковъ было 55,7% (въ губерніяхъ бессарабской, екатеринославской, херсонской одних дворянъ

*) А также и сельская, успѣвшая уже значительно выдѣлиться къ этому времени изъ общей крестьянской массы. Редакторъ „Земства", какъ мы видѣли выше, прямо говорилъ о „купцахъ и разбогатѣвшихъ крестьянахъ", соединяя такимъ образомъ въ одинъ „новый земледѣльческій классъ" городскую и сельскую буржуазію.

было 76—71%). Въ губернскихъ земскихъ управахъ дворянъ и чиновниковъ было 89,5%, купцовъ и мѣщанъ—9%, крестьянъ—1,5%.

Несомнѣнно — и предыдущее ясно показываетъ это—земельное дворянство было той именно соціальной группой, которой принадлежало втеченіе всего изучаемаго періода фактическое господство въ преобразованномъ земствѣ. А. И. Кошелевъ рисовалъ, напримѣръ, слѣдующую картину земскаго управленія: „землевладѣльцы - дворяне, по своему просвѣщенію, достатку и опытности въ дѣлахъ управленія, *становятся во главѣ* земства; крестьяне весьма охотно (?) принимаютъ ихъ совѣты, предложенія и разъясненія и рѣдко подаютъ свой голосъ отдѣльно; купцы и духовенство, хотя и менѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, не возбуждаютъ, однако, розни (?) въ земствѣ, однимъ словомъ, земское дѣло идетъ впередъ, лучше чѣмъ можно было ожидать“ *).

Но каково было это самое дворянское землевладѣніе, которое двигало земское дѣло „впередъ, лучше чѣмъ можно было ожидать“?

Всѣ свидѣтельства изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ сходятся въ томъ, что это отнюдь не было *крупное* земельное дворянство.

Ничто, конечно, не могло увлечь дворянскую аристократію, наличныхъ силъ которой едва хватало для занятія верхнихъ ступеней все болѣе и болѣе развѣтвлявшейся послѣ освобожденія крестьянъ бюрократической лѣстницы, на узкую тропинку, представленную земскому самоуправленію и расположенную далеко въ сторонѣ отъ столбовой дороги самодержавно-полицейскаго государства. Отсутствіе дѣйствительной власти и дѣйствительной самостоятельности, ничтожныя финансовыя средства, вѣчная опека со стороны центральнаго правительства и высшихъ мѣстныхъ органовъ ея, ограниченная компетенція—что во всемъ этомъ было соблазнительнаго для представителей крупнаго дворянскаго землевладѣнія, вполнѣ примирившихся и отчасти слившихся съ династіей и высшимъ чиновничествомъ? Можно ли сравнить даже такъ называемыя „хищенія“, которыя нерѣдко встрѣчались въ преобразованномъ земствѣ въ ничтожныхъ размѣрахъ нѣсколькихъ тысячъ рублей, съ аналогичными фактами изъ административной практики высшаго чиновничества, вродѣ грандіознаго грабежа башкирскихъ земель въ уфимской и оренбургской губерніяхъ? Къ тому же,—и это, можетъ быть, явилось главной причиной уклоненія крупнаго земельнаго дворянства отъ участія въ земствѣ,—феодалъ-помѣщикъ чувствовалъ себя совершенно неприспособленнымъ къ нѣкоторымъ сторонамъ земскаго хозяйства, въ которомъ должны были получить преобладаніе чуть ли не буржуазныя начала, удовлетвореніе потребностей нарождавшагося буржуазно-капиталистическаго строя *). Въ удовлетвореніи этихъ потребно-

*) Голосъ изъ земства. Выпускъ I, стр. 8.

*) См. напр. „Земство“, 1882, № 2, стр. 9: гласные казанскаго губ. зем. собранія, представители крупнаго землевладѣнія—„очень туги на всякое... даже чисто земское дѣло, вялы и апатичны, до невозможности небрежны въ земскомъ хозяйствѣ“.

стей, хотя бы частичномъ и въ ограниченныхъ предѣлахъ мѣстности, и заключался отчасти смыслъ и оправданіе существованія мѣстнаго самоуправленія въ самомъ сердцѣ самодержавно-полицейскихъ государствъ.

Господствующую позицію въ новомъ земствѣ заняло такимъ образомъ отнюдь не крупное дворянское землевладѣніе, а среднее, отчасти даже мелкое *). Извѣстные элементы этихъ слоевъ земельнаго дворянства уже до земской реформы нѣсколько тяготѣли къ буржуазно-правовому порядку. Какъ ни медленно происходило развитіе производительныхъ силъ въ пореформенной, все еще полукрѣпостной деревнѣ, оно все же усиливало это приспособленіе нѣкоторой части средняго и мелкаго земельнаго дворянства къ буржуазнымъ способамъ сельскохозяйственнаго производства, вызывало и питало среди нея интересы, отличавшіеся отъ интересовъ самодержавно-полицейскаго государства и дворянской аристократіи. Теперь эта часть дворянства получила возможность сорганизоваться въ извѣстную силу въ рамкахъ „Положенія" 1 января 1864 г. Она, конечно, и использовала эту возможность.

Не слѣдуетъ, однако, чрезмѣрно преувеличивать численность этихъ заинтересованныхъ въ земскомъ дѣлѣ дворянскихъ элементовъ. Изъ 100 избирателей фактически участвовали на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ только 20,8 человѣкъ. Изъ ста дворянъ - полноправныхъ избирателей участвовало на съѣздахъ землевладѣльцевъ — 28, а на всѣхъ съѣздахъ вообще— 21 человѣкъ. Огромное число абсентеистовъ приходилось, несомнѣнно, и на долю средняго дворянскаго землевладѣнія. На предварительныхъ съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ участвовало еще меньшее количество избирателей, 13 изъ ста. Даже среди земскихъ гласныхъ замѣчался сильнѣйшій абсентеизмъ, который, по словамъ самихъ земскихъ дѣятелей, являлся „общей земской болѣзнью". Нерѣдко собранія не могли открыться за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ, или требовались особыя приглашенія и просьбы, чтобы собрать нужное количество, причемъ открытіе собраній отсрочивалось на нѣсколько дней. Одинъ примѣръ изъ многихъ — въ такомъ передовомъ *губернскомъ* земскомъ собраніи, какимъ было въ шестидесятыхъ годахъ новгородское, въ засѣданіяхъ собраній не принимало участія, за промежутокъ времени отъ 1865 г. до 1877 г. (исключая первыя двѣ сессіи), до 42 — 65% всего числа избранныхъ гласныхъ.

Только опредѣленная, далеко не бóльшая часть, средняго и мелкаго помѣстнаго дворянства сумѣла, такимъ образомъ, использовать новыя земскія учрежденія для организаціи своихъ силъ, для проявленія ихъ въ области хозяйственнаго управленія.

3.

Если новое земство хотѣло сколько-нибудь удовлетворить задачи, ставившіяся ему въ области хозяйственнаго управленія соціально-экономическими условіями времени, оно должно было первымъ дѣломъ позаботиться

*) Ср. статьи Б. Веселовскаго (библіографическій обзоръ въ концѣ тома).

объ увеличенiи своего ничтожнаго бюджета. Влiятельные земскiе элементы немедленно же по открытiи новыхъ учрежденiй приступили къ этому. Уже въ 1868 году по смѣтамъ 30 земскихъ губернiй предположено было расходовъ на 14.569.567 рублей, увеличенiе въ сравненiи съ дореформенными расходами, переданными земству, на 180%. Въ отдѣльныхъ губернiяхъ это увеличенiе достигало даже 1.262% (вятская г.), 436% (самарская г.), 420% (московская г.), 390% (владимiрская г.). Въ слѣдующiе годы увеличенiе расходовъ безпрерывно продолжалось. Въ 1871 г. они равнялись уже по 31 губ. 20.046.416 р. За десятилѣтiе съ 1871 г. по 1880 г. они снова увеличились на 63%. Въ 1890 г. земскихъ расходовъ уже было предположено на 44.122.875. Это былъ максимумъ расходовъ, который былъ достигнутъ при дѣйствiи „Положенiя" 1 янв. 1864 г. (по 32 губ.), и представители крупнаго землевладѣнiя уже требовали фиксацiи земскаго обложенiя въ виду „непомѣрныхъ" расходовъ земства. На дѣлѣ же, цифры 1890 г. были, конечно, также совершенно незначительны. Земскiе расходы составляли лишь 5,8% имперскаго расходнаго бюджета. Мѣстные расходы Англiи и Уэльса въ 1879—80 г. равнялись 50.252.977 фунтамъ стерл., — прибавьте къ нашимъ земскимъ расходамъ 1890 г. еще городскiе и мiрскiе, и сравненiе общей суммы всѣхъ этихъ расходовъ съ англiйскими все-таки не дастъ утѣшительныхъ результатовъ.

Детальный анализъ земскаго расходнаго бюджета даетъ довольно ясное представленiе о томъ направленiи, или вѣрнѣе, о тѣхъ направленiяхъ, въ которыхъ развивалось мѣстное хозяйственное управленiе подъ руководствомъ средняго и мелкаго земельнаго дворянства. Почти цѣлую треть поглощали въ 1868 г. расходы на содержанiе и помѣщенiе лицъ гражданскаго управленiя, на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ и на судебно-мировыя учрежденiя. Послѣднiй расходъ былъ новый, возложенный на земство уже послѣ изданiя „Положенiя" 1864 г.; первые же два почти вовсе не увеличивались по сравненiю со временемъ открытiя новаго земства. Въ сущности говоря, это были типичные расходы имперскаго бюджета, въ большей своей части весьма характерные для самодержавно - полицейскаго государства.

Далѣе, въ земскихъ смѣтахъ 1868 г. былъ показанъ совершенно новый расходъ—на содержанiе губернскихъ и уѣздныхъ управъ, составлявшiй 19,2% всего расходнаго бюджета. Въ нѣкоторыхъ губернiяхъ съ сильнымъ преобладанiемъ дворянскаго землевладѣнiя этотъ расходъ повышался до 20 — 24%, даже до 33 — 38%. Дворянское земство, конечно, не отличалось большой бережливостью при назначенiи окладовъ своимъ выборнымъ исполнительнымъ органамъ, и даже такой несомнѣнный другъ землевладѣльческаго класса, какъ М. Н. Катковъ, писалъ въ 1865 году, что „помѣстные дворяне ждутъ не дождутся земскихъ должностей, приносящихъ хорошiй доходъ и преимущественно съ этой стороны интересуются земскими учрежденiями". (Наиболѣе людными были почти всегда тѣ засѣданiя земскихъ собранiй,

на которыхъ предполагались выборы на земскія должности).

Къ совершенно иному типу относятся другіе новые расходы, показанные въ земскихъ смѣтахъ 1868 г. и поглощавшіе до 13,4% всего расходнаго бюджета. Мы говоримъ о расходахъ на медицинскую часть и на народное образованіе, крупный размѣръ которыхъ ясно указываетъ намъ и другое направленіе, которое приняла чуть ли не съ первыхъ же своихъ шаговъ административно-хозяйственная дѣятельность новаго земства. Та часть средняго и мелкаго земельнаго дворянства, которая руководила преобразованнымъ земствомъ, рѣшительно вступила на путь культурныхъ, производительныхъ затратъ, занимающихъ послѣднее мѣсто въ нашемъ имперскомъ бюджетѣ и столь характерныхъ для всякаго бюджета буржуазно-правового союза. Съ этого пути, какъ мы увидимъ ниже, вліятельные земскіе элементы никогда не сходили и въ послѣдующій періодъ, стараясь, наоборотъ, возможно больше развить — хотя и въ извѣстныхъ предѣлахъ— расходы такого рода.

Аналогичнаго характера были также новые расходы, показанные въ смѣтахъ 1868 г., на подводную, дорожную и квартирную повинности и поглощавшіе до 30,9 всего бюджета. Правда, далеко не всѣ эти повинности могутъ быть отнесены къ производительнымъ и, напримѣръ, подводная и квартирная повинности въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ являются лишь особымъ видомъ расходовъ на содержаніе и помѣщеніе лицъ гражданскаго управленія. Но для опредѣленія того направленія, которое приняло новое земство, въ данномъ случаѣ важенъ не только характеръ этихъ повинностей, но и способъ отправленія ихъ. Преобразованное земство сначала пыталось остаться при дореформенныхъ, натуральныхъ способахъ отбыванія этихъ повинностей. Для дворянскаго большинства эти способы имѣли ту привлекательную сторону, что возлагали всю тяжесть повинностей исключительно на плечи крестьянства. Многія земскія собранія (самарское, костромское, полтавское, черниговское и др.) въ первыхъ своихъ сессіяхъ отнеслись совершенно отрицательно къ заявленіямъ крестьянскихъ гласныхъ объ уравненіи натуральныхъ повинностей и о переложеніи ихъ въ денежныя, хотя ясный смыслъ закона, былъ, несомнѣнно, на сторонѣ крестьянъ. И такія совершенно незаконныя, продиктованныя узкодворянскими интересами, постановленія выносились земскими собраніями, по словамъ очевидцевъ, при краснорѣчивомъ молчаніи нѣкоторыхъ гласныхъ-дворянъ, извѣстныхъ своими „демократическими" тенденціями. Имъ приходилось на этотъ разъ или молчать или защищать мысль о разложеніи натуральныхъ повинностей на все дворянское сословіе, и они благоразумно предпочитали первое *). Болѣе сочувственно къ переложенію натуральныхъ повинностей въ денежныя отнеслись уѣздныя земскія собранія, которыя уже въ первыхъ своихъ сессіяхъ рѣшили перевести часть ихъ на денежный сборъ: въ уѣздныхъ собраніяхъ дворянскіе элементы

*) Н. Колюпановъ. Земская хроника. Вѣстникъ Европы, 1866, т. II, іюнь, стр. 72 сл.

не превалировали въ такой подавляющей степени, какъ въ губернскихъ. Рѣшенія уѣздныхъ земскихъ собраній, конечно, сейчасъ же подверглись сильнѣйшимъ нападкамъ со стороны идеологовъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія, а въ вліятельныхъ кругахъ стали ужъ передаваться грозные слухи о скоромъ упраздненіи уѣздныхъ управъ или, по крайней мѣрѣ, о передачѣ всѣхъ натуральныхъ повинностей исключительно въ руки губернскаго земства.

Тѣмъ не менѣе, буржуазныя начала постепенно—хотя и крайне медленно и далеко не повсемѣстно — одерживали верхъ и въ этомъ вопросѣ. Въ высшей степени неохотно, при сильнѣйшемъ сопротивленіи болѣе отсталыхъ земскихъ элементовъ *), одно земство за другимъ приступали къ переложенію извѣстной части натуральныхъ повинностей въ денежныя. Процессъ переложенія этихъ повинностей затянулся на многіе годы и ревизовавшіе въ 1880—81 гг. нѣкоторыя губерніи сенаторы все еще отмѣчали, что „непереложеніе во многихъ уѣздахъ повинностей изъ натуральныхъ въ денежныя, служа къ обремененію исключительно крестьянскаго населенія, объясняется недостаточно внимательнымъ (?) отношеніемъ.. земскихъ собраній". Даже къ самому концу восьмидесятыхъ годовъ, когда уже вырабатывалось новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, этотъ процессъ все еще далеко не закончился, хотя нѣкоторыя собранія уже достигли такихъ значительныхъ успѣховъ, которые приводили въ безумную ярость идеологовъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія.

Еще печальнѣй обстояло дѣло съ народнымъ продовольствіемъ, въ завѣдываніи которымъ земство, въ сущности говоря, совершенно не прогрессировало. Плохое состояніе этой отрасли хозяйственной администраціи во многомъ зависѣло, конечно, отъ общихъ причинъ, устраненіе которыхъ было внѣ власти земскихъ учрежденій. Но послѣднія не сдѣлали также и того, что были въ правѣ сдѣлать: не превратили эту своеобразную натуральную повинность, отправлявшуюся исключительно крестьянствомъ, въ *общій денежный сборъ со всѣхъ сословій*, въ томъ числѣ и дворянства. Во многихъ земствахъ вліятельные элементы хорошо понимали, что безъ разложенія заботъ о народномъ продовольствіи на всѣ соціальныя группы уѣзда и губерніи никакіе успѣхи въ этой области управленія невозможны, и тѣмъ не менѣе, мы почти не знаемъ серьезныхъ попытокъ провести это убѣжденіе въ живую дѣйствительность. Втеченіе всего изучаемаго нами періода земскія собранія и земскіе публицисты вращаются въ заколдованномъ кругу *исключительно — крестьянскихъ* хлѣбныхъ магазиновъ,

*) Не менѣе сильное сопротивленіе оказывали эти элементы и простому разложенію натуральныхъ повинностей (безъ перевода ихъ въ денежныя) на всѣхъ землевладѣльцевъ безъ различія сословій. Ср. у Серединина. Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. III, ч. II, стр. 79. Въ неопубликованной запискѣ министра финансовъ, представленной въ мартѣ 1890 г. въ государственный совѣтъ, мы читаемъ: „по вопросу о натуральныхъ повинностяхъ многія земства остаются до настоящаго времени при порядкѣ отбыванія ихъ личнымъ трудомъ однихъ крестьянъ безъ соотвѣтственнаго уравненія земскихъ сборовъ съ остальныхъ плательщиковъ (стр. 17).

общественныхъ запашекъ и продовольственныхъ капиталовъ. И въ то же время дворянское большинство, руководящее земствомъ, не стѣсняется брать въ долгъ изъ этихъ самыхъ *крестьянскихъ* продовольственныхъ капиталовъ крупныя суммы на различныя общеземскія нужды и даже выдавать нерѣдко ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе полей — *неимущимъ дворянамъ*.

Если мы теперь отъ земскихъ смѣтъ 1868 года обратимся къ смѣтамъ 1883 года, то мы убѣдимся, что развитіе земской дѣятельности продолжается все въ тѣхъ же, указанныхъ нами, направленіяхъ, что основныя тенденціи его проявляются послѣ почти двадцатилѣтней работы новыхъ учрежденій еще рѣзче прежняго. Среди показанныхъ въ смѣтахъ 1883 г. расходовъ первое мѣсто занимаютъ расходы на медицинскую часть (22,7%); нѣсколько уступаютъ имъ расходы на народное образованіе (16,3%); не особенно значительны расходы на общественное призрѣніе (6,2%). Обязательные расходы на содержаніе и помѣщеніе лицъ гражданскаго управленія и на судебно-мировыя и крестьянскія учрежденія, въ виду роста земскихъ бюджетовъ, отступаютъ ужъ на второй планъ (19,5%). Относительно падаютъ также расходы на земское управленіе (11,5%), хотя въ губерніяхъ съ сильнымъ преобладаніемъ дворянскаго землевладѣнія они все еще чрезмѣрны (въ бессарабской г. — 16,8%, тульской—16%, курской и смоленской—15,7%). На отправленіе подводной, дорожной и квартирной повинности — денежный расходъ значителенъ, хотя относительно онъ падаетъ (18,3%), а на народное продовольствіе совершенно ничтоженъ.

Еще черезъ 12 лѣтъ, въ 1895 году наиболѣе значительные расходы опять таки показаны на медицинскую часть и общественное призрѣніе (28,5%). Второе мѣсто занимаютъ обязательные расходы по гражданскому управленію и проч. (19,5%), за которыми слѣдуютъ расходы на народное образованіе (14,2%). Менѣе значительны расходы на уплату долговъ, сильно увеличившіеся, конечно, благодаря развитію земскаго хозяйства и тяжелымъ условіямъ кредита (12,1%), на земское управленіе (9,5%) и на дорожную и пр. повинности. Совершенно незначительны расходы на народное продовольствіе, ветеринарную часть и содѣйствіе сельскому хозяйству и промышленности (послѣдніе только въ вятской губерніи достигаютъ 3,4%).

Чтобы оттѣнить сильнѣй нѣкоторыя стороны земско-хозяйственнаго управленія, мы приведемъ немногія сравнительныя цифры относительно развитія медицинскаго дѣла и дѣла народнаго образованія въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ. Въ 1892 году на 100.000 населенія въ 34 *земскихъ* губерніяхъ приходилось 4,1 больницъ и пріемныхъ покоевъ, 109 кроватей въ нихъ, 11,7 врачей, 1480 пользовавшихся больничнымъ леченіемъ и 30.000 — пользовавшихся амбулаторной помощью. Въ 13 *неземскихъ* губерніяхъ больницъ и пріемныхъ покоевъ приходилось 4,8, но кроватей въ нихъ всего 65, врачей—9,3, лицъ, пользовавшихся больничнымъ леченіемъ—714, а амбулаторнымъ леченіемъ—17.000. Процентное отношеніе учащихся къ

1000 населенія равнялось въ 1869 г. въ 34 *земскихъ* губерніяхъ 5,8, а въ 1885 г. — уже 28,1. Въ *неземскихъ* губерніяхъ процентное отношеніе за то же время увеличилось лишь съ 5,6 до 16. Среди новобранцевъ—окончившихъ начальную школу было въ 34 *земскихъ* губерніяхъ въ 1874 г.— 0,42%, въ 1884 г.—3,1%, въ 1894 г. — 10,5%. Въ 13 *неземскихъ* губерніяхъ за тѣ же годы—0,28%, 2,3%, 3,2%. Въ 1893 г. 34 *земскія* губерніи расходовали на народное образованіе по 17 копеекъ на душу населенія, 45 *неземскихъ* губерній — по 2,4 коп. на душу. Неудивительно, если вся сумма затраченная изъ земскихъ сборовъ 45 неземскими губерніями на народное образованіе, была только вдвое больше того, что затрачено въ этомъ году одними земствами вятской губерніи.

Эти немногія цифры подчеркиваютъ, несомнѣнно, успѣхи, достигнутые преобразованнымъ земствомъ въ его культурныхъ затратахъ. Но и этихъ успѣховъ не слѣдуетъ преувеличивать. Достаточно привести процентъ безграмотныхъ новобранцевъ, достигавшій въ 34 земскихъ губерніяхъ въ 1895 г. еще огромной цифры 56,4, чтобы убѣдиться, что земская административно-хозяйственная дѣятельность и земскіе расходы были заключены въ извѣстные, отнюдь не особенно широкіе предѣлы, за которые они и не могли выйти. Эти предѣлы диктовались условіями общегосударственной жизни, но отчасти также характеромъ доходнаго бюджета земскихъ учрежденій, основывавшагося главнымъ образомъ *на обложеніи поземельной недвижимости* и въ то же время опредѣлявшагося *волей землевладѣльческаго большинства*.

Чтобы понять это вліяніе доходнаго бюджета на расходный, мы должна теперь обратиться къ характеристикѣ перваго.

Къ концу изучаемаго періода въ совершенно достаточной степени выяснилось, что основой земскаго доходнаго бюджета являются окладные сборы. Въ 1887 г. хозяйственные доходы и неокладныя поступленія земства (проценты съ капиталовъ, судебныя пошлины и т. д.) покрывали только $^1/_9$ земскихъ расходовъ, причемъ даже правительственная коммиссія, послѣ внимательнаго анализа, не могла не признать ихъ „мало способными“ къ дальнѣйшему увеличенію. Остальные 38 милліоновъ р. ($^8/_9$ земскихъ расходовъ) покрывались налогами съ недвижимыхъ имуществъ и съ торгово-промышленныхъ предпріятій. Изъ этихъ 38 милліоновъ р. окладныхъ сборовъ въ свою очередь огромнѣйшая часть (75%) падала на земли. Наиболѣе крупные платежи приходились на долю земель сельскихъ обществъ (18 милл. р., т. е. почти половина всѣхъ окладныхъ сборовъ), но и съ земель частныхъ владѣльцевъ ихъ причиталась значительнѣйшая сумма ($9^1/_2$ милл. руб.).

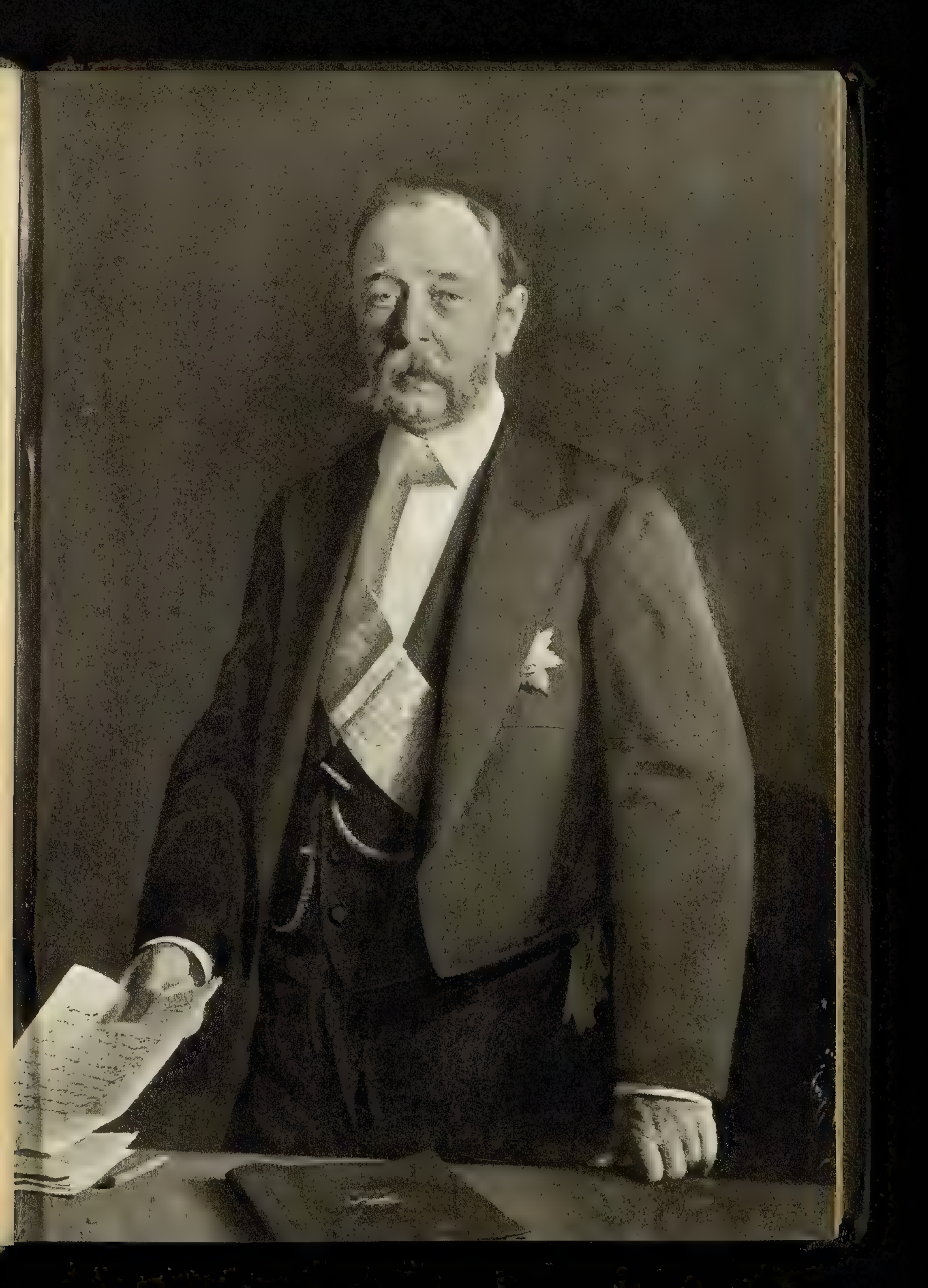
Въ то же время вся торговля и промышленность была обложена земскимъ сборомъ не болѣе, чѣмъ на 7 милліоновъ рублей. Главнѣйшей причиной льготнаго обложенія торговли и промышленности явились, несомнѣнно, ограничительныя нормы цѣлаго ряда законовъ и разъясненій, изданныхъ въ 1866—68 гг. Установленъ былъ высшій предѣлъ обложенія земскими сборами торговыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ

3

Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

Съ портрета, писаннаго масляными красками.
(С.-Петербургъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

(25—10% съ казенной цѣны ихъ). Указано было взимать сборъ съ торгово-промышленныхъ предпріятій лишь по доходности и цѣнности помѣщеній, и отнюдь не соотвѣтственно прибылямъ предпріятій или суммѣ ихъ оборотовъ. Обложеніе казенныхъ фабрикъ и заводовъ было обусловлено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особымъ разрѣшеніемъ подлежащей власти, въ результатѣ чего за весь изучаемый нами періодъ не было ни одного случая привлеченія этихъ предпріятій къ уплатѣ земскихъ сборовъ. Наконецъ, запрещено было облагать земскими сборами недвижимыя имущества, принадлежащія желѣзнымъ дорогамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя не составляютъ ихъ необходимой принадлежности. До изданія этихъ стѣснительныхъ нормъ земскія учрежденія, не связанныя никакими ограниченіями въ своемъ правѣ обложенія, отнюдь не обнаруживали наклонности къ податнымъ льготамъ въ пользу торгово-промышленной буржуазіи. Наоборотъ, по словамъ несомнѣнно свѣдущаго земскаго дѣятеля „нѣкоторыя собранія въ первые годы своего существованія *непомѣрно обложили* торговыя и промышленныя свидѣтельства, а равно патенты на винокуренные заводы и питейныя заведенія“. Торгово-промышленная буржуазія, конечно, подняла крикъ. Въ министерствѣ финансовъ возникло опасеніе, чтобы высокіе земскіе сборы не повредили покровительствуемой промышленности и не уменьшили казенныхъ доходовъ. Были изданы законы и сенатскія „разъясненія“ 1866—68 г., которые сохранили свою силу втеченіе всего изучаемаго періода, несмотря на многочисленнѣйшія ходатайства земскихъ собраній объ ихъ отмѣнѣ. Только въ 1890 г. при выработкѣ новаго земскаго положенія министерство финансовъ въ цитированной уже нами запискѣ согласилось было на уничтоженіе спеціальныхъ ограниченій для обложенія торговли и промышленности— при условіи фиксаціи закономъ земскаго обложенія вообще. Впрочемъ, въ концѣ концовъ и это предположеніе министерства финансовъ не получило законодательной силы *).

Единственнымъ крупнымъ источникомъ для покрытія земскихъ расходовъ могло явиться и явилось только обложеніе земель. Характернѣйшія данныя о томъ, какихъ размѣровъ достигло это обложеніе земель, мы находимъ въ той же запискѣ министра финансовъ, основывающейся на докладахъ, подробно разработанныхъ особой правительственной комиссіей. Комиссія приняла мѣриломъ доходность земли, опредѣленную въ 5% къ установленной государственнымъ дворянскимъ банкомъ нормальной оцѣнкѣ, причемъ, по словамъ самой же комиссіи, эта оцѣн-

---

*) Несмотря на всѣ ограничительныя нормы, дворянское большинство въ земствѣ умѣло все-таки брать съ торговли и промышленности нѣсколько „больше положеннаго“. Въ 1885 г. изъ 86 земскихъ собраній, для которыхъ были установлены пріемы оцѣнокъ торгово-промышленныхъ заведеній, около половины (45) строго держалось точнаго смысла ограничительнаго закона 21 ноября 1866 г., въ остальныхъ 41—оцѣнки помѣщеній переходили въ большей или меньшей степени въ оцѣнку доходности самихъ предпріятій. См. докладъ I отдѣленія комиссіи по пересмотру узаконеній о земскомъ обложеніи, № 6, стр. 28.

ка была для большей части России, несомнѣнно, ниже дѣйствительной цѣны, даже при тогдашнемъ паденіи арендныхъ и продажныхъ цѣнъ на землю. И все-таки оказалось, что при такомъ мѣрилѣ земское обложеніе земли въ 198 уѣздахъ слѣдуетъ признать *весьма умѣреннымъ* (не превышало 10% этой преуменьшенной доходности), въ 117 уѣздахъ—*среднимъ* (10—20% преуменьш. доходн.) и только въ 44 у. (главнымъ образомъ, въ малонаселенныхъ сѣверныхъ уѣздахъ съ мало-производительными землями и слабымъ развитіемъ городовъ)—„достигающимъ весьма высокихъ размѣровъ" (болѣе 20% преумен. доходн.).

Такимъ образомъ, земское обложеніе земельной собственности къ самому концу изучаемаго періода было еще весьма и весьма умѣреннымъ въ огромнѣйшей части земской Россіи. Вліятельные земскіе элементы, вопреки противоположнымъ крикамъ реакціонной печати, всегда знали мѣру въ своемъ повышеніи сборовъ съ земельныхъ недвижимостей. Соотвѣтственно этому, какъ мы уже говорили, ставились извѣстные предѣлы и всей культурной работѣ земства, всѣмъ производительнымъ расходамъ органовъ самоуправленія, которые должны были считаться сильнѣйшимъ образомъ съ интересами вліятельнаго помѣстнаго дворянства и съ его постояннымъ стремленіемъ замедлить ростъ земскаго обложенія принадлежавшихъ ему земель.

Это характерное стремленіе избѣжать обложенія помѣщичьихъ земель проявлялось также въ практиковавшемся сплошь и рядомъ переложеніи земскихъ налоговъ съ владѣльческихъ земель на крестьянскія, чему въ высокой степени содѣйствовало хаотическое состояніе земскихъ поземельныхъ оцѣнокъ. Руководящія соціальныя группы умѣли извлекать для себя изъ этого хаоса значительнѣйшія выгоды. По словамъ г. Полѣнова, изучившаго системы земскаго обложенія 1865 — 1879 гг., земскія поземельныя оцѣнки, какъ статистическія работы, въ большинствѣ случаевъ совершенно не удовлетворяли самымъ элементарнымъ требованіямъ правильности и уравнительности. Оцѣночные пріемы были чрезвычайно разнообразны и не подчинялись никакому руководящему началу. Въ особенности, наиболѣе частыя оцѣнки земли по цифрамъ „Положенія" 19 февраля 1861 г. или по населенности, отличаясь величайшей произвольностью, въ общемъ и цѣломъ, несомнѣнно, были весьма благопріятны для интересовъ личнаго землевладѣнія въ ущербъ крестьянскому.

Нѣсколько конкретныхъ примѣровъ, заимствуемыхъ нами изъ журнальныхъ статей и брошюръ несомнѣнныхъ знатоковъ земскаго дѣла, могутъ уяснить размѣры этого ущерба. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ оцѣночныя работы юрьевскаго уѣзднаго земства (костромской губ.) привели къ тому, что средняя цѣнность крестьянскихъ земель была принята въ 24 рубля, владѣльческихъ — въ 12 р.; въ кологривскомъ у. земствѣ съ десятины владѣльческой земли земскій сборъ взимался въ размѣрѣ $1^5/_8$ коп., а съ десятины крестьянской—$3^1/_{13}$ коп.; въ костромскомъ уѣздномъ земствѣ соотвѣтствующія цифры равнялись

2 и 5 коп., въ нерехтскомъ—1 и 4 коп. Въ вятскомъ земствѣ десятина крестьянской земли была обложена въ 1871 г. 12,5 к., въ 1875 г.—21,4, въ 1880 г.—20,4, въ 1885—17,5, въ 1890 г.—17,2 коп. Соотвѣтствующія цифры для десятины земли, принадлежавшей прочимъ лицамъ и учрежденіямъ, равнялись 2,5; 2,6; 3,6; 4,4; 5,1 коп.

Число этихъ иллюстрацій можно было бы, конечно, еще продолжить. В. Ю. Скалонъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей приводилъ цифры за 1869—77 гг., ясно свидѣтельствовавшія, что болѣе высокое обложеніе земскими сборами крестьянской земли являлось чуть ли не общимъ явленіемъ для всѣхъ земскихъ губерній. По общимъ для всѣхъ уѣздовъ свѣдѣніямъ о земскихъ сборахъ за этотъ періодъ, на одну десятину крестьянской земли приходилось $14^4/_5$ к.—$10^1/_3$; а для частнаго землевладѣнія соотвѣтствующіе максимумъ и минимумъ равнялись 7 и $5^1/_3$ к. *).

Хаотическое состояніе поземельныхъ оцѣнокъ во многихъ земствахъ осталось почти безъ всякихъ перемѣнъ въ теченіе всего изучаемаго періода, и цитированная уже нами записка министра финансовъ (1890 г.) все еще отмѣчаетъ, что „за допускаемыми теперь земствами *относительными оцѣнками* обыкновенно оказывается крупная неуравнительность обложенія“. Достаточно просмотрѣть хотя бы нѣсколько сборниковъ постановленій земскихъ собраній различныхъ губерній, чтобы убѣдиться, съ какимъ упорнымъ сопротивленіемъ со стороны землевладѣльческаго большинства приходилось встрѣчаться всякому предложенію объ „установленіи болѣе правильной податной почвы“, какъ сплошь и рядомъ аналогичныя предложенія откладывались съ одной земской сессіи на другую, какъ часто подвергались ожесточеннымъ нападкамъ или даже закрывались земскія статистическія бюро, предпринимавшія дѣйствительно серьезныя работы по оцѣнкѣ земель или по приведенію въ извѣстность хотя бы количества ихъ. Вліятельный земецъ, авторъ „отчета херсонской губернской земской управы“ за 1865—1873 гг. пишетъ: „надо все-таки сознаться, что въ дѣлѣ раскладокъ земскія учрежденія со времени ихъ открытія сдѣлали *немного* въ предѣлахъ, предоставленныхъ имъ закономъ. Раскладки, составленныя ими въ первый годъ открытія, втеченіе девятилѣтняго періода подвергались весьма незначительному измѣненію, и неравномѣрность ихъ едва ли нужно доказывать“. Почти черезъ 20 лѣтъ г. Нечаевъ вынужденъ въ столь же мягкихъ выраженіяхъ признать, что „начатыя (земствомъ) изслѣдованія почти нигдѣ не были доведены до конца, и въ результатѣ ихъ нигдѣ не были выработаны точныя основанія для опредѣленія цѣнности и до-

*) На неуравнительность обложенія крестьянскихъ и помѣщич. земель неоднократно указывали даже губернаторы въ своихъ протестахъ и рѣчахъ при открытіи земскихъ собраній. См. напр. „Земство“, 1882, № 1, стр. 11. По даннымъ комиссіи для пересм. узакон. о зем. облож., въ 193 уѣздахъ сборъ съ крестьянскихъ и частновладѣльческихъ земель былъ равный, въ 187 уѣздахъ крестьянскія земли были обложены выше, чѣмъ частновладѣльческія, и только въ 30 уѣздахъ замѣчалось обратное явленіе. См. Докладъ I отд. комис. № 1, стр. 33 и сл.

ходности различныхъ категорій земли...; земство не довело до конца въ большинствѣ случаевъ и болѣе легкій трудъ приведенія въ извѣстность земельнаго инвентаря, такъ что и теперь во многихъ мѣстахъ оказывается разность между свѣдѣніями управъ о земляхъ и данными генеральнаго и спеціальнаго межеванія *на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ тысячъ десятинъ*; грубый пріемъ распредѣленія доходности и цѣнности на основаніи данныхъ выкупной операціи практикуется и въ настоящее время нѣкоторыми земствами".

На первый взглядъ кажется весьма страннымъ, если какое либо земство, въ которомъ, напримѣръ, опредѣленіе доходности частновладѣльческихъ земель зависѣло чуть ли не исключительно отъ сообщеній ихъ владѣльцевъ и ихъ доброй воли и являлось поэтому почти всегда сильнѣйшимъ образомъ преуменьшеннымъ,—вдругъ высказывало требованіе о замѣнѣ для всей страны подушной подати подоходнымъ налогомъ. А между тѣмъ, подобное явленіе имѣло мѣсто въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ очень многихъ земскихъ собраніяхъ, приглашенныхъ центральнымъ правительствомъ высказаться по поводу разработывавшейся податной реформы. Что здѣсь на самомъ дѣлѣ не было никакого противорѣчія, что эти отзывы земства отнюдь не объяснялись „самоотверженностью" и „готовностью жертвовать",—хорошо понималъ еще Головачевъ. По мнѣнію этого автора, губернскимъ земскимъ собраніямъ съ ихъ дворянско-землевладѣльческимъ большинствомъ очень не трудно было сообразить, что доходы съ капиталовъ и съ лицъ свободныхъ профессій еще менѣе, чѣмъ даже доходъ съ частновладѣльческой земли, и что при общемъ обложеніи всѣхъ безъ исключенія доходовъ налогъ съ земли будетъ необременителенъ. Играли роль здѣсь и политическія соображенія. Переходъ къ подоходному обложенію долженъ былъ ближе подвинуть среднее поземельное дворянство къ его завѣтной цѣли. Онъ предполагалъ хотя бы частичную перестройку государственнаго бюджета на буржуазныхъ началахъ, слѣдовательно, и передачу власти въ государствѣ въ руки той части земельнаго дворянства, которая наиболѣе тяготѣла къ этимъ началамъ.

Если въ земскомъ хозяйственномъ и финансовомъ управленіи изучаемаго періода и слѣдуетъ видѣть противорѣчія, то отнюдь не противорѣчія между „альтруизмомъ" и „эгоизмомъ" властвовавшей въ земствѣ соціальной группы. Дѣйствительныя противорѣчія объяснялись тѣмъ, что средній и мелкій дворянинъ-землевладѣлецъ, благодаря сравнительно слабому развитію производительныхъ силъ пореформенной деревни, только очень медленно превращался въ буржуазнаго сельскохозяйственнаго производителя, что на него вліяли еще сильнѣйшимъ образомъ старые феодальные методы управленія и чисто-дворянскія податныя привиллегіи. Процессъ приспособленія къ новымъ экономическимъ условіямъ даже той, далеко не бóльшей части средняго дворянскаго землевладѣнія, которая заняла господствующее положеніе въ преобразованномъ земствѣ, все еще далеко не закончился втеченіе изучаемаго нами

періода. Вслѣдствіе этого, и вся административно-хозяйственная и финансовая дѣятельность вліятельныхъ земскихъ элементовъ отличалась иногда такой поразительной двойственностью.

4.

Центральная правительственная власть не могла, конечно, не обратить вниманія на то положеніе, которое стремилось занять земство въ мѣстномъ управленіи и общегосударственной жизни страны. Мнимое равновѣсіе земскихъ и общеправительственныхъ учрежденій, которое съ такимъ трудомъ было достигнуто законодателями на бумагѣ, въ текстѣ „Положенія" 1 янв. 1864 г., разрушалось самыми обыденными фактами земской жизни. Земство далеко перешагнуло за предѣлы обязательныхъ повинностей, въ извѣстной степени уклонилось отъ обычныхъ методовъ управленія самодержавно-полицейскаго государства. Удовлетвореніе земствомъ новыхъ потребностей, вызванныхъ ростомъ производительныхъ силъ страны, энергичное вмѣшательство его, напримѣръ, въ дѣло народнаго образованія, ускользавшаго такимъ образомъ изъ правительственныхъ рукъ, соотвѣтственное увеличеніе мѣстныхъ финансовыхъ средствъ, не всегда согласованное съ интересами правившихъ государствомъ группъ, иногда даже рѣзко противорѣчившее имъ,—все это были крупнѣйшіе факты, съ которыми нельзя было не считаться, на которые нельзя было не реагировать. Мѣстная общеправительственная администрація, несмотря на то, что законъ предоставилъ ей одинаковую съ земскими учрежденіями компетенцію, фактически являлась почти совершенно устраненной отъ многихъ важныхъ сторонъ народной жизни, и въ будущемъ ей оставался, казалось, только выборъ между совершенно паразитическимъ существованіемъ или превращеніемъ, со всей ея формальной властью, въ исполнительнаго слугу окрѣпшаго земства. Мало того, новыя земскія учрежденія, едва вступивъ въ завѣдываніе мѣстными дѣлами, самой логикой вещей втягивались въ борьбу изъ-за вліянія на дѣла общегосударственныя *), съ которыми мѣстное управленіе оказалось связаннымъ тысячей неразрывныхъ нитей. Въ самомъ же земствѣ господствующую позицію заняло не феодальное крупное землевладѣніе, какъ предполагалось авторами земскаго положенія, а среднее поземельное дворянство, обнаружившее извѣстное тяготѣніе къ буржуазно-правовому порядку. Самодержавно-полицейское правительство, особенно въ эпоху реакціи, не могло не преувеличить „опасности", не забить тревоги, не могло не взять на себя роли спасателя „государственнаго единства", не могло не попытаться возстановить нарушенное равновѣсіе, которое своеобразно понималось имъ въ видѣ преобладанія основныхъ силъ стараго режима надъ развивавшимся мѣстнымъ самоуправленіемъ.

И вотъ, на земство начинаютъ сыпаться, какъ изъ рога изобилія,

*) Подробная характеристика общеполитическихъ стремленій вліятельныхъ земскихъ элементовъ не входитъ въ рамки нашей статьи. Имъ будетъ посвящена статья другого автора.

законодательныя новеллы, министерскіе циркуляры, сенатскія разъясненія. Уже 16 декабря 1866 г. сенатъ разъяснилъ, что губернаторы, при утвержденіи предсѣдателей земскихъ управъ, должны принимать въ соображеніе собранныя ими свѣдѣнія о способностяхъ, нравственныхъ качествахъ и образѣ жизни данныхъ лицъ. Губернаторы получили такимъ образомъ право не утверждать избранныхъ земскими собраніями должностныхъ лицъ, признаваемыхъ ими неблагонадежными. Министерскими циркулярами 1866—68 гг. цѣлый рядъ земскихъ служащихъ былъ поставленъ чуть ли не въ прямую зависимость отъ соотвѣтствующихъ общеправительственныхъ органовъ. Наконецъ, законъ 1879 г. призналъ за губернаторомъ право не только *не утверждать, но и увольнять* служащихъ по земскимъ учрежденіямъ лицъ — какъ выборныхъ, такъ и не выборныхъ, — признаваемыхъ имъ неблагонадежными.

Далѣе, шли законодательныя новеллы и сенатскія разъясненія 1866—68 гг., о которыхъ мы говорили выше и которыя сильнѣйшимъ образомъ ограничивали финансовую власть земства по отношенію къ торговлѣ и промышленности. Любопытно, что уже въ 1866 году въ правительственныхъ сферахъ возникла мысль о фиксаціи земскаго обложенія вообще. Главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, гр. Панинъ, полагалъ, что „опытъ уже показалъ, какъ тягостны могутъ быть земскіе сборы съ земель... и какъ они могутъ поглощать въ нѣкоторыхъ случаяхъ весь получаемый... доходъ, угрожая... необходимостью отказаться отъ самаго воздѣлыванія... земель и владѣнія ими“. Даже графъ Валуевъ, бывшій тогда еще министромъ внутреннихъ дѣлъ, не могъ не возстать противъ предложенія гр. Панина, такъ какъ, по его мнѣнію, „по имѣющимся въ виду смѣтамъ и раскладкамъ, не только не оказывается, чтобы (земскія) учрежденія стремились облагать обременительными сборами земли и лѣса, но, наоборотъ, въ большей части собраній существенной задачей, повидимому, поставлено... облегченіе поземельныхъ собственниковъ отъ излишнихъ сборовъ насчетъ другихъ предметовъ обложеній“. На этотъ разъ земскія учрежденія миновала горькая чаша общей фиксаціи обложенія. Но частичное установленіе нормъ было, какъ извѣстно, проведено въ жизнь по отношенію къ торговлѣ и промышленности.

Параллельно съ этимъ, 13 іюня 1867 г. были изданы правила о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, усилившія до необычайныхъ размѣровъ власть предсѣдателей собраній — предводителей дворянства. Имъ было предоставлено право и вмѣнено въ обязанность „лишать членовъ собранія права рѣчи по тому вопросу, по коему ими допущено было нарушеніе порядка“, устранять отъ совѣщаній собранія постороннихъ лицъ, закрывать засѣданія при нарушеніи членами собранія порядка и при безуспѣшности напоминаній о его возстановленіи. Предложеніе одного или группы членовъ, признанное предсѣдателемъ несогласнымъ съ закономъ или выходящимъ изъ предѣловъ компетенціи собранія, не должно было под-

лежать дальнѣйшему обсужденію. Гласные, позволившіе себѣ, послѣ закрытія предсѣдателемъ собранія, продолжать пренія или постановлять опредѣленія, подвергались строгимъ карамъ. Предсѣдатель, не закрывшій собранія, въ которомъ было предложено и состоялось постановленіе, нарушающее предѣлы правъ собранія, подлежалъ уголовному суду съ устраненіемъ отъ должности. Органы сословнаго управленія—предводители дворянства—были использованы такимъ образомъ для наблюденія за оппозиціоннымъ земствомъ, которое они должны были сдерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ *),

Въ тотъ же день, 13 іюня 1867 г., другой законъ установилъ губернаторскую цензуру для печатанія постановленій и протоколовъ земскихъ собраній, а вскорѣ министерскій циркуляръ разъяснилъ, что цензура губернскаго начальства должна относиться также и къ отчетамъ земскихъ управъ, правда только въ видѣ опредѣленія количества экземпляровъ, въ которомъ эти отчеты должны печататься для удовлетворенія потребности мѣстныхъ земскихъ гласныхъ. Дѣйствіе этого закона (и циркуляра), по словамъ виднаго земскаго дѣятеля, было самое тяжелое. Газеты и журналы вдругъ замолчали о дѣйствіяхъ земскихъ собраній, вслѣдствіи невозможности печатать корреспонденціи безъ отсылки ихъ на предварительную цензуру соотвѣтствующихъ губернаторовъ. Сами же корреспонденты, конечно, совершенно были лишены возможности представлять свои отчеты на просмотръ губернскому начальству, которое всегда видѣло въ нихъ нарушителей, если не общественнаго, то, по крайней мѣрѣ, ихъ собственнаго спокойствія. Законъ 13 іюня 1867 г. долженъ былъ такимъ образомъ способствовать полной изоляціи новыхъ земскихъ учрежденій отъ общественнаго мнѣнія страны.

Цѣлый рядъ сенатскихъ разъясненій и министерскихъ циркуляровъ 1868—1873 гг. внесъ существенныя ограниченія въ компетенцію преобразованнаго земства. Исходящими изъ круга вѣдомства его были признаны наемъ адвоката для защиты земскихъ лицъ, выдача пособій присяжнымъ засѣдателямъ изъ крестьянъ и недостаточнымъ сельскимъ обществамъ для высылки изъ ихъ среды порочныхъ людей, вознагражденіе чиновъ полиціи за успѣшное взысканіе ими недоимки земскихъ сборовъ, введеніе въ губерніи земской почты для перевозки корреспонденціи земскихъ управъ между собой, назначеніе земствомъ особыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, представленіе учителей этихъ училищъ къ наградамъ и т. д. Особенно тяжелые удары власти земскихъ учрежденій были нанесены въ области народнаго образованія. Въ 1871 г. издана была инструкція

*) При оцѣнкѣ этихъ правилъ надо имѣть въ виду еще сенатскія разъясненія 1871—3 гг., по которымъ открытіе земскаго собранія подъ предсѣдательствомъ гласнаго влекло за собой признаніе незаконнымъ какъ состава земскаго собранія, такъ и всѣхъ состоявшихся на немъ постановленій; также недѣйствительны были постановленія чрезвычайныхъ земскихъ собраній по вопросамъ, которые не были прямо допущены въ ихъ программу министромъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшавшимъ созывъ такихъ чрезвычайныхъ собраній.

инспекторамъ народныхъ училищъ, въ 1873 г. опубликованъ былъ высочайшій рескриптъ, призывавшій „вѣрное дворянство стать на стражѣ народной школы“ и поручавшій министру народнаго просвѣщенія „обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей народныхъ училищъ.., способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго вліянія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію“. Наконецъ, въ 1874 г. было опубликовано новое „Положеніе о народныхъ училищахъ“, и правительство могло себя считать въ извѣстной степени удовлетвореннымъ въ своихъ усиліяхъ отстранить земство отъ фактическаго завѣдыванія дѣломъ народнаго образованія. Организація и предѣлы власти губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ подверглись сильнѣйшимъ измѣненіямъ. Попечители и учительскій персоналъ были устранены отъ всякаго вліянія на народныя школы. Земству предоставлено учреждать народныя училища лишь съ предварительнаго разрѣшенія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта—предводителя дворянства и инспектора народныхъ училищъ. По ихъ же соглашенію, начальныя училища могли быть закрыты „въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія ученія“. Допущеніе къ исправленію учительскихъ обязанностей зависѣло отъ инспектора народныхъ училищъ, которому, какъ и уѣздному предводителю дворянства, принадлежало также право устранять неблагонадежныхъ преподавателей, съ доведеніемъ о принятой мѣрѣ до свѣдѣнія училищнаго совѣта. Губернскій предводитель дворянства, наблюдая за всѣмъ ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи, входилъ въ важныхъ случаяхъ въ непосредственныя отношенія съ попечителемъ учебнаго округа и министромъ народнаго просвѣщенія. Завѣдываніе чисто-учебной частью было ввѣрено директору и инспекторамъ народныхъ училищъ, назначаемымъ тѣмъ же министерствомъ. Земству же было только представлено ассигновывать достаточныя средства на содержаніе этихъ училищъ и назначать двухъ членовъ въ училищные совѣты, въ которыхъ земскіе элементы составляли, конечно, меньшинство. Позднѣйшія сенатскія разъясненія и министерскіе циркуляры во многихъ отношеніяхъ еще дополнили ограничительныя нормы „Положенія“. Несогласными съ законами были признаны даже тѣ постановленія земскихъ собраній, которыя предоставляли надзоръ за земскими народными училищами... членамъ земской управы. Созываемые земствомъ съѣзды и курсы народныхъ учителей должны были происходить подъ непосредственнымъ и ближайшимъ наблюденіемъ инспекторовъ народныхъ училищъ; самый созывъ ихъ зависѣлъ отъ разрѣшенія мѣстнаго училищнаго начальства и министерства народнаго просвѣщенія. Даже книги и учебники, пріобрѣтаемые земствомъ для своихъ училищъ, могли поступать въ эти училища лишь послѣ пропуска ихъ инспекторами или училищными совѣтами, и только въ 1879 г. новый министерскій циркуляръ освободилъ отъ этой инспекторской цензуры „книги и учебныя пособія изъ числа одо-

бренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для начальныхъ училищъ".

Нетрудно представить себѣ, какъ вліяли всѣ эти законодательныя новеллы, циркуляры и разъясненія на мѣстныя власти, какъ они отражались на мѣстахъ, на отношеніи общеправительственной администраціи къ земскимъ учрежденіямъ. Казалось, послѣднія могли, по крайней мѣрѣ, расчитывать на содѣйствіе низшихъ уѣздныхъ полицейскихъ агентовъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Шипова-Шульца, „земскія собранія во многихъ уѣздахъ... щедро опредѣлили извѣстныя суммы на разъѣзды полицейскихъ чиновъ, возвышая такимъ образомъ содержаніе исправникамъ до 4000 р. въ годъ, а становыхъ до 1800 р. и давая имъ возможность честнымъ образомъ нести свою службу, не прибѣгая къ обычнымъ въ прежнее время поборамъ". На дѣлѣ, однако, и эти подачки земскихъ учрежденій почти никогда не оказывали желаннаго дѣйствія. Важнѣй всего для земствъ было содѣйствіе уѣздной полиціи въ дѣлѣ взысканія земскихъ налоговъ. Но стоитъ прочесть любой сборникъ постановленій земскихъ собраній различныхъ губерній, чтобы убѣдиться, какое послѣднее мѣсто въ дѣятельности уѣздныхъ властей занимали эти исполнительныя дѣйствія по порученію земства. Несмотря на наличность закона, предписывавшаго 12% каждаго платежа прежде всего отчислять на покрытіе земскихъ сборовъ и только послѣ этого засчитывать остатокъ на погашеніе государственныхъ налоговъ, земская недоимка успѣла превысить къ 1883 г. по 34 губерніямъ цѣлую *половину* годичнаго оклада, и ничто не указывало на возможное пониженіе ея въ будущемъ. Такія явленія, какъ неуплата, вслѣдствіе отсутствія въ кассѣ денегъ, жалованія самымъ мелкимъ земскимъ служащимъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или торговля (со скидкой) земскими талонами стали совершенно обыденными въ земской жизни. Правда, ростъ земской недоимки объяснялся далеко не исключительно небрежностью уѣздной полиціи. Здѣсь сильнѣйшимъ образомъ вліяли и тяжелыя финансово-экономическія условія, въ которыхъ находились широкія крестьянскія массы, и въ особенности, „традиціи добраго стараго времени", когда дворянинъ — крупный землевладѣлецъ платилъ, когда ему было угодно и сколько ему было угодно, большей же частью, и вовсе не платилъ. Противъ такого „сильнаго" недоимщика наиболѣе усердный полицейскій чинъ былъ, конечно, совершенно безсиленъ. Крупнѣйшую роль этихъ недоимокъ, причитавшихся съ помѣщичьяго землевладѣнія, въ общей суммѣ земскихъ недоимокъ отмѣчаютъ самые различные изслѣдователи земской жизни. Но столь же согласны эти изслѣдователи и въ опредѣленіи той степени энергіи, которую обычно развивала уѣздная полиція при взысканіи земскихъ сборовъ и недоимокъ вообще. Земскіе сборы всегда стояли у нея на второмъ планѣ и никогда не имѣли въ ея глазахъ такого значенія, какъ государственные. Ревизовавшіе въ 80-хъ годахъ нѣкоторыя губерніи сенаторы опубликовали цѣлый рядъ подлинныхъ документовъ, въ которыхъ исправники, замѣтивъ

„поступленіе земскихъ сборовъ въ большемъ количествѣ противъ другихъ повинностей“, „вновь поставляли въ извѣстность“ волостныхъ старшинъ, что „прежде всего необходимо пополнить государственныя повинности и другіе сборы, а затѣмъ уже земскіе“. Въ своихъ отчетахъ сенаторы неоднократно замѣчаютъ, что „взысканіе земскихъ недоимокъ... находится въ пренебреженіи... въ самомъ безотрадномъ положеніи; зная, что за недовзысканіе казенной недоимки можно подвергнуться наказанію, а неуспѣшное взысканіе земскихъ сборовъ вызоветъ лишь новое подтвержденіе со стороны губернатора, полиція совершенно безучастно относится къ состоянію земской кассы“.

Другимъ органомъ общеправительственной администраціи, съ которымъ приходилось чаще всего сталкиваться земству въ уѣздѣ, были инспектора народныхъ училищъ и другіе чиновники, засѣдавшіе въ училищныхъ совѣтахъ. Мы приведемъ лишь нѣсколько фактовъ для характеристики отношенія этихъ властей къ земству. Въ маѣ 1880 года группа чиновниковъ, пользовавшаяся большинствомъ голосовъ въ черниговскомъ училищномъ совѣтѣ, постановили ходатайствовать о *совершенномъ устраненіи земства* отъ дѣла народнаго образованія. Инспектора народныхъ училищъ имѣли полную возможность собственной властью проводить въ жизни такое фактическое „устраненіе“ земства отъ дѣла народнаго образованія, такъ что харьковскіе земцы уже въ 1877 г. составили себѣ твердое убѣжденіе, что „пока инспекторами будутъ чиновники, назначаемые отъ правительства и независимые отъ земства, земскимъ собраніямъ всегда прійдется высказываться противъ такихъ лицъ“. Въ большинствѣ случаевъ совершенно несвѣдущіе, по характеристикѣ ревизовавшихъ сенаторовъ, въ педагогическомъ дѣлѣ, инспектора не только не содѣйствовали хотя бы количественному развитію дѣла народнаго образованія, но сплошь и рядомъ сильнѣйшимъ образомъ тормозили его своимъ „канцелярскимъ бюрократизмомъ и бездушнымъ педантизмомъ“, своимъ чисто-полицейскимъ отношеніемъ къ школѣ и учителю. Баронъ Н. А. Корфъ и В. Ю. Скалонъ ярко охарактеризовали въ своихъ статьяхъ двухъ бердянскихъ инспекторовъ, въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ наглядно доказывавшихъ земству, что „оно совершенно безправно въ школьномъ дѣлѣ, что его обязанность состоитъ только въ томъ, чтобы давать деньги“. Учителя изгонялись изъ школъ и перемѣщались съ одного мѣста на другое безъ всякихъ основаній. Учебныя пособія допускались лишь по наклейкѣ инспекторомъ ярлыка на каждомъ изъ нихъ. Напрасны были всѣ жалобы земства, училищнаго совѣта, даже предводителя дворянства—округъ и министерство упорно поддерживали своихъ ставленниковъ. Одинъ изъ этихъ „громовержцевъ-инспекторовъ“ былъ удаленъ лишь благодаря полномочіямъ одесскаго генералъ-губернатора, знаменитаго гр. Тотлебена. „Разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію инспекторомъ въ политической неблагонадежности одного изъ учителей, графъ Тотлебенъ призналъ дѣйствія инспектора настолько пристрастными и неправиль-

ными, что не счелъ возможнымъ имѣть далѣе такого чиновника на службѣ". Не только гр. Тотлебенъ, даже мѣстные агенты III отдѣленія иногда становились на сторону земства въ его борьбѣ съ усердными чиновниками министерства народнаго просвѣщенія. Такой случай былъ въ тверской губерніи, гдѣ съ 1878 г. дирекціей народныхъ училищъ былъ прегражденъ земству всякій доступъ къ женской учительской школѣ, даже матеріальная поддержка ея, и, только благодаря „справедливому отзыву" мѣстнаго чиновника III отдѣленія, „школа уцѣлѣла и дожила, до лучшихъ дней, когда земство снова могло принять участіе въ ней".

Еще болѣе важное значеніе имѣли для новыхъ земскихъ учрежденій ихъ безпрерывные конфликты съ губернаторомъ. Получивъ по закону право протеста противъ всякаго постановленія земскихъ собраній, „противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ", пользуясь эластичной редакціей соотвѣтствующей статьѣ „Положенія" 1 января 1864 г., губернаторы стали въ такой степени усердствовать, что даже сенатъ вынужденъ былъ неоднократно разъяснять необходимость элементарнѣйшихъ сдержекъ административнаго „усмотрѣнія". Въ 1869 г. потребовалось спеціальное сенатское разъясненіе того, что губернаторъ не имѣетъ права признавать недѣйствительнымъ постановленіе земскаго собранія объ обжалованіи передъ сенатомъ того или иного распоряженія *самого же губернатора*. Въ 1872 г. сенатъ долженъ былъ подтвердить за земскими учрежденіями ихъ право входить въ сенатъ съ представленіями по тѣмъ же дѣламъ, по которымъ должно послѣдовать представленіе и со стороны губернатора. Въ этомъ сенатъ не могъ найти никакого вмѣшательства земскихъ учрежденій въ дѣла, будто бы исключительно предоставленныя вѣдѣнію губернаторовъ. Въ томъ же году сенатъ долженъ былъ разъяснить, что по отношенію къ земскимъ ходатайствамъ губернаторы являются только передаточнымъ органомъ. Само по себѣ постановленіе земскаго собранія о принесеніи правительству ходатайства не можетъ быть пріостановлено губернаторомъ. Опредѣленіе того, насколько ходатайство, по своему существу, входитъ въ компетенцію земскихъ учрежденій, и соотвѣтствуетъ ли выраженное въ немъ желаніе общимъ государственнымъ пользамъ, зависитъ, по закону, не отъ губернскаго начальства, а отъ тѣхъ высшихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, къ которымъ ходатайство обращено. Губернское начальство въ своемъ усердіи иногда доходило до комизма, и потребовалось особое сенатское разъясненіе даже того, что проведеніе телеграфа принадлежитъ къ мѣрамъ, принимаемымъ земствомъ для развитія торговли и промышленности, и что представители казны и удѣловъ не могутъ обжаловать подобныхъ постановленій земскаго собранія.

Уже эти немногія сенатскія рѣшенія рисуютъ намъ ту обстановку въ губерніи, въ которой приходилось работать земскимъ учрежденіямъ. Иногда вмѣшательство губернаторовъ заходило такъ далеко, что земскому собранію ничего не оставалось дѣлать, какъ ходатайствовать объ

„обревизованіи и разслѣдованіи на мѣстѣ со стороны высшаго правительства дѣйствій земскихъ учрежденій и происшедшихъ столкновеній съ администраціей“ (постановленіе херсонскаго губ. зем. собр. 1866 г.). Сплошь и рядомъ протесты губернаторовъ были въ такой степени мало обоснованы, что они сами не поддерживали ихъ въ случаѣ настойчивости земства. Но нерѣдко эти столкновенія земства съ общеправительственной администраціей заканчивались болѣе серьезнымъ образомъ. Во время голода 1873 г., въ результатѣ конфликтовъ губернатора и земствъ самарской губерніи, предсѣдатель губернской земской управы былъ удаленъ отъ должности, одинъ изъ членовъ самарской уѣздной управы былъ высланъ, бузулукская уѣздная управа была вся устранена отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ. Въ числѣ причинъ закрытія земскихъ учрежденій петербургской губерніи въ 1867 г. были указаны также „обвиненіе земствомъ администраціи въ неудовлетворительномъ веденіи земскаго хозяйства за прежнее время... и... порицаніе дѣйствій администраціи“, съ которыми управа вступала въ многочисленныя пререканія. Пріостановленіе дѣйствія земскихъ учрежденій череповецкаго уѣзда было также вызвано заявленіемъ новгородскаго губернатора въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ о „систематической оппозиціи земства правительству“.

Для общей характеристики отношенія губернаторовъ къ преобразованнымъ земскимъ учрежденіямъ въ высшей степени важна записка псковскаго губернатора Б. П. Обухова, разосланная въ 1868 г. начальникамъ губерніи чуть ли не въ качествѣ министерскаго циркуляра. Въ этой запискѣ горячо рекомендуется система сильнѣйшаго административнаго вмѣшательства по всѣмъ тѣмъ земскимъ дѣламъ, которыя заключаются въ исполненіи извѣстныхъ государственныхъ повинностей или вообще „соприкасаются съ администраціей“. Въ этихъ случаяхъ—въ важнѣйшихъ случаяхъ земской жизни — администрація „должна быть непоколебима въ своихъ требованіяхъ“, „должна указывать всѣ самомалѣйшія ошибки“ органовъ мѣстнаго самоуправленія, „пріучая ихъ такимъ образомъ къ правильному и отчетливому дѣйствію“. По тѣмъ же предметамъ, которые относятся собственно до интересовъ самаго общества (напр., въ продовольственномъ дѣлѣ), и въ которыхъ администрація лишена законныхъ средствъ для понужденія земства къ исполненію своихъ требованій, она должна прицерживаться строгаго невмѣшательства, причемъ это „невмѣшательство“ своеобразно понимается въ видѣ „неумолимаго“ отказа во всякой помощи, во всякомъ участіи, даже если общественныя учрежденія обратятся къ правительству съ ходатайствомъ „выручить ихъ изъ затрудненій“. Мы уже видѣли, какъ хорошо усвоили себѣ эти теоріи „вмѣшательства“ и „невмѣшательства“ администраторы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Положеніе, въ которое было поставлено земство всей законодательной и административной практикой шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, не могло, конечно, не вызы-

вать величайшаго негодованія въ вліятельныхъ земскихъ кругахъ. „Мы пробыли въ Петербургѣ,—пишетъ А. И. Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ“ подъ 1868 годомъ, — цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ и въ это время я узналъ такія вещи, какихъ возможность даже не подозрѣвалъ. Взятки, личные денежные расчеты, обходы законныхъ путей и пр. дошли въ Петербургѣ до крайнихъ предѣловъ. Всего можно достигнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ въ справедливѣйшемъ, въ законнѣйшемъ можно получить отказъ. У большинства власть предержащихъ имѣются любовницы, жадно берущія деньги, имъ предлагаемыя, а затѣмъ, распоряжающіяся деспотически своими возлюбленными. *Безнравственность, безсовѣстность и безсмысліе высшей администраціи превзошли всѣ мошенничества и нелѣпости губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ.* Надо пожить въ Петербургѣ и имѣть тамъ дѣла, чтобы извѣдать всю глубину и ширь безпутства центральной нашей администраціи“. Это, несомнѣнно, весьма и весьма краснорѣчивая тирада. Но не путемъ занесенія такихъ тирадъ въ свои мемуары могли серьезно бороться вліятельные земскіе элементы съ самодержавно-полицейскимъ правительствомъ. Многіе изъ среды руководившей земствомъ части средняго и мелкаго земельнаго дворянства совершенно бросили земское дѣло, какъ только выяснилось къ нему отношеніе основныхъ силъ стараго режима. Земскія собранія стали еще менѣе людными, чѣмъ они были сначала, стали открываться еще неправильнѣй и медленнѣй. Среди земскихъ гласныхъ усилились апатія и безучастіе къ земскому управленію. Большинство вліятельныхъ земскихъ элементовъ, однако, продолжало работать. Но та двойственность въ соціальномъ положеніи средняго поземельнаго дворянства, о которой намъ уже приходилось говорить, должна была самымъ печальнымъ образомъ отразиться на его непосредственной борьбѣ съ реакціоннымъ правительствомъ. Жизнь, напримѣръ, выдвигала чуть ли не на первый планъ разрѣшеніе вопроса о мелкой земской единицѣ, которая могла бы усилить позицію земства, явиться его низшимъ исполнительнымъ органомъ, связать его съ широкими крестьянскими массами, способствовать „появленію болѣе развитыхъ элементовъ въ средѣ самого крестьянства“. Казалось бы, что могло быть важнѣе для земства въ его безпрерывныхъ конфликтахъ съ правительствомъ, чѣмъ такая организація крестьянства, чѣмъ учрежденіе такой „всесословной волости“. Казалось бы, это былъ единственный путь, вступивъ на который земство могло бы съ большей надеждой на успѣхъ помѣряться силами съ самодержавно-полицейскимъ государствомъ, если оно дѣйствительно желало этого. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о низшей земской единицѣ былъ поставленъ въ порядокъ дня въ семидесятыхъ годахъ вліятельными земскими элементами лишь въ очень немногихъ случаяхъ. А гдѣ онъ и былъ поставленъ, онъ вскорѣ заглохъ. Или, что еще характернѣй, перейдя въ широкія массы дворянства, онъ разрѣшился уродливѣйшими проектами усиленія власти по-

мѣщиковъ надъ крестьянствомъ, сосредоточенія въ ихъ рукахъ судебной и административно-полицейской власти, причемъ представительство крестьянъ въ „волостной думѣ“ предполагалось въ видѣ извѣстнаго числа ежегодно отряжаемыхъ для этой цѣли сельскихъ старостъ...

Но если вліятельные земскіе элементы упорно отказывались отъ организаціи крестьянскихъ массъ изъ опасенія, что „крестьянское большинство будетъ, несомнѣнно, руководствоваться только своими интересами, которые невсегда тождественны съ интересами прочихъ владѣльцевъ“, то для нихъ не оставалось никакого другого пути „борьбы“ съ самодержавно-полицейскимъ правительствомъ, какъ только старый путь безконечныхъ ходатайствъ передъ этимъ самымъ правительствомъ. Въ извѣстной книгѣ Н. А. Карышева собрано много характернѣйшихъ свѣдѣній объ этихъ земскихъ ходатайствахъ. За 18 лѣтъ (1865—1882) Н. А. Карышевъ насчиталъ ихъ до 2577, изъ которыхъ 2039 приходилось на шестидесятые и семидесятые годы. Первыя мѣста по количеству представленныхъ ходатайствъ занимали главнымъ образомъ наиболѣе передовыя земства (новгородское, тверское, херсонское и т. д.). Сами ходатайства касались очень часто наиболѣе больныхъ мѣстъ земства, наиболѣе насущныхъ нуждъ его. Земскія собранія ходатайствовали о пониженіи поземельнаго ценза, объ увеличеніи числа гласныхъ и о болѣе уравнительномъ распредѣленіи ихъ между различными разрядами избирателей, о запрещеніи избирать въ гласные волостныхъ старшинъ, писарей и сельскихъ старостъ, о дозволеніи назначать гласнымъ содержаніе, о созывѣ съѣздовъ представителей отъ земствъ разныхъ губерній, объ изданіи общеземскаго органа и о снятіи цензуры съ земскихъ изданій. Въ области народнаго образованія мы встрѣчаемся съ рядомъ ходатайствъ объ усиленіи земскаго элемента въ составѣ училищныхъ совѣтовъ, объ ограниченіи власти инспекторовъ народныхъ училищъ, объ улучшеніи быта и подготовки народныхъ учителей. Точно также земскія собранія многократно ходатайствовали объ ослабленіи вліянія губернаторовъ въ дѣлѣ земскихъ смѣтъ и раскладокъ и въ земскомъ дѣлѣ вообще, о полной или частичной отмѣнѣ ограничительныхъ правилъ, касавшихся земскаго обложенія торговли и промышленности, о передачѣ земству раскладокъ государственнаго сбора, объ установленіи различныхъ мѣръ для болѣе успѣшнаго взысканія земскихъ сборовъ, недоимокъ и т. д. Наряду съ этимъ, земскія собранія ходатайствовали объ учрежденіи земскихъ банковъ, объ усиленіи уголовныхъ каръ за потравы и лѣсныя порубки, о пониженіи тарифовъ для перевозки хлѣба и муки, даже „о такомъ распредѣленіи занятій въ войскахъ, чтобы *солдаты могли принимать участіе въ полевыхъ работахъ въ рабочую пору*“ и т. д. Словомъ, путемъ неоднократныхъ ходатайствъ земства стремились реформировать чуть ли не всѣ стороны жизни самодержавно-полицейскаго государства, укрѣпить и упрочить свое собственное положеніе, обезпечить свой перевѣсъ надъ конкуррировавшими съ ними общеправительствен-

ными властями и усилить экономическое положеніе помѣстнаго дворянства.

Само собой разумѣется, что этотъ путь ходатайствъ, какъ часто они ни повторялись и какъ сильно иногда они ни были обоснованы, не могъ привести абсолютно ни къ какимъ результатамъ *). Изъ 2039 ходатайствъ, которыя были представлены земскими собраніями въ 1865—1879 гг., отклонено было 1131, т. е. болѣе 55%, въ 1875—1879 г. даже болѣе 59%. Но и эти внушительныя цифры не достаточно характерны для опредѣленія дѣйствительнаго отношенія правительства къ интересующимъ насъ земскимъ стремленіямъ, такъ какъ въ общее число ходатайствъ вошли и самыя мелкія, касавшіяся, напримѣръ, субсидій отъ казны для богоугодныхъ заведѣній и т. д. Болѣе вѣрное представленіе даютъ цифры отклоненныхъ ходатайствъ по отдѣльнымъ группамъ: 77,2% отклоненныхъ ходатайствъ, относившихся къ организаціи земства, 61% отклоненныхъ ходатайствъ по дѣлу народнаго образованія, 86—65% отклоненныхъ ходатайствъ по общегосударственнымъ вопросамъ и т. д. Слѣдуетъ также замѣтить, что неотклоненіе ходатайства еще далеко не означало удовлетворенія его; значительное число „неотклоненныхъ" ходатайствъ передано было, наприм., въ кахановскую комиссію и вполнѣ раздѣлило печальную участь послѣдней.

Сами же вліятельные земскіе элементы должны были къ половинѣ 70-хъ годовъ убѣдиться, что всякому сколько-нибудь принципіальному ходатайству земскаго собранія угрожаетъ неминуемая опасность остаться безъ вліянія на высшія правительственныя сферы. Ни обыденная работа земства ни своеобразная „борьба" его съ высшимъ чиновничествомъ и феодальнымъ землевладѣніемъ путемъ безконечнаго повторенія тѣхъ же ходатайствъ не могли вывести мѣстнаго самоуправленія изъ того тупика, въ который оно было загнано торжествующей реакціей. И къ концу семидесятыхъ годовъ все болѣе усиливается бѣгство изъ земствъ его дѣятелей, не видѣвшихъ выхода, все болѣе разростается безучастіе и индиферентизмъ остающихся гласныхъ. Оживленіе въ земской дѣятельности становится замѣтно лишь къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда развитіе революціонно-демократическаго движенія разночинной интеллигенціи, стихійно-бунтарскихъ волненій крестьянства и широкаго стачечнаго движенія въ средѣ промышленнаго пролетаріата принудило самодержавно-полицейское правительство къ временному и незначительному повороту въ области внутренней политики.

5.

Къ самому концу семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ ре-

*) Сами же земскіе дѣятели иногда шутили надъ своей страстью къ ходатайствамъ. „Наши земскія собранія болѣе всего любятъ ходатайствовать... Есть предводители дворянства (предсѣдатели земскихъ собраній), которые за неумѣніемъ разобраться въ какомъ-нибудь вопросѣ, находятъ для себя единственный исходъ въ такой постановкѣ: „а можетъ быть, господа, будемъ ходатайствовать". И собраніе немедленно соглашается". См. „Земство", 1881, № 5 стр. 9.

волюціонно-демократическое движеніе разночинной интеллигенціи достигаетъ въ дѣятельности партіи „Народной Воли“ высшей точки своего развитія. Почти одновременно съ этимъ, въ крестьянской средѣ начинаетъ снова наростать стихійно-бунтарское движеніе, выражающееся въ насильственныхъ захватахъ владѣльческихъ земель, поджогахъ помѣщичьяго имущества, столкновеніяхъ съ полицейскими чинами и т. д. Нѣсколько раньше начинается широкое стачечное движеніе въ средѣ промышленнаго пролетаріата, продолжавшееся съ перерывами вплоть до половины восьмидесятыхъ годовъ. На первыхъ порахъ самодержавно полицейское правительство не было склонно видѣть въ развивавшемся аграрномъ, тѣмъ болѣе рабочемъ, движеніи серьезную угрозу своему существованію, и террористическіе удары „Народной Воли“, несомнѣнно, внушали ему большій страхъ. Первые шаги, которые оно сдѣлало по „либеральному“ пути, объяснялись вліяніемъ активныхъ выступленій революціонной партіи. Но вскорѣ въ правительственныхъ сферахъ начали уже задумываться и надъ проблемами „народной политики“ и „фабричнаго законодательства“.

Уже въ самомъ началѣ 1880 г. образуется особое совѣщаніе для разсмотрѣнія старыхъ проектовъ Валуева и вел. князя Константина Николаевича *). 30 января 1880 года состоялось послѣднее засѣданіе этого совѣщанія. Оба проекта въ концѣ концовъ были признаны несвоевременными и „похоронены“ съ почитаніемъ соотвѣтствующихъ „отходныхъ“. (выраженія Валуева).

Только взрывъ въ дворцѣ 5 февраля 1880 г. заставилъ, наконецъ, правительство *нѣсколько видоизмѣнить* его обычную репрессивную политику, сдѣлать попытку примириться съ земской оппозиціей и воспользоваться, конечно, въ цѣляхъ охраны самодержавно-полицейскаго государства, „поддержкой благомыслящей части населенія“.

Къ этому же времени началось извѣстное оживленіе и въ земской средѣ (адреса 1878—79 гг.) *), и высочайшій указъ 12 февраля 1880 г., назначавшій гр. Лорисъ-Меликова главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи и *предоставившій ему право приглашать въ составъ ея лицъ, присутствіе которыхъ будетъ признано имъ полезнымъ*, былъ истолкованъ вліятельными земскими элементами чуть ли не въ смыслѣ обѣщанія сдѣлать изъ верховной распорядительной комиссіи „нѣчто вродѣ земскаго собора“. Въ мартовскомъ обозрѣніи „Вѣстника Европы“ (за 1880 г.) убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывается, что верховная распорядительная комиссія обѣщаетъ „быть не только отрицательной силой, какой бываетъ диктатура, но и зиждительной, какъ охранительное начало законныхъ интересовъ страны“, что „главный начальникъ укажетъ честнымъ людямъ и путь для... поддержки съ ихъ стороны и дастъ надлежащій просторъ ихъ мысли и слову“. Вліятельный земскій публицистъ категорически заявляетъ, что

*) Подробно см. въ главѣ I (Общая политика правительства), § 2.

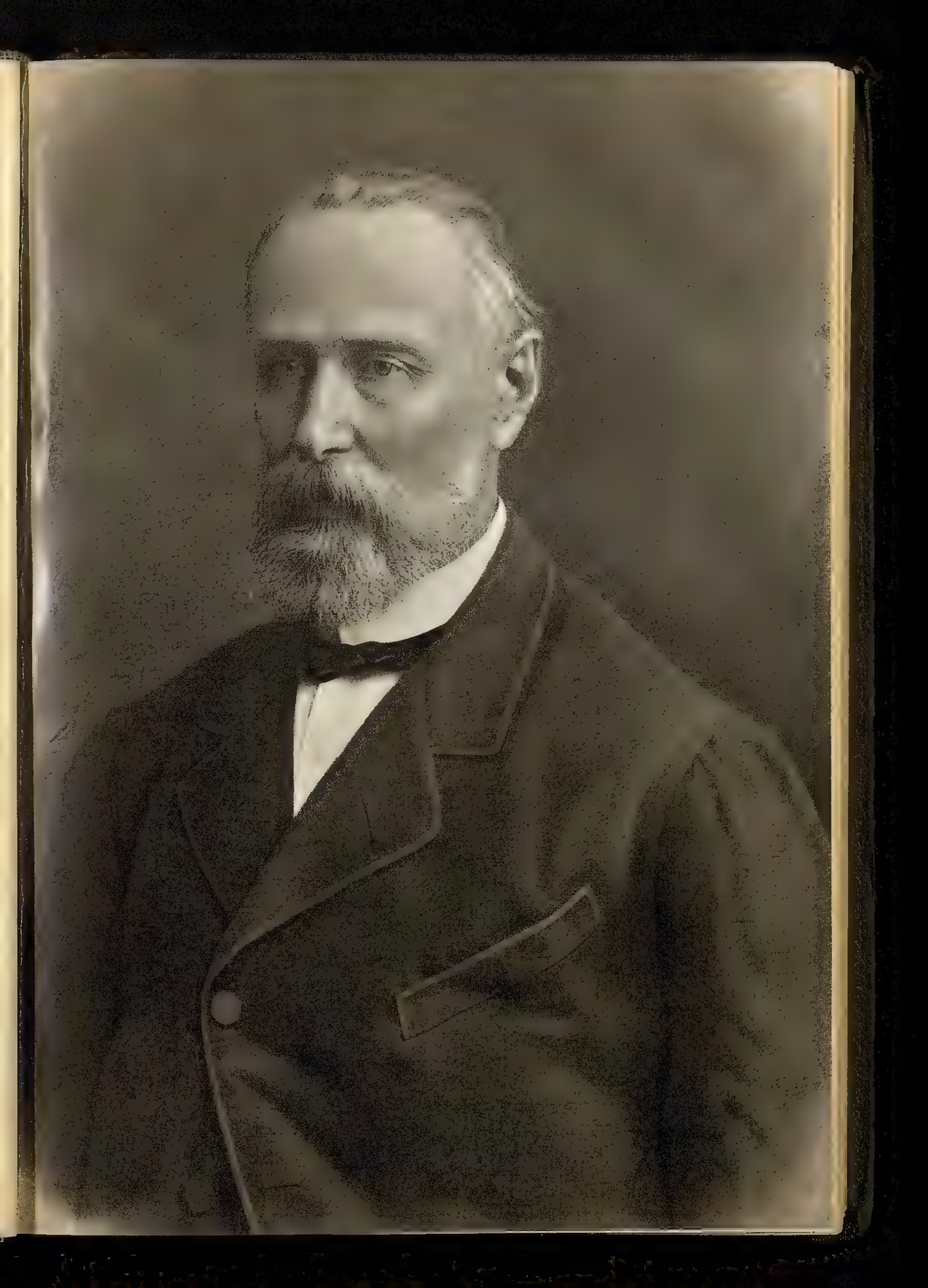
*) См. статью „Земское движеніе“ въ IV части.

4

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

Съ портрета, писаннаго съ фотографіи.
(Дашковское собраніе при Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ціонными формами". Работы подготовительныхъ и общей комиссій должны были имѣть исключительно совѣщательное значеніе и не могли бы оказывать значительное вліяніе даже на государственный совѣтъ. Право возбужденія законодательныхъ вопросовъ „всецѣло и исключительно" оставалось за верховной властью, которая каждый разъ указывала общей комиссіи предметы ея занятій и даже предопредѣляла въ извѣстной степени ея составъ. Наконецъ, „для занятій общей комиссіи могло быть назначено крайнимъ срокомъ не болѣе 2 мѣсяцевъ" *).

Столь же жалкихъ „уступокъ" могло ожидать земство и въ области проектированной гр. Лорисъ-Меликовымъ административной реформы. Въ этомъ отношеніи въ высокой степени любопытно выработанное совѣщаніемъ высшихъ чиновниковъ „особое наставленіе сенаторамъ, назначеннымъ по высочайшему повелѣнію для производства общей ревизіи" въ 8 губерніяхъ (большая часть „наставленія" была опубликована въ 4 № „Народной Воли" отъ 5 декабря 1880 г.). Наставленіе касается цѣлаго ряда вопросовъ по самымъ различнымъ вѣдомствамъ: внутреннихъ дѣлъ, судебному, финансовому, государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія. Во главу наставленія ставятся, однако, вопросы о „распространеніи соціально-революціонныхъ лжеученій", о мѣрахъ для ослабленія ихъ вліянія, о „настроеніи умовъ крестьянскаго населенія", о причинахъ и способахъ прекращенія крестьянскихъ возстаній, объ ожиданіи крестьянствомъ новаго надѣленія землей. Въ области внутренняго управленія сенаторамъ предлагается собрать данныя для преобразованія губернскаго управленія, *объединенія административныхъ и полицейскихъ учрежденій*, сокращенія стѣсняющихъ ихъ формальностей, *усиленія разрѣшающей на мѣстѣ власти* и надлежащаго *обезпеченія въ сохраненіи и огражденіи государственнаго и общественнаго порядка*". И только наряду съ этимъ и послѣ этого, сенаторы должны вникнуть въ изученіе мѣръ, которыя могли бы „оживить дѣятельность земства и поставить его на соотвѣтственное мѣсто въ ряду мѣстныхъ учрежденій". При этомъ оказывается, что результаты дѣятельности земскихъ учрежденій „не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ правительства и общества", какъ будто ожиданія того и другого были совершенно одинаковы или хотя бы сходны. Далѣе, перечисляется рядъ моментовъ изъ земской жизни, на которые должны обратить вниманіе сенаторы, какъ напр.: недостаточный составъ земскихъ учрежденій въ качественномъ отношеніи, несочувственное отношеніе къ земству правительственныхъ лицъ и учрежденій, оставляющихъ *будто* безъ вниманія ходатайства земствъ, ограниченность круга дѣятельности земскихъ учрежденій, затрудненіе дѣйствовать по такимъ вопросамъ, которые требовали бы соглашенія земствъ сосѣднихъ уѣздовъ или губерній. Далѣе идутъ вопросы о стѣсненіи гласности по земской дѣятельности, и о финансовыхъ затрудненіяхъ земства (нѣтъ ли излишнихъ расходовъ на земское управленіе, выработаны ли основанія къ правильной рас-

*) Подробн. см. въ главѣ I (Общая политика правительства), § 2.

кладкѣ, каковъ существующій порядокъ взысканія земскихъ сборовъ).

Тѣмъ не менѣе, и эти туманные, противорѣчивые и половинчатые лорисъ-меликовскіе проекты реформы мѣстнаго управленія оказались вполнѣ достаточными, чтобы — „убѣдить наше общество, что продолжительная эпоха реакціи, подрывавшая основы великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, окончилась, что правительство вновь вступило на путь реформъ, что Россію ожидаетъ лучшее будущее". Вліятельные земскіе элементы были въ такой степени удовлетворены и преисполнены „надеждъ", что отчасти отказались даже отъ своего излюбленнаго средства „борьбы" — земскихъ ходатайствъ. „Земство вѣрило и сочувствовало правительству, какъ бы боялось забѣгать впередъ, обращаться къ нему съ чрезмѣрными требованіями". Мѣсто ходатайствъ передъ правительствомъ о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ заняли привѣтственные адреса, обращенные къ гр. Лорисъ-Меликову. Въ нихъ выражалось убѣжденіе земства, что диктаторъ „сумѣлъ въ короткое время оправдать...многія изъ надеждъ общества", „что *прискорбное прошлое не воротится*, что для дорогого намъ всѣмъ отечества *открывается счастливое будущее*,. что русскій гражданинъ, личность котораго будетъ свято охраняться закономъ, *сумѣетъ постоять за достоинство престола* и за великіе интересы государства".

Ничего не можетъ быть характернѣй этой трогательной готовности „земской оппозиціи" къ примиренію съ правительствомъ Александра II, въ особенности, если сопоставить ее съ тѣмъ отношеніемъ къ крестьянству, которое почти одновременно такъ ярко проявилось въ земскихъ проектахъ реформы мѣстнаго управленія, послѣдовавшихъ въ отвѣтъ на лорисъ-меликовскій циркуляръ 22 дек. 1880 г. относительно крестьянскихъ учрежденій. По словамъ Скалона, этотъ циркуляръ вызвалъ въ земской средѣ давно небывалое оживленіе. Были созваны чрезвычайныя собранія и учреждены спеціальныя комиссіи, которыя на этотъ разъ, вопреки обычаю, проявили оживленную дѣятельность. Управы и отдѣльные гласные трудились надъ составленіемъ проектовъ. Въ печати въ изобиліи появились записки, мнѣнія и предположенія, вышедшія изъ-подъ пера земскихъ дѣятелей. Подлежавшее обсужденію дѣло было принято земскими людьми „близко къ сердцу". Большинство отнеслось къ нему вполнѣ серьезно, съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживало, безъ обычнаго желанія „отписаться", такъ или иначе „очистить" полученную бумагу. Самый объемъ возбужденнаго правительствомъ вопроса, при разработкѣ его, значительно расширился. Земскія собранія выдвинули на первый планъ болѣе общій вопросъ о преобразованіи *всего* мѣстнаго управленія. Отдѣльныя лица изъ земской среды, даже цѣлыя собранія останавливались иногда и на разрѣшеніи крестьянскаго вопроса вообще, и на реформѣ центральнаго управленія. При такихъ условіяхъ, и вопросъ о всесословной мелкой земской единицѣ, которая „привлекла бы все населеніе къ участію въ управленіи,.. использовала бы всѣ умственныя и нравственныя силы его... и облегчила

бы крестьянство въ расходахъ по отправленію повинностей“, не могъ, конечно, не быть снова поставленнымъ въ порядокъ дня весьма многихъ земскихъ собраній. Но разрѣшеніе вопроса и на этотъ разъ весьма напомнило судьбу его въ семидесятыхъ годахъ. Вліятельные земскіе элементы, конечно, и теперь прекрасно сознавали, что „останавливаться учрежденіемъ всесословной волости за неразвитостью крестьянскаго сословія не только нѣтъ основаній, но, напротивъ, эта то именно неразвитость и должна побуждать къ скорѣйшему учрежденію ея въ виду того, что всесословная волость, несомнѣнно, окажетъ такое же благотворное вліяніе на населеніе, между прочимъ, въ смыслѣ воспитательномъ, какъ и другія реформы послѣдняго времени“. Но именно этого „воспитательнаго вліянія“, этой организаціи крестьянства въ рамкахъ мелкой земской единицы среднее поземельное дворянство опасалось больше всего*). Представители его откровеннѣйшимъ образомъ выражали свои опасенія. „Практическая невозможность уравновѣсить элементы землевладѣльческій и крестьянскій“ въ самоуправляющейся волости поведетъ за собой несправедливое подавленіе интересовъ одного изъ этихъ элементовъ въ пользу другого и усиленіе экономической розни между разнородными классами. „Въ округѣ крестьяне будутъ имѣть подавляющее большинство. Частный землевладѣлецъ убѣжитъ изъ него“.

И вотъ, большинство земскихъ проектовъ „всесословной волости“ самымъ, на первый взглядъ, неестественнымъ образомъ превращаются въ концѣ концовъ чуть ли не въ свою противоположность. Проектируется учрежденіе „волостныхъ мировыхъ судей“, „земскихъ судей“, „земскихъ волостныхъ старшинъ“, „участковыхъ и окружныхъ членовъ управы“, „попечителей и начальниковъ земскихъ волостей“, сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ въ большей или меньшей степени всю административно-полицейскую даже и судебную власть и не оставляющихъ никакого мѣста для организованнаго проявленія силъ мѣстнаго населенія. Главнѣйшее отличіе всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ, напримѣръ, отъ теперешнихъ земскихъ начальниковъ заключалось бы главнымъ образомъ только въ избраніи ихъ дворянскимъ земствомъ, и характеристика, данная земскимъ проектамъ всесословной волости С. И. Приклонскимъ, какъ „крѣпостническихъ затѣй на либеральной подкладкѣ“ была, несомнѣнно, совершенно правильна и отнюдь не объяснялась его нѣкоторыми утопическими взглядами.

Только очень немногіе земскіе проекты пытались организовать дѣйствительно самоуправляющуюся волость, но изъ этихъ проектовъ „ни одинъ не получилъ практическаго осуществленія;.. по нѣкоторымъ изъ нихъ не состоялось даже заключенія земскихъ собраній, и они такимъ

*) За все время „новыхъ вѣяній“ намъ извѣстно только одно ходатайство весьегонскаго уѣзднаго земства о разрѣшеніи собрать свободные отъ формальностей сельскіе сходы для обсужденія вопросовъ, касавшихся крестьянскихъ учрежденій, съ правомъ этихъ сходовъ приглашать съ совѣщательнымъ голосомъ мѣстныхъ жителей изъ другихъ сословій.

образомъ выражаютъ лишь мнѣнія составившихъ ихъ управъ и подготовительныхъ комиссій". Поражаетъ также ихъ совершенная необоснованность и неразработанность. „Нѣтъ ни одной стройно разработанной *въ деталяхъ* системы.., все это, — по большей части, намеки, наброски, порыванія куда-то" (Страховскій). А между тѣмъ, „детали" играли здѣсь огромную, рѣшающую роль. Только онѣ могли бы вскрыть дѣйствительный характеръ, прикрывавшійся громкой фразой о всесословной самоуправляющейся волости. Наличныхъ „деталей" во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ противонародномъ характерѣ и этихъ проектовъ. Почти всѣ они строятъ свою избирательную систему на сословно-имущественномъ цензѣ и на обезпеченіи среднему землевладѣнію личнаго участія въ волостныхъ собраніяхъ, и въ то же время болѣе или менѣе ограничиваютъ компетенцію и право самообложенія волости въ пользу дворянскаго земства. Организація же уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій остается въ проектахъ почти безъ всякихъ перемѣнъ. А если перемѣны и вносятся, то главнымъ образомъ, какъ было уже отмѣчено въ литературѣ *), въ цѣляхъ болѣе прочнаго укрѣпленія позиціи средняго и мелкаго дворянскаго землевладѣнія въ земскомъ самоуправленіи.

Болѣе всего опасаясь организаціи крестьянства и преобладанія его въ низшихъ и высшихъ органахъ земскаго управленія, вліятельные земскіе элементы не могли и собственными силами добиться отъ самодержавно-полицейскаго государства такой существенной „уступки", какъ передачу земству всего уѣзднаго управленія. Та часть средняго и мелкаго поземельнаго дворянства, которая руководила земскими собраніями и пыталась въ своихъ наиболѣе выдающихся проектахъ реформы обезпечить за собой господство чуть ли не во всемъ мѣстномъ управленіи, была сама по себѣ, какъ мы уже говорили, не особенно значительна. Кромѣ того, ея немногочисленные ряды отличались иногда поразительной двойственностью въ своихъ выступленіяхъ. Когда „чадъ новыхъ вѣяній" прошелъ, когда, съ удаленіемъ гр. Лорисъ-Меликова и съ торжественнымъ провозглашеніемъ „вѣры въ силу и истину власти самодержавной", наверхъ стали всплывать болѣе отсталые, но и болѣе многолюдные и сильные элементы помѣстнаго дворянства, когда они сумѣли выработать свою программу *) и выдвинуть для ея проведенія своихъ людей,—„земская оппозиція" стала чувствовать себя въ своемъ прежнемъ изолированномъ положеніи, безъ твердой почвы подъ ногами, безъ содѣйствія и отклика со стороны. А вскорѣ реакціонная политика одержала верхъ по всему фронту, „земская оппозиція" была снова загнана въ прежній тупикъ, снова вынуждена была обратиться къ мелкой и обыденной работѣ, ежечасно прерываемой грубыми окриками дикаго помѣщика и обнаглѣвшаго полицейскаго. Противопоставить имъ

*) См. ст. Н. Іорданскаго (библіографическій обзоръ въ концѣ тома).

*) Объ этомъ подробно въ главѣ I (Общая политика правительства), §§ 3 и 4.

она могла по-прежнему только безконечный рядъ своихъ „ходатайствъ“.

Какъ извѣстно, сначала, пока партія „Народной Воли“ не была еще окончательно раздавлена, а стихійно-бунтарское движеніе крестьянства не было отчасти отведено въ безопасное русло еврейскихъ погромовъ, отчасти пріостановлено скромными подачками „народныхъ политиковъ“,*) реакція старалась не особенно выдвигаться впередъ, не особенно мозолить глазъ „либеральному обществу“. Послѣ обнародованія манифеста 29 апр. 1881 г. и отставки гр. Лорисъ-Меликова, вліятельные земскіе круги все еще твердо вѣрили, что „нежелательнаго (для нихъ) измѣненія правительственной программы не предполагается“. Графъ Игнатьевъ, занимавшій до своего назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ въ теченіи долгаго времени должности директора азіатскаго департамента и чрезвычайнаго посланника при Оттоманской Портѣ, отнюдь не склоненъ былъ сразу рѣзко разочаровывать вождей „земской оппозиціи“. „Либеральные“ сенаторы продолжали ревизовать губерніи и представлять свои всеподданнѣйшіе отчеты, составленные совершенно въ духѣ „наставленія“ 1880 г. Земскія собранія продолжали обсуждать лорисъ-меликовскій циркуляръ относительно крестьянскихъ учрежденій и вырабатывать проекты мѣстной реформы. Распространялись слухи о введеніи земскихъ учрежденій въ губерніяхъ архангельской и сибирскихъ. Состоялся съѣздъ представителей губернскихъ земствъ въ Харьковѣ для выработки общихъ мѣръ борьбы съ дифтеритомъ. Обѣщанное гр. Игнатьевымъ „живое участіе мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній“ было сравнительно быстро реализовано въ видѣ двухкратнаго призыва мѣстныхъ или земскихъ „свѣдущихъ людей“ (іюнь-сентябрь 1881 г.). На этихъ совѣщаніяхъ были обсуждены вопросы о пониженіи выкупныхъ платежей и урегулированіи питейной торговли и переселенческаго движенія. Въ первый разъ правительствомъ было приглашено 12 „свѣдущихъ людей“, во второй разъ—даже 35. Большинство изъ нихъ оказались земскіе гласные, хотя немногіе были извѣстны широкимъ кругамъ „общества“ своей общественной дѣятельностью. Видныхъ представителей „земской оппозиціи“ среди нихъ также было очень мало. Эти совѣщанія обѣщано было превратить чуть ли не въ постоянное учрежденіе. При открытіи второго совѣщанія „свѣдущихъ людей“, графъ Игнатьевъ сдѣлалъ „многозначительное“, на взглядъ либеральныхъ публицистовъ, заявленіе, что земскіе свѣдущіе люди приглашаются для того, чтобы *жизненные вопросы страны не были рѣшены* безъ выслушиванія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительными нуждами страны“. Словомъ, эти совѣщанія, въ связи съ учрежденной въ томъ же году кахановской комиссіей, о кото-

*) Болѣе продолжительнымъ и упорнымъ было широкое стачечное движеніе въ средѣ пролетаріата. Такая забастовка, какъ извѣстная морозовская 1885 г., уже ясно предуказывала будущую роль промышленнаго пролетаріата въ соціально-политическихъ судьбахъ страны. См. статью о Рабочемъ движеніи въ III части.

рой мы будемъ говорить ниже, какъ будто чуть ли не съ избыткомъ замѣняли лорисъ-меликовскія комиссіи и, на первый взглядъ, предоставляла руководящимъ земскимъ элементамъ извѣстное вліяніе на правительственныя сферы. На дѣлѣ ничего подобнаго, конечно, не оказалось, и совѣщанія „свѣдущихъ людей" также мало связывали правительство, какъ это могли бы сдѣлать лорисъ-меликовскія комиссіи въ случаѣ ихъ проведенія въ жизнь. Такой важнѣйшій законодательный актъ, какъ „положеніе объ охранѣ", непосредственно затрагивавшій къ тому же въ нѣкоторыхъ статьяхъ самостоятельность земскихъ учрежденій, былъ изданъ въ промежуткѣ между двумя совѣщаніями и вовсе не былъ подвергнутъ обсужденію „свѣдущихъ людей". Во второе совѣщаніе правительствомъ не были приглашены нѣкоторые изъ участниковъ перваго (напр. кн. Васильчиковъ), не угодившіе, повидимому, министру внутреннихъ дѣлъ. Ни составъ совѣщаній, ни результаты ихъ дѣятельности не могли удовлетворить вліятельныхъ вождей „земской оппозиціи". Кошелевъ писалъ въ „Земствѣ": „мы положительно должны сказать, что ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ земствѣ вообще дѣйствія свѣдущихъ людей нисколько не одобряются; эти господа явились въ Петербургъ, тамъ мыслили, говорили и дѣйствовали, вовсе не какъ земскіе люди". 12 земскихъ собраній болѣе или менѣе единодушно высказались за избраніе „свѣдущихъ людей" земствомъ вмѣсто назначенія ихъ правительствомъ. Въ постановленіяхъ нѣкоторыхъ изъ земскихъ собраній и произнесенныхъ по этому случаю рѣчахъ отдѣльныхъ гласныхъ мы встрѣчаемъ рѣзкую характеристику „вызываемыхъ правительствомъ свѣдущихъ людей, которымъ, къ сожалѣнію, придается названіе людей земскихъ, такъ что всякая неудача ихъ па аетъ упрекомъ на земство"; они „не могутъ быть названы земскими"; они „составляютъ фиктивное земское представительство", они „оказываютъ весьма плохую услугу и правительству и земству" („Земство, 1881, № 57).

Неудовлетворенные ни способомъ приглашенія свѣдущихъ людей, ни подборомъ предметовъ, представленныхъ ихъ разсмотрѣнію, вліятельные земскіе элементы не могли вскорѣ не замѣтить и новыхъ признаковъ надвигавшейся по всему фронту самой откровенной, уже не прикрытой никакими обѣщаніями „уступокъ" реакціи. Въ концѣ февраля 1882 г. въ земской средѣ уже господствовали „самые преувеличенные и самые тревожные слухи". Положеніе было самое „тяжкое и томительное". Много говорили „о предстоящихъ смутахъ въ крестьянствѣ, о предполагаемомъ усиленіи власти мѣстныхъ губернаторовъ и полиціи, о назначеніи министрами или членами государственнаго совѣта людей, всего менѣе къ тому пригодныхъ и нисколько не пользующихся общественнымъ благорасположеніемъ". Всѣхъ „утомляла, во всѣхъ возбуждала неудовольствіе, раздраженіе и даже, пожалуй, отчаяніе" самобытная „ходьба", при которой приходилось „ползкомъ ползти или безпрестанно встрѣчать то болота,

въ которыхъ вязнешь, то канавы, черезъ которыя надо перепрыгивать, то загородки, которыя приходится обходить". Это тревожное состояніе земскихъ круговъ было, конечно, даже слишкомъ достаточно обосновано. По указанію гр. Игнатьева, губернаторы стали признавать собственной властью, вопреки закону, „недѣйствительными" и неподлежащими дальнѣйшему движенію заключенія земскихъ собраній по поводу вопросовъ, предложенныхъ декабрьскимъ циркуляромъ 1880 г. Новые съѣзды представителей земствъ уже не разрѣшались. Совѣщанія „свѣдущихъ людей" въ 1882 г. вовсе не созывались. 24 марта 1882 г. было пріостановлено дѣйствіе земскихъ учрежденій въ Донской области, противъ которыхъ уже давно велась мѣстной администраціей и казачьими „верхами" энергичнѣйшая кампанія, умѣвшая хорошо использовать всѣ многочисленныя слабыя стороны противника. Графъ Игнатьевъ счелъ уже для себя возможнымъ объявить, хотя и частнымъ образомъ, но во всеуслышаніе, что о расширеніи правъ земствъ толковать преждевременно, такъ какъ земскія учрежденія не сумѣли справиться и съ тѣмъ, что имъ предоставлено. Вскорѣ (май 1882 г.) графъ Игнатьевъ долженъ былъ и самъ уйти, а его мѣсто занялъ гр. Д. А. Толстой, программа и настойчивость котораго были слишкомъ хорошо извѣстны въ земскихъ кругахъ по его долговременному управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія въ эпоху, предшествовавшую 1880 г. Передовая статья въ іюльскомъ (послѣднемъ) номерѣ „Земства" даетъ ясное представленіе о настроеніи земскихъ круговъ въ половинѣ 1882 г. Въ этой статьѣ редакція сообщаетъ о своемъ рѣшеніи прекратить на время изданіе, ввиду усиленія реакціи и *ослабленія интереса общества къ земскому дѣлу*. Въ утѣшеніе своимъ читателямъ редакція можетъ только высказать свое „глубокое убѣжденіе" о „*раннемъ или позднемъ* осуществленіи надеждъ на обновленіи нашего государственнаго и общественнаго строя". И замирая на долгіе годы новой реакціонной полосы, вліятельные земскіе элементы еще нѣкоторое время тянутся къ единственной свѣтлой точкѣ на мрачномъ горизонтѣ, какой имъ представляется кахановская комиссія, остатокъ „либеральной" эпохи.

6.

Особая комиссія для составленія проектовъ мѣстнаго управленія (такъ называемая кахановская) была учреучреждена 4 сент. 1881 г. по докладу гр. Игнатьева. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ бывшій товарищъ и близкій сотрудникъ гр. Лорисъ-Меликова, статсъ-секретарь Кахановъ; членами ея — представители отдѣльныхъ вѣдомствъ (большей частью, товарищи министровъ) и ревизоры-сенаторы. Предсѣдателю комиссіи было предоставлено право приглашать въ составъ ея, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, „мѣстныхъ свѣдущихъ людей". Комиссіи передавались поступившіе отвѣты на декабрьскій циркуляръ 1880 г. и отчеты сенаторовъ въ тѣхъ частяхъ, которыя касались мѣстнаго управленія. Комиссія должна была заняться какъ административными учрежденія-

ми, такъ и земскимъ, городскимъ и крестьянскимъ самоуправленіемъ. Среди ея задачъ, какъ главныя, были упомянуты приспособленіе правительственныхъ учрежденій къ условіямъ „новой дѣятельности“ и привлеченіе земства къ участію въ мѣстномъ управленіи съ точнымъ обозначеніемъ его правъ, обязанностей и отвѣтственности. Словомъ, какъ мы уже говорили, надъ кахановской комиссіей вѣялъ еще духъ учрежденій, проектированныхъ гр. Лорисъ - Меликовымъ, суррогатомъ которыхъ она должна была явиться. Она была еще болѣе далека, чѣмъ лорисъ-меликовскія комиссіи, отъ „западныхъ формъ народнаго представительства, чуждыхъ русскому народу“, еще болѣе близка къ извѣстной уже намъ милютинско-валуевской комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Тѣмъ не менѣе, она должна была явиться все тѣмъ же „полезнымъ и необходимымъ средствомъ для дальнѣйшей борьбы съ крамолой“, какимъ являлись и лорисъ-меликовскія комиссіи. Кахановская комиссія такъ и поняла свою „руководящую цѣль“, какъ устраненіе недостатковъ въ мѣстномъ управленіи, препятствующихъ „установленію порядка и развитію народнаго благосостоянія, *этихъ лучшихъ щитовъ противъ анархическихъ стремленій*“. Проекты ея должны были „гармонически связать всѣ мѣстныя установленія“ и сдѣлать невозможными укоренившіяся въ обществѣ и администраціи „понятія объ отдѣльности цѣлей особыхъ установленій отъ общаго служенія государеву дѣлу“.

Утопичность „руководящихъ цѣлей“ кахановской комиссіи — совершенно ясна. Либеральные бюрократы хотѣли „органически связать“ такіе во многомъ разнородные элементы, какъ „земскую оппозицію“ и правящія государствомъ династію и дворянскую аристократію. Достигнуть этого они надѣялись чисто - формальнымъ путемъ, „опредѣленной постановкой органовъ мѣстнаго управленія“, да еще съ „возможнымъ уклоненіемъ отъ ломки“ существующихъ учрежденій. Они пытались самыми хитроумными способами возстановить на бумагѣ мнимое равновѣсіе между элементами самодержавно-полицейскаго и буржуазно-правового государства, которое ежечасно расшатывалось неумолимымъ развитіемъ производительныхъ силъ страны, ростомъ потребностей развивающагося буржуазно - капиталистическаго строя. При такихъ условіяхъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что долголѣтніе труды кахановской комиссіи не оставили по себѣ никакихъ практическихъ результатовъ, что интересы крупнаго дворянскаго землевладѣнія сумѣли ворваться въ самые труды комиссіи къ концу ея дѣятельности, что они вызвали, затѣмъ, уничтоженіе самой комиссіи и похоронили навсегда ея проекты въ архивахъ бюрократическихъ канцелярій.

Кахановская комиссія собралась сначала безъ „свѣдущихъ людей“. 20 апрѣля 1882 г. она выдѣлила изъ своей среды „особое совѣщаніе“ для выработки „предварительныхъ заключеній“. Особое совѣщаніе успѣло вполнѣ закончить свои труды и внести ихъ въ комиссію только къ марту 1884 г. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ уже гр. Д. А. Тол-

стой, смѣнившій вызвавшаго комиссію къ жизни гр. Игнатьева. Несмотря на долгій срокъ и на троекратное обсужденіе своихъ проектовъ, „особое совѣщаніе“ не сумѣло всетаки добиться единогласія въ своей средѣ, такъ какъ товарищъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ (И. Н. Дурново), слѣдуя по стопамъ своего непосредственнаго начальника, естественнымъ образомъ, придерживался совершенно другихъ взглядовъ, чѣмъ большинство „особаго совѣщанія“, и отнюдь не желалъ присоединиться къ проектамъ „особаго совѣщанія“.

Проекты „особаго совѣщанія“ („намѣтки“) по-прежнему оставляли въ уѣздѣ и губерніи двоякаго рода власти; по назначенію отъ правительства и земскія, стараясь, однако, въ самыхъ названіяхъ ихъ подчеркнуть принадлежность ихъ къ одному и тому же разряду „установленій“. Для устраненія же существующаго „вреднаго разъединенія всѣхъ установленій“, проектировалось учрежденіе высшихъ смѣшанныхъ инстанцій въ уѣздѣ и губерніи (присутствій уѣзднаго и губернскаго управленія). Имъ поручалось ближайшее наблюденіе за ходомъ всѣхъ дѣлъ управленія, а также непосредственное разрѣшеніе важнѣйшихъ изъ этихъ дѣлъ. Членами уѣзднаго присутствія должны были явиться исправникъ и органъ финансоваго управленія—по назначенію отъ правительства, предсѣдатель и одинъ изъ членовъ земской управы — въ качествѣ земскихъ людей. Предсѣдатель же присутствія долженъ былъ утверждаться министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа 3 кандидатовъ, избираемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ лицъ, имѣющихъ право, по своему имущественному цензу, быть гласными по губерніи и окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, не ниже среднихъ. Если „совѣщаніе“ могло такимъ образомъ гордиться, что путемъ остроумныхъ комбинацій оно достигло по отношенію къ составу уѣзднаго присутствія хотя бы чисто-ариѳметическаго равновѣсія правительственныхъ и земскихъ элементовъ, то проектированный ею составъ губернскаго присутствія (которому было непосредственно подчинено уѣздное) не оставлялъ ей и такого слабаго утѣшенія. Губернаторъ не могъ быть устраненъ отъ предсѣдательства въ губернскомъ присутствіи, какъ онъ не могъ быть устраненъ и отъ непосредственнаго начальства надъ всей полиціей въ губерніи. Какъ предсѣдатель губернскаго присутствія, онъ, по проекту совѣщанія, получалъ также право протеста и пріостановки исполненія по всѣмъ дѣламъ, разсматривавшимся въ присутствіи. Самый составъ присутствія въ своемъ большинствѣ былъ не изъ земскихъ элементовъ. Членами его являлись вицегубернаторъ, начальникъ губернскаго финансоваго управленія, прокуроръ окружного суда, губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы и одинъ членъ по избранію губернскимъ земскимъ собраніемъ. И этому губернскому присутствію „совѣщаніе“ проектировало предоставить огромныя права по отношенію къ земству: право производить ревизіи и повѣрять отчеты, предавать суду членовъ земскихъ управъ, утверждать волостелей (низшіе земскіе исполнительные органы), обсуждать тѣ постановленія земскихъ

собраній, въ которыхъ губернаторомъ „будутъ усмотрѣны *неправильность*, *неясность*, противорѣчіе государственнымъ интересамъ или незаконность". Оно же должно было утверждать нѣкоторыя важнѣйшія постановленія земскихъ собраній, причемъ списокъ предметовъ, подлежащихъ утвержденію, проектировалось даже увеличить по сравненію съ „Положеніемъ" 1 янв. 1864 г., „въ смыслѣ большаго огражденія постоянныхъ интересовъ мѣстнаго населенія отъ увлеченій его представителей".

Характерно, что при проектированіи смѣшанныхъ инстанцій, объединяющихъ дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ органовъ управленія, у членовъ совѣщанія явилась было мысль о „полномъ сліяніи состава этихъ коллегій съ земскими управами". Но они сейчасъ же отвергли „неудобный" планъ, такъ какъ онъ „обращалъ бы въ дѣйствительности земскія учрежденія въ установленія первенствующія, мѣстное управленіе — въ земское". *Этого* совѣщаніе ни въ какомъ случаѣ допустить не могло. Максимумъ того, что оно могло сдѣлать, заключался въ нѣкоторыхъ частичныхъ уступкахъ старымъ требованіямъ „земской оппозиціи". Такъ, совѣщаніе проектировало пониженіе имущественнаго ценза въ землевладѣльческой куріи, „большую уравнительность" въ распредѣленіи гласныхъ между различными разрядами избирателей, избраніе крестьянскихъ гласныхъ непосредственно сельскими сходами и предсѣдательствованіе на нихъ мировыхъ судей и т. д. Уѣзднымъ земскимъ собраніямъ предполагалось предоставить право назначать суточныя и прогонныя деньги своимъ губернскимъ гласнымъ. Предсѣдательство въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ передавалось предсѣдателю уѣзднаго присутствія, въ губернскихъ собраніяхъ—особо-избираемому земствомъ лицу, утверждавшемуся губернаторомъ. Обширныя права, предоставленныя реакціоннымъ закономъ предсѣдателямъ, сохранялись, но обѣщано было установить „мѣры, ограждающія собраніе отъ произвольной власти" предсѣдателей. Проектировалось болѣе точное опредѣленіе компетенціи земства и освобожденіе его отъ извѣстной части обязательныхъ расходовъ. Земскія ходатайства допускались по всѣмъ вопросамъ, „касающимся предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій", „возникающимъ изъ мѣстныхъ потребностей". Эти ходатайства могли касаться также необходимости изданія новыхъ узаконеній, но ни въ какомъ случаѣ не должны были затрагивать „основныхъ законовъ Россійской Имперія". Далѣе, отмѣнялся реакціонный законъ 1870 г., ставившій земство по отношенію къ пересылкѣ корреспонденціи въ менѣе выгодное положеніе, чѣмъ административныя учрежденія, и разрѣшалось печатаніе докладовъ за личной отвѣтственностью предсѣдателей управъ. Предполагалось также предоставить губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право устраивать общіе съѣзды своихъ представителей — съ разрѣшенія губернскихъ присутствій и министра внутреннихъ дѣлъ и подъ предсѣдательствомъ предсѣдателей уѣздныхъ присутствій и губернаторовъ.

Вся затруднительность положенія „совѣщанія", вся утопичность его попытки организовать въ мѣстномъ

управленіи одновременно и самостоятельное земство и сильную власть по назначенію отъ правительства, вся тщетность его усилій объединить и органически связать между собой эти два „установленія“, яснѣй всего, можетъ быть, обнаружились при обсужденіи вопроса о низшей административной и земской единицѣ. Организація самоуправляющейся всесословной волости была, конечно, отвергнута. Организація крестьянства такъ же мало интересовала и столь же сильно пугала членовъ „совѣщанія“, какъ и земскія собранія, разсматривавшія этотъ вопросъ въ 1880—82 гг. „Совѣщаніе“, вѣроятно, относило самую мысль объ организаціи крестьянства къ тѣмъ „анархическимъ стремленіямъ“, къ борьбѣ съ которыми оно было призвано. Мотивы, заставившіе совѣщаніе признать „идею“ самоуправляющейся всесословной волости „непримѣнимой нынѣ въ Россіи“, —тѣ же, которые мы уже встрѣчали въ рѣчахъ и постановленіяхъ вліятельныхъ земскихъ дѣятелей: „въ небольшой, по необходимости, волостной округѣ оказалось бы въ весьма многихъ мѣстностяхъ на нѣсколько селеній лишь крайне ограниченное число крупныхъ землевладѣльцевъ, вліяніе которыхъ и было бы совершенно подавлено численнымъ количествомъ крестьянъ“. Совѣщаніе остановилось поэтому на единоличномъ органѣ управленія низшей административной и земской единицей—волостелѣ, который, по самымъ условіямъ своего избранія земскимъ собраніемъ изъ лицъ, обладающихъ осѣдлостнымъ и образовательнымъ цензами, принадлежалъ бы въ большинствѣ случаевъ къ землевладѣльческому классу. Но здѣсь напрашивался самъ собою вопросъ, нельзя ли въ такомъ случаѣ соединить въ одномъ управленіи всѣ земскія, обще-административныя и полицейскія дѣла, слить въ одну низшую административно-полицейскую единицу и существующій полицейскій станъ и проектируемый округъ волостеля. Въ способѣ разрѣшенія этого, на первый взглядъ, не особенно важнаго вопроса отразился, однако, „какъ солнце въ малой каплѣ воды“, весь характеръ работы совѣщанія. Съ одной стороны, оно не могло не сознаться, что „едва ли высшее правительство можетъ рѣшиться на передачу чисто-полицейской власти въ руки органовъ выборныхъ“. Съ другой стороны, оно же должно было признать, что „послѣ передачи земскимъ установленіямъ завѣдыванія главными отраслями управленія невозможно усиливать вновь исполнительную власть по этимъ дѣламъ низшихъ полицейскихъ чиновъ, каковыми являются наши становые пристава: это было бы возвращеніемъ (?) къ полицейской формѣ государства, отжившей свое время и пригодной развѣ для мѣстностей, населеніе коихъ находится на первыхъ ступеняхъ развитія экономической и гражданской жизни“. И такъ, низшую административно-полицейскую и земскую единицу невозможно передать въ управленіе ни становому приставу ни волостелю. Общую низшую административно-полицейскую и земскую единицу управленія, слѣдовательно, приходится считать также „непримѣнимой въ Россіи“. Въ результатѣ, и здѣсь совѣщаніе принимаетъ за основной принципъ „раздѣльность... завѣдыванія дѣлами

полиціи... отъ завѣдыванія прочими дѣлами общаго управленія", а занятіе должности волостеля подчиняется, кромѣ земскаго избранія, еще утвержденію губернскаго присутствія...

Засѣданія самой кахановской комиссіи въ составѣ, усиленномъ „мѣстными дѣятелями", открылись только 5 октября 1884 г., черезъ полгода послѣ внесенія въ нее проектовъ „совѣщанія". Либерализмъ чиновниковъ—членовъ комиссіи—успѣлъ къ этому времени сильнѣйшимъ образомъ потускнѣть. Среди приглашенныхъ пятнадцати „мѣстныхъ дѣятелей" (губернаторовъ, предводителей дворянства и земскихъ дѣятелей) оказалась энергичная и дружная группа представителей интересовъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія (А. Д. Пазухинъ, С. С. Бехтѣевъ, кн. А. Д. Оболенскій и др.), подвергшая ожесточенной критикѣ проекты „совѣщанія" и выставившая цѣлый рядъ самыхъ узкихъ сословно-дворянскихъ требованій*). Немногочисленные представители „земской оппозиціи" заняли чисто-оборонительную позицію и отличались необычайной безцвѣтностью, хотя во главѣ ихъ находился такой извѣстный земскій дѣятель, какъ многолѣтній предсѣдатель московской губернской земской управы Д. А. Наумовъ. И надъ либеральными земцами и надъ либеральными бюрократами, входившими въ составъ „совѣщанія", легко одерживали весьма существенныя побѣды выдвинувшіеся впередъ „своекорыстники" изъ дворянской среды, „холодно, разсудительно, расчетливо преслѣдовавшіе свои виды" и ни мало не заботившіеся „ни о другихъ, ни о земствѣ, ни объ отечествѣ" *).

*) Ср. также замѣчанія сенатора Безобразова въ его запискахъ („Былое", 1907, сентябрь).

Уже при обсужденіи вопроса о низшей административной и земской единицѣ, А. Д. Пазухинъ и его единомышленники рѣзко выступили противъ проекта совѣщанія. Они указывали, что „первѣйшія" обязанности участковаго органа должны заключаться не въ исполненіи земскихъ и правительственныхъ распоряженій, а въ „бдительномъ и властномъ" надзорѣ за крестьянскимъ управленіемъ, въ „сильномъ руководствѣ" находящимися теперь въ „ужасномъ положеніи" крестьянскими массами. Только „сильная, единая" и близкая власть" участковаго органа, въ рукахъ котораго должны быть сосредоточены и функціи мирового судьи или, по крайней мѣрѣ, значительныя карательныя полномочія, сумѣетъ водворить порядокъ въ деревнѣ и сдѣлать возможной жизнь въ томъ самомъ уѣздѣ, изъ котораго въ настоящее время „все (т. е. дворяне-землевладѣльцы) бѣгутъ". Разумѣется, должность „участковаго" при этомъ должна стать „прерогативой мѣстнаго дворянства", и для занятія ея необходимо установить цензы сословный и имущественный.

Откровенные представители со-

*) Такъ характеризовалъ А. И. Кошелевъ узко-дворянскую партію, выступившую въ 1883 г. въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи и состоявшую „не изъ старыхъ людей, а скорѣй изъ молодыхъ". Эти „своекорыстники", на его взглядъ, были хуже, чѣмъ даже... „анархисты" („анархическимъ" Кошелевъ называлъ современное революціонно - демократическое движеніе мелкой городской буржуазіи).

словно-крѣпостническихъ интересовъ не могли провести въ кахановской комиссіи всѣхъ своихъ требованій, выставленныхъ по данному вопросу. Но извѣстное вліяніе они оказали. Функціи надзора надъ крестьянскимъ управленіемъ, которыя проектировались совѣщаніемъ, какъ второстепенныя и побочныя для волостелей, были выдвинуты большинствомъ комиссіи на совершенно равное мѣсто съ его обязанностями по общеправительственнымъ и земскимъ дѣламъ. Участокъ новаго органа управленія былъ увеличенъ въ своихъ размѣрахъ, сословная крестьянская волость сохранена. Дворянамъ, которые заняли бы должности „участковыхъ", были бы такимъ образомъ облегчены ихъ труды, такъ какъ вся „черная" работа выпадала бы на долю волостныхъ старшинъ. Былъ введенъ, далѣе, имущественный цензъ для занятія должности „участковаго". Избраніе земскимъ собраніемъ было отвергнуто въ виду новаго характера, приданнаго участковому органу рѣшеніями комиссіи. Связь его съ земствомъ была такимъ образомъ утеряна, и онъ все болѣе и болѣе получалъ обликъ современнаго земскаго начальника.

Дальнѣйшими успѣхами представителей крупнаго дворянскаго землевладѣнія явились рѣшенія большинства комиссіи о замѣщеніи должности предсѣдателя уѣзднаго присутствія— уѣзднымъ предводителемъ дворянства, о передачѣ тѣмъ же предводителямъ предсѣдательствованія въ земскихъ собраніяхъ, о сохраненіи за ними ихъ особыхъ правъ въ дѣлѣ народнаго образованія, о запрещеніи земскимъ собраніямъ назначать суточныя и прогонныя своимъ губернскимъ гласнымъ (гласные изъ крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ въ этихъ мелкихъ суммахъ не нуждались). Менѣе счастливы были А. Д. Пазухинъ и его единомышленники въ своемъ главномъ требованіи „строгаго проведенія сословнаго начала" при организаціи земскаго представительства. Комиссія не согласилась на устройство особаго *избирательнаго съѣзда дворянъ*, и это упорство, повидимому, и было одной изъ главныхъ причинъ ея закрытія въ 1885 году. Правда, она и въ вопросахъ избирательнаго права сдѣлала рядъ уступокъ крупному поземельному дворянству. Она отвергла проектированныя „совѣщаніемъ" пониженіе имущественнаго ценза, установленіе „большей уравнительности" въ распредѣленіи гласныхъ, устраненіе отъ участія въ избирательныхъ съѣздахъ и земскихъ собраніяхъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Особенно яркій колоритъ реакціонному повороту комиссіи былъ приданъ ея рѣшеніемъ о „включеніи въ составъ уѣздныхъ собраній крупныхъ собственниковъ въ качествѣ непремѣнныхъ гласныхъ безъ особаго избранія". Это рѣшеніе мотивировалось „какъ *интересами справедливости* (sic), такъ и желаніемъ придать земской работѣ болѣе спокойный, ровный и чуждый увлеченій характеръ". Всѣ эти уступки не могли, однако, удовлетворить дворянской аристократіи, выдвинувшей въ это время въ лицѣ гр. Д. А. Толстого— вѣрнаго и энергичнаго исполнителя всей своей классовой программы *).

*) Подробн. см. въ первой главѣ („Общая политика правительства"), §§ 3 и 4.

Въ „распоряженіе“ гр. Д. А. Толстого и были переданы, послѣ закрытія кахановской комиссіи, ея труды. Въ его же „распоряженіе“ перешелъ и А. Д. Пазухинъ, лидеръ дворянскихъ „своекорыстниковъ“ въ комиссіи. Въ 1885 г. онъ занялъ должность правителя канцеляріи при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

7.

Изъ всеподданнѣйшаго доклада гр. Д. А. Толстого 1886 г. *) и изъ вышедшей въ томъ же году полемической брошюры его ближайшаго сотрудника, А. Д. Пазухина, ясно видно, насколько необходимымъ и безотлагательнымъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ считалъ радикальнѣйшее реформированіе земства. 8 января 1888 г. имъ былъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ вполнѣ готовый проектъ новаго положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земствахъ. Обширная объяснительная записка, приложенная къ проекту, подробно выясняла мотивы реформаторскаго усердія гр. Д. А. Толстого.

Основной недостатокъ дѣйствующаго земскаго положенія записка видѣла въ томъ, что, благодаря ему, все мѣстное управленіе оказывается какъ бы раздвоеннымъ. Рядомъ со сферой дѣйствія правительственныхъ лицъ и властей существуетъ особый кругъ дѣлъ, въ которомъ всецѣло господствуютъ земскія власти. Граница между той и другой областью рѣзко проведена самимъ закономъ и ревниво охраняется на практикѣ съ обѣихъ сторонъ отъ всякихъ нарушеній. Въ тѣхъ и другихъ властяхъ воспитывается духъ взаимнаго недовѣрія и противодѣйствія. Плодотворная и совмѣстная дѣятельность администраціи и земства—невозможна. Съ первыхъ же лѣтъ введенія земскихъ учрежденій, земство отличается почти повсемѣстно систематической оппозиціей правительству. Почву для такой, какъ бы офиціальной, оппозиціи создаетъ само законодательство, разсматривающее земство и его интересы, какъ нѣчто особое отъ государства и его потребностей, предоставляющее ему самостоятельную, черезъ посредство его выборныхъ исполнительныхъ органовъ, дѣятельность по предметамъ мѣстнаго хозяйства и благоустройства. Такой постановкѣ земскихъ учрежденій, какъ особыхъ органовъ общественнаго самоуправленія, находящихся внѣ нашего государственнаго строя, вполнѣ соотвѣтствуетъ и организація ихъ. Наше государственное устройство признаетъ исключительно сословія исторически-сложившимися и правильно-организованными общественными группами, способными къ выполненію разнообразныхъ государственныхъ обязанностей, въ томъ числѣ и къ содѣйствію правительству въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. А существующій порядокъ избранія земскихъ гласныхъ передаетъ все земское дѣло въ руки безсословной массы плательщиковъ земскихъ налоговъ. Только въ началѣ, при самомъ введеніи земскихъ учрежденій, съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ былъ фактически съѣздомъ уѣздныхъ дворянъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ, за весьма немногими исключеніями, находилась тогда вся личная земель-

*) Министерство внутреннихъ дѣлъ (1802—1902). Историческій очеркъ. СПБ., 1904, стр. 172 и сл.

ная собственность. Но теперь возникъ новый разрядъ землевладѣльцевъ, преимущественно изъ торговаго класса, съ интересами и стремленіями, совершенно противоположными дворянскому землевладѣнію, и съ каждымъ годомъ увеличивается число случаевъ вытѣсненія изъ земства коренного дворянскаго сословія этимъ пришлымъ элементомъ. Такимъ образомъ, все „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ" 1 января 1864 г. оказывается въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ началами государственнаго строя какъ при установленіи имъ предѣловъ власти земства, такъ и при опредѣленіи его организаціи.

Несомнѣнно, въ своемъ полемическомъ задорѣ объяснительная записка гр. Д. А. Толстого чрезвычайно односторонне характеризовала „Положеніе" 1 янв. 1864, совершенно опуская отличавшіе его многочисленные элементы сословно-крѣпостническаго режима и полицейскаго государства. Законодательство являлось здѣсь „козломъ отпущенія" больше за грѣхи самой жизни, чѣмъ за свои собственные. Любопытнѣй всего, что и на гр. Д. А. Толстого жизнь не могла не оказать своего, хотя бы минимальнаго, вліянія. Онъ объявляетъ непримиримую борьбу началамъ „Положенія" 1 янв. 1864 г., стремится „пресѣчь зло въ самомъ корнѣ", „сойти съ усвоеннаго законодательства ложнаго пути". Отъ такого яркаго представителя интересовъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія, какъ гр. Д. А. Толстой, можно было ожидать, что радикальное „исправленіе сдѣланной ошибки" будетъ понято имъ въ смыслѣ полнаго упраздненія мѣстнаго самоуправленія. Однако, оказывается, и гр. Д. А. Толстой умѣетъ цѣнить „энергію, инициативу и нерутинные пріемы" въ дѣятельности земства и „содѣйствіе мѣстныхъ жителей" правительственнымъ органамъ. Онъ „безусловно отвергаетъ возможность упраздненія земскаго представительства". Онъ добивается только уничтоженія обособленности земскихъ учрежденій, введенія ихъ въ общую систему государственнаго управленія, признанія земскаго дѣла дѣломъ государственнымъ. „Государственная теорія" самоуправленія получаетъ при этомъ въ устахъ такого государственнаго дѣятеля, какъ гр. Д. А. Толстой, весьма мало сходства съ тѣмъ, что принято понимать подъ этимъ именемъ въ наукѣ административнаго права: случай, совершенно аналогичный попыткѣ милютинско-валуевской комиссіи обосновать свои проекты „общественной теоріей". По мнѣнію гр. Д. А. Толстого, признаніе земскаго дѣла дѣломъ государственнымъ отнюдь не означаетъ передачи земству всей правительственной власти на мѣстахъ, а наоборотъ, передачу и мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ „въ вѣдѣніе правительства", которое „распоряжается" ими „при содѣйствіи мѣстнаго земскаго представительства". Послѣднее должно явиться безвластнымъ, чисто-совѣщательнымъ органомъ при всемогущей администраціи, или, какъ откровенно выражается записка, *союзникомъ правительства, облегчающимъ достиженіе его предначертаній въ области хозяйственнаго управленія.*

Свою основную „теорію" записка и проектъ гр. Д. А. Толстого проводятъ самымъ послѣдовательнымъ

образомъ, преслѣдуя всѣми своими нормами одну цѣль: *созданіе чисто декоративнаго самоуправленія.* Постановленія земскихъ собраній—всѣ безъ исключеній—входятъ въ силу и подлежатъ исполненію лишь по утвержденіи ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ или губернаторомъ. Сроковъ для утвержденія вовсе не устанавливается. Губернатору предоставляется право иниціативы и право вносить заключенія по всѣмъ земскимъ дѣламъ. При утвержденіи постановленій земскихъ собраній онъ не долженъ ограничиваться разсмотрѣніемъ ихъ съ точки зрѣнія законности, но входить въ обсужденіе существа дѣла и оцѣнивать цѣлесообразность и правильность предположенныхъ мѣръ съ точки зрѣнія какъ государственныхъ, такъ и мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Разногласія между земскими собраніями и губернаторами разрѣшаются окончательно властью министра внутреннихъ дѣлъ. Принципіально желательнымъ является также установленіе предѣльности земскаго обложенія. Въ виду сложности опредѣленія высшихъ нормъ обложенія, приходится признать это однако дѣломъ будущаго. А пока слѣдуетъ установить въ законѣ въ видѣ принципа, что возвышеніе земскихъ сборовъ допустимо лишь путемъ совмѣстныхъ распоряженій мѣстной администраціи и земства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣднее слово должно принадлежать министру внутреннихъ дѣлъ и даже верховной власти *).

Казалось бы, оппозиціонное земство уже обойдено со всѣхъ сторонъ и совершенно подчинено усмотрѣнію мѣстной и центральной административной власти. Но гр. Д. А. Толстой, въ своей борьбѣ съ неумолимой жизнью, не жалѣетъ новой груды нормъ. Выборные исполнительные органы земства упраздняются. Правительство, принимая на себя руководящую роль въ ходѣ земскаго дѣла, не можетъ допустить, чтобы исполнительная часть по земскому хозяйству, иначе говоря, всѣ распорядительныя дѣйствія, оставались въ завѣдываніи учрежденій, подчиненныхъ земскимъ собраніямъ. Какія бы мѣры ни были приняты по отношенію къ выборнымъ земскимъ управамъ, онѣ всегда останутся неправительственными учрежденіями, зависящими отъ воли собраній. Вмѣсто выборныхъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ должны быть поэтому образованы губернскія и уѣздныя присутствія, предсѣдатели и члены которыхъ назначались бы въ порядкѣ,

*) Характерная частность. Къ наиболѣе важнымъ постановленіямъ земскихъ собраній, требующихъ утвержденія министромъ внутреннихъ дѣлъ, проектъ (ст. 131) относитъ опредѣленія о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя. Необходимость такого утвержденія министромъ мотивируется тѣмъ, что земскія учрежденія широко воспользовались предоставленной имъ „свободой дѣйствій" и занялись переложеніемъ натуральныхъ повинностей въ денежныя, „въ явный ущербъ интересамъ, какъ наиболѣе достаточныхъ классовъ, такъ и низшихъ элементовъ населенія". Крупный дворянинъ-землевладѣлецъ сурово упрекаетъ при этомъ земскіе вліятельные элементы за ихъ подчиненіе „либеральнымъ тенденціямъ о необходимости достиженія внѣшней уравнительности..., хотя бы даже, очевидно, разрушительными для плательщиковъ земскихъ налоговъ способами".

аналогичномъ проектированному для земскихъ начальниковъ.

Но и земскимъ собраніямъ долженъ быть также приданъ „государственный" характеръ. Это можетъ быть достигнуто только путемъ строго сословной группировки избирателей. При разрѣшеніи вопроса о распредѣленіи числа представителей въ земствѣ отъ разныхъ сословій, слѣдуетъ руководиться не столько принципомъ *справедливости*, сколько началомъ государственной пользы, иначе говоря, *способности* различныхъ сословій къ участію въ дѣлѣ управленія. Наиболѣе существенныя измѣненія вносятся въ съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, который преобразуется въ *съѣздъ дворянъ уѣзда*. Въ составъ его входятъ, какъ дворяне-помѣщики, такъ и дворяне, владѣюшіе недвижимостью въ городахъ. Арендаторы земель вовсе лишаются избирательныхъ правъ. Для мелкихъ дворянъ-землевладѣльцевъ (какъ и вообще для мелкихъ собственниковъ), избирающихъ уполномоченныхъ, цензъ увеличивается вдвое. Купцы-землевладѣльцы, „представители капитала, стремящіеся эксплуатировать землевладѣльческія сословія въ интересахъ своихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій", исключаются изъ съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ и входятъ въ составъ съѣзда лицъ городскихъ состояній. Точно также крестьяне-частные землевладѣльцы голосуютъ исключительно въ крестьянской куріи. Купцы 1 и 2 гильдій, не обладающіе имущественнымъ цензомъ, лишаются избирательныхъ правъ. Ограничиваются права юридическихъ лицъ. Устраняется цензъ торгово-промышленной буржуазіи по оборотамъ ея предпріятій и оставляется только цензъ по суммѣ капитала. Для духовенства вовсе не оказывается мѣста при рѣзко сословной группировкѣ, и оно „освобождается" отъ участія въ выборахъ. „Довѣріе" оказывается лишь епархіальному начальству, которое можетъ назначать своихъ особыхъ представителей въ уѣздныя и губернскія собранія. При распредѣленіи гласныхъ, дворянство ставится въ особо привилегированныя условія: одинъ гласный отъ дворянской куріи приходится на 20 земельныхъ цензовъ (прежде 30), отъ городской—на 30 зем. ценз., отъ крестьянской—на 4.000 душъ наличнаго нас. (прежде 3.000). Въ большинствѣ уѣздовъ, а именно въ тѣхъ, гдѣ пространство дворянской земли превышаетъ общее количество земли, принадлежащей другимъ сословіямъ на правахъ частной собственности (большая часть крестьянской земли сюда т. о. не входитъ), дворянской куріи обезпечивается половина общаго числа гласныхъ, какъ минимумъ. Число гласныхъ отъ съѣзда дворянъ можетъ быть увеличено до $^1/_4$ и даже до $^1/_3$ полноправныхъ избирателей этой куріи. Для крупныхъ землевладѣльцевъ вводится еще важнѣйшая льгота, которая ранѣе была принята и кахановской комиссіей. Лица, владѣющія не менѣе 10 лѣтъ (ограниченіе, направленное противъ „пришлыхъ" буржуа-землевладѣльцевъ) земельной собственностью свыше опредѣленныхъ въ законѣ размѣровъ, допускаются къ личному участію, безъ выборовъ, въ уѣздныхъ и губернскихъ собраніяхъ. Такихъ крупныхъ собственниковъ насчитывалось въ 34

губ.—1.126; изъ нихъ было 871 дворянъ и 21 крест. Въ нѣкоторыя уѣздныя собранія, выборный составъ которыхъ вообще предполагалось сократить по сравненію съ „Положеніемъ“ 1 янв. 1864 г., эти крупные собственники должны были войти болѣе, чѣмъ въ числѣ 20. Кромѣ нихъ, въ составъ уѣздныхъ земскихъ собраній включались ex officio уѣздные предводители дворянства.

На этомъ кончалось творчество гр. Д. А. Толстого, всецѣло проникнутое стремленіемъ обезпечить господство въ земствѣ правившей государствомъ дворянской аристократіи *). Дальше итти ужъ некуда было. И какъ бы заключительнымъ торжествующимъ аккордомъ звучатъ послѣднія строки общей части записки: при проектируемой системѣ нормъ *не можетъ быть болѣе мѣста спорамъ и пререканіямъ, столь частымъ теперь во взаимныхъ отношеніяхъ земства и администраціи*: всѣ распоряженія по дѣламъ мѣстнаго благоустройства должны исходить отъ правительства совокупно съ *благонамѣренными* земскими элементами и могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ ихъ общей работы; посреднику или судьѣ, хотя бы облеченному высокими полномочіями правительствующаго сената, *нѣтъ мѣста* во время внутренняго хода этой работы; вмѣшательство его возможно и законно лишь тогда, когда эта работа закончена и выразилась въ нарушеніи частныхъ правъ и интересовъ, если при этомъ потерпѣвшія лица предварительно не нашли себѣ защиты... въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Проектъ гр. Д. А. Толстого не могъ, конечно, остаться тайной для вліятельныхъ земскихъ элементовъ. Для противодѣйствія ему, они однако не нашли ничего другого, кромѣ добровольнаго предложенія уступить старому врагу цѣлый рядъ своихъ важнѣйшихъ позицій. „Одинъ изъ самыхъ опытныхъ земскихъ дѣятелей“, бар. П. Л. Корфъ, выпустившій въ 1888 г. брошюру подъ девизомъ: „не ломить, а улучшать“, предлагалъ ввести въ „Положеніе“ 1 янв. 1864 г. слѣдующаго рода „улучшенія“: включеніе въ составъ земскихъ собраній уѣздныхъ предводителей дворянства, *кандидатовъ ихъ, депутатовъ дворянства* и *потомственныхъ дворянъ — крупныхъ землевладѣльцевъ*, установленіе фиксаціи земскаго обложенія, соединеніе должности вице-губернатора (назначаемаго правительствомъ изъ числа земскихъ гласныхъ или предводителей дворянства) съ должностью предсѣдателя губернской земской управы и должности исправника съ должностью члена уѣздной земской управы. Эти предложенія, исходившія изъ противнаго лагеря, доставили, вѣроятно, большое удовлетвореніе гр. Д. А. Толстому. Нѣсколько менѣе уступчивымъ оказался одинъ изъ вліятельнѣйшихъ земскихъ публицистовъ (К. К. Арсеньевъ), который въ спеціальной статьѣ, посвященной критикѣ министерскаго

---

*) Чтобы сломить абсентеизмъ крупнаго поземельнаго дворянства и предупредить возможное безучастіе остальныхъ слоевъ населенія къ декоративному самоуправленію, гр. Д. А. Толстой предлагаетъ признать участіе въ земской работѣ обязательной повинностью и устанавливаетъ строгія кары за непосѣщеніе гласными земскихъ собраній.

проекта, признавалъ все-таки, что „максимумъ обложенія для земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ... *нужно* опредѣлить, какъ онъ опредѣлилъ уже для торговыхъ документовъ; *нужно* установить особыя нормы для оцѣнки; и то и другое *вполнѣ осуществимо, осуществимо именно въ настоящую минуту*..., также возможна регламентація натуральныхъ повинностей..; извѣстной нормировкѣ... *могутъ и должны* подлежать и земскіе расходы". Словомъ, проекту гр. Д. А. Толстого земскій публицистъ противопоставлялъ свой проектъ „законодательной регламентаціи задачъ и обязанностей земства". Далѣе онъ же проектировалъ признать для земства обязательнымъ разсмотрѣніе предложеній губернатора, допустить участіе послѣдняго съ совѣщательнымъ голосомъ въ земскихъ собраніяхъ, организовать особый дисциплинарный судъ для земскихъ должностей (нѣчто вродѣ позднѣйшихъ губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій), упростить способы возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ нихъ и предоставить иниціативу этого преслѣдованія, наряду съ земскими собраніями, также губернаторамъ.

Со стороны земства гр. Д. А. Толстой могъ такимъ образомъ не опасаться встрѣтить въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ сколько-нибудь достойное сопротивленіе своему проекту.

8.

Одновременно съ представленіемъ въ государст. совѣтъ, гр. Д. А. Толстой разослалъ свой проектъ министрамъ и главноуправляющимъ, отзывы которыхъ получились въ теченіе 1888 г. (съ 4 іюля по 31 декабря). Нѣкоторыя замѣчанія министровъ мало отличались отъ основныхъ началъ проекта, а иногда шли даже дальше ихъ. Такъ, оберъ-прокуроръ синода (Побѣдоносцевъ) предлагалъ еще болѣе повысить имущественный цензъ для всѣхъ избирателей и ограничить число выборщиковъ отъ мѣщанъ и мелкихъ торговцевъ. Онъ же полагалъ необходимымъ исключить евреевъ отъ участія въ выборахъ и собраніяхъ. Всего практичнѣй также было бы, по его мнѣнію, постановить объ избраніи съѣздами не прямо гласныхъ, а *только кандидатовъ, изъ которыхъ гласные назначались бы по жребію съ утвержденія губернатора*. Кромѣ того, во избѣжаніе излишнихъ и безсодержательныхъ преній на собраніяхъ, желательно было бы ограничить, хотя бы на первые годы, публичность засѣданій земскихъ учрежденій. Если, далѣе, оберъ-прокуроръ синода возражалъ противъ допущенія „безъ выборовъ" въ земскія собранія крупныхъ собственниковъ, то только потому, что оно, во-первыхъ, поведетъ за собой чрезмѣрное увеличеніе общаго числа гласныхъ (зло, по мнѣнію Побѣдоносцева, весьма большой руки), а во-вторыхъ, и на „благонадежность" допущенныхъ элементовъ „нельзя заранѣе положиться". Болѣе удобнымъ было бы, для достиженія имѣвшейся въ виду цѣли, предоставить правительству *назначеніе отъ себя* извѣстнаго числа земскихъ гласныхъ. Министръ путей сообщенія (г.-ад. Посьетъ) предлагалъ включить въ составъ уѣздныхъ собраній также *депутатовъ дворянства* и установить избраніе предсѣдателя губернскаго земскаго при-

сутствія *дворянским собраніемъ* и утвержденіе его верховной властью. Министръ народнаго просвѣщенія (Деляновъ) былъ все еще недоволенъ недостаточно „точнымъ“ опредѣленіемъ роли земства въ дѣлѣ народнаго образованія и проектировалъ еще болѣе ограничительную редакцію соотвѣтствующихъ статей проекта. Министръ финансовъ (Вышнеградскій) протестовалъ противъ откладыванія фиксаціи земскаго обложенія „на будущее“ и проектировалъ немедленное установленіе высшихъ нормъ.

Но нѣкоторые изъ многочисленныхъ и обширныхъ отзывовъ министровъ и главноуправляющихъ пытались ввести въ проектъ цѣлый рядъ частичныхъ поправокъ, не совсѣмъ гармонировавшихъ съ его основнымъ характеромъ. Суровая послѣдовательность гр. Д. А. Толстого пугала извѣстную часть высшаго чиновничества, и она старалась смягчить ее, сгладивъ острые углы. Наиболѣе „радикальнымъ“ въ этомъ смыслѣ былъ отзывъ министра юстиціи (сенатора Манассеина). Онъ не соглашался съ предоставленіемъ административной власти права утверждать всѣ постановленія земскихъ собраній. Онъ находилъ, что такое умаленіе полномочій земскихъ собраній, какъ и назначеніе правительствомъ личнаго состава земскихъ управъ (присутствій), отнюдь не является необходимыми для того, чтобы придать земскимъ учрежденіямъ характеръ правительственныхъ установленій. Эти мѣры приведутъ только къ замедленію въ разрѣшеніи дѣлъ, къ разрѣшенію ихъ чисто бумажнымъ путемъ, министерскими и губернаторскими канцеляріями, къ уходу изъ земской работы лучшихъ мѣстныхъ дѣятелей. Угрозы наказаніемъ здѣсь не помогутъ, такъ какъ ими можно добиться лишь простой исполнительности въ видѣ аккуратнаго посѣщенія засѣданій, но не энергичнаго и живого дѣла. Министръ юстиціи сравниваетъ при этомъ земство съ полиціей и крестьянскими „учрежденіями, *которыя также пользуются извѣстной самостоятельностью при исполненіи своихъ обязанностей*—сравненіе, несомнѣнно, весьма характерное для всего отзыва сенатора Манассеина.

Борьбу „съ вредными вліяніями неблагонадежныхъ лицъ“, встрѣчающихся иногда на выборной земской службѣ, министръ юстиціи считаетъ, конечно, также необходимой. Но для успѣшности такой борьбы достаточно „усовершенствовать“ порядокъ возбужденія уголовной отвѣтственности земскихъ дѣятелей по преступленіямъ должности, предоставить губернатору право ревизіи, обязать его, при разсмотрѣніи смѣтъ, входить въ обсужденіе самыхъ основаній ихъ, и наконецъ увеличить списокъ постановленій земскихъ собраній, нынѣ утверждаемыхъ административной властью. Безусловно полезна, по мнѣнію сенатора Манассеина, строго сословная организація земскаго представительства, если факты дѣйствительно говорятъ о продолжающемся сокращеніи дворянскаго землевладѣнія. Цѣлесообразно и допущеніе крупныхъ собственниковъ къ личному участію, безъ выборовъ, въ земскихъ собраніяхъ, съ установленіемъ однако для нихъ дворянско - образовательнаго ценза (для потомственныхъ дворянъ—

право принимать участіе въ дворянскомъ собраніи, для лицъ прочихъ сословій — полученіе ими высшаго образованія).

Аналогичными по своему характеру являются критическія замѣчанія другихъ министровъ. Министръ финансовъ предлагаетъ, во избѣжаніе „усмотрѣнія начальника губерніи" въ дѣлѣ земскаго обложенія и хозяйства, образовать въ губерніи коллегіальное учрежденіе, съ обязательнымъ участіемъ въ немъ управляющаго казенной палатой, для разсмотрѣнія всѣхъ земскихъ хозяйственныхъ вопросовъ. Министръ императорскаго двора и удѣловъ (гр. Воронцовъ-Дашковъ) проектируетъ новый пересмотръ земскими собраніями ихъ постановленій въ случаѣ неутвержденія губернаторомъ. Если снова возникнутъ разногласія, они должны разрѣшаться министромъ внутреннихъ дѣлъ, а разногласія по земскимъ ходатайствамъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ должны восходить на разрѣшеніе верховной власти. Государственный контролеръ (Сольскій), министръ государственныхъ имуществъ (Островскій) и даже оберъ-прокуроръ синода высказываются, подобно министру юстиціи, противъ назначенія отъ правительства земскихъ исполнительныхъ органовъ, опасаясь вызвать т. о. „сильное охлажденіе мѣстнаго населенія и избираемыхъ гласныхъ къ земской жизни и земскимъ интересамъ". Министръ финансовъ высказывается противъ повышенія имущественнаго ценза для мелкихъ собственниковъ и предлагаетъ установить новые цензовые признаки (напр., размѣръ платимыхъ въ земскую кассу налоговъ) для болѣе широкаго опредѣленія избирательныхъ правъ торговцевъ и промышленниковъ, „несомнѣнно имѣющихъ *неотъемлемое право* на участіе въ земскомъ представительствѣ".

Едва ли всѣ эти критическія замѣчанія, въ концѣ концовъ въ высокой степени слабыя по своей разрозненности и противорѣчивости, могли бы оказать хотя бы слабое вліяніе на гр. Д. А. Толстого, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ при дворѣ и среди дворянской аристократіи. Но гр. Д. А. Толстой внезапно умеръ 25 апрѣля 1889 г. Обсужденіе проекта новаго „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ" замедлилось. Преемникъ гр. Д. А. Толстого, бывшій ближайшій помощникъ его, И. Н. Дурново рѣшилъ „подвергнуть проектъ пересмотру въ ввѣренномъ ему министерствѣ", въ виду „разнообразныхъ замѣчаній", сдѣланныхъ представителями высшаго чиновничества. Въ извѣстной степени переработанный подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ замѣчаній, проектъ „Положенія объ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденіяхъ" былъ вторично внесенъ въ государственный совѣтъ 4 февраля 1890 г.

Важнѣйшія основныя положенія записки гр. Д. А. Толстого поддерживаются въ полной силѣ и новымъ проектомъ И. Н. Дурново, который вноситъ въ соотвѣтствующія части не особенно значительныя измѣненія. Предоставленіе губернаторамъ права входить „въ разсмотрѣніе *всѣхъ* постановленій земскихъ собраній *по существу*" является попрежнему „естественнымъ выраженіемъ" мысли объ установленіи правительственнаго надзора за дѣйствіями земскихъ

учрежденій. Но И. Н. Дурново соглашается съ министромъ финансовъ, что сосредоточеніе всѣхъ полномочій этого надзора въ лицѣ губернатора — неудобно, и онъ организуетъ въ помощь ему особую коллегію (губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе). Во главѣ ея ставится губернаторъ, какъ предсѣдатель ея, съ правомъ пріостанавливать рѣшенія коллегіи, съ которыми онъ не согласенъ. Членами присутствія являются вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, управляющій казенной палатой, прокуроръ окружнаго суда, и на всѣ эти неземскіе элементы приходится только одинъ предсѣдатель губернской земской управы. Вновь учрежденная коллегія призывается не только къ охраненію законнаго порядка въ земскихъ дѣлахъ, но и къ разсмотрѣнію вообще всѣхъ вопросовъ мѣстнаго хозяйства. Ей или министру внутреннихъ дѣлъ (ст. 71—72 проекта) принадлежитъ разрѣшеніе всѣхъ разногласій губернатора и земства. Разногласія же самой коллегіи съ губернаторомъ представляются министру внутреннихъ дѣлъ, который возбуждаетъ вопросъ объ отмѣнѣ рѣшеній губернскаго присутствія передъ правительств. сенатомъ. Само собой разумѣется, что такія разногласія, при проектированномъ составѣ губернскаго присутствія, могли бы встрѣчаться только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и гордыя слова гр. Д. А. Толстого, что для сената не остается мѣста въ отношеніяхъ земства и администраціи, оказываются вѣрными по отношенію къ проекту И. Н. Дурново.

Относительно земскихъ исполнительныхъ органовъ И. Н. Дурново проектируетъ не полное, но частичное упраздненіе выборнаго начала „для устраненія возможныхъ на практикѣ и неудобныхъ для государственныхъ интересовъ проявленій" этого начала. Предсѣдатели и члены земскихъ управъ (старое названіе сохраняется) избираются земствомъ, но утверждаются административной властью, которая, въ случаѣ неутвержденія (или вслѣдствіе выбытія выборныхъ лицъ въ послѣдній годъ ихъ службы), *получаетъ право назначать* на эти должности другихъ лицъ изъ числа имѣющихъ право голоса на избирательныхъ земскихъ собраніяхъ. Наложеніе на земскіе исполнительные органы опредѣленныхъ дисциплинарныхъ взысканій и преданіе ихъ уголовному суду, съ устраненіемъ отъ должности, передается министру внутреннихъ дѣлъ или губернскимъ присутствіямъ. Возбужденіе дѣлъ объ уголовной отвѣтственности ихъ относится также къ вѣдѣнію губернскаго присутствія, которое разсматриваетъ ихъ по предложеніямъ губернатора.

Въ вопросѣ о строго сословной организаціи избирательныхъ земскихъ собраній проектъ И. Н. Дурново всецѣло примыкаетъ къ первоначальному. Только крестьяне — частные землевладѣльцы причисляются къ городской буржуазіи, съ которой они совмѣстно и голосуютъ. Эта перемѣна становится необходимой вслѣдствіе того, что въ крестьянской куріи вводится *назначеніе гласныхъ губернаторомъ* изъ числа кандидатовъ, избираемыхъ волостными сходами. Фактическое вліяніе на крестьянскіе выборы, которымъ пользовалась ад-

министрація при дѣйствіи „Положенія“ 1 янв. 1864 г., превращается теперь въ *правовое.* А для болѣе широкаго отбора губернатору предоставляется предписывать волостнымъ сходамъ избирать бо́льшее число кандидатовъ, до трехъ на каждую волость.

Далѣе, согласно мнѣнію оберъ-прокурора синода, евреи лишаются избирательныхъ правъ.

Личное участіе, безъ выборовъ, въ земскихъ собраніяхъ крупныхъ собственниковъ устраняется, и вмѣсто него, подъ вліяніемъ замѣчаній того же оберъ-прокурора синода, вводится *назначеніе* министромъ внутреннихъ дѣлъ въ составъ земскихъ собраній лицъ, „пользующихся особымъ довѣріемъ въ своей мѣстности“, въ числѣ не болѣе $^1/_5$ общаго количества гласныхъ. *Назначеніе* земскихъ гласныхъ (въ полномъ составѣ или частичное) правительствомъ допускается также въ случаѣ отмѣны губернскимъ присутствіемъ выборовъ, вслѣдствіе ихъ неправильности или въ случаяхъ недоизбранія законнаго числа гласныхъ избирательными собраніями, выбытія или устраненія избранныхъ гласныхъ. Устраненіе—въ очень значительной степени—выборнаго начала проектируется такимъ образомъ И. Н. Дурново также относительно членовъ земскихъ собраній, а не только по отношенію къ земскимъ исполнительнымъ органамъ, какъ мы это видѣли въ первоначальномъ проектѣ.

Принципъ обязательной дѣятельности земскихъ гласныхъ, принятый проектомъ гр. Д. А. Толстого, сохраняется. Нѣсколько смягчаются только наказанія за непосѣщеніе собраній. Составъ земскихъ собраній сокращается по сравненію съ „Положеніемъ“ 1 янв. 1864 г., хотя и авторы этого положенія, какъ извѣстно, были глубоко проникнуты мыслью о вредѣ многолюдныхъ собраній *). Наконецъ, права предсѣдателей собраній проектируется еще расширить, такъ какъ реакціонный законъ 1867 г. уже не удовлетворяетъ И. Н. Дурново: предсѣдателямъ должно быть предоставлено не только право лишать гласныхъ слова, но и удалять ихъ изъ залы засѣданій и т. д.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, вдохновляемый все тѣмъ же правителемъ канцеляріи А. Д. Пазухинымъ, проявилъ, какъ мы видимъ, весьма мало законодательнаго творчества въ своемъ переработанномъ проектѣ, который въ концѣ концовъ не особенно многимъ отличался отъ проекта гр. Д. А. Толстого. Гораздо болѣе существенныя измѣненія внесъ государственный совѣтъ, обсуждавшій проектъ И. Н. Дурново въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственныхъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи въ теченіе цѣлаго ряда засѣданій (мартъ, апрѣль и май 1890 г.). Крупное земельное дворянство было въ извѣстной степени насыщено только что состоявшимся введеніемъ института земскихъ начальниковъ, и высшее чиновниче-

*) Въ 34 губ. число гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ равнялось по дѣйствовавшему „Положенію“ 1864 г. 13.418, по проекту И. Н. Дурново—8.905 (сокращеніе болѣе, чѣмъ на треть); въ губернскихъ собраніяхъ по дѣйств. „Положенію“ 1864 г.—2.290, по проекту Дурново—1.103 (сокращеніе болѣе, чѣмъ на половину).

ство, бывшее въ самой интимной связи съ дворянской аристократіей, ввело въ послѣдній моментъ въ проектъ И. Н. Дурново цѣлый рядъ важнѣйшихъ нормъ, приблизившихъ его въ нѣкоторой степени къ „Положенію“ 1 янв. 1864 г. Было устранено утвержденіе *всѣхъ* постановленій земскихъ собраній административной властью. Губернаторъ получилъ право пріостанавливать исполненіе постановленій собраній только въ тѣхъ случаяхъ, если они не соотвѣтствуютъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ *или явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія* (послѣдняго не было въ ст. 9. „Положенія“ 1 янв. 1864 г.). Для губернаторскихъ протестовъ былъ установленъ двухнедѣльный срокъ (вмѣсто недѣльнаго по „Положенію“ 1864 г.). Составъ губернскихъ присутствій былъ усиленъ включеніемъ еще одного выборнаго члена отъ земства. Разногласія между губернаторомъ и земствомъ должны были разрѣшаться или губернскими присутствіями, (а не сенатомъ, какъ установлено было „Положеніемъ“ 1864 г.), или комитетомъ министровъ, если рѣчь шла о нарушеніи общегосударственныхъ нуждъ, или о явномъ вредѣ для интересовъ мѣстности. Рѣшенія присутствій подлежали исполненію. Но право обжалованія ихъ было предоставлено не только губернатору, какъ въ проектѣ И. Н. Дурново, но и земству, подававшему свои жалобы черезъ губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, который и представлялъ ихъ, съ своимъ заключеніемъ, въ трехмѣсячный срокъ въ сенатъ. Сенатъ такимъ образомъ оказывался въ концѣ концовъ судьей не только во взаимныхъ отношеніяхъ губернаторовъ и губернскихъ присутствій, но и въ разногласіяхъ между земствомъ и администраціей, правда, только по вопросамъ, касавшимся законности постановленій земскихъ собраній. Это — несомнѣнное приближеніе къ нормамъ „Положенія“ 1 янв. 1864 г., но и столь же несомнѣнное ухудшеніе ихъ, хотя, казалось бы, сенатъ являлся въ предшествовавшую эпоху вполнѣ надежнымъ органомъ административной централизаціи.

Далѣе, государственный совѣтъ внесъ существенныя измѣненія въ проектированное И. Н. Дурново назначеніе правительствомъ земскихъ гласныхъ и исполнительныхъ органовъ. Устранено было право министра назначать сверхкомплектныхъ гласныхъ. Въ случаяхъ отмѣны произведенныхъ выборовъ, недоизбранія законнаго числа гласныхъ или выбытія и устраненія ихъ изъ состава собраній должны быть организованы новые выборы. Если и вторичные выборы не дали болѣе успѣшныхъ результатовъ, полномочія старыхъ гласныхъ должны были быть продолжены на новое трехлѣтіе, или же правительствомъ назначались предсѣдатель и члены уѣздной управы, которые, въ необходимыхъ случаяхъ, замѣняли земское собраніе. Точно такъ же въ случаѣ неутвержденія избранныхъ земствомъ исполнительныхъ органовъ назначались новые выборы, причемъ лица, уже неутвержденныя, не должны были вновь подвергаться баллотировкѣ. Только въ случаѣ неуспѣшности вторичныхъ выборовъ или новаго неутвержденія выбранныхъ лицъ, разрѣшалось временное замѣщеніе вакантныхъ долж-

ностей по опредѣленію правительства. Это важное полномочіе администраціи, хотя и сильно ослабленное по сравненію съ предположеніями гр. Д. А. Толстого и даже И. Н. Дурново, такъ и вошло въ новое „Положеніе“, какъ грозное „memento mori“ для земскихъ дѣятелей. На практикѣ администрація, какъ извѣстно, неоднократно пользовалась ими въ позднѣйшую эпоху въ своей борьбѣ съ руководящими земскими элементами.

Строго сословная группировка земскихъ избирателей, назначеніе крестьянскихъ гласныхъ губернаторомъ, распредѣленіе общаго количества гласныхъ между сословіями съ усиленными привилегіями для дворянства *), сокращеніе состава земскихъ собраній—все это было всецѣло удержано государственнымъ совѣтомъ. Въ эти нормы были внесены самыя ничтожныя измѣненія (напр., общее число гласныхъ уѣздныхъ собраній по 34 губ. было увеличено съ 8.905 до 9.374, губернскихъ гласныхъ съ 1.103 до 1.222 и т. д.). Отвергнутъ былъ проектъ новыхъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ собраніяхъ: предсѣдательская власть была признана достаточно обезпеченной реакціоннымъ закономъ 1867 г.

12 іюня 1890 г. новое „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“ было утверждено верховной властью. Въ высоч. указѣ сенату, сопровождавшемъ новое „Положеніе“, недовольство старымъ земствомъ было выражено въ довольно мягкихъ выраженіяхъ: „Дѣятельность земскихъ учрежденій во многомъ принесла пользу населенію, *но не во всемъ успѣхъ былъ одинаковъ;...* посему мы повелѣли *ввести необходимыя улучшенія,* дабы эти учрежденія въ предоставленномъ имъ кругѣ дѣятельности, *въ должномъ единеніи съ другими правительственными установленіями, съ вящщимъ* успѣхомъ исполняли *порученное имъ* важное государственное дѣло, согласно видамъ и намѣреніямъ ихъ основателя и нашимъ“.

Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, въ результатѣ долголѣтнихъ исканій и трудовъ высшаго чиновничества, явилось въ концѣ концовъ ничѣмъ инымъ, какъ вторымъ, сильно ухудшеннымъ изданіемъ „Положенія“ 1 янв. 1864 г. Реакціонныя законодательныя новеллы, циркуляры и разъясненія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ были внесены въ самый текстъ новаго положенія. Сословно-крѣпостническіе и полицейскіе элементы въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи были еще болѣе усилены, буржуазно-правовыя начала были имъ еще сильнѣй подчинены. О равновѣсіи земства и мѣстной общеправительственной администраціи ужъ не могло быть и рѣчи. „Единеніе“ понималось самымъ откровеннымъ образомъ въ смыслѣ полнаго подчиненія, чуть ли не полной потери всякой самостоятельности. Наконецъ, въ законѣ были, казалось, предусмотрѣны самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы обезпечить господство въ земствѣ той же соціальной группѣ, которая руководила и высшей правительственной администраціей. А однородность классоваго со-

*) По новому „Положенію“ въ 30 губерніяхъ гласные отъ I избирательнаго собранія (дворянскаго) составляли *57,1%*, отъ II избир. собр. (городская и сельская буржуазія)—*13,3%*, отъ крестьянъ—всего *29,6%* общаго числа уѣздныхъ гласныхъ.

става элементовъ, правившихъ въ центрѣ и на мѣстахъ, влекла за собой, по мысли законодателей, съ необходимостью полную однородность, рѣзкую опредѣленность и необычайную силу всей внутренней политики самодержавно-полицейскаго государства...

ГЛАВА III.

Крестьянское общественное управленіе.

(С. М. Блеклова).

Редакціонныя комиссіи при главномъ комитетѣ по устройству крестьянскаго дѣла, обсуждая основы административнаго устройства освобождаемыхъ крестьянъ, поставили себѣ весьма почтенную задачу—бороться съ крѣпостническими вожделѣніями, столь недвусмысленно проявившими себя въ мнѣніяхъ губернскихъ комитетовъ. Намѣчая самое устройство крестьянъ въ самыхъ общихъ чертахъ, большинство комитетовъ требовало въ то же время назначенія помѣщиковъ „начальниками сельскихъ обществъ" съ предоставленіемъ имъ, по этому званію, весьма обширныхъ полномочій, ограничивавшихъ, какъ личную свободу крестьянъ, такъ и самостоятельность ихъ въ завѣдываніи своими общественными дѣлами. Редакціонныя комиссіи рѣшительно воспротивились этому. Но отъ этого самое устройство крестьянъ весьма мало выиграло. Комиссіи работали внѣ живого общенія съ независимыми общественными силами; въ періодической печати предположенія комиссій по данному вопросу не могли своевременно встрѣтить свободную и обстоятельную критику, ибо, по цензурнымъ препятствіямъ, печать большею частью могла высказываться слишкомъ поздно — когда дѣло уже было рѣшено. Главными дѣятелями комиссій были люди, прошедшіе болѣе или менѣе долговременную школу бюрократической службы, воспитавшую въ нихъ воззрѣнія и навыки, при которыхъ идеи демократическаго характера не могли найти себѣ никакой почвы. Наконецъ, серьезнѣйшую заботу дѣятелей крестьянской реформы составляло обезпеченіе исправнаго отбыванія крестьянами возложенныхъ на нихъ повинностей. Для этого признавалась безусловная необходимость крѣпкой власти надъ личностью крестьянина. Если, по условіямъ момента, считалось неудобнымъ для центральнаго правительства отдать эту власть въ руки помѣщиковъ, то самая идея крѣпкой власти оставалась непоколебленной и требовала своего осуществленія. „Власть надъ личностью крестьянина, относительно обязанностей его, какъ члена сельскаго общества", и была сосредоточена „въ мірѣ и въ его избранныхъ". Тѣмъ не менѣе „міръ", хотя и обязанный круговой порукой

за каждаго изъ своихъ членовъ, по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ, не гарантировалъ еще достиженія поставленной цѣли. Необходима была власть и надъ „міромъ“. Она и была создана въ видѣ весьма широкихъ полномочій, предоставленныхъ представителямъ администраціи относительно крестьянскаго общественнаго управленія. Отклонивъ помѣщичьи вожделѣнія, редакціонныя комиссіи, въ своихъ заботахъ о насажденіи крѣпкой власти, вполнѣ послѣдовательно наложили на крестьянскій „міръ“ бюрократическое иго. „Дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту“,—такъ была формулирована задача редакціонныхъ комиссій, когда онѣ приступали къ работѣ по данному вопросу. Это было не болѣе, какъ пышная фраза. Основы административнаго устройства крестьянъ, принятыя редакціонными комиссіями, были таковы, что и въ самомъ началѣ своего свободнаго существованія, крестьяне были крайне стѣснены въ завѣдываніи своими общественными дѣлами, въ дальнѣйшемъ же въ сельскомъ быту сохранились лишь нѣкоторыя внѣшнія формы самоуправленія безъ малѣйшаго слѣда соотвѣтствующаго внутренняго содержанія.

Сельское общество на первыхъ порахъ было задумано въ видѣ поземельной общины (такое названіе и предполагалось ей дать), которой надлежало вѣдать „всѣ отношенія сельскаго быта, находящіяся въ связи съ общиннымъ пользованіемъ земель и угодій, предоставленныхъ въ надѣлъ крестьянамъ *)“. Волость же предполагалось ввести, какъ учрежденіе полицейско-административное. Волости подлежали „всѣ отношенія крестьянъ къ правительству“ *). Волость должна была взять на себя ту посредническую роль между крестьянами и правительствомъ, которую домогались сохранить за собой помѣщики. Въ дальнѣйшей работѣ редакціонныхъ комиссій послѣдовало однако отступленіе отъ столь опредѣленно выраженнаго проекта двухъ учрежденій, параллельныхъ и не подчиненныхъ другъ другу. Въ цѣляхъ обезпеченія фискальныхъ интересовъ признано было необходимымъ возложить различныя административно-полицейскія функціи и на сельское общество. Сельское общество потеряло такимъ образомъ значеніе земельно-хозяйственнаго союза и превратилось въ низшій административно-хозяйственный органъ крестьянскаго управленія. Измѣнившійся характеръ его повлекъ за собой то, что данная организація, ранѣе проектированная лишь для общиннаго владѣнія землей, была распространена и на земли подворнаго владѣнія, тѣмъ болѣе, что и къ послѣднимъ было примѣнено то же начало общей отвѣтственности въ платежахъ — круговая порука. Сельское общество при этомъ составлялось изъ крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ каждаго отдѣльнаго помѣщика, а изъ извѣстнаго числа сельскихъ обществъ образовывалась волость. На фундаментѣ помѣстнаго начала возведено было такимъ образомъ зданіе, предназна-

*) Скребицкій. — Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II Изд. 1862 г., т. I, 625.

*) Ib., 340.

ченное служить задачамъ общаго управленія. Нѣкоторая самостоятельность была предоставлена сельскимъ обществамъ лишь по земельно-хозяйственнымъ дѣламъ.

Вводя сельское общество и волость, какъ учрежденія, имѣющія извѣстное спеціальное назначеніе и въ силу этого носящія временный характеръ, редакціонныя комиссіи предоставляли ближайшему будущему выработать стройную систему постоянныхъ учрежденій сельскаго общественнаго управленія. Это будущее оказалось однако неблагопріятнымъ для достиженія данной цѣли. Реформаторскія стремленія въ высшихъ сферахъ, и безъ того далеко не сильныя, весьма скоро ослабѣли и обратныя теченія получили преобладающую силу. Учрежденному 14 іюня 1861 г. главному комитету по устройству сельскаго состоянія предстояло выработать общія основанія устройства какъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ и крестьянъ, состоявшихъ и ранѣе свободными. Изъ послѣднихъ у государственныхъ крестьянъ уже существовали сельскія общества и волости, подчиненныя блюстительной власти администраціи. „Это управленіе,—по характеристикѣ г. Страховскаго *),—не было самоуправленіемъ, а приказнымъ канцелярскимъ управленіемъ этими крестьянами, при небольшомъ участіи въ этомъ управленіи выборныхъ общественныхъ элементовъ". Тѣмъ не менѣе были въ этомъ управленіи и нѣкоторыя цѣнныя стороны—отдѣльныя селенія были юридически самостоятельны; дисциплинарной власти по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ не было присвоено ни окружнымъ начальникамъ, ни сельскимъ должностнымъ лицамъ. Задача выработки общихъ основаній устройства сельскаго населенія была разрѣшена главнымъ комитетомъ чрезвычайно просто: на крестьянъ прочихъ разрядовъ было распространено общее положеніе 19 февраля. Государственные крестьяне получили одинаковое съ б. помѣщичьими административное устройство по указу 18 января 1866 г. При этомъ приведеніи къ одному знаменателю государственные крестьяне утратили указанныя преимущества и гарантіи. Съ другой стороны, навыки „приказнаго канцелярскаго управленія", сложившіяся въ учрежденіяхъ государственныхъ крестьянъ еще въ дореформенную эпоху, не могли не оказать своего вліянія на новыя волостныя учрежденія, въ которыхъ они встрѣтили весьма благопріятную почву для своего развитія.

Ранѣе крестьяне разныхъ наименованій состояли за разными вѣдомствами. Съ приведеніемъ ихъ къ одному знаменателю въ смыслѣ административнаго устройства, и учрежденія по завѣдыванію крестьянскими дѣлами, созданныя первоначально для бывшихъ крѣпостныхъ, стали общими; при этомъ объединеніи всѣ разряды крестьянъ были одинаково подчинены административнымъ и полицейскимъ властямъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. Даже малороссійскіе казаки, личные земельные собственники, къ которымъ начало круговой поруки не могло быть примѣнено, получили то же крестьянское административное устройство.

*) Сборникъ „Мелкая земская единица". Изд. 2-е, стр. 284.

Привыкать къ завѣдыванію своими общественными дѣлами крестьянамъ приходилось вообще при весьма невыгодныхъ условіяхъ. Огромное и притомъ неблагопріятное значеніе имѣло при этомъ то обстоятельство, что въ экономическомъ отношеніи освободительная реформа проведена была не въ интересахъ населенія. Надѣлъ не обезпечивалъ быта крестьянъ. Крестьянство было обременено повинностями и платежами. Въ силу этого съ самаго начала главную заботу крестьянскаго общественнаго управленія, скованнаго тяжелой отвѣтственностью за несоблюденіе интересовъ фиска, составило исправное отбываніе податныхъ повинностей его членами; въ этомъ отношеніи оно испытывало сильнѣйшее давленіе со стороны уѣздной полиціи, въ рукахъ которой находилось податное дѣло.

Несмотря на старанія редакціонныхъ комиссій не допустить власти помѣщика надъ его вчерашними рабами, несмотря на провалъ званія „начальника сельскаго общества", все же общимъ положеніемъ помѣщику предоставлялась вотчинная полиція въ сельскомъ обществѣ временно-обязанныхъ крестьянъ, на землѣ его поселенныхъ, и съ симъ вмѣстѣ помѣщикъ являлся попечителемъ того общества. Въ этомъ званіи онъ имѣлъ нѣкоторыя прерогативы, имѣлъ право надзора за сельскимъ общественнымъ управленіемъ, могъ вмѣшиваться въ его внутреннія распоряженія и даже требовать устраненія изъ общества вредныхъ или опасныхъ, по его мнѣнію, крестьянъ. Правда, въ этихъ прерогативахъ было болѣе почета, чѣмъ дѣйствительной силы, тѣмъ не менѣе извѣстное вліяніе на крестьянскій „міръ" помѣщикъ при желаніи могъ проявлять. Мировымъ посредникамъ помѣщики, въ званіи попечителей сельскихъ обществъ, доставляли не мало хлопотъ своими претензіями.

Гораздо большее значеніе имѣло то, что служба по учрежденіямъ, завѣдывавшимъ крестьянскими дѣлами, съ самаго изданія общ. пол. сдѣлана была сословной монополіей,—на должности мировыхъ посредниковъ могли назначаться только потомственные дворяне изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Съ самаго начала такимъ образомъ была установлена зависимость одного сословія отъ другого. Эта зависимость въ дальнѣйшемъ, къ концу 80-хъ гг., приняла уже уродливыя формы.

Послѣдующее время явилось еще болѣе неблагопріятнымъ для крестьянскаго общественнаго управленія. Въ 1874 г., при замѣнѣ института мировыхъ посредниковъ уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, было усилено подчиненіе крестьянскаго общественнаго управленія административнымъ и полицейскимъ органамъ, а въ 1889 г., съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, это управленіе было окончательно отдано подъ самый стѣснительный надзоръ и опеку, уничтожавшіе всякую возможность развитія самодѣятельности и самостоятельности.

Таково происхожденіе до нашихъ временъ существующаго крестьянскаго общественнаго управленія и такова та обстановка, въ которой оно жило и дѣйствовало. Отъ растенія, посаженнаго въ такую неплодородную почву, нельзя ожидать хорошихъ плодовъ. Ихъ и не было.

Обычный типъ крестьянскаго общественнаго управленія до настоящаго времени состоитъ изъ двухъ инстанцій — сельскаго общества и волости. Только въ Закавказьѣ и въ Черноморской губ. волостей нѣтъ, имѣются одни сельскія общества, да въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири генералъ-губернаторамъ предоставлено примѣнять закавказское положеніе.

Въ основу организаціи сельскаго общества, какъ было указано, легло помѣстное начало. Сельское общество, составленное изъ водворенныхъ на земляхъ помѣщика крестьянъ, могло состоять либо изъ цѣлаго селенія, либо изъ одной части разнопомѣстнаго селенія, либо изъ нѣсколькихъ мелкихъ, по возможности смежныхъ и, во всякомъ случаѣ, ближайшихъ между собою поселковъ, пользующихся всѣми угодьями или нѣкоторыми изъ нихъ сообща или же имѣющихъ другія общія хозяйственныя выгоды. Уже на основаніи этихъ правилъ, дававшихъ весьма широкія и неточныя указанія, составъ сельскихъ обществъ долженъ былъ явиться весьма разнообразнымъ. „Другія общія хозяйственныя выгоды" представляли настолько неопредѣленное условіе, что въ дѣйствительности въ большинствѣ случаевъ общей связью, механически скрѣплявшей отдѣльныя поселенныя единицы въ одно сельское общество, явилась ихъ былая принадлежность одному помѣщику. Послѣдующія узаконенія пытались внести нѣкоторыя поправки. Такъ, 15 авг. 1863 г. было разрѣшено соединять въ одно общество мелкія части разнопомѣстныхъ селеній и отдѣльныя мелкія селенія разныхъ владѣльцевъ, при наличности нѣкоторыхъ „общихъ хозяйственныхъ выгодъ",—въ крайнемъ случаѣ, такой, напр., чисто временной связи, какъ общій наемъ пастуха. Эти частичныя поправки отнюдь не отнимали однако у сельскаго общества б. помѣщичьихъ крестьянъ характера искусственнаго союза. Съ распространеніемъ общаго положенія на прочіе разряды крестьянъ, эта искусственность еще болѣе усилилась. Опредѣленный принципъ — единство поселенія — былъ положенъ только въ позднѣйшее время (1899 г.) въ основаніе устройства сельскаго общества изъ переселенцевъ. Не былъ точно опредѣленъ и численный составъ сельскихъ обществъ. Въ общ. пол. указывалась, положимъ, минимальная норма въ 20 ревизскихъ м. п. душъ, но условно, дополненіемъ же 15 авг. 1863 г. и эта норма была отмѣнена. Все это дало въ конечномъ результатѣ то, что сельскія общества, образовавшіяся внѣ соотвѣтствія съ потребностями населенія, а въ зависимости отъ соображеній административныхъ властей, представляютъ иногда самыя прихотливыя комбинаціи въ своемъ составѣ. Есть сельскія общества, которыя охватываютъ нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ селеній, самостоятельныхъ въ земельномъ отношеніи. Весьма часты селенія, заключающія въ себѣ цѣлый рядъ сельскихъ обществъ. Встрѣчаются поземельныя общины, обнимающія собою нѣсколько селеній, составляющихъ отдѣльныя сельскія общества. Сплошь и рядомъ отдѣльныя части селенія входятъ по частямъ въ составъ различныхъ сельскихъ обществъ. Требованіе смежности селе-

ній, входящихъ въ составъ сельскаго общества, иногда грубо не соблюдалось. Членами одного сельскаго общества являются иногда поселяне разныхъ сословій, не связанные поземельными отношеніями, различныхъ вѣроисповѣданій и языковъ, совершенно чуждыхъ другъ другу. Всей этой путаницей практика по устройству крестьянскаго быта еще болѣе затемняла понятіе сельскаго общества, не точно опредѣленное и въ самомъ общ. пол., и создавала немаловажныя затрудненія въ административно-хозяйственномъ строѣ деревни.

Весьма большія неудобства являются въ томъ случаѣ, когда сельское общество охватываетъ нѣсколько отдѣльныхъ селеній. Каждое изъ такихъ селеній имѣетъ свои самостоятельныя общественно-хозяйственныя дѣла, въ рѣшеніи которыхъ могутъ быть совсѣмъ не заинтересованы крестьяне другихъ селеній, входящихъ въ составъ того же сельскаго общества. Между тѣмъ лишь вмѣстѣ всѣ эти селенія, какъ сельское общество, представляли юридическое лицо, въ отдѣльности же каждое являлось безправнымъ.

Жизнь неудержимо ищетъ выхода. Отдѣльныя селенія силою своихъ жизненныхъ требованій стремились къ юридической самостоятельности, образуя особые сходы по своимъ собственнымъ дѣламъ. Сначала самовольные, эти сходы получили въ концѣ концовъ признаніе. Практикой сената въ 80-хъ гг. было допущено созваніе селенныхъ сходовъ—въ селеніяхъ, имѣющихъ отдѣльное владѣніе землей, но не составляющихъ отдѣльнаго сельскаго общества, и частныхъ сходовъ—для отдѣльныхъ земельныхъ общинъ, входящихъ съ составъ даннаго сельскаго общества. Къ вѣдѣнію такихъ сходовъ отнесены были дѣла по принятію въ общество новыхъ членовъ съ правомъ на надѣлъ, по передѣламъ земли и семейнымъ раздѣламъ. Затѣмъ эти сходы были узаконены по дѣламъ податнымъ и продовольственнымъ.

Важныя неудобства являются и тогда, когда селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ; задачи общественнаго благоустройства, касающіяся всѣхъ жителей селенія, въ этомъ случаѣ крайне трудно осуществимы, ибо законъ не признаетъ для этой цѣли соединеннаго схода всѣхъ сельскихъ обществъ; для того же, чтобы сельскія общества, составляющія данное селеніе, пришли къ одному и тому же рѣшенію, каждое на своемъ отдѣльномъ сходѣ, нужны, конечно, особо благопріятныя условія.

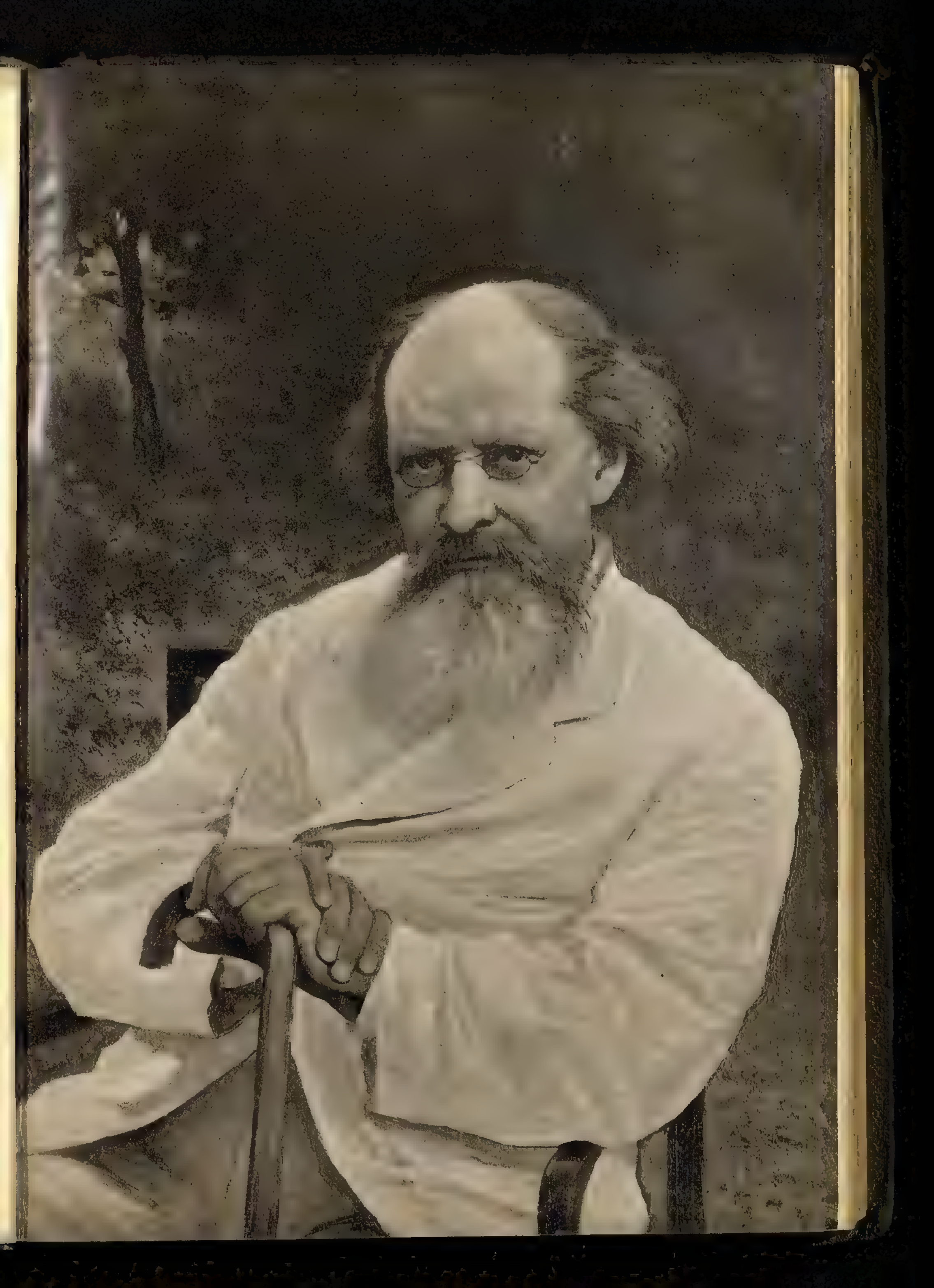
Волость была точнѣе опредѣлена относительно своего размѣра; для нея было установлено наименьшее число жителей около 300 ревиз. м. п. душъ и наибольшее около 2.000; установлено также, что наибольшее разстояніе отдаленнѣйшихъ селеній волости отъ средоточія управленія ею не должно превышать 12 верстъ. Но въ дѣйствительности весьма часто встрѣчаются уклоненія отъ этихъ правилъ, иногда съ большой невыгодой для населенія. Распредѣленіе селеній по волостямъ производилось обычнымъ бюрократическимъ путемъ, безъ участія самого населенія. Въ основу его клались соображенія объ удобствахъ административно-полицейскаго управленія, заботы же объ удобствахъ населенія, какъ и при

5

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

Съ портрета, писаннаго П. А. Брюлловымъ.
(Съ любезнаго разрѣшенія художника.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°.

другихъ бюрократическихъ операціяхъ, играли подчиненную роль. Сплошь и рядомъ поэтому въ составъ волости зачислялись селенія, не имѣющія никакихъ общихъ реальныхъ интересовъ. Это обстоятельство должно было, въ числѣ прочихъ условій, крайне невыгодно отразиться на характерѣ дѣятельности волостного управленія.

Органами сельскаго общественнаго управленія являются: 1) сельскій (и селенный) сходъ и 2) сельскій староста. Составъ сельскаго схода опредѣленъ былъ лишь въ общихъ чертахъ: онъ составляется изъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества и, кромѣ того, изъ всѣхъ назначенныхъ по выбору сельскихъ должностныхъ лицъ. Устранены отъ участія въ сходѣ только крестьяне, состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по преступленіямъ или проступкамъ, влекущимъ за собою въ случаѣ осужденія потерю всѣхъ особенныхъ правъ, а также отданные подъ надзоръ общества по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ. Въ остальномъ опредѣленіе права участія на сходѣ предоставлено было мѣстнымъ обычаямъ, почему составъ сходовъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ и являлся не одинаковымъ. Такъ, въ однихъ мѣстахъ женщины на сходы вовсе не допускались, въ другихъ присутствовали съ правомъ голоса или по однимъ земельнымъ дѣламъ или же и по всѣмъ, въ качествѣ самостоятельныхъ домохозяекъ и въ качествѣ уполномоченныхъ за отсутствующихъ старшихъ членовъ семьи. Сенатской практикой, надо замѣтить, за женщинами признано (въ 70-хъ гг.) право представительства на сходахъ, но въ общее положеніе и при послѣдующихъ его изданіяхъ это признаніе не вошло. Допускались также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и неотдѣленные члены семьи, не исключая несовершеннолѣтнихъ.

Столь же разнообразно рѣшался и вопросъ о правѣ участія на сходѣ безземельныхъ. Въ общ. пол. нѣтъ относительно этого никакихъ ограниченій, по разъясненію же сената (1892 г.), только лица, приписанныя къ сельскому обществу, но не проживающія въ своемъ селеніи и не имѣющія въ немъ ни усадьбы ни полевого надѣла, не могутъ, какъ не связанные съ обществомъ никакими реальными интересами, имѣть право на участіе въ сходѣ до своего возвращенія въ общество. Въ колонистскихъ же обществахъ опредѣленно было допущено представительство безземельныхъ. Сами сельскіе сходы рѣшали этотъ вопросъ, по мѣстнымъ обычаямъ, различно.

Вопросъ этотъ имѣетъ не одно теоретическое значеніе: для признанія рѣшеній схода законными нужно „не менѣе $^1/_2$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать на сходахъ“, для нѣкоторыхъ же дѣлъ требуется точное исчисленіе—согласіе не менѣе $^2/_3$ такихъ крестьянъ. Могло быть такимъ образомъ, что при одномъ толкованіи права на участіе въ сходахъ данное рѣшеніе признавалось законнымъ, при другомъ—не имѣющимъ законной силы. И такіе случаи бывали дѣйствительно сплошь и рядомъ, ибо воззрѣнія административныхъ властей зачастую совсѣмъ не сходятся съ мѣстными обычаями. Дѣло бывало иногда и не въ воз-

зрѣніяхъ, а просто въ удобствѣ отмѣнить, по формальному предлогу, нежелательное почему-либо постановленіе схода.

Если точное, не допускающее сомнѣній, опредѣленіе права участія въ сходѣ мало интересовало законодателя, зато большая заботливость проявлена, чтобы сходъ зналъ свой шестокъ и не пытался расширить рамокъ своей компетенціи: если сходъ будетъ имѣть сужденіе о предметахъ, его вѣдѣнію не подлежащихъ, то не только приговоръ считается „ничтожнымъ", но и участвовавшіе въ составленіи его подвергаются взысканіямъ по рѣшенію мирового посредника или земскаго начальника или предаются суду.

Эта заботливость очертить магическій кругъ, за предѣлы котораго не долженъ переступать сельскій сходъ, ясно сказывается въ старательномъ и, надо сказать, весьма безсистемномъ перечисленіи предметовъ вѣдомства сельскаго схода, имѣющемся въ общемъ положеніи.

Вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ многочисленныя и разнообразныя дѣла. Всѣ они, съ извѣстной степенью условности, могутъ быть подраздѣлены на: 1) дѣла поземельно-хозяйственныя, 2) дѣла общественнаго благосостоянія и благоустройства и 3) дѣла по организаціи управленія и административно-полицейскія. Къ первой группѣ принадлежатъ дѣла, прямо или косвенно связанныя съ совмѣстнымъ землевладѣніемъ, какъ-то: передѣлы земель, распоряженіе общественными землями, выходъ изъ общества членовъ и пріемъ новыхъ, семейные раздѣлы, раскладка окладныхъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ, содержаніе проселочныхъ дорогъ, межъ и межевыхъ знаковъ, проточныхъ водъ и канавъ на земляхъ общественнаго пользованія.

Ко второй группѣ дѣлъ могутъ быть отнесены: народное образованіе, опека, призрѣніе, медико-санитарное дѣло, народное продовольствіе, борьба съ пожарами, наводненіемъ, мелкій кредитъ и т. п.

Третья, весьма обширная, группа дѣлъ охватываетъ: выборы должностныхъ лицъ, учетъ ихъ, содержаніе общественнаго управленія, податное дѣло, удаленіе изъ общества вредныхъ членовъ, паспортное дѣло и пр.

Еще сложнѣе и разнообразнѣе дѣятельность другого органа сельскаго общественнаго управленія — сельскаго старосты.

Староста, предсѣдатель и руководитель сельскаго схода, несетъ, съ одной стороны, обязанности по дѣламъ общественнымъ; онъ исполняетъ постановленія сельскаго схода и завѣдуетъ въ порядкѣ, установленномъ обществомъ, мірскимъ хозяйствомъ и мірскими суммами, надзираетъ за цѣлостью запаснаго общественнаго хлѣба и за его правильнымъ распоряженіемъ, за порядкомъ въ общественныхъ заведеніяхъ, за цѣлостью межъ и межевыхъ знаковъ, за исправностью дорогъ и переправъ и т. п. Ему принадлежитъ право вмѣшательства и въ частныя дѣла крестьянъ; такъ, онъ понуждаетъ къ исполненію безспорныхъ условій и договоровъ крестьянъ между собою или съ посторонними лицами. Таковъ обширный кругъ дѣлъ по общественному хозяйству, которыхъ однихъ, пожалуй, было бы и достаточно для

старосты. Надо принять при этомъ во вниманіе, что его вѣдѣнію подлежитъ весьма часто не одинъ десятокъ селеній, составляющихъ сельское общество, что онъ долженъ предсѣдательствовать и „охранять должный порядокъ“ и на селенныхъ сходахъ.

Староста несетъ однако еще податныя обязанности, наблюдая за исправнымъ взносомъ платежей и являясь исполнительнымъ органомъ учрежденій, завѣдующихъ податнымъ дѣломъ. А затѣмъ онъ выполняетъ еще цѣлый рядъ обязанностей полицейскаго характера и по своей подчиненности волостному старшинѣ и самостоятельно. Наконецъ, на старосту возлагаются и другія обязанности, „въ подлежащихъ уставахъ и особыхъ узаконеніяхъ указанныя“. Староста долженъ быть такимъ образомъ свѣдущимъ и опытнымъ въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, возложенныхъ, въ порядкѣ своего дальнѣйшаго развитія и осложненія, на спеціальные органы и учрежденія.

Прочія должности въ сельскомъ управленіи—сборщика податей, сельскаго писаря, смотрителей хлѣбныхъ магазиновъ, училищъ и больницъ, лѣсныхъ и полевыхъ сторожей и т. д. необязательны, могутъ замѣщаться и по выбору и, кромѣ должности сборщика, по найму, въ послѣднемъ случаѣ и изъ постороннихъ.

Волостное управленіе составляютъ: 1) волостной сходъ, 2) волостной старшина съ волостнымъ правленіемъ и 3) волостной судъ.

Волостной сходъ составляется изъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ и изъ выборныхъ отъ каждаго селенія данной волости по одному отъ 10 дворовъ (селенія менѣе 10 дворовъ имѣютъ право посылать по одному выборному на волостной сходъ). Вѣдѣнію волостного схода подлежатъ выборы волостныхъ должностныхъ лицъ, повѣрка и учетъ ихъ дѣйствій и назначеніе имъ содержанія; затѣмъ дѣла общественно-хозяйственнаго характера—опека, призрѣніе, народное образованіе, волостные запасные магазины, мірскіе сборы и повинности и т. д. На волостномъ сходѣ же лежатъ дѣла по отправленію воинской повинности, а по земской реформѣ 1890 г. ему предоставлено выбирать кандидатовъ въ гласные уѣзднаго земства. Надъ волостнымъ сходомъ виситъ та же угроза за приговоръ не по предмету вѣдомства, какъ и надъ сельскимъ.

Въ сельскомъ общественномъ управленіи, какъ мы это уже видѣли, былъ установленъ совершенно опредѣленно единоличный исполнительный органъ—сельскій староста. Строя систему волостного управленія, редакціонныя комиссіи сдѣлали попытку придать исполнительному органу волостного схода нѣкоторый характеръ коллегіальности. Такимъ органомъ является волостной старшина съ волостнымъ правленіемъ. Волостное правленіе было составлено изъ старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ или помощниковъ старшины, сборщиковъ податей и впослѣдствіи (1863 г.) волостныхъ засѣдателей. Уже самый составъ этой коллегіи отличается весьма большой неопредѣленностью; если сельскіе старосты введены для представительства интересовъ своихъ обществъ, то положеніе ихъ весьма непрочно; они мо-

гутъ быть замѣнены, въ присутствіи волостного правленія, помощниками старшины или волостными засѣдателями, которые, по полицейскому характеру своихъ обязанностей, уже нисколько не являются представителями такихъ интересовъ. Затѣмъ рѣшенію правленія, какъ коллегіи, подлежатъ лишь: 1) денежные расходы, уже утвержденные волостнымъ правленіемъ, 2) продажа частнаго крестьянскаго имущества по взысканіямъ казны или частныхъ лицъ и 3) опредѣленіе и увольненіе вольнонаемныхъ должностныхъ лицъ волости. По всѣмъ остальнымъ дѣламъ волостной старшина распоряжается по своему усмотрѣнію, подъ личною своею отвѣтственностью. Замѣтимъ еще, что нѣкоторые члены коллегіи (волостные засѣдатели) подчинены административно-карательной власти старшины. Отсюда видно, что эта слабая попытка привить волостному правленію коллегіальное начало не могла имѣть успѣха. Она его и не имѣла.

Непреднамѣренно, вѣроятно, но весьма характерно, соотвѣтственно главнымъ функціямъ двухсторонней дѣятельности волостного старшины, въ общ. положеніи въ первую голову исчисляются его многообразныя полицейскія обязанности. Эти обязанности аналогичны обязанностямъ сельскаго старосты, отличаясь лишь большимъ масштабомъ. Общія полицейскія обязанности волостного старшины не ограничиваются однимъ крестьянскимъ надѣломъ, а распространяются на всю волость.

По дѣламъ общественнымъ волостной старшина также несетъ обязанности, аналогичныя обязанностямъ сельскаго старосты. Волостной старшина наблюдаетъ, какъ за сельскими старостами, вполнѣ подчиненными ему въ отношеніи сохраненія общаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости, такъ и за другими должностными лицами, „чтобы каждый изъ нихъ исполнялъ въ точности свои обязанности".

Общее положеніе 1861 г., признавая роль волостного старшины въ волостномъ управленіи и безъ того значительной, нашло необходимымъ охранить волостной судъ отъ возможности какого-либо давленія на него со стороны этого перваго лица въ волости: волостной старшина *) не долженъ былъ вмѣшиваться въ производство волостного суда и даже присутствовать при обсужденіи дѣлъ. Реформа 1889 г., весьма беззаботная по вопросу о возможности разныхъ давленій, наоборотъ, предоставила уѣздному съѣзду, если признаетъ нужнымъ, возлагать обязанности предсѣдателя на мѣстнаго волостного старшину. Это, конечно, сдѣлало волостного старшину еще болѣе центральной фигурой волостного управленія, отзываясь крайне вреднымъ образомъ на самостоятельности, безпристрастіи и справедливости рѣшеній волостного суда.

Остальныя выборныя должностныя лица—помощники старшины, волостные засѣдатели,—не играютъ никакой замѣтной роли въ дѣлахъ волостного управленія.

Зато весьма крупная роль выпала на долю волостного писаря. Ему въ общемъ положеніи придано малое значеніе. Волостной писарь обязанъ

*) и сельскій староста.

вѣрно и въ порядкѣ, подъ ближайшимъ надзоромъ старшины, вести все письмоводство. Должность эта можетъ быть замѣщаема и по выбору и по найму; въ послѣднемъ случаѣ писарь можетъ быть уволенъ не только сходомъ, но и распоряженіемъ волостного правленія. Тотъ канцелярскій характеръ, который быстро приняли волостныя правленія, имѣлъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что этотъ de jure послѣдній въ ряду дѣятелей волостного правленія фактически сталъ въ большинствѣ случаевъ главнымъ воротилой.

Существеннымъ условіемъ правильнаго функціонированія органовъ самоуправленія является ихъ самостоятельность. Необходима, — говоритъ по поводу этого г. Лазаревскій, —„предметная независимость" этихъ органовъ, „необходимо, чтобы въ предѣлы вѣдомства мѣстныхъ учрежденій центральныя установленія могли вмѣшиваться лишь въ опредѣленной формѣ и лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ". Необходимо, кромѣ того, лично независимое положеніе служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ *). Съ точки зрѣнія этихъ, столь ясныхъ и общепонятныхъ, положеній въ крестьянскомъ общественномъ управленіи дѣло обстоитъ совсѣмъ неблагополучно.

Правда, довольно долгое время приговоры крестьянскихъ сходовъ пользовались самостоятельностью. По общ. пол. цензурѣ мировыхъ посредниковъ подлежали лишь приговоры объ удаленіи изъ общества порочныхъ членовъ. Сенатъ же разъяснилъ, что приговоры сельскихъ сходовъ подлежатъ разсмотрѣнію крестьянскихъ учрежденій не по самому ихъ содержанію или по существу, а лишь съ формальной стороны, въ порядкѣ кассаціонномъ, т. е. когда окажутся постановленными по предмету, вѣдѣнію сельскаго схода не предоставленному, или не отъ установленнаго числа домохозяевъ. Въ дальнѣйшемъ этой самостоятельности пришелъ конецъ. Въ 1874 г. былъ упраздненъ институтъ мировыхъ посредниковъ, несоотвѣтствовавшій, по своему независимому служебному положенію, централизаторскимъ стремленіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вмѣсто нихъ были введены уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, коллегіальныя учрежденія изъ представителей земства, полиціи и юстиціи, подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства. Имъ было предоставлено право издавать, съ утвержденія губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, инструкціи для волостныхъ и сельскихъ обществъ и ихъ должностныхъ лицъ относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. Это было вызвано между прочимъ тѣмъ, что уже въ то время имѣлись свѣдѣнія о разныхъ непорядкахъ въ крестьянскомъ общественномъ управленіи (полный произволъ должностныхъ лицъ волости, случаи растраты общественныхъ суммъ). Непорядки эти явились естественнымъ послѣдствіемъ нежизнеспособности такихъ искусственныхъ учрежденій, какъ сельское общество и волость. Должностныя лица этихъ учрежденій съ самаго начала

*) *Н. Лазаревскій.*—„Самоуправленіе", въ сборникѣ „Мелкая земская единица". 2-ое изд., стр. 43.

очутились въ крайне ненормальномъ положенiи; весьма мало зависимые отъ избиравшихъ ихъ обществъ, они поставлены были въ весьма тѣсную зависимость отъ мировыхъ посредниковъ. Съ самаго начала главною цѣлью ихъ дѣятельности стало исполненiе приказанiй начальства, а не соблюденiе интересовъ своихъ довѣрителей. На очередь являлся вопросъ о замѣнѣ узко сословныхъ и несамостоятельныхъ учрежденiй крестьянскаго общественнаго управленiя учрежденiями, основанными на началахъ дѣйствительнаго самоуправленiя. Направленiе правительственной политики отнюдь однако не благопрiятствовало этому. Средство исправленiя недостатковъ крестьянскаго управленiя было найдено въ гораздо болѣе простой и столь часто, и ранѣе и послѣ, испытанной системѣ подтягиванiя и усиленiя административной опеки. Вмѣсто реформы крестьянскихъ учрежденiй введены были для руководительства ими чисто бюрократическiя присутствiя, являвшiяся административнымъ органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Имъ предоставлено было право наложенiя взысканiй на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленiя. Этого мало. Дисциплинарная власть надъ этими лицами была предоставлена и уѣздному исправнику, на котораго всецѣло была возложена забота о взысканiи податей и денежныхъ сборовъ. Этимъ открыта была уѣздной полицiи возможность самаго широкаго вмѣшательства въ крестьянскiя общественныя дѣла. Новый законъ такимъ образомъ еще болѣе усилилъ ненормальное положенiе крестьянскаго общественнаго управленiя. Формально однако приговоры общественныхъ сходовъ были свободны отъ утвержденiя. Рѣшительное значенiе въ этомъ отношенiи имѣлъ законъ 12 iюля 1889 г. о введенiи института земскихъ начальниковъ. Сходы по этому закону отдавались подъ строгiй надзоръ и опеку административной власти; установлено было обязательное утвержденiе земскими начальниками, уѣздными съѣздами и губернскими присутствiями цѣлаго ряда приговоровъ, какъ сельскаго, такъ и волостного сходовъ; земскiе начальники получили право разсматривать всѣ приговоры сходовъ и слѣдить не только за законностью, но и за цѣлесообразностью постановленiй сходовъ, — приговоры, „клонящiеся къ явному ущербу общества“, могли быть отмѣняемы уѣзднымъ съѣздомъ, по представленiю земскихъ начальниковъ. При этомъ никакого срока для протеста не было установлено; общество такимъ образомъ никогда не можетъ быть увѣрено, что его приговоръ уже вступилъ въ законную силу. Болѣе того: земскимъ начальникамъ позднѣе (1894 г.) было предоставлено право представлять къ отмѣнѣ въ уѣздный съѣздъ всѣ вообще приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ, независимо отъ того, состоялись ли и приведены ли означенные приговоры въ исполненiе до или послѣ введенiя въ дѣйствiе положенiя о земскихъ начальникахъ. Никакая давность не могла такимъ образомъ спасти приговоръ, уже вошедшiй въ жизнь, если администрацiя признала за благо его отмѣнить. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановленiя земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ по цѣлому ряду предметовъ

и постановленія губернскаго присутствія по всѣмъ дѣламъ административнымъ (за исключеніемъ поземельныхъ) почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію. Крестьяне въ своемъ общественномъ управленіи были закрѣпощены мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ. Они лишены были права обжалованія въ сенатъ всякаго распоряженія этихъ учрежденій, нарушавшаго ихъ законныя права.

Право административнаго усмотрѣнія относительно приговоровъ сельскаго и волостного сходовъ въ корнѣ подсѣкло ихъ самостоятельность и лишило ихъ жизнедѣятельности. Фактически сходы очутились въ полной зависимости отъ „близкой къ народу власти“—земскихъ начальниковъ.

Компетенція волостного схода весьма существенно была ограничена и относительно выбора должностныхъ лицъ; ранѣе сходъ непосредственно выбиралъ волостного старшину, который утверждался въ должности мировымъ посредникомъ или, позднѣе, уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ. По закону же 1889 г. волостной сходъ избираетъ только двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ и утверждается земскимъ начальникомъ въ должности старшины, другой же считается замѣстителемъ. Выборъ „достойнѣйшаго“ принадлежитъ такимъ образомъ представителю административной власти, который и назначаетъ, конечно, наиболѣе удобное для себя лицо.

Сходы стали несамостоятельны и въ назначеніи жалованья должностнымъ лицамъ; уѣздный съѣздъ, съ утвержденія губернскаго присутствія, могъ опредѣлять обязательный для волостного и сельскаго общества размѣръ жалованья волостного старшины, волостного писаря, его помощника и сельскаго старосты.

Таковы нормы, установленныя закономъ и тѣснѣйшимъ образомъ ограничивающія ту „предметную независимость“, которая должна бы быть неотъемлемой принадлежностью дѣятельности сходовъ.

Идея, положенная въ основаніе реформы 1889 г., была не изъ тѣхъ, которыя, призывая лучшія силы страны, могутъ смягчать иногда жесткія нормы закона. Напротивъ, эта идея властной опеки одного сословія надъ другимъ, идея порабощенія крестьянъ административному усмотрѣнію, требуя соотвѣтственныхъ исполнителей, своимъ естественнымъ послѣдствіемъ имѣла то, что, въ отношеніи стѣсненій и преградъ, практика далеко опередила законъ. Лѣтопись дѣятельности земскихъ начальниковъ изобилуетъ многочисленными случаями произвола и совершенно безцеремоннаго давленія на сходы съ цѣлью добиться угоднаго власти постановленія.

Это давленіе, помимо права неутвержденія приговоровъ, еще болѣе облегчено для земскаго начальника тѣмъ, что дисциплинарная власть его расширена до крайнихъ предѣловъ. По закону 12 іюля 1889 г. этотъ администраторъ, агентъ правительства и въ то же время представитель дворянскаго землевладѣнія, можетъ всѣхъ лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію, подвергать въ случаѣ неисполненія его законныхъ распоряженій или требова-

ній, безъ всякаго формальнаго производства, аресту до трехъ дней или штрафу до шести рублей. И изъ дѣятельности земскихъ начальниковъ извѣстны случаи, когда сходъ, не желавшій сдѣлать угодное для земскаго начальника постановленіе, подвергался поголовному оштрафованію или цѣликомъ присуждался къ трехдневной отсидкѣ. Бывали, напр., такіе случаи, что взысканіе налагалось за неисполненіе такого „законнаго“ требованія земскаго начальника, какъ отказъ постановить приговоръ о сдачѣ права питейной торговли по указанной земскимъ начальникомъ цѣнѣ.

Крестьянская общественная служба кореннымъ образомъ противорѣчитъ принципамъ несенія общественныхъ должностей. Она носитъ рѣзко выраженный повинностный характеръ. Избранный обществомъ на какую-либо должность имѣетъ право отказаться отъ нея въ тѣхъ только случаяхъ: 1) если ему болѣе 60 лѣтъ; 2) если онъ уже прослужилъ ранѣе, по выбору, полный срокъ и 3) если онъ одержимъ сильными тѣлесными недугами. Сходъ можетъ увольнять избраннаго и по другимъ причинамъ, кои признаетъ уважительными, но это нисколько не ослабляетъ принудительнаго характера службы, да на дѣлѣ и далеко невсегда можетъ быть достигнуто.

Зависимость волостного старшины отъ ближайшаго административнаго начальства выражается уже въ самомъ порядкѣ назначенія его на службу—въ утвержденіи его. Прочія избранныя сходами должностныя лица вступаютъ въ отправленіе своей должности немедленно по избраніи, но тѣмъ не менѣе служебная независимость ихъ этимъ не обезпечена; какъ волостного старшину, такъ и его помощника и сельскаго старосту, земскій начальникъ имѣетъ право, „за болѣе важныя нарушенія“, временно устранять отъ должности и входить съ представленіемъ въ уѣздный съѣздъ о совершенномъ увольненіи ихъ отъ службы или о преданіи ихъ суду. То же, замѣтимъ, было и ранѣе при существованіи института мировыхъ посредниковъ; мировой посредникъ могъ даже своею властью по требованію помѣщика смѣнить старосту или помощника старшины и назначить новыхъ.

Съ другой стороны, для волостного и сельскаго схода эти должностныя лица въ отношеніи увольненія недосягаемы.

Еще большее значеніе имѣетъ постоянная зависимость сельскихъ должностныхъ лицъ въ ихъ повседневныхъ дѣйствіяхъ, вытекающая изъ тяготѣющей надъ ними дисциплинарной власти. Эта власть съ самаго начала крестьянской реформы придавила выборныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія. При всѣхъ измѣненіяхъ учрежденій по крестьянскому дѣлу она оставалась незыблемой. Какъ ранѣе мировые посредники и уѣздныя присутствія, такъ по закону 1889 г. земскіе начальники имѣютъ право подвергать волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ безъ формальнаго производства замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному взысканію до пяти рублей и аресту не свыше семи дней. Кромѣ земскаго начальника, дисциплинарная власть принадлежитъ еще губернатору и затѣмъ сохранена до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ

(по призыву отпускныхъ нижнихъ чиновъ въ мирное время) и за исправникомъ.

Земскій начальникъ можетъ налагать взысканія или въ случаѣ непосредственно усмотрѣнныхъ имъ маловажныхъ проступковъ должностныхъ лицъ или же по жалобамъ, принесеннымъ ему на ихъ дѣйствія. Если сопоставить съ этимъ то, что волостныя и сельскія должностныя лица обязаны „безпрекословно" исполнять всѣ „законныя" требованія „всѣхъ установленныхъ властей", что по жалобамъ этихъ властей земскій начальникъ обязанъ увѣдомлять ихъ о послѣдовавшемъ распоряженіи и что въ случаѣ отказа въ „распоряженіи" заинтересованныя лица или установленія могутъ обжаловать постановленіе земскаго начальника въ уѣздный съѣздъ,—станетъ яснымъ, какой обширный кругъ примѣненія дисциплинарной власти создаетъ одно только принадлежащее земскому начальнику право реализовать неудовольствія всѣхъ обращающихся къ крестьянскимъ должностнымъ лицамъ учрежденій и чиновниковъ. Еще болѣе обширной является эта власть въ силу права примѣнять взысканія за непосредственно усмотрѣнные „маловажные проступки". Маловажный проступокъ—понятіе совершенно неопредѣленное, и подъ него возможно подвести все, что угодно. Гг. земскіе начальники и подводили.

При такой зависимости отъ начальства, староста и старшина сами обладаютъ въ то же время дисциплинарной властью. Староста можетъ за маловажные проступки подвергать виновныхъ крестьянъ назначенію на общественныя работы до двухъ дней, штрафу до 1 руб. и аресту до 2 дней. Такое же право взысканія за маловажные полицейскіе проступки предоставлено и волостному старшинѣ по отношенію къ подвѣдомственнымъ ему лицамъ. И здѣсь такая же неопредѣленность права пользоваться этой властью, какая закономъ была допущена для земскихъ начальниковъ. Здѣсь то же усмотрѣніе, тотъ же произволъ. Имѣя въ рукахъ дисциплинарную власть, самое по себѣ деморализующую, сельскіе старосты и волостные старшины проходятъ еще школу, которая никакъ не можетъ научить ихъ пользоваться этой властью добросовѣстно. Глубоко характерны въ этомъ отношеніи комментаріи одного земскаго начальника Орловской губерніи г. Беэра на ту тему, что земскій начальникъ долженъ особенно поддерживать сельскихъ и волостныхъ лицъ даже въ томъ случаѣ, если бы данное распоряженіе казалось ему не вполнѣ цѣлесообразнымъ, непрактичнымъ или слишкомъ строгимъ. Этотъ своеобразный комментаторъ совѣтуетъ и въ такомъ случаѣ не отмѣнять распоряженій сельскихъ властей, чтобы не колебать ихъ авторитета *). И дисциплинарныя взысканія щедро сыплются, по словамъ г. Новикова **), „за самые, повидимому, удивительные проступки: ушелъ плотникъ, работающій поденно у помѣщика, скосить свою рожь—садись подъ арестъ на двое сутокъ; не платитъ мужикъ долга кабатчику — садись". Законъ 1889 г. далъ такимъ образомъ весь-

*) *Дружининъ.*—Юридическое положеніе крестьянъ. Стр. 295.

**) *Новиковъ.*—Записки земскаго начальника. Стр. 29.

ма могущественное административное содѣйствіе классу эксплуататоровъ народнаго труда.

И до введенія закона 12 іюля 1889 г. не разъ указывалось наблюдателями крестьянской жизни на уклоненіе лучшей части крестьянства отъ занятія общественныхъ должностей. Наиболѣе толковые, развитые, уважающіе себя крестьяне, не желая быть постоянно и отовсюду помыкаемыми, находиться въ состояніи хронической зависимости, становиться въ фальшивыя отношенія къ односельчанамъ, всѣми мѣрами отклоняли отъ себя честь быть излюбленными людьми. Съ изданіемъ указаннаго закона это явленіе стало еще болѣе распространеннымъ и частымъ. Да и сами представители административной власти обыкновенно недоброжелательно относились къ избранію развитыхъ и независимыхъ крестьянъ на общественныя должности. Все это вело къ тому, что на эти должности могли попадать чаще всего не наиболѣе здоровые и способные элементы деревни, а люди, которые при другихъ болѣе нормальныхъ условіяхъ едва ли бы пользовались общественнымъ довѣріемъ. А это самымъ гибельнымъ образомъ, конечно, отражалось на всемъ характерѣ дѣятельности крестьянскаго общественнаго управленія.

Выше былъ приведенъ перечень функцій сельскаго общества и волости. Изъ него видно, что вѣдѣнію крестьянскаго общественнаго управленія подлежатъ весьма важные задачи общественнаго благоустройства. Эта сторона его дѣятельности не могла однако получить надлежащаго развитія. Малая культурность сельскаго населенія, его бѣдность, сословно изолированное, подчиненное и зависимое положеніе органовъ сельскаго и волостного управленія, цѣлый рядъ возложенныхъ на нихъ обязательныхъ дѣлъ,—все это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что главной заботой крестьянскихъ учрежденій явилось выполненіе требованій, предъявляемыхъ къ нимъ въ удовлетвореніе надобностей общей и мѣстной администраціи. Они превратились въ низшія административныя единицы общегосударственнаго характера. Особенно это сказалось на судьбѣ волостного управленія. Съ самаго начала волостному правленію пришлось играть ту посредническую роль между крестьянами и правительствомъ, которую и отводила ему редакціонная комиссія, но это посредничество носило совсѣмъ особенный характеръ. Волостной старшина обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія земскаго начальника или мирового посредника, судебнаго слѣдователя, мѣстной полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства. Эта универсальная зависимость, въ отношеніи исполненія всевозможныхъ требованій, введенная съ самаго начала въ общее положеніе о крестьянахъ, имѣла существенное вліяніе на характеръ дѣятельности органовъ крестьянскаго управленія. Въ связи съ тѣмъ, что на мѣстахъ не было другихъ исполнительныхъ органовъ, которые могли бы удовлетворять потребностямъ общей администраціи, суда, полиціи, земскихъ учрежденій, крестьянскія установленія должны были взять на себя всю тяжесть дѣлового посредниче-

ства между различными вѣдомствами и мѣстнымъ населеніемъ, стать агентами — исполнителями многоразличныхъ порученій. Все усложнявшіяся условія государственной жизни, вызывавшія созданіе новыхъ органовъ управленія или расширеніе дѣятельности уже существовавшихъ, все болѣе и болѣе увеличивали сумму требованій, предъявляемыхъ къ крестьянскимъ учрежденіямъ. Каждая новая общая реформа приносила съ собой новыя обязанности для нихъ.

Въ особенности это сказалось на судьбѣ волостного управленія. Къ нему, какъ къ извѣстному мѣстному центру, къ болѣе крупной единицѣ управленія, располагающей подходящими силами, и адресовались со всѣхъ сторонъ всевозможныя требованія по удовлетворенію надобностей общаго управленія. Въ сельскомъ обществѣ имѣются свои особыя функціи, живѣйшимъ образомъ затрагивающія интересы составляющихъ его членовъ; это—земельныя дѣла. Такихъ дѣлъ, за рѣдкими исключеніями, въ волостномъ управленіи нѣтъ. Сельскій сходъ затѣмъ можетъ созываться безпрепятственно каждый разъ, когда возникаетъ въ обществѣ какой-либо вопросъ, требующій общественнаго рѣшенія. Волостные сходы ограничены заранѣе установленными земскимъ начальникомъ сроками своего созыва, и чрезвычайныя собранія схода могутъ происходить лишь съ вѣдома и согласія этого представителя административной власти. Въ результатѣ—волостные сходы и собираются вообще весьма рѣдко, зачастую всего разъ-два въ годъ, и имѣютъ чисто формальное значеніе, ограничиваясь пассивнымъ разрѣшеніемъ лежащихъ на нихъ обязательныхъ дѣлъ. Давать извѣстный толчокъ и тонъ развитію волостного общественнаго хозяйства они безсильны. Участіе въ нихъ, при такомъ ихъ характерѣ, не можетъ, конечно, быть для выборныхъ ничѣмъ другимъ, какъ повинностью, отправляемой, какъ и всѣ повинности, съ большой неохотой.

Характеръ дѣятельности волостныхъ правленій съ самаго начала опредѣлился ясно и установился прочно. Волостное правленіе превратилось въ чисто бюрократическое учрежденіе, въ канцелярію; на немъ лежитъ масса дѣлъ, не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ крестьянскому населенію. Меньше всего выгодъ отъ существованія волостного правленія получаетъ то именно населеніе, которое оплачиваетъ его содержаніе. Всевозможныя вѣдомства обращаются то и дѣло въ волостное правленіе съ многочисленными требованіями, предписаніями, запросами, справками и т. д. Волостное правленіе завалено массой канцелярской работы; оно принимаетъ въ теченіе года десятки тысячъ „входящихъ" и отправляетъ десятки же тысячъ „исходящихъ", составляетъ громадные списки посемейные, продовольственные, призывные, страховые и т. д., статистическія вѣдомости по всевозможнымъ вопросамъ, свидѣтельствуетъ разные акты, ведетъ цѣлый рядъ книгъ и т. д. Въ общ. пол. упоминается о 5 книгахъ, которыя волостное правленіе обязано вести, а между тѣмъ, по свидѣтельству кн. Друцкого Соколинскаго *),

*) *Кн. Д. Друцкой-Соколинскій.*—Предполагаемая крестьянская реформа. — Вѣстн. Евр. 1904 г., кн. 5.

количество книгъ волостныхъ достигаетъ 66; нѣкоторыя онъ считаетъ возможнымъ исключить, но и тогда, въ силу самой постановки дѣла, остается весьма внушительная цифра—45. При такомъ порядкѣ, само собой разумѣется, и выросло значеніе волостного писаря, какъ наиболѣе компетентнаго изъ всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ въ этомъ бумажномъ крючкотворствѣ. Законъ 12 іюля 1889 г. усилилъ и обострилъ всѣ эти и ранѣе существовавшія отрицательныя черты волостного правленія. Волостное правленіе въ томъ видѣ, какъ оно есть, не можетъ проявлять иниціативу и побуждать волостной сходъ къ общественнымъ мѣропріятіямъ; въ силу общихъ условій, въ которыхъ стоитъ крестьянское общественное управленіе, и въ зависимости отъ своего состава оно способно возбуждать на сходѣ вопросы только о такихъ „пользахъ и нуждахъ", которыя касаются его обычнаго канцелярско-полицейскаго режима.

Подавленіе общественно-хозяйственнаго элемента дѣлами обязательнаго характера придало мірскимъ, волостнымъ и сельскимъ расходамъ весьма своеобразныя свойства.

По свѣдѣніямъ за 1892 г. *) эти расходы таковы:

Въ общей сложности расходы по удовлетворенію потребностей административнаго характера и отбыванію различныхъ обязательныхъ повинностей *) уступаютъ, хотя и немного, расходамъ по общественному хозяйству **). Если же мы расчленимъ мірскіе расходы на волостные и сельскіе, то обнаруживается весьма большая разница въ характерѣ тѣхъ и другихъ; въ то время, какъ въ сельскихъ обществахъ траты на дѣла общественнаго хозяйства составляютъ почти $^3/_4$ всѣхъ расходовъ, волостные расходы на статьи этого разряда не достигаютъ $^1/_4$ части. Масса же волостныхъ расходовъ носитъ непроизводительный характеръ.

Приведенныя данныя скрываютъ въ себѣ еще одну характерную черту мірского бюджета. Цѣлый рядъ рас-

*) А именно: содержаніе волостного и сельскаго управленія, постройка, ремонтъ и содержаніе зданій волостныхъ и сельскихъ правленій, содержаніе разъѣздныхъ лошадей, наемъ квартиръ для чиновниковъ, жалованье сотскимъ и десятскимъ, квартирное довольствіе урядниковъ и жандармовъ, наемъ разсыльныхъ, расходы по воинской повинности, по арестантской части и пр.

**) Сельско-хозяйственные, расходы на медицину, религіозныя потребности, народное образованіе, пожарное дѣло, дороги, хлѣбозапасные магазины, благотворительность, уплата долговъ и „прочіе".

Расходы.	Волостные.		Сельскіе.		Тѣ и другіе.	
	Сумма.	%	Сумма.	%	Сумма.	%
1. Административные . . .	17.318.401	76,9	8.477.780	26,6	25.796.181	47,4
2. По общественн. хозяйству.	5.216.367	23,1	23.389.500	73,4	28.605.867	52,6
	22.534.762	100,0	31,867,280	100,0	54,402,048	100,0

*) Мірскіе доходы и расходы за 1892—94 гг. въ 50 губ. Европ. Россіи.—Статистика Россійской Имперіи, XXXIX. Спб. 1897 г.

ходовъ въ области общественнаго хозяйства служитъ на пользу не однихъ только членовъ сельскихъ обществъ, а всего мѣстнаго населенія. Въ самомъ дѣлѣ, расходы на медицину и санитарію, религіозныя потребности, народное образованіе, пожарное дѣло, на дороги, мосты и переправы, на борьбу съ вредными насѣкомыми, съ эпизоотіями, на наемъ карауловъ въ селеніяхъ—удовлетворяютъ нужды всѣхъ жителей селеній, безразлично, приписаны ли они къ обществамъ или нѣтъ, крестьянскаго ли они сословія или какого другого.

Къ расходамъ, удовлетворяющимъ нужды однихъ членовъ сельскихъ обществъ, можно отнести только: сельско-хозяйственные (общественная покупка и аренда земель, наемъ пастуховъ, содержаніе полевыхъ сторожей и т. п.), расходы на хлѣбозапасные магазины, на благотворительность и на уплату долговъ. За невозможностью расчленить присоединяемъ къ нимъ и „прочіе“.—Группа расходовъ на общественное хозяйство принимаетъ тогда такой видъ:

Оказывается, что и сельскія общества значительную часть своихъ расходовъ несутъ на пользу всѣхъ обитателей селеній. На нужды одного только приписного крестьянскаго населенія идетъ менѣе половины общаго количества мірскихъ сельскихъ расходовъ (47,5 %). Что касается волостныхъ расходовъ, то среди нихъ расходы подобнаго рода составляютъ весьма небольшую долю (9,8%); огромная же часть волостныхъ расходовъ (90,2% къ общей суммѣ) идетъ на удовлетвореніе административныхъ потребностей и на мѣстныя нужды хозяйственнаго характера, но общесословныя.

Административные расходы быстро возрастаютъ; такъ, если мы выступимъ нѣсколько за предѣлы разсматриваемаго нами періода (1864—1892 гг.) и воспользуемся свѣдѣніями за 1894 г. *), то увидимъ, что въ этомъ году на административныя нужды тратилось уже 78,1% волостныхъ расходовъ (вмѣсто 76,9% въ

*) Мірскіе доходы и расходы за 1894 г. въ 50 губ. Европ. Россіи.—Статистика Россійской Имперіи, XLIII, Спб. 1898 г.

Расходы по общественному хозяйству.	Волостные.			Сельскіе.			Тѣ и другіе.		
	Сумма.	%% Къ суммѣ расходовъ на обществ. хозяйство.	%% Къ суммѣ всѣхъ мірскихъ расходовъ.	Сумма.	%% Къ суммѣ расходовъ на обществ. хозяйство.	%% Къ суммѣ всѣхъ мірскихъ расходовъ.	Сумма.	%% Къ суммѣ расходовъ на обществ. хозяйство.	%% Къ суммѣ всѣхъ мірскихъ расходовъ.
1. На нужды однихъ членовъ сельскихъ обществъ . . .	2.207.906	42,3	9,8	15.149.749	64,8	47,5	17.357.655	60,7	32.0
2. На нужды всего сельскаго населенія . .	3.008.461	57,7	13,3	8.239.751	35,2	25,9	11.248.212	39,3	20,6
	5.216.367	100,0	23,1	23.389.500	100,0	73,4	28.605.867	100,0	52,6

1892 г.) и 26,6 сельскихъ (вмѣсто 25,4). Такъ и должно быть: все болѣе и болѣе растущія административныя требованія вызываютъ и соотвѣтственныя измѣненія въ мірскихъ расходахъ. Нужно принять во вниманіе, сколько, напр., энергіи примѣнили земскіе начальники, немедленно по учрежденіи этого института, на одно приведеніе за счетъ волостныхъ сборовъ помѣщеній волостныхъ правленій въ бюрократически-благообразный видъ. Тенденція эта ясно проглядываетъ въ цифрахъ,—въ 1881 г. на постройку, ремонтъ и содержаніе зданій волостныхъ правленій, вмѣстѣ съ канцелярскими, тратилось 11,9% всѣхъ волостныхъ расходовъ, въ 1892 г.—13,2, а въ 1894 г. уже 19,6%.

Возрастаютъ также расходы, полезные для всѣхъ обитателей селеній; въ 1894 г. % такихъ расходовъ среди волостныхъ былъ 13,9 (вмѣсто 13,3 въ 1892 г.) и среди сельскихъ—30,0 (вмѣсто 25,9).

Общая сумма всѣхъ мірскихъ расходовъ быстро росла въ началѣ 90-хъ годовъ; въ 1892 г. она равнялась 54,4 милл. рублей, въ 1893—57,9 милл., а въ 1894 г. уже 61,6 м. *)

Въ приведенные расчеты не были включены еще повинности, отбываемыя натурою. Онѣ еще болѣе увеличиваютъ и безъ того огромную тяжесть удовлетворенія общегосударственныхъ потребностей и мѣстныхъ нуждъ, цѣликомъ лежащую на плечахъ одного приписного крестьянскаго населенія.

Такимъ образомъ нельзя не прійти, на основаніи всего сказаннаго, къ заключенію, что крестьянское общественное управленіе представляетъ весьма своеобразный институтъ. Этотъ институтъ удовлетворяетъ потребностямъ общегосударственнаго характера, потребностямъ всѣхъ сословій страны за счетъ и трудъ одного, ограниченнаго въ правахъ. Члены этого сословія обязаны повинностью завѣдыванія общественными дѣлами, при выборной системѣ назначенія должностныхъ лицъ, имѣющей чисто декоративный характеръ, и подъ строжайшей опекой и надзоромъ, лишающими ихъ самостоятельности и дѣлающими административную власть полнымъ распорядителемъ этихъ общественныхъ дѣлъ.

Если въ данномъ случаѣ можно говорить о самоуправленіи, то лишь въ томъ смыслѣ, что крестьянское общественное управленіе представляетъ самую злостную пародію на самоуправленіе.

И на волостной судъ дѣятели реформы 1861 г. смотрѣли, несомнѣнно, какъ на временное учрежденіе. Съ этой точки зрѣнія они допускали въ общ. пол. сохраненіе учрежденнаго, по мѣстнымъ обычаямъ, суда въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ онъ уже существовалъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы въ избраніи судей участвовала вся волость (ст. 93, прим. 2). Допускался такимъ образомъ судъ и съ инымъ внутреннимъ устройствомъ. Допускалось также, чтобы тяжущіеся,

*) Въ 1881 г. мірскихъ расходовъ было всего 32,5 милл. руб.; эта цифра не вполнѣ сравнима съ цифрами расходовъ за 90-ые гг., ибо касается лишь 46 губерній, а затѣмъ нѣкоторыя статьи расходовъ въ 1881 г. не были зарегистрованы. Но во всякомъ случаѣ фактъ огромнаго увеличенія мірскихъ расходовъ съ 1881 г. по начало 90-хъ, не менѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза, не подлежитъ сомнѣнію.

по взаимному согласію, обращались, вмѣсто волостного, къ третейскому суду, не стѣсняясь никакими формами. Дѣятели 61 года справедливо считали тогдашніе дореформенные суды, съ ихъ формальной волокитой, совершенно непригодными для разбирательства мелкихъ крестьянскихъ дѣлъ. Они и предпочли учредить особую крестьянскую юстицію, тѣмъ болѣе, что въ административномъ отношеніи крестьяне получали особое, замкнутое сословное устройство. Кромѣ того, у государственныхъ крестьянъ уже существовали свои „сельскія" и „волостныя расправы". Эти расправы и послужили нѣкоторымъ образчикомъ для волостного суда. Компетенція этого суда была ограничена исками до 100 руб. и дѣлами по маловажнымъ проступкамъ. Въ этихъ предѣлахъ волостной судъ рѣшалъ окончательно. Впрочемъ, могли подлежать окончательному рѣшенію волостного суда и всѣ вообще споры и тяжбы, безъ ограниченія цѣною иска, если на то были согласны тяжущіяся стороны. Уѣздный съѣздъ мировыхъ посредниковъ могъ отмѣнить рѣшенія волостного суда лишь по кассаціоннымъ поводамъ.

Въ такомъ недоконченномъ, недоработанномъ видѣ волостному суду пришлось однако просуществовать довольно долго—до 1889 г. Въ этомъ году онъ подвергся весьма существенному преобразованію. Измѣненъ былъ порядокъ избранія судей. По положенію 19 февраля 1861 г. судьи въ числѣ отъ 4 до 12 избирались на волостномъ сходѣ срокомъ на одинъ годъ и вступали въ должность безъ утвержденія начальствомъ. Очередь несенія судьями своихъ обязанностей устанавливалась сходомъ. По закону 12 іюля 1889 г. выборы въ волостной судъ перенесены на сельскіе сходы, причемъ должны избираться не сами судьи, а лишь кандидаты на судейскую должность въ числѣ не менѣе 8 на волость. Изъ нихъ уже земскій начальникъ утверждаетъ, по своему выбору, четырехъ въ должности волостныхъ судей на три года. Одного изъ этихъ судей уѣздный съѣздъ назначаетъ предсѣдателемъ, но съѣздъ можетъ также по своему усмотрѣнію назначить предсѣдателемъ и волостного старшину. Возрастный цензъ для волостныхъ судей былъ повышенъ (35 лѣтъ вмѣсто 25). Ранѣе назначеніе денежнаго содержанія судьямъ принадлежало волостному сходу. По закону 12 іюля 1889 г. опредѣленіе размѣра этого содержанія предоставлено уѣздному съѣзду (не болѣе 100 р. для предсѣдателя волостного суда и 60 р.—для волостного судьи). Компетенція преобразованнаго волостного суда расширена; ему подвѣдомственны теперь не одни крестьяне, а также постоянно живущіе въ селеніяхъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые. Волостному суду по дѣламъ гражданскимъ предоставлено рѣшать безъ ограниченія цѣною иска споры и тяжбы по надѣльному имуществу, а также дѣла по наслѣдованію этимъ имуществомъ, прочіе споры и тяжбы до 300 руб. и дѣла по наслѣдованію ненадѣльнымъ имуществомъ до 500 р. По дѣламъ уголовнымъ вѣдѣнію волостного суда отданъ цѣлый рядъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ прежде мировымъ судьямъ, причемъ наказанія, налагаемыя судомъ, повышены: денежное взысканіе до 30 руб. (ра-

нѣе 3 руб.), арестъ до 30 дней (ранѣе 7 дней). Наказаніе розгами, какъ и ранѣе,—до 20 ударовъ.

Самымъ существеннымъ отличіемъ новаго волостного суда отъ стараго явилось то, что рѣшенія его признаются не окончательными; они могутъ быть обжалованы въ 30-дневный срокъ, черезъ земскаго начальника, въ уѣздный съѣздъ, который входитъ въ разсмотрѣніе дѣлъ по существу. При этомъ маловажныя гражданскія (по искамъ не свыше 30 руб.) и уголовныя (арестъ не свыше 3 дней или штрафъ не болѣе 5 руб.) дѣла представляются уѣздному съѣзду земскимъ начальникомъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ рѣшенія по нимъ волостного суда постановленными внѣ предѣловъ компетенціи или неправильными. Губернское присутствіе является кассаціонной инстанціей для уѣзднаго съѣзда.

Въ трехъ губерніяхъ Сѣверо-западнаго края, въ трехъ Юго-западнаго и въ Архангельской, гдѣ нѣтъ земскихъ начальниковъ, волостной судъ оставленъ на прежнихъ основаніяхъ.

Преобразованіе волостного суда въ указанномъ видѣ было мотивировано необходимостью устранить недостатки, которыми онъ страдалъ. Проведенное на тѣхъ же началахъ развитія подчиненности крестьянъ опекѣ начальства, это преобразованіе отнюдь не устранило существовавшихъ недостатковъ волостного суда. Наоборотъ, многіе изъ нихъ оно обострило.

Весьма много жалобъ было на крайне неудовлетворительный личный составъ суда. Еще больше, чѣмъ въ административной области, здѣсь сказывались всѣ невыгоды узко сословной организаціи крестьянства. Крестьянское населеніе варилось въ собственномъ сословномъ соку. Оно не только не могло принимать въ свою среду посторонніе болѣе культурные элементы, но и теряло свои лучшія силы, ибо полученіе высшаго образованія обусловливало для крестьянина выходъ изъ своего сословія. Отсюда на дѣятельности волостного суда вредно отразилась малая культурность всего крестьянскаго населенія, недостаточность общаго развитія судей и полное отсутствіе у нихъ юридическихъ знаній. Кромѣ того, на должности волостныхъ судей обыкновенно избирались далеко не лучшіе представители деревни. Званіе волостного судьи являлось повинностью, иногда совсѣмъ не оплачиваемой, и вообще убыточной для собственнаго хозяйства. Исправные хозяйственные крестьяне уклонялись отъ несенія ея, и въ судьи зачастую попадали люди малоразвитые и сомнительной нравственности, легко поддававшіеся на посулы и угощенія. При такихъ судьяхъ всѣми дѣлами орудовалъ волостной писарь.

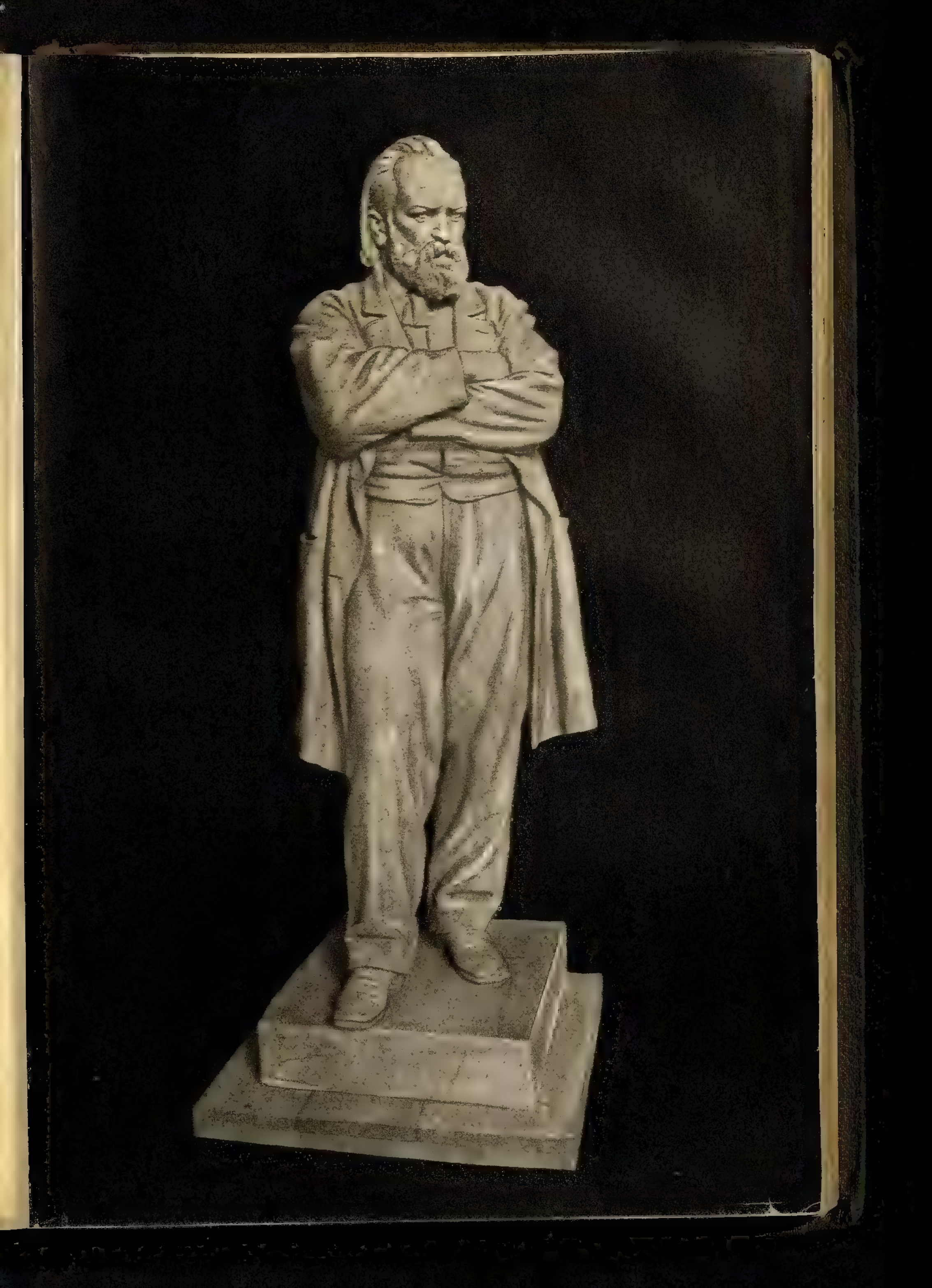
Повинностью, отъ которой „никто не въ правѣ отказываться“ (ст. 116 общ. пол. 1892 г.), осталась должность волостного судьи- и по закону 12 іюля 1889 г. прибавилось къ этому еще одно важное условіе. Зависимые отъ земскаго начальника уже при самомъ порядкѣ назначенія на должность, волостные судьи были, кромѣ того, подчинены его дисциплинарной власти; по извѣстной ст. 62 земскій начальникъ можетъ подвергать ихъ замѣчаніямъ, штрафамъ, аресту. Повинность стала не только

Памятникъ на могилѣ А. И. Герцена въ Ниццѣ.

(По фотографіи въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ
Комната людей 40-хъ годовъ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

6

тяжелой, но и унизительной. А это никакъ не могло привлекать наиболѣе развитыхъ и цѣнящихъ свое человѣческое достоинство крестьянъ къ занятію должности волостного судьи. И жалобы на плохой составъ судей въ послѣдующее время еще болѣе усилились. Выше, характеризуя положеніе волостного старшины среди прочихъ должностныхъ лицъ волостного управленія, я указалъ уже, что назначеніе старшины, по усмотрѣнію уѣзднаго съѣзда, предсѣдателемъ волостного суда крайне стѣсняетъ независимость судей. Дѣлопроизводство волостного суда возлагается земскимъ начальникомъ на одного изъ волостныхъ судей или на волостного писаря. Обыкновенно дѣлопроизводителемъ и бываетъ волостной писарь, какъ болѣе свѣдущій по письменной части. Это опять минусъ для независимости судей, если писарь пользуется фаворомъ у земскаго начальника и волостного старшины. Авторитетъ волостного писаря въ глазахъ судей выросъ, впрочемъ, и внѣ такихъ интимныхъ условій.

Существенное значеніе для характера дѣятельности волостного суда, для установленія къ нему извѣстнаго отношенія со стороны населенія имѣло признаніе рѣшеній этого суда не окончательными и подлежащими отмѣнѣ по существу дѣла высшими инстанціями. На этой почвѣ произошло весьма серьезное столкновеніе писаннаго закона съ обычнымъ правомъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ, при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, волостной судъ руководствуется мѣстными обычаями. Уѣздные же съѣзды, при разсмотрѣніи тѣхъ же дѣлъ, не считаются съ мѣстными обычаями; они руководятся формальными доказательствами и X томомъ свода законовъ. Получилось такимъ образомъ весьма своеобразное положеніе, при которомъ для постановки судебныхъ рѣшеній въ гражданскомъ процессѣ низшей и высшей инстанціей примѣнялись различныя правовыя нормы. Отсюда возникли многочисленные случаи отмѣны рѣшеній волостного суда, въ результатѣ чего волостные суды стали стремиться также рѣшать дѣла „по закону", а такъ какъ для малокультурныхъ волостныхъ судей сводъ гражданскихъ законовъ обыкновенно совсѣмъ недоступенъ, то толкователемъ законовъ явился все тотъ же волостной писарь. Въ концѣ концовъ въ практикѣ волостныхъ судовъ не установилось ни обычное право, основанное на трудовомъ началѣ, ни общегражданскій кодексъ, а примѣняется уродливая смѣсь мѣстныхъ обычаевъ, законовъ и всевозможныхъ правительственныхъ циркуляровъ и инструкцій, сходящихъ за законы. Все это создало страшную путаницу въ дѣятельности суда и глубоко уронило его въ глазахъ населенія. Не способствовало авторитету волостного суда и шаткость подсудности въ уголовномъ процессѣ; эта подсудность опредѣляется не однимъ характеромъ проступка, а еще въ большей степени случайными признаками—принадлежностью обвиняемаго или потерпѣвшаго къ тому или другому сословію, мѣстомъ совершенія проступка и, наконецъ, желаніемъ потерпѣвшаго жаловаться въ волостной судъ, а не въ другую су-

дебную инстанцію. Подсудностью же опредѣляется родъ и тяжесть наказанія.

Правильное отправленіе правосудія при данномъ устройствѣ и положеніи волостного суда явилось совершенно невозможнымъ.

Еще во время работы редакціонныхъ комиссій эпохи освобожденія раздавались голоса, предостерегавшіе отъ введенія даннаго типа крестьянскаго общественнаго управленія. Эти предостереженія и протесты оставлены были однако безъ вниманія.

Весьма подробному обсужденію въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ подвергся въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ октябрѣ 1881 г., по всеподданѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьева, была образована особая внѣвѣдомственная комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря М. С. Каханова. Комиссія имѣла своей задачей составленіе проекта преобразованія губернскаго и уѣзднаго административнаго управленія. Это было уже время поворота въ сторону реакціи послѣ недолгаго періода такъ называемыхъ либеральныхъ вѣяній въ высшихъ сферахъ. Правительство считало однако необходимымъ поставить на очередь нѣкоторые назрѣвшіе вопросы и между прочимъ вопросъ о судьбѣ мѣстнаго управленія. Средство для его разрѣшенія было избрано издревле испытанное—назначеніе особой комиссіи.

Въ распоряженіе кахановской комиссіи поступили данныя сенаторскихъ ревизій 1880 г. и отзывы земскихъ собраній, послѣдовавшіе по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ въ тотъ же 1880 г. высказаться о значеніи крестьянскихъ учрежденій, созданныхъ по закону 1874 г. Въ земскихъ отзывахъ было много цѣнныхъ указаній на необходимость полнаго преобразованія не только всего крестьянскаго управленія, но и мѣстнаго административнаго строя.

Изъ состава комиссіи въ началѣ работъ было выдѣлено особое совѣщаніе, которое должно было намѣтить общія основы реформъ. Это совѣщаніе дало обстоятельную критику сельскаго и волостного устройства крестьянъ. Оно указывало, что сельское населеніе рѣзко измѣнилось въ своемъ составѣ съ 1861 г., что многія селенія получили „совершенно иной типъ“ съ вселеніемъ въ нихъ множества лицъ не крестьянскаго сословія и даже не сельчанъ. Въ нѣкоторыхъ большихъ торговыхъ селеніяхъ приписные крестьяне составляютъ даже меньшинство, иногда весьма незначительное, населенія. Сословное сельское управленіе оказывается такимъ образомъ крайне обременительнымъ для крестьянъ, несправедливымъ и неспособнымъ удовлетворять насущныя потребности благоустройства селеній. Является, въ виду этого, необходимымъ провести различіе между поземельной общиной, единицей хозяйственной, и сельскимъ обществомъ, единицей административной. Эта мысль, напомнимъ, была уже высказана въ свое время редакціонными комиссіями, но не была осуществлена ими. Сословные крестьянскіе интересы, разсуждало совѣщаніе, не выходятъ изъ круга

земельныхъ дѣлъ; ихъ и должны вѣдать проектированныя имъ поземельныя общины. Съ выдѣленіемъ же этихъ общинъ теряется всякій смыслъ сохраненія сельской общественно-административной единицы въ тискахъ сословнаго устройства. Совѣщаніе и проектировало образованіе всесословныхъ сельскихъ обществъ. Совѣщаніе дало затѣмъ характеристику дѣятельности волостного управленія, отмѣтивъ полную нежизнеспособность его. Признавая въ то же время необходимость посредствующей инстанціи между уѣзднымъ управленіемъ и мѣстнымъ населеніемъ, совѣщаніе полагало, упразднивъ крестьянскую волость, образовать подъ тѣмъ же названіемъ волости новое административное дѣленіе уѣзда, во главѣ котораго поставить особое должностное лицо—волостеля. Волостель долженъ былъ избираться земскимъ собраніемъ, хотя, надо замѣтить, проектированная совѣщаніемъ новая волость не стояла ни въ какой органической связи съ земствомъ и вообще отнюдь не являлась единицей самоуправленія. Въ этой части предположеній совѣщанія весьма ярко проявились бюрократическіе взгляды ея членовъ. Нѣкоторыя второстепеннаго характера преобразованія проектировались совѣщаніемъ и относительно волостного суда—предсѣдательство мирового судьи въ волостномъ судѣ и обжалованіе рѣшеній суда въ съѣздъ мировыхъ судей. Учрежденіе по завѣдыванію крестьянскимъ дѣломъ предлагалось упразднить.

Въ ноябрѣ 1884 г. эти проекты были представлены на обсужденіе общаго собранія комиссіи, бюрократическій составъ которой былъ скрашенъ приглашеніемъ „мѣстныхъ дѣятелей"—представителей мѣстной администраціи и дворянства. Главнымъ образомъ изъ этихъ мѣстныхъ дѣятелей въ комиссіи образовалась весьма сплоченная компанія, проникнутая реакціонно-дворянскими тенденціями и жестоко напавшая на проекты совѣщанія. Отстаивая status quo административнаго устройства крестьянъ, эти члены указывали, какъ на цѣлительное средство отъ всѣхъ непорядковъ въ сельскомъ быту, на необходимость созданія на мѣстахъ твердой попечительной власти надъ крестьянами, отданной въ руки представителей дворянскаго сословія.

Комиссія не пришла въ концѣ концовъ къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ; заключенія ея отличаются большой спутанностью, пестротой и противорѣчивостью. А затѣмъ вскорѣ, 11 апрѣля 1885 г., по высочайшему повелѣнію, испрошенному министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстымъ, комиссія прикончила свое существованіе.

Судьба кахановской комиссіи весьма характерна. Эта комиссія была такимъ же пустоцвѣтомъ въ смыслѣ проведенія необходимыхъ реформъ, какъ цѣлый рядъ другихъ правительственныхъ комиссій, дѣйствовавшихъ и ранѣе и позже ея. Мотивомъ къ учрежденію такихъ комиссій была вынужденная условіями момента надобность для глубоко реакціоннаго по существу правительства временно считаться съ общественными требованіями. Разъ затѣмъ обстоятельства опять складывались въ благопріятную для пра-

вительства сторону, комиссіи съ ихъ широковѣщательными начинаніями сдавались въ архивъ и вмѣсто ожидаемыхъ реформъ являлись новыя утѣсненія. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Кахановская комиссія не прошла совсѣмъ безслѣдно,но результаты ея дѣятельности совсѣмъ не соотвѣтствовали тѣмъ ожиданіямъ, которыя она возбудила въ либеральныхъ кругахъ русскаго общества въ началѣ своихъ работъ. Высказанная въ ея засѣданіяхъ мысль о созданіи твердой власти на мѣстахъ, сосредоточенной въ рукахъ дворянскаго сословія, нашла себѣ весьма благопріятную почву въ высшихъ законодательныхъ сферахъ и черезъ четыре года была осуществлена въ видѣ учрежденія института земскихъ начальниковъ. Эта реформа, усиливая центральную власть на мѣстахъ, удовлетворяла въ то же время вожделѣнія привиллегированнаго сословія. Значеніе его въ мѣстной жизни сильно возросло. Кромѣ того, разорявшееся среднее дворянство, въ дополненіе къ другимъ одновременно оказаннымъ ему льготамъ, получило, въ видѣ должности земскаго начальника, еще одну немаловажную матеріальную поддержку своего существованія.

ГЛАВА IV.

Крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ во второй половинѣ XIX столѣтія.

(К. И. Ландера).

Тенденція крестьянской реформы 60-хъ годовъ (60, 61, 63, 64, 66 гг.) во всѣхъ 3 губерніяхъ края была одна: признаніе и санкціонированіе за крестьянами-усадьбовладѣльцами правъ собственности на землю, выработка нормъ для осуществленія этихъ правъ и расширенія крестьянскаго самоуправленія. Многіе важные аттрибуты крѣпостного строя были уничтожены навсегда; у помѣщиковъ была отнята полицейская власть надъ населеніемъ, право „домашней расправы“, барщина и т. д. Землю, которою пользовались крестьяне до сихъ поръ исключительно почти на арендныхъ условіяхъ, теперь они могли пріобрѣсть въ свою собственность, уплативъ предварительно помѣщику выкупъ за нее. „Освобожденные“ латышскіе и эстонскіе крестьяне не были *надѣлены* землей по примѣру русскихъ; за ними было лишь обезпечено право выкупа своего участка, причемъ размѣръ выкупа устанавливался по взаимному соглашенію

покупателя-крестьянина съ помѣщикомъ и уплачивался помѣщику же. Часть выкупной суммы вносилась немедленно, а остатокъ уплачивался въ разсрочку черезъ банкъ, который бралъ съ крестьянъ довольно высокій процентъ. Громадное большинство крестьянъ все же еще долго оставалось въ положеніи помѣщичьихъ арендаторовъ.

Законъ пытался установить для крестьянъ болѣе льготныя, по сравненію съ прежними, условія аренды, причемъ однако не были забыты и интересы помѣщика, такъ что въ результатѣ трудно было опредѣлить: кому изъ нихъ законъ приносилъ большія облегченія — помѣщику или арендатору.

Арендный договоръ заключался по взаимному добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, причемъ арендная плата вносилась исключительно деньгами—замѣна денегъ барщиною подъ какимъ бы то ни было видомъ была строго воспрещена. Срокъ аренды былъ продленъ (въ Курляндіи до 12 лѣтъ, раньше—3) съ сохраненіемъ ежегодной постоянной арендной платы. По истеченіи срока аренды прежній арендаторъ могъ удержать за собою усадьбу, если соглашался платить арендную плату, назначаемую помѣщикомъ, которая могла быть теперь выше прежней, но не выше рыночной, общераспространенной платы. Если арендаторъ не соглашался платить болѣе высокую плату, то онъ долженъ былъ оставить усадьбу, причемъ однако помѣщику вмѣнялось въ обязанность вознаграждать арендатора за понесенныя имъ затраты по улучшенію земли и строеній. При продажѣ усадьбы за арендаторомъ тоже признавалось право купить ее за ту же цѣну, что давалъ другой покупатель, или получить соотвѣтственное вознагражденіе. Такова была одна сторона медали. Далѣе слѣдуетъ уже „огражденіе правъ помѣщика“, которому между прочимъ предоставлялось право лишать арендатора всѣхъ преимуществъ и права на полученіе „справедливаго вознагражденія“, если послѣдній въ точности не исполнялъ всѣхъ условій аренды. И ужъ, конечно, каждый помѣщикъ старался составить арендный договоръ такъ, что точное во всемъ исполненіе его для арендатора было физически невозможно (внесеніемъ, напримѣръ, въ договоръ пунктовъ о необходимости каждому арендатору имѣть опредѣленное количество рогатаго скота, содержаніе каковаго оказывалось однако невозможнымъ, убыточнымъ по условіямъ арендуемаго хозяйства: о необходимости выкопать опредѣленное количество канавъ на арендуемомъ участкѣ; воспрещеніе продавать на сторону кормъ для скота и т. д.).

Неисполненіе многихъ договорныхъ статей зависѣло не только отъ стараній и средствъ арендатора, но часто отъ чисто внѣшнихъ условій — падежа скота, пожара, кражи и т. п., что однако не было оговорено въ законѣ. Такимъ образомъ каждое малѣйшее неисполненіе крестьяниномъ-арендаторомъ того или другого пункта аренднаго договора помѣщикъ могъ разсматривать какъ нарушеніе договора и, основываясь на этомъ, „выселять“ неисправныхъ арендаторовъ, что практиковалось послѣ реформы еще въ самыхъ усиленныхъ размѣ-

рахъ. Мѣстные суды, находившіеся въ рукахъ тѣхъ же бароновъ-помѣщиковъ, были очень строги въ такихъ случаяхъ по отношенію къ арендаторамъ. Но мало того: сенаторъ Манассеинъ въ своемъ отчетѣ по ревизіи края говоритъ, что иногда сами помѣщики вовлекали крестьянъ въ незаконную сдѣлку — уславливались съ ними, напримѣръ, устно, вопреки закону, что часть арендной платы крестьянинъ „отрабатываетъ" помѣщику, — а затѣмъ доносили суду о незаконной сдѣлкѣ, и судъ на основаніи этого расторгалъ „незаконный арендный договоръ", т. е.—выселялъ арендатора. „Незаконнымъ" считался также словесный, не письменный арендный договоръ, между тѣмъ помѣщики часто отказывались заключать съ крестьянами формальные договоры, крестьяне не смѣли настаивать — и подъ постоянною угрозою „выселенія" помѣщикъ дѣлалъ съ арендаторомъ, что хотѣлъ.

Законъ 1865 года высказывается въ томъ смыслѣ, что *желательно*, чтобы при продажѣ крестьянскихъ усадебъ онѣ переходили въ собственность прежнихъ арендаторовъ. Однако сейчасъ же нашлась тысяча способовъ и путей обойти и извратить этотъ законъ: за помѣщикомъ постоянно оставалась возможность выселить арендатора и продать усадьбу за самую высокую цѣну, кому ему заблагоразсудится. Однимъ изъ употребительнѣйшихъ средствъ выселенія арендаторовъ была фиктивная продажа мнимымъ покупателямъ за неимовѣрно высокую цѣну усадьбы, понадобившейся помѣщику. Благодаря этому, многія усадьбы перешли къ другимъ лицамъ, а не къ прежнимъ владѣльцамъ, какъ полагалось по закону. Въ Курляндіи, напримѣръ, есть цѣлыя волости, гдѣ ни одна усадьба не осталась въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ.

Я остановился на значеніи новаго закона для крестьянъ,—помѣщичьихъ арендаторовъ, подробнѣе потому, что они тогда составляли, да и теперь еще составляютъ во многихъ мѣстахъ самую многочисленную категорію крестьянъ-землевладѣльцевъ.

Положеніе крестьянъ-арендаторовъ было самое неопредѣленное и необезпеченное. Благодаря юридическому невѣжеству крестьянъ и главнымъ образомъ ихъ экономической зависимости отъ помѣщиковъ, послѣдніе опутывали ихъ цѣлою сѣтью хищническихъ договоровъ, безпощадно обирали и грабили ихъ, и высосавъ изъ арендатора всѣ его соки—выселяли его, чтобы на его мѣстѣ обирать и грабить другого.

Въ Курляндіи со времени изданія закона 1863 г. по 1883 г., т. е. за 20 лѣтъ присоединено къ помѣщичьимъ хозяйствамъ 1.133 усадьбы, а о количествѣ выселенныхъ за это время арендаторовъ, къ сожалѣнію, достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется: вѣдь невсегда по выселеніи арендатора усадьба присоединялась къ помѣщичьему хозяйству, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ онѣ переходили къ другому арендатору, отъ него къ третьему и т. д. Свѣдѣніямъ же мѣстной ландратской коллегіи положительно нельзя вѣрить— до того они извращены и грубо подтасованы.

Болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о движеніи крестьянскаго землевладѣнія въ краѣ. Переходъ къ болѣе чистому капиталистическому

способу хозяйства вызвалъ у помѣщиковъ потребность нъ „округленіи“ собственныхъ владѣній, что возможно было путемъ отчужденія (безвозмезднаго) крестьянскихъ земель. Это отчужденіе особенно практиковалось тѣми помѣщиками, которые владѣли громадными латифундіями и не успѣли или просто не хотѣли устроить въ своихъ имѣніяхъ образцовыя хозяйства; хорошо воздѣланная крестьянская земля представляла собою уже готовую статью дохода, которою можно было пользоваться безъ всякихъ предварительныхъ затратъ.

При прежнихъ порядкахъ, когда господствовала такъ называемая „Sprengsysteme“, помѣщикъ могъ произвести отчужденіе безъ всякихъ для себя хлопотъ и затрудненій. Но теперь приходилось изощряться, пускаться въ обходъ закона, сдѣлавшаго робкую попытку вступиться за крестьянъ - усадьбовладѣльцевъ (арендаторовъ). Однако въ принципѣ „присоединеніе“ крестьянскихъ земель къ имѣнію все же разрѣшалось — и потому хищеніе крестьянскихъ земель въ первые годы послѣ реформы 1863 г. особенно усилилось. Чтобы его вовсе не лишили возможности пользоваться этою благодатною мѣрою, сами помѣщики рѣшили немного замаскировать этотъ грабежъ. Съ этою цѣлью, напримѣръ, курляндская дворянская конференція постановила разрѣшить присоединеніе крестьянскихъ усадебъ только въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ со дня введенія реформы 1863 г., и каждый разъ лишь съ разрѣшенія особой комиссіи, состоявшей изъ уѣзднаго предводителя дворянства, членовъ уѣзднаго суда и выборныхъ членовъ-помѣщиковъ, причемъ комиссія *должна была* разрѣшать отчуждать крестьянскія хозяйства только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовали культурные интересы помѣщичьяго хозяйства. Однако эта мѣра оказалась мало дѣйствительной и, наконецъ, правительство вмѣшалось болѣе рѣшительно, въ 1867 г. былъ изданъ особый „наказъ“ упомянутой комиссіи, воспрещающій всякое отчужденіе крестьянскихъ земель. Однако отчужденіе продолжалось и послѣ изданія упомянутаго наказа въ нѣсколько иныхъ формахъ: или въ видѣ прямого нарушенія закона — выселивъ арендатора, помѣщикъ присоединялъ его хозяйство (или только землю, а строенія сносилъ) къ своему, несмотря на то, что ему законъ разрѣшалъ пользоваться землею выселеннаго арендатора лишь 3 года, но такъ какъ наблюденіе за исполненіемъ этого и другихъ законовъ, устанавливающихъ обязанности помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ, было возложено на того же помѣщика, то этотъ „законъ“ никакого неудобства для бароновъ не представлялъ. Кромѣ того, помѣщикъ могъ отчуждать крестьянскія земли, присоединяя ихъ къ имѣнію и превращая усадьбы въ такъ называемыя рабочія казармы, что закономъ дозволялось. Въ такомъ случаѣ предполагалось, что доходъ съ земли идетъ на содержаніе батраковъ — часть вознагражденія батракамъ выдавалась къ тому же натурой. Послѣдній способъ отчужденія очень понравился помѣщикамъ Курляндской губерніи, и за самый короткій промежутокъ времени число рабочихъ казармъ здѣсь возросло съ 28 до 200 (послѣ изданія закона 1867 г.).

Но въ такомъ случаѣ что же помѣшало прибалтійскимъ помѣщикамъ экспропріировать всѣ крестьянскія земли и превратить все крестьянское населеніе края въ безземельный пролетаріатъ. Но дѣло въ томъ, что крестьянское землевладѣніе въ краѣ возникло при такихъ условіяхъ, что помѣшать естественному росту и развитію этой категоріи сельскаго хозяйства нельзя было уже никакими экспропріаторскими замыслами. Въ расчеты самодержавнаго правительства, хотя бы и опирающагося у себя „дома" на крѣпостниковъ-дворянъ, однако не могло входить обезземеливаніе наиболѣе консервативной части крестьянства на культурной окраинѣ, гдѣ дворянство и безъ того пользовалось самой широкой свободой самоуправленія; при случаѣ въ этомъ крестьянскомъ сословіи все же можно было найти поддержку противъ дворянской автократіи.

Увеличилось ли крестьянское землевладѣніе въ краѣ послѣ введенія реформъ 60-хъ гг.? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Число крестьянскихъ участковъ, усадебъ, общее количество площади крестьянскаго землевладѣнія постепенно уменьшалось во всѣхъ трехъ губерніяхъ края. Отсутствіе вѣрныхъ подробно разработанныхъ статистическихъ данныхъ лишаетъ насъ возможности нарисовать полную картину этого любопытнаго процесса. По имѣющимся свѣдѣніямъ число крестьянскихъ участковъ въ Эстляндіи къ началу 90-хъ гг. уменьшилось на 100 приблизительно, въ Курляндіи—болѣе чѣмъ на 1.000, а въ Лифляндіи лишь до 1868 г. (въ 1854 г.)—на 4.301.

Единственнымъ положительнымъ результатомъ, принесеннымъ крестьянамъ-землевладѣльцамъ реформами 60-хъ гг., было закрѣпленіе за ними на условіяхъ болѣе надежныхъ, чѣмъ раньше, права пользованія, а при условіи выкупа—права постепеннаго пріобрѣтенія въ собственность земельныхъ участковъ.

Итакъ, въ Прибалтійскомъ краѣ крестьяне-землевладѣльцы, или, вѣрнѣе,—крестьяне, занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ въ качествѣ самостоятельныхъ дворохозяевъ, владѣютъ землею или 1) въ качествѣ арендаторовъ или 2) землевладѣльцевъ, крестьянъ-собственниковъ. Обѣ эти категоріи дѣлятся на нѣсколько группъ, но объ этомъ послѣ.

Продажа крестьянскихъ участковъ здѣсь особенно усилилась въ 80-хъ годахъ, въ первое же время послѣ реформы было продано очень мало участковъ. Продажная цѣна 1 десятины крестьянской земли поднялась до 135 рублей въ Лифляндіи (впятеро дороже прежней), 80—90 рублей въ Эстляндіи, 100—120 въ Курляндіи. За періодъ времени отъ 1864—1873 гг. въ Курляндіи было продано 2.744 крестьянскихъ усадьбы съ площадью земли въ 330.762 лофштели (около 112.459 десятинъ); на каждую усадьбу среднимъ числомъ приходилось 40 десятинъ земли, (пахотной—21 десятина). Вся эта земля была продана за 9.684.739 р., а наличными покупатели уплатили 1.126.369 руб.; средняя стоимость усадьбы—3.529 р., а 1 лофштели ($^1/_3$ десятины)—29 руб. 2.077 участковъ были проданы прежнимъ арендаторамъ, а 535—другимъ лицамъ *). Стоимость 1 десятины

*) Изъ нихъ—135 лицамъ не крестьян-

земли въ губерніи колебалась между 86—146 руб., смотря по качеству земли. Къ 1885 году крестьянамъ было продано 10.188 усадебъ въ 430.159 десятинъ изъ общаго числа 11.925 усадебъ. Стоимость ихъ (покупная)=38.527.960 руб. Но проданными остались 1.737 усадебныхъ участковъ. Въ казенныхъ имѣніяхъ изъ 6.789 усадебъ продано всего 81 усадьба, остальныя остались въ арендномъ пользованіи крестьянъ. Прежнимъ арендаторамъ продано 7.190 участковъ, другимъ лицамъ—1.778; изъ покупателей къ крестьянскому сословію принадлежали 8.576 лицъ, къ другимъ сословіямъ—392. Вся земельная площадь губерніи = 2.428.215 дес.; изъ нихъ на долю крестьянъ приходится 902.090 десятинъ, помѣщиковъ—1.027.762 десятины, казны—498.363 десятины, причемъ на каждое помѣщичье хозяйство приходилось отъ 2.000 до 6.000 десятинъ, а крестьянское — 30 — 50 десятинъ; дворянскихъ-помѣщичьихъ участковъ всего 344 изъ общаго числа 535 крупныхъ сельскихъ хозяйствъ въ губерніи. Средняя величина дворянскаго землевладѣнія въ губерніи—3.602 десятинъ—доходитъ до 20.000 десятинъ (напр., имѣніе Дондангенъ). Общее количество всѣхъ частновладѣльческихъ земель въ Курляндіи 1.657.000 десятинъ (1.437.054 десятины пахотныхъ земель, луговъ etc., 220.000 десятинъ лѣса. Крестьянскихъ участковъ по всей губерніи въ концѣ 80-хъ гг. насчитывается 24.871, изъ нихъ дворохозяевъ — 17.307, остальные такъ называемые бобыльи участки, арендныя земли, лѣсничества etc.—всего 7.564 участка. Безземельныхъ крестьянъ — рабочихъ, батраковъ, дворовыхъ etc. насчитывается до 300.000 человѣкъ. Всѣхъ крестьянскихъ земель въ Лифляндіи насчитывалось 25.640 усадебныхъ участковъ; изъ нихъ къ концу 80-хъ гг. было продано до 20.000 участковъ или около 1.000.000 десятинъ за 68.000.000 р., изъ которыхъ часть уплачена наличными, часть процентными бумагами, долговыми обязательствами. Средняя стоимость десятины—70 р. (отъ 40—92 руб.). Болѣе всего продано въ 1871—75 гг.—среднимъ числомъ до 1.500 усадебъ ежегодно въ 4.500.000 руб. На долю 823 частныхъ владѣльцевъ Лифляндіи приходится 2.821.931 десятина, изъ нихъ въ личномъ владѣніи дворянъ-помѣщиковъ—1.991.931 десятина (70% пахотной земли, луговъ и 29% лѣса). Средняя величина помѣщичьяго хозяйства=3.527 десятинамъ, крестьянскаго — 30 — 50 десятинамъ. Всѣхъ крестьянскихъ земель въ 1896 г. насчитывалось 1.021.862 десятины, приходящихся на долю 20.569 усадебъ.

Такъ сложились аграрныя отношенія въ двухъ смежныхъ губерніяхъ — Лифляндской и Курляндской,—населенныхъ по преимуществу латышами, послѣ реформъ 1860 гг. Къ характеристикѣ отдѣльныхъ категорій крестьянъ-усадьбовладѣльцевъ, арендаторовъ и батраковъ мы еще вернемся. Теперь же разсмотримъ общій ходъ развитія помѣщичье-крестьянскихъ отношеній въ Эстляндіи послѣ закона 1856 г. и общихъ для всего края законовъ, касавшихся быта крестьянъ,—1866, 1863, 1868 гг.

скаго происхожденія; законъ разрѣшалъ въ краѣ продавать помѣщичьи усадебные участки и лицамъ другихъ сословій.

Въ Эстляндіи встрѣчаемъ нѣсколько иныя условія, чѣмъ въ обѣихъ предыдущихъ губерніяхъ.

Количество всѣхъ крестьянскихъ участковъ здѣсь достигаетъ 17.033 (усадебъ). Изъ нихъ къ 1890—91 гг. было продано крестьянамъ и другимъ лицамъ всего 6.369 усадебныхъ участковъ или 37,39% общаго числа, изъ нихъ крестьянамъ было продано 6.299 участковъ. Изъ общаго количества 10.665 непроданныхъ участковъ въ арендномъ пользованіи крестьянъ на условіяхъ шестилѣтней или долгосрочной аренды находилось 6.543 участка, а безъ всякаго договора, на условіяхъ такъ называемаго безмолвнаго соглашенія—1.394 участка, а на условіяхъ *явно незаконной*, барщинной аренды—976 участковъ, безъ всякихъ договоровъ *на неизвѣстныхъ* условіяхъ—1.653 участка, на особенныхъ условіяхъ—56 усадебъ. Такимъ образомъ 4.079 усадебныхъ участковъ сданы крестьянамъ на условіяхъ полубарщинной аренды. Не знаю, на основаніи какихъ данныхъ статистикъ (г. А. Харузинъ) распредѣлилъ это число по особымъ категоріямъ — „явно незаконныя", „безмолвное соглашеніе" etc. Несомнѣнно одно—какъ это и явствуетъ изъ дальнѣйшихъ данныхъ того же г. Харузина, что эти арендаторы страшно эксплуатируются помѣщиками вопреки всѣмъ существующимъ законамъ, будучи въ то же время лишены всѣхъ законныхъ средствъ защиты.

Положеніе эстонскихъ арендаторовъ еще хуже, чѣмъ положеніе латышей-арендаторовъ. Всѣ долгосрочные или шестилѣтніе арендаторы могутъ быстро превратиться въ незаконныхъ. Происходитъ это слѣдующимъ образомъ: по истеченіи срока аренды (6 лѣтъ) помѣщикъ не возобновляетъ съ арендаторомъ договора, но и не выселяетъ его. Арендаторъ продолжаетъ жить въ своей усадьбѣ на прежнихъ условіяхъ, считая молчаніе помѣщика какъ бы изъявленіемъ согласія на это. Такъ продолжается нѣкоторое время, и для крестьянина-арендатора создается крайне тяжелое положеніе; онъ, оказывается, живетъ въ усадьбѣ, какъ бы по милости помѣщика. Если помѣщику вздумается предъявить къ нему какія бы то ни было вздорныя требованія—онъ долженъ выполнить ихъ, въ противномъ же случаѣ ему угрожаетъ выселеніе. Помѣщикъ можетъ сдѣлать съ нимъ все, что ему угодно. Онъ можетъ составить новый арендный договоръ и на основаніи его предъявить въ любой изъ мѣстныхъ судовъ къ крестьянину-арендатору какой угодно искъ—судья не можетъ отказать въ удовлетвореніи этого иска,—ибо у крестьянина нѣтъ никакого документа на пользованіе землей. Во что при такихъ условіяхъ обращается для крестьянина-эстонца помѣщичья аренда—предоставляю судить читателю. Это не что иное, какъ возвращеніе къ старому крѣпостному праву. Закономъ 1868 г. барщина отмѣнена для всего края, но по отношенію къ Эстляндіи не была отмѣнена ст. 170 Крестьянскаго Положенія 1856 г., согласно которой часть арендной платы (не свыше 25%) можетъ отбываться арендаторомъ работой, и этой статьей въ усиленныхъ размѣрахъ повсюду пользовались эстляндскіе помѣщики, переводя на барщину почти всю аренду, эксплуатируя въ

страшныхъ размѣрахъ рабочую силу крестьянъ и, кромѣ того, обирая ихъ до послѣдней копейки, взыскивая съ нихъ ту часть аренды, которая уплачивалась деньгами. Постановленіе закона о 25% барщины не могло служить для помѣщиковъ препятствіемъ; исчисленіе стоимости работъ на деньги производилось помѣщикомъ же, которому фактически всегда представлялась возможность перевести всю аренду на барщину, хотя болѣе желательнымъ для него было пользоваться дешевымъ трудомъ крестьянина, да вдобавокъ получать съ него нѣкоторую плату за право пользованія арендным участкомъ. Этимъ объясняется, почему въ Эстляндіи было продано такъ мало земли, почему здѣсь до самаго послѣдняго времени преобладаетъ арендное землепользованіе—такъ было выгоднѣе для помѣщиковъ. Лифляндскіе и курляндскіе бароны содрали со своихъ крестьянъ за землю втридорога—что-то около 120.000.000 р. въ общемъ плюсъ „пережитки феодальнаго строя"; эстляндскіе помѣщики сохранили „оцивилизованную" безъ плети и розогъ—барщину+арендную плату и выкупные платежи.

Пространство земли въ губерніи=1.623.479 десятинамъ, изъ нихъ такъ называемой крестьянской 672.175 десятинъ, а въ личномъ владѣніи (по преимуществу дворянъ)—919.300 десятинъ. Количество всей пахотной земли (1885—86 г.)=296.249 десятинамъ, изъ нея 62,6% приходилось на долю крестьянъ.

Громадное большинство крестьянской земли—около 86%—находится въ пользованіи крестьянъ-усадьбовладѣльцевъ, но зато значительная часть такъ называемой мызной земл распредѣлена между такъ называемыми бобылями.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію общихъ условій, создавшихся для крестьянъ-усадьбовладѣльцевъ всего края, пріобрѣтшихъ усадьбы въ свою собственность. Въ Лифляндіи и Курляндіи уже большая часть усадебъ продана крестьянамъ (въ Эстляндіи—наоборотъ), что однако не означаетъ, что усадьбы эти перешли во фактическое владѣніе крестьянъ. При покупкѣ усадебъ собственныхъ наличныхъ средствъ крестьянъ оказалось немного; они уплатили наличными не болѣе 10—20% всей выкупной суммы, а остальные 90—80% были милостиво разсрочены помѣщиками даже на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Свой долгъ крестьяне уплачивали постепенно, ежегодными взносами, для чего имъ приходилось занимать деньги изъ мѣстнаго дворянскаго банка подъ закладную усадебъ. Но дворянскій банкъ выдавалъ ссуды лишь въ размѣрѣ 50% таксаціонной суммы, а усадьбы продавались помѣщиками значительно дороже, чѣмъ оцѣнивались банкомъ, и такимъ образомъ у крестьянъ, кромѣ долга банку, образовался еще значительный „личный" долгъ продавцу-помѣщику (разница въ оцѣнкѣ). Изъ офиціальныхъ свѣдѣній за 1871/2 г. видно, напримѣръ, что тогда въ Курляндіи было продано 7.223 усадьбы за 27.545.069 р., а изъ дворянскаго банка крестьянамъ была выдана ссуда всего въ размѣрѣ 11.227.500 р., и такимъ образомъ за крестьянами осталось личнаго долгу продавцамъ болѣе 10.000.000 руб., который они обязывались уплатить въ опредѣлен-

вые сроки, или чрезъ тотъ же банкъ по уплатѣ перваго займа. Но такъ какъ вторичный заемъ изъ банка можетъ быть совершенъ не раньше 25—30 лѣтъ послѣ заключенія перваго займа,—то за это время крестьяне, лишенные возможности уплачивать упомянутый долгъ, находились въ сильной зависимости отъ помѣщиковъ.

За благодѣтельное предоставленіе крестьянину-покупателю разсрочки гг. помѣщики постарались зато такъ ограничить его владѣльческія права на купленный имъ участокъ земли, что крестьянинъ изъ землевладѣльца превращался какъ бы снова въ арендатора. Понятно, что для достиженія этой цѣли бароны пустили въ ходъ всѣ законныя и незаконныя средства.

Сенаторъ Манассеинъ въ своемъ отчетѣ приводитъ главнѣйшія изъ этихъ средствъ.

Изъ „законныхъ средствъ“ онъ указываетъ на слѣдующія, наиболѣе распространенныя: 1) во всѣхъ почти купчихъ на крестьянскія усадьбы крестьянину-покупателю вмѣняется въ обязанность имѣть опредѣленное количество скота и не продавать на сторону корму для скота; въ случаѣ невыполненія этихъ обязательствъ усадьба съ прилегающею землею продается съ аукціона; та же участь постигаетъ усадьбовладѣльца, если въ опредѣленный срокъ онъ не уплатитъ продавцу-помѣщику „личный долгъ“ или опредѣленную часть долга. Долгъ взыскивался съ него путемъ аукціонной продажи движимаго и недвижимаго имущества. Аукціонная продажа крестьянскихъ усадебъ практиковалась въ довольно обширныхъ размѣрахъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Лифляндіи въ теченіе трехъ лѣтъ (1894—96 гг.) было объявлено къ аукціонной продажѣ 3.926 усадебъ.

Незаконныя ограниченія со стороны помѣщиковъ играли болѣе видную роль при заключеніи купчихъ съ крестьянами. Вопреки прямому смыслу закона, предоставлявшаго крестьянину *всѣ* права собственности на купленную имъ землю, исключая особыхъ привиллегій дворянства, помѣщики вносили въ купчую рядъ пунктовъ, ограничивающихъ владѣльческія права крестьянина. Крестьянину-усадьбовладѣльцу, напримѣръ, воспрещалось строить на своей землѣ мельницы, открывать торговыя заведенія, корчмы, мастерскія, кузницы, категорически воспрещалась охота и рыбная ловля въ принадлежащихъ ему лѣсахъ и водахъ. Дальше,—не взирая на законъ, разрѣшавшій отчужденіе частной собственности лишь въ случаяхъ, когда этого требуютъ государственные и общественные интересы, прибалтійскіе помѣщики всѣхъ трехъ губерній неоднократно нарушали „священное право собственности“, выговоривъ себѣ въ купчихъ право въ извѣстныхъ случаяхъ даже безвозмездно отчуждать крестьянскія земли при проведеніи желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, прорытіи каналовъ, канавъ и т. п.

Дальнѣйшія ограниченія правъ крестьянина коснулись всей экономической организаціи крестьянскаго быта; не взирая на законы, помѣщики путемъ „добровольныхъ соглашеній“ оставили за собою право вмѣшиваться во всѣ области крестьянской жизни, оказывать рѣшающее вліяніе

при распредѣленіи крестьянскихъ повинностей — государственныхъ и общественныхъ. Благодаря этому было достигнуто то, что вся тяжесть общественныхъ повинностей и податей легла исключительно на крестьянъ, а помѣщики освободились даже отъ многихъ тѣхъ повинностей, которыя они несли въ эпоху крѣпостного права.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока крестьяне-усадьбовладѣльцы не выкупили своихъ усадебъ; въ концѣ XIX и началѣ XX ст. въ Лифляндіи и Курляндіи уже значительная часть усадьбовладѣльцевъ уплатили сполна всю выкупную сумму и долгъ банку. Исчезла ихъ экономическая зависимость отъ помѣщиковъ, и тѣмъ сильнѣе бросились въ глаза тѣ ограниченія и стѣсненія ихъ владѣльческихъ правъ на перешедшую въ полную ихъ собственность землю, которыя возникли въ эпоху этой зависимости. На почвѣ этихъ противорѣчій назрѣвалъ острый конфликтъ между крестьянской буржуазіей и полу-капиталистическимъ, полу-феодальнымъ сословіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, завершившійся въ своей первой стадіи разрыва со старымъ—революціей 1905 г. Въ Эстляндіи же этотъ сословно-классовый антагонизмъ принялъ нѣсколько иную форму; здѣсь все еще помѣщики долго продолжали эксплуатировать и капиталъ и рабочую силу *арендаторовъ*—благодаря чему экономическая сторона эстонскаго крестьянскаго движенія во многомъ отличается отъ латышскаго.

Считаю теперь необходимымъ сказать нѣсколько словъ о переходныхъ и промежуточныхъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ краѣ, встрѣчающихся особенно часто въ Эстляндской губерніи.

По всей Эстляндской губерніи насчитывается въ 1890 — 92 гг. 9.709 такъ называемыхъ бобыльихъ участковъ (или 7.462 двора), расположенныхъ частью на помѣщичьей 2.843 участка), частью на крестьянской (6.866 участковъ) землѣ, обнимающей собою 73.212 десятинъ. Это—крошечныя, среднимъ числомъ въ $7^1/_2$ десятинъ, хозяйства, владѣльцы или арендаторы которыхъ добываютъ себѣ средства къ жизни какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ (извозомъ, напримѣръ), а хозяйство служитъ для него лишь нѣкоторымъ подспорьемъ или наоборотъ—арендуя у помѣщика или дворохозяина десятинъ 10 земли, они ищутъ подспорья въ какомъ-нибудь промыслѣ. Величина бобыльяго участка отъ $^1/_3$ — $^1/_8$ десятины до 10 десятинъ. Изъ общаго количества 7.462 „усадебъ“ продано всего 878 усадебъ, изъ нихъ на крестьянской землѣ 732, на мызной — 146, причемъ крестьянамъ продано — 851 усадебный участокъ. Такимъ образомъ общее количество непроданныхъ бобыльихъ участковъ = 6.581. Изъ нихъ въ арендѣ по шестилѣтнему или долгосрочному договору находятся всего 1.598 участковъ, а не въ законной арендѣ—4.983 участка, причемъ безъ всякаго договора—2.577 участковъ.

Что условія „законной“ и „незаконной“ аренды для бобылей не лучше, чѣмъ для дворохозяевъ — объ этомъ не стоитъ и говорить. Та же безсовѣстная эксплуатація труда—

барщинная аренда—и денегъ, то же явное нарушеніе всѣхъ закономъ установленныхъ нормъ, характеризуетъ отношеніе хозяевъ-землевладѣльцевъ къ бобылямъ съ тою лишь разницей, что „хозяевами“ по отношенію къ бобылямъ являются не только помѣщики, но и крестьяне-дворохозяева.

Несмотря на воспрещеніе закона, въ Прибалтійскомъ краѣ не только помѣщики, арендующіе громадныя казенныя имѣнія, разбиваютъ ихъ на мелкіе участки и отдаютъ въ аренду крестьянамъ за плату, разъ въ 10—25 превосходящую ту, которую они сами уплачиваютъ казнѣ, но также арендаторы-крестьяне отдаютъ въ аренду часть своихъ земель бобылямъ, разбивая землю на крошечные—въ $^1/_6$—$^1/_8$ десятины—участки.

Изъ общаго числа непроданныхъ бобыльихъ участковъ въ Эстляндіи крестьянами отдано въ арендное пользованіе бобылей на условіяхъ законной аренды — 2.232 участка, а незаконной—3.469 участковъ, а помѣщиками — на условіяхъ законной аренды — 764, незаконной — 1.955 участковъ, причемъ въ арендѣ безъ всякаго контракта — по взаимному соглашенію крестьянами—сдано 38% всей заарендованной бобылямъ земли, а помѣщиками—36%.

Арендная цѣна бобыльихъ участковъ разная, отъ 10—30—36 руб. за десятину въ годъ. Бобыльи участки сильно распространены въ западной части Курляндіи и доставляютъ не малый доходъ крестьянамъ-усадьбовладѣльцамъ. На землѣ нѣкоторыхъ дворохозяевъ имѣется до 20—25 бобыльихъ участковъ, расположенныхъ небольшимъ скученнымъ поселкомъ, напоминающимъ немного русскую деревню. Арендная цѣна 1 пурнаго мѣста (лофштеля) земли=10—12 руб. въ годъ, десятины 30—36 руб. Если 20 бобыльихъ участковъ занимаютъ около 8 десятинъ, то доходъ усадьбовладѣльца составляетъ съ бобылей ежегодно 240—280 руб. въ годъ.

Кромѣ того, въ началѣ 90-хъ гг. сильнаго развитія достигъ другой видъ землепользованія—отдача крестьянами же или помѣщиками крестьянскихъ усадебъ въ арендное пользованіе такъ называемыхъ полухозяевъ. Этотъ обычай достигъ особо сильнаго распространенія въ Курляндіи. Усадьба въ 60 десятинъ отдавалась 4 лицамъ, такъ что на каждаго приходилось среднимъ числомъ по 15 десятинъ. Всѣ они съ семьями и батраками занимали усадьбу, распредѣляя между собою всѣ жилыя и хозяйственныя строенія и землю при посредничествѣ хозяина. Каждый арендаторъ-полухозяинъ былъ обязанъ не только уплатить къ сроку арендную плату, но и имѣть опредѣленное количество скота и рабочихъ рукъ, закончить обработку полей къ опредѣленному времени и не запускать хозяйства. Арендные договоры между владѣльцами-крестьянами и полухозяевами служатъ яркимъ примѣромъ того, что при случаѣ крестьяне-землевладѣльцы являются такими же „эксплуататорами“, какъ землевладѣльцы-помѣщики; собственническіе интересы и инстинкты мелкаго сельскаго хозяина не уступаютъ ни въ чемъ таковымъ же крупнаго аграрія.

Таковы важнѣйшія категоріи землевладѣльческаго населенія края. Слѣдуетъ еще упомянуть о такъ назы-

ваемыхъ пасторскихъ крестьянахъ, которыхъ вовсе не коснулись реформы 60-хъ годовъ и потому находящихся въ крайне тяжелыхъ условіяхъ. Арендныя и выкупныя условія имъ диктуются пасторами по собственному усмотрѣнію и потому всѣ пережитки барщины и крѣпостного безправья здѣсь сохранились въ наиболѣе яркой формѣ и неприкосновенности до самаго послѣдняго времени. Что касается крестьянъ, бывшихъ „казенныхъ", то положеніе ихъ въ общемъ мало разнится отъ положенія „помѣщичьихъ-крестьянъ"— большинство, болѣе $^3/_4$, казенныхъ имѣній сданы въ аренду мѣстнымъ же помѣщикамъ. Исключеніе составляетъ только Курляндія, гдѣ всѣ почти казенные крестьяне-дворохозяева въ XIX столѣтіи находились на положеніи арендаторовъ. Всѣхъ казенныхъ усадебъ, находящихся въ пользованіи крестьянъ, въ Лифляндіи и Курляндіи насчитывалось въ 80-хъ гг. 13.088; изъ нихъ продано всего 502 усадьбы въ 27.867 десятинъ, остальныя—въ арендномъ пользованіи.

Теперь перейдемъ къ положенію самаго многочисленнаго класса населенія края—сельскаго пролетаріата.

Изъ $2^1/_2$ милліоннаго слишкомъ населенія края онъ составляетъ не менѣе $1^1/_2$ милліона душъ, образуя по преимуществу классъ сельскихъ рабочихъ, батраковъ. Батраки дѣлятся на крестьянскихъ и помѣщичьихъ. Окончательно сложился экономически этотъ классъ только къ концу XIX столѣтія, когда наемно-договорныя отношенія мелкихъ и крупныхъ сельскихъ хозяевъ, съ одной, а батраковъ, съ другой стороны, опредѣлились съ достаточною ясностью. До того времени еще нерѣдки были случаи, что батраки становились арендаторами, бобылями и даже дворохозяевами. Это достигалось тѣмъ, что часть вознагражденія за свой трудъ они получали отъ помѣщика и дворохозяина натурой. Обыкновенно это дѣлалось такъ: помѣщикъ или дворохозяинъ отводилъ батраку съ семьей участокъ земли и огорода, предоставляя ему воздѣлывать его въ свободные часы. Батраки засѣивали свои участки рожью, картофелемъ, воздѣлывали разныя огородныя растенія, кромѣ того, хозяева содержали для каждой семьи батрака корову, свинью, нѣсколько штукъ овецъ—и такимъ образомъ батракъ добывалъ не только все необходимое для жизни (одежда и харчи тоже были хозяйскіе), но часто ухищрялся еще продавать на сторону нѣкоторый излишекъ—шерсть, сало, масло и т. д. Такимъ образомъ у него оставались въ карманѣ не только тѣ 40—50 рублей, которые онъ получалъ ежегодно отъ хозяина въ качествѣ вознагражденія деньгами, но онъ къ нимъ прибавлялъ еще часть выручки за проданные продукты. И въ результатѣ послѣ 10—12 лѣтъ каторжнаго труда и частью добровольныхъ, частью вынужденныхъ лишеній у многихъ батраковъ накоплялось рублей 600—700, такъ что они могли снять въ аренду участокъ земли или переселиться въ городъ. Эти батраки составили главный контингентъ переселенцевъ, наводнившихъ города края въ 80-хъ гг. XIX столѣтія, и многимъ изъ нихъ, какъ говорится, повезло: они стали зажиточными лавочниками, домовладѣльцами, подрядчиками и т. д., а другіе устроились тутъ

же въ деревнѣ, стали арендаторами, усадьбовладѣльцами, полу-хозяевами. Но когда періодъ этого соціальнаго переустройства прошелъ, въ городахъ образовался и окрѣпъ сильный классъ средней и мелкой буржуазіи—мелкихъ домовладѣльцевъ, лавочниковъ etc.,— прекратился въ силу естественно измѣнившихся условій притокъ переселенцевъ въ города. Съ другой стороны, въ 90-хъ гг. измѣнились также условія деревенской жизни; классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, вполнѣ сложившійся въ своей экономической структурѣ, образовалъ сильную замкнутую корпорацію, въ которую притокъ свѣжихъ элементовъ уже сдѣлался невозможнымъ, на что повліяли также измѣнившіяся потребности, общія условія жизни, уровень заработной платы, повышеніе арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на крестьянскіе участки etc. Тогда уже денежное вознагражденіе батраковъ стало все возрастать, а, наоборотъ, — вознагражденіе, получаемое натурой, все уменьшаться. Переходъ изъ батрацкаго состоянія въ другое уже сдѣлался невозможнымъ, и приходилось задумываться о другихъ мѣрахъ борьбы за улучшеніе своего положенія.

Крестьянскіе батраки составляютъ большинство сельскаго пролетаріата. Каждый дворохозяинъ имѣетъ 5—6 наемныхъ рабочихъ: 1—2 взрослыхъ мужчинъ, 2—3 женщинъ, 1—2 пастуховъ. Въ 80-хъ гг. дворохозяева въ усиленныхъ размѣрахъ стали эксплуатировать трудъ подростковъ лѣтъ 15—18, такъ называемыхъ „полубатраковъ", получавшихъ въ виду своей молодости половинное содержаніе батрака взрослаго, хотя обязаннаго дѣлать тѣ же работы, что и взрослый. Кромѣ хозяйскаго содержанія, жилища и одежды, а также небольшого участка огорода, права содержать на хозяйскихъ пастбищахъ нѣсколько овецъ, иногда 1 корову, батракъ получалъ часть вознагражденія деньгами въ самыхъ различныхъ размѣрахъ, смотря по мѣстности и условіямъ, отъ 60—150 р. въ годъ. Условія батрацкаго труда были нелегкія; лѣтомъ приходилось работать 17—19 часовъ въ сутки, съ $1^1/_2$-часовымъ обѣденнымъ перерывомъ. Условія жизни тоже были не важныя; помѣщеніе для батраковъ— тѣсное, грязное, чаще всего 1 комната, такъ называемая людская половина крестьянской избы, въ которой ютились и семейные и холостые обоего пола. Между дворохозяевами и батраками еще сохранились патріархальныя отношенія, но увеличеніе съ каждымъ годомъ эксплуатаціи батрацкаго труда мало-по-малу разрушали эти пережитки стараго времени, раскрывая непримиримыя протирорѣчія обоихъ классовъ.

Помѣщики тоже старались по возможности дольше сохранить для своихъ батраковъ вознагражденіе натурой, отводя имъ небольшіе участки земли, жилища и лишь незначительную часть заработной платы выдавая деньгами. Кромѣ того, особыми наемными договорами помѣщики пытались превратить батраковъ въ своихъ крѣпостныхъ, выговаривая себѣ даже право тѣлеснаго наказанія, отмѣненнаго закономъ 1865 г. Но хищническіе замыслы бароновъ, а также ихъ грубые эксплуататорскіе пріемы — выдача батракамъ зерна худшаго качества, крайне неопрятное

содержаніе рабочихъ казармъ и т. п., заставили батраковъ насторожиться и подумать объ огражденіи своихъ правъ противъ крѣпостническихъ притязаній помѣщиковъ. И первая борьба въ прибалтійской деревнѣ на экономической почвѣ, впервые носившая характеръ организованнаго международнаго рабочаго движенія — была борьбой помѣщичьихъ батраковъ противъ введенія новыхъ стѣснительныхъ для рабочихъ наемныхъ договоровъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что во время лѣтнихъ работъ дворохозяева прибѣгали часто къ труду поденщиковъ, будучи не въ состояніи справиться наличными постоянными рабочими силами. Впрочемъ, помѣщики прекрасно обходились и безъ наемныхъ рабочихъ; лѣтомъ на нихъ отбывали барщину жены батраковъ— согласно контракту, бобыли—за разныя мелкія льготы со стороны помѣщика: разрѣшеніе собирать ягоды, грибы и хворостъ въ помѣщичьемъ лѣсу, за право пользованія какимъ-нибудь клочкомъ луга, сѣнокоса и т. п.

Правовое положеніе батраковъ въ дѣлахъ сельскаго самоуправленія было сильно ограничено по сравненію съ положеніемъ крестьянъ-дворохозяевъ. Составляя главную массу плательщиковъ сельскихъ податей, они были лишены права участія въ раскладкѣ повинностей и податей, въ распредѣленіи и назначеніи общественныхъ суммъ. Правда, такъ называемые „десятники“ (по 1 на 10 человѣкъ) имѣли право участія на волостномъ сходѣ, и часть выборныхъ отъ волости избиралась изъ ихъ среды. Но въ общемъ волостное самоуправленіе всецѣло находилось въ рукахъ дворохозяевъ подъ контролемъ высшей администраціи уѣзда.

Вытѣсненные изъ своихъ прежнихъ крѣпостническихъ позицій, прибалтійскіе бароны поспѣшили занять всѣ отвѣтственные административные и другіе посты въ краѣ, что имъ и удалось. Со введеніемъ въ краѣ института уѣздныхъ начальниковъ—съ цѣлью ограниченія свободы крестьянскаго самоуправленія (въ 1889 г.) — вся власть надъ крестьянскимъ населеніемъ края снова перешла въ руки помѣщиковъ—изъ всего числа уѣздныхъ начальниковъ только нѣсколько человѣкъ оказались непринадлежащими къ сословію мѣстныхъ помѣщиковъ.

Церковь все время служила въ рукахъ помѣщиковъ надежнымъ средствомъ эксплуатаціи народныхъ массъ; пасторы лютеранскіе тоже были всѣ помѣщиками, и такимъ образомъ, кромѣ узъ кровнаго родства— многіе изъ нихъ принадлежали къ мѣстному дворянскому сословію, а громадное большинство были нѣмцы —ихъ еще связывали съ баронами тѣсные классовые интересы. Пасторъ, какъ крупный землевладѣлецъ, не могъ не проповѣдывать съ кафедры мораль временъ крѣпостничества и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ въ силу своего положенія долженъ былъ отстаивать интересы бароновъ. Отсюда у латышей и эстовъ такой индифферентизмъ къ церкви, такая горячая общая ненависть къ пасторамъ за исключеніемъ тѣхъ приходовъ, очень немногочисленныхъ, гдѣ пасторы (изъ латышей) пытались опереться на крестьянскую буржуазію, порвавъ съ помѣщиками. Сильное развитіе раціо-

налистическаго сектантства въ краѣ, по преимуществу среди дворохозяевъ, тоже слѣдуетъ разсматривать какъ одну изъ формъ протеста противъ классовой политики лютеранскаго духовенства. Наиболѣе распространены здѣсь гернгутское ученіе и баптизмъ (особенно послѣдній) съ болѣе демократическою организаціею прихода, упрощенностью обрядовъ etc.

Народная школа тоже долгое время служила въ рукахъ помѣщиковъ и пасторовъ надежнымъ средствомъ воспитывать народъ въ послушаніи и ханжествѣ. Но въ 80-хъ гг. началась борьба изъ-за школы между помѣщиками и русификаторами, особенно обострившаяся въ 90-хъ гг. Вѣянія 60-хъ гг. дали возможность нѣсколько оправиться и народной школѣ, принявшей къ тому времени болѣе или менѣе соотвѣтствующій своему назначенію видъ. Либеральные латышскіе педагоги во главѣ съ г. Цимзе, директоромъ учительской семинаріи, создали болѣе свободную народную школу въ деревнѣ, такъ что къ тому времени первоначальное обученіе стало дѣйствительно общедоступнымъ и общеобязательнымъ. Страна покрылась цѣлою сѣтью школъ волостныхъ, приходскихъ, министерскихъ. Преподаваніе велось на латышскомъ языкѣ; русскій языкъ былъ лишь обязательнымъ предметомъ преподаванія. Но съ наступленіемъ періода реакціонно-обрусительной политики Александра III положеніе круто измѣнилось; народныя школы было рѣшено превратить въ русификаціонныя учрежденія, и все преподаваніе въ нихъ подъ вліяніемъ этого вѣянія свелось къ „изученію" русскаго языка по системѣ безтолковой зубрежки и подъ наблюденіемъ безграмотныхъ преподавателей, часто очень слабо владѣвшихъ русскимъ языкомъ. Въ результатѣ за нѣсколько лѣтъ процентъ учащихся сильно понизился, понизился также уровень грамотности и общаго развитія сельскаго населенія.

Большую роль въ дѣлѣ общаго и спеціальнаго развитія мѣстнаго сельскаго населенія сыграли разныя общества и союзы, возникшіе повсюду въ краѣ. То были или спеціальныя общества сельскаго хозяйства, садоводства, огородничества, маслодѣлія, пчеловодства, потребительныя и тому подобныя, имѣвшія цѣлью поднять культурный уровень крестьянскаго сельскаго хозяйства, или такъ называемыя благотворительныя, вспомогательныя, пѣвческія общества, общества трезвости и т. п., преслѣдовавшія общеобразовательныя культурныя цѣли. Какъ тѣ, такъ и другія общества были созданы исключительно крестьянами-дворохозяевами. Общества перваго рода сыграли значительную роль въ борьбѣ мелкаго сельскаго хозяйства съ крупнымъ, достигшей высшей точки напряженія въ 80-хъ гг.

Разрушеніе крѣпостнически-барщинной системы хозяйства нанесло сильный ударъ хозяйству многихъ помѣщиковъ, придерживавшихся еще устарѣлой 3-ехпольной системы. Успѣвшіе перейти на многопольную, плодоперемѣнную (7—8-польную) систему быстро освоились съ новымъ положеніемъ, ввели новые способы удобренія, обработки, дренажъ, новѣйшія сельско-хозяйственныя машины и быстро поставили свое хозяйство

на капиталистическую ногу, такъ что для нихъ переходъ отъ барщиннаго къ наемному труду никакихъ затрудненій не создалъ. Иначе обстояло съ помѣщиками другой категоріи. Они тоже владѣли громадными латифундіями, иногда заводами, но хозяйство ихъ держалось исключительно барщиной; ихъ арендаторы были обременены тяжелыми повинностями и податями, а для изысканія средствъ къ увеличенію своего благосостоянія имъ часто приходилось прибѣгать къ „выселенію“ арендаторовъ и отчужденію ихъ земли. Первое время послѣ реформъ 60-хъ гг. они еще не испытывали особаго стѣсненія. Но въ 70-хъ гг. прекратилась возможность выселять и отчуждать — и помѣщичье хозяйство стало падать. А крестьяне повсюду ввели многопольную систему, отчего производительность хозяйства ихъ увеличилась въ нѣсколько разъ. Кромѣ того, многіе ввели у себя въ качествѣ важнаго подспорья молочныя хозяйства—и такимъ образомъ крестьяне стали успѣшно конкурировать не только съ отсталыми, но и прогрессивными помѣщичьими хозяйствами, въ качественномъ и количественномъ отношеніи. За это время разорился не одинъ помѣщикъ—и большинство изъ нихъ сильно задолжали дворянскому поземельному банку. Однако наиболѣе предпріимчивые помѣщики быстро оправились отъ этого кризиса. Они поспѣшили вложить въ дѣло еще большіе капиталы, завели крупныя молочныя хозяйства (до 200—300 коровъ) по всѣмъ требованіямъ науки и техники, и въ результатѣ образцово устроенныя имѣнія стали приносить такой доходъ, о какомъ крестьянамъ не приходилось и мечтать. Помѣщичьи продукты снова стали вытѣснять крестьянскіе. Эта эпоха расцвѣта крупнаго сельскаго хозяйства совпадаетъ съ усиленіемъ реакціи и русификаторской политики правительства въ краѣ.

Наряду съ тѣмъ въ широкихъ слояхъ общества шелъ процессъ постепеннаго проясненія классового самосознанія, и все ярче вырисовывалась противоположность классовыхъ интересовъ.

Уже съ конца 60-хъ годовъ переселенцы-крестьяне начинаютъ массами наводнять города. Начался быстрый ростъ промышленности и торговли, началась бѣшеная строительная горячка. Рижскія окраины быстро застраивались маленькими одноэтажными домиками въ нѣсколько комнатъ, и скоро уже латышское населеніе предмѣстій, составляло значительнѣйшее большинство городского населенія. Уничтоженіе цехового быта и магистрата способствовало болѣе усиленному росту мелкой и средней городской буржуазіи.

Съ ростомъ численности и матеріальнаго благосостоянія новаго класса городского населенія, развивались и росли также его духовныя силы. И благодаря принадлежности всей городской и крестьянской мелкой буржуазіи къ латышскому или эстонскому народу, классовая борьба этихъ сословій приняла своеобразную форму національнаго культуркампфа.

Сохранившійся латышскій и эстонскій языкъ къ тому времени развились; у латышей и эстовъ образовалась своя письменность, первые задатки національной литературы.

Въ юрьевскомъ и другихъ рус-

скихъ университетахъ къ тому времени уже обучались латыши и эсты, сыновья латышскихъ и эстонскихъ дворохозяевъ и торговцевъ.

Первыми идеологами классовой борьбы молодой латышской буржуазіи, первыми столпами латышскаго „національнаго движенія“ были — Хр. Вальдемаръ, извѣстный дѣятель по морскому дѣлу, создавшій балтійскій торговый флотъ, мореходныя училища въ краѣ и по всей Россіи, писатель по общественнымъ вопросамъ, далѣе писатели, публицисты, педагоги и латышскіе общественные дѣятели А. Спагисъ, Кр. Баронъ, Кронвальдъ, Дирикъ и др. Соединенными усиліями этихъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, была создана латышская свѣтская литература и журналистика, основаны общества, союзы и положено начало общественной жизни латышей. Латышскіе націоналисты не представляли собою какой-нибудь опредѣленной политической партіи съ ясно выраженной программой. Ихъ цѣлью было—освобожденіе и обезпеченіе свободы развитія латышскаго крестьянства (дворохозяевъ) и городской буржуазіи, а средства къ достиженію этой цѣли—мирная культурная борьба съ нѣмцами при поддержкѣ русскаго правительства. Являясь выразителями насущныхъ нуждъ и стремленій городской и сельской буржуазіи, первые латышскіе націоналисты говорили отъ имени всего латышскаго народа, о народныхъ интересахъ и были по своему правы, отожествляя единственно экономически и политически сложившіеся классы народа со всѣмъ народомъ.

Но въ 90-хъ гг. звѣзда народничества померкла. Къ тому времени въ городахъ уже образовался сильный классъ чистаго пролетаріата — промышленнаго и торговаго, опредѣлились также классовыя отношенія въ деревнѣ. Латышская городская буржуазія уже выдѣлила изъ своей среды нѣсколькихъ фабрикантовъ, крупныхъ торговцевъ и предпринимателей, и латышскій рабочій испыталъ уже на себѣ эксплуататорскую власть „своего“ латышскаго хозяина. Экономическія противорѣчія вызвали скоро идейныя противорѣчія, нашедшія свое отраженіе въ современной литературѣ. Въ латышской прессѣ и литературѣ появились первые вѣстники марксизма. Газета „Deenas Lapa“ вокругъ которой группировался кружокъ марксистовъ — латышскихъ студентовъ и журналистовъ, — повела рѣзкую кампанію противъ народниковъ, провозгласивъ новый идеалъ общественной жизни — классовую борьбу. Возгорѣлась рѣзкая и продолжительная полемика, вызвавшая соотвѣтственное броженіе въ широкихъ кругахъ латышскаго общества и интеллигенціи. Первые латышскіе марксисты тоже говорили отъ имени всего латышскаго народа, выдвигая совсѣмъ другія требованія и тактику, чѣмъ націоналисты. За первыми, дѣйствительно, стояло громадное большинство латышскаго народа, а вторые превратились въ защитниковъ и представителей интересовъ кучки разбогатѣвшей латышской буржуазіи — лавочниковъ, подрядчиковъ, домовладѣльцевъ и дворохозяевъ.

Настроеніе общества оказалось въ пользу молодого поколѣнія, а націоналисты изъ прогрессивной и отчасти

даже революціонной—по своей экономической сущности — партіи превратились въ консервативную и во многомъ даже реакціонную партію, поставившей своей цѣлью сохраненіе завоеванныхъ правъ и преимуществъ, хотя бы въ ущербъ большинству населенія края.

Уже на зарѣ XX вѣка—въ 1899 г.—надъ латышскимъ краемъ прокатилась первая могучая волна экономической забастовки, охватившей всѣ фабрики и заводы Риги и Либавы. Бастовало до 60.000 человѣкъ. Забастовка сопровождалась уличными демонстраціями и безпорядками и окончилась частичной побѣдой рабочихъ. Руководили забастовкою мѣстныя социал-демократическія организаціи. Это новое движеніе сыграло громадную агитаціонную роль и послужило первымъ грознымъ предвѣстникомъ грядущихъ историческихъ событій въ краѣ.

ГЛАВА V.

Городская контръ-реформа 11 іюня 1892 года.

(Г. И. Шрейдера).

1.

Первой всенародной переписью, 28 января 1897 года, установленъ былъ фактъ необычайно быстраго роста городской Россіи. Обнаружилось, что въ предшествовавшее переписи двѣнадцатилѣтіе (съ 1885 г.) городское населеніе (въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи) возросло въ общемъ на 18,7%, слѣдовательно, въ среднемъ въ годъ на 1,56%. Приблизительно въ тотъ же періодъ средній ежегодный приростъ въ городскихъ округахъ Англіи и Уэльса не превысилъ 1,53%, въ Шотландіи—1,4%. Россія такимъ образомъ оказалась опередившей даже классическую страну крупной капиталистической индустріи, въ такой огромной степени обусловливающей возникновеніе и развитіе городскихъ центровъ. Но ничего загадочнаго въ такомъ быстромъ ростѣ городской Россіи, конечно, нѣтъ: этотъ ростъ—вполнѣ естественный и неизбѣжный продуктъ той всесторонней эволюціи, на путь которой выступила страна съ освобожденіемъ крестьянъ. Въ статьѣ, посвященной городской реформѣ 1870 года, мы отмѣтили уже, въ какой огромной степени условія пореформенной Россіи благопріятствовали развитію городской жизни, и теперь намъ остается только указать, что въ силу этихъ же условій ростъ городского населенія происходилъ не только путемъ развитія старыхъ, но также благодаря возникновенію новыхъ городскихъ поселеній. Ростовъ на Дону, въ еще большей

мѣрѣ Екатеринославъ, не говоря уже о Лодзи,—вотъ наиболѣе яркіе примѣры той почти сказочной быстроты, съ которой совершилось превращеніе ничтожныхъ провинціальныхъ городишекъ въ огромные, многолюдные торгово-промышленные центры. Но рядомъ съ такимъ превращеніемъ мелкихъ городовъ въ крупные, возникло также не мало совсѣмъ новыхъ городскихъ поселеній,—частью на мѣстѣ селъ и деревень, частью на пустыряхъ, въ совершенно безлюдныхъ и дикихъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно не было даже признаковъ человѣческаго жилья. Огромную роль въ данномъ случаѣ сыграли ростъ и развитіе потребностей сельскаго населенія въ связи съ развитіемъ сѣти рельсовыхъ путей. „Еще недавно",—читаемъ мы, напр., относительно ярославскаго крестьянина *), послѣдній „обходился почти безъ фабричной мануфактуры, пользуясь домашними издѣліями; но теперь это время прошло безвозвратно, и фабричный станокъ вполнѣ почти вытѣснилъ и сдѣлалъ ненужнымъ употребленіе ручного ткацкаго станка; бакалейный же и колоніальный товары и ихъ главные представители—чай и сахаръ,—идутъ въ деревню въ огромномъ количествѣ". Прежде, когда крестьянскій спросъ на мануфактуру, колоніальные и бакалейные товары былъ весьма ограниченъ, онъ могъ быть вполнѣ удовлетворенъ болѣе или менѣе отдаленной отъ деревни лавкою уѣзднаго города. Но подъ вліяніемъ пореформенныхъ условій жизни страны потребности деревни весьма быстро выросли настолько, что удовлетвореніе ихъ издалека, изъ уѣзднаго города, стало весьма неудобнымъ и затруднительнымъ,—не только въ отношеніи количественномъ, въ томъ смыслѣ, что городская уѣздная лавка оказалась не въ силахъ удовлетворить *весь* сельскій спросъ, но и въ отношеніи качественномъ, въ томъ смыслѣ, что эта лавка не оказалась уже въ состояніи поспѣть за возрастающимъ разнообразіемъ спроса, благодаря быстро развивающемуся вкусу сельскаго потребителя. Послѣдній началъ поэтому все сильнѣе и сильнѣе ощущать нужду въ такой лавкѣ, которая находилась бы по возможности тутъ же подъ рукою и спеціально бы его обслуживала.

У сельскаго обывателя, естественно, должно было появиться постепенно все усиливающееся тяготѣніе къ торговымъ заведеніямъ, возникавшимъ при ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ. „Удобство полученія товара изъ большихъ торговыхъ центровъ рельсовымъ путемъ, быстрота исполненія заказовъ, свѣжесть продуктовъ торговли и удобство отправки мѣстныхъ произведеній — безусловно останавливали вниманіе покупателей (сельскихъ) на торговыхъ заведеніяхъ при станціяхъ, тѣмъ болѣе, что сельскій обыватель всегда могъ продавать здѣсь свои товары—яйца, ленъ, живность, молоко—и, не отъѣзжая въ городъ за покупками, найти здѣсь всѣ нужныя для потребленія предметы" *). У

*) *М. С. Кропотовъ*: „Крестьянство Ярославской губерніи и его податныя силы". Экономическій очеркъ. Ярославль, 1900 г. стр. 34.

*) Ibid., стр. 135.

желѣзнодорожныхъ станцій мало-помалу концентрируется скупка сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выростаетъ все большее количество торговыхъ заведеній и, наконецъ, возникаютъ промышленныя предпріятія, вокругъ которыхъ осѣдаютъ болѣе или менѣе значительныя массы пришлаго населенія. Такимъ образомъ ниже г. Ярославля, подъ сельцомъ Дядьковомъ, на голомъ песчанномъ берегу возникаетъ крупный торгово-промышленный пунктъ, въ которомъ насчитывается 10 наливныхъ резервуаровъ съ нефтью, емкостью въ 15 мил. пуд., 7 лѣсопильныхъ заводовъ, къ которымъ свозится и ими перерабатывается болѣе милліона деревьевъ, и т. п. По костромской желѣзной дорогѣ около ст. Любово и Бурмакино возникли торговые пункты, въ которыхъ „фабричные лабазы дѣлаютъ обороты въ сотни тысячъ". Въ люблинскомъ уѣздѣ разростаются въ торговые центры двѣ станціи вологодской желѣзной дороги: Пречистое и Скалино, въ мышкинскомъ уѣздѣ расцвѣтаетъ „Шиловскій посадъ" и т. д. и т. д.

Чѣмъ быстрѣе такимъ образомъ росла и развивалась городская Россія, чѣмъ болѣе многолюдными и разнородными по составу своего населенія становились города, чѣмъ выше подымался культурный уровень этого населенія, чѣмъ шире, благодаря этому, разростались, становясь вмѣстѣ съ тѣмъ все более сложными задачи городского управленія, чѣмъ болѣе замѣтную роль развивающееся городское хозяйство начинало играть въ общей системѣ народнаго хозяйства,—тѣмъ сильнѣе заявляли о себѣ, тѣмъ болѣе ощутительными становились недостатки муниципальнаго строя, установленнаго Городовымъ Положеніемъ 1870 года. Иначе и быть не могло, принимая во вниманіе существо этихъ недостатковъ. Въ самомъ дѣлѣ, установленная Городовымъ Положеніемъ 1870 года избирательная система, какъ мы знаемъ, отказывала въ избирательномъ правѣ городскимъ жителямъ, не владѣвшимъ недвижимостью и не выбиравшимъ торговыхъ или промысловыхъ документовъ. Само собою разумѣется, что разнородная, безцензовая часть городского населенія была не менѣе его цензовой части заинтересована въ городскомъ дѣлѣ; но въ 70-хъ годахъ сколько-нибудь значительный безцензовый контингентъ существовалъ въ весьма немногихъ крупныхъ городскихъ цетрахъ, какъ Петербургъ, Москва и Одесса; въ остальной же подавляющей массѣ городовъ онъ почти совершенно отсутствовалъ. Въ ту пору въ провинціальныхъ городахъ, „гдѣ почти каждый, — будь то торговецъ, ремесленникъ или чиновникъ,—жилъ въ своемъ собственномъ домишкѣ, гдѣ даже обыватель, перебивающійся поденною платою, имѣлъ каждый свою собственную избушку, хатенку, наконецъ, землянку,—въ такихъ городахъ группа „бездомовыхъ" или квартиронанимателей, лишенныхъ избирательныхъ правъ, по своей малочисленности совершенно терялась въ общей массѣ городского населенія, по тому или другому основанію пользовавшагося избирательными правами" *).

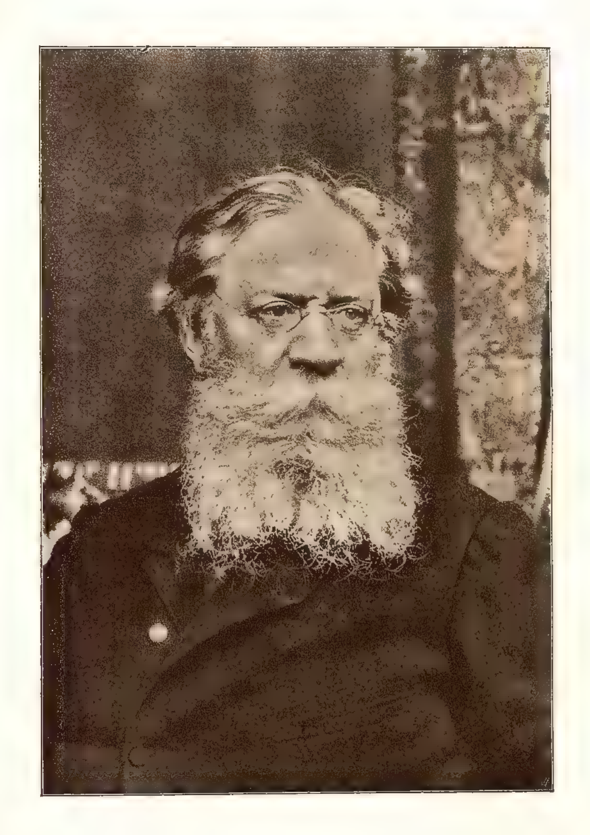
*) *Г. И. Шрейдеръ*. „Наше городское общественное управленіе". Т. I. СПБ.

Понятно поэтому, что отмѣченный недостатокъ избирательной системы на первыхъ порахъ имѣлъ въ гораздо большей мѣрѣ принципіальное, чѣмъ практическое значеніе для интересовъ городского населенія, такъ какъ только самая ничтожная часть послѣдняго устранялась ею отъ избирательныхъ урнъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста городовъ, домовладѣльческое и торгово-промышленное большинство мало-помалу превращается въ меньшинство и на его мѣсто въ составѣ городского населенія становится чрезвычайно разросшаяся главнымъ образомъ благодаря усиленному притоку извнѣ, „бездомовая" группа квартиронанимателей. Благодаря этому, рамки избирательной системы, на первыхъ порахъ — практически — достаточно просторныя, становятся постепенно все болѣе тѣсными, вмѣщаютъ въ себѣ все меньшую и меньшую *часть* городского населенія, пока, наконецъ, за ихъ предѣлами не оказывается уже не его меньшинство, какъ вначалѣ, а какъ разъ его подавляющее большинство. Въ виду же роста такимъ образомъ городского населенія за счетъ прироста малоимущихъ элементовъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе рѣзкой, а потому все болѣе ощутительной также *непропорціональность* представительства — обусловленная трехразрядной системой.

Припомнимъ затѣмъ, что городское общественное управленіе, организованное Городовымъ Положеніемъ 1870 года, трактовалось исключительно, какъ органъ мѣстнаго „хозяйственнаго" управленія. Въ первые десять и даже болѣе того лѣтъ своего существованія, когда обновленному городскому управленію пришлось направить всѣ свои силы на упорядоченіе жалкихъ остатковъ пореформеннаго хозяйства, на добываніе средствъ и на созданіе элементарныхъ условій внѣшняго благоустройства,—въ эти первые годы такое трактованіе *) не особенно стѣсняло городское управленіе, такъ какъ по самому ходу дѣла оно не чувствовало еще сколько-нибудь важной потребности ни въ какихъ другихъ функціяхъ, кромѣ чисто хозяйственныхъ. Но городъ начинаетъ усиленно застраиваться и является потребность въ нормахъ, которыя урегулировали бы строительное дѣло въ цѣляхъ противопожарныхъ и санитарныхъ. Развивается значительное уличное пѣшеходное и экипажное движеніе; благодаря этому является необходимость въ установленіи правилъ о порядкѣ содержанія мостовыхъ и тротуаровъ, о порядкѣ движенія по улицамъ въ интересахъ его безопасности, съ одной стороны, въ интересахъ наилучшаго сбереженія путевыхъ сооруженій—съ другой. Возрастающая скученность населенія обусловливаетъ собою сугубое загрязненіе городской территоріи, почему становится настоятельной потребность въ правилахъ, которыми регулировалось бы накопленіе и удаленіе отбросовъ и нечистотъ и т. д. и т. д. Словомъ, по мѣрѣ развитія городской жизни, городскому

1902 г., стр. 62. Въ дальнѣйшемъ всѣ цитаты и данныя безъ указанія источника заимствованы изъ этой книги.

*) Совпадавшее къ тому же съ господствовавшимъ тогда въ средѣ самого общества воззрѣніемъ (объ этомъ см. ниже).

Петръ Лавровичъ Лавровъ

2

Julius Sittenfeld, Berlin W

управленію все чаще и чаще приходится выступать въ качествѣ „общественной власти“, устанавливающей обязательныя для населенія нормы поведенія и блюдущей за ихъ исполненіемъ. Повидимому, такой именно властью дѣлало городское общественное управленіе предоставленное ему право изданія обязательныхъ для жителей постановленій, но мы уже знаемъ, что это было именно только „повидимому“: городское управленіе не могло настоять на исполненіи своихъ постановленій, такъ какъ, дѣйствуя на равныхъ основаніяхъ съ „отдѣльными обществами, учрежденіями и частными лицами“, оно не располагало надлежащей принудительной властью. И чрезвычайное неудобство такого положенія, понятно, ощущалось тѣмъ сильнѣе, тѣмъ острѣе, чѣмъ больше развивающаяся и осложняющаяся городская жизнь, даже самыя нужды разростающагося городского хозяйства требовали отъ городского общественнаго управленія актовъ *административныхъ*.

Припомнимъ, наконецъ, въ какой мѣрѣ значительными были ограниченія, которымъ Городовое Положеніе 1870 года подвергло бюджетное право городского общественнаго управленія. Крайняя стѣснительность этихъ ограниченій неизбѣжно должна была сказаться уже вскорѣ по введеніи Положенія, при первыхъ же попыткахъ обновленнаго управленія заложить сколько-нибудь прочно и широко фундаментъ городского хозяйства. Но дѣло въ томъ, что городскія нужды и потребности обыкновенно растутъ значительно быстрѣе города, т. е. численности его населенія; можно сказать, что при ростѣ послѣдняго въ ариѳметической прогрессіи, эти нужды и потребности возрастаютъ въ геометрической,—въ такой же, слѣдовательно, прогрессіи увеличивается нужда въ потребныхъ на удовлетвореніе ихъ финансовыхъ средствахъ. Естественно, что по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени несоотвѣтствіе между имѣвшимися въ распоряженіи городскихъ управленій финансовыми рессурсами и потребностью въ нихъ становилось все огромнѣе,—дѣлались все болѣе мучительными и невыносимыми тѣ путы, которыми городское управленіе было связано по рукамъ и ногамъ въ бюджетной области, какъ въ отношеніи изысканія финансовыхъ рессурсовъ, такъ и въ отношеніи свободы распоряженія ими. Ясно, что вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ городской жизни недостатки Городового Положенія все вреднѣе отражались на интересахъ города, все острѣе и больнѣе ощущались городскимъ населеніемъ, у котораго поэтому все сильнѣе становилась потребность въ надлежащей реорганизаціи созданнаго этимъ Положеніемъ муниципальнаго строя. Но жаждала его реорганизаціи и тогдашняя правительственная администрація. Помимо всего прочаго, уже одно накопленіе городами огромныхъ недоимокъ казнѣ по пособіямъ ей и по невыполненнымъ обязательнымъ расходамъ,—уже одно это само по себѣ могло бы послужить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы правительству стала желательной соотвѣтствующая реформа городскихъ учрежденій. Само собою разумѣется, что идеалъ „реформы“, рисовавшійся воображенію самодер-

жавной бюрократіи, рѣзко расходился съ желаніями и стремленіями населенія. Послѣднее жаждало избавленія городскихъ бюджетовъ отъ подчасъ совершенно невыносимаго бремени обязательныхъ расходовъ, а прямой интересъ бюрократіи былъ какъ разъ именно въ томъ, чтобы эти расходы наиболѣе исправно, наиболѣе точно и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ выполнялись городскими управленіями. Населеніе, если и не все*), то, по крайней мѣрѣ, его подавляющее большинство, считая въ томъ числѣ и его наиболѣе интеллигентную часть, жаждало широкаго избирательнаго права; бюрократія же, съ трудомъ мирившаяся съ участіемъ общества въ мѣстномъ управленіи, боявшаяся, какъ огня, организованныхъ общественныхъ силъ, къ которымъ она чувствовала граничащее съ идіосинкразіей можно сказать, органическое отвращеніе,—бюрократія естественно стремилась къ возможно большему сокращенію избирательнаго права, если не къ совершенному упраздненію его. Населеніе чувствовало настоятельную необходимость въ расширеніи сферы самостоятельности городского общественнаго управленія; въ крайнемъ случаѣ, оно удовлетворилось бы хотя бы только мѣрами, которыя, не расширяя самостоятельности за предѣлы, установленные Городовымъ Положеніемъ 1870 года, по крайней мѣрѣ, надлежащимъ образомъ укрѣпили бы и обезпечили бы ее въ этихъ предѣлахъ, сдѣлавъ ее дѣйствительной, а не мнимой и номинальной, какой она оказывалась на самомъ дѣлѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Бюрократіи же, всегда и вездѣ крайне подозрительно и враждебно относящейся ко всему, что на ея взглядъ способно хотя бы въ самой малой степени поколебать ея привиллегированное положеніе, какъ „командующаго" класса, единственно и нераздѣльно вѣдающаго судьбы страны,—бюрократіи даже мнимая и номинальная самостоятельность выборныхъ общественныхъ учрежденій представлялась совершенно непереносимой и принципіально недопустимой, какъ начало не только будто бы антиправительственное, но даже антигосударственное, анархическое. Бюрократія всегда и вездѣ отождествляетъ себя съ государствомъ—это одинъ изъ главныхъ ея козырей въ той фальшивой игрѣ, которую она ведетъ въ интересахъ своего сохраненія во что бы то ни стало. Понятно, что все, внѣ ея и рядомъ съ нею, но отъ нея независимо стоящее, она признаетъ внѣгосударственнымъ и антигосударственнымъ. Въ ту пору, о которой у насъ идетъ рѣчь, эту точку зрѣнія съ особеннымъ усердіемъ развивалъ и старался утвердить въ общественномъ сознаніи М. Н. Катковъ. „У насъ,—писали „Московскія Вѣдомости" (1884 г., № 218),—возникло фальшивое воззрѣніе, порожденное быстротой реформъ минувшаго цар-

*) Тѣ группы населенія, въ рукахъ которыхъ сосредоточено было городское дѣло, не имѣли ни малѣйшей охоты лишиться того привиллегированнаго положенія, въ которое ихъ поставила данная избирательная система. Мало того. Ихъ вліятельное меньшинство, представленное первымъ и вторымъ разрядами, очень охотно пошло бы навстрѣчу дальнѣйшему ограниченію избирательнаго права за счетъ третьяго разряда. Въ этомъ случаѣ вожделѣнія вліятельнаго меньшинства городского населенія вполнѣ совпадали съ желаніями администраціи.

ствованія, о какихъ-то самостоятельныхъ въ государствѣ (?!) и отъ него (?!) независимыхъ властяхъ. Рядомъ якобы съ государствомъ (?!), отъ него независимо, но пользуясь его авторитетомъ и силою, должна существовать судебная власть, должны точно такъ же существовать не только отдѣльно и независимо отъ правительства, но въ существенной оппозиціи къ нему, земскія, городскія учрежденія и разныя другія корпораціи. Правительство такимъ образомъ очутилось однимъ изъ многихъ правительствъ и потерялось среди нихъ, такъ что иногда не отыщешь, гдѣ настоящее правительство". Мало того, дѣло дошло будто бы даже до того, что „увлеченное теченіемъ правительство само спѣшило, якобы въ интересахъ свободы и цивилизаціи, передавать свою власть разнымъ имъ же самимъ себѣ въ подспорье созданнымъ учрежденіямъ, отказываясь отъ своихъ обязанностей и порождая признакъ анархіи въ странѣ". И когда поэтому М. Н. Катковъ требовалъ, чтобы правительство „вернулось" и снова воспріяло бы всю будто бы нарушенную полноту власти, покончивъ съ самостоятельностью, если не съ самимъ существованіемъ, выборныхъ общественныхъ учрежденій,—когда онъ проповѣдывалъ это, то выражалъ только завѣтныя мечты россійской бюрократіи. Осуществятся ли эти мечты въ назрѣвшей городской реформѣ или же послѣдняя окажется въ соотвѣтствіи съ общественными идеалами и стремленіями,—это должны были рѣшить условія того историческаго момента, въ который реформа имѣла совершиться. Одно время могло показаться, что она не разойдется рѣзко съ интересами населенія, даже нѣсколько приблизится къ нимъ. Мы имѣемъ въ виду, говоря это, проектъ городской реформы, разработанный въ 1881 году для составленія проектовъ мѣстнаго управленія комиссіей статсъ-секретаря Каханова. Реформа, предположенная кахановской комиссіей, не задавалась широкими планами; она ограничивалась исправленіемъ недостатковъ городского управленія постольку, поскольку они были установлены предшествовавшими сенаторскими ревизіями. Не будучи поэтому въ надлежащей степени широкой, радикальной и демократической, предложенная реформа тѣмъ не менѣе въ извѣстной мѣрѣ могла бы удовлетворить назрѣвшія нужды и потребности населенія. Въ виду констатированія ревизіями неудовлетворительности избирательной системы, обусловившей недостаточность и односословность представительства, кахановская комиссія проектировала предоставленіе избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ, уплачивающимъ не менѣе извѣстной суммы за наемъ квартиры. Правда, рядомъ съ этимъ несомнѣннымъ расширеніемъ круга избирателей, проектировалось существенное ограниченіе избирательнаго права въ формѣ установленія образовательнаго ценза для пассивнаго избирательнаго права, т. е. для права быть избираемыми въ гласные думы и на городскія должности. Эта мѣра мотивировалась несомнѣннымъ и безспорнымъ вредомъ, который причинило во многихъ случаяхъ городскимъ интересамъ невѣжество муниципаловъ. Само собою разумѣется, что созданіе особой при-

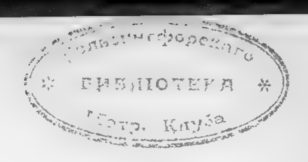
виллегіи въ пользу образованнаго меньшинства населенія было довольно неудачнымъ способомъ борьбы съ невѣжествомъ массы избирателей. Для этого есть другое болѣе справедливое и вѣрное средство, и русская печать тогда же довольно настойчиво указывала,—это всеобщее обязательное и даровое обученіе; но такого простого и радикальнаго рѣшенія отъ кахановской комиссіи нельзя было, конечно, и требовать.

Не совсѣмъ удачно разрѣшила эта комиссія и вопросъ о группировкѣ избирателей. Въ виду установленной ревизіями неудовлетворительности трехклассной системы, комиссія ее отвергла, но замѣнила ее столь же неудачной системой дѣленія избирателей, сообразно представляемымъ имъ интересамъ, на три куріи: *домовладѣльцевъ, купцовъ и квартиронанимателей.* Исходя затѣмъ изъ доказанной чрезмѣрной обремененности городскихъ бюджетовъ обязательными расходами, комиссія проектировала освободить городскія управленія отъ нѣкоторой части этихъ расходовъ, между прочимъ, по содержанію полиціи и отправленію воинскаго постоя, по отопленію и освѣщенію тюремъ. Въ виду констатированной сенаторскими ревизіями настоятельной необходимости для городскихъ управленій имѣть собственные исполнительные органы для взысканія сборовъ, наблюденія за исполненіемъ обязательныхъ постановленій и т. д., комиссія нашла цѣлесообразнымъ предоставить городамъ право учрежденія ими своей особой городской полиціи, которая функціонировала бы рядомъ и частью на равныхъ правахъ съ общегосударственной полиціей. Наконецъ, что касается вопроса о надзорѣ за городскимъ общественнымъ управленіемъ, то кахановская комиссія считала доказаннымъ „вредъ излишней опеки правительственныхъ органовъ надъ общественными управленіями", и потому высказалась исключительно за обезпечивающій самостоятельность этихъ управленій контроль за законностью ихъ дѣйствій, не допуская возможности административнаго вмѣшательства въ существо этихъ дѣйствій, т. е. *опеки.*

Каковы бы ни были недостатки только что въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ переданнаго проекта кахановской комиссіи, во всякомъ случаѣ, осуществленіе его въ нѣкоторыхъ и довольно существенныхъ отношеніяхъ было бы шагомъ впередъ отъ Городового Положенія 1870 года. Но совершиться этому шагу не было суждено.

2.

Когда комиссія статсъ-секретаря Каханова закончила выработку своихъ проектовъ, реакція была уже въ полномъ разгарѣ. Труды комиссіи были отложены въ сторону и судьбы россійскаго самоуправленія взялъ въ свои твердыя руки графъ Д. А. Толстой. Это прежде всего сразу же сказалось на методахъ и пріемахъ разработки реформы. Городовому Положенію 1892 г. не предшествовало ничего подобнаго той солидной и скорой подготовительной законодательной работѣ, результатомъ которой явилась городская реформа 1870 года. На этотъ разъ дѣло поведено было чисто бюрократическимъ, канцелярскимъ путемъ безъ всякаго участія общественнаго элемента. Нельзя же признать такимъ участіемъ тѣ отзывы и заключенія, которые *ке-*

лейнымъ образомъ даны были по проекту запрошенными на этотъ случай городскими головами. Мы говоримъ „келейнымъ образомъ", потому что отзывы и заключенія даны были внѣ свѣта гласности, потому что ни о фактѣ полученія городскими головами проекта новаго Городового Положенія для отзыва, ни о содержаніи данныхъ отзывовъ ничего не знали часто не только городскія думы, но даже ближайшіе помощники городскихъ головъ—городскіе и управскіе секретари. И когда наступитъ время—оно, нужно надѣяться, во всякомъ случаѣ, недалеко—подвести балансъ институту городскихъ головъ, нельзя будетъ не поставить ему крупнымъ минусомъ въ пассивъ это конфиденціальное участіе въ городской контръ-реформѣ 1892 года,—особенно потому, что именно насчетъ этого участія должны быть отнесены нѣкоторыя ея безусловно вредныя въ общественномъ смыслѣ детали. Во всякомъ случаѣ, благодаря доведенной до совершенства автоматичности бюрократической машины, требованіе отзывовъ отъ городскихъ головъ нисколько не замедлило хода законодательныхъ работъ, законченныхъ менѣе чѣмъ въ два года. Въ 1890 году начались подготовительныя работы, а 11 іюня 1892 года новое Городовое Положеніе уже получило высочайшее утвержденіе. Такая быстрота была бы невозможна, если бы предпринятое правительствомъ преобразованіе имѣло задачей улучшеніе городского общественнаго управленія *по существу*, т. е. имѣло бы задачей наиболѣе вѣрно обезпечить осуществленіе городскимъ управленіемъ его цѣлей, какъ учрежденія мѣстнаго, вѣдающаго интересы и нужды городского населенія. Даже произведенная бюрократическимъ путемъ—что было бы, впрочемъ, чрезвычайно трудно,—такого рода реформа не могла бы быть столь скоропалительной, такъ какъ потребовала бы долгаго, упорнаго и кропотливаго труда; ее немыслимо было выполнить, не продумавъ серьезно, не разсмотрѣвъ всесторонне и не взвѣсивъ обстоятельно всѣхъ ея даже мельчайшихъ деталей одновременно съ двухъ точекъ зрѣнія — ихъ принципіальной цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ практической цѣлесообразности; а для этого необходимо было бы предварительно подвести самые обстоятельные итоги прошлому, особенно же самымъ внимательнымъ образомъ прослѣдить, во что конкретное отлились, какой практическій эффектъ дали тѣ или другія нормы Городового Положенія 1870 года въ условіяхъ данной жизненной обстановки. Но предпринимая преобразованіе городского управленія, правительство на этотъ разъ менѣе всего интересовалось осуществленіемъ цѣлей городского хозяйства, которыя въ конечномъ счетѣ сводятся къ одному—къ созданію на мѣстѣ условій, содѣйствующихъ возможно большему физическому, умственному, нравственному и матеріальному благосостоянію городского населенія. Правительство преслѣдовало въ этомъ случаѣ, если не исключительно, то главнымъ образомъ, совсѣмъ иную цѣль, до нельзя упростившую задачу его законодательнаго творчества. Въ именномъ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату о введеніи въ дѣйствіе новаго Городового Положенія 11 іюня 1892 г.,

замѣна этимъ послѣднимъ Городового Положенія 1870 года просто и ясно мотивируется необходимостью „согласованія порядка дѣйствій городского общественнаго управленія съ началами, преподанными въ недавнее время для дѣятельности земскихъ учрежденій“, т. е. съ положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года. Положеніе же это въ свою очередь было выработано въ видахъ согласованія дѣятельности земства съ тѣми новыми условіями, которыя были созданы закономъ 12 іюля 1889 года о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ имперіи. Городовое Положеніе 1892 года явилось, слѣдовательно, не самостоятельнымъ законодательнымъ актомъ, вызваннымъ къ жизни спеціально нуждами городского дѣла, а составной частью цѣлой системы преобразованій, предпринятыхъ въ царствованіе императора Александра III съ цѣлью обезпеченія незыблемости самодержавія *). Средство же для такого обезпеченія давно извѣстно: это укрѣпленіе и расширеніе бюрократическихъ началъ, ибо „формы управленія, свойственныя абсолютнымъ монархіямъ,—какъ то констатируетъ А. Д. Градовскій, **)—суть формы управленія бюрократическія, примѣняемыя ко всему, *что признается интересомъ государственнымъ* и вездѣ, гдѣ это требуется *для обезпеченія существующей формы правленія*“. Что интересы послѣдней требовали полной бюрократизаціи всего мѣстнаго управленія—это не подлежало сомнѣнію; но для принципіальнаго обоснованія и оправданія такой бюрократизаціи необходимо было бы признать, что все въ области мѣстнаго управленія является „интересомъ государственнымъ“, что никакихъ отъ нихъ по *существу* отличныхъ, особыхъ *мѣстныхъ* нуждъ тамъ не существуетъ. За такимъ признаніемъ дѣло не стало. Законодательствующая бюрократія въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, очень ловко воспользовалась тѣмъ, какъ разъ къ этому времени подоспѣвшимъ измѣненіемъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ на задачи, цѣли и организацію мѣстнаго управленія, которое произошло независимо отъ бюрократическихъ вожделѣній и подъ вліяніемъ импульсовъ, прямо имъ противоположныхъ. Въ эпоху великихъ реформъ обстоятельства особенно благопріятствовали тому, чтобы система нашего мѣстнаго общественнаго управленія построена была на началахъ такъ называемой общественной теоріи самоуправленія. Соотношеніе боровшихся общественныхъ силъ тогда было таково, что для бюрократіи дѣло шло о наименьшихъ потеряхъ, для общества о наибольшихъ завоеваніяхъ. Но общество было еще слишкомъ слабо, слишкомъ мало организовано, чтобы имѣть шансы на достиженіе всей той полноты самодѣятельности, которая ему была необходима и желательна. Бюрократія же была достаточно сильна для того, чтобы не дѣлать такихъ уступокъ, которыя были бы равносильны капитуляціи и

*) А вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и ради интересовъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которымъ эта незыблемость была полезна и необходима.

**) *А. Д. Градовскій.* „Начала русскаго государственнаго права“. Т. III, ч. I, изд. 1883 г., стр. 21.

чтобы сохранить за собою главное, поступившись тѣмъ второстепеннымъ, которое не имѣло для нея по условіямъ того историческаго момента особенно существеннаго значенія. Оказывалось такимъ образомъ наиболѣе удобнымъ для обѣихъ сторонъ трактовать земство и городскія общественныя управленія, какъ особыя общественныя учрежденія, существующія рядомъ съ правительственными установленіями и имѣющія свои особыя отъ государственныхъ мѣстныя общественныя дѣла. Такое разграниченіе означало, что самоуправленіе отнюдь не есть участіе общества въ государственномъ управленіи и что введеніе земскихъ и городскихъ выборныхъ учрежденій никоимъ образомъ не должно быть разсматриваемо какъ признаніе правительствомъ права общества на такое участіе. Понятно, въ какой мѣрѣ цѣннымъ было такое воззрѣніе для бюрократіи, получавшей въ немъ извѣстную гарантію противъ покушеній на неприкосновенность ея исключительнаго положенія въ государственномъ управленіи. Съ другой стороны, скорѣе, впрочемъ, теоретически, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, кое-что отъ такого воззрѣнія выгадывало и общество: разъ его признали вѣдающимъ чрезъ посредство выборныхъ учрежденій свои особыя мѣстныя общественныя дѣла, то исчезало основаніе для отказа ему въ надлежащей самостоятельности, понятно, въ предѣлахъ предоставленнаго ему круга вѣдомства, равно какъ исчезала почва для правительственнаго, т. е. бюрократическаго вмѣшательства въ его дѣла. Но принятіе обѣими сторонами общественной теоріи самоуправленія было только компромиссомъ, и послѣдній уже по самому существу своему не могъ разсчитывать на долговременное значеніе. Въ дѣйствительности, немногихъ даже лѣтъ дѣятельности городскихъ и земскихъ учрежденій было достаточно для того, чтобы съ бьющей въ глаза ясностью, во 1-хъ, обнаружилась вся искусственность ограниченнаго ихъ круга вѣдомства мѣстными хозяйственными пользами и нуждами, во 2-хъ, чтобы проявились всѣ неудобства, сопряженныя съ ихъ положеніемъ, какъ особыхъ учрежденій „общественныхъ". Уже съ начала 80-хъ годовъ въ литературѣ начинается поэтому походъ противъ общественной теоріи самоуправленія. Ей все чаще и чаще противопоставляется государственная точка зрѣнія, съ которой самоуправленіе разсматривается, какъ участіе народа въ государственномъ управленіи, и органы самоуправленія признаются дѣлающими тоже государственное, но только мѣстно-ограниченное, дѣло. Отсюда съ логической неизбѣжностью вытекало, что учрежденія эти, какъ то формулировалъ проф. А. Градовскій, „должны быть властями въ государственномъ смыслѣ, т. е. *входить въ составъ мѣстной администраціи въ качествѣ органической ея части*, а не въ видѣ особыхъ и параллельныхъ, такъ сказать, установленій, конкурирующихъ съ властями правительственными". Это значитъ, что всѣ административныя функціи на мѣстахъ должны быть выполняемы органами мѣстнаго самоуправленія или иначе, что вся администрація государства должна быть поставлена по типу самоуправленія, на началахъ широкой общественной самодѣятель-

ности. Но строй мѣстнаго управленія неразрывно связанъ съ общимъ строемъ государственной власти, его опредѣляющимъ. Перестройка всей мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія предполагаетъ поэтому, какъ необходимую предпосылку, соотвѣтствующую передѣлку всего государственнаго строя, которая обезпечила бы выходящее далеко за предѣлы мѣстности участіе общества въ государственномъ управленіи—не только въ администраціи, но и въ самомъ законодательствѣ. Понятно, какіе обширные и соблазнительные конституціонные горизонты открывались взору россійскаго обывателя съ высоты государственной теоріи самоуправленія. Но всякая теорія хороша въ свое время и на своемъ мѣстѣ. На этотъ разъ, благодаря ея несвоевременному, неумѣстному и потому чрезвычайно своеобразному примѣненію, именно русскому оказалось смертью то, что было очень здорово нѣмцу. Пересаженная съ западно-европейской почвы на русскую, въ иную историческую обстановку, государственная теорія самоуправленія, какъ и слѣдовало предвидѣть, должна была привести только къ уничтоженію самоуправленія. Странно даже было бы, если бы россійская бюрократія не повернула въ свою пользу государственной теоріи самоуправленія, не сдѣлала бы изъ нея всѣхъ при данной обстановкѣ логически неизбѣжныхъ выводовъ. При условіи незыблемости самодержавно-бюрократическаго строя только путемъ такого уничтоженія возможно было устранить ту „параллельность" и ту „конкуренцію съ властями правительственными", съ которыми одинаково не могли примириться ни Градовскій ни Катковъ, хотя и по діаметрально противоположнымъ основаніямъ: первый—во имя конституціонныхъ идеаловъ, второй—во имя самодержавія и „настоящаго правительства" (см. выше цитированные строки „Москов. Вѣдомостей"). При условіи незыблемости самодержавно-бюрократическаго строя ввести органы самоуправленія „въ составъ мѣстной администраціи въ качествѣ *органической* ея части" возможно было только однимъ путемъ — уничтоживъ эти органы и замѣнивъ ихъ чисто бюрократическими. Земскія и городскія выборныя учрежденія въ качествѣ учрежденій, вѣдающихъ „важное государственное дѣло", по выраженію именного высочайшаго указа 12 іюня 1890 года дѣйствительно вводятся въ составъ „общаго учрежденія губернскаго" (т. III св. зак.), въ систему губернскихъ и уѣздныхъ „мѣстъ и лицъ". Если за всѣмъ тѣмъ произошла только чрезвычайная бюрократизація ихъ, а не совершенная замѣна ихъ чисто бюрократическими учрежденіями, то это произошло въ силу чисто практической невозможности такой замѣны, а отнюдь не по недостатку у правительства на то желанія или логической послѣдовательности. Возможность совершеннаго упраздненія общественныхъ органовъ мѣстнаго управленія исключалась самымъ существомъ тѣхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ лежало на этихъ органахъ. Сколько-нибудь удовлетворительное выполненіе этихъ задачъ, а въ ихъ числѣ и тѣхъ, главнымъ образомъ финансовыхъ, въ которыхъ сама бюрократія была особенно заинтересована, не предста-

Николай Константиновичъ Михайловскій.

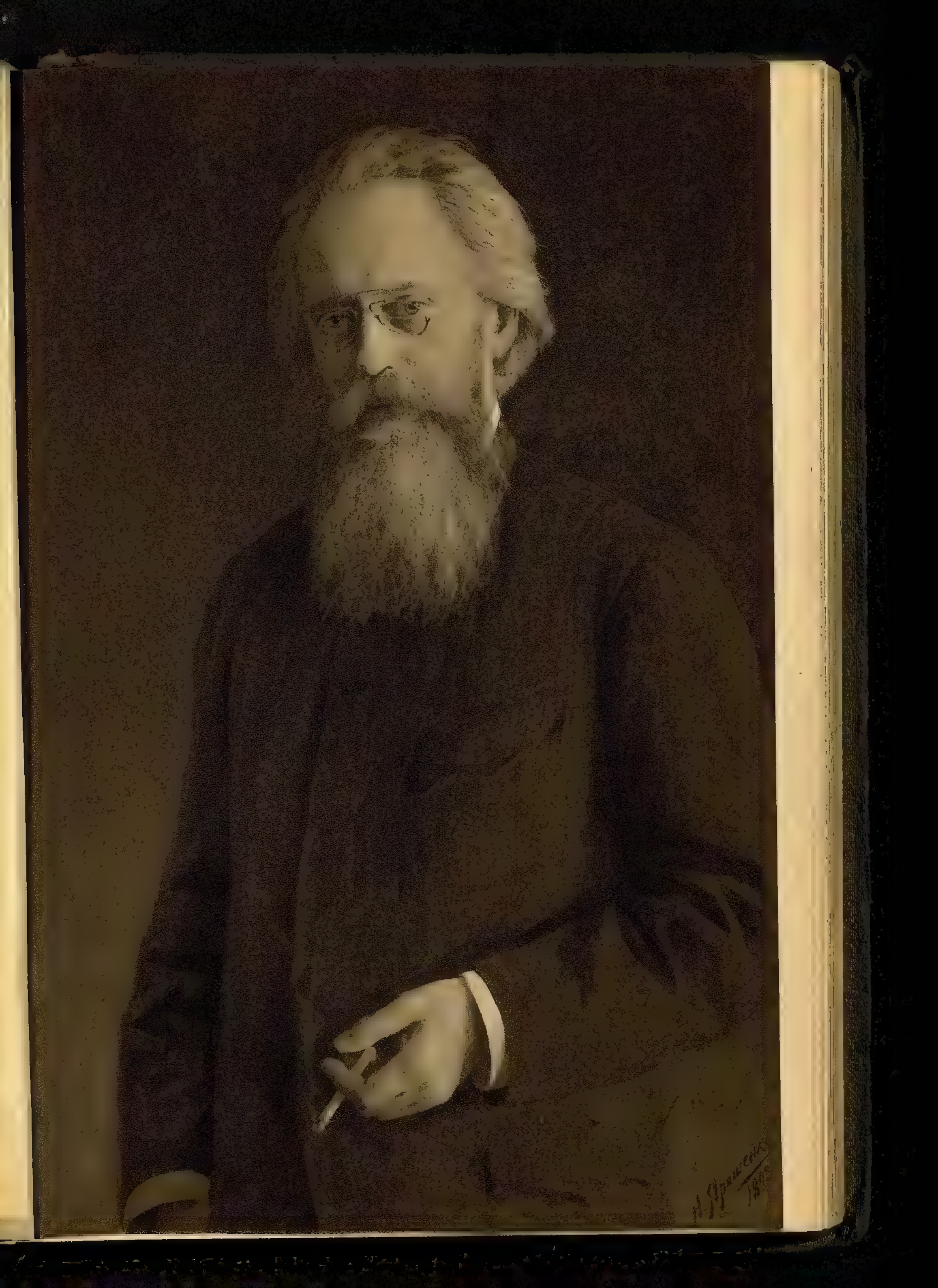
Съ портрета, писаннаго Н. А. Ярошенко.

Съ любезнаго разрѣшенія М. П. Ярошенко въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

вляется возможнымъ безъ участія самаго общества. При неизбѣжной необходимости допустить это участіе, правительству оставалось позаботиться о введеніи его въ такія рамки, въ которыхъ оно, по возможности, не только не противорѣчило бы самодержавно-бюрократическому строю государства, а какъ можно болѣе гармонировало бы съ нимъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже могло бы явиться его опорнымъ пунктомъ. Установить такія рамки было не трудно, исходя изъ въ ту пору съ особенной силою выдвинутаго ученія о „твердой власти“ и ея чудодѣйственной силѣ. Это—до сихъ поръ имѣющее горячихъ адептовъ ученіе, которое отрицало животворную и благодѣтельную силу начала законности, какъ неспособнаго обезпечить „правильность“ дѣйствій общественныхъ учрежденій, какъ не способнаго защитить ни „общихъ государственныхъ пользъ и нуждъ“ ни „интересовъ мѣстнаго населенія“. Выполнить такого рода непосильную для закона задачу, согласно этому ученію, могло съ успѣхомъ будто бы только административное усмотрѣніе. Отсюда съ логической неизбѣжностью вытекало, что для предоставленія спасительному административному усмотрѣнію, или иначе— „твердой власти“ надлежащаго вліянія въ сферѣ мѣстнаго управленія необходимо существенно измѣнить систему отношеній правительственной администраціи къ выборнымъ общественнымъ учрежденіямъ, именно построивъ ее по принципу *опеки и вмѣшательства* вмѣсто начала контроля и надзора. Но перестройка системы отношеній правительства къ выборнымъ учрежденіямъ на этомъ началѣ необходимо предполагала реорганизацію самыхъ этихъ учрежденій и вотъ почему. „Надзоръ за самоуправленіемъ предполагаетъ полную самостоятельность его въ отмежеванной ему закономъ сферѣ дѣятельности. Правительственнымъ органамъ принадлежитъ въ такомъ случаѣ только наблюденіе за тѣмъ, чтобы органы самоуправленія не выходили изъ рамокъ, установленныхъ для нихъ закономъ, и въ необходимыхъ случаяхъ — принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ къ возстановленію нарушенной этими органами законности. Столь существенный для системы надзора вопросъ о законности получаетъ второстепенное значеніе въ системѣ опеки. Послѣдняя, отрицая самостоятельность самоуправленія, ставитъ на первый планъ вопросъ о „правильности“ или цѣлесообразности его дѣйствій и распоряженій, единственнымъ компетентнымъ судьей въ этомъ вопросѣ признаетъ администрацію и поэтому даетъ ей право прямого вмѣшательства въ эти дѣйствія и распоряженія. Это—система, основная задача которой предоставить администраціи рѣшающій голосъ во всѣхъ вопросахъ мѣстнаго управленія, хотя бы формально и предоставленныхъ вѣдѣнію самоуправленія, дать возможность бюрократіи направлять дѣятельность самоуправленія не формально, а по существу, во всѣхъ ея деталяхъ въ сторону, соотвѣтствующую исключительно ея, бюрократіи, желаніямъ и усмотрѣнію. Рѣзкою противоположностью двухъ системъ—надзора и опеки—обусловливается и крупное различіе въ условіяхъ ихъ примѣненія. Для пер-

вой, для надзора, почти совершенно безразлична организація подлежащаго ему учрежденія, но зато очень важенъ вопросъ о его собственной организаціи, т. е. объ органахъ надзора. Успѣшное и плодотворное примѣненіе этой системы главнымъ образомъ зависитъ отъ того, будутъ ли органы надзора единоличные или коллегіальные, административные, судебные или общественные (парламентскіе). Для системы же опеки, для успѣшнаго (въ бюрократическомъ смыслѣ) примѣненія ея главное и основное — соотвѣтствующая организація самаго опекаемаго учрежденія. Послѣднее должно быть построено по такому плану, чтобы административное вмѣшательство не встрѣчало здѣсь ни въ чемъ ни малѣйшихъ препонъ и могло заполнить его цѣликомъ отъ основанія и до вершины" *). Однако по такому плану невозможно соорудить учрежденія, которое соотвѣтствовало бы началамъ истиннаго самоуправленія въ точномъ смыслѣ этого слова; но *подобіе* такого учрежденія соорудить очень легко. Такимъ именно подобіемъ и явилось учрежденіе, созданное Городовымъ Положеніемъ 11 іюня 1892 года.

Изъ послѣдняго исчезаетъ понятіе „городского общества", бывшее исходнымъ пунктомъ городской реформы 1870 года; на его мѣсто ставится *городское поселеніе*, на мѣсто общественно-политическаго тѣла—территоріальная административная единица, „общественное" управленіе которой трактуется, какъ *казенное* управленіе (ст. 7 Гор. Полож.), какъ одно изъ „административныхъ мѣстъ и лицъ" (ст. 137 Гор. Полож.). Въ основаніе городского управленія кладется избирательная система, главная задача которой—обезпечить такой составъ городского распорядительнаго органа, который проявилъ бы какъ можно менѣе склонности къ „самостоятельности" и вообще во всѣхъ смыслахъ наиболѣе соотвѣтствовалъ бы видамъ администраціи. Этого Городовое Положеніе предполагаетъ достигнуть прежде всего установленіемъ высокаго избирательнаго ценза, и, слѣдовательно, предоставленіемъ избирательнаго права только тѣмъ классамъ населенія, которые можно было съ большимъ или меньшимъ основаніемъ предположить заинтересованными въ незыблемости даннаго политическаго, самодержавно-бюрократическаго строя. Право участія въ выборахъ предоставляется поэтому, во-1-хъ, владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ, обложенныхъ *)

*) *Г. И. Шрейдеръ.*—„Земское самоуправленіе" въ сборникѣ „Нужды деревни", стр. 333.

*) Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить серьезную ошибку, въ которую впадаетъ проф. В. М. Гессенъ въ VI вып. „Словаря юридическ. и государствен. наукъ". Онъ пишетъ: „Прежнее Положеніе (1870 г.), опредѣляя кругъ избирателей, обусловливало участіе въ выборахъ *платежомъ городскихъ сборовъ*; новое Положеніе замѣняетъ *налоговый* цензъ *имущественнымъ*". Въ дѣйствительности *какъ разъ наоборотъ*. Городовое Положеніе 1870 года требовало отъ избирателя владѣнія имуществомъ, только *подлежащимъ* обложенію оцѣночнымъ сборомъ, хотя бы въ дѣйствительности и не обложеннымъ (самое установленіе тогда этого сбора было необязательно); Положеніе 1892 г. требуетъ владѣнія имуществомъ, *обложеннымъ* оцѣночнымъ сборомъ, установленіе котораго вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано обязательнымъ. Это значитъ, что именно прежде можно было имѣть право голоса въ силу

оцѣночнымъ въ пользу города сборомъ, но не всѣхъ такого рода имуществъ, а только тѣхъ, оцѣнка которыхъ для взиманія этого сбора не ниже извѣстнаго весьма высокаго minimum'а—отъ 300 рублей въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ до 3.000 р. въ столицахъ; во-2-хъ, владѣльцамъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, выбирающимъ купеческія свидѣтельства. Съ той же цѣлью обезпечить соотвѣтствующій видамъ правительства составъ городскихъ думъ, совершенно лишается избирательныхъ правъ часть населенія, обладающая цензомъ, но завѣдомо имѣющая всѣ основанія глубоко ненавидѣть самодержавно-бюрократическій режимъ, именно, лишаются избирательныхъ правъ *евреи*. Наконецъ, съ той же цѣлью Городовое Положеніе 1892 года рядомъ съ выборнымъ началомъ даетъ мѣсто административному назначенію, примѣняемому въ двухъ случаяхъ: согласно ст. 54, если при первоначальныхъ и дополнительныхъ выборахъ будетъ избрано менѣе $^2/_3$ требуемаго числа гласныхъ, то „недостающее число гласныхъ пополняется, по распоряженію мин. внутр. дѣлъ, лицами, состоявшими въ семъ званіи въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія". А въ силу п. *б* примѣч. 3 къ ст. 24 въ чертѣ еврейской осѣдлости изъ числа обладающихъ цензомъ евреевъ особое по земскимъ и городскимъ (либо въ неземскихъ губерніяхъ по городскимъ) дѣламъ присутствіе назначаетъ въ думу гласныхъ въ числѣ, опредѣляемомъ министромъ внутрен. дѣлъ, не свыше однако одной десятой общаго состава думы; при этомъ тутъ все предоставлено безграничному административному произволу, такъ какъ согласно п. *в* того же примѣчанія „на постановленіе присутствія по означенному въ предшедшемъ пунктѣ (б) предмету *жалобъ не принимается*"...

самого факта владѣнія имуществомъ, не будучи плательщикомъ городского налога, теперь же нельзя быть избирателемъ, не будучи его плательщикомъ.

Но можно было вполнѣ основательно предположить, что обезпеченная данной избирательной системой „благонадежность" личнаго состава городского распорядительнаго органа сама по себѣ не въ состояніи будетъ дать бюрократіи всего того, чего она хотѣла бы достигнутъ предпринятымъ преобразованіемъ. Какъ далеко ни простиралась бы солидарность интересовъ этого личнаго состава и представляемой имъ части населенія съ интересами бюрократіи, она не можетъ итти дальше извѣстнаго предѣла, опредѣленнаго особыми, спеціальными интересами самой бюрократіи, какъ правящаго класса. Не трудно было предвидѣть возможность, и даже весьма частую, наступленія такихъ обстоятельствъ, при которыхъ этимъ особымъ и спеціальнымъ интересамъ будетъ грозить опасность даже со стороны самаго благонадежнаго состава городскихъ гласныхъ. Представлялось поэтому необходимымъ принять мѣры къ тому, чтобы возможность такой опасности со стороны городского распорядительнаго органа, если не исключалась бы совершенно, то низводилась бы, по крайней мѣрѣ, до minimum'а. Бюрократическая идіосинкразія къ многолюднымъ собраніямъ прежде всего подсказываетъ законодателю такую весьма цѣлесо-

образную въ данномъ случаѣ мѣру, какъ сильное сокращеніе нормы численнаго состава городскихъ думъ, съ допущеніемъ еще сверхъ того недовыбора одной трети узаконеннаго комплекта, слѣдовательно, еще сугубаго уменьшенія количества гласныхъ. Такимъ образомъ сводятся къ minimum'у шансы проникновенія въ думу „неблагонадежныхъ“ (не столько даже въ политическомъ, сколько въ соціальномъ смыслѣ) элементовъ. Чѣмъ меньше мѣстъ, тѣмъ больше шансовъ на замѣщеніе ихъ наиболѣе сильными представителями данной соціальной группы,— изъ благонадежныхъ благонадежнѣйшими!..

Посѣщеніе думскихъ засѣданій признается обязательной повинностью, подъ угрозою кары за неисполненіе ея, что должно было сдѣлать особенно непріятнымъ званіе гласнаго какъ разъ для наиболѣе самостоятельныхъ и независимыхъ элементовъ, какіе могли бы найтись въ данномъ избирательномъ корпусѣ. Наконецъ, наилучше цѣль достигается тѣмъ, что самая компетенція городской думы низводится почти до нуля. Не существуетъ совсѣмъ думскихъ постановленій, которыя признавались бы *окончательными*, не подлежащими пересмотру и отмѣнѣ ни по существу ни по формальнымъ основаніямъ. Всѣ мало-мальски важныя постановленія гор. думы требуютъ для своей дѣйствительности утвержденія ихъ надлежащей административной властью (губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ), слѣдовательно, признаются имѣющими силу только тогда, когда соотвѣтствуютъ видамъ и желаніямъ этой власти. Немногія второстепеннаго значенія постановленія не нуждаются въ утвержденіи, но и они могутъ быть обращены къ исполненію только въ томъ случаѣ, если въ теченіе извѣстнаго времени не будутъ остановлены губернаторомъ; послѣднему же предоставлено теперь наблюденіе не только за „законностью“, но и за „правильностью“ постановленій, въ чемъ и заключается сущность системы опеки и вмѣшательства. Губернатору предоставлено останавливать исполненіе думскихъ постановленій не только въ томъ случаѣ, когда онъ усмотритъ, что они „не согласны съ закономъ, или постановлены съ нарушеніемъ круга вѣдомства, предѣловъ власти, либо порядка дѣйствій“, но и тогда, когда онъ найдетъ, что эти постановленія „*не соотвѣтствуютъ* общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, *либо явно нарушаютъ* интересы мѣстнаго населенія“. Превосходная редакція послѣдняго пункта исключаетъ всякую тѣнь сомнѣнія въ истинной цѣли, ради которой установлена опека надъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Отъ спеціально предназначеннаго „вѣдать дѣла о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ“ (ст. 1 Гор. Полож.) учрежденія, когда дѣло идетъ объ интересахъ мѣстнаго населенія, требуется только, чтобы оно эти интересы *явно* не нарушало. Совсѣмъ иное, когда дѣло идетъ объ области, въ которой бюрократія самымъ близкимъ и кровнымъ образомъ заинтересована, именно области „государственныхъ“ интересовъ. Недостаточно, чтобы дѣйствія учрежденія, выполняющаго свои прямыя функціи по обслуживанію мѣстности, *не нарушали* этихъ интересовъ; предъявляется прямое и категорическое требованіе, чтобы

дѣйствія городского управленія именно *соотвѣтствовали*, т. е., служили государственнымъ пользамъ и нуждамъ. Рамки дѣятельности надзирающей и опекающей администраціи намѣчаются такимъ образомъ законодательствующей бюрократіей вполнѣ ясно и опредѣленно: интересы мѣстнаго населенія вещь второстепенная: не только можно, но и должно допустить даже „явное" нарушеніе, когда того, по мнѣнію надзирающаго и опекающаго администратора, требуетъ *соотвѣтствіе* дѣйствій городского общественнаго управленія „общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ".

Конечно, послѣдовательно проведенная система опеки не можетъ ограничиться подчиненіемъ ей одного только распорядительнаго органа. Практическое осуществленіе этой системы могло бы оказаться весьма затрудненнымъ и ея вліяніе чрезвычайно ослабленнымъ, если бы администраціи вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы предоставлено возможности направлять согласно своимъ видамъ и желаніямъ самое исполненіе постановленій, если бы не были поставлены въ непосредственную зависимость отъ нея городскіе *исполнительные* органы. Задача эта разрѣшилась очень просто. Введеніе городского общественнаго управленія (соотвѣтственно бюрократически использованной государственной теоріи) въ составъ „учрежденія губернскаго", т. е. въ систему государственныхъ установленій, дало вполнѣ приличное формальное основаніе для признанія выборныхъ должностныхъ лицъ, образующихъ составъ городской управы, „состоящими на государственной службѣ" и въ приложеніи къ опредѣляющей это ст. 121 Город. Полож. появляется нѣчто въ высокой степени характерное для городской „реформы" 1892 г., представляющееся наилучшимъ *нагляднымъ* комментаріемъ къ ней, именно появляется „*расписаніе классовъ по чинопроизводству и разрядовъ по шитью на мундиръ должностей городского общественнаго управленія*". Функціи городского исполнительнаго органа возлагаются такимъ образомъ на коллегію *выборныхъ чиновниковъ*. Естественно, что чиновники, въ качествѣ таковыхъ, подчинены прежде всего правительственной губернской администраціи: отъ послѣдней зависитъ утвержденіе и опредѣленіе ихъ къ должностямъ, равно какъ и увольненіе ихъ отъ должностей; администрація ревизуетъ ихъ дѣйствія и даетъ имъ прямыя и непосредственныя распоряженія; наконецъ, администрація же подвергаетъ ихъ *дисциплинарнымъ* взысканіямъ. Бюрократизируя такимъ образомъ до крайняго предѣла городской исполнительный органъ, Городовое Положеніе 1892 года, со вполнѣ логической послѣдовательностью, значительно расширяетъ его компетенцію за счетъ органа распорядительнаго. Это расширеніе заходитъ такъ далеко, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ судьбы *всего* городского дѣла отдаются всецѣло въ руки городской управы, такъ какъ ей предоставляется вершать эти судьбы безъ вѣдома и согласія думы, а только съ вѣдома и согласія администраціи. Такъ, въ силу ст. 89 Гор. Полож.: „если очередное собраніе думы не состоится по неприбытію законнаго числа гласныхъ (ст. 70 и 71), то оно созывается вновь, а въ случаѣ не-

прибытія требуемаго закономъ числа гласныхъ и во вновь созванное собраніе—подлежащіе его разсмотрѣнію *доклады управы и иныхъ исполнительныхъ органовъ* общественнаго управленія представляются съ заключеніемъ управы *губернатору*, и тѣ изъ нихъ, съ коими онъ не встрѣтитъ препятствій согласиться, *направляются къ исполненію*, а относительно прочихъ губернаторъ поступаетъ на основаніяхъ, установленныхъ въ статьяхъ 77—88 касательно направленія *постановленій думы*". Доклады и заключенія городской управы такимъ образомъ трактуются совершенно одинаково съ постановленіями думы, и послѣдняя вполнѣ замѣщается управой—коллегіей выборныхъ чиновниковъ...

Но если „дать коммунѣ свободу значитъ дать ей финансовую автономію" *), если немыслимо говорить объ истинномъ самоуправленіи тамъ, гдѣ само населеніе не распоряжается своимъ кошелькомъ по собственному усмотрѣнію,—то, съ другой стороны, только такая система опеки можетъ считаться вполнѣ совершенной, законченной и, главное, поставленной на прочную матеріальную базу, которая постигаетъ опекаемое учрежденіе въ самомъ главномъ и основномъ—въ его правѣ распоряженія своимъ кошелькомъ. Если всегда и вездѣ „въ тѣхъ случаяхъ, когда широко поставленное мѣстное самоуправленіе является по какой-либо причинѣ бѣльмомъ на глазу государственной власти, послѣдняя старается по возможности связать и ограничить свободу мѣстной общественной самодѣятельности не столько въ сферѣ *управленія*, сколько въ области *хозяйства*, направляя свои сокрушительные удары главнымъ образомъ въ сторону мѣстныхъ финансовъ" *), то естественно было поступить также и нашей законодательствующей бюрократіи. Тѣми главами Городового Положенія 1892 г., которыя трактуютъ „о сборахъ въ пользу городскихъ поселеній", „о городскихъ расходахъ, смѣтахъ и отчетахъ по исполненію смѣтъ", наконецъ, „правилами о составленіи, разсмотрѣніи и исполненіи городскихъ смѣтъ", бюджетное право городского общественнаго управленія совершенно почти сведено къ нулю. Городскому обложенію подлежитъ только весьма незначительное количество объектовъ. Недвижимыя имущества забронированы установленной законной предѣльностью обложенія ихъ—не свыше 10% чистаго дохода или 1% стоимости. Торговля и промышленность могутъ подвергаться обложенію только въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. При этомъ города лишаются впредь сборовъ съ торговыхъ и промысловыхъ документовъ, выбираемыхъ для уѣздовъ, а также сборовъ съ привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ, за стоянку и приходъ судовъ, якорныхъ, футовыхъ, каботажныхъ пошлинъ и т. д. Тѣми средствами, которыя могутъ поступить въ городскую кассу, городскому управленію не предоставлено распоряжаться по своему усмотрѣнію. По существу городское общественное управленіе является только бюро по обложенію и взиманію городскихъ

*) Jvanoe Bonomi. „La finanza locale e i suoi problemi". 1903, pag. 349.

*) *Г. И. Шрейдеръ*.—„Замѣтки о городской реформѣ", въ журналѣ „Самоуправленіе" за 1907 г., № 21, стр. 11.

сборовъ, бухгалтеромъ и кассиромъ городскихъ финансовыхъ средствъ, а не хозяиномъ ихъ: таковымъ въ дѣйствительности сдѣлана администрація. Городскому управленію предоставлено *проектировать* роспись городскихъ доходовъ и расходовъ; приведеніе же ея въ исполненіе поставлено въ зависимость отъ доброй воли администраціи, которой предоставлено право по своему усмотрѣнію даже „измѣнить смѣтныя исчисленія и раскладки“ (ст. 14 „правилъ“). При этомъ въ сферѣ финансоваго хозяйства городское управленіе подчиняется даже сугубому двойному надзору—не только губернатора, но и управляющаго казенной палатой!...

Есть, впрочемъ, область, въ которой права городского общественнаго управленія оказываются весьма расширенными какъ-будто даже въ нарушеніе цѣльности системы опеки.

Городское управленіе какъ-будто въ самомъ дѣлѣ сдѣлано „властью“, какъ того и требуетъ государственная теорія самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, на этотъ разъ, согласно ст. 112, „полицейскіе чины *обязаны* наблюдать за точнымъ исполненіемъ обязательныхъ постановленій. Независимо отъ того для наблюденія за исполненіемъ сихъ постановленій думы могутъ избирать особыхъ участковыхъ попечителей, снабжаемыхъ въ удостовѣреніе ихъ званія открытыми листами на бланкахъ и за печатью управы“. А согласно ст. 113 „возбужденіе судебнаго преслѣдованія и обличеніе передъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи обязательныхъ постановленій принадлежитъ, какъ полиціи, такъ равно управѣ и участковымъ попечителямъ“. Но въ чемъ тутъ дѣло, разгадать нетрудно, если обратить вниманіе на то, что городскимъ думамъ предоставлено только „составлять“ обязательныя постановленія „по собственному усмотрѣнію или по заявленію начальника мѣстной полиціи“, *издаются же* они губернаторомъ. Такимъ образомъ все мнимое расширеніе „власти“ введеннаго въ систему государственныхъ установленій городского общественнаго управленія выражается въ томъ, что послѣднее, наравнѣ съ полиціей, привлечено къ роли будочника по охранѣ *губернаторскихъ* распоряженій.

Таково въ своихъ главныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе характерныхъ чертахъ Городовое Положеніе 1892 года. Трудно, кажется, спорить противъ того, что имъ создано только *подобіе* самоуправляющагося учрежденія; въ дѣйствительности на мѣсто самоуправленія имъ организовано „*управленіе мѣстностью на началахъ казенной правительственной администраціи черезъ состоящихъ на государственной службѣ выборныхъ чиновниковъ*, т. е. по существу тѣхъ же *выборныхъ приказныхъ*, приставленныхъ къ *царскому дѣлу*“. Этимъ объясняется, почему все такъ „спутано, неясно и туманно, сколько несовмѣстимаго и даже прямо противорѣчиваго въ современномъ муниципальномъ строѣ, когда мы подходимъ къ нему съ критеріемъ истиннаго самоуправленія! Но прикиньте къ нему мѣрку городского населенія, управляемаго черезъ выборныхъ, но правительственныхъ казенныхъ чиновниковъ—и какъ все сразу сдѣлается яснымъ и понятнымъ; несовмѣстимое окажется прекрасно согласованнымъ

и дополняющимъ другъ друга, противорѣчія исчезнутъ, всѣ мелочи, всѣ частности дѣйствующаго Городового Положенія предстанутъ передъ нами въ качествѣ логическаго развитія одной основной идеи, образующаго единое стройное цѣлое. Съ понятіемъ самоуправленія совершенно несовмѣстимо внесенное въ дѣйствующее Городовое Положеніе начало назначенія (ст. 54 и 119) наряду съ сохраненіемъ выборнаго начала. Но отрѣшитесь отъ этого понятія, станьте на точку зрѣнія правительственной администраціи черезъ выборныхъ приказныхъ — и это представится вполнѣ естественнымъ; сдѣлается понятнымъ, что выборное начало сохранено единственно, поскольку то предполагалось необходимымъ въ видахъ облегченія администраціи задачи выбора служебнаго персонала... Вѣдь выборы, нуждающіеся въ санкціи, въ утвержденіи избранныхъ, являются скорѣе только рекомендаціей кандидатовъ, а для такой рекомендаціи нѣтъ надобности выслушивать голосъ представителей всего городского общества, а достаточно справиться съ мнѣніемъ представителей какой-нибудь небольшой части его, той, конечно, которая предполагается почему-либо наиболѣе заслуживающей довѣрія администраціи и наиболѣе соотвѣтствующей ея видамъ. Какъ логическое слѣдствіе отсюда—сокращеніе контингента избирателей путемъ повышенія избирательнаго ценза. Какъ объяснить затѣмъ съ точки зрѣнія истиннаго самоуправленія ограниченіе компетенціи городской думы, низведенной до роли совѣта при управѣ, утвержденіе ея постановленій, вмѣшательство губернской администраціи въ ихъ существо, наконецъ, перенесеніе центра тяжести городского управленія въ коллегію выборныхъ чиновниковъ, образующихъ городскую управу? И какъ все это нормально, логично, даже прямо неизбѣжно опять-таки съ точки зрѣнія административнаго управленія мѣстности черезъ выборныхъ чиновниковъ-приказныхъ!“

3.

Какое конкретное выраженіе получили, какъ реализировались тѣ нормы Городового Положенія 1892 г., которыми опредѣлялись *условія* дѣятельности городского общественнаго управленія? Каковы практическіе результаты его дѣятельности въ связи съ этими условіями? Чѣмъ подарилъ насъ реорганизованный муниципальный строй съ точки зрѣнія „удобства и успѣшности осуществленія разныхъ цѣлей“ городского управленія, какъ учрежденія мѣстнаго, обслуживающаго городское населеніе, вѣдающаго его пользы и нужды? Выполнило ли преобразованное городское общественное управленіе и въ какой мѣрѣ свою задачу, какъ „точки опоры для общаго государственнаго порядка и данной государственной власти“,—точки опоры, которую, какъ мы знаемъ, законодатель въ абсолютной монархіи всегда ищетъ въ преобразуемыхъ административныхъ учрежденіяхъ? Вотъ рядъ вопросовъ, на который намъ предстоитъ теперь дать отвѣтъ. Настоящій трудъ оказался бы почти безцѣльнымъ, во всякомъ случаѣ, потерялъ бы значительную долю своего смысла, если бы авторъ ограничился про-

стымъ перечисленіемъ достигнутыхъ въ томъ или другомъ отношеніи результатовъ, не сдѣлавъ попытки причинно связать ихъ съ особенностями трактуемаго муниципальнаго строя, съ началами, положенными въ основу его организаціи. При понятной ограниченности мѣста сдѣлать это, конечно, можно только въ главныхъ и общихъ чертахъ.

Въ ряду *условій* дѣятельности, созданныхъ Городовымъ Положеніемъ 1892 года, понятно, на первомъ мѣстѣ нужно поставить предопредѣленный этимъ Положеніемъ личный составъ преобразованнаго учрежденія. И тутъ намъ приходится констатировать, что прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ высокаго избирательнаго ценза, положеннаго въ основу избирательной системы, явилось, несмотря на ростъ городского населенія, очень сильное сокращеніе контингента городскихъ избирателей. Въ Петербургѣ, напр., количество избирателей съ 21 тыс. упало до 8 тыс., въ Москвѣ съ 20 тыс. до 7 тыс., въ Харьковѣ съ 6.890 до 2.291, въ Ростовѣ на Дону съ 5.383 до 788, въ Черниговѣ съ 1.461 до 300, въ Нахичевани на Дону съ 1.443 до 510 и т. д. Наиболѣе сильно сократилось число лицъ, пользующихся правомъ голоса на городскихъ выборахъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ сравнительно съ высокою нормою избирательнаго ценза оцѣнка недвижимыхъ имуществъ была особенно низка; въ городахъ же еврейской черты осѣдлости, гдѣ права участвовать въ городскихъ выборахъ лишена была огромная часть населенія, даже удовлетворявшая требованіямъ избирательнаго ценза, —здѣсь число избирателей сократилось во многихъ случаяхъ до $^1/_{10}$ части прежняго числа. Въ общемъ лишеннымъ избирательныхъ правъ оказалось не менѣе 99% городского населенія; по крайней мѣрѣ, по даннымъ городскихъ избирательныхъ списковъ, собраннымъ пишущимъ эти строки и опубликованнымъ въ 1903 г. въ журналѣ „Народное Хозяйство", число городскихъ избирателей рѣдко превышаетъ одинъ процентъ городского населенія, въ большинствѣ же случаевъ онъ значительно ниже. Характерно, но вполнѣ естественно *), что величина городского избирательнаго корпуса находится въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ городскихъ поселеній: избирателей относительно тѣмъ меньше, чѣмъ городъ больше, такъ что городское населеніе, благодаря нормамъ Городового Положенія 1892 года, тѣмъ менѣе пользуется избирательными правами, чѣмъ болѣе оно по существу, какъ то было уже выяснено, въ такомъ пользованіи заинтересовано. Такъ обстоитъ дѣло въ отношеніи количественномъ. Что же касается отношенія качественнаго, то уже въ силу значительнаго сокращенія числа городскихъ избирателей не могъ также не измѣниться существенно и самый ихъ составъ. Повышеніе избирательнаго ценза, направленное противъ малоимущихъ слоевъ городского населенія, устранило отъ избирательныхъ урнъ весь прежній третій разрядъ избирателей, даже частью вто-

*) Мы знаемъ уже, что по мѣрѣ роста городского населенія его имущественный (домовладѣльческій и купеческій) слой постепенно изъ большинства превратился во все менѣе и менѣе значительное меньшинство.

рой, словомъ, всю городскую торговую и промышленную (мѣщанскую и ремесленную по преимуществу) мелкоту. Судьбы городского управленія, поскольку онѣ зависятъ отъ избирателей, повышеніе избирательнаго ценза отдало всецѣло въ руки прежней „перворазрядной“ и частью „второразрядной“ части населенія. Такимъ образомъ среднiй уровень имущественной обезпеченности избирателя сравнительно съ прежнимъ значительно повысился, и, слѣдовательно, избиратель сталъ еще дальше прежняго отъ массы городского населенія съ ея нуждами и потребностями.

Еще важнѣе въ этомъ смыслѣ то обстоятельство, что теперь, среди *меньшаго количества избирателей*, владѣльцы наиболѣе крупныхъ состояній — крупнѣйшіе домовладѣльцы, крупнѣйшіе торговцы и промышленники—заняли относительно *большее* (въ % %) мѣсто даже въ томъ случаѣ, когда абсолютное число ихъ осталось неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно мѣстами даже замѣтно увеличилось. Затѣмъ съ устраненіемъ отъ избирательныхъ урнъ промышленной и торговой мелкоты, весьма сильно повысилось также мѣсто, занимаемое въ составѣ городскихъ избирателей разночинцами—по преимуществу отставными и служащими чиновниками разнаго ранга, опять-таки хотя бы абсолютно число ихъ не увеличилось. Какъ о томъ свидѣтельствуютъ упомянутыя выше данныя избирательныхъ списковъ, во многихъ, особенно же небольшихъ, городахъ въ распоряженіи разночинцевъ оказалось даже такое солидное количество голосовъ, что нерѣдко они получаютъ рѣшающее значеніе на городскихъ выборахъ. Понятно также, что благодаря усиленію роли разночинцевъ въ составѣ городскихъ избирателей, неизбѣжно долженъ былъ увеличиться и его среднiй образовательный уровень.

Таковъ городской избирательный корпусъ, созданный Городовымъ Положеніемъ 1892 года. Его отношеніе къ своему гражданскому долгу, достаточно обнаружившееся уже на первыхъ выборахъ 1893 года, особенно ярко сказалось на послѣднихъ въ XIX вѣкѣ городскихъ выборахъ 1897 года. Эти выборы дали поразительную картину апатичности и индифферентизма избирателей. Въ Москвѣ, напр., явилось на выборы едва 17% общаго числа избирателей, въ Одессѣ изъ 1.890 избирателей явилось на коренные выборы 626, на дополнительные—250, въ Саратовѣ изъ 1.189 избирателей въ выборахъ приняли участіе 450, въ Нижнемъ-Новгородѣ изъ 1.385—менѣе 400 и т. д. Рядомъ съ такимъ поразительнымъ абсентеизмомъ, лишній разъ засвидѣтельствовавшимъ о полномъ равнодушіи къ общественному дѣлу того ограниченнаго слоя населенія, которому Городовымъ Положеніемъ 1892 года предоставлена привиллегія избирательнаго права,—рядомъ съ нимъ особенно характерно необыкновенно горячее стремленіе избирателей къ занятію думскихъ мѣстъ: число баллотирующихся кандидатовъ въ гласные часто почти равняется числу участвующихъ въ выборахъ; приходятъ, слѣдовательно, на выборы не столько выбирать, сколько выбираться!.. При такомъ огромномъ

количествѣ претендентовъ тѣмъ не менѣе еще не было ни одной избирательной кампаніи, когда бы въ огромномъ количествѣ городовъ не оказались необходимыми дополнительные выборы и когда бы все-таки и затѣмъ не оказывалось почти повсемѣстнаго недовыбора гласныхъ до узаконеннаго нормальнаго комплекта. И этотъ систематическій недовыборъ отнюдь не плодъ случайности баллотировки; онъ—результатъ вполнѣ сознательной и планомѣрной избирательной работы. При абсентеизмѣ большинства и участіи въ выборахъ небольшого количества активныхъ избирателей, при огромномъ количествѣ баллотирующихся претендентовъ на званіе гласнаго и неизбѣжномъ потому дробленіи голосовъ, —при этихъ условіяхъ небольшая тѣсно сплоченная и дружно дѣйствующая группа лицъ легко овладѣваетъ выборами и разыгрываетъ ихъ, какъ по нотамъ. Задача такой группы, само собою понятно, тѣмъ легче, чѣмъ меньше лицъ предстоитъ избрать. Тутъ на помощь такого рода избирательнымъ комплотамъ пришли тѣ нормы Городового Положенія 1892 года, которыми крайне сокращено подлежащее избранію нормальное количество гласныхъ и, сверхъ того, еще допущена возможность недовыбора одной трети до этого нормальнаго числа. Въ средѣ, зиждущейся на имущественномъ цензѣ, естественно, что руководительство выборами досталось на долю его крупнѣйшихъ представителей. Впрочемъ, невсегда и невездѣ. Уже на выборахъ 1897 года, вторыхъ по Городовому Положенію 1892 года и послѣднихъ въ XIX вѣкѣ, можно было наблюдать организацію мелкихъ цензовиковъ въ формѣ мѣщано-ремесленно разночинныхъ коалицій, направленныхъ противъ крупныхъ торгово-промышленныхъ кандидатуръ. И мѣстами ихъ дружная и энергичная работа не осталась безъ замѣтнаго успѣха. Въ Херсонѣ, напр., имъ удалось замѣнить нѣкоторыхъ прежнихъ невѣжественныхъ представителей торговаго міра новыми лицами съ образовательнымъ цензомъ. Въ Курскѣ на коренныхъ выборахъ коалиціи удалось провести замѣтный процентъ лицъ, не принадлежащихъ къ торгово-промышленному міру, а на дополнительныхъ выборахъ изъ кандидатовъ торгово-промышленнаго класса не прошелъ даже ни одинъ. Въ Саратовѣ произведено было сильное обновленіе думскаго состава: изъ комплекта въ 80 гласныхъ избрано было новыхъ 27, изъ нихъ 20 съ высшимъ образованіемъ и 7 со среднимъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ усиліями коалиціи проведено въ составъ новой думы 11 человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Въ Казани въ результатѣ выборовъ изъ 77 гласныхъ оказалось 26 съ высшимъ образованіемъ и 3 со среднимъ. Всѣ эти вновь избранные гласные съ высшимъ и среднимъ образованіемъ—дворяне, разночинцы и люди либеральныхъ профессій. Можно привести еще довольно много такого рода примѣровъ, но всѣ они показали бы однако только одно,—что усиліямъ коалицій, образованныхъ мелкими цензовиками—мѣщанами, ремесленниками и разночинцами—удалось повліять не столько на классовый, сколько на сословный и интеллектуальный характеръ городского пред-

ставительства. Въ какой мѣрѣ съ введеніемъ въ дѣйствіе Городового Положенія 1892 года усилился въ этомъ составѣ разночинный элементъ, можно судить еще по слѣдующему примѣру.

Въ черниговской городской думѣ было гласныхъ: *)

Въ четырехлѣтія:	всего	Изъ нихъ дворянъ и разночинц.:	
1883—86	70	34	или 48.6%
1887—90	72	32	„ 44.5%
1891—93 **)	72	31	„ 43.0%
1893—96	32	25	„ 78.1%
1897—1901	41	29	„ 70.7%

Такимъ образомъ съ введеніемъ Городового Положенія 1892 года разночинцы оказываются въ думѣ даже въ подавляющемъ большинствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже послѣ первыхъ выборовъ 1893 года можно было констатировать замѣтное повышеніе процента гласныхъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ; послѣдующіе выборы еще болѣе повысили этотъ процентъ. Но все это не уничтожаетъ того наиболѣе важнаго въ данномъ случаѣ факта, что гласный, вышедшій изъ лона созданной 11 іюня 1892 года избирательной системы, оказался экономической величиной гораздо болѣе крупной,—чѣмъ самъ избиратель. Основная черта избирательнаго корпуса оказывается переданной городскому представительству въ сугубомъ, такъ сказать, конденсированномъ и рафинированномъ видѣ. По даннымъ о цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ (по городской оцѣнкѣ) гласные (въ среднемъ) являются домовладѣльцами въ $2^1/_2$—3 раза болѣе крупными, чѣмъ избиратели. Легко понять причину, почему гласные даютъ высшую среднюю имущественной состоятельности. На выборахъ при данныхъ условіяхъ кандидатуры замѣщаются прежде всего наиболѣе крупными цензовиками. А такъ какъ, благодаря ограниченности думскаго комплекта и праву недовыбора, думскихъ мѣстъ въ общемъ такъ немного, что крупнѣйшихъ цензовиковъ хватаетъ для замѣщенія почти всѣхъ, то на долю болѣе мелкихъ остается только самая незначительная часть кандидатуръ. И такимъ образомъ получается, что масса избирателей, болѣе $^2/_3$ общаго ихъ числа, представлено въ думѣ едва одной третьей частью гласныхъ, а двѣ трети думскихъ мѣстъ заняты представителями тѣхъ малочисленныхъ экономическихъ верховъ, которые въ общемъ не составляютъ даже одной третьей части городского избирательнаго корпуса. Но по необходимости предоставляя небольшое количество думскихъ мѣстъ наиболѣе мелкимъ цензовикамъ, верховодящая и заправляющая выборами группа принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры къ тому, чтобы эти болѣе мелкіе были изъ числа наиболѣе соотвѣтствующихъ ея видамъ, наименѣе способныхъ имъ противодѣйствовать. Для этого она пользуется всѣми тѣми возможностями, какія открываются на данный случай нормами Городового Положенія и между прочимъ особенно широко пользуется она воз-

*) „Тридцатилѣтіе дѣятельности черниговскаго городского общественнаго управленія. 1870—1901 г.“ Ст. CXXVII.

**) По 15 апрѣля, когда введено было въ дѣйствіе новое Городов. Положеніе 1892 г.

можностью совмѣщенія обязанности городского контрагента и службы по городскому общественному управленію со званіемъ гласнаго думы. Въ г. Нахичевани на Дону, напримѣръ, XIX в. передалъ въ наслѣдство XX в. составъ гласныхъ изъ 34 человѣкъ, въ числѣ которыхъ, сверхъ городского головы, какъ предсѣдателя думы, и двухъ членовъ управы, находились 14 городскихъ служащихъ (городской архитекторъ, городской повѣренный, бухгалтеръ управы, два врача городской больницы и т. д.) и сверхъ того болѣе 10 разнаго рода городскихъ контрагентовъ, хозяевъ арендуемыхъ городомъ домовъ, городскихъ поставщиковъ, подрядчиковъ, арендаторовъ городскихъ оброчныхъ статей и т. д. И такихъ думъ сотни!.. Во всякомъ случаѣ, выбираютъ ли въ гласные крупные цензовики, городскіе контрагенты и подрядчики городскихъ служащихъ, или же наоборотъ городскіе служащіе выбираютъ крупныхъ цензовиковъ, контрагентовъ и подрядчиковъ, моетъ ли правая рука лѣвую, или же лѣвая моетъ правую,— результатъ получился одинъ: городскимъ распорядительнымъ органомъ овладѣла небольшая тѣсно сплоченная группа, представляющая интересы самой верхушки той экономической пирамиды, которую образуютъ городскіе избиратели. Уже въ виду своей малочисленности эта группа, овладѣвшая думою, легко складывается въ замкнутую корпорацію, почти касту, внутри которой невозможно предположить что-нибудь похожее на классовую рознь, на междоусобную борьбу за противоположные классовые интересы. При полной однородности въ этомъ смыслѣ состава городского представительства, интересы правящаго меньшинства настолько прочно обезпечены, что трудно допустить мысль о какой-нибудь опасности для нихъ, которая могла бы появиться изъ среды этого же самаго представительства. Гласные знаютъ, что эти интересы нисколько не пострадаютъ отъ того, что они не будутъ посѣщать думскихъ засѣданій или уклонятся отъ участія въ комиссіяхъ и вообще отъ дѣятельнаго, прямого и непосредственнаго касательства къ городскому дѣлу. Отсюда—при слабомъ развитіи у нихъ чувства долга — абсентеизмъ всѣхъ формъ, достигнувшій къ концу вѣка такихъ гомерическихъ размѣровъ, что даже администрація переполошилась и потребовала энергичнаго штрафованія нерадивыхъ гласныхъ [1]. И безъ того невысокая, благодаря этому, работоспособность городскихъ думъ оказалась еще болѣе пониженной, благодаря отрицательному вліянію, оказанному на нее малочисленностью думскаго со-

[1] Переполохъ администраціи вполнѣ понятенъ. Благодаря абсентеизму гласныхъ затягивалось разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, кровно ее интересовавшихъ. Но это еще не главное. Гораздо больше волновало администрацію то, что абсентеизмъ гласныхъ грозилъ фактически перевалить на нее всю заботу о городскомъ хозяйствѣ — въ силу ст. 89 Гор. Полож., возлагающей на администрацію разрѣшеніе вопросовъ, остающихся неразрѣшенными отъ несостоявшихся послѣ двукратнаго созыва думскихъ засѣданій. Сколь ни пріятной была начальству во многихъ случаяхъ эта статья, но перспектива сплошного примѣненія ея ко всей сферѣ компетенціи городскихъ думъ не безъ основанія представлялась администраціи мало отрадной.

става. Все возрастающая сложность городского хозяйства требуетъ отъ думы все болѣе разнородной освѣдомленности, все болѣе разносторонней компетентности. Но гласныхъ въ думѣ оказывается слишкомъ мало для того, чтобы составъ ея могъ достаточно полно отражать въ себѣ хотя бы даже только ту не особенно широкую и разнородную компетентность, которая имѣется въ данномъ избирательномъ корпусѣ. Сотни нелѣпыхъ думскихъ рѣшеній должны быть отнесены именно на счетъ этого недостатка компетентности, на счетъ весьма частаго отсутствія въ составѣ городскихъ думъ людей, которые могли бы разобраться въ томъ или другомъ по существу простомъ и несложномъ вопросѣ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, чѣмъ больше, сложнѣе и шире вмѣстѣ съ ростомъ городовъ становятся задачи городского управленія, тѣмъ необходимѣе дѣлается, чтобы гласные выполняли не только функціи совѣщательныя и распорядительныя, но и функціи исполнительныя, — единолично или коллегіально, организуясь для этой цѣли въ исполнительныя комиссіи. Но организація послѣднихъ оказалась затрудненной именно малочисленностью гласныхъ даже тамъ, гдѣ они не грѣшили абсентеизмомъ. Такимъ образомъ во многихъ случаяхъ исключена была возможность тѣхъ чрезвычайно важныхъ улучшеній въ муниципальномъ дѣлѣ, которыя могли бы быть достигнуты единственно при условіи такого рода организаціи городскихъ исполнительныхъ органовъ.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть, въ какомъ „порядкѣ“ дѣйствій реализовались тѣ нормы Городового Положенія 1892 года, которыми уничтожена самостоятельность городского общественнаго управленія и установлена система опеки и административнаго вмѣшательства. Опека бюрократіи, съ головы до ногъ пропитанной формализмомъ и канцелярщиной, неизбѣжно должна была привить эти начала и опекаемому учрежденію. Къ тому на этотъ разъ и самый личный составъ учрежденія, благодаря значительной, какъ мы видѣли, примѣси чиновнаго элемента, былъ весьма расположенъ къ воспріятію этихъ началъ. На городское управленіе сталъ изо дня въ день обрушиваться изъ губернаторской канцеляріи цѣлый водопадъ „предложеній“ и „предписаній“, и оно соотвѣтственно отвѣчало на него потокомъ „представленій“, „отношеній“, „объясненій“ и т. д. И въ результатѣ „первое, въ чемъ раньше всего сказалось вліяніе Городового Положенія 1892 года—это проявившаяся почти повсемѣстно потребность въ увеличеніи штатовъ управскихъ канцелярій“. Наряду съ канцелярщиной и формализмомъ возродилась блаженной памяти муниципальная волокита временъ магистратовъ и шестигласной думы, — возродилась въ силу той же старой причины — отсутствія у городского управленія права сдѣлать шагъ безъ надлежащаго соизволенія, разрѣшенія и утвержденія. Благодаря времени, потребному на составленіе и подписаніе журналовъ, на пересылку думскихъ постановленій и на возникающую по ихъ поводу переписку,—даже тѣ изъ нихъ, которые не нуждаются въ утвержденіи и могутъ быть обраща-

емы къ исполненію, если не будутъ остановлены губернаторомъ „въ двухнедѣльный со дня полученія“ имъ срокъ,—даже эти постановленія фактически не могутъ быть приведены въ исполненіе ранѣе 4—5 недѣль. Но уже не недѣлями, а мѣсяцами и годами приходится измѣрять волокиту въ такихъ случаяхъ, когда дѣло зависитъ отъ неограниченной никакими сроками дискреціонной власти администраціи, отъ ея разрѣшенія или утвержденія. Можно насчитать десятки чрезвычайныхъ думскихъ собраній *), точно въ насмѣшку разрѣшенныхъ уже *послѣ* того дня, на который они назначались. Столь же легко можно по самымъ животрепещущимъ и неотложнымъ городскимъ вопросамъ насчитать сотни думскихъ постановленій, которыя по цѣлымъ годамъ ждали утвержденія. Что удивительнаго, если во многихъ случаяхъ утвержденіе приходило уже тогда, когда самое постановленіе теряло всякій реальный смыслъ и значеніе. По мѣсяцамъ и даже по годамъ остающіяся вакантными городскія должности въ виду проволочки въ утвержденіи избранныхъ думою лицъ,—со времени введенія Городового Положенія 1892 г. стали такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ и по мѣсяцамъ, за отсутствіемъ губернаторскаго разрѣшенія, не вступающіе въ отправленіе своихъ обязанностей исполнительныя комиссіи. Наконецъ, какъ часто, начиная съ 1893 года, городское управленіе оказывалось совершенно парализованнымъ благодаря тому, что на 2—3 мѣсяца запаздывало разрѣшеніе на приведеніе въ исполненіе годовыхъ смѣтъ и раскладокъ!..

*) Для созыва которыхъ требуется разрѣшеніе губернатора.

Сейчасъ мы увидимъ, какія конкретныя условія дѣятельности городского общественнаго управленія созданы данной организаціей его исполнительнаго органа.

Какъ было уже сказано, цѣлямъ той же системы опеки и вмѣшательства предназначено было служить превращеніе городского исполнительнаго органа въ коллегію выборныхъ чиновниковъ. Такое превращеніе весьма усложнило задачу, которую пришлось разрѣшать городской думѣ при выборѣ членовъ управской коллегіи. Правящее меньшинство было поставлено теперь въ необходимость выбирать въ управу такихъ кандидатовъ, которые не только способны были наилучшимъ образомъ служить его интересамъ, но въ то же время имѣли бы шансы быть утвержденными администраціей. Кандидаты, которые могли бы удовлетворить обоимъ этимъ условіямъ, невсегда оказывались на лицо, и потому нерѣдко приходилось жертвовать способностью ихъ наилучшаго служенія интересамъ правящаго меньшинства шансамъ на утвержденіе,—вѣдь безъ послѣдняго выборъ все равно былъ бы безцѣльнымъ. Однако даже тогда, когда управа являлась плотью отъ плоти и костью отъ кости городской думы, между распорядительнымъ и исполнительными органами городского общественнаго управленія рѣдко наблюдалось то единеніе, на которое, казалось бы, слѣдовало разсчитывать.

Созданное Городовымъ Положе-

ніемъ 1892 г. юридическое положеніе городской управы таково, что она является не только исполнительнымъ, но также главнымъ руководящимъ и направляющимъ органомъ городского управленія, имѣющимъ къ тому же твердую опору въ губернской администраціи. Какъ часто послѣдняя принимаетъ сторону городского исполнительнаго органа, объ этомъ свидѣтельствуютъ сотни случаевъ опротестованія и отмѣны тѣхъ думскихъ постановленій, противъ которыхъ были городскія управы. И естественный ходъ вещей привелъ управы къ усвоенію той точки зрѣнія (высказанной между прочимъ наиболѣе рѣзко и опредѣленно ялтинскимъ городскимъ головою), что въ составѣ муниципальнаго механизма городскія думы—только ненужный и мѣшающій успѣшному ходу дѣла придатокъ, съ которымъ ни юридически ни фактически нѣтъ никакой необходимости считаться и который игнорировать можно вполнѣ безнаказанно. Само собою разумѣется, не всѣ думы оказались настолько безропотными, чтобы примириться съ такимъ отношеніемъ къ нимъ управъ. Мы являемся свидѣтелями ряда думскихъ попытокъ—поставить управы на подобающее имъ мѣсто муниципальнаго исполнительнато органа; но такого рода попытки не могли увѣнчаться сколько-нибудь серьезнымъ успѣхомъ, такъ какъ въ распоряженіи городскихъ думъ не было необходимыхъ для воздѣйствія на управы средствъ и способовъ. Чтобы по возможности уменьшить вредъ, наносимый муниципальному дѣлу конфликтами, хронически возникавшими по разнымъ поводамъ между думами и управами, оставалось одно: по возможности сократить количество такихъ поводовъ, сузивъ какъ можно больше поле дѣятельности городскихъ управъ. Этого думы пытались достигнуть двумя путями. Прежде всего—путь учрежденія исполнительныхъ комиссій; но онъ оказался мало дѣйствительнымъ; благодаря тому, что согласно Городовому Положенію (ст. 103) исполнительныя комиссіи дѣйствуютъ не иначе, какъ „подчиняясь управѣ“,—учрежденіе ихъ нерѣдко вело даже къ еще большему умноженію и обостренію конфликтовъ. Болѣе дѣйствительнымъ, но въ то же время и очень вреднымъ для развитія и преуспѣянія муниципальнаго дѣла оказался другой путь—суженіе самого городского хозяйства, отказъ отъ разнаго рода даже существенно необходимыхъ, даже неотложныхъ мѣропріятій, осуществить которыя должна была бы въ качествѣ исполнительнаго органа городская управа,—въ особенности же чаще всего практиковавшійся отказъ отъ улучшеній въ способахъ веденія городского хозяйства. Въ ряду отказовъ послѣдняго рода наибольшаго вниманія со стороны историка нашего городского хозяйства заслуживаетъ обусловленный недовѣріемъ думъ къ управамъ отказъ отъ „хозяйственнаго“ способа эксплуатаціи городскихъ службъ и удовлетворенія городскихъ нуждъ и предпочтеніе ему явно во всѣхъ смыслахъ убыточныхъ способовъ — подряднаго и концессіоннаго...

Мы подошли теперь къ самому важному пункту—къ условіямъ городского финансоваго хозяйства.

Hel. Meisenbach Riffarth & Co. Berlin — Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ (?)

Ѳ. А. Васильевъ. Оттепель.

Въ этой области преобразованному городскому управленію пришлось прежде всего столкнуться съ замѣтнымъ уменьшеніемъ городскихъ доходовъ, благодаря указанному выше упраздненію нѣкоторыхъ сборовъ *). Потребность же въ финансовыхъ средствахъ сильно возросла не только по причинѣ роста городовъ и нуждъ его населенія, но и въ особенности благодаря усилившейся требовательности администраціи. Сверхъ юридически въ силу ст. 137 Гор. Полож. обязательныхъ расходовъ, появились *фактически* обязательные, т. е. расходы, производства которыхъ желала и требовала администрація. Часто это были расходы, собственно къ данному городскому хозяйству ровно никакого отношенія не имѣющіе. Типично въ этомъ смыслѣ ассигнованіе нахичеванской-на-Дону городской думою по требованію донской областной администраціи крупной суммы на содержаніе *ростовскаго*-на-Дону полицейскаго адреснаго стола. Еще чаще это были расходы, хотя и мѣстнаго значенія, явно *незаконные*. Среди такого рода незаконныхъ, но въ силу давленія администраціи фактически обязательныхъ расходовъ главное мѣсто занимаютъ фигурирующіе почти во всѣхъ городскихъ росписяхъ крупныя ассигновки на выдачу „разъѣздныхъ" чинамъ полиціи. Кое-гдѣ сдѣланныя городами попытки избавиться отъ этого неоднократно признаннаго сенатомъ незаконнымъ расхода, какъ и нужно было ожидать, никакого успѣха не имѣли. Въ г. Владикавказѣ не удалось исключить „разъѣздные" изъ городскихъ росписей на 1895—1897 гг., несмотря даже на энергичное заступничество за городъ управляющаго казенной палатой. А попытка городовъ Вятской губерніи исключить „разъѣздные" изъ своихъ росписей вызвала соотвѣтствующій *циркуляръ* вятскаго губернатора, повелшій къ немедленному возстановленію исключенныхъ ассигновокъ. Впрочемъ, отказъ городскихъ управленій въ удовлетвореніи такого рода домогательствъ администраціи—явленіе рѣдкое уже просто потому, что затѣвать его все равно было бы совершенно безцѣльно: у администраціи была свободная возможность собственной властью вносить въ городскія смѣты желательныя ей ассигновки, какъ она многократно и дѣлала, пользуясь предоставленнымъ ей безконтрольнымъ правомъ „измѣнять смѣтныя исчисленія и раскладки". А такъ какъ знакомство администраціи съ каждымъ даннымъ городскимъ хозяйствомъ было чисто бумажнымъ, исключающимъ надлежащее представленіе о его дѣйствительныхъ условіяхъ, какъ и объ его истинныхъ нуждахъ и потребностяхъ, такъ какъ при томъ же эти потребности очень мало администрацію интересовали, такъ какъ сверхъ всего она нисколько не полагала себя обязанной считаться, когда то не соотвѣтствовало ея видамъ, съ

*) Съ привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ и разнаго рода судоходныхъ. Какъ велики были потери городскихъ кассъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ предшествовавшее 1892 году трехлѣтіе эти сборы давали въ среднемъ въ годъ городскимъ кассамъ: Баку — 180.000 р., Керчи—35.000 р., Севастополя—60.000 р., Таганрога—30.000 р. и т. п.

существующими на данный случай формальными требованіями закона, т. е. правилъ о составленіи городскихъ росписей,—то легко себѣ представить, какой невообразимый хаосъ вносило такое самовластіе администраціи въ городское финансовое хозяйство. Комиссія, ревизовавшая отчеты орловской городской управы за 1896, 1897 и 1898 гг., констатировала, напр., что „суммы перепутаны настолько, что изъ одной суммы можно сдѣлать десять“, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить, какой къ 1898 году значился въ наличности по кассѣ остатокъ за отсутствіемъ въ отчетѣ баланса, что по отчету за 1898 годъ невозможно составить себѣ „представленіе о движеніи суммъ городского прихода и расхода, такъ какъ суммы товарнаго сбора *) смѣшаны съ обыкновенными городскими“ и т. п., и все это, оказывается, по объясненію управы, натворила администрація, ибо смѣта на 1898 годъ „составлялась губернскимъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіемъ и *сведена была съ дефицитомъ* **), который пришлось покрыть суммой товарнаго сбора... Смѣшеніе же этого сбора съ городскими суммами обусловлено тѣмъ, что *губернское присутствіе не сдѣлало разницы между городскими сборами и товарнымъ*, наконецъ, *вообще доходы города были преувеличены и не соотвѣтствовали дѣйствительности*, — они были присутствіемъ доведены по смѣтѣ до полумилліона, тогда какъ никогда и позднѣе не достигали даже 400 тысячъ руб.“ И такихъ примѣровъ— сотни! Странно было бы при такихъ условіяхъ требовать отъ городского управленія серьезнаго упорядоченія городскихъ финансовъ тѣмъ болѣе, что уже въ силу формализма бюрократической опеки усилія этого управленія неизбѣжно должны были оказаться направленными не столько на дѣйствительное ихъ упорядоченіе, сколько на приданіе городскому финансовому хозяйству внѣшне благополучнаго вида. При составленіи городскихъ росписей главной задачей сдѣлалось замаскированіе фактическихъ дефицитовъ, частью путемъ сокращенія смѣты расходовъ за счетъ неотложныхъ нуждъ, а главнымъ образомъ посредствомъ вздутія доходной смѣты внесеніемъ въ нее преувеличенныхъ, а то и прямо фантастическихъ поступленій. Созданная такимъ образомъ иллюзія благополучія городскихъ финансовъ нерѣдко вводила въ заблужденіе самихъ же ея творцовъ. Въ концѣ концовъ городскія управленія сами оказывались сбитыми съ толку, сами теряли надлежащее представленіе о дѣйствительномъ состояніи своихъ финан-

*) Т. е. сбора съ привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ. Суммы этого сбора, какъ „*спеціальнаго*“, расходуемаго въ особомъ порядкѣ на спеціальныя цѣли (замощеніе подъѣздныхъ путей и т. п.) не могутъ быть смѣшиваемы съ городскими и не могутъ быть расходуемы на общія городскія нужды.

**) Законъ воспрещаетъ сведеніе городской смѣты съ дефицитомъ: итогъ расходной росписи не долженъ превышать итога приходной. Не считая этого закона обязательнымъ для себя, администрація въ то же время строго наблюдала за выполненіемъ его городскими управленіями. Нерѣдки даже были такіе случаи, когда администрація обязывала городскія управленія устранить изъ росписей тѣ дефициты, которые ею же ея же передѣлками въ этихъ росписяхъ были созданы!..

совыхъ рессурсовъ, дѣло еще больше запутывалось и фактически дефициты все росли да росли. Съ какимъ, благодаря этому, финансовымъ наслѣдствомъ городскія управленія вступили въ XX вѣкъ, о томъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя. По проекту росписи г. Казани на 1900 годъ доходовъ предвидѣлось 744.891 р., расходовъ требовалось произвести на сумму 822.180 р.; не хватало, слѣдовательно, болѣе 77.000 р. По проекту херсонской росписи ожидалось въ 1900 году поступленій 347.521 р., а израсходовать предстояло 386.077 р.; не хватало, слѣдовательно, болѣе 38.000 руб., хотя въ проектѣ смѣты еще не были внесены многія неотложныя ассигновки. По первоначальному проекту нижегородской росписи на 1900 годъ не хватало на покрытіе всѣхъ предположенныхъ расходовъ 150.000 руб. и даже послѣ долгихъ мудрствованій финансовой комиссіи не удалось всетаки сократить смѣтнаго дефицита болѣе чѣмъ до 25.000 руб. Харьковскимъ проектомъ росписи на тотъ же годъ предусматривался дефицитъ почти въ 70.000 руб., причемъ еще въ проектъ не были внесены неотложныя ассигновки на окончаніе начатыхъ сооруженій, т. е. всего на сумму до 200.000 руб., такъ что въ дѣйствительности у харьковскаго городского управленія не хватало на покрытіе текущихъ городскихъ нуждъ около 270.000 руб. Въ Саратовѣ же на покрытіе этихъ нуждъ по проекту росписи на 1900 г. не хватало даже 422.000 р.!.. Само собою разумѣется, что въ окончательно обработанныхъ, утвержденныхъ и обращенныхъ къ исполненію городскихъ росписяхъ на 1900 годъ всѣ эти дефициты исчезли; они были болѣе или менѣе ловко замаскированы, и XX вѣкъ получилъ отъ XIX в. блестящее финансовое наслѣдство...

4.

Въ какой мѣрѣ при изложенныхъ условіяхъ дѣятельности городского общественнаго управленія оказалась достигнутой основная, конечная цѣль городского хозяйства, которая уже опредѣлена была выше, какъ „созданіе условій, содѣйствующихъ возможно большему физическому, умственному, нравственному и матеріальному благосостоянію городского населенія“? Принявъ въ соображеніе извѣстный уже намъ характеръ городского представительства, его личный составъ, не трудно заключить a priori, что конечная цѣль городского хозяйства въ ея практическомъ осуществленіи должна была оказаться чрезвычайно суженной, сведенной къ всемѣрному и всестороннему благосостоянію не *всего* городского населенія во всей его цѣлости и совокупности, а только нѣкоторыхъ его представленныхъ въ городскомъ управленіи группъ за счетъ остальныхъ, отъ участія въ этомъ управленіи устраненныхъ. Однако стремясь къ вполнѣ правильной оцѣнкѣ той роли, которую сыгралъ въ данномъ случаѣ составъ городского представительства, нельзя упускать изъ виду одной изъ отмѣченныхъ его особенностей, — это — „замѣтное повышеніе процента гласныхъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ“. Конечно, гласные „интеллигенты“, употребляя это слово въ его неточномъ ходячемъ смыслѣ—

14*

чиновники, врачи, адвокаты, инженеры и т. д.—не могли бы быть гласными, если бы не обладали избирательнымъ цензомъ, т. е., если бы они не были крупными домовладѣльцами и даже крупными промышленниками, если бы они не принадлежали къ тѣмъ классамъ, которымъ должны быть „чужды интересы массы городского населенія, интересы городской мелкоты“; они попросту не были бы избраны, если бы предполагалась возможность измѣны ихъ интересамъ своихъ избирателей. Конечно, трудно было ожидать, чтобы они, направляя ходъ муниципальнаго дѣла, всѣ поголовно проявили тяготѣніе въ сторону противоположную той, которая естественно опредѣлялась фактомъ присвоенія избирательныхъ правъ только наиболѣе состоятельной части городского населенія. Но, во-1-хъ, этой части гласныхъ уже въ силу большей ея „интеллигентности“ не могли не претить нѣкоторые слишкомъ архаическіе муниципальные порядки и пріемы управленія, благодаря примѣненію которыхъ игнорированіе интересовъ трудовой массы населенія заходило гораздо дальше того, чѣмъ это требовалось бы дѣйствительными интересами правящихъ классовъ. И соотвѣтствующее упорядоченіе нѣкоторыхъ отраслей городского хозяйства, введеніе нѣкоторыхъ улучшеній и усовершенствованій, использованіе даже кое-гдѣ съ этой цѣлью западно-европейскаго муниципальнаго опыта, наконецъ, имѣющійся на лицо рядъ муниципальныхъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній на пользу массы городского населенія,—все это должно быть отнесено именно на счетъ вліянія, оказаннаго на дѣятельность городского общественнаго управленія наиболѣе образованною частью гласныхъ. Во 2-хъ, ни высокій избирательный цензъ, ни административный гнетъ все-таки не исключили совершенно возможности появленія въ муниципальныхъ рядахъ, хотя бы небольшой, но энергичной и дѣятельной группы истинной интеллигенціи въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Это—группа, дѣятельность которой направлена была не только на разрѣшеніе спеціальныхъ задачъ городского хозяйства, но и на разрѣшеніе задачъ и достиженіе цѣлей соціальнаго прогресса, поскольку это хозяйство способно служить его могучимъ факторомъ. Это—группа, которая старалась, по мѣрѣ силъ и возможности, внести въ муниципальное дѣло начала экономической и соціальной справедливости, отстаивая интересы трудовыхъ, малоимущихъ и неимущихъ классовъ городского населенія. Не ея вина, если этихъ силъ и возможности оказывалось не очень много. Крайне малочисленной, разбросанной по разнымъ городскимъ управленіямъ муниципальной интеллигенціи въ огромномъ большинствѣ случаевъ приходилось работать или крошечными малосильными группами или даже чаще всего совсѣмъ въ одиночку. При этомъ она имѣла противъ себя не только въ высокой степени неблагопріятныя для ея дѣятельности спеціальныя условія городского управленія, но и общія условія даннаго строя, чрезвычайно стѣснявшія всякую прогрессивную дѣятельность въ какой бы то ни было области. Ей приходилось вести непрестанную

упорную и рѣдко успѣшную борьбу съ косностью и своекорыстіемъ думскаго большинства. Ея усилія на каждомъ шагу тормозились установленнымъ „порядкомъ дѣйствій“ городскихъ учрежденій. Наконецъ, на каждомъ же шагу ей приходилось наталкиваться на энергичное противодѣйствіе администраціи, особенно подозрительно относившейся ко всему исходящему отъ думской интеллигенціи и особенно охотно накладывавшей свое veto на всѣ ея начинанія. Тѣмъ не менѣе даже при такихъ въ высокой степени неблагопріятныхъ условіяхъ усилія думской интеллигенціи не оказались безъ замѣтныхъ результатовъ. Именно имъ, именно этимъ усиліямъ мы обязаны тѣмъ, что равнодѣйствующая соціально-экономической дѣятельности городскихъ управленій прошла значительно ближе къ интересамъ населенія, значительно лѣвѣй той линіи, которая намѣчалась Городовымъ Положеніемъ 1892 года. Само собою разумѣется однако, что нѣкоторое отклоненіе равнодѣйствующей есть только отклоненіе, а не полная и рѣшительная перемѣна направленія. Это направленіе, опредѣленное преобладающими въ городскомъ общественномъ управленіи соціально-экономическими тенденціями, едва ли не особенно ярко обнаруживается въ муниципальной финансовой политикѣ. Характерны крайняя осторожность и изумительная щепетильность, которыя проявлялись городскимъ управленіемъ каждый разъ, когда городское обложеніе могло бы серьезно затронуть интересы правящаго класса, особенно его наиболѣе сильнаго экономически слоя. Основной городской сборъ—оцѣночный съ недвижимыхъ имуществъ, играетъ въ городскихъ бюджетахъ весьма небольшую роль, благодаря тому, что имущества большей частью еще 15—20 лѣтъ тому назадъ оцѣнены крайне низко, въ 5—8 разъ ниже дѣйствительной стоимости. Въ послѣдніе годы XIX в. въ цѣломъ рядѣ городовъ предпринимается общая переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ, благодаря которой оцѣночная стоимость ихъ повышается далеко не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ поднялась дѣйствительная цѣнность и доходность имуществъ въ быстро разросшихся и развившихся городахъ. Отношеніе облагаемой оцѣночной стоимости и доходности къ дѣйствительной не только осталось прежнимъ, но, повидимому, мѣстами даже оказалось еще болѣе благопріятнымъ для плательщиковъ оцѣночнаго сбора, особенно крупныхъ. И въ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, когда общая переоцѣнка предпринималась подъ давленіемъ администраціи, весьма заинтересованной въ умноженіи городскихъ финансовыхъ средствъ, а тѣмъ болѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда переоцѣнка предпринималась по инициативѣ самого городского управленія—она отнюдь не имѣла цѣлью въ какой-либо мѣрѣ повредить интересамъ правящаго меньшинства на пользу фиска, а какъ разъ наоборотъ—ставила себѣ задачей, какъ можно болѣе оградить эти интересы. Переоцѣнка имѣла главнымъ образомъ, во 1-хъ, устранить тѣ невыгоды, какія вытекали для правящаго меньшинства изъ обложенія имуществъ на основаніи оцѣнокъ, произведенныхъ *разновре-*

менно, частично, по мѣрѣ сооруженія новыхъ зданій, въ разные моменты развитія городской жизни, при разныхъ условіяхъ строительной стоимости и доходности, безъ общаго плана, безъ соображенія съ общими условіями домовладѣнія и т. д., благодаря чему явилась чрезвычайная неуравнительность оцѣнокъ, слѣдовательно, и неравномѣрность распредѣленія налоговаго бремени между отдѣльными имуществами. Въ предѣлахъ одного и того же района или квартала, крупнѣйшіе домовладѣльцы, собственники огромныхъ многоэтажныхъ домовъ позднѣйшей постройки, обложенныхъ на основаніи позднѣйшей оцѣнки по значительно повышенной доходности,— эти домовладѣльцы были кровно заинтересованы въ томъ, чтобы со отвѣтственно были переоцѣнены и старые менѣе крупные дома ихъ сосѣдей, облагавшіеся на основаніи несравненно болѣе низкой старой, много лѣтъ тому назадъ произведенной оцѣнки. Переоцѣнка имѣла, во 2-хъ, устранить тѣ невыгоды для наиболѣе вліятельной домовладѣльческой части населенія, которыя вытекали изъ неравномѣрности распредѣленія налоговаго бремени между различными городскими районами, благодаря устарѣлости оцѣнокъ и неодинаковости темпа развитія этихъ районовъ—старыхъ и вновь застраиваемыхъ, центральныхъ и окраинныхъ. Если по абсолютной высотѣ цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ окраины всегда отстаютъ отъ центра *), въ которомъ поэтому и группируется наиболѣе сильный экономически и наиболѣе вліятельный слой домовладѣльческой части населенія, то темпомъ роста окраины всегда обгоняютъ центръ. Въ то время, какъ цѣнность и доходность недвижимыхъ имуществъ выростаютъ въ центрѣ, положимъ, на 25%, для окраинъ, благодаря ихъ усиленному заселенію и т. д., этотъ ростъ за тотъ же періодъ опредѣляется въ 100%. Это значитъ, что между двумя домами,—центральнымъ и окраиннымъ — первоначально на одинаковыхъ началахъ оцѣненными и потому равномѣрно обложенными, съ теченіемъ времени возникаетъ крайняя неравномѣрность не къ выгодѣ центральнаго,—неравномѣрность, которая можетъ быть устранена только новой общей переоцѣнкой *). Для

*) Если бы онѣ его обогнали, то это значило бы, что произошло перемѣщеніе центра, или, что образовался новый центръ, какъ это и бываетъ въ крупныхъ городахъ, которые обыкновенно распадаются на нѣсколько частей со своими самостоятельными центрами.

*) Въ Петербургѣ общая переоцѣнка, законченная въ 1900 году, обнаружила, что за 25 лѣтъ, со времени послѣдней общей оцѣнки 1874 года, цѣнность и доходность *центральныхъ* частей возросла: Казанской—на 24,43%, Адмиралтейской—на 31,26%, а *окраинныхъ*—Нарвской—на 96,30 и Выборгской—на 134,71%. Это значитъ, что оставайся въ дѣйствіи старая оцѣнка—и имущества Выборгской стороны продолжали бы нести въ шесть разъ меньшее налоговое бремя, чѣмъ слѣдовало бы сравнительно съ Казанской частью. Для крупнаго и вліятельнаго домовладѣльца центральной части общая переоцѣнка явилась не только вопросомъ отвлеченной справедливости: она открывала ему вполнѣ реальную возможность уменьшить свое налоговое бремя, перемѣстивъ соотвѣтственно большую тяжесть платежей на окраиннаго домовладѣльца Выборгской стороны.

того же, чтобы послѣдняя не повлекла за собою усиленнаго обложенія, не привела бы къ извлеченію изъ кармана домовладѣльца въ пользу городской кассы большей, чѣмъ раньше, части его дохода, чтобы ничего такого не случилось, принимаются надлежащія мѣры: устанавливаются соотвѣтствующіе пріемы оцѣнки, а главнымъ образомъ такія нормы скидокъ на расходы для опредѣленія подлежащаго обложенія чистаго дохода, что послѣдній оказывается чрезвычайно пониженнымъ. И вотъ въ нѣкоторыхъ городахъ въ результатѣ произведенной переоцѣнки городскія кассы не только ничего не выиграли, но даже оказались въ проигрышѣ отъ уменьшившагося поступленія оцѣночнаго сбора, хотя значительный ростъ цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ въ этихъ городахъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Впрочемъ, вѣдь удовлетвореніе интересовъ справедливости по отношенію къ городской кассѣ и не составляла собственно цѣли переоцѣнки; ея главная цѣль была—уравнительность обложенія, но, какъ можно было понять уже низъ только что изложеннаго, уравнительность однобокая. Переоцѣнка *устанавливала* ее для имуществъ одного рода, одной категоріи, *возстановляла* ее, когда она почему-либо была нарушена въ пользу мелкаго домовладѣнія, но отнюдь не устраняла неравномѣрности между разными категоріями домовладѣнія, не возстановляла ее, когда она оказывалась нарушенною въ пользу домовладѣнія крупнаго. И послѣ общей переоцѣнки мелкія недвижимыя имущества оказывались оцѣненными, слѣдовательно, и обложенными относительно значительно выше крупныхъ. Неуравнительность въ этомъ смыслѣ была даже еще болѣе усугублена переоцѣнкою, такъ какъ послѣдняя возстановила ее тамъ, гдѣ она фактически уже устранена была естественнымъ ходомъ вещей, напримѣръ, усиленнымъ ростомъ доходности окраинныхъ владѣній и т. д. Тутъ выступаетъ вторая характерная черта финансовой политики городскихъ управленій—стремленіе къ возможно большему перемѣщенію тяжести городского бюджета на плечи мелкаго плательщика. Ретивость, которую проявили городскія управленія въ дѣлѣ уловленія мелкихъ объектовъ обложенія заходила такъ далеко, что они не останавливались передъ прямымъ беззаконіемъ, подвергая обложенію предметы, ему не подлежащіе, или устанавливая сборы въ порядкѣ, закономъ отнюдь не допускаемомъ. Строгость административнаго надзора нисколько не исключала такой возможности по той простой причинѣ, что незаконные сборы устанавливались не только съ согласія, но и при прямомъ содѣйствіи и активномъ участіи самой же администраціи. Содѣйствіе же это—обыкновенно оказываемое изданіемъ соотвѣтствующихъ обязательныхъ постановленій — оказывалось администраціей тѣмъ охотнѣе, что устанавливаемые такимъ незаконнымъ путемъ сборы очень часто предназначались какъ разъ на цѣли, наиболѣе ей желательныя, напримѣръ, на учрежденіе дополнительныхъ полицейскихъ должностей, на ночную охрану и т. п. Неудивительно, что даже мѣры, принципіально благодѣ-

тельныя для населенія,—мѣры, по самому существу своему предназначенныя служить интересамъ мелкихъ носителей податного бремени, обращаются имъ во вредъ, благодаря тому способу, какимъ городское управленіе умудряется эти мѣры осуществить. Такъ именно произошло съ принципіально столь желательнымъ переложеніемъ въ денежныя натуральныхъ повинностей въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ отнесены были не на общія городскія средства, а на спеціальные сборы: послѣдніе устанавливались было на такихъ началахъ, что отъ переложенія выгадали крупные носители повинности, а мелкіе только прогадали. Во многихъ городахъ, напримѣръ, установленный взамѣнъ натуральной повинности сборъ на „исправленіе“ улицъ (содержаніе и устройство мостовыхъ и тротуаровъ) взимается съ единицы протяженія—съ погонной сажени улицы, прилегающей къ дому плательщика. „Но цѣнныя и доходныя дворовыя мѣста, застроенныя многоэтажными домами въ центральныхъ частяхъ города, обыкновенно по своему протяженію значительно меньше огромныхъ, но малоцѣнныхъ и бездоходныхъ дворовъ-пустырей на городскихъ окраинахъ. Слѣдовательно, сборъ, взимаемый съ единицы протяженія, ложится наибольшей тяжестью именно на наименѣе состоятельныхъ окраинныхъ домовладѣльцевъ“. Конечно, правящее меньшинство сумѣло использовать въ своихъ исключительныхъ интересахъ не одно только переложеніе въ денежныя натуральныхъ повинностей. Очень знаменательно, какъ оно использовало муниципализацію промышленныхъ предпріятій.

Тѣмъ, которымъ одинаково милъ всякій фактъ муниципализаціи, независимо отъ мотивовъ, которыми она вызывается, отъ условій, при которыхъ она происходитъ, отъ цѣлей, которыя она преслѣдуетъ *), — имъ практика преобразованнаго въ 1892 г. городского управленія можетъ доставить много удовольствія: со времени этого преобразованія муниципализація сдѣлала у насъ огромные успѣхи и *приноситъ уже городскимъ кассамъ крупные доходы*. Да, въ этомъ послѣднемъ и — liegt der Hund begraben! „Если принять въ соображеніе, что плата за услугу сооружаемаго и эксплуатируемаго городомъ предпріятія, по крайней мѣрѣ, поскольку она превышаетъ дѣйствительную стоимость этой услуги, является по существу косвеннымъ налогомъ, то легко раскроется и смыслъ практикуемаго правящей буржуазіей усиленнаго извлеченія прибыли изъ городскихъ предпріятій. Этимъ путемъ, въ формѣ замаскированныхъ косвенныхъ налоговъ, оно свободно и незамѣтно перекладываетъ тяжесть городского бюджета на плечи наименѣе состоятельныхъ классовъ городского населенія, какъ наиболѣе нуждающихся въ услугахъ городскихъ предпріятій и наиболѣе пользующихся ими. Прибыль отъ предпріятій даетъ возможность усиливать бюджетные рессурсы, не прибѣгая къ увеличенію падающихъ на буржуазію налоговъ; а въ

*) См. весьма любопытную въ этомъ смыслѣ брошюру В. Ѳ. Тотоміанца: „Муниципализація промышленныхъ предпріятій“. М. 1902 г.

нѣкоторыхъ городахъ эта прибыль даже прямо имѣетъ назначеніемъ соотвѣтствующее уменьшеніе налоговъ" *). Если иногда городскія управленія отказываются отъ извлеченія прибыли отъ муниципальнаго предпріятія, то это единственно тогда, когда того требуютъ интересы того же правящаго меньшинства. Самый порядокъ муниципализаціи, когда ею имѣется въ виду не извлеченіе прибыли, а лучшее обслуживаніе, лучшее удовлетвореніе какой-либо нужды, соотвѣтствуетъ обыкновенно той послѣдовательности, въ какой осуществленіе тѣхъ или другихъ предпріятій представляется наиболѣе желательнымъ въ тѣхъ же интересахъ. Это относится, впрочемъ, не спеціально къ однимъ только муниципальнымъ предпріятіямъ. Послѣднее десятилѣтіе XIX в. ознаменовалось бросающимся въ глаза чрезвычайнымъ оживленіемъ въ сферѣ городского хозяйства. Въ десяткахъ городовъ появилось электрическое освѣщеніе, забѣгали по улицамъ конки и электрическіе трамваи, устроены, переустроены и расширены городскіе водопроводы, устроена канализація, сооружены бойни, кирпичные заводы и т. д. Инициатива въ этихъ случаяхъ далеко невсегда принадлежала городскимъ управленіямъ. Гораздо чаще инициаторами являлись наѣзжіе спекуляторы и прожектеры, промышляющіе добычей и перепродажей концессій. Само собою разумѣется, что они ставили на первую очередь тѣ предпріятія, которыя могли представить наиболѣе выгодное помѣщеніе капитала, игнорируя тѣ, которыя не обѣщали значительной прибыли, хотя тѣмъ не менѣе именно они представлялись бы существенно необходимыми въ интересахъ массы городского населенія. Со стороны частнаго предпринимателя это было, конечно, вполнѣ естественно; но характерно, что городскія управленія въ этомъ случаѣ чрезвычайно охотно шли навстрѣчу прожектерамъ, проявляя даже какую-то странную торопливость въ выдачѣ концессій и нисколько не пытаясь установить иную послѣдовательность въ осуществленіи мѣропріятій. Такое поведеніе городскихъ управленій станетъ понятнымъ, если обратить вниманіе на то, что огромное большинство городскихъ предпріятій — и въ тѣхъ случаяхъ, когда они осуществлялись хозяйственнымъ способомъ, и въ тѣхъ, наиболѣе многочисленныхъ, когда они осуществлялись подрядно-концессіоннымъ, — огромное ихъ большинство предназначено служить массѣ городского населенія единственно постольку, поскольку ея интересы и нужды совпадаютъ съ интересами и нуждами группъ, представленныхъ въ городскомъ управленіи и руководящихъ его судьбами. Съ того же пункта, съ котораго между этими двумя порядками интересовъ начинается болѣе или менѣе рѣзкое противорѣчіе, городскія предпріятія неизбѣжно перестаютъ служить массѣ, будучи по самому существу предназначенными главнѣйшимъ образомъ для обслуживанія правящаго меньшинства. Благодаря этому, напримѣръ, въ какомъ-нибудь захолустьѣ появляется вдругъ электрическое освѣщеніе, совершенно не гармонирующее съ окру-

*) Г. И. Шрейдеръ: — „Городское хозяйство" въ „Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ". Вып. VI, стр. 294.

жающей совершенно первобытной городской обстановкой, лишенной элементарныхъ условій благоустройства, но оно нужно домовладѣльцамъ и торговцамъ для освѣщенія ихъ квартиръ и магазиновъ. Или, напримѣръ, заключая концессіонные договоры, городскія управленія проявляютъ большую внимательность и осторожность при опредѣленіи порядка сооруженія и направленія трамвайныхъ линій, могущихъ оказать вліяніе на доходность домовъ и т. д., но съ большимъ равнодушіемъ относятся къ высотѣ проѣздной платы, къ вопросу о пересадкахъ, пониженныхъ тарифахъ и къ разнымъ другимъ съ точки зрѣнія правящаго меньшинства „мелочамъ", которыя между тѣмъ могутъ весьма серьезно и больно задѣть интересы массы, его трудового большинства.

Здѣсь же въ городскихъ предпріятіяхъ, помимо ихъ характера и назначенія по существу, мы находимъ и еще одно особенно яркое доказательство холоднаго и равнодушнаго (если не прямо враждебнаго) отношенія городского управленія къ интересамъ трудящихся классовъ, игнорируемыхъ дѣйствующей съ 1892 г. городской избирательной системой. Мы имѣемъ въ виду положеніе рабочихъ и служащихъ въ городскихъ предпріятіяхъ. Ихъ положеніе, какъ то пришлось уже констатировать пишущему эти строки, „нисколько не лучше обычнаго средняго уровня. И въ отношеніи размѣра заработной платы, и относительно продолжительности рабочаго времени и въ смыслѣ продовольствія и жилищной санитарно-гигіенической обстановки они нерѣдко оказываются обставленными даже хуже, чѣмъ въ частныхъ предпріятіяхъ. *Для современнаго нашего городского общественнаго управленія рабочій является такою же машиной для выработки возможно большаго количества неоплаченной прибавочной стоимости, какъ и для любого капиталиста.* Нисколько не заботясь о справедливости въ отношеніи къ собственнымъ рабочимъ, наши городскія управленія тѣмъ менѣе оказались способными помыслить о какомъ-либо вмѣшательствѣ *) во взаимныя отношенія городскихъ подрядчиковъ и концессіонеровъ, съ одной стороны, и ихъ рабочихъ и служащихъ, съ другой. И послѣдніе во всѣхъ городскихъ подрядныхъ и концессіонныхъ предпріятіяхъ являются жертвами самой возмутительной эксплуатаціи... Не даромъ служащіе,—напримѣръ, на городскихъ конкахъ и трамваяхъ—носятъ кличку *бѣлыхъ негровъ*"...

XX вѣкъ засталъ еще на Руси не только уѣздные, но даже губернскіе города, въ которыхъ городскія общественныя управленія не открыли ни одной собственной начальной школы (Витебскъ), ни одной городской больницы (Симферополь). Къ XX вѣку не оказалось на Руси ни одного города, въ которомъ велась бы серьезно борьба съ фальсификаціей и дороговизною продуктовъ, съ антисанитарнымъ состояніемъ жилищъ, въ которомъ городскимъ управленіемъ сдѣлана была бы ма-

*) Исключеніемъ являются наиболѣе „интеллигентныя" думы (напримѣръ, тифлисская, одесская), но попытки вмѣшательства невсегда увѣнчивались надлежащимъ успѣхомъ, благодаря ограниченности правъ городского управленія и путамъ административной опеки.

лѣйшая попытка къ возможному при наличныхъ условіяхъ, если не разрѣшенію столь важнаго для трудовой массы квартирнаго вопроса, то хотя бы только къ устраненію его наиболѣе острыхъ сторонъ. Но въ то же время XX вѣкъ не засталъ ни одного городского управленія, которое не прилагало бы усиленныхъ заботъ къ развитію мѣстной промышленности и торговли, но... промышленности крупной и торговли крупной же. По своему отношенію къ мелкимъ промысламъ и мелкой торговлѣ преобразованное въ 1892 году городское управленіе явилось во многихъ случаяхъ прямой противоположностью прежняго. Во время дѣйствія Городового Положенія 1870 г. многія городскія управленія, въ которыхъ почему-либо было сильнымъ вліяніе представителей третьяго разряда, подавали небезосновательный поводъ къ обвиненію ихъ въ чрезмѣрномъ потворствѣ мелкимъ торговцамъ даже во вредъ интересамъ городской кассы и городскому благоустройству. Извѣстны случаи, когда изъ боязни пустить людей по міру городскія управленія въ теченіе болѣе десятка лѣтъ, несмотря даже на настоянія администраціи, не приводили въ исполненіе состоявшихся уже судебныхъ рѣшеній о сносѣ мелкихъ лавочекъ, безобразившихъ городъ, мѣшавшихъ урегулированью базаровъ и занимавшихъ *) городскія мѣста, предназначенныя подъ несравненно болѣе выгодную для городской кассы эксплуатацію. Городскія управленія, вышедшія изъ лона Городового Положенія 1892 года, быстро покончили съ такимъ „попустительствомъ“. Не прошло и двухъ лѣтъ со дня ихъ нарожденія, какъ отъ такого рода лавочекъ не осталось и слѣда. Губернаторы, весьма ревниво относящіеся къ попыткамъ городскихъ управленій воспользоваться услугами пожарныхъ командъ для своихъ надобностей, на этотъ разъ великодушно предоставили эти команды въ ихъ распоряженіе. И въ одинъ—два часа пожарные крючьями разнесли несчастныя лавочки въ щепы! Мы умышленно остановились на этомъ частномъ и мелкомъ фактѣ изъ дѣятельности городского общественнаго управленія, потому что трудно придумать болѣе удачное символическое изображеніе этой дѣятельности въ данной области. По своему существу всѣ заботы преобразованнаго городского управленія объ урегулированіи базаровъ и рынковъ сводились къ такому разносу въ щепы мелкой торговли. Если же принять во вниманіе тѣсную связь между мелкой торговлей и ремесломъ, если принять въ соображеніе, что въ мелкихъ лавочкахъ, со „столовъ“, съ лотковъ обыкновенно продавались продукты собственнаго производства *), то станетъ понятнымъ, въ какой мѣрѣ стѣсненіе мелкой торговли отразилось также на судьбахъ мелкаго промысла. Кому случилось въ теченіе ряда лѣтъ внимательно слѣдить за ростомъ какого-нибудь города, тому не могло не броситься въ глаза интересное явленіе — постепеннаго систематическаго перемѣщенія нѣкоторыхъ вывѣсокъ

*) Фактически безплатно, въ виду многолѣтней безнадежной недоимочности ихъ владѣльцевъ.

*) Самими ремесленниками или членами ихъ семей.

отъ центра къ периферіи. Это—вывѣски разнаго рода ремесленныхъ мастерскихъ. По мѣрѣ роста города и быстраго повышенія квартирной платы въ центрѣ города, все болѣе завоевываемаго крупными торговыми учрежденіями, такого рода мастерскія, за исключеніемъ немногихъ, все болѣе и болѣе оттѣсняются къ окраинамъ. Въ процессѣ такого перемѣщенія онѣ растериваютъ своихъ *заказчиковъ*, кругъ ихъ постоянной кліентуры все болѣе и болѣе суживается, и онѣ все болѣе и болѣе оказываются въ необходимости работать не по заказу, а на рынокъ. Понятно, какою существенно важной, прямо спасительною для вытѣсняемаго изъ центра ремесленника является возможность непосредственнаго общенія съ рынкомъ, непосредственной продажи продуктовъ своего производства потребителямъ безъ участія перепродавцевъ. Понятно также, какъ гибельно зато, съ другой стороны, отзывается на немъ недоступность для него городского рынка, — недоступность потому ли, что городское управленіе отказываетъ въ отводѣ необходимыхъ мѣстъ для лавочекъ или „столовъ", потому ли, что оно взимаетъ за эти мѣста непомѣрную и непосильную для такого рода торговли плату, потому ли, наконецъ, что оно отводитъ мѣста завѣдомо неудобныя, мало замѣтныя и даже мало доступныя для потребителей, на которыхъ этого рода торговля разсчитана *). Потерявшему непосредственное общеніе съ рынкомъ ремесленнику нѣтъ болѣе возможности оставаться самостоятельнымъ производителемъ; онъ быстро теряетъ свою самостоятельность и ищетъ спасенія въ работѣ на крупные магазины, — работѣ, неизбѣжно сопряженной съ системой выжиманія трудового пота. И огромное количество капель этого пота мы, конечно, въ виду сказаннаго безусловно вправѣ поставить въ пассивъ городскому общественному управленію, созданному контръ-реформой 11 іюня 1892 года.

Зато, какъ сказано уже, это управленіе всегда и вездѣ проявляло весьма трогательную заботу объ интересахъ крупной торговли и промышленности. Нѣтъ тѣхъ жертвъ, передъ которыми оно остановилось бы ради ихъ развитія. Ради него оно обременяло городъ долголѣтними безусловно убыточными для населенія концессіями. Ради него оно затрачивало огромныя суммы на сооруженіе подъѣздныхъ путей, гаваней, пристаней и т. д., несло крупныя жертвы на учрежденіе и содержаніе различнаго рода спеціальныхъ—профессіональныхъ, техническихъ и коммерческихъ—учебныхъ заведеній, чрезвычайно скупо и неохотно расходуя въ то же время даже гроши на городскую начальную школу. Идя навстрѣчу устройству крупныхъ промышленныхъ предпріятій, городское управленіе охотно отчуждало для нихъ цѣнные и важные для города участки земли по недорогой цѣнѣ и на разныхъ льготныхъ условіяхъ. Наконецъ, когда дѣло шло объ устройствѣ такихъ предпріятій, городскія управленія охотно поступались даже интересами общественнаго здравія.

*) Въ сторонѣ отъ „привоза", когда продукты разсчитаны на спросъ пріѣзжаго въ городъ на базаръ сельскаго потребителя и т. п.

Разрѣшеніе на ихъ устройство, правда, невсегда зависитъ отъ городского управленія; большинство ихъ разрѣшается администраціей, но послѣдняя предварительно обязана выслушать заключеніе и получить согласіе городской думы, обсужденію которой вопросъ о сооруженіи промышленнаго заведенія подлежитъ со стороны его пожарной и санитарно-гигіенической безопасности. Но городскія думы чрезвычайно рѣдко отказывали въ своемъ согласіи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вредъ даннаго заведенія для интересовъ общественнаго здравія былъ несомнѣннымъ. Въ послѣдняго рода случаяхъ, правда, городскія думы, руководствуясь заключеніями городского санитарнаго надзора, ставили условіемъ соблюденіе при постройкѣ и затѣмъ эксплуатаціи заведенія извѣстныхъ техническихъ условій, имѣвшихъ устранить предполагаемый вредъ общественному здравію. Но условія эти затѣмъ или не соблюдались, или оказывались нецѣлесообразными и недѣйствительными. Тѣмъ не менѣе цѣль достигалась вполнѣ: и невинность была соблюдена—городское управленіе проявило приличествующую ему заботу объ интересахъ общественнаго здравія—и желательное промышленное заведеніе оказывалось сооруженнымъ...

При такой естественной слабости преобразованнаго въ 1892 году городского общественнаго управленія къ крупному капиталистическому производству, что удивительнаго, если едва ли не первое, въ чемъ это управленіе проявило широкую и энергичную иниціативу—это *организація торгово-промышленнаго класса*. До 1892 года ни купеческихъ обществъ и управъ, ни биржевыхъ комитетовъ, за исключеніемъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, нигдѣ не существовало. Во многихъ случаяхъ даже тамъ, гдѣ купеческія общества были въ свое время учреждены, они постепенно пришли въ упадокъ и фактически исчезли. Но вскорѣ же по введеніи Городового Положенія 1892 года городскія общественныя управленія начали прилагать усиленныя старанія къ восполненію этого пробѣла. И замѣчательно, что едва ли не наибольшую заботу о надлежащей организаціи торгово-промышленнаго класса, объ учрежденіи купеческихъ обществъ и выборѣ купеческихъ управъ, проявили именно тѣ городскія управленія, въ которыхъ, благодаря новой избирательной системѣ, вліятельное (Екатеринославъ) или даже преобладающее (Черниговъ) значеніе получили разночинцы!.. Можно думать, что, являясь болѣе просвѣщеннымъ и болѣе поэтому сознательнымъ муниципальнымъ элементомъ, они прежде и лучше другихъ поняли, что соотвѣтствующимъ образомъ разрѣшить поставленныя городскому управленію контръ-реформой 1892 года соціально-экономическія задачи они смогутъ только, опираясь на крѣпко и прочно организованный торгово-промышленный классъ.

Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ право сказать, что крупная капиталистическая промышленность на Руси развивалась въ концѣ XIX вѣка не безъ прямого и активнаго участія городского общественнаго управленія. Точно опредѣлить мѣру этого участія могло бы только спеціальное

изслѣдованіе, но даже то немногое, что мы здѣсь могли отрывочно и бѣгло указать, даетъ намъ право утверждать, что эта мѣра была весьма значительной...

5.

Въ какой мѣрѣ преобразованное городское общественное управленіе оказалось соотвѣтствующимъ нуждамъ и потребностямъ, цѣлямъ и задачамъ того политическаго режима, дѣтищемъ котораго явилась контръ-реформа 11 іюня 1892 года?

Мы знаемъ, что своей избирательной системой эта контръ-реформа шла навстрѣчу желаніямъ и чаяніямъ экономическихъ верховъ городского населенія. Узы солидарности этихъ верховъ съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ, и безъ того весьма солидныя, были такимъ образомъ еще болѣе скрѣплены. Мы знаемъ затѣмъ, что Городовымъ Положеніемъ 1892 г. установленъ еще рядъ мѣръ, имѣющихъ обезпечить дѣятельность городскихъ управленій, соотвѣтствующую правительственнымъ видамъ. Между прочимъ въ ряду этихъ мѣръ немаловажную роль сыграло допущеніе въ гласные городскихъ служащихъ, допущеніе которыхъ къ должностямъ, утвержденіе въ нихъ и устраненіе которыхъ отъ должностей зависитъ отъ губернской администраціи. Эти гласные—городскіе служащіе совмѣстно съ гласными—разнаго рода правительственными чиновниками—составляли нерѣдко думское большинство, у котораго, казалось бы, по всѣмъ расчетамъ не должно было даже мелькать дерзновенной мысли о непослушаніи губернатору, а тѣмъ паче министру внутреннихъ дѣлъ. И въ самомъ дѣлѣ, уже вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе Городового Положенія 1892 года пишущій это могъ констатировать, „что у современныхъ управцевъ выработалась особая система проведенія въ думѣ вопросовъ въ желательномъ для нихъ смыслѣ: дѣлается намекъ на достовѣрно извѣстное имъ мнѣніе начальства, сообщается какой-нибудь многознаменательный разговоръ съ правителемъ губернаторской канцеляріи—и дѣло въ шляпѣ. Не обходится иногда, правда, безъ траги-комическаго qui pro quo и недоразумѣній. Свѣдущій ли по части начальственнаго настроенія человѣкъ окажется недостаточно освѣдомленнымъ, сами ли гласные что-нибудь перепутаютъ, но во всякомъ случаѣ бываетъ и такъ: гласные не безъ огорченія узнаютъ вдругъ, что они постановили рѣшеніе, прямо противоположное тому, какое дѣйствительно было желательно „въ губерніи". Въ такомъ случаѣ они спѣшатъ исправить свою ошибку раньше даже, чѣмъ возникнувшій такимъ образомъ конфликтъ выльется въ установленную бумажно-канцелярскую форму, т.-е. раньше, чѣмъ успѣетъ получиться надлежащее предложеніе или предписаніе, собираются въ чрезвычайное засѣданіе и новымъ опредѣленіемъ ниспровергаютъ прежнее свое предательское постановленіе". Однако такое трогательное согласіе между городскимъ общественнымъ управленіемъ и правительственной администраціей по самому существу дѣла долго длиться не могло. Не трудно было заранѣе предвидѣть, что, получивъ право надзора не только за законностью, но и за правиль-

ностью дѣйствій органовъ городского общественнаго управленія, администрація всегда будетъ отдавать предпочтеніе правильности. А какъ администрація должна была понимать ее — это вполнѣ ясно подсказывалось статьей 83 Городового Положенія. Правильно все то, что *соотвѣтствуетъ* общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо явно не нарушитъ интересовъ населенія. А соотвѣтствуетъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, конечно, прежде всего то, что даетъ администраціи возможность, какъ можно болѣе широко развить ея дѣятельность въ видахъ правительственныхъ. На городское общественное управленіе сейчасъ же по введеніи въ дѣйствіе Городового Положенія 1892 года начинаетъ систематически сыпаться рядъ все возрастающихъ требованій объ усиленіи ассигновокъ, во-1-хъ, на полицію, на содержаніе ея дополнительныхъ штатовъ, на усиленную выдачу разъѣздныхъ, на устройство полицейскихъ телефоновъ, организацію ночной стражи и т. д., во-2-хъ, затѣмъ на развитіе такихъ отраслей внѣшняго городского благоустройства, которыя главнѣйшимъ образомъ служатъ интересамъ спокойствія и порядка. При всей „готовности къ услугамъ" обновленнаго состава городскихъ управленій, ему уже очень скоро пришлось отказывать администраціи въ удовлетвореніи многихъ ея требованій въ виду простой для того финансовой невозможности. Тогда, радѣя все о тѣхъ же общихъ государственныхъ пользахъ и нуждахъ, губернская администрація начала проявлять чрезвычайную заботливость объ умноженіи городскихъ рессурсовъ. Въ своемъ усердіи она зашла такъ далеко, что даже отказалась отъ привычныхъ формъ и путей канцелярско-бумажнаго воздѣйствія, отъ посылки предложеній и предписаній и выступила на путь прямого непосредственнаго общенія съ „выборными людьми". Губернаторы призывали гласныхъ, уговаривали ихъ, разъясняли, читали имъ длинныя лекціи о способахъ наилучшей постановки городского финансоваго хозяйства. А такъ какъ губернаторы невсегда отличались надлежащей финансовой ловкостью и, тренированные на выколачиваніи податей, привыкли щипать податную курицу такъ, чтобы она кричала благимъ матомъ, то обыкновенно заканчивали свои лекціи весьма безтактнымъ при данномъ составѣ слушателей совѣтомъ—усилить рессурсы городской кассы, переоцѣнивъ недвижимыя имущества и усививъ обложеніе ихъ оцѣночнымъ сборомъ. Это значило говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго... Гласные выслушивали, кисло улыбались, кланялись, уходили и нерѣдко дѣйствительно приступали къ переоцѣнкѣ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ отношеніяхъ городского управленія съ администраціей все-таки оставалась червоточина. При добромъ желаніи администраціи ее не трудно было бы залѣчить; но администрацію, повидимому, это мало заботило. Въ своемъ ретивомъ рвеніи объ общихъ государственныхъ пользахъ и нуждахъ она не только не постаралась о возстановленіи прежней теплоты и сердечности отношеній, а даже какъ бы умышленно дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы испортить ихъ еще

больше. Пока тянется переоцѣнка и городское управленіе занимается въ разныхъ другихъ направленіяхъ изысканіемъ способовъ и средствъ къ усиленію городскихъ финансовъ, администрація принимаетъ мѣры къ тому, чтобы даже при наличныхъ недостаточныхъ средствахъ ея требованія все-таки были удовлетворены, какъ можно полнѣе. Это достигается очень просто: противодѣйствіемъ тому, чтобы эти наличныя средства тратились на что-либо другое, кромѣ общихъ государственныхъ пользъ и нуждъ. Администрація крайне неодобрительно относится ко всякой ассигновкѣ, отвлекающей средства городской кассы въ какомъ-либо другомъ направленіи, кромѣ ей желательнаго, и властной рукой вычеркиваетъ такія ассигновки изъ городскихъ росписей. Отсюда „цѣлый рядъ случаевъ, когда города тщетно добиваются осуществленія какой-нибудь мѣры, имѣющей удовлетворить насущные интересы мѣстнаго населенія, въ родѣ, напримѣръ, открытія новаго учебнаго заведенія, выдачи стипендіи, выкупа концессіоннаго предпріятія и т. п. Впрочемъ, если бы при этомъ нарушались только интересы населенія, то—съ точки зрѣнія сердечности взаимоотношенія администраціи и городского управленія—это было бы еще полъ-бѣды; но въ такихъ случаяхъ очень часто кровно задѣваются интересы самого правящаго меньшинства.—Это тѣмъ болѣе становится нестерпимымъ, что администрація все во имя тѣхъ же общихъ государственныхъ пользъ и нуждъ—не ограничивается натискомъ на городскую кассу, а начинаетъ совершать рядъ серьезныхъ и удачныхъ покушеній на карманы этого меньшинства непосредственно. Для такихъ покушеній она пользуется весьма успѣшно тѣмъ же средствомъ, какимъ приходила на помощь городскому управленію при установленіи имъ незаконныхъ сборовъ, именно—обязательными постановленіями. При ихъ посредствѣ она наваливала на домовладѣльцевъ разнаго рода никакимъ закономъ непредусмотрѣнныя службы и тягости, въ родѣ дворниковъ, обязательнаго освѣщенія домовыхъ номеровъ и т. д. Въ защиту домовладѣльческаго кармана выступили городскія думы: онѣ разъясняли, ходатайствовали, жаловались даже наконецъ, но, конечно, все было безплодно и въ результатѣ у нихъ получилось только больше однимъ поводомъ для горькихъ размышленій о неудобствахъ административнаго усмотрѣнія и произвола. Наконецъ, все въ силу той же неукоснительной заботливости объ общихъ государственныхъ пользахъ и нуждахъ опекающая городское управленіе администрація считала своимъ священнымъ долгомъ оказывать энергичную поддержку любому предъявленному къ городу домогательству любого вѣдомства. Благодаря этой поддержкѣ различныя вѣдомства самымъ беззастѣнчивымъ образомъ завладѣвали городской землей, возводили въ неподходящихъ мѣстахъ не разрѣшенныя думами и вопреки ихъ протесту сооруженія, а главнымъ образомъ подъ разными предлогами безъ конца опустошали городскую кассу...

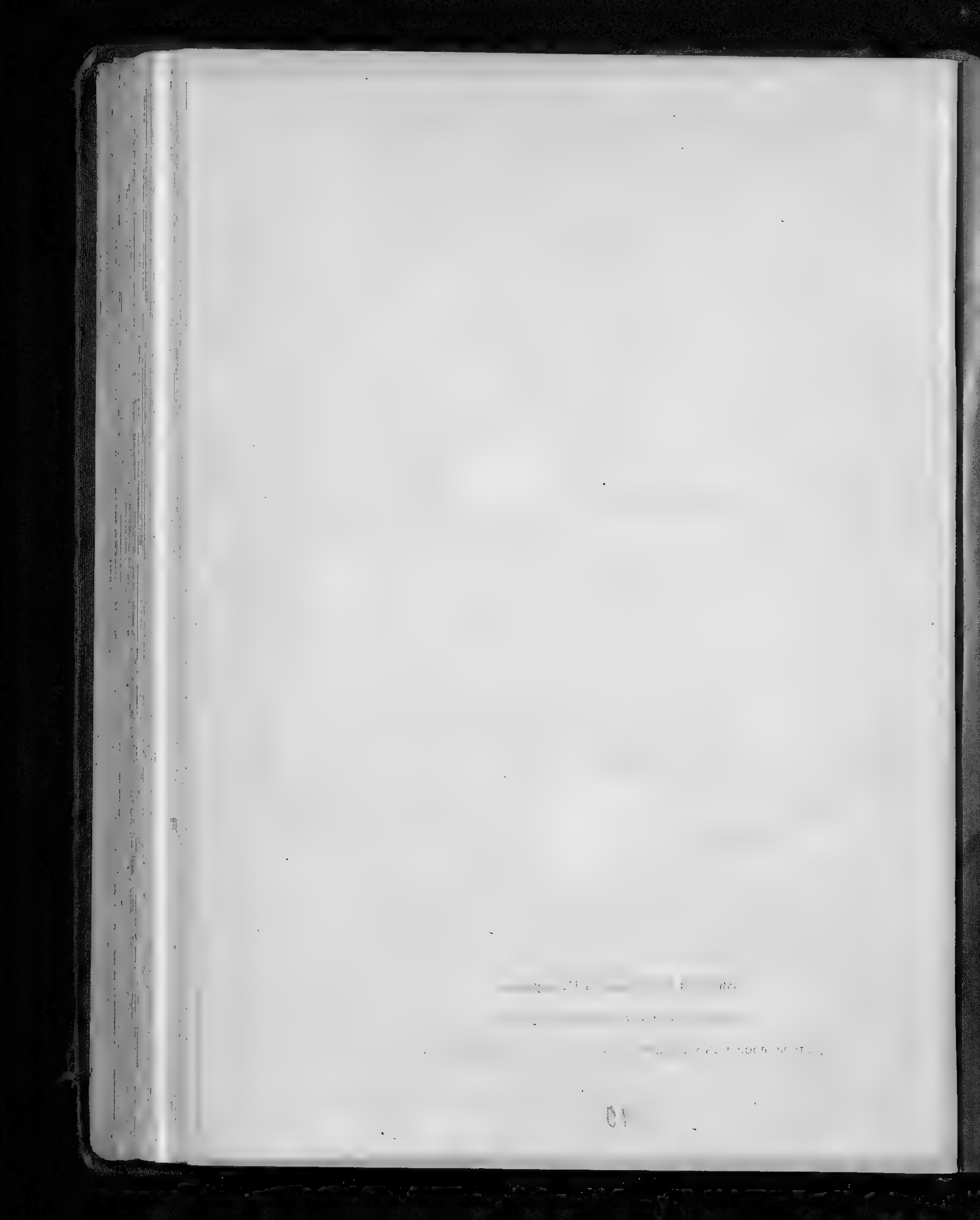
Впрочемъ, администрація въ своей надзирающей и опекающей дѣятельности невсегда руководствовалась

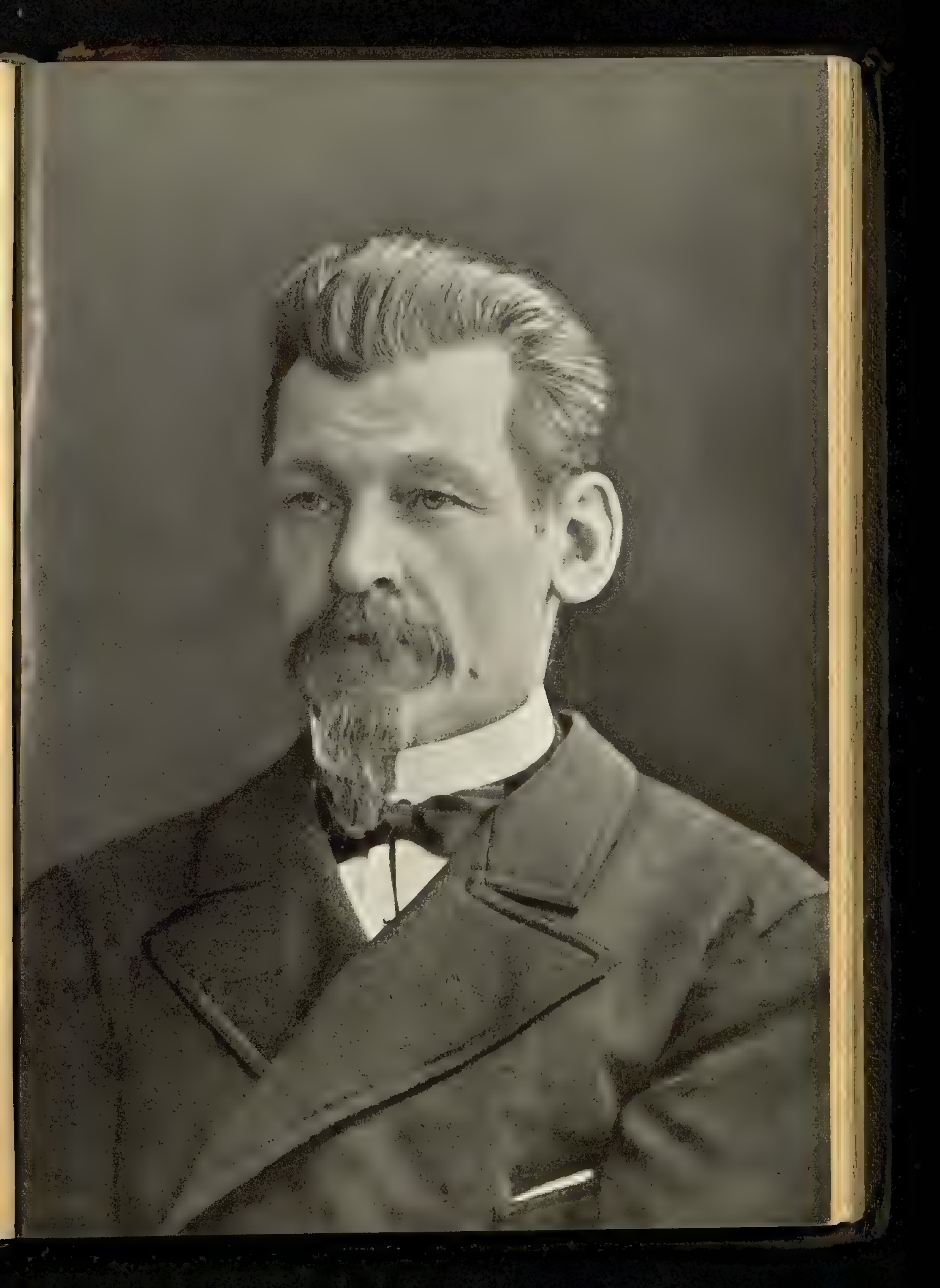
Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

Увеличенный снимокъ съ современной фотографіи

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

10

общими государственными пользами и нуждами. Бывало, что ей вдругъ приходила въ голову идея—заступиться также за интересы мѣстнаго населенія. Что отъ такого заступничества получалось, тому блестящій примѣръ даетъ слѣдующая страничка изъ исторіи, завершившей XIX вѣкъ борьбы главноначальствующаго на Кавказѣ съ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ. Ни попытка этого управленія муниципализировать конку, ни заключенный имъ затѣмъ въ 1898 году новый концессіонный договоръ съ Бельгійскимъ Анонимнымъ Обществомъ объ эксплуатаціи конки не удовлетворили главноначальствующаго, усмотрѣвшаго въ дѣйствіяхъ городского управленія явное нарушеніе интересовъ мѣстнаго населенія. Онъ такъ энергично заступился за эти интересы, что даже настоялъ на преданіи городской управы суду. Она, правда, была оправдана, но, во всякомъ случаѣ, городскому управленію пришлось заключить съ Бельгійскимъ Обществомъ другой договоръ, который главноначальствующимъ былъ признанъ отвѣчающимъ интересамъ населенія и потому имъ въ началѣ 1900 года утвержденъ. Однако этотъ второй договоръ ровно ничѣмъ не отличался отъ предыдущаго опротестованнаго, кромѣ двухъ моментовъ, дѣлавшихъ его болѣе *убыточнымъ* для города. Такъ, по первому договору городская управа должна была немедленно по заключеніи его получить отъ Бельгійскаго Общества за счетъ слѣдующихъ городу платежей ссуду въ 600.000 р. за четыре процента на устройство мостовыхъ и другія городскія надобности; по второму же договору городъ получалъ право на такую ссуду не немедленно, а въ неопредѣленномъ будущемъ, когда произойдетъ пониженіе учетнаго процента до четырехъ. Затѣмъ сумма платежей, которыя городъ долженъ получить отъ Бельгійскаго Общества въ теченіе срока концессіи, одинакова по обоимъ договорамъ; но благодаря неутвержденію перваго договора срокъ концессіи отодвинулся на время, протекшее до заключенія второго, т. е. болѣе чѣмъ на годъ и такимъ образомъ городъ потерялъ весь какой онъ могъ бы имѣть за это время доходъ конки, въ суммѣ не менѣе 100 тысячъ рублей. Таковыми, по обыкновенію, оказывались плоды административнаго вмѣшательства во имя интересовъ мѣстнаго населенія. Трудно спорить противъ того, что эти плоды не были способны вызвать у мѣстнаго населенія, тѣмъ паче у тифлисскихъ муниципаловъ, добрыя чувства къ мѣстной администраціи.

Необходимо, наконецъ, упомянуть еще объ одномъ важномъ моментѣ, обусловливавшемъ частые конфликты между администраціей и городскимъ управленіемъ. Мы имѣемъ въ виду знакомое уже читателю неудобное и ненормальное положеніе городской управы, являвшейся по виду исполнительнымъ органомъ думы, а въ дѣйствительности подчиненнымъ органомъ губернской администраціи. Мы знаемъ уже, насколько въ интересахъ послѣдней была такая постановка городского исполнительнаго органа, и поэтому вполнѣ понятно, какъ мало могли нравиться администраціи попытки городскихъ думъ фактически подчинить себѣ управы. Въ этой борьбѣ между городскимъ распоряди-

тельнымъ и исполнительнымъ органами, являвшейся по существу борьбой между началами общественнымъ и бюрократическимъ, администрація, понятно, всей душой была на сторонѣ второго и охотно выступала въ защиту управъ. Добрыхъ чувствъ къ администраціи, конечно, эта защита въ средѣ гласныхъ вызвать не могла.

Итакъ, само же Городовое Положеніе 1892 года одной рукой разрушало то, что создало другой. Установивъ рядъ мѣръ, долженствовавшихъ вѣрнѣйшимъ образомъ обезпечить администраціи полнѣйшую и безапелляціоннѣйшую покорность городского общественнаго управленія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ открыло просторъ для такого произвола администраціи, который въ концѣ концовъ долженъ былъ истощить даже самое рабское терпѣніе. Благодаря этому психологическая атмосфера муниципальной среды мало-по-малу становится все болѣе благопріятной для воздѣйствія на нее думской интеллигенціи. Подъ вліяніемъ послѣдней думы начинаютъ заступаться за честь и достоинство городского общественного управленія, за интересы населенія: подъ ея вліяніемъ конфликтъ между общественнымъ и бюрократическимъ началами мѣстнаго управленія все болѣе расширяется и углубляется и, наконецъ, столь мирно начавшіяся взаимоотношенія между опекуномъ и подопечнымъ, между администраціей и городскимъ управленіемъ, переходятъ въ состояніе хронической войны. Начинается, понятно, съ чисто пассивной оппозиціи притязаніямъ администраціи, съ традиціонныхъ россійскихъ „колѣнопреклоненныхъ бунтовъ“. Мало-по-малу затѣмъ городскія управленія набираются храбрости для жалобъ на незаконныя и произвольныя дѣйствія администраціи. Жалобы, конечно, въ большинствѣ остаются безплодными. Чѣмъ чаще это случается, тѣмъ больше городскіе гласные начинаютъ понимать, что дѣло не столько въ людяхъ, сколько въ учрежденіяхъ, что дѣло не столько въ произволѣ и самодурствѣ того или другого мѣстнаго администратора, сколько въ условіяхъ, создающихъ почву для ихъ свободнаго проявленія, что борьба съ отдѣльными ихъ проявленіями мало дѣйствительна, а необходима болѣе общая, болѣе принципіальная постановка вопроса. И вотъ городскія управленія мало-по-малу доходятъ до такой смѣлости и до такой принципіальной высоты, что дѣлаютъ покушеніе на самую компетенцію администраціи: они возбуждаютъ рядъ ходатайствъ о передачѣ городскому управленію пожарныхъ командъ, изъявъ таковыя изъ рукъ администраціи! Если принять во вниманіе среду, изъ которой эти ходатайства исходили, и обстановку, въ которой они возбуждались, если принять во вниманіе, что отъ гласнаго, особенно провинціальнаго, принимавшаго на себя иниціативу подобнаго ходатайства, требовался изрядный запасъ гражданскаго мужества, такъ какъ это значило открыто объявить войну мѣстной администраціи и явно обнаружить свой вредный образъ мыслей, — если принять все это въ соображеніе, то читатель долженъ будетъ согласиться, что мы вправѣ отмѣтить эти ходатайства, какъ фактъ большого симптоматиче-

скаго значенія. Онъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ политическомъ броженіи въ муниципальной средѣ — притомъ о броженіи, для даннаго времени и данной среды даже весьма значительномъ.

Дальше этихъ ходатайствъ о пожарныхъ командахъ, впрочемъ, дѣло въ XIX вѣкѣ почти не пошло. Но немного позже мы видимъ городскихъ гласныхъ, примыкающихъ къ освободительному движенію, принимающихъ участіе въ земскихъ и городскихъ съѣздахъ. А еще немного позже мы являемся свидѣтелями такого изумительнаго зрѣлища, какъ городскія думы, ассигновывающія средства на милицію!..

Значитъ ли это, что законодатель ошибся въ расчетѣ, что созданное имъ въ интересахъ самодержавія городское общественное управленіе измѣнило своему назначенію—„точки опоры для общаго государственнаго порядка и данной государственной власти"? Немного позже, когда волна революціи волею судебъ разобьется о встрѣчную волну контръреволюціи, мы увидимъ городское общественное управленіе на самой вершинѣ встрѣчной волны. Мы увидимъ угаръ свободолюбія, быстро улетучившимся. Предъ нами предстанутъ во всемъ своемъ непрезентабельномъ видѣ отрезвившееся городское управленіе, опомнившаяся муниципальная буржуазія, въ рѣшительную для ея судебъ минуту сообразившая, что то, что до сихъ поръ раздѣляло и раздѣляетъ ее съ бюрократіей,—совершенныя мелочи и пустяки въ сравненіи съ огромностью тѣхъ интересовъ, которые ее съ бюрократіей объединяютъ. Мы увидимъ поэтому еще недавно самыя передовыя городскія общественныя управленія, почти мгновенно превратившимися въ цитадели не только октябризма (московское), но и прямого черносотенства (одесское). Мы будемъ свидѣтелями цѣлаго ряда муниципальныхъ патріотическихъ манифестацій во имя неприкосновенности самодержавно-бюрократическаго режима. Мы увидимъ, наконецъ, городскія общественныя управленія, оказывающія бюрократіи не одну только такого рода нравственную поддержку, а принимающихъ горячее активное хотя бы и незаконное участіе въ заботахъ о томъ, чтобы выборы народныхъ представителей въ государственную думу дали результаты, наиболѣе соотвѣтствующіе правительственнымъ желаніямъ относительно ея „работоспособности", хотя бы для этого оказалось необходимымъ широко привлечь къ участію въ выборахъ народныхъ представителей „мертвыя души"...

Не подлежитъ сомнѣнію, что законодатель въ расчетѣ не ошибся. Вышедшее изъ лона Городового Положенія 1892 года городское общественное управленіе въ рѣшительную для режима минуту оказалось его твердымъ оплотомъ, вѣрнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ бюрократіи. И если исторія дѣйствительно призвана учить насъ, то въ этомъ главнымъ образомъ поучительность городской контръ-реформы 1892 года. Но, кромѣ того, знакомство съ нею, съ данными ею практическими результатами въ области соціально-экономической и политической поучаетъ насъ и еще кое-чему, въ настоящую минуту особенно по-

лезному и необходимому: мы получаемъ тутъ наглядное доказательство того, къ какимъ серьезнымъ въ общественномъ и политическомъ смыслѣ результатамъ приводятъ даже второстепенныя, повидимому, и несущественныя детали организаціи мѣстныхъ учрежденій и какъ обязательно поэтому, преобразовывая или создавая заново такія учрежденія — задача, во всякомъ случаѣ, стоящая у насъ на очереди—внимательно взвѣшивать всѣ малѣйшія частности ихъ организаціи. Въ ту минуту, когда, какъ бы то ни было, законодательство становится дѣломъ не спеціалистовъ, а широкихъ общественныхъ круговъ, объ этомъ особенно нужно помнить...

ГЛАВА VI.

Расколъ и сектантство во второй половинѣ XIX вѣка.

(Н. М. Никольскаго).

1.

Поповщина во второй половинѣ XIX вѣка.

Окружное посланіе почти въ теченіе цѣлаго десятилѣтія волновало поповщинскую церковь. Изданіе его было, какъ мы видѣли, естественнымъ завершеніемъ цикла развитія поповщинской церкви; но не успѣло оно появиться, какъ вокругъ него возгорѣлась обостренная борьба. Созданіе церкви было дѣломъ поповщинскихъ верховъ; крестьянская масса, тянувшая къ поповщинѣ, была заинтересована въ томъ, чтобы къ ея услугамъ всегда имѣлись попы для исполненія требъ, но ей было безразлично, попадаютъ ли къ ней попы путемъ исправы, или путемъ рукоположенія бѣлокриницкими епископами. Столь же мало интересовалась она вопросомъ о формулировкѣ такого церковнаго ученія, которое оправдывало бы существованіе всѣхъ трехъ чиновъ іерархіи внѣ зависимости отъ никоніанской церкви. Напротивъ, для нея оставалось въ полной силѣ воззрѣніе, что со времени Никона древне-православная церковь пала, и пала настолько, что съ ней правовѣрные раскольники не должны имѣть сношеній ни въ ястіи, ни въ питіи, ни въ молитвѣ. Это паденіе было паденіемъ по существу, отказомъ отъ истинъ вѣры и принятіемъ новой антихристовой вѣры. Для крестьянской массы, тянувшей къ поповщинѣ, сохраняла значеніе антихристологическая идеологія: отдѣляясь отъ никоніанской церкви, предоставившей себя въ услуженіе государству, кре-

стьянство прямолинейно заявляло, что оно не хочетъ имѣть ничего общаго съ антихристомъ; и утвержденіе Окружнаго посланія, что вина отдѣленія отъ православной церкви, важная и благословная, состоитъ въ томъ, что соборы шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка своими проклятіями навѣки вырыли бездну между сторонниками старыхъ и новыхъ обрядовъ *(но не разныхъ ученій)*, казалось крестьянству совершенно малозначительнымъ. И противъ Окружнаго посланія, сейчасъ же по его опубликованіи, поднялся протестъ изъ среды клинцовскихъ раскольниковъ, приславшихъ московскому духовному совѣту длинное посланіе по этому поводу, и среди гуслицкихъ раскольниковъ крестьянскаго населенія гуслицкой волости богородскаго уѣзда. Послѣдніе во главѣ съ нѣсколькими капиталистами, имѣвшими фабричныя предпріятія въ богородскомъ уѣздѣ и заинтересованными въ сохраненіи связи съ источникомъ рабочей силы, и явились руководителями долгой и утомительной кампаніи, начатой противъ Окружнаго посланія. Имъ удалось привлечь на свою сторону низложеннаго съ московской каѳедры за разные неблаговидные поступки епископа Софронія, который тотчасъ по низложеніи отправился на Поволжье, область также склонную къ безпоповщинской идеологіи, и тамъ вездѣ проповѣдывалъ о томъ, что московскій духовный совѣтъ предалъ древне-православную церковь великороссійской церкви. Въ 1864 году, т. е. годъ спустя послѣ изданія Окружнаго посланія, имъ же было сформулировано ученіе, суммирующее отличія раскольничьей церкви отъ синодской: синодская и раскольничья церковь расходится не только въ способѣ написанія имени одного и того же Господа, но подъ разными именованіями скрываются и разныя лица. Раскольники вѣруютъ въ подлиннаго Господа Ісуса Христа; Іисусъ же, въ котораго вѣруетъ великороссійская церковь, не Христосъ, а антихристъ, родившійся отъ той же дѣвы Маріи восемь лѣтъ спустя послѣ Ісуса. Это было именно то самое ученіе, которое опровергалось Окружнымъ посланіемъ, какъ душевредное; но съ нимъ никакъ не могла разстаться крестьянская раскольничья масса. „Тетрадки“ слишкомъ хорошо были извѣстны въ ея средѣ и пользовались слишкомъ стариннымъ авторитетомъ, чтобы изложенное въ нихъ ученіе можно было уничтожить путемъ простого опредѣленія московскаго духовнаго совѣта.

Но руководители поповщинской церкви, московскіе капиталисты, которые хорошо понимали, что непринятіе Окружнаго посланія и признаніе его ученія еретическимъ, грозитъ разрушить съ такимъ трудомъ созданную организацію, поспѣшили замять дѣло. Въ отвѣтъ на всѣ возраженія и недоразумѣнія было издано постановленіе, которое, не касаясь ученія, изложеннаго въ Окружномъ посланіи, объявляло его необязательнымъ для руководства. Эта полумѣра не достигла цѣли; противоокружники, или „раздорники“, какъ ихъ прозвали окружники, ставили необходимымъ условіемъ примиренія офиціальное осужденіе Окружнаго посланія. На это окружники никогда не могли согласиться, и началась внутренняя смута въ поповщинѣ.

Силы количественно и качественно не были равны съ самаго начала. За Окружное посланіе стала самая вліятельная и авторитетная часть поповщины, громадное большинство вліятельныхъ городскихъ общинъ. Московская община во главѣ съ Морозовымъ, Бутиковымъ, Царскимъ, Свѣшниковымъ, Лазаревымъ и другими стала почти вся цѣликомъ на сторону Окружнаго посланія; къ ней присоединились общества Одессы, Кишинева, Новочеркасска, Кременчуга, Петербурга, Воронежа, Казани, Нижняго, Самары, Саратова, Тулы, Боровска, Хотина. Противъ посланія цѣликомъ были Гуслицы, Клинцы и нѣкоторыя мѣстности Поволжья; прочія раскольничьи общины держались нейтрально, но ясно было, что въ концѣ концовъ онѣ подчинятся Москвѣ. То обстоятельство, что борьба затянулась и съ самаго начала пошла даже удачно для раздорниковъ, объясняется совпаденіемъ ея съ борьбою московской общины, или, вѣрнѣе, ея руководителей противъ бѣлокриницкаго митрополита Кирилла.

Бѣлая Криница была нужна руководителямъ поповщины только до тѣхъ поръ, пока не были поставлены первые епископы для Россіи. Какъ только это было достигнуто, роль Бѣлой Криницы въ глазахъ московскихъ руководителей поповщины была сыграна. Дальнѣйшая связь съ нею создавала, по мнѣнію московскихъ раскольниковъ, своего рода раскольничій Римъ, заграничнаго папу, которому Россія должна платить дань и слушать его буллы. Это было и невыгодно и опасно, и, что всего важнѣе, ограничивало самымъ существеннымъ образомъ вліяніе руководителей поповщины изъ міряиъ. Дѣло еще обострялось тѣмъ, что послѣ ссылки Амвросія въ Цилль на бѣлокриницкую митрополичью каѳедру вступилъ его намѣстникъ Кириллъ, полуграмотный монахъ, грубый и невѣжественный, стремившійся къ роли ничѣмъ неограниченнаго распорядителя дѣлами поповщинской церкви, но въ то же время легко поддававшійся всякимъ вліяніямъ и даже подкупу. Легко себѣ представить, какъ хотѣлось московскимъ руководителямъ поповщины скорѣе избавиться отъ такого владыки. Случай сдѣлалъ такъ, что имъ пришлось разорвать съ нимъ сразу и круто. Въ 1863 г. тотчасъ послѣ изданія Окружнаго посланія Кириллъ пріѣхалъ въ Москву для суда надъ Софроніемъ. Пріѣздъ его не остался тайной для правительства, и дѣло грозило принять самый неблагопріятный оборотъ, вплоть до дипломатическаго конфликта съ Австріей. Московская община поспѣшила поэтому отъ него избавиться и воспользовалась его деспотическимъ поведеніемъ въ Москвѣ, которымъ онъ возбудилъ противъ себя и мірянъ и епископовъ. Онъ не согласился на замѣщеніе московской каѳедры Антоніемъ владимирскимъ, какъ того хотѣли въ Москвѣ, и назначилъ временнымъ замѣстителемъ саратовскаго епископа Аѳанасія; затѣмъ онъ вмѣшался въ поставленіе причетниковъ и священниковъ и рукоположилъ въ епископы нѣкоего архимандрита Сергія, который не разъ попадался въ воровствѣ и мошенничествѣ, арестованный однажды русскими властями призналъ даже себя православнымъ, былъ изгнанъ изъ монастыря и ли-

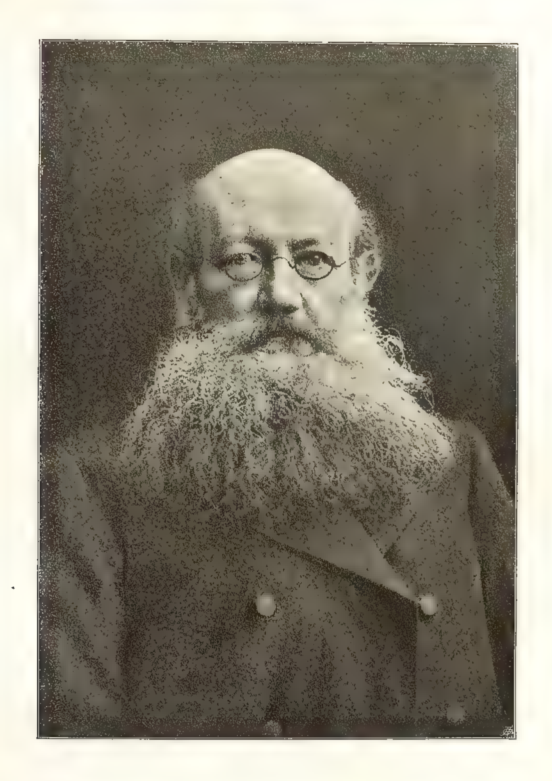
шенъ сана за распутную жизнь. Московскій духовный совѣтъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ перечислилъ Кириллу всѣ эти его дѣянія и пригрозилъ ему судомъ епископовъ, а когда Кириллъ въ отвѣтъ прислалъ грамоту, написанную въ самомъ рѣзкомъ и повелительномъ тонѣ, московскій духовный совѣтъ указалъ ему путь изъ Москвы въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ: „Не отягощая болѣе Вашимъ здѣсь безпотребнымъ и даже опаснымъ для мирныхъ христіанъ сей столицы пребываніемъ, сейчасъ же выѣзжайте. Изгнанный митрополитъ, со священнокорчемниками (sic!) Сергіемъ и Филаретомъ, отправляйтесь въ Бѣлую Криницу... Наконецъ, рѣшительно Вамъ подтверждаемъ, что со времени здѣшняго Вамъ нашего отзыва, никакія Ваши распоряженія, ни письменныя, ни словесныя, въ непринадлежащей Вамъ области вопреки церковныхъ правилъ учиненныя, нами приняты отнюдь не будутъ. Аще же Вы, послѣ сего окончательнаго извѣщенія, не явясь лично въ соборъ епископскій для принесенія покаянія въ Вашихъ незаконныхъ поступкахъ, по свойственному Вамъ буйству (!), будете присылать какія-либо папскія буллы (sic!), то оныя обращены будутъ нераспечатанными". Казалось, разрывъ былъ полный. Кириллъ, разсерженный и опозоренный, уѣхалъ изъ Москвы; поле сраженія осталось за московскимъ духовнымъ совѣтомъ. Онъ не принялъ на московскую каѳедру Аѳанасія, а поставилъ Антонія. Но дѣло было не такъ просто. Въ рукахъ Кирилла осталось страшное оружіе: проклятіе Окружнаго посланія и всѣхъ его пріемлющихъ.

Кириллъ вовсе не хотѣлъ остаться только бѣлокриницкимъ митрополитомъ. Это былъ совершенно безпринципный, но крайне корыстолюбивый человѣкъ; получая огромные доходы съ Россіи, онъ готовъ былъ пойти на что угодно, чтобы только сохранить за собою хотя бы номинальную власть надъ русскимъ старообрядчествомъ. Это очень хорошо поняла партія раздорниковъ; и какъ только Кириллъ, разссорившись съ московскими верхами, уѣхалъ въ Бѣлую Криницу, она вступила съ нимъ въ сношенія. Раздорникамъ удалось сразу поправить дѣла Кирилла и вмѣстѣ съ тѣмъ добиться осужденія Окружнаго посланія. Въ Бѣлой Криницѣ былъ созванъ соборъ въ іюнѣ 1863 г. изъ заграничныхъ архіереевъ и епископа тульскаго, пресловутаго Сергія; на соборѣ было постановлено подтвердить уничтоженіе Окружнаго посланія, отдавать подъ судъ и запрещать всѣхъ епископовъ, которые будутъ стоять за сохраненіе Окружнаго посланія и, наконецъ, утвердить всѣ постановленія Кирилла въ бытность его въ Москвѣ. Подъ этимъ опредѣленіемъ удалось достать подпись сидѣвшаго въ тюрьмѣ въ Циллѣ митрополита Амвросія. Это придавало опредѣленію обязательную силу и въ глазахъ окружниковъ, не ссорившихся съ основателемъ бѣлокриницкой іерархіи. Прослышавъ о событіяхъ въ Бѣлой Криницѣ окружники смягчили тонъ и послали Кириллу грамоту, въ которой, умалчивая обо всемъ происходившемъ въ Москвѣ, просили его утвердить постановленія московскаго духовнаго совѣта, принятыя послѣ отъѣзда Кирилла, въ томъ числѣ поставленіе на московскую

каѳедру Антонія. Кириллъ оказался вдругъ человѣкомъ нужнымъ и для той и для другой стороны. Онъ повелъ двойную игру, лишенную всякой порядочности и даже всякаго здраваго смысла: утвердилъ Антонія окружникамъ, но въ то же время поставилъ гуслицкимъ раздорникамъ другого Антонія также московскимъ митрополитомъ; соглашался съ постановленіемъ московскаго духовнаго совѣта и въ то же время собиралъ соборы, на которыхъ проклиналъ Окружное посланіе. Оба московскіе митрополиты Антоніи пересылались грозными грамотами, въ которыхъ предавали другъ друга проклятіямъ; Антоній гуслицкій составилъ около себя также духовный совѣтъ. Въ довершеніе распада въ 1865 г. два раскольничьихъ епископа, Онуфрій и Пафнутій, а потомъ и пресловутый Сергій добровольно перешли въ православіе, сложили съ себя свое званіе и остались простыми монахами.

Наконецъ, въ 1866 г. положеніе стало какъ-будто яснѣе. Только что передъ этимъ московскіе окружники сдѣлали послѣднюю попытку къ примиренію. 11-го октября были подписаны уполномоченными членами окружнической партіи слѣдующія условія, на которыхъ предлагалось раздорникамъ примиреніе: Окружное посланіе уничтожается, какъ-будто его не бывало, а духовный совѣтъ въ Москвѣ пополняется двадцатью мірянами по выбору окружниковъ и раздорниковъ, безъ котораго духовенству ничего не дѣлать. Но расколъ пошелъ уже слишкомъ глубоко. Въ гуслицкой раскольничьей массѣ, захваченной фабричнымъ промышленнымъ трудомъ, уже сложилось въ дополненіе къ старымъ взглядамъ новое убѣжденіе: они нашли, что звѣриное число 666 соотвѣтствуетъ слову „хозяинъ“, и капиталистическая раскольничья буржуазія была такимъ образомъ объявлена антихристомъ. Поэтому въ отвѣтъ на условія московскихъ окружниковъ раздорники добились отъ Кирилла изданія новой грамоты, въ которой онъ оставлялъ, наконецъ, свою двойственную политику и рѣшительно становился на сторону раздорниковъ. Всѣ окружники были преданы проклятію, какъ еретики; принимать обратно ихъ разрѣшалось только третьимъ чиномъ, а пока они коснѣютъ въ своихъ заблужденіяхъ, съ ними запрещалось имѣть общеніе въ ястіи и питіи. Единственнымъ законнымъ московскимъ митрополитомъ объявлялся Антоній гуслицкій, Антоній московскій подвергался запрещенію. Не останавливаясь на этомъ, раздорники организовали два собора: 1867 г. въ Гуслицахъ и 1868—въ Бѣлой Криницѣ, гдѣ искусственнымъ образомъ было составлено раздорническое большинство послѣ того, какъ часть окружническихъ депутатовъ принуждена была уйти съ соборовъ изъ-за раздорнической обструкціи и невозможнаго поведенія Кирилла. Эти соборы предали анаѳемѣ Окружное посланіе и всѣхъ его пріемлющихъ.

Послѣ этого всѣ попытки къ примиренію были оставлены. Огромное большинство поповщинскихъ общинъ во главѣ съ Москвою прекратило всякія сношенія съ Кирилломъ и съ раздорниками. Оставалось устроить управленіе церковью такъ, чтобы вытѣснить раздорниковъ съ

Кн. Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.

Julius Sittenfeld, B

тѣхъ немногихъ позицій, которыя оставались за ними въ самой Москвѣ. Не было никакой надежды вернуть въ подчиненіе Москвѣ Гуслицы; но это было хотя и печально, но еще терпимо. Величая капиталистовъ антихристами, гуслицкіе древле-православные христіане все-таки не могли безъ нихъ обойтись и волей-неволей шли работать на ихъ фабрики. Гораздо хуже было другое обстоятельство. Цитадель поповщины, Рогожское кладбище оказалось къ этому времени въ рукахъ раздорниковъ. До 1866 года имъ управляли два попечителя, купцы Досужевъ и Бочинъ, изъ которыхъ послѣдній былъ раздорникъ. Но въ 1866 году Досужевъ отказался отъ должности, и попечителемъ остался одинъ Бочинъ. Это обстоятельство было крайне непріятно и невыгодно для окружниковъ. Бочинъ сейчасъ же воспользовался своею властью единоличнаго попечителя, чтобы использовать капиталы Рогожскаго кладбища на надобности раздорнической агитаціи. Изъ нихъ онъ заимствовалъ суммы на подарки Кириллу и на вклады въ Бѣлую Криницу; а когда эти заимствованія были замѣчены, то Бочинъ устроилъ симуляцію кражи одного денежнаго сундука съ 68.000 руб. изъ рогожской конторы. Сундукъ исчезъ безслѣдно, а деньги достались раздорникамъ. На всѣ предложенія произвести ревизію или сложить должность, Бочинъ отвѣчалъ отказомъ. Дѣло тянулось до 1869 года, когда окружники, наконецъ, нашли возможность обойти формальныя препятствія и въ маѣ выбрали двухъ новыхъ попечителей, изъ среды окружниковъ, а Бочинъ былъ смѣщенъ. При этомъ не было соблюдено правило объ офиціальномъ извѣщеніи властей о выборахъ, такъ какъ окружники боялись, что Бочинъ соберетъ на выборы гуслицкихъ крестьянъ и крестьянъ изъ подмосковнаго села Котловъ, которые терроризуютъ собраніе. Раздорники воспользовались этимъ формальнымъ дефектомъ, чтобы хлопотать въ Петербургѣ объ отмѣнѣ выборовъ. Но министерство внутреннихъ дѣлъ стало на сторону капиталистовъ-окружниковъ и утвердило выборы. Тогда раздорники, не желая упускать изъ своихъ рукъ капиталы Рогожскаго кладбища, единственный имѣвшійся у нихъ источникъ денегъ, предложили окружникамъ примиреніе на условіяхъ 1865 года. Но на этотъ разъ окружники не согласились заводить вновь прежнюю канитель и отказались наотрѣзъ. Раздорники были вытѣснены съ послѣднихъ позицій, занимавшихся ими въ Москвѣ. За ними остались Гуслицы, Клинцы и нѣкоторые приволжскіе и приднѣпровскіе округи, приблизительно около трети всей поповщинской территоріи, съ тремя епископами изъ десяти.

Когда изсякъ золотой ключъ, находившійся въ распоряженіи у раздорниковъ, Кириллу не было никакого смысла имѣть съ ними дѣло. Злой геній раздора, переходившій безсчетное число разъ то на одну, то на другую сторону, онъ закончилъ свою скандальную карьеру окружникомъ. Въ 1869 году онъ разорвалъ всѣ связи съ раздорниками, а въ 1870 г. выпустилъ грамоту, въ которой предалъ противо-окружниковъ анаѳемѣ. Окружникамъ эта грамота была совершенно ненужна, какъ ненуженъ уже былъ и самъ Ки-

риллъ. Но они оказывали ему знаки внѣшняго почтенія вплоть до его смерти, послѣдовавшей въ 1873 году. Этимъ моментомъ воспользовались московскіе руководители старообрядчества, чтобы покончить, наконецъ, всѣ счеты съ Бѣлой Криницей. Они заставили преемника Кирилла, Аѳанасія, отречься отъ всякихъ правъ на старообрядческую церковь въ Россіи. Такимъ образомъ призракъ бѣлокриницкаго папы, столь ненавистный московскимъ старообрядцамъ и столь долго ихъ мучившій, отошелъ въ область преданій. Епископы, не имѣвшіе болѣе возможности находить вовнѣ опору противъ вліянія мірянъ, стали послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтскихъ заправилъ поповщины. Желаемая цѣль была, наконецъ, достигнута.

Однако она была достигнута дорогою цѣною. Вопросъ объ Окружномъ посланіи вскрылъ наличность въ поповщинѣ двухъ противоположныхъ теченій, соотвѣтственно ея двойственному соціальному составу. Поповщинскіе верхи, крупная буржуазія, не могли по самому существу своему признать государство и синодскую церковь орудіями антихриста. Но вполнѣ было очевидно, что для крестьянства различіе между старообрядчествомъ и синодской церковью было глубже, чѣмъ только различіе въ обрядахъ. Буржуазія боролась съ правительствомъ для того, чтобы сдѣлать его своимъ орудіемъ; крестьянство боролось съ государствомъ потому, что оно порабощало его, защищая власть помѣщика. Отсюда между идеологіей офиціальной церкви и идеологіей крестьянина-раскольника должна была вырасти непроходимая пропасть. Внутреннее единеніе не могло быть крѣпко и между поповщинскимъ крестьянствомъ и поповщинскими верхами. Какъ только обнаружилась разница цѣлей борьбы буржуазіи и борьбы крестьянства съ крѣпостническимъ государствомъ, раздѣленіе сейчасъ же произошло, и вновь спаять раздѣлившіяся части было трудно. Уступка, которую дѣлали окружники, предлагая предать забвенію Окружное посланіе, сейчасъ же вызывала со стороны противниковъ ядовитый вопросъ: почему вы это предлагаете? Что вы въ немъ нашли несправедливаго? спрашивали раздорники.—Худого въ немъ ничего не находимъ, отвѣчали окружники, но оно препятствуетъ церковному миру и единенію. На это раздорники резонно отвѣчали, что если въ немъ нѣтъ ничего противнаго постановленіямъ святыхъ отцовъ, то для чего же его уничтожать? а если есть въ немъ какая-либо погрѣшность, то надо не только уничтожить его, но и принести чистосердечное покаяніе, что и было бы весьма полезно и для всей церкви и для всѣхъ православныхъ христіанъ. И начиналась безконечная полемика, послѣ которой обѣ стороны уходили съ сознаніемъ, что пропасть не только не уменьшилась, но еще болѣе расширилась. Окружники могли отказаться только отъ признанія офиціальнаго значенія посланія, но не отъ его доктрины; раздорники находили, что если уничтожается посланіе, то этимъ ниспровергается и все содержащееся въ немъ ученіе.

Между тѣмъ съ паденіемъ крѣпостного права обстоятельства для раскола складывались необыкновенно благопріятно. Ранѣе крестьянство не-

всегда осмѣливалось уходить въ расколъ, такъ какъ за православнымъ священникомъ стоялъ баринъ. Но уже одна эта связь, помимо вымогательствъ сельскаго духовенства, отталкивала крестьянство отъ синодскаго православія. Реформа 1861 года разорвала формальную связь между крестьяниномъ и помѣщикомъ и развязала крестьянству руки. Долго искусственно сдерживаемый потокъ покатился съ неудержимой силой, приводя въ ужасъ наблюдателей раскола. По офиціальной статистикѣ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ Симбирской губерніи обратилось въ расколъ разомъ болѣе 25.000 человѣкъ; въ 1867 году перешла въ расколъ половина жителей города Петровска Саратовской губерніи, перешло въ расколъ всего около 5.000 человѣкъ; въ томъ же году перешли въ расколъ 3.000 человѣкъ изъ жителей села Богородскаго горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Цѣлыми тысячами переходили въ расколъ крестьяне Тверской губерніи (1865 г.). Въ семидесятыхъ годахъ поголовно перешло въ расколъ село Кряжимъ вольскаго уѣзда Саратовской губерніи (1.600 чел.); жители деревень Губинской и Язвищъ покровскаго уѣзда Владимирской губерніи также приняли поповъ отъ бѣлокриницкой ерархіи. Въ 1879 году пожелало перейти въ расколъ 8.000 человѣкъ изъ Пермской и Оренбургской губерній, не только православныхъ, но и язычниковъ и магометанъ. Въ суздальскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, въ верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ нижегородскомъ уѣздѣ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ расколъ растетъ настолько быстро, что все населеніе къ концу семидесятыхъ годовъ дѣлится почти поровну между православіемъ и расколомъ. Такія же извѣстія сообщались въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ изъ Костромской губерніи, гдѣ отдѣльныя села, до 1861 г. бывшія поголовно православными, послѣ 1861 г. поголовно переходили въ расколъ.

Эти массовые переходы объясняются не только тѣмъ, что въ сущности добрая половина отпавшихъ уже ранѣе тайно придерживалась раскола. Расколъ былъ вообще наиболѣе близкой и понятной для великорусскаго крестьянства религіозной организаціей. Крестьянинъ, переходя въ расколъ, не долженъ былъ ничѣмъ поступаться, ни въ чемъ не долженъ былъ измѣнять своихъ религіозныхъ убѣжденій. Онъ находилъ въ поповщинской церкви тѣ же посты, тѣ же праздники, тотъ же богослужебный чинъ, только болѣе благолѣпный, тѣхъ же святыхъ, тѣ же молитвы. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выигрывалъ необыкновенно много. Вмѣсто того, чтобы зависѣть отъ попа, попы зависѣли отъ него; онъ зналъ, что попъ надъ нимъ не начальникъ, а долженъ служить своему дѣлу, въ противномъ случаѣ долженъ уходить. Крестьянинъ избавлялся въ лицѣ православнаго священника отъ одного изъ многихъ агентовъ правительственной власти, тяготѣвшихъ надъ его судьбою и достояніемъ. Изъ принудительнаго данника своего прихода онъ становился свободнымъ вершителемъ его судебъ. Старообрядческое православіе торжествовало, и его московскіе заправилы могли ликовать.

Существованіе раздѣленія изъ-за Окружнаго посланія отравляло однако эту радость. Если бы старообрядческая церковь существовала рядомъ съ синодской, какъ единое цѣлое, успѣхъ ея могъ бы быть еще болѣе рѣшительнымъ. Но она была царствомъ, раздѣлившимся на двое, съ независимымъ другъ отъ друга управленіемъ въ обѣихъ частяхъ, съ различными взглядами на основные догматическіе вопросы. И ея меньшая половина по своей идеологіи гораздо больше подходила къ крестьянскому міросозерцанію, чѣмъ окружническая половина. Спасеніемъ еще было то, что окружники владѣли болѣе крѣпкой организаціей и несравненно болѣе богатыми средствами, чѣмъ раздорники. Благодаря этому, окружническая пропаганда шла гораздо успѣшнѣе раздорнической. Однако окружники не хотѣли половинчатаго успѣха и сдѣлали еще двѣ попытки къ возсоединенію раздорниковъ.

Первая изъ этихъ попытокъ заключалась въ созданіи промежуточнаго буфера между той и другой половиной. Образовалась группа полуокружниковъ - полураздорниковъ, составившаяся изъ наиболѣе умѣренныхъ элементовъ раздорниковъ; эту группу московскій духовный совѣтъ сталъ поддерживать всѣми силами, надѣясь, что она пріобрѣтетъ вліяніе въ раздорнической партіи и поможетъ выработать пріемлемыя для обѣихъ сторонъ условія для примиренія. Однако надежды на этотъ буферъ оказались напрасными. Соглашеніе не было достигнуто. Тогда въ 1884 году московскій духовный совѣтъ попытался еще разъ засвидѣтельствовать открыто передъ всѣмъ старообрядчествомъ, что онъ вовсе не стоитъ безусловно за Окружное посланіе. Постановленіемъ отъ 1-го декабря 1884 года московскій духовный совѣтъ объявилъ Окружное посланіе лишеннымъ какой бы то ни было силы и значенія. Однако раздорники посмотрѣли на это постановленіе тѣми же глазами, какъ и раньше. Они хотѣли осужденія посланія, одного признанія его недѣйствительнымъ для нихъ было мало. Оставалось возложить надежду на то, что время измѣнитъ настроеніе раздорниковъ. Эта надежда имѣла свое основаніе въ томъ, что даже и крестьянство не могло долго оставаться при нелѣпой теоріи двухъ сыновъ Маріи: Христа-Ісуса и антихриста-Іисуса. Рано или поздно эта теорія должна была исчезнуть. Вмѣстѣ съ ней исчезъ бы основной пунктъ разногласія, и осталось бы договориться только о второстепенныхъ обрядовыхъ вопросахъ и о сліяніи организацій. Но какъ туго и медленно пробивалъ себѣ дорогу разумный взглядъ на дѣло среди раздорниковъ, несмотря на быструю дифференціацію крестьянства, расширеніе его кругозора и развитіе грамотности, видно изъ того, что присоединеніе раздорническихъ организацій къ окружническимъ началось только въ девятисотыхъ годахъ. Въ девяностыхъ годахъ еще царствовало раздѣленіе, такъ что въ одной и той же епархіи бывало по два архіерея, изъ окружниковъ и раздорниковъ (въ 1891 году было 13 окружническихъ и 6 раздорническихъ архіереевъ).

Необыкновенно быстрый ростъ раскола послѣ 1861 г. привелъ пра-

вительство въ полное замѣшательство. Было ясно, что оно имѣетъ дѣло со стихійнымъ движеніемъ, съ которымъ нельзя справиться обычными полицейскими и репрессивными мѣрами.

Объявляя всѣхъ отпавшихъ внѣ закона, не признавая ихъ семейныхъ союзовъ и юридической силы за ихъ обрядами, государство лишило бы себя огромной военной и рабочей силы. Когда массы уходятъ въ состояніе, не предусмотрѣнное дѣйствующимъ правомъ, то приходится создавать новыя правовыя нормы. Въ данномъ случаѣ государство лишалось прежняго способа учитывать браки и рожденія, необходимые для фискальныхъ соображеній и веденія списковъ для воинской повинности; съ другой стороны, огромная масса обывателей теряла гражданскую правоспособность, запутывая и стѣсняя тѣмъ общій гражданскій правооборотъ. И правительство вынуждено было дать такую уступку старообрядчеству, которая по существу ставила раскольничье населеніе въ лучшее положеніе, чѣмъ все остальное населеніе Имперіи. Это былъ законъ 19 апрѣля 1874 г.

Этотъ законъ установилъ правила о веденіи полицейскими чинами метрическихъ книгъ о бракахъ и рожденіяхъ раскольниковъ, а добавочныя статьи 1856—59 гг. къ уставу гражданскаго судопроизводства установили гражданскую подсудность всѣхъ дѣлъ о расторженіи брака и о законности рожденія. Этотъ законъ явился первымъ завоеваніемъ русскаго гражданскаго права въ запрещенной до тѣхъ поръ для него области; онъ впервые призналъ, что акты брака и рожденія суть по преимуществу событія гражданскаго, а не сакральнаго характера, въ то время какъ для православныхъ и лицъ всѣхъ прочихъ исповѣданій до сихъ поръ акты брака и рожденія являются по преимуществу событіями сакральнаго характера. За этимъ закономъ послѣдовалъ другой, законъ 3 мая 1883 года. Онъ уравнялъ раскольниковъ съ православными во всѣхъ отношеніяхъ, оставивъ лишь нѣкоторыя ограниченія богослужебнаго характера. Было разрѣшено безпрепятственное отправленіе требъ и богослуженія, ремонтъ часовенъ; но было запрещено всякое публичное оказательство раскола вродѣ колокольнаго звона, крестныхъ ходовъ и т. д.

Однако легализація старообрядческой церкви могла окончательно произойти только послѣ формальной реформы абсолютистскаго государства. Только формальное завоеваніе политическихъ правъ буржуазіей могло создать и вѣротерпимость и свободу религіозныхъ организацій. И въ той формѣ, въ какой была дана свобода вѣроисповѣданія 17 апрѣля 1905 года, наибольшій выигрышъ достался опять-таки поповщинской церкви. Свобода пропаганды, разумѣвшаяся implicite этимъ актомъ, могла создать для другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій адептовъ по преимуществу изъ среды городского, болѣе или менѣе интеллигентнаго населенія. Но старообрядческая церковь получила легальную возможность привлекать къ себѣ массы, такъ какъ ничѣмъ, кромѣ обрядовъ и организаціи, не отличалась отъ синодской церкви. Съ другой стороны, актъ 17 апрѣля при-

знавалъ свободу лишь за такими религіозными группами, у которыхъ было опредѣленное вѣроученіе и іерархія, и въ ученіи которыхъ не было ничего противнаго уголовному закону. Но такъ какъ все почти сектантство какъ разъ подходило и теперь еще подходитъ подъ дѣйствіе тѣхъ или иныхъ статей уголовнаго закона, то наибольшій выигрышъ опять-таки выпадалъ на долю старообрядческой церкви. Она имѣла іерархію, вѣроученіе и строго придерживалась принциповъ лойяльнаго гражданскаго общежитія. Послѣ 17 апрѣля 1905 года она могла расправить свои крылья и выступить, какъ открытая законно существующая сила. Она использовала правила о союзахъ, чтобы легализовать свои общины и обезпечить владѣніе своими имуществами и капиталами; и если остатки стараго порядка все еще дѣлаютъ иногда ея существованіе тревожнымъ, то огромное вліяніе, которое она получила въ третьей государственной думѣ чрезъ цѣлый рядъ своихъ приверженцевъ, находящихся въ союзѣ 17 октября, обезпечиваетъ ей въ будущемъ спокойное существованіе и развитіе.

Открытое выступленіе старообрядческой поповщинской церкви поставило на очередь вопросъ о взаимоотношеніяхъ между нею и синодскою церковью. На нашихъ глазахъ она вступила съ ней въ успѣшную открытую конкуренцію, принявъ въ свое лоно двухъ опальныхъ клириковъ синодской церкви, священника Петрова и архимандрита Михаила. Вступленіе ихъ въ старообрядческую церковь повергло очень многихъ въ полное недоумѣніе. До сихъ поръ старообрядчество казалось какимъ-то глубоко реакціоннымъ явленіемъ, проникнутымъ духомъ буквы и невѣжества, и когда такіе люди, имѣющіе литературную извѣстность, несомнѣнно, образованные и талантливые публицисты, ушли въ расколъ, было чему удивиться. Но исторія поповщинской церкви даетъ ключъ къ разгадкѣ этого страннаго на первый взглядъ явленія. Поповщинская церковь не менѣе, если не болѣе, чѣмъ синодская, придерживается традиціи и обряда; ея исторія свидѣтельствуетъ, что въ ней иногда брали верхъ чрезвычайно странныя теченія; она создала свою организацію не вполнѣ чистыми средствами. Но она повинна въ этомъ не болѣе, чѣмъ какая-либо другая организація для господства. Зато въ ней сохранилось то, что исчезло въ синодской церкви: общественный характеръ организаціи и свобода для ея членовъ выхода или присоединенія. Она не знаетъ полицейскаго принужденія, хотя, конечно, сама по себѣ является связывающей, господствующей силой. Ея будущее трудно предсказывать, не зная того направленія, въ которомъ пойдетъ реформа господствующей церкви. При возстановленіи въ послѣдней соборнаго начала возможно соединеніе обѣихъ церквей; и оно не будетъ противорѣчить общему политическому положенію, отдающему огромную долю вліянія въ государствѣ буржуазіи. Но если еще затянется борьба между аграріями и буржуазіей, то затянется и реформа церкви. Въ результатѣ, будущее старообрядчества зависитъ отъ исхода общей соціально-политической борьбы, разыгрывающейся въ наши дни.

2.

Общій характеръ русскаго сектантства.

Мы подошли къ вопросу о русскомъ сектантствѣ, крайне запутанному и далеко не выясненному. Если по отношенію къ расколу исторія обладаетъ еще такими цѣнными данными, какъ подлинные акты раскольничьихъ соборовъ, раскольничьи документы въ видѣ разнаго рода писемъ, полемическихъ сочиненій, уставовъ и т. д., которые позволяютъ изслѣдователю намѣтить хотя бы основныя линіи процесса развитія раскола, то по отношенію къ сектантству дѣло обстоитъ самымъ плачевнымъ образомъ. Какъ мы видѣли, расколъ есть явленіе, развивавшееся по преимуществу въ купеческой средѣ; купцы и капиталисты были его руководителями, использовали его въ своихъ цѣляхъ и превратили его въ прочную церковную организацію. Эта среда владѣла извѣстнаго рода образованностью; съ самаго начала она понимала религіозные вопросы съ точки зрѣнія церковности; она не могла обойтись безъ документовъ и литературы и имѣла всѣ данныя для того, чтобы создать и то и другое. Не то мы видимъ по отношенію къ сектантству. Оно было почти исключительно продуктомъ крестьянской среды, нашей безграмотной, косной и суевѣрной крестьянской среды; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сектантство появлялось въ городахъ, но и тамъ, за единичными исключеніями, оно вырастало на почвѣ ремесленничества, а не купечества. Вслѣдствіе этого источники для исторіи сектантства не такъ многочисленны и не обладаютъ такою безспорною достовѣрностью, какъ источники для исторіи раскола. Два-три документа, вышедшихъ изъ среды самихъ сектантовъ, какъ „Духоборческое Исповѣданіе" 1791 г. или заповѣди, приписываемыя хлыстовскому саваоѳу Данилѣ Филиппову, небольшое количество духовныхъ стиховъ и пѣсенъ, записанныхъ со словъ сектантовъ— вотъ почти единственные источники, исходящіе изъ среды самого сектантства. Зато необыкновенно много другого рода документовъ изъ враждебнаго сектантству лагеря—актовъ слѣдствій и судебныхъ процессовъ по сектантскимъ дѣламъ. Но огромное большинство этихъ крайне важныхъ документовъ еще лежитъ въ архивахъ и ждетъ своего изслѣдователя; а то, что опубликовано, представляетъ слишкомъ ничтожный по количеству и случайный матеріалъ. Кромѣ того, судебный матеріалъ этотъ совершенно особаго рода. Общеизвѣстны всѣ недостатки стараго уголовнаго кодекса, пристрастіе и неполнота нашего предварительнаго и судебнаго слѣдствія, наконецъ, сами сектанты на этихъ процессахъ являлись страдающей стороною, что не могло не отражаться на ихъ показаніяхъ или въ сторону добровольнаго мученичества, или въ сторону возможнаго оправданія. Этотъ матеріалъ такимъ образомъ требуетъ особой осторожности при пользованіи; методъ обращенія съ нимъ и его дѣйствительное значеніе могутъ быть уяснены только въ томъ

случаѣ, когда онъ будетъ предоставленъ въ распоряженіе изслѣдователей большой массою, а не случайными кусочками, какъ теперь.

Всѣ эти замѣчанія необходимы для уясненія особенностей послѣдующаго очерка. Онъ не можетъ претендовать на то, чтобы дать связную картину развитія русскихъ сектъ; напротивъ, напередъ приходится констатировать, что эта картина будетъ неровна и отрывочна, болѣе полна для однѣхъ сектъ и менѣе полна для другихъ. Однако изъ этихъ отрывочныхъ картинъ получается все-таки нѣкоторое общее впечатлѣніе, выясняются нѣкоторыя самыя общія тенденціи развитія, общія характерныя черты сектантства. Хотя и ощупью, но можно выбрести на путь, впереди котораго виденъ нѣкоторый просвѣтъ. Всего опредѣленнѣе этотъ итогъ выясняется въ томъ случаѣ, если мы сравнимъ сектантство съ расколомъ.

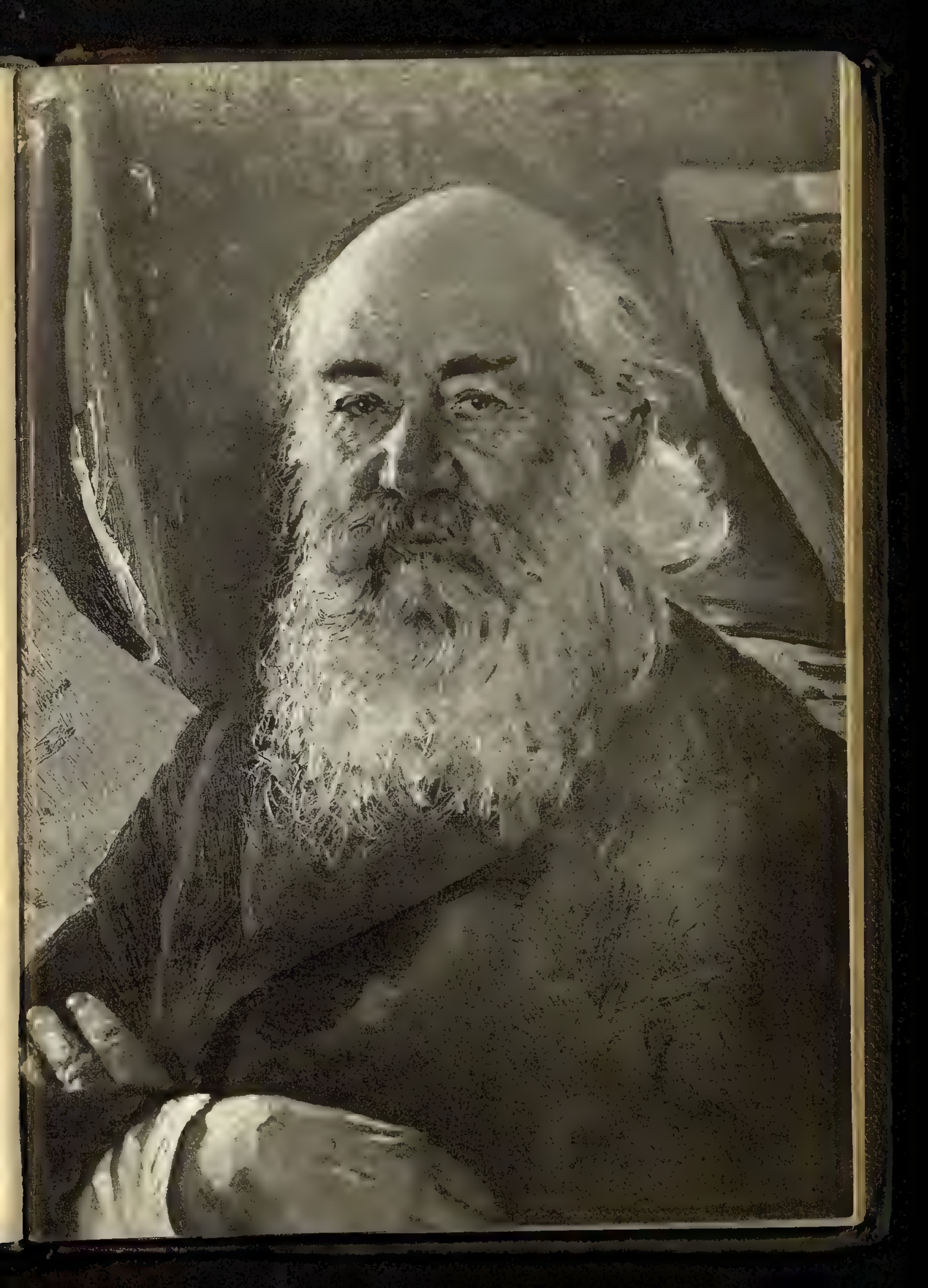
Эти два термина, которые почему-то извѣстный наблюдатель раскола и сектантства, Пругавинъ, замѣняетъ однимъ терминомъ „расколъ" (вѣроятно, въ силу чисто внѣшняго признака отщепенства отъ господствующей церкви) обозначаютъ два разныхъ явленія по существу. Поповщинскій расколъ съ самаго начала былъ церковною организаціей, былъ дѣломъ купеческой буржуазіи; онъ не искалъ новаго, напротивъ, онъ, борясь съ дворянскимъ государствомъ, поглотившимъ церковь, противопоставилъ *новому* явленію поглощенія церкви государствомъ *старое* явленіе самостоятельнаго, независимаго отъ государства существованія церковной организаціи. Поповщину совсѣмъ не интересовало *содержаніе* вѣры, но лишь *форма* организаціи; она искала такую форму, которая служила бы ея интересамъ, а не интересамъ крѣпостническаго государства. Поповщинскій расколъ — чрезвычайно ясное и стройно развивающееся явленіе. Сектантство было крестьянскимъ дѣломъ; оно съ самаго начала углубилось въ вопросъ *о содержаніи* вѣры и только впослѣдствіи стало создавать организацію, которая однако нигдѣ не достигла формы церковной организаціи. Организаціи сектантовъ отвѣчали на иной вопросъ (за немногими исключеніями): поповцы хотѣли *господствовать* при помощи церковной организаціи, сектанты хотѣли *убѣжать отъ чьего бы то ни было господства* при помощи своихъ общинныхъ организацій. Мостъ между поповщинскимъ расколомъ и сектантствомъ образуютъ безпоповщинскіе крестьянскіе толки; мѣщанско-буржуазные толки ѳедосѣевцевъ и монинцевъ были эпизодами. Эти крестьянскіе толки, начавъ съ протеста противъ церковныхъ новшествъ, пошли совсѣмъ по другой линіи развитія, чѣмъ поповщинскій расколъ. Они заняли по отношенію къ церкви и государству непримиримую позицію не съ формальной только, но и съ принципіальной точки зрѣнія; они отвергли и церковь и государство, какъ орудія антихриста, бѣжали отъ нихъ, не хотѣли имѣть съ ними никакихъ сношеній. Но они ограничились почти исключительно отрицаніемъ. Конецъ XVII вѣка былъ настолько тяжелъ для крестьянства, что оно уже потеряло всякую надежду на лучшее *земное* будущее: спасе-

Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

Съ портрета, писаннаго В. Е. Маковскимъ.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

12

ніе придетъ только отъ второго пришествія, котораго лихорадочно ждали со дня на день. Крестьяне-безпоповцы не отрицали церковнаго ученія, но лишь находили, что церковь, попавъ въ руки антихриста, перестала быть божественнымъ учрежденіемъ. Такъ какъ второго пришествія все не было, то крестьянству оставалось либо перейти въ поповщину, либо вернуться въ лоно церкви, подчиниться ей, либо перейти къ творческой работѣ, отвергнувъ и все церковное ученіе и всю церковную организацію, создать новое ученіе и новыя формы. Одну изъ такихъ попытокъ, еще не порвавшихъ со старыми отрицательными представленіями, мы видѣли въ формѣ бѣгунства или странничества. Сектантство и есть то, къ чему должно было прійти въ концѣ концовъ крестьянство; чрезвычайно многочисленныя секты являются цѣлымъ рядомъ попытокъ выйти изъ-подъ власти крѣпостническаго государства, опираясь на религіозныя идеи. Сектантство уже не только отрицаетъ форму, оно отрицаетъ и ученіе церкви; оно создаетъ свое ученіе и свои формы.

Секты появлялись на протяженіи двухъ столѣтій въ безчисленномъ количествѣ. Однѣ изъ нихъ возникали въ связи съ опредѣленными процессами, другія въ связи съ опредѣленными событіями; моментъ и исторію возникновенія первыхъ уловить крайне трудно, между тѣмъ какъ моментъ и исторія появленія вторыхъ болѣе или менѣе ясны. Наконецъ, многія секты являются вторичными образованіями, трансформаціями и развѣтвленіями болѣе раннихъ сектъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій или дифференціаціи въ составѣ сектантовъ. Сектъ этого рода съ опредѣленностью можно указать лишь немного. Въ числѣ множества сектъ было немало скороспѣлыхъ, эфемерныхъ образованій, внезапно являвшихся и быстро исчезавшихъ. Въ литературѣ о такихъ сектахъ очень часто сообщаются лишь одни названія.

Отсюда ясно, какъ трудно установить систематическій принципъ для разсмотрѣнія сектъ. При всемъ ихъ множествѣ онѣ, правда, могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ однороднымъ группамъ; но это сведеніе иногда приходится дѣлать наугадъ, такъ какъ мы не знаемъ точно подлинной сущности многихъ сектъ. Поэтому разсмотрѣніе по однороднымъ группамъ невозможно провести всецѣло. Точно такъ же былъ бы возможенъ территоріальный принципъ; но и онъ не можетъ быть выдержанъ, съ одной стороны, потому, что нѣкоторыя секты получили очень широкое распространеніе, съ другой, опять-таки наши источники грѣшатъ въ этомъ отношеніи пробѣлами. Остается одинъ принципъ—хронологическій. Онъ находитъ свое оправданіе въ томъ, что исторія сектантства до 60-хъ годовъ XIX в. и исторія сектантства послѣ этой даты отмѣчены существенными различіями. Положеніе крестьянства мѣняется послѣ этой даты, мѣняется до извѣстной степени и общій характеръ сектантства. Этотъ принципъ мы и кладемъ въ основу настоящаго очерка, причемъ въ предѣлахъ двухъ указанныхъ рубрикъ найдутъ себѣ по возможности примѣненіе и другіе указанные принципы.

3.

Сектантство XVIII и первой половины XIX вѣка.

1. Хлыстовщина.

Если мы просмотримъ исторію религіозныхъ движеній, хотя бы начиная съ древне-израильскихъ пророковъ, проходя чрезъ греческое орфическое движеніе, первоначальное христіанство къ нѣмецкому анабаптизму и англійскому индепендентству, то уже на этомъ весьма ограниченномъ временемъ и національностями пути мы встрѣтимъ въ качествѣ перваго положительнаго противовѣса господствующей религіи и церкви *мистическія* религіи. Въ самомъ дѣлѣ, таково было до извѣстной степени первоначальное израильское пророчество, еще мало, впрочемъ, изслѣдованное, таковъ былъ греческій орфизмъ, такова была община первыхъ христіанъ, таковъ былъ анабаптизмъ и индепендентство. Для всѣхъ этихъ религій прежде всего характерно признаніе мистическаго личнаго откровенія, сошествія духа на отдѣльнаго человѣка, таинственнаго соединенія отдѣльной личности съ божествомъ. Таково же было и первое появленіе сектантства на русской почвѣ въ формѣ „*людей божіихъ*", какъ называли себя сами сектанты, или *христовщины — хлыстовщины*, какъ прозвали секту ея оффиціальные обличители. Эта характерная черта станетъ вполнѣ понятна, если мы вглядимся поближе въ ситуацію, способствующую первому появленію сектантства и повсюду болѣе или менѣе однородную.

Сектантство возникаетъ обычно въ моменты мучительныхъ хозяйственныхъ переломовъ. Для Западной Европы моментъ появленія сектантства падаетъ на эпоху мучительнаго процесса зарожденія капиталистическаго производства, связаннаго съ обезземеленіемъ крестьянства и разложеніемъ ремесленничества. До извѣстной степени та же ситуація была и въ VI в. въ Греціи и въ I в. въ Іудеѣ; налицо та же ситуація и у насъ въ XVIII вѣкѣ. Крестьянство и ремесленничество при этомъ являются страдающей стороною; страданія заставляютъ ихъ произвести переоцѣнку всѣхъ цѣнностей, отбросить старыя и изношенныя, создать новыя. Въ религіозной сферѣ это стремленіе высказывается въ видѣ исканія новаго откровенія. Старое откровеніе, на которое опираются торжествующіе побѣдители, откровеніе писанное, твердо установленное, закостенѣлое въ догматизмѣ, заподазривается, какъ нѣчто уже отжившее свой вѣкъ, или фальшивое, невѣрное. Необходимо новое откровеніе, новыя нормы добра и зла, ибо все старое перепуталось, добро исчезло, царитъ одно зло. Если не опускать руки, если не истолковывать такое положеніе дѣла, какъ признакъ близкаго конца міра, то остается одно — найти это новое откровеніе. Чтобы найти его, надо вступить въ общеніе съ божествомъ, которое можетъ дать такое откровеніе. Отсюда дикія пляски пророковъ и дервишей, ночныя оргіи орфиковъ, сошествіе „духа" на христіанъ первоначальныхъ общинъ, оргіи ана-

баптистовъ, радѣнія нашихъ хлыстовъ.

Появленіе хлыстовщины теряется въ легендарныхъ сказаніяхъ. Къ тридцатымъ годамъ XVIII вѣка, когда имѣло мѣсто первое дѣло о хлыстахъ, когда, слѣдовательно, ихъ существованіе было официально установлено, среди хлыстовъ сложились опредѣленныя легенды объ основаніи секты; но ихъ историческое зерно не поддается учету, и онѣ имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку освѣщаютъ происхожденіе секты въ томъ именно смыслѣ, какъ только что было указано. Легенды разсказываютъ, что въ царствованіе царя Алексѣя упало благочестіе и вѣра на землѣ и начались споры о томъ, какъ и по какимъ книгамъ можно спастись. Нашлись однако умные люди, которые заявили, что никакихъ книгъ не нужно, а надо позвать самого Господа Бога на землю, чтобы онъ самъ указалъ путь ко спасенію. Выбрали они умныхъ людей и послали ихъ на „святое мѣсто" звать Господа Бога:

„Господи, Господи, явися намъ, Господи,
Въ крестѣ или въ образѣ,
Было бы чему намъ молиться и вѣрить.

Въ отвѣтъ на эту молитву послышался голосъ изъ-за облака:

Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю
Изберу я плоть пречистую и облекусь въ нее,
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу Богъ.

И вотъ въ 1645 г. (!) свершилось неслыханное чудо: въ стародубской волости въ приходѣ егорьевскомъ на гору Городину (ковровскаго уѣзда Владимирской губерніи) среди ангеловъ и архангеловъ на огненной колесницѣ сокатилъ на землю самъ Господь Саваоѳъ; ангелы и архангелы вернулись на небо, а Саваоѳъ остался и вселился въ пречистую плоть крестьянина Данилы Филипповича. Первымъ дѣломъ Данилы было собрать всѣ книги въ куль и бросить ихъ въ Волгу; а послѣдователямъ своимъ онъ далъ взамѣнъ этого 12 заповѣдей. Насколько можно судить изъ другой хлыстовстой пѣсни, экстатическое радѣніе, какъ средство призванія Бога, было примѣняемо съ издавнихъ поръ; та же пѣсня показываетъ, что составъ первоначальныхъ послѣдователей Данилы былъ исключительно крестьянскій:

Какъ пониже было Кинешмы,
Вырастали лѣса темные,
Какъ во тѣхъ лѣсахъ во темныихъ
Люди божіи спасалися...
Царства божія искали.
Сходились люди божіи на святой кругъ,
Поднимать стали руки на небо,
Сзывать Бога съ небеси на землю.

Легенда дальше разсказываетъ о томъ, что Данила-Саваоѳъ скоро нашелъ себѣ сына—Христа. Это былъ крестьянинъ муромскаго уѣзда Владимирской губерніи Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ. Легенда о немъ показываетъ, насколько мысль крестьянства была все-таки проникнута христіанской миѳологіей. Рожденіе Суслова — параллель къ рожденію Исаака. Матери Суслова было болѣе 100 лѣтъ, когда она родила его, такъ что священникъ не рѣшился будто бы крестить ребенка. До 30 лѣтъ Сусловъ жилъ въ домѣ отца и помогалъ ему въ работахъ. Когда ему минуло 30 лѣтъ, Данила-Саваоѳъ позвалъ его къ себѣ въ деревню Старую и сдѣлалъ его „живымъ богомъ", своимъ возлюбленнымъ

сыномъ. Послѣ этого Сусловъ сталъ ходить по деревнямъ съ 12 апостолами и богородицею (какою-то „дѣвицей-красноличкой“), но скоро былъ схваченъ и доставленъ въ Москву. Тамъ его пытали огнемъ, но огонь не причинилъ ему никакого вреда; затѣмъ его распяли около Кремлевской стѣны и приставили стражу изъ стрѣльцовъ. Послѣ смерти онъ однако воскресъ и явился своимъ послѣдователямъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ. Его второй разъ распяли, онъ второй разъ воскресъ. Въ концѣ концовъ Данила и Иванъ вознеслись на небо, Саваоѳъ окончательно, а Христосъ временно. Онъ опять не разъ входилъ и входитъ въ тѣла людей, такъ что христы вновь и вновь появляются. Вскорѣ послѣ Суслова явился еще одинъ христосъ, Прокопій Лупкинъ, нижегородскій стрѣлецъ. Это, повидимому, историческая личность; по крайней мѣрѣ, офиціально было установлено, что онъ страдаетъ падучей болѣзнью и поэтому онъ былъ освобожденъ отъ военной службы. О немъ легенда прибавляетъ, что онъ также вознесся въ сонмѣ ангеловъ на небо къ своему отцу-Саваоѳу. Послѣ Лупкина являлся цѣлый рядъ другихъ христовъ, не оставившихъ по себѣ замѣтнаго слѣда.

Первое документальное свидѣтельство о сектѣ относится къ 1716 г., когда былъ сдѣланъ на хлыстовъ города Углича доносъ мѣстнымъ священникомъ. Въ этомъ доносѣ упоминается имя Лупкина, какъ руководителя и христа, и описываются радѣнія хлыстовъ: „и во время де бывшаго у нихъ пѣнія молитвъ якобы на нѣкоторыхъ изъ нихъ сходилъ духъ святой, овогда на двухъ, овогда на трехъ человѣкъ, и поднимало де ихъ съ лавки, и ходили де они скачучи вокругъ“. Въ 1725 г. было донесеніе о появленіи христа Агаѳона, казака Якиманской станицы Войска Донского. При немъ было 12 казаковъ, называвшихся атаманами, пророками и апостолами, а казачья дѣвка называлась богородицей. Наконецъ, въ 1732 г., по доносу разбойника Караулова, возникло громадное дѣло о хлыстахъ въ Москвѣ. Въ это дѣло оказались замѣшанными монахи и монахини московскихъ монастырей, и руководительницей была монахиня. Дѣло кончилось казнью четверыхъ лицъ и ссылкою прочихъ. Еще одно крупное дѣло возникло въ 1745 г., но затѣмъ хлыстовщинѣ была предоставлена относительная свобода, по волѣ Петра III и Екатерины II. Къ этому времени однако секта прошла уже значительный путь въ своемъ развитіи и была наканунѣ раскола. Обратимся поэтому къ обзору ея ученія и ея состава.

Уже легенда о происхожденіи секты даетъ намъ понять, что мы имѣемъ дѣло съ религіей, не признающей постояннаго писаннаго откровенія. Несмотря на то, что вся мысль сектантовъ проникнута ветхозавѣтной и новозавѣтной миѳологіей, всѣ книги положены Данилой въ куль и брошены въ Волгу. Откровеніе должно быть новое, и оно носитъ по преимуществу текучій характеръ. Единственный писанный памятникъ откровенія, 12 заповѣдей Данилы Филиппова, слишкомъ коротокъ и слишкомъ общаго характера, чтобы связывать мысль и фантазію секты; но и кромѣ того, онъ прямо санкціо-

нируетъ текучесть откровенія. Въ первой заповѣди говорится, что Данила есть Богъ, пророками предсказанный и сошедшій на землю для спасенія людей; нѣтъ другого Бога, кромѣ него. Въ послѣдней говорится: „святому духу вѣрьте". Вотъ все содержаніе догматической части откровенія. Если оставить въ сторонѣ первую заповѣдь, какъ не вводящую какого-либо догмата, могущаго стать спорнымъ, остается послѣдняя заповѣдь, которая заповѣдаетъ вѣрить всему, что скажетъ духъ. Этотъ духъ сходитъ на сектантовъ во время ихъ радѣній, и все, что онъ говоритъ имъ, почитается за божественное откровеніе. Изъ дикихъ выкрикиваній и припѣвовъ сектантскихъ пророковъ и пророчицъ во время радѣній сложилась ихъ религіозная система, сохраняющаяся въ наиболѣе любимыхъ сектантскихъ пѣсняхъ.

Первое впечатлѣніе отъ этой системы—ея тѣсная связь со старымъ языческимъ представленіемъ о божествѣ и природѣ. Христіанская миѳологія, заимствованная крестьянствомъ изъ церковнаго богослуженія, сказалась въ легендахъ объ основаніи секты; старая языческая миѳологія, крѣпко сидѣвшая въ умахъ крестьянства, близкаго къ природѣ, всецѣло зависѣвшаго отъ нея и потому твердо державшагося натуральнаго политеизма, сказалась въ представленіяхъ сектантовъ о божествѣ и духѣ. Сектанты призываютъ духа въ образѣ стараго языческаго бога, краснаго солнышка; они просятъ его „обогрѣть ихъ, измученныхъ морозами, „сиротъ бѣдныихъ", пролить на нихъ благодать первозданную. Это—молодецъ, разгуливающій по садику съ гусельками; это—соколъ ясный; это—соловушко, который поетъ въ сердцѣ у батюшки. На радѣніяхъ сектантовъ онъ является на ихъ кругу и трубитъ въ золотую трубу. Саваоѳъ и Христосъ-Искупитель превратились также не то въ богатырей, не то въ языческихъ боговъ. Саваоѳъ, правда, снабженъ всѣми аттрибутами, какими обычно всякая религія снабжаетъ своего бога: онъ и всемогущъ и всевидящъ и всемилостивъ. Но зато при описаніи образа жизни Саваоѳа сейчасъ же прорывается игра крестьянской фантазіи, которая не можетъ отрѣшиться ни отъ натуральнаго политеизма, ни отъ холопскаго представленія о божествѣ, какъ о баринѣ. На седьмомъ небѣ у Саваоѳа дворецъ; въ немъ онъ ликуетъ; въ кабинетѣ (!) его „ангелы трепещутъ, его на престолѣ всегда они тѣшутъ". Ангелы являются секретарями Саваоѳа: отъ его „свѣтла лица" они пишутъ господни указы и посылаютъ ихъ сектантамъ. Та же самая двойственность съ еще большею дозою холопскаго антропоморфизма проявляется и въ изображеніи сына божія, Христа-Искупителя. Онъ обладаетъ всѣми аттрибутами всесилія и всемогущества, онъ искупилъ своими страданіями людей; онъ постоянно помогаетъ сектантамъ нести ихъ крестъ; но въ то же время это сверхъестественное существо вполнѣ подобно людямъ. Временно являясь среди людей во время безпрестанныхъ новыхъ воплощеній, Христосъ живетъ постоянно на небѣ. Это—царскій сынъ со смарагдовымъ вѣнцомъ на головѣ; это—золотой соколъ съ брилліантовыми крылышками, съ жемчужными перышками; это—полковникъ полковой на

бѣломъ конѣ съ золотой гривой, это —удалой молодецъ, сидящій въ своей свѣтлой свѣтлицѣ за столами дубовыми, за яствами духовными; это, наконецъ, самъ государь-батюшка, живущій на седьмомъ небѣ, гдѣ у него „грады, зелены сады, троны, дворецъ, золотой престолъ"; тамъ у него канцелярія, гдѣ ангелы записываютъ имена сектантовъ въ книгу животную въ „палатѣ судовой". Онъ краснѣе красна солнышка, свѣтлѣе свѣтла мѣсяца, отъ тѣла его лучи идутъ. Богородица изображается то въ видѣ православной Божіей Матери, заступницы и радости всѣхъ скорбящихъ, то въ образѣ царицы, у которой на небѣ есть теремъ, „полки дѣвическіе", которые ходятъ-гуляютъ въ зеленомъ саду,

Онѣ яблочки рвутъ,
На злато блюдо кладутъ,
Въ теремъ матушкѣ несутъ.

Вотъ какія картины нарисовалъ „духъ" хлыстамъ во время радѣній. Появился хлыстовскій Олимпъ, сотканный изъ странной смѣси старыхъ языческихъ воззрѣній, христіанской миѳологіи и холопскаго міросозерцанія крестьянства. Богъ превратился въ добраго барина, Богородица—въ добрую матушку.

Такова блаженная картина седьмого неба. Къ ней направлены всѣ помыслы, всѣ чувства, все страстное стремленіе сектантовъ. Здѣсь на землѣ все погрязло во злѣ. Зло господствуетъ повсюду, имъ проникнуты всѣ отношенія, правды нѣтъ. Вѣрныхъ бьютъ кнутомъ, жгутъ огнемъ—они должны терпѣть; кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получитъ царство небесное, а на землѣ *духовную* радость. Условія тогдашней жизни были, дѣйствительно, настолько нерадостны, что, кромѣ *духовной* радости, здѣсь на землѣ ждать ничего не приходилось. Первые сектанты, бѣглые крестьяне, измученные своей тяжелой долей, убѣгали въ лѣса костромскіе, но и тамъ находили не сладкое житье: люди божіи листомъ, кореньемъ спасалися, слезы свои проливали, плоти свои изсушали, наги они пребывали, зноемъ опалялись, хладомъ омерзали, нужды и скорби терпѣли. А въ міру ихъ изнуряли повинности помѣщику и государево тягло. Но и узнавъ истину, увѣровавъ въ духъ, сектантъ еще не сразу получалъ надежду на духовную радость. Кромѣ враговъ видимыхъ, убивающихъ тѣло, есть враги невидимые, подстерегающіе душу. Это злые духи, происшедшіе изъ душъ умершихъ злыхъ людей; и послѣ смерти они, слѣдовательно, не оставляютъ своего злого дѣла и постоянно искушаютъ вѣрныхъ. Міръ проникнутъ постоянной борьбою добраго и злого начала; эта борьба прекратится только вмѣстѣ съ концомъ міра, вмѣстѣ со страшнымъ судомъ. Для этого міросозерцанія, пожалуй, слишкомъ громко будетъ названіе дуализма, но, несомнѣнно, въ немъ присутствуетъ значительная доля дуализма.

Итакъ, хлысты отчаялись въ лучшемъ земномъ будущемъ; въ этомъ они согласны съ безпоповцами. На землѣ хлыстъ можетъ получить *духовную* радость, т. е. удостоиться во время радѣнія сошествія на него духа и пророческаго дара, или внѣдренія въ него Христа. Подобно своимъ іудейскимъ собратіямъ I в., все свое упованіе хлысты перенесли на будущій міръ. Рядомъ съ изображеніями блаженства боговъ на седьмомъ небѣ, хлыстов-

скія пѣсни удѣляютъ особенно много вниманія будущей судьбѣ человѣка, загробному воздаянію. Взгляды на судьбу души тотчасъ послѣ смерти у хлыстовъ нѣсколько расходятся; чаще встрѣчается представленіе о томъ, что душа „вѣрнаго“ превращается въ ангела и служитъ Саваоѳу, рѣже встрѣчается ученіе о переселеніи души, нечуждое также и орфизму. Но больше всего и опредѣленнѣе всего рисуется картина послѣдняго суда и будущаго мессіанического царства. Эти представленія носятъ также рѣзко выраженный матеріалистическій характеръ и представляютъ полную аналогію съ іудейской народной эсхатологіей I вѣка. Сходство отчасти объясняется вліяніемъ новозавѣтной апокалиптики, отчасти одинаковыми условіями происхожденія тѣхъ и другихъ представленій.

Начало страшнаго суда, время котораго никому неизвѣстно и который придетъ внезапно, описывается такъ: сначала затрубитъ въ трубу, длиною отъ земли до седьмого неба самъ Саваоѳъ, Данила Филипповичъ. Въ отвѣтъ на трубные звуки воскреснутъ мертвые, обновится земля, распадется видимое небо и откроется „небо-ново“. Судія пойдетъ въ сопровожденіи вѣрныхъ въ Москву, зазвонитъ тамъ въ царь-колоколъ; тогда всѣ сектанты, оставшіеся въ живыхъ, полетятъ къ нему навстрѣчу, слетятся всѣ силы небесныя, и начнется судъ надъ всѣми людьми отъ Адама. Сначала будетъ судъ надъ хлыстами, затѣмъ надъ всѣми прочими людьми. Всѣ не-сектанты и всѣ грѣшные сектанты пойдутъ въ муку вѣчную; „вѣрные“ сектанты получатъ вѣчное блаженство. Оно ожидаетъ сектантовъ въ пресвѣтломъ градѣ Сіонѣ, на послѣднемъ небѣ; его освѣщаетъ красное солнышко, живетъ тамъ самъ Богъ, окруженный апостолами и ангелами. Тамъ сады, цвѣты, поютъ райскія птицы; нѣтъ ни скорби, ни печали, но одна радость. Тамъ сектанты въ золотыхъ ризахъ будутъ жить въ вѣчномъ весельи; палаты для нихъ будутъ изъ чистаго хрусталя, постели въ нихъ божественныя, украшенныя неувядающими цвѣтами. Тамъ получатъ хлысты награду за тѣ страданія, которыя они перенесли въ жизни, и за тѣ лишенія, которымъ они подвергали себя въ силу заповѣдей Данилы Филипповича.

Эти заповѣди содержатъ обычныя для всякой мистической религіи предписанія аскетизма. Аскетизмъ диктуется двумя соображеніями. Во-первыхъ, плоть сама по себѣ есть зло, отъ нея происходятъ всѣ искушенія, все зло въ мірѣ. Во-вторыхъ, чтобы имѣть возможность получить „духовную“ радость, т. е. соединиться съ божествомъ или духомъ, надо очистить плоть, эту „нечистую свинью“, надо очистить ее аскетическими подвигами. Только такіе подвиги, дѣйствительно, могли доводить мистиковъ всѣхъ временъ и народовъ до состоянія полнаго изступленія, граничившаго съ помѣшательствомъ, когда человѣкъ не помнитъ себя, и фантазія его дико разыгрывается. Заповѣди Данилы Филипповича рекомендуютъ воздержаніе отъ брака и отъ полового общенія, отъ вина и даютъ нѣсколько элементарныхъ нравственныхъ правилъ. Эти заповѣди были развиты практикою

послѣдующихъ хлыстовскихъ общинъ, или „кораблей“, причемъ на первомъ планѣ выдвинулись требованія безбрачія и поста. Жалѣть о наслажденіяхъ, которыхъ лишается при этомъ сектантъ, нечего: они заглушаютъ голосъ пастыря, который слышенъ лишь душѣ аскета. Такимъ образомъ заповѣди Данилы превратились въ „законъ, не простой, не простой—трудовой, трудовой—слезовой“. Исполнять этотъ законъ было мыслимо только при наличности взаимной поддержки и утѣшенія. Отсюда сектанты особенно прославляютъ любовь и требуютъ ея отъ всѣхъ своихъ сочленовъ. Любовь—сладчайшая, силушка величайшая, дочь неба плѣнительная; кромѣ нея, никто и ничто не можетъ открыть доступъ къ отцу. Здѣсь, конечно, подразумѣвается любовь братская; но крайность должна была всегда родить другую крайность, и мало-по-малу создался обрядъ „христовой любви“. Такъ называлось безпорядочное половое смѣшеніе въ концѣ радѣній, когда всѣ хлысты доходили до состоянія полнаго умоизступленія. Это не считалось нарушеніемъ заповѣди цѣломудрія, ибо въ такіе моменты люди уже казались лишенными своей воли: въ нихъ дѣйствовалъ духъ. Этотъ обрядъ послужилъ также способомъ воспроизведенія новыхъ христовъ. Забеременѣвшая послѣ него дѣвушка становилась богородицей; если у нея рождался сынъ, онъ объявлялся „христосикомъ“, если дочь—пророчицей.

Такова система хлыстовской вѣры и морали, какъ она представляется изъ хлыстовскихъ легендъ, пѣсенъ и обрядовъ. Ея матеріалистически-натуральный характеръ всецѣло объясняется соціальнымъ составомъ этой секты. Первоначально ея составъ былъ однородный; но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія послѣдователи секты въ большомъ числѣ явились въ городахъ среди городского купечества. Въ дѣлѣ о хлыстахъ, возникшемъ въ Москвѣ въ 1745 г. по доносу сыщика Ваньки Каина, обвиняемыми являлись уже, кромѣ монаховъ, купцы и купчихи. Центромъ этого купеческаго корабля оказался богато обставленный домъ христа Андрея Петрова съ домовой церковью. По дѣлу было привлечено 416 человѣкъ, изъ которыхъ, конечно, огромное большинство составляли крестьяне; но это дѣло ясно показываетъ, что соціальный составъ секты усложнился. Это обстоятельство не замедлило отразиться на дальнѣйшемъ развитіи секты. Въ 50-хъ гг. секта раскалывается. Изъ нея выдѣляется крайнее направленіе скопчества, которое очень быстро свиваетъ себѣ гнѣздо въ средѣ купечества, такъ что хлыстовство остается исключительно крестьянской сектой. О скопчествѣ рѣчь будетъ впереди особо; въ настоящій моментъ намъ остается прослѣдить исторію хлыстовщины во второй половинѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ.

Исторія хлыстовщины бѣдна фактами. Съ сороковыхъ годовъ до конца XVIII вѣка она не выдвигаетъ ни одной крупной личности, ни одного замѣтнаго событія. Съ начала XIX в. оживленіе въ ея жизнь вносится въ нѣкоторые моменты появленіемъ новыхъ христовъ. Эти христы стали чаще появляться въ XIX вѣкѣ, очевидно, вслѣдствіе напряженныхъ

ожиданій земли и воли, которыми жило крестьянство почти весь XIX в. и которыя въ первой половинѣ приводили не разъ къ кровавымъ вспышкамъ. Моменты появленія новыхъ христовъ оживляли хлыстовщину, которая, родившись въ острую минуту, скоро остановилась на одной и той же точкѣ развитія. Яснѣе всего изъ этихъ новыхъ христовъ фигуры Аввакума Копылова, штабсъ-капитана Савицкаго и Радаева.

Аввакумъ Копыловъ жилъ въ началѣ XIX вѣка. Это былъ крестьянинъ села Переверзева кирсановскаго уѣзда Тамбовской губ. О немъ, какъ и о всѣхъ христахъ, составилась легенда, что онъ живымъ былъ взятъ на седьмое небо. Его личность и проповѣдь нашли себѣ многочисленныхъ приверженцевъ въ кирсановскомъ, тамбовскомъ, борисоглѣбскомъ уѣздахъ Тамбовской губ., въ аткарскомъ — Саратовской и бузулукскомъ—Самарской. Эти области впервые были захвачены пропагандой хлыстовства именно путемъ проповѣди Копылова. Какъ разъ эти уѣзды въ началѣ XIX вѣка принадлежали къ числу тѣхъ мѣстностей, гдѣ особенно сильно развивалось барщинное хозяйство и система отпуска на волю безъ земли, т. е. сервификація и пролетаризація крестьянства. Это обстоятельство создавало весьма благопріятную почву для всякаго рода протестантскихъ выступленій. Въ чемъ состояло индивидуальное отличіе проповѣди Копылова, трудно сказать съ какою-либо опредѣленностью. Легенда сообщаетъ о томъ, что Копыловъ былъ въ сношеніяхъ съ тамбовскимъ епископомъ Аѳанасіемъ и получилъ будто бы отъ него двѣ книги, необходимыя для спасенія всякаго христіанина: сочиненія Тихона Задонскаго и „Чиновникъ" архіерейскій. Эти странныя особенности легенды о Копыловѣ даютъ возможность сдѣлать только одно заключеніе, именно, что Копыловъ былъ чуждъ ортодоксальному хлыстовству, поскольку оно выражалось въ заповѣди „святому духу вѣрьте", и сохранилъ нѣкоторыя связи съ вѣрованіями господствующей церкви. Копыловъ умеръ въ тюрьмѣ.

Иного рода былъ христосъ Савицкій, дѣйствовавшій въ Подольской губерніи въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, когда среди крестьянъ особенно сильно было броженіе, вызванное толками объ освобожденіи. Въ ученіи Савицкаго выплыли старыя представленія о второмъ пришествіи и страшномъ судѣ. Савицкій объявлялъ, что онъ— антихристъ, но не въ смыслѣ противника Христа, а въ смыслѣ „агнца-христа". Это странное толкованіе по созвучію, противорѣчившее всѣмъ обычнымъ представленіямъ объ антихристѣ, не помѣшало Савицкому пріобрѣсти массу сторонниковъ. Сторонникъ Савицкаго, Кушниръ, училъ, что въ ближайшемъ будущемъ начнется война христа-Савицкаго со всѣми царями земными; они будутъ побѣждены, и кто не будетъ вѣровать въ него и покланяться ему, того ждутъ вѣчныя адскія муки. Послѣ побѣды надъ всѣми земными царями Савицкій сдѣлается царемъ надъ всей вселенной, а женой его будетъ царица небесная, Домна (дочь какого-то священника). Сторонники Савицкаго хотѣли привлечь на его сторону и мѣстныхъ евреевъ, выда-

вая Савицкаго за мессію. Судьба Савицкаго неизвѣстна.

Третій выдающійся христосъ въ XIX вѣкѣ—это Радаевъ Нижегородской губерніи арзамасскаго уѣзда. Мѣстность, въ которой дѣйствовалъ Радаевъ, была давнишней ареной дѣятельности хлыстовщины, такъ что Радаеву пришлось работать уже на готовой почвѣ. Въ отличіе отъ прочихъ хлыстовъ и пророковъ, выходившихъ по большей части изъ сѣрой полуграмотной крестьянской среды, Радаевъ былъ для людей своего круга образованнымъ и начитаннымъ въ Писаніи человѣкомъ. Послѣ него осталось нѣсколько сочиненій и рядъ писемъ, въ которыхъ онъ углубляетъ доктрину хлыстовщины о духѣ и духовномъ откровеніи. Человѣкъ, желающій сдѣлаться обиталищемъ духа, долженъ подвергнуться „таинственной смерти", т. е. уничтожить въ себѣ все грѣховное соблюденіемъ чистоты, самоотверженіемъ, преданностью и самоуниженіемъ. Послѣ такой „таинственной смерти" слѣдуетъ „таинственное воскресеніе". Самъ Радаевъ считалъ себя такимъ „таинственно воскресшимъ". Такой человѣкъ уже не имѣетъ своей воли, своихъ желаній: въ немъ живетъ и дѣйствуетъ духъ и поэтому для такого „воскресшаго" уже не обязательны никакія заповѣди, обязательныя для другихъ. Имъ руководитъ „духъ". Считая себя христомъ, Радаевъ еще менѣе былъ склоненъ признавать надъ собою какой бы то ни было законъ. Мы не можемъ судить, какъ Радаевъ проводилъ на практикѣ эту теорію. Теорія, какъ видно, была старая хлыстовская теорія, лишь систематически изложенная и мистически обоснованная. Вѣроятно, и практика Радаева не шла далѣе обычныхъ грѣшковъ, допускавшихся хлыстовскими пророками и христами. Данныя слѣдствія о Радаевѣ, по которому онъ, по наитію духа, состоялъ въ связи будто бы съ тринадцатью женщинами, кажутся намъ тенденціозно преувеличенными. Судьба Радаева была обычная: въ 1850 г. онъ попалъ въ тюрьму и оттуда былъ сосланъ.

Шестидесятые годы составили поворотный пунктъ въ исторіи хлыстовщины, какъ въ исторіи вообще духовнаго сектантства. Эмансипація выдвинула иныя задачи, перевернула въ значительной степени хозяйственныя отношенія, измѣнила міросозерцаніе деревни. Для стараго сектантства почва становилась менѣе благодарной. Поэтому хлыстовщина и ея разновидности (скакуны, прыгуны, духовные, купидоны и др.) уже не выдвигаютъ почти ничего новаго. Въ настоящее время хлыстовщина продолжаетъ существовать въ цѣломъ рядѣ губерній Европейской Россіи и на Кавказѣ, но уже перестала имѣть значеніе явленія, естественно вырастающаго на народной почвѣ. Огромная часть хлыстовъ, вмѣстѣ съ дифференціацией крестьянства, ушла въ скопчество; многіе хлыстовскіе корабли на югѣ Россіи перешли въ молоканство. Въ концѣ концовъ хлыстовщина стала удѣломъ небольшихъ кружковъ, склонныхъ къ мистицизму и экзальтаціи людей, но уже не заражаетъ, какъ ранѣе, цѣлыя массы. Попрежнему хлыстовщина гнѣздится среди сельскаго населенія, заражена реакціоннымъ крестьянскимъ духомъ. Хлы-

стовскіе пророки и христы, а также богородицы довольствуются своимъ „духомъ“, не стремятся къ грамотности. Ихъ радѣнія съ бѣшеными плясками замѣняютъ имъ вино, въ которомъ ихъ соціальныя собратья топятъ свое горькое горе. Съ гордостью кичась своей безграмотностью и обладаньемъ „духомъ“, хлысты являются разительнымъ примѣромъ живучести суевѣрныхъ и реакціонныхъ элементовъ крестьянскаго міросозерцанія, покорно склоняющаго спину подъ иго эксплуатаціи и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ способнаго къ отрѣшенію отъ суевѣрной преданности сверхъестественному началу и къ переходу къ разумной человѣческой борьбѣ съ тяжелыми условіями существованія.

2. Скопчество.

Въ 1833 г. въ московскомъ Ивановскомъ монастырѣ былъ открытъ хлыстовскій корабль, кормщица котораго монахиня Анастасія вмѣстѣ съ тремя помощницами производила оскопленіе. Это первое извѣстіе о скопцахъ въ XVIII вѣкѣ. Анастасія и ея сообщницы были казнены, но память о нихъ сохранилась въ цѣломъ рядѣ хлыстовскихъ и скопческихъ пѣсенъ. Появленіе среди хлыстовъ скопческаго направленія объясняется естественнымъ стремленіемъ къ наиболѣе точному исполненію заповѣдей Данилы Филипповича о половомъ воздержаніи. Приверженцы этого направленія еще не выдѣлялись изъ хлыстовской среды; немногіе скопцы среди хлыстовъ были первоначально, такъ сказать, хлыстовскими монахами. Но съ 50-хъ годовъ XVIII столѣтія скопческое направленіе откалывается отъ хлыстовщины и превращается въ самостоятельную секту, сохранившую, правда, въ значительно преобразованномъ видѣ нѣкоторые элементы хлыстовской идеологіи и хлыстовскую организацію.

Скопчество, какъ самостоятельная секта, связываетъ свое происхожденіе съ личностью христа, Кондратія Селиванова. Поскольку выясняется образъ Селиванова изъ „Страдъ“, т. е. изъ цикла разсказовъ о жизни и страданіяхъ Селиванова, онъ при всемъ своемъ фанатизмѣ и извращенныхъ умственныхъ способностяхъ, былъ человѣкомъ необыкновенной энергіи и воли. Начиная съ того момента, какъ онъ впервые явился въ средѣ хлыстовъ съ громовыми рѣчами противъ полового распутства на хлыстовскихъ радѣніяхъ и съ проповѣдью „огненнаго крещенія“, онъ ведетъ бродячую жизнь человѣка безъ роду и безъ племени, неизвѣстно гдѣ родившагося и гдѣ жившаго прежде. Проповѣдь оскопленія была принята неодинаково во всѣхъ корабляхъ, въ которыхъ проповѣдывалъ Селивановъ. Сначала наибольшій успѣхъ выпалъ на долю Селиванова въ Орловской губерніи, гдѣ между прочимъ въ Орлѣ былъ корабль Акулины Ивановны, возведенный впослѣдствіи въ рангъ скопческой богородицы. Далѣе скопчество быстро распространилось въ Тульской, Калужской, Московской Тамбовской губерніяхъ.

Первые же шаги распространенія скопчества вскрываютъ намъ его отличную отъ хлыстовщины соціальную подкладку. Первыя 60 оскопленій Селивановъ совершилъ въ селѣ

Сосновкѣ моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи въ крестьянской средѣ (въ 70-хъ годахъ XVIII в.). Но тотчасъ вслѣдъ за этимъ центръ тяжести скопчества переносится въ городъ, въ совершенно иную среду. Слѣдующее дѣло о скопцахъ обнаруживаетъ, что центръ тяжести скопчества перенесся въ городъ. Въ Москвѣ былъ открытъ скопческій корабль въ домѣ фабриканта полотенъ Лушнина. Самъ Лушнинъ былъ оскопленъ; оскопленія производилъ его приказчикъ, Емельянъ Ретивый, склонявшій къ оскопленію фабричныхъ рабочихъ. Послѣ ссылки Емельяна и разгрома корабля Лушнина на мѣсто Емельяна былъ назначенъ крестьянинъ села Сосновки, Казарцевъ, который перевелъ часть сосновскихъ скопцовъ въ Москву на фабрику Лушнина и возстановилъ его корабль. Другіе центры скопчества въ Москвѣ были—у богатаго торговца пушнымъ товаромъ, Колесникова, въ молельнѣ котораго также производились оскопленія, затѣмъ у купцовъ Жигарева и Тимоѳеева и у отставного солдата Иванова. Сюда тянулись скопцы изъ Тульской и Орловской губерній. Оскопленные крестьяне при первой возможности покидали деревни и переселялись въ города. Одни изъ нихъ, какъ мы видѣли, шли работать на фабрики, другіе сами открывали торговыя или промышленныя заведенія и становились въ ряды буржуазіи. Изъ Тамбовской губерніи тяга, кромѣ Москвы, шла въ Петербургъ. Во главѣ петербургскихъ скопцовъ въ концѣ XVIII в. стояли купцы, братья Сидоръ и Иванъ Ненастьевы, далѣе скопческіе корабли были еще въ пяти купеческихъ домахъ. Въ началѣ XIX вѣка образуется скопческій корабль въ городѣ Костромѣ, организованный ближайшимъ ученикомъ Селиванова, Громовымъ. Съ 1809 г. образовался скопческій корабль въ городѣ Алатырѣ Симбирской губерніи. Онъ былъ основанъ мѣщаниномъ Семеномъ Милютинымъ, содержавшимъ шелковую фабрику съ 200 рабочихъ. Кормщикомъ этого корабля былъ самъ фабрикантъ; на радѣнія онъ приглашалъ своихъ рабочихъ и служащихъ и проповѣдывалъ среди нихъ скопчество съ огромнымъ успѣхомъ. Въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка образовался скопческій корабль въ Саратовѣ. Во главѣ его стоялъ купецъ Пановъ, человѣкъ не особенно образованный, но обладавшій недюжиннымъ агитаторскимъ талантомъ; пропаганда его ранѣе была направлена въ среду простолюдиновъ. Около саратовскаго корабля группировались скопцы изъ Самары и изъ другихъ приволжскихъ городовъ. Наконецъ, въ 40-хъ годахъ XIX вѣка образовался скопческій корабль въ Томскѣ, отчасти изъ сосланныхъ въ Сибирь скопцовъ, отчасти изъ новообращенныхъ изъ мѣстныхъ жителей; во главѣ стояли купцы Лебедевы. Это были наиболѣе крупные центры скопчества: но пропаганда его шла безостановочно по селамъ и деревнямъ центральныхъ губерній, а новообращенные тянулись сейчасъ же изъ деревни въ города къ своимъ центрамъ.

Эти факты вскрываютъ связь скопчества съ процессомъ дифференціаціи крестьянства — капиталистическаго накопленія. Явленіе, которое официально исходило изъ знамени-

тыхъ словъ Селиванова: „лѣпость весь свѣтъ поѣдаетъ, и отъ Бога отвращаетъ, и къ Богу итти не допущаетъ... единые дѣвственники предстанутъ у престола господня",— по существу оказалось аналогичнымъ ѳедосѣевской безпоповщинѣ или южно-французскому альбигойству. Дѣйствительно, оскопленіе было чрезвычайно могущественнымъ средствомъ дифференціаціи. Оскопленный терялъ всѣ связи съ окружающимъ міромъ; онъ порывалъ съ семьей, съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ обязанностей, къ которымъ становился неспособенъ (какъ напр., военная служба), наконецъ, онъ долженъ былъ волей-неволей оставлять земледѣльческій трудъ, становившійся не подъ силу физически изуродованному человѣку. Оскопленіе вырывало сразу крестьянина изъ его среды и гнало его въ иную область. Идя въ городъ, онъ находилъ тамъ себѣ подобныхъ; отсюда являлась возможность скопцамъ, владѣвшимъ капиталами, эксплуатировать скопцовъ, искавшихъ въ городѣ средствъ къ жизни. Связь по уродству быстро превращалась въ неразрывную экономическую зависимость. Мы уже видѣли отчасти, какъ посредствомъ скопческихъ организацій подчиненіе рабочаго хозяину получало религіозную санкцію: хозяинъ былъ кормщикомъ и проповѣдникомъ, рабочій—рядовымъ скопцомъ. Офиціальная статистика членовъ скопческихъ городскихъ кораблей косвеннымъ образомъ подтверждаетъ эту связь. Въ 50-хъ годахъ числилось скопцовъ изъ купцовъ 148, изъ мѣщанъ—220; изъ крестьянъ, рабочихъ и мастеровыхъ—1.955, скопцы изъ прочихъ состояній считались единицами. Если мы примемъ въ расчетъ, что огромное большинство этихъ живущихъ въ городахъ крестьянъ на дѣлѣ не имѣли ничего общаго съ крестьянствомъ, кромѣ казенной клички, то для насъ станетъ ясно взаимоотношеніе между указанными двумя крупными категоріями скопчества. Что касается до руководящихъ верховъ скопчества, то они уже въ началѣ XIX вѣка скопили въ своихъ рукахъ милліонные капиталы. Эти капиталы были отчасти промышленнаго, отчасти ростовщическаго, отчасти биржевого происхожденія. Организація скопцовъ, тѣсно между собою сплоченныя, не разъ вступали въ соглашенія для согласнаго образа дѣйствій на биржѣ, въ размѣнѣ денегъ и т. д. Дѣла о скопцахъ показываютъ, что скопцы были весьма неразборчивы на средства наживы, доходя даже до спекуляцій съ фальшивыми монетами.

Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, что среди скопцовъ особую важность пріобрѣли организаціонные вопросы. Хлыстовщина выработала организацію „корабля", т. е. чисто религіозной общины, собирающейся лишь на время радѣній и не вмѣшивающейся въ частную жизнь своихъ сочленовъ. Каждый изъ хлыстовскихъ кораблей представлялъ изъ себя автономную общину съ кормщикомъ или кормщицей во главѣ; единой организаціи всей хлыстовщины никогда не существовало. Эта автономная организація была вмѣстѣ съ тѣмъ и широко демократической: кормщикъ или кормщица обыкновенно выбирались общиной, и хотя пользовались огромной дисциплинарной

властью въ религіозной сферѣ, никогда однако не могли превратиться въ самодержцевъ, несмѣняемыхъ и безконтрольныхъ. Женщины участвовали въ корабляхъ на совершенно одинаковыхъ правахъ съ мужчинами. Эта организаціонная система совершенно естественно вытекала изъ условій крестьянскаго быта. Хлыстовщина не разрушала семьи, какъ юридически-бытового союза, требуя только воздержанія отъ половыхъ общеній; но въ то же время она не въ состояніи была выработать изъ зыбучей крестьянской среды широкой организаціи. Могли выработаться и выработались лишь отдѣльныя хлыстовскія общины, связанныя другъ съ другомъ лишь общностью культа, мало входившія во взаимныя соприкосновенія и зачастую не знавшія о существованіи другъ друга. Это были типичныя крестьянскія организаціи, которыя не хотѣли, да и не могли смотрѣть далѣе предѣловъ своихъ узкихъ мірковъ.

Для скопчества такія организаціи уже были недостаточны. Скопчество сдѣлалось однородной группой, преслѣдовавшей на протяженіи всей Россійской Имперіи одну и ту же задачу. Оно нуждалось въ единой и крѣпкой организаціи, которая давала бы возможность поддерживать постоянныя взаимныя сношенія и вести одну и ту же политику. Поэтому уже въ началѣ XIX вѣка надъ всѣми мѣстными центрами скопчества возвысился петербургскій центръ. Его естественнымъ руководителемъ и „богомъ" всего скопчества былъ Кондратій Селивановъ, съ 1802 г. поселившійся на свободѣ въ С.-Петербургѣ. Селивановъ принималъ самое живое участіе въ устройствѣ новыхъ скопческихъ кораблей. Онъ назначалъ для нихъ кормщиковъ, обыкновенно изъ тѣхъ же лицъ, которыя положили начало кораблю, писалъ наставленія и посланія. По всѣмъ общескопческимъ дѣламъ въ Петербургъ постоянно пріѣзжали посланные съ мѣстъ; была заведена правильная передача изъ Петербурга на мѣста извѣстій политическаго и финансоваго характера, которыми скопцы руководились въ своихъ операціяхъ. Кормщикъ получалъ огромную власть въ кораблѣ, который у скопцовъ превратился уже изъ чисто религіознаго прихода въ бытовой союзъ. При кораблѣ устраивались общежитія и касса взаимопомощи; кормщикъ не только руководилъ собраніями и радѣніями, но управлялъ всѣми сложными дѣлами корабля. Монархическій характеръ, который, повидимому, получила скопческая организація, на дѣлѣ лишь прикрывалъ безконтрольное и ничѣмъ неограниченное властвованіе среди скопческой массы милліонеровъ-скопцовъ, давая ему санкцію самого „христа". Эти милліонеры опутали, какъ сѣтью, и всю простодушную скопческую массу, и еще большую массу не-сектантовъ, попавшихъ въ ихъ цѣпкія лапы. Эта организація однако показалась извѣстной части скопчества недостаточной. Утвердясь въ Петербургѣ и пользуясь благосклонностью Александра I, который въ 1809 г. передъ войной съ Наполеономъ даже заѣзжалъ къ Селиванову за благословеніемъ, скопцы попытались было захватить въ свои руки политическую власть. Они пріобрѣли себѣ приверженцевъ среди

придворныхъ круговъ и чрезъ скопца, камергера Еленскаго, представили императору планъ государственнаго преобразованія. Камергеръ Еленскій кончилъ плохо: онъ былъ заключенъ въ тюрьму, а его проектъ отклоненъ; но этотъ проектъ чрезвычайно характеристиченъ. „Проектъ о переустройствѣ Россіи, о божественной канцеляріи" съ приложеніемъ „Извѣстія, на чемъ скопчество утверждается", утверждаетъ, что истинными христіанами (ср. „святыхъ" XVII в. въ Англіи) являются только скопцы и хлысты, ибо только въ нихъ говоритъ живой духъ, а прочее человѣчество, со времени царской эпохи въ Израилѣ, отверглось живого духа и прилѣпилось къ мертвымъ книгамъ. Лишь временно улучшеніе наступило въ общинахъ первыхъ христіанъ, въ которыхъ говорилъ живой духъ; но скоро и христіане перешли къ мертвымъ книгамъ. Скопчество является истинною церковью, управляемою таинственно святымъ духомъ; она отъ отца свѣтовъ получила теперь небесное повелѣніе выйти на службу отечеству и тѣмъ подвигомъ увѣнчала бы новымъ лавромъ всероссійскаго монарха. Поэтому Россія должна быть переустроена на такихъ началахъ, чтобы руководящею силою стала въ ней скопческая церковь. Глава скопчества, Селивановъ, долженъ состоять при особѣ самого императора, „и какъ онъ есть вся сила пророковъ, то всѣ тайные совѣты, по волѣ небесной премудрости, будетъ аппробовать..., а что онъ изъ устъ своихъ скажетъ, то дѣйствительно духъ святой устами его возвѣщаетъ". Императоръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ предварительно обращаться за совѣтомъ къ Селиванову и долженъ быть только исполнителемъ его совѣтовъ. Такая же организація должна быть проведена и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ управленія. При начальникѣ каждаго города, при капитанѣ каждаго корабля, при каждомъ полковомъ командирѣ должны обязательно состоять скопческій іеромонахъ и скопческій пророкъ. Ихъ роль такая же, какъ и роль Селиванова при императорѣ; секретнымъ образомъ они должны давать совѣты начальствующимъ лицамъ, а тѣ должны имѣть секретное же предписаніе во всемъ ихъ слушать, и тогда „градъ, корабль, полкъ сохранитъ Господь отъ всякаго вреда и непріятельскихъ нашествій или поврежденія". Наконецъ самъ Еленскій бралъ на себя обязанность комплектовать флотъ и армію скопцами и далѣе отводилъ себѣ такую роль: съ двѣнадцатью пророками онъ будетъ находиться при главной арміи „ради небеснаго совѣта и воли божьей, которая будетъ намъ открываться при дѣлахъ нужныхъ на мѣстѣ". Правительство нашло, что это просто бредъ сумасшедшаго и сослало Еленскаго въ суздальскую монастырскую тюрьму; но оно было не совсѣмъ право въ этой оцѣнкѣ. Скопцы хотѣли играть рѣшающую роль въ государственномъ управленіи и во внѣшней политикѣ, но въ качествѣ секретныхъ совѣтниковъ; они были такимъ образомъ гораздо скромнѣе своихъ предшественниковъ, англійскихъ „святыхъ" XVII вѣка, которые практически пользовались тѣмъ, о чемъ Еленскій только излагалъ

проектъ. Представляя свой проектъ, онъ и скопцы могли разсчитывать на лучшій пріемъ въ виду благожелательнаго отношенія императора къ скопцамъ: развѣ было бредомъ сумасшедшаго посѣщеніе Селиванова Александромъ I въ 1809 г. и постоянное паломничество къ Селиванову въ бытность его въ Петербургѣ сливокъ петербургскаго дворянства и буржуазіи?

Представляя свой проектъ, скопчество уже чувствовало за собою могущественную силу капитала и хотѣло закрѣпить формально то вліяніе, которымъ оно пользовалось на дѣлѣ. Военныя предпріятія Александра I, тѣсно связанныя съ русской торговой политикой, особенно интересовали скопчество, и оно особенно хотѣло пріобрѣсти для себя голосъ и въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ проектъ Еленскаго вполнѣ соотвѣтствовалъ соціальной позиціи, занятой скопчествомъ въ началѣ XIX вѣка.

Миѳологія и идеологія хлыстовщины подверглись въ скопческой средѣ полному преобразованію. Прежде всего, сообразно съ стремленіемъ скопчества къ политическому господству, въ представленіяхъ о Христѣ и будущемъ судѣ пріобрѣтаютъ огромное значеніе чисто политическіе мотивы. Съ другой стороны, натуралистическіе элементы доктрины крестьянской хлыстовщины, глубоко коренившіеся въ народномъ міросозерцаніи, исчезаютъ изъ скопческой доктрины, уступая мѣсто раціоналистической символикѣ. Скопческая легенда и скопческая пѣсня, если онѣ переработаны изъ хлыстовской, а не являются заново составленными, редактированы именно въ этихъ двухъ направленіяхъ.

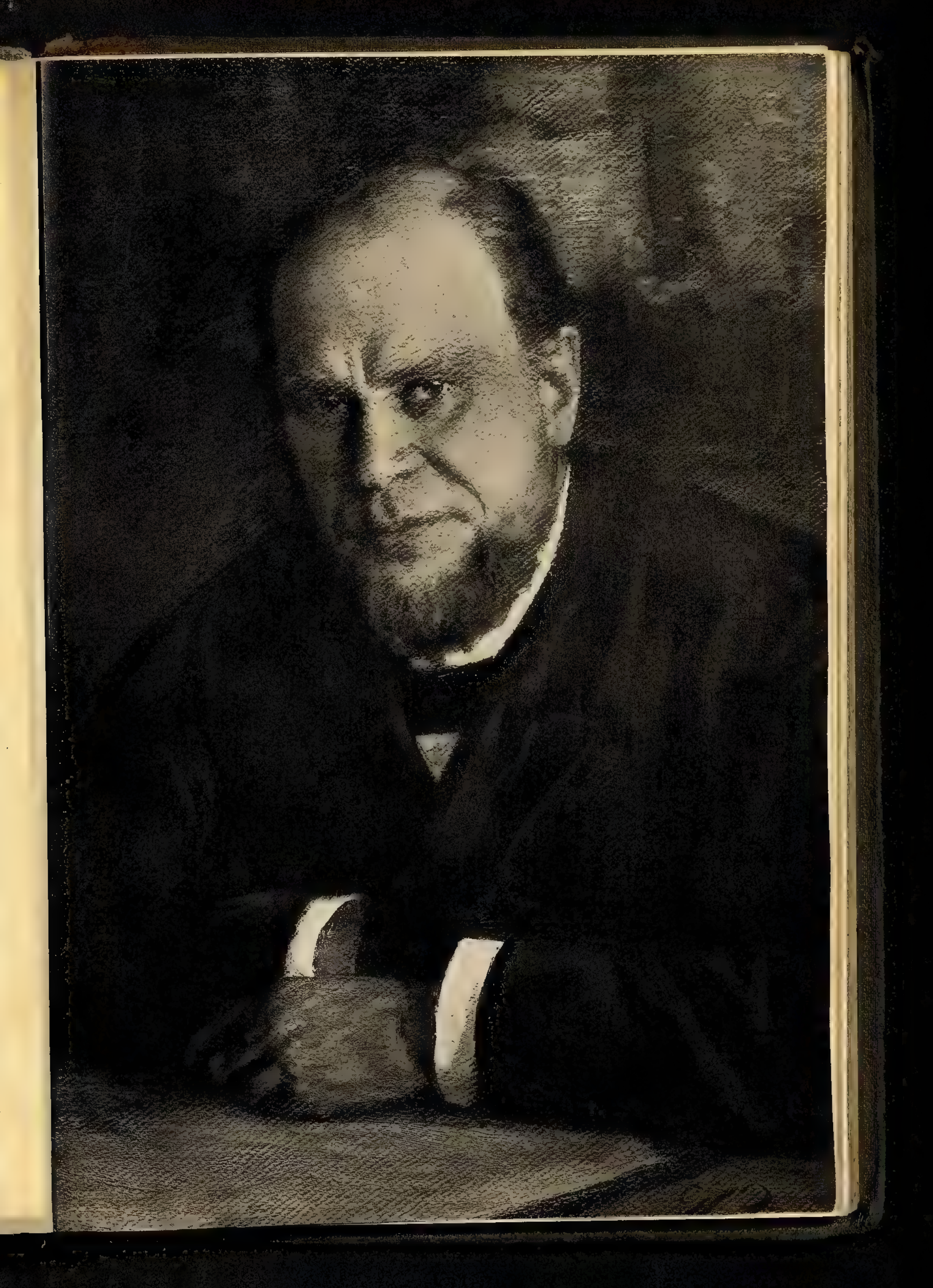
Необыкновенный интересъ къ политической власти проявляется прежде всего въ миѳахъ о Кондратіи Селивановѣ. Селивановъ—это явившійся вторично Христосъ; но на этотъ разъ онъ явился, какъ сказано въ Писаніи, во славѣ: въ образѣ императора Петра III. „Отецъ-искупитель" воплотился отъ пренепорочной дѣвы, императрицы Елизаветы Петровны, которая зачала его отъ святого духа: „святымъ духомъ разблажилася, утробушкой растворилася..., хорошо дитя родилося, стѣны ада повалилися" и т. д. Онъ былъ воспитанъ въ Голштиніи и въ отроческихъ годахъ сдѣлался „бѣлымъ голубемъ", т. е. принялъ оскопленіе. Когда онъ вернулся въ Петербургъ и, какъ наслѣдникъ престола, долженъ былъ жениться, то супруга его, Екатерина, естественно, возненавидѣла его за то, что онъ „убѣленъ". Противъ него былъ составленъ заговоръ, но онъ во-время узналъ о немъ, благодаря своему всевѣдѣнію, перемѣнился платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, тоже скопцомъ, и исчезъ; а солдатъ былъ убитъ и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ. Спаспись отъ смерти, христосъ-Петръ III явился въ Орловской губерніи съ проповѣдью о чистотѣ; вслѣдъ за нимъ ушла и Елизавета въ образѣ Акулины Ивановны. Тамъ онъ и принялъ имя Кондратія Селиванова, а его приближенный, графъ Чернышевъ, — имя Андрея Шилова. Вдвоемъ они исходили всю Россію и всѣ иностранныя государства, проповѣдуя о чистотѣ, пока, наконецъ, ихъ не схватили и не сослали, Селиванова въ

Анатолій Өедоровичъ Кони.

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ. 1898.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

13

Сибирь, а Шилова въ Ригу. Но легенда не останавливается на этомъ. О Селивановѣ сложился цѣлый рядъ пѣсенъ, въ которыхъ прославляется его царское достоинство, и вся исторія императоровъ послѣ Петра III изображается, какъ предустановленный планъ христа-Селиванова-Петра III. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна одна пѣсня. Христосъ, онъ же Кондратій Селивановъ, хотѣлъ обратить своего сына Павла въ истинную вѣру; но царь „крѣпко осерчалъ": „Не хочу быть въ твоей вѣрѣ, а за этотъ за смѣшокъ, пошлю въ каменный мѣшокъ". „Батюшка-искупитель" пробовалъ усовѣстить непокорнаго сына, но „царь гордо отвѣчалъ, божества не замѣчая" и въ концѣ концовъ прекратилъ разговоръ и ушелъ. Тогда Селивановъ произнесъ приговоръ Павлу:

„Поди, земная клеветина,
Къ вечеру твоя кончина!
Я изберу себѣ слугу,
Царя-бога на кругу,
А земную царску справу
Отдамъ кроткому царю.
Я всѣмъ трономъ и дворцами
Александра благословляю:
Будетъ кротко управлять,
Властямъ воли не давать".

Павелъ былъ во исполненіе пророчества скоро убитъ, и воцарился Александръ I, который, дѣйствительно, очень благоволилъ къ скопцамъ. Въ этой пѣснѣ, уже по своей искусственной формѣ, метру и риѳмѣ, отличающейся отъ чисто народнаго склада хлыстовскихъ пѣсенъ, Кондратій выставленъ, какъ родоначальникъ династіи, къ которой принадлежалъ Александръ I. Скопческій Христосъ — это уже не постоянно возрождающійся и мельчающій вслѣдствіе этого христосъ хлыстовъ; это богъ и *земной царь*, онъ распоряжается судьбою русскаго трона, даетъ совѣты самому императору, своему внуку. Селивановъ въ силу этого особенно долженъ былъ импонировать скопческой массѣ; его обаяніе нельзя было и сравнивать съ вліяніемъ хлыстовскихъ христовъ, жившихъ у всѣхъ на виду и не претендовавшихъ на другія качества, кромѣ обладанія духомъ. Но послѣднимъ могъ запастись всякій хлыстъ; богородицей могла стать всякая дѣвушка; у скопцовъ же былъ настоящій богъ, живьемъ, которому поклонялись посредствомъ торжественнаго обряда. Культъ Селиванова такимъ образомъ соединялъ въ себѣ религіозный и политическій элементы. Его чтили не только, какъ христа, но и какъ дѣда царя; отсюда увеличивалось и обаяніе царской власти. Скопческая масса не склонна была къ бунтарству; бунтовать противъ царя значило бунтовать противъ христа. Царь и богъ соединились вмѣстѣ. Вотъ почему митрополитъ Филаретъ предпочиталъ скопцовъ всѣмъ другимъ раскольникамъ и сектантамъ. И скопцы, за глаза ругая архіереевъ и священниковъ жидами, которые распяли Христа, официально дѣлали огромные вклады и матеріальныя пожертвованія на церкви. Въ этомъ случаѣ церковь они трактовали, какъ государственное учрежденіе, которое исполняетъ опредѣленную политическую функцію и которое надо поддерживать.

Скопческая легенда однако не остановилась на Петрѣ III; она пошла дальше въ томъ же направленіи. Для христа нуженъ былъ антихристъ; его легенда нашла въ образѣ импе-

ратора Наполеона. Этотъ вѣчный врагъ Россіи и Англіи изображается легендой, какъ побочный сынъ ненавистницы Петра III, Екатерины II. Благодаря своему сверхъестественному разуму онъ достигъ императорскаго престола во Франціи. Онъ считался живымъ еще въ сороковыхъ годахъ: живетъ въ Турціи инкогнито и передъ всеобщимъ судомъ явится обращеннымъ въ истинную вѣру, станетъ великимъ сосудомъ благодати божіей. Самый судъ и мессіаническое царство, которое должно за судомъ послѣдовать, скопческая миѳологія изображала въ общемъ по схемѣ хлыстовской легенды, но съ значительными и весьма характеристическими измѣненіями въ деталяхъ. Исчезали всѣ матеріалистическія представленія о вкусныхъ яствахъ и мягкихъ постеляхъ; у скопцовъ и здѣсь на землѣ и того и другого было достаточно. Зато выдвинулись на первый планъ политическія детали. Страшный судъ настанетъ, когда число скопцовъ достигнетъ цифры 144.000 дѣвственниковъ, указываемой Откровеніемъ Іоанна. Искупитель-Селивановъ явится съ востока на облакахъ небесныхъ съ силами ангельскими въ Москву, зазвонитъ въ царь-колоколъ, и по этому звону соберутся къ нему всѣ скопцы. „Всѣ пташечки - еретики“ вырвутся изъ остроговъ, изъ затворовъ, изъ темничныхъ запоровъ (легенда относится къ тяжелымъ для сектантовъ 40-мъ годамъ) и полетятъ навстрѣчу искупителю. Изъ Москвы искупитель отправится въ Петербургъ и здѣсь будетъ судить всѣхъ живыхъ и мертвыхъ. Всѣ цари земные сложатъ передъ нимъ свои короны, всѣ народы земли должны будутъ принять его ученіе; тѣ, кто не примутъ, будутъ наказаны. Затѣмъ начнется славное царство скопцовъ на землѣ, когда родъ человѣческій будетъ продолжаться посредствомъ безстрастныхъ лобзаній. Эти основныя черты скопческой эсхатологіи коренньмъ образомъ отличаются отъ хлыстовской въ томъ отношеніи, что хлысты всѣ упованія возложили на тотъ свѣтъ, а скопцы хотятъ жить и властвовать на этомъ свѣтѣ. Проектъ Еленскаго, проектъ скопческой государственной реформы, не былъ принятъ; тогда скопчество возложило упованія на страшный судъ. Этотъ судъ осуществитъ на землѣ то, въ чемъ было отказано Еленскому, осуществитъ болѣе совершеннымъ и полнымъ образомъ. „Бѣлые голуби“ добьются того, что ихъ искупитель, царь и родоначальникъ царей, получитъ должную славу и отведетъ достойное мѣсто своимъ послѣдователямъ. Въ этомъ пунктѣ очень интересно то обстоятельство, что роль Селиванова на страшномъ судѣ чисто служебная. Какъ при жизни въ Петербургѣ, онъ былъ лишь ловкимъ орудіемъ въ рукахъ скопческихъ заправилъ, такъ и послѣ смерти на страшномъ судѣ онъ будетъ играть служебную роль. Основавъ славное земное царство скопцовъ, онъ умретъ и вознесется духомъ на седьмое небо, предоставивъ „бѣлымъ голубямъ“ полный просторъ распоряжаться съ земными царями, какъ хотятъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ полупомѣшанный уродъ былъ совсѣмъ не подъ пару болѣе или менѣе образованнымъ петербургскимъ приверженцамъ скопчества. Онъ вышелъ изъ хлыстовской

крестьянской среды и остался тѣмъ магнитомъ, который привлекалъ адептовъ скопчества изъ хлыстовщины, какъ мухъ въ паутину; а пауками были фабриканты и капиталисты. Онъ столь же мало можетъ считаться основателемъ скопчества, какъ опредѣленной церковно-бытовой организаціи, какъ Іисусъ основателемъ церковнаго христіанства.

До сихъ поръ мы вращались въ сферѣ скопческой миѳологіи; но скопчество не ограничилось ею, такъ какъ оно хотѣло оправдать себя не только передъ простымъ народомъ, которому ничего не было нужно, кромѣ легенды, но и передъ верхними слоями общества. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нельзя было обойтись безъ письменной литературы; и мы уже видѣли одну попытку въ этомъ родѣ, именно „Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается“ Еленскаго. Это сочиненіе не было однако основоположительнымъ для скопчества. Оно было слишкомъ недостаточно и бѣгло. Наибольшее значеніе пріобрѣло „Посланіе“ Селиванова къ его дѣтушкамъ. Это вполнѣ книжно и литературно написанное произведеніе, и врядъ ли можно считать его подлиннымъ. Оно пытается истолковать всю ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію со скопческой точки зрѣнія.

Здѣсь мы подходимъ къ очень важному пункту различія между хлыстовщиной и скопчествомъ. Хлыстовскій Данила собралъ всѣ книги въ куль и бросилъ въ Волгу; этимъ хлыстовщина разрывала со всѣмъ церковнымъ откровеніемъ и рѣшала вѣрить только „духу“; этимъ же она разрывала окончательно съ господствующей церковью. Скопчество, по самому своему соціальному существу, не было способно на такой разрывъ. Оно не только, какъ мы уже видѣли, поддерживало сношенія съ церковью, оказывая ей даже матеріальную поддержку; оно признало важность и необходимость и того откровенія, на которое опиралась церковь, и попыталось сдѣлать его своей собственной опорой путемъ своеобразнаго истолкованія. Это истолкованіе, правда, плохо оправдывалось текстомъ Писанія и было совершенно произвольнымъ; но въ этомъ отношеніи оно нисколько не отличалось отъ аллегорическаго толкованія Филона или отцовъ церкви, склонныхъ къ гностицизму. Поэтому оно было выдвинуто, и его нельзя было попросту не замѣтить. „Обличительная“ полемика, конечно, выходитъ за предѣлы нашей темы, но съ концепціей скопчества необходимо ознакомиться.

Разсказъ о сотвореніи человѣка скопцы истолковывали въ томъ смыслѣ, что Богъ сотворилъ людей безполыми. Если онъ благословилъ ихъ плодиться и множиться, то это не значило, что онъ благословилъ брачное сожитіе: Богъ настолько всемогущъ, что и изъ камней могъ сотворить дѣтей Аврааму. Первородный грѣхъ и заключался въ томъ, что по винѣ человѣка у него явились половые органы и половое влеченіе. Когда Адамъ и Ева нарушили заповѣдь божію и съѣли плоды съ древа познанія добра и зла, то у нихъ на тѣлѣ появились подобія запрещенныхъ плодовъ: у Евы — груди, а у Адама—сѣменныя железы. Это физическое уродство (sic!) Адамъ и Ева передали своимъ потомкамъ; оно извратило родъ человѣческій и духовно,

вселивъ въ него самую злую страсть— половое влеченіе. Такимъ образомъ на землѣ воцарилось зло; но Богъ сжалился надъ людьми и указалъ имъ средство къ возвращенію себѣ прежняго ангельскаго достоинства. Онъ избралъ Авраама, праведнаго человѣка, и велѣлъ ему и всему его дому обрѣзаться, т. е. оскопиться; избраннымъ народомъ божіимъ должны были стать только обрѣзанные, т. е. оскопленные. Однако лишь ничтожная часть людей приняла заповѣдь объ обрѣзаніи; громадное большинство продолжало коснѣть въ порокѣ, несмотря на напоминанія пророковъ и другихъ ветхозавѣтныхъ святыхъ. Тогда Богъ послалъ сына своего Іисуса Христа для проповѣди оскопленія. Іисусъ принялъ оскопленіе отъ Іоанна Крестителя и затѣмъ началъ проповѣдь о крещеніи духомъ святымъ и огнемъ (отсюда огненное крещеніе, по мнѣнію скопцовъ, равнозначуще оскопленію. Ср. Матѳея, III, 11, Луки, III, 16); соединяя заповѣдь изъ нагорной проповѣди (Матѳея, V, 29—30) о томъ, что человѣкъ долженъ отсѣкать соблазняющій его членъ, чтобы войти въ царство небесное, со словами Іисуса о скопцахъ, оскопившихъ себя ради царства небеснаго (Матѳея, XIX, 12), скопцы выводили, что Іисусъ открыто проповѣдывалъ оскопленіе, какъ необходимое условіе для спасенія. Этотъ же догматъ Іисусъ заповѣдалъ проповѣдывать и апостоламъ, которые всѣ тоже были скопцами. Они скоро исполнили его заповѣдь, говоря: „Итакъ, умертвите земные члены ваши: блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть“ (Колосс., III, 5). Всѣ первоначальные христіане были скопцы; но ко времени Константина число скопцовъ стало уменьшаться; скопцами стали дѣлаться только отдѣльные святые люди, какъ Николай Чудотворецъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и др. Развратъ въ мірѣ усиливался и дошелъ до крайней степени. Тогда Богъ вспомнилъ о своемъ обѣтованіи послать для окончательнаго суда надъ міромъ и для спасенія людей своего сына Христа во славѣ. И вотъ Христосъ явился уже не въ „рабьемъ зракѣ“, какъ въ I вѣкѣ, и не для проповѣди нищимъ, а въ образѣ всероссійскаго императора Петра III, который проповѣдывалъ истинную религію оскопленія уже всему міру.

Такимъ образомъ вся ветхозавѣтная и новозавѣтная исторія явилась въ совершенно новомъ освѣщеніи. Откровеніе, заключенное въ Священномъ Писаніи, не было отвергнуто скопцами, но обращено себѣ на службу. И въ полемическомъ спорѣ невсегда буквальный текстъ оказывался противъ скопческаго толкованія. Если скопческое толкованіе ветхозавѣтныхъ текстовъ было аллегорическимъ, то къ тому же методу приходилось прибѣгать апологетамъ господствующей церкви при опроверженіи скопческаго толкованія указанныхъ мѣстъ изъ Новаго Завѣта. Скопчество попробовало бороться съ церковнымъ ученіемъ равнымъ оружіемъ; оно, конечно, не побѣдило, такъ какъ такія извращенныя секты не могутъ побѣдить, но не сложило оружія безъ долгой борьбы.

Золотое время для скопчества окончилось въ 20-хъ годахъ XIX вѣка. Отношеніе Александра I къ скопчеству послѣ Вѣнскаго конгресса рѣзко измѣнилось. Въ 1820 году

Селивановъ былъ сосланъ, и скопцамъ иногда ставили препятствія къ отправленію ихъ культа. Съ 1825 г., когда взошелъ на престолъ Николай I, началась энергическая борьба правительства со скопчествомъ. Послѣ цѣлаго ряда разрозненныхъ мѣръ, въ 1834 г. скопцы вмѣстѣ съ духоборцами, молоканами и др. были объявлены особо вредной сектой, за принадлежность къ которой грозила ссылка на поселеніе; въ 1842 г. скопчество и хлыстовщина были объявлены „вреднѣйшими" сектами. Послѣдователи ихъ были лишены права занимать общественныя должности; за оскопленіе грозила каторга. Эти узаконенія остаются въ силѣ и до сихъ поръ. Въ 1849 году была придумана еще одна мѣра, крайне характеристическая для мрачной Николаевской эпохи: по высочайшему повелѣнію орловскому губернатору было предписано отвращать народъ отъ скопчества посредствомъ представленія скопцовъ въ смѣшномъ видѣ; для этого рекомендовалось водить оскопившихся по селеніямъ въ дурацкомъ колпакѣ и въ женской одеждѣ. 14 января 1850 г. это средство было впервые испытано и показалось весьма подходящимъ, о чемъ губернаторъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ; тогда оно было принято для руководства на будущее время.

Мѣры, принятыя Николаемъ I, только содѣйствовали упадку скопчества, который естественно долженъ былъ наступить самъ собою послѣ того, какъ скопчество сыграло свою соціальную роль. Подобно ѳедосѣевской и монинской безпоповщинѣ, оно быстро сходитъ со сцены къ шестидесятымъ годамъ, перестаетъ быть жизнеспособнымъ явленіемъ. Отдѣльныя скопческія общины продолжаютъ существовать и вновь появляться; въ 1872 г. появился даже въ Московской губерніи новый „батюшка-искупитель", Лисинъ, который собралъ себѣ довольно значительное количество приверженцевъ въ мелитопольскомъ уѣздѣ. Но процессъ его и 136 его сторонниковъ былъ уже послѣднимъ громкимъ скопческимъ дѣломъ. Процессы скопцовъ изрѣдка происходили и позднѣе, но это были уже процессы отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ. „Бѣлые голуби" превратились теперь въ простыхъ фанатиковъ-изувѣровъ.

3. Духоборцы и молокане.

Хлыстовщина была явленіемъ чисто созерцательнаго характера; въ ней отсутствовалъ дѣятельный моментъ. Возложивъ всѣ свои надежды на загробное воздаяніе, хлысты не желали пошевельнуть и пальцемъ для того, чтобы уже здѣсь на землѣ хоть сколько-нибудь улучшить свое положеніе. Съ этой точки зрѣнія хлыстовщина была явленіемъ реакціоннымъ, не способнымъ къ дѣйствію, а слѣдовательно, и къ прогрессу. Ея созерцательные идеалы были какъ разъ на-руку скопчеству, которое использовало ихъ въ своихъ интересахъ, обратило ихъ на службу капиталистическаго накопленія.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть явленіе иного рода. Не всѣ въ крестьянской средѣ были такъ настроены, чтобы спокойно терпѣть тяжелое властвованіе дворянства и находить отдохновеніе въ безумномъ

круговороте плясок во время радений. Были более деятельные элементы, которые хотели уже здесь на земле выйти изъ оковъ порабощенія, стремились преобразовать условія жизни на иныхъ, справедливыхъ началахъ. Эти новыя начала наше русское крестьянство, подобно нѣмецкимъ собратьямъ XV и XVI и англійскимъ XIV вѣка, искало въ „божіей правдѣ“. Не будучи въ состояніи выйти изъ заколдованнаго круга религіозныхъ представленій, крестьянство испробовало свои первыя коммунистическія попытки въ формѣ коммунистическаго сектантства. Этотъ коммунизмъ былъ столь же утопиченъ, какъ и ранній рабочій коммунизмъ; религіозное обоснованіе однако придаетъ ему совершенно особый характеръ.

Секты, которыя проявили себя указаннымъ образомъ, появились также въ XVIII вѣкѣ. Это будутъ (употребляя обычныя названія, присвоенныя имъ офиціальной номенклатурой) духоборцы и молокане, а также нѣсколько более мелкихъ, очень близкихъ къ нимъ, сектъ. Между духоборцами и молоканами различія настолько стираются, что обѣ эти секты вполнѣ возможно разсматривать вмѣстѣ. То обстоятельство, что до сихъ поръ считается необходимымъ разсматривать ихъ въ отдѣльности, объясняется двумя чисто случайными фактами: во-первыхъ, тѣмъ, что еще въ XVIII вѣкѣ произошло внѣшнее раздѣленіе обѣихъ сектъ на различныя организаціи, во-вторымъ, тѣмъ, что духоборческое ученіе, какъ оно излагается въ „Духоборческомъ Исповѣданіи“ 1791 г., значительно отличается отъ ученія молоканъ. Но какъ мы увидимъ далѣе, эти обстоятельства отступаютъ совершенно на задній планъ передъ тѣми сходными чертами, которыя общи обѣимъ сектамъ и удерживаются до сихъ поръ.

Въ теченіе послѣдней четверти XVIII вѣка одновременно въ Тамбовской губерніи и въ Екатеринославской губерніи появляются сектанты, называющіе себя духовными христіанами. И тѣхъ и другихъ офиціальные обличители прозвали духоборцами, такъ какъ они не признавали боговдохновенности Писанія, хотя, какъ мы увидимъ, они придавали огромное значеніе духу. Главою екатеринославскихъ духоборцевъ былъ казакъ Силуанъ Колесниковъ (60—90-е годы XVIII вѣка), находившійся, повидимому, подъ сильнымъ вліяніемъ воззрѣній украинскаго философа-мистика Григорія Сковороды. Объ екатеринославскихъ духоборцахъ въ 1791 г. было начато дѣло, большая группа ихъ была арестована, и эти-то арестованные, сидя въ тюрьмѣ, составили изложеніе своей вѣры и послали его губернатору Каховскому. Это „Духоборческое Исповѣданіе“ 1791 г., составленное, повидимому, какимъ-то очень начитаннымъ и глубокимъ членомъ секты, считается до сихъ поръ точнымъ и общепринятымъ въ ту эпоху въ духоборческой средѣ катехизисомъ. Но это воззрѣніе врядъ ли можно признать правильнымъ. „Исповѣданіе“ это крайне мало соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ объ ученіи и практикѣ позднѣйшихъ духоборцевъ, вслѣдствіе чего историки духоборчества съ грустью принуждены замѣчать, что ученіе ихъ быстро мельчало и

приближалось къ болѣе простому ученію молоканства. На самомъ дѣлѣ, „Исповѣданіе“ есть чисто книжная работа, которая врядъ ли когда-нибудь была доступна духоборческой массѣ; и самое его назначеніе—быть оправдательнымъ документомъ—заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что оно захватило *всѣ* стороны духоборческаго ученія; весьма вѣроятно, что оно выдвинуло лишь такія стороны, которыя для начальства не заключали въ себѣ ничего законопреступнаго.

„Исповѣданіе“ есть цѣлое критико-догматическое изслѣдованіе, отчасти даже сравнительное изслѣдованіе. Исходя изъ общаго понятія о духѣ, какъ животворящемъ, просвѣщающемъ разумѣ, и плоти, какъ той среды, въ которой „засѣменяется грѣхъ“ „Исповѣданіе“ путемъ духовно-аллегорическаго толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ Ветхаго и Новаго Завѣта выясняетъ точку зрѣнія сектантовъ на взаимоотношенія духа и тѣла, властей и подданныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Отсюда выводится основной принципъ, который долженъ осуществляться человѣкомъ, чтобы быть истиннымъ чадомъ божіимъ—любовь. Въ концѣ „Исповѣданіе“ подробно останавливается на отношеніи сектантовъ къ существующимъ церквамъ и государственной власти, свидѣтельствуя объ ихъ полной лойяльности и вѣрноподданичествѣ. Все это изложено очень витіеватымъ и темнымъ языкомъ, съ претензіей на красочность и остроуміе, но въ то же время съ постоянными ссылками на собственное малограмотство и неученость.

Несмотря на эти послѣднія ссылки, читатель сразу чувствуетъ, что онъ имѣетъ дѣло именно съ ученой, философско-религіозной системой. Она построена, съ одной стороны, на дуализмѣ, съ другой стороны,—на принципахъ нео-платонизма; въ цѣломъ получается русское изданіе гностицизма. Душа причастна триединому божеству, состоя изъ трехъ элементовъ, соотвѣтствующихъ тремъ сторонамъ божества: ума, памяти и воли. Всѣ души были сотворены еще до сотворенія міра; тѣло — это та темница, въ которую душа временно заключается ради ея испытанія, или наказанія, если она согрѣшила передъ божествомъ. Всякое пристрастіе къ чему-либо плотскому и мірскому есть засѣменеіе зла въ плоти; и міръ погибаетъ отъ того, что въ немъ владычествуетъ именно потомство Каина, который первый подчинился велѣніямъ своей злой воли. Каинъ духовно означаетъ плоть, Авель — духъ. Съ того времени, какъ Каинъ убилъ Авеля, идетъ непрестанная борьба между плотскимъ потомствомъ Каина съ духовными сынами Авеля. Племя Каиново преслѣдуетъ ихъ и убиваетъ; оно такъ расплодилось, такъ ожесточилось, что понадобилось вмѣшательство божества и установленіе цѣлаго ряда обуздывающихъ зло учрежденій. Чтобы зло не восторжествовало въ мірѣ, чтобы не погибла окончательно любовь, чтобы люди „не загрызлись, какъ псы, и сильнѣйшіе не придушили немощнѣйшихъ“, появились власти, законы, внѣшнія церковныя установленія и формулы. Все это существуетъ, какъ нѣчто временное, чрезвычайное, вызванное отклоненіемъ отъ нормы, отъ любви и духа, а потому и ненужное по

существу. Всѣ внѣшнія церкви чрезвычайно многочисленныя, основаны на обрядовой внѣшности, заботятся лишь о наружномъ, забывая о внутреннемъ. Истиная церковь—это разсѣянные по всему міру чада божіи, въ которыхъ духовно, какъ въ Маріи, засѣменился самъ Іисусъ Христосъ, какъ высшая благость и любовь. Для такихъ истинныхъ чадъ божіихъ, поклоняющихся Богу въ духѣ и охваченныхъ любовью, ненужны ни церкви, ни обряды, ни власти; и когда „всѣ человѣки учинятся таковы", то всѣ указанныя учрежденія отпадутъ, какъ чрезвычайныя и временныя мѣры. А пока что, просители-сектанты припадаютъ къ стопамъ его превосходительства господина губернатора, свидѣтельствуютъ о томъ, что они всегда самымъ тщательнымъ образомъ исполняли требованія начальства, отбывали воинскую повинность и просятъ смотрѣть на ихъ дѣло, какъ на исключительно духовное, касающееся лишь спасенія ихъ душъ (духоборцы вмѣстѣ съ Колесниковымъ были однако сосланы въ Сибирь).

Таковы основныя положенія записки 1791 г. Читатель видитъ, что въ ней очень силенъ гностическій элементъ, теоретическія разсужденія, и лишь слабо затронуты практическіе выводы изъ теоріи. Мы не находимъ точнаго опредѣленія, кто именно теперь является сынами Каина, кто—сынами Авеля. Зло разсматривается съ общей точки зрѣнія безотносительно къ его фактическимъ носителямъ въ мірѣ. Съ этой стороны „Исповѣданіе" кореннымъ образомъ отличается отъ всей остальной сектантской литературы, выходившей изъ народа и очень мало заботившейся о теоретическихъ разсужденіяхъ съ полнымъ аппаратомъ текстовъ и толкованій. Поэтому приходится считать „Исповѣданіе" документомъ ad hoc. Оно было составлено для представленія начальству: поэтому его составили люди, наиболѣе начитанные и теоретически осмыслившіе свою вѣру. Такимъ образомъ приходится откинуть „Исповѣданіе" 1791 г., какъ документъ, содержащій квинтъ-эссенцію духоборческой доктрины. Это доктрина отдѣльныхъ умовъ, а не массы. Но послѣ этого падаетъ одна изъ граней, отдѣляющихъ духоборчество отъ молоканства.

Мы подойдемъ ближе къ дѣлу, если обратимся къ произведеніямъ, создавшимся непосредственно въ духоборческой средѣ. Это будутъ псалмы и пѣсни. „Кто взлюбитъ печать господню, тому на землѣ тѣсно жить и охульно слыть, а кто возлюбитъ печать антихристову, тому на свѣтѣ пространно жить и похвально слыть. Къ кому вы прибѣгнете, къ кому вы свою головушку преклоните? Есть у насъ одинъ Господь, а иного нѣту, а у нихъ есть попы-наемники, разложили они власы долгіе, разогнали нашихъ праведныхъ свидѣтелевъ, гдѣ эти праведные свидѣтели свидѣтельствуютъ ?..." Пѣсня духоборческая говоритъ: „Хорошо вамъ, братцы, пѣть пообѣдавши; а какъ я, горькая сирота, да нынче не обѣдала, а вечоръ я, горькая сирота, да не вечеряла, нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли, нѣтъ ни горячихъ щей". Эти отрывки даютъ подлинную картину основы и настроенія духоборчества. Духоборцы—это не сло-

мленные крѣпостнымъ игомъ хлысты, а обездоленные, страдающіе отъ экономическаго неравенства люди. Хлысты не жаловались на неравенство, ибо крѣпостной, рабъ прежде равенства жаждетъ свободы; эту свободу должно было принести хлыстамъ второе пришествіе. Духоборцы уже жаждутъ равенства, свободы имъ не нужно. Не значитъ ли это, что она у нихъ уже есть? Если мы обратимъ вниманіе на ту среду, изъ которой вышли первые екатеринославскіе духоборцы, то мы убѣдимся въ правильности указаннаго соображенія. Силуанъ Колесниковъ и большинство его послѣдователей были казаки, т. е. вольные люди, но какъ разъ въ царствованіе Екатерины крайне стѣсненные и разоренные раздачами малороссійскихъ казачьихъ земель помѣщикамъ. Соціальная основа духоборчества — немногочисленное свободное или освободившееся крестьянство, которое было стиснуто ростомъ помѣщичьей экспропріаціи крестьянскихъ земель въ Екатерининскую эпоху. Это люди, возлюбившіе печать господню, т. е. племя Авеля по терминологіи „Исповѣданія" 1791 г.; а помѣщики—это люди, возлюбившіе печать антихристову, т. е. племя Каиново. Псаломъ ставитъ точки надъ *i*, влагаетъ конкретное содержаніе въ туманныя, аллегорическія формулы исповѣданія. Если мы заглянемъ въ другія духоборческія пѣсни, то найдемъ болѣе опредѣленныя указанія и на значеніе духа. Именно среди духоборцевъ была въ большомъ ходу старинная пѣсня о животной книгѣ, приписываемая Данилѣ Филиппову, гдѣ духъ опредѣляется такимъ образомъ:

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная,
Самъ сударь-духъ святой.

Съ этой пѣснью будто бы Данила бросилъ всѣ книги въ Волгу. Въ духоборческой средѣ образовалось впослѣдствіи цѣлое ученіе о духѣ, какъ животной книгѣ, исходящее изъ указанной пѣсни. „Животная книга"—это откровеніе духа, одновременно и писанное и неписанное. Священное Писаніе въ его настоящемъ видѣ имѣетъ второстепенное значеніе, сравнительно съ непосредственнымъ откровеніемъ духа, такъ какъ подлинная традиція словъ Іисуса утеряна, а ученики Іисуса, записавшіе его слова поздно, на склонѣ своихъ дней, переиначили многія изъ его словъ. Поэтому необходимо непосредственное откровеніе духа; оно превращаетъ каждаго въ живой храмъ божій, въ престолъ или сѣдалище божества; личное „я" каждаго сектанта есть отдѣльный церковный міръ. Такимъ образомъ въ духоборческой средѣ ученіе о духѣ получило до извѣстной степени историко-критическое обоснованіе. Книги были отвергнуты не потому, чтобы по нимъ нельзя было вообще спастись, а потому, что онѣ испорчены людскимъ вмѣшательствомъ. Отсюда и иного рода исканіе духа. Хлысты искали его посредствомъ радѣній: для духоборцевъ духъ—это разумъ, который помогаетъ раскрывать тайный смыслъ Писанія, закрытый людскими переиначиваніями и искаженіями. Какъ сторонники дѣйствія, а не созерцанія, духоборцы ищутъ основаній божьей правды, основаній твердыхъ, которыя могли

бы лечь въ основу общественнаго преобразованія. Такими основаніями не могутъ служить случайные аффекты, ихъ можно найти лишь въ разумномъ разсужденіи. „Духоборческое Исповѣданіе“ 1791 г. и въ этомъ случаѣ однако изображаетъ лишь одну сторону дѣла: оно прилагаетъ духовный методъ толкованія къ отдѣльнымъ мѣстамъ Писанія, но не дѣлаетъ изъ нихъ практическихъ выводовъ. Оно указываетъ, что по правдѣ божіей „всѣ творенія господни въ темницѣ сей нашей (т. е. на землѣ) прекрасны, благи и невинны суть и точно и единственно на утѣхи и удовольствія человѣку созданы, напримѣръ, сады, лѣса, степи со плодами на нихъ, птицы, звѣри, скотъ и проч.“, но не дѣлаетъ отсюда вывода о необходимости общаго владѣнія всѣми этими твореніями, лишь попутно порицая забывшихъ въ сердцахъ Господа и пекущихся „побольше насгребать и захватить бы славы и всѣхъ благъ міра въ руки свои“ и замѣчая въ скобкахъ: „отсюда вся злая въ мірѣ“. Вся послѣдующая практика духоборчества и молоканства показываетъ, что на дѣлѣ стремленія сектантовъ были направлены именно на уничтоженіе этого зла, о которомъ „Исповѣданіе“ говоритъ лишь въ скобкахъ. Толкованія Писанія, дававшіяся Уклеинымъ, Капустинымъ и другими руководителями духоборчества и молоканства, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, въ какую сторону тянулъ духоборческій и молоканскій „духъ“.

Практическая дѣятельность духоборчества и молоканства развиваются широко лишь съ начала XIX столѣтія. Въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія эти секты еще не превзошли эсхатологическихъ утопій, свойственныхъ болѣе раннему хлыстовству и скопчеству. Мы уже упоминали, что одновременно съ Екатеринославской губерніей духовное христіанство появляется въ Тамбовской губерніи. Тамъ отношенія были въ значительной степени иныя, чѣмъ на казацкомъ югѣ; свободныхъ элементовъ среди крестьянства почти совершенно не было, и только въ началѣ XIX вѣка съ появленіемъ указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ появляется и тамъ свободный крестьянскій элементъ. Отсюда два различія духовнаго христіанства въ Тамбовскомъ краѣ. Во-первыхъ, тамъ оно выступило первоначально не какъ теоретическая система, а какъ братство ожидающихъ близкаго второго пришествія. Тутъ сказались хлыстовскія вліянія. Нѣкто Илларіонъ Побирохинъ объявилъ себя христомъ, сыномъ божіимъ. Въ сопровожденіи свиты изъ 12 „архангеловъ“ онъ торжественно вступилъ въ Тамбовъ, объявляя, что идетъ судить вселенную; это было въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка. Судъ, конечно, такъ и не удался; но Побирохинъ не смущался этимъ и продолжалъ выдавать себя за сына божія. Въ оправданіе своей претензіи на это званіе онъ приводилъ такую теорію: Христосъ есть божественный разумъ, который даетъ спасеніе и вселяется въ избранныхъ людей; онъ, Побирохинъ, и есть такой избранный сосудъ Христа. Съ другой стороны, онъ признавалъ общее для всѣхъ духовныхъ сектъ положеніе, что откровеніе содержится не въ печатныхъ книгахъ, а въ книгѣ животной, т. е. въ духѣ. Такимъ образомъ

мы имѣемъ дѣло со смѣсью хлыстовской эсхатологіи и духоборческаго раціонализма. Второе отличіе заключается въ томъ, что секта Побирохина не имѣла подъ собою такой однородной соціальной основы, какъ секта Колесникова. Крѣпостная крестьянская масса сама по себѣ не могла уйти далѣе созерцательной хлыстовщины; поэтому для происхожденія такой смѣшанной секты, какъ Побирохинская, понадобилось участіе еще другого соціальнаго элемента. Этотъ элементъ былъ представленъ самимъ Побирохинымъ и нѣкоторыми его тамбовскими приверженцами. Побирохинъ былъ житель села Горѣлова, однодворецъ, т. е. не связанный съ землею; по профессіи онъ былъ торговецъ шерстью. Въ Тамбовѣ у него было много послѣдователей изъ среды мелкаго ремесленничества и купечества. Такимъ образомъ двойственность ученія объясняется двойственностью соціальной основы.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ на смѣну Побирохину въ Тамбовской губерніи явился новый проповѣдникъ, крестьянинъ Капустинъ, котораго, собственно, и приходится считать подлиннымъ основателемъ духоборческихъ организацій. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ Колесниковымъ и екатеринославскими духоборцами; онъ порвалъ окончательно съ эсхатологическими пережитками и направилъ развитіе секты по практической дорогѣ. Въ его концепціи соединились элементы екатеринославскаго и тамбовскаго духоборчества; въ теоретической части получила несомнѣнный перевѣсъ христологія Побирохина, только еще болѣе послѣдовательно развитая, а практическая часть является прямымъ выводомъ изъ недоговоренныхъ посылокъ „Исповѣданія" 1791 г. и жалобъ духоборческой лирической поэзіи.

Бывшій крѣпостной, Капустинъ прошелъ тяжелую военную службу и во время нея нахватался тѣхъ знаній, которыя впослѣдствіи дали ему возможность стать во главѣ духоборческаго движенія и организовать его. Выступивъ въ качествѣ руководителя и организатора, онъ изложилъ любопытную христологическую теорію. Съ тѣхъ поръ, какъ Господь, божественный разумъ, явился въ Іисусѣ, въ которомъ онъ обиталъ, какъ душа въ тѣлѣ, онъ непрерывно пребываетъ въ человѣческомъ родѣ, по слову: „вотъ я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка". Душа Іисуса переселяется изъ тѣла одного избраннаго человѣка въ тѣло другого; но каждый истинно вѣрующій также чувствуетъ въ себѣ присутствіе души Іисуса. Вѣрующими, истинными христіанами, являются всѣ духоборцы; что же касается до тѣхъ лицъ, въ которыхъ воплощается Христосъ, то первоначально это были папы, но съ тѣхъ поръ, какъ появились обманщики, выдававшіе себя за папъ, Христосъ ищетъ тѣла для воплощенія уже только среди истинныхъ христіанъ, по слову: много званныхъ, но мало избранныхъ. Такимъ сосудомъ Христа былъ Колесниковъ, а теперь онъ, Капустинъ: „я, дѣйствительно, Христосъ, вашъ Господь; падите ницъ предо мною и обожайте меня". Вмѣстѣ съ этимъ Капустинъ заявилъ право на наслѣдственную передачу своей привиллегіи быть сосудомъ Христа: онъ заявилъ, что

Христосъ послѣ его смерти будетъ жить въ его сынѣ. Эта проповѣдь уже подготовляла основы устройства будущей теократически-коммунистической общины духоборцевъ на „Молочныхъ водахъ“. И надо сказать, что правительственная политика по отношенію въ духоборчеству въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка была крайне благопріятна для прогресса и распространенія теократическихъ идей въ его средѣ. За принадлежность къ сектѣ отдавали внѣ очереди въ рекруты, били кнутами, ссылали въ Сибирь, а на тѣхъ, кому было дозволено оставаться на мѣстахъ, налагали двойные оклады. Въ отвѣтъ на это, духоборцы на слѣдствіяхъ сначала отвѣчали уклончиво, что только добрыя власти отъ Бога, а злыя „не знаемъ отъ кого“. Но затѣмъ послѣдовали болѣе рѣшительные отвѣты: Богъ создалъ всѣхъ равными и начальникомъ никого не сотворилъ; и въ 1801 г. на слѣдствіи харьковскіе духоборцы уже совершенно опредѣленно заявили, что никому, кромѣ Бога, повиноваться не будутъ, податей платить не будутъ, и отъ непріятеля отечества защищать также не будутъ. Такимъ образомъ „истинныя чада божіи“ выдѣлились окончательно изъ среды „сыновъ Каина“. Государству оставалось либо истребить ихъ, либо предоставить имъ возможность жить государствомъ въ государствѣ. Правительство Александра I пошло по послѣднему пути и этимъ дало Капустину возможность устроить теократическую коммуну.

Въ 1804 г., „въ видахъ разобщенія съ православными“, духоборцамъ были отведены для поселенія такъ называемыя „Молочныя воды“. Это были пустопорожнія мѣста по рѣкѣ Молочной въ мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. Сюда и переселились всѣ духоборцы изъ Екатеринославской, Тамбовской и нѣкоторыхъ другихъ губерній и сюда же были возвращены духоборцы изъ сибирской ссылки, въ томъ числѣ и Колесниковъ. Сектанты получили по 15 десятинъ на душу и на первые годы были освобождены отъ податей. Въ 1805 г. сюда явился Капустинъ и немедленно принялся за организацію общины. Поля и все имущество было объявлено общимъ; но право распоряженія имъ Капустинъ присвоилъ себѣ, какъ сосуду Христа. Центромъ общины стала слобода „Терпѣніе“, гдѣ въ волостномъ домѣ, прозванномъ „Сіономъ“, жилъ самъ Капустинъ, окруженный божественнымъ поклоненіемъ. Ему были подчинены „наставники“, завѣдывавшіе отдѣльными колоніями; ихъ было до 26 человѣкъ. Судъ совершался Капустинымъ вмѣстѣ съ совѣтомъ тридцати, который помогалъ ему и во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ появилось миніатюрное мессіаническое царство на теократически-коммунистическихъ началахъ. Но, какъ мы увидимъ, судьба его была такая же, какъ и всѣхъ прочихъ утопическихъ начинаній.

Параллельно съ духоборческимъ шло молоканское движеніе, очень близкое къ первому и отличающееся отъ него лишь въ деталяхъ; названіе оно получило отъ православныхъ за то, что сектанты пили въ постъ молоко. Зять Побирохина, Семенъ Уклеинъ разочаровался въ своемъ тестѣ, находя, что онъ заходитъ слишкомъ далеко, объявляя себя

сыномъ божіимъ, идущимъ судить вселенную; кромѣ того, по мнѣнію Уклеина, Побирохинъ слишкомъ преуменьшалъ значеніе Библіи, называя ее „хлопотницею“. Поэтому Уклеинъ началъ самостоятельную проповѣдь, сначала въ Тамбовской губерніи, а потомъ по саратовскому и астраханскому Поволжью, которое представляло особенно благопріятныя условія для его пропаганды. Началъ онъ ее такъ же, какъ и Побирохинъ, хотя ранѣе протестовалъ противъ такого образа дѣйствій: онъ объвилъ себя христомъ и въ сопутствіи 70 апостоловъ вступилъ въ Тамбовъ. За это его посадили въ тюрьму, но ненадолго. Послѣ освобожденія онъ отправился къ Волгѣ и тамъ въ камышинскомъ уѣздѣ и на Иргизѣ, переполненныхъ всякаго рода бѣглецами съ самыми разнообразными религіозными направленіями, онъ нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Тамъ были и раскольники, были субботники, или іудействующіе, которые не признавали Іисуса за Мессію, считали вслѣдствіе этого Моисеевъ законъ неотмѣненнымъ и соблюдали его, а существующее государство объявляли языческой, порабощающей державой; тамъ были иконоборцы, не желавшіе поклоняться иконамъ. Всю эту рыхлую массу Уклеинъ, правда, не безъ* компромиссовъ, обратилъ въ тучную почву, которая дала пышные ростки его ученія. Особенно много пришлось ему сдѣлать уступокъ іудействующимъ, такъ какъ у нихъ былъ очень талантливый и энергичный руководитель, Далматовъ. Чтобы привлечь его на свою сторону, Уклеинъ призналъ запрещеніе ѣсть свинину и рыбу безъ чешуи; за это Далматовъ отказался отъ обрѣзанія и догмата единаго Бога-Отца. Собравъ вокругъ себя значительную группу послѣдователей, Уклеинъ спустился до Ахтубы и тамъ образовалъ колонію на общинныхъ началахъ; другая колонія была впослѣдствіи основана на Иргизѣ послѣ разгрома тамошнихъ раскольничьихъ монастырей.

Среда, въ которой создалось молоканство, отличается плывучестью; это въ огромномъ большинствѣ бѣглые люди, отбившіеся отъ стараго уклада жизни и еще только ищущіе новаго. Поэтому и ученіе и организація молоканства носитъ менѣе опредѣленный, менѣе отчеканенный характеръ, чѣмъ ученіе и организація духоборчества, хотя и то и другое—явленія одного и того же порядка. Дѣйствуя въ полу-раскольничьей, въ полу-іудействующей средѣ, Уклеинъ не могъ не считаться съ ея приверженностью къ писанному откровенію. Онъ объявилъ поэтому, что истинные христіане были христіане первыхъ трехъ вѣковъ до эпохи вселенскихъ соборовъ. Эти христіане жили по слову божію; соборы же извратили христіанство такъ, что отъ истиннаго христіанства ничего уже не осталось. Себя и своихъ послѣдователей Уклеинъ объявилъ продолжателями именно христіанъ первыхъ вѣковъ и составилъ „обрядникъ“, или исповѣданіе вѣры, основанное на толкованіи таинствъ и догматовъ въ духоборческомъ духѣ. Это все то же духоборческое исповѣданіе, только значительно упрощенное и снабженное, подобно катехизису, текстами. Таинства—духовныя символическія дѣйствія; храмы, иконы, посты и т. д.—принад-

лежности наружнаго, ложнаго благочестія, для духовныхъ христіанъ ненужныя и не оправдываемыя Писаніемъ. Отступленія были сдѣланы только въ ученіи о Троицѣ: Уклеинъ не рѣшился истолковать этотъ догматъ аллегорически, какъ дѣлаетъ „Исповѣданіе“ 1791 г., и сохранилъ православную точку зрѣнія. Та же доля неопредѣленности и компромисса замѣчается и въ другихъ воззрѣніяхъ молоканства. По ученію Уклеина, духовные христіане должны избѣгать рабства помѣщикамъ, войны, военной службы и присяги, какъ противныхъ слову божію. Война, по мнѣнію молоканъ, самое богопротивное дѣло, и хорошо поступаетъ тотъ, кто убѣгаетъ изъ войска. Наконецъ, всѣ люди равны между собою, всѣ—братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ сословій, никакихъ знаковъ отличій. Но рядомъ съ этими прямолинейными взглядами первые молокане не дошли до отрицанія властей. Они признавали власть съ тою оговоркою, какую дѣлало „Исповѣданіе“ 1791 г.: „Господь поставляетъ власти, да злые не пожрутъ людей его“. Для самихъ молоканъ власти ненужны; но тѣмъ не менѣе они, по слову божію, покоряются монархической власти, молятся за царя и отказываются лишь отъ исполненія такихъ требованій власти, которыя идутъ въ разрѣзъ съ ихъ ученіемъ. Коммунизмъ молоканскихъ общинъ также не носилъ такого опредѣленнаго характера, какой мы видѣли въ духоборческомъ Сіонѣ. Уничтоженіе частной собственности не было проведено насквозь чрезъ всѣ отношенія; въ молоканскихъ общинахъ на Иргизѣ и на Ахтубѣ было полностью проведено лишь общественное производство, но не общность потребленія. Въ молоканствѣ мы имѣемъ такимъ образомъ смягченное изданіе духоборчества. Въ силу этого молоканство еще было способно къ извѣстному развитію въ сторону большей опредѣленности, что и произошло въ Николаевскую эпоху; но духоборчество очень быстро начало разлагаться.

Первые начатки разложенія духоборческой общины на „Молочныхъ водахъ“ относится еще ко времени жизни Капустина. „Господь и богъ“ общины, нѣчто въ родѣ Іоанна Лейденскаго въ Мюнстерской коммунѣ, Капустинъ пользовался неограниченной властью и огромными доходами. Его тираннія возбуждала глухое недовольство среди членовъ общины. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди членовъ общины началась неизбѣжная классовая дифференціація. Съ надѣлами могли справиться далеко не всѣ члены общины; несмотря на провозглашеніе общности имуществъ, Капустинъ при распредѣленіи не соблюдалъ равенства. Отсюда еще при жизни Капустина появились богатѣи, перенявшіе у сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ цѣлый рядъ хозяйственныхъ улучшеній и льнувшіе къ главѣ общины. Сынъ и внукъ Капустина, Василій и Илларіонъ Калмыковы, которые наслѣдовали званіе и власть отца, открыто стали на сторону богатѣевъ, упразднили цѣлый рядъ постановленій объ общности имуществъ и заботились исключительно о своихъ выгодахъ. Противъ недовольныхъ безжалостно дѣйствовалъ судъ, составленный изъ совѣта тридцати; всѣхъ лицъ, осмѣливавшихся возражать

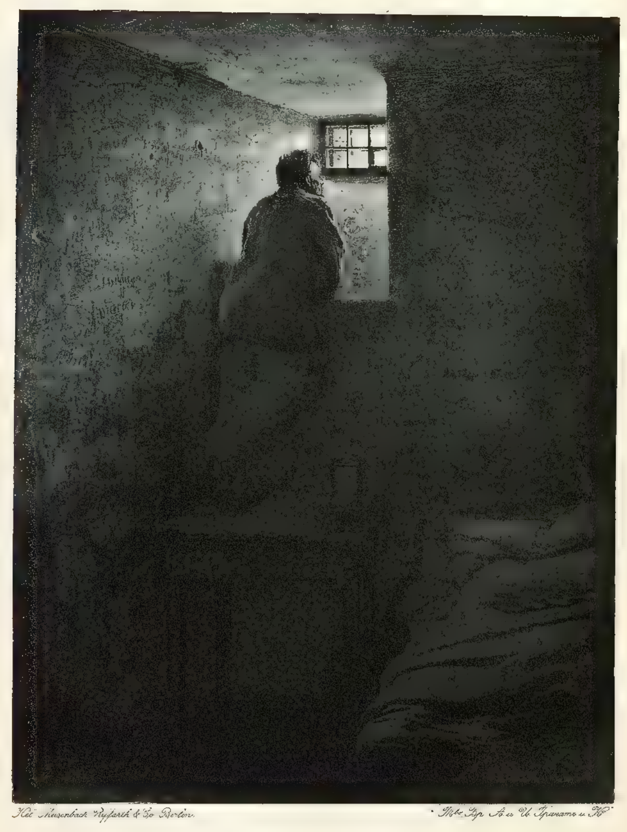
противъ тиранніи, пытали и казнили. Слухами объ этихъ жестокостяхъ воспользовалось въ концѣ 30-хъ годовъ николаевское правительство, которое и выселило духоборцевъ съ „Молочныхъ водъ“ на Кавказъ, въ Ахалцыхскій округъ на турецкой границѣ. Это переселеніе было произведено уже на нѣсколько иныхъ условіяхъ. Правда, правительство обѣщало выдать денежное вознагражденіе за строенія и отвести такіе же надѣлы на Кавказѣ, какъ и на „Молочныхъ водахъ“; но зато теперь духоборцамъ уже не предоставлялось никакихъ льготъ по несенію податей и повинностей. Духоборцамъ оставалось только покориться. Они переѣхали на новыя мѣста и тамъ въ новыхъ непривычныхъ условіяхъ начали новую жизнь. Построили слободу „Горѣлое“, устроили Сіонъ; но съ земледѣльческимъ трудомъ пришлось разстаться. Горная каменистая почва была поистинѣ землей изгнанія, родящей лишь тернія и волчцы; рядомъ жило дикое, иновѣрное и враждебно настроенное населеніе, отъ котораго приходилось держаться насторожѣ. Волей-неволей духоборцамъ пришлось перейти къ разнаго рода мелкимъ промысламъ, при наличности которыхъ не было никакой возможности организовать коммуну; ограничились извѣстными отчисленіями изъ доходовъ въ общинную кассу. Съ другой стороны, пришлось оставить прежнюю теорію о неподчиненіи иной власти, кромѣ Бога. Рядомъ находился врагъ, отъ котораго колонисты не могли считать себя въ безопасности безъ содѣйствія той власти, которую они отрицали. Поэтому кавказскіе духоборцы очень быстро отказались почти отъ всѣхъ своихъ прежнихъ положеній. Они стали платить повинности, отбывали воинскую повинность, во время войны 1854—1855 гг. оказывали цѣлый рядъ услугъ русской арміи, обслуживая ея обозъ. Старое духоборчество умерло. Новое должно было народиться позднѣе, въ концѣ 80-хъ годовъ, когда закончился процессъ дифференціаціи среди кавказскихъ духоборцевъ, представлявшихъ въ сороковыхъ годахъ еще компактную однородную массу.

Обратный процессъ наблюдается въ молоканской средѣ. Правительство мало тревожило молоканскія общины; но оно зорко слѣдило за пропагандой молоканства среди крестьянскаго крѣпостного и освобожденнаго населенія. Пропагандистовъ молоканства хватали и ссылали въ Закавказье, гдѣ уже были духоборцы; эти мѣры однако не приводили къ желаемымъ результатамъ. Иргизъ и Ахтуба стали притягательными магнитами для всѣхъ бѣглыхъ людей; Закавказье стало слыть особенно святой мѣстностью, обѣтованной землею молоканства. Этому въ особенности способствовало то обстоятельство, что въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка въ Закавказьѣ образовалась молоканская коммунистическая община. Богатый самарскій крестьянинъ, Михаилъ Акинѳіевъ Поповъ, сосланный на Кавказъ за молоканскую пропаганду, былъ основателемъ этой общины. Поповъ началъ съ того, что роздалъ по евангельской заповѣди все имѣніе сосѣдямъ, послѣ чего на его сторону перешли цѣликомъ два селенія, Яблоновскій-Гай и Тяглое Озеро, а изъ другихъ

деревень послѣдователи приходили цѣлыми толпами. Когда за это Поповъ былъ сосланъ, послѣдователи его просили правительство переселить и ихъ за Кавказъ, что съ радостью и было исполнено. Колонисты поселились въ Шемахинскомъ округѣ, и тамъ Поповъ организовалъ коммунистическую общину. Были избраны 12 апостоловъ, которые должны были распоряжаться имуществомъ и хозяйствомъ общины. Коммунизмъ былъ проведенъ насквозь черезъ всѣ отношенія: не только всѣ имущества, движимыя и недвижимыя, были объявлены общими, и все сельское хозяйство велось общиннымъ способомъ,—даже такія предпріятія, какъ постройка домовъ, должны были производиться міромъ. Общая денежная касса, имѣющаяся въ каждой слободѣ, должна была обслуживать членовъ общины поголовно, но при этомъ не принимались въ расчетъ другія соображенія, кромѣ числа душъ. Точно такъ же распредѣлялся скотъ, одежда, обувь и проч.

Всѣ эти установленія опирались на ту же идеологію, которую мы уже видѣли у Уклеина. Онъ называлъ себя и своихъ послѣдователей послѣдователями христіанъ первыхъ вѣковъ; коммуна Попова какъ разъ должна была возстановить практику первоначальной христіанской общины. Поповъ и ссылался именно на мѣсто изъ *Дѣяній*, II, 44—45: „Всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее, и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго". Учрежденіе 12 апостоловъ было скопировано также съ жизни первоначальной христіанской общины, какъ ее передаетъ легенда *Дѣяній*. Такова была община Попова. Правда, и эта община недолго удержалась на коммунистическихъ началахъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ уже появляются признаки разложенія. Поповъ былъ отданъ подъ судъ за распространеніе особенно вредной секты и сосланъ въ Енисейскую губернію. Въ общинѣ забрали послѣ этого верхъ богатѣи и уничтожили принципъ общности имущества. Была сохранена только общая денежная касса, куда каждый долженъ былъ платить 10% сбора съ имущества; но она превратилась въ простую кассу взаимопомощи, изъ которой можно было получать пособія, причемъ получившій ссуду долженъ былъ либо возвратить ее, либо отбыть эпитимію въ видѣ дня поста за каждый взятый рубль. Эта эпитимія открывала самую широкую возможность присваивать себѣ капиталы общины и поэтому община Попова къ концу сороковыхъ годовъ окончательно разлагается; о ней болѣе уже нѣтъ извѣстій.

Но при своемъ возникновеніи и въ первые годы своего существованія эта закавказская община пользовалась широкой извѣстностью и еще болѣе упрочила за Закавказьемъ репутацію обѣтованной молоканской земли. Тяжелое положеніе крестьянъ въ Николаевскую эпоху и свирѣпыя преслѣдованія сектантовъ возродили эсхатологическія упованія, въ которыхъ Закавказье играетъ совершенно особенную роль. Перемѣна въ настроеніи молоканства сказывается уже въ томъ, что они гораздо опредѣленнѣе стали высказываться относительно власти. На слѣдствіяхъ и процессахъ начали дѣлаться заявле-

Hel. Meisenbach Riffarth & Co Berlin. Тов-во Тип. А. и И. Гранатъ и Ко

Н. А. Ярошенко. Заключенный.

нія, что царю служить не должно, ибо онъ не молоканинъ; утверждали, что Богъ дастъ молоканамъ царя по сердцу и молокане составятъ съ нимъ во главѣ независимое царство. Эти заявленія на процессахъ лишь отчасти передавали то броженіе, которое охватило молоканъ съ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. Еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ бѣглый солдатъ Сидоръ Андреевъ, долго жившій въ Персіи, пророчествовалъ среди молоканъ Саратовской губерніи, что скоро явится посланный Богомъ избавитель, который соберетъ молоканъ въ землю, кипящую молокомъ и медомъ, а земля эта находится около Араратскихъ горъ. Эти слухи породили въ молоканской средѣ особенный интересъ къ Апокалипсису, книгѣ, говорящей о послѣднихъ временахъ міра. Какъ разъ въ духѣ молоканства оказалось толкованіе Апокалипсиса Юнга Штиллинга, „Побѣдная пѣснь христіанской вѣры", которая была переведена съ англійскаго Библейскимъ Обществомъ и получила широкое распространеніе. Штиллингъ, англійскій сектантъ, истолковалъ Апокалипсисъ въ пользу своихъ собратьевъ; избранные, которые будутъ царствовать съ агнцемъ въ тысячелѣтнемъ царствѣ, это духовные сектанты. Молокане примѣнили это толкованіе къ себѣ. Воскресли старыя ожиданія конца XVII вѣка, начались выкладки, разгадки числа 666. Высчитали, что въ 1836 году наступитъ тысячелѣтнее царство въ Персіи на прародительской землѣ у Араратскихъ горъ. Ждали, что избавитель явится въ праздникъ Пасхи и соберетъ своихъ избранныхъ въ Новый Іерусалимъ. Началась тяга за Кавказъ; не хотѣли ждать чуда, хотѣли быть на мѣстѣ, чтобы безъ всякой проволочки вступить въ обладаніе тысячелѣтнимъ царствомъ. Дѣло было за Иліей, и онъ явился: въ 1833 г. мелитопольскій молоканинъ, Терентій Бѣловзоровъ, объявилъ себя Иліей и проповѣдывалъ, что черезъ $2^1/_2$ года начнется тысячелѣтнее царство. Онъ однако кончилъ плохо: назначилъ день, когда вознесется на небо, но чудо ему не удалось; тогда молокане выдали его властямъ. Въ 1836 году явился и ожидаемый Христосъ, бѣглый крестьянинъ Лукьянъ Петровъ. Въ сопровожденіи Еноха и Ильи онъ ходилъ по молоканскимъ слободамъ и убѣждалъ молоканъ бросить работы, одѣться по праздничному и итти съ нимъ за Кавказъ, гдѣ онъ установитъ тысячелѣтнее царство. Почти одновременно съ нимъ появились два христа въ Самарской губерніи и цѣлый рядъ христовъ въ Закавказьѣ. Одинъ изъ послѣднихъ, нѣкто Рудометкинъ, явившійся, впрочемъ, много позже, въ 1857 г., даже короновался „царемъ духовныхъ" и заявлялъ претензію на царское мѣсто въ тысячелѣтнемъ царствѣ.

Какъ мы уже видѣли въ первой статьѣ, эсхатологическія упованія въ Николаевскую эпоху были распространены шире молоканской среды. Послѣ разгрома иргизскихъ монастырей ожили эсхатологическія ожиданія въ средѣ приволжскихъ раскольниковъ; тамъ также былъ высчитанъ срокъ второго пришествія и сдѣланы всѣ приготовленія къ нему. Но въ концѣ 50-хъ годовъ эсхатологическія ожиданія всплыли еще разъ самымъ оригинальнымъ обра-

зомъ. Полупомѣшанный артиллерійскій штабсъ-капитанъ Ильинъ основалъ среди уральскихъ горнозаводскихъ крестьянъ „десное братство", въ основѣ котораго положены эсхатологическія ожиданія. Сочиненія Ильина въ стихотворной формѣ излагаютъ его доктрину. Сейчасъ всѣ духовно раздѣлены на десныхъ и ошуйныхъ. Ошуйные—это всѣ православные, дѣти Іезавели, волкоагнцы, талмудисты, эгоисты,—отмѣчены числомъ антихриста. Ихъ храмы—капища, иконы—простыя доски, священники—торгаши, синодъ и сенатъ—сонмы губителей, цари—деспоты, сыны тьмы чины и красные штаны—дурь и прелесть сатаны. Десные—это всѣ послѣдователи Ильина. Они не должны признавать ничего, кромѣ Библіи, не должны имѣть ничего общаго съ ошуйными, не сообщаться съ ними, не читать ошуйныхъ книгъ и газетъ. Въ ближайшемъ будущемъ наступитъ второе пришествіе, вслѣдъ за которымъ начнется чувственное тысячелѣтнее царство въ Іерусалимѣ. Въ этомъ царствѣ Іисусъ видимо раздѣлитъ ошуйныхъ и десныхъ. Блага этого царства Ильинъ изображаетъ въ странной картинѣ, гдѣ причудливымъ образомъ перемѣшаны самыя разнородныя категоріи фактовъ съ нѣкоторою долей коммунистическаго оттѣнка; тамъ будутъ

Рощи, зелень и сады,
Фрукты, сотъ, медъ и плоды.
Злата, бронзы, серебра,
Драгоцѣнностей, добра
Намъ, какъ горы, навалилъ
И все въ братство подарилъ.
Нѣтъ тамъ варварскихъ наукъ,
Школъ рекрутскихъ, буйства штукъ,
Нѣтъ рапортовъ, льстей властямъ,
Всѣ равны, въ однихъ чинахъ,
Нѣтъ полицій, ни судей,
Всюду святость у людей.

Ильинъ былъ посаженъ въ Соловецкую монастырскую тюрьму, но его „десное братство" продолжало существовать и даже пережило шестидесятые годы. Это была послѣдняя вспышка эсхатологическихъ ожиданій.

Описанное необычайное броженіе, вполнѣ аналогичное крестьянскому движенію въ Германіи XV вѣка, типичнымъ проявленіемъ котораго является хотя бы проповѣдь Ганса Бегейма, было порождено ужасами Николаевской эпохи и страстной жаждой освобожденія; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дало и мотивъ для лебединой пѣсни молоканства. Послѣ эмансипаціи молоканство еще продолжаетъ существовать и даже дѣлать успѣхи, но уже измѣняетъ нѣсколько свою физіономію. Въ немъ окончательно беретъ перевѣсъ евангелическій элементъ и элементъ духовно-коммунистическій отступаетъ или даже совсѣмъ исчезаетъ. Молоканство становится чрезвычайно похоже на многочисленныя раціоналистическо-евангелическія секты второй половины XIX вѣка.

Христовство имѣло также послѣднюю, крайне уродливую вспышку наканунѣ освобожденія. Крестьянинъ Владимірской губерніи, Никитинъ, доведенный до отчаянія безысходной нуждой, возымѣлъ дикую мысль изобразить изъ себя второго Авраама. Онъ рѣшилъ, что Богъ требуетъ отъ него за грѣхи принесенія въ жертву собственныхъ дѣтей. Вмѣстѣ съ женой и съ двумя малютками онъ пошелъ на гору за деревней, предварительно сжегъ свой домъ, а на горѣ

собственноручно зарѣзалъ обоихъ дѣтей. Жена его при этомъ читала молитвы, объяснявшія цѣль закланія. Никитинъ былъ сосланъ въ Сибирь на Аргунь и въ ссылкѣ онъ дошелъ до того, что изобразилъ распятаго Христа. Въ лѣсу около маленькой часовни Никитинъ устроилъ крестъ, надѣлъ на себя терновый вѣнецъ, въ сильный морозъ раздѣлся догола и распялъ себя на этомъ крестѣ. Съ креста его успѣли снять еще живымъ, и на допросѣ онъ показалъ, что рѣшилъ пожертвовать собою за грѣхи людскіе, умереть такъ же, какъ умеръ Христосъ. Исторія Никитина представляетъ изъ себя заключительный эпилогъ къ хлыстовской, молоканской и духоборческой христовщинѣ. Торжествующій Мессія, котораго ждали эти секты, не явился; вмѣсто него въ безлюдной сибирской тайгѣ явился безвѣстный и невѣдомый міру страдающій Мессія, несущій на себѣ грѣхи міра, т. е. измученнаго невзгодами крестьянства, разочарованнаго въ попыткахъ создать на землѣ лучшій міръ въ видѣ духоборческихъ и молоканскихъ общинъ.

Духоборчество и молоканство были типичными проявленіями коммунистическаго сектантства въ періодъ разложенія крѣпостного права. Ихъ идеологія была всецѣло порождена тяжелыми условіями того кризиса, который переживало крестьянство, находясь между молотомъ и наковальней: между крѣпостнымъ игомъ и освобожденіемъ безъ земли, т. е. экспропріаціей. Они искали выхода изъ этого положенія путемъ устройства коммунистическихъ общинъ, которыя однако можно было образовать лишь внѣ той области, въ которой шла борьба. Это не было *преобразованіе* общественныхъ отношеній; это былъ уходъ съ поля сраженія и твореніе заново, созданіе новаго міра. Но этотъ міръ создавался въ старыхъ условіяхъ; наступало неизбѣжное разложеніе, и новый міръ рушился, какъ карточный домикъ. Эмансипація принесла съ собою новыя отношенія и новыя задачи. Исчезла почва для созерцательной хлыстовщины; но вмѣстѣ съ тѣмъ условія стали гораздо менѣе благопріятны и для религіознаго коммунизма. Отношенія стали яснѣе и проще; кромѣ того, вдвинулось клиномъ капиталистическое промышленное производство, выставившее коммунистическія теоріи, не имѣвшія ничего общаго съ религіей. Въ силу этого и сектантство приняло новый оттѣнокъ. Къ разсмотрѣнію сектантства новой эпохи мы теперь и переходимъ.

4.

Сектантство эпохи эмансипаціи.

Крестьянская реформа 1861 года въ значительной степени была экспропріаціей крестьянскихъ земель. Полная экспропріація крестьянства, о которой мечтало дворянство еще со времени декабристовъ, не удалась, но тѣмъ не менѣе крестьянство послѣ эмансипаціи почувствовало себя ограбленнымъ. Съ этого времени крестьянскія движенія пріобрѣтаютъ рѣзко выраженный аграрный характеръ; крестьянская идеологія становится по преимуществу аграрной съ нѣкоторою сначала довольно неопре-

дѣленною примѣсью политическаго характера. Аграрное движенie выразилось конкретнымъ образомъ въ цѣломъ рядѣ столкновенiй на чисто бытовой, хозяйственной почвѣ; но въ Прiуральѣ аграрное движенiе прiобрѣло сектантскiй характеръ.

Обычно объясняютъ такой характеръ аграрнаго движенiя въ Прiуральѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Прiуральѣ были сильны влiянiя безпоповщины и молоканства. Уральскiе лѣса были самымъ привольнымъ мѣстомъ для бѣгуновъ или странниковъ, а въ города Прiуралья правительство ссылало молоканскихъ проповѣдниковъ; такъ, въ Оханскъ Пермской губернiи былъ сосланъ внукъ Семена Уклеина, Яковъ Уклеинъ, и въ другiе города Пермской губернiи также ссылались молокане. Но эти влiянiя не могутъ объяснить всего явленiя въ цѣломъ. Влiянiемъ молоканства и разновидностей бѣгунства можно объяснять нѣкоторыя специфическiя черты религiознаго ученiя прiуральскихъ сектантовъ, но остается открытымъ вопросъ, почему именно въ Прiуральѣ аграрное движенiе приняло сектантскiй характеръ, а въ остальныхъ мѣстностяхъ Европейской Россiи такого характера не получило, хотя и тамъ не было недостатка въ самыхъ разнообразныхъ сектантскихъ влiянiяхъ. Этотъ вопросъ разрѣшается полностью только тогда, когда мы примемъ въ расчетъ своеобразныя земельныя условiя, въ которыхъ жили прiуральскiе крестьяне.

Во внутреннихъ губернiяхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьянство при проведенiи реформы имѣло дѣло съ частными лицами, съ тѣми помѣщиками, которымъ крестьяне ранѣе принадлежали. Не было ничего удивительнаго въ томъ, что баринъ, который ранѣе притѣснялъ крестьянъ, и при освобожденiи хочетъ отнять у нихъ все, что только можно. Прiуральскiе крестьяне въ огромномъ большинствѣ, наоборотъ, были государственными, сидѣли на государственныхъ земляхъ. Когда при освобожденiи стали составляться уставныя грамоты и стало производиться размежеванiе земель, отрѣзавшее отъ крестьянской земли огромные куски въ пользу заводовъ или казны, уральскiе крестьяне имѣли дѣло не съ частными лицами, которымъ свойственны были хищническiя наклонности, а съ государствомъ, съ той силой, которая, съ точки зрѣнiя крестьянства, по существу должна быть благодѣтельной, и если сходитъ съ этого пути, то лишается того права на святость и уваженiе, которыхъ ранѣе заслуживала. При этомъ обнаружился самый тѣсный союзъ государства съ господствующей церковью. Церковнослужители не только не обличили государство за его уклоненiе отъ правды, но всецѣло стали на его сторону. Отсюда аграрное движенiе сразу приняло анархическо-сектантскiй характеръ. Нормы религiознаго ученiя были заимствованы на спѣхъ, готовыми у сосѣднихъ сектантовъ. И какъ Аѳина изъ головы Зевса, передъ растерявшимися властями выросло сектантское движенiе съ вполнѣ законченной идеологiей.

Первая секта возникла въ сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губернiи въ 1865 г. среди бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ галановской, арзамасцевской и мостовинской волости.

Въ силу положенія объ удѣльныхъ крестьянахъ 23-го іюня 1863 года была составлена уставная грамота, опредѣлявшая размѣры крестьянскихъ надѣловъ; она значительно урѣзала крестьянскіе надѣлы. Лѣтомъ 1865 г. размежеваніе было произведено; оно вызвало отказъ крестьянъ отъ принятія сокращенныхъ надѣловъ и отъ платежа выкупа; возмущеніе было подавлено военной экзекуціей. Во время этой борьбы за землю крестьяне обратились за помощью къ своимъ священникамъ; но тѣ отвѣтили казеннымъ увѣщаніемъ о необходимости подчиниться распоряженіямъ властей. Тогда началось быстрое отпаденіе крестьянъ отъ православія въ секту; послѣдователи ея были названы въ офиціальномъ донесеніи немоляками. Была назначена духовная комиссія для увѣщанія отпавшихъ; ея стараніями сто пятьдесятъ человѣкъ „приведены были въ повиновеніе и оставили свои заблужденія". Остальные были преданы суду и по приговору вятской судебной палаты были присуждены или къ заключенію въ тюрьмѣ или къ наказанію розгами отъ 20 до 50 ударовъ. До начала восьмидесятыхъ годовъ секта немоляковъ продолжала однако существовать и даже распространилась въ сосѣднемъ осинскомъ уѣздѣ Пермской губерніи (въ 70-хъ годахъ) и въ шадринскомъ и курганскомъ уѣздахъ Тобольской губерніи (конецъ 70-хъ, начало 80-хъ годовъ). О немолякахъ осинскаго уѣзда и Тобольской губерніи имѣются крайне отрывочныя свѣдѣнія и поэтому невозможно разрѣшить вопросъ объ условіяхъ распространенія секты за предѣлы сарапульскаго уѣзда. Можно только предположить, что въ осинскомъ уѣздѣ она нашла благопріятную почву въ силу тѣхъ же аграрныхъ отношеній, какія имѣли мѣсто и въ сарапульскомъ уѣздѣ.

Доктрина немоляковъ, по правильному замѣчанію Пругавина, представляетъ изъ себя безпорядочную смѣсь молоканской и іудействующей доктрины. Немоляки не признаютъ никакой церковной внѣшности: храмы— все равно, что конюшни, иконы—рукотворные идолы; таинства и посты отвергаются. Нѣкоторые немоляки отрицаютъ и праздники, даже воскресенье. Они никогда не совершаютъ молитвы, говоря, что поклоняться Богу нужно въ духѣ; Священное Писаніе признаютъ, но не признаютъ божественнаго достоинства Іисуса Христа. Нѣкоторые сектанты, по офиціальнымъ даннымъ, доходятъ даже до полнаго атеизма. Отрицая всю церковность, немоляки упорно сохраняютъ и занятую ими позицію по отношенію къ государству. Нѣкоторые изъ нихъ еще въ 1882 г. отказывались принять отведенные имъ въ 1865 г. надѣлы; всѣ они „правительства не признаютъ", какъ лаконически замѣчаетъ офиціальный отчетъ, и вслѣдствіе этого не хотятъ занимать общественныхъ должностей и не платятъ податей. Подати взыскиваются съ „упорщиковъ" обыкновенно путемъ продажи ихъ имущества съ публичнаго торга; но упорщики, чтобы избѣжать связаннаго съ такой продажей разоренія, передъ приходомъ властей стали угонять скотъ и уносить все цѣнное имущество въ лѣсъ или къ сосѣдямъ. Никакія мѣры, въ родѣ тѣлесныхъ наказаній или тюремнаго за-

ключенія, не помогали дѣлу и не могли сломить упорщиковъ *).

Другая секта на той же почвѣ образовалась въ глухомъ красноуфимскомъ уѣздѣ. Ея возникновеніе не сопровождалось такимъ шумомъ, какъ возникновеніе секты немоляковъ; она возникла незамѣтно послѣ размежеванія земель. Власти узнали о существованіи этой секты не сразу. Ея сторонники упорно отказывались платить подати; сначала власти не старались доискаться причинъ этого отказа, и только въ семидесятыхъ годахъ дѣло разъяснилось. Отказъ отъ повиновенія властямъ и платежа податей одинъ изъ сектантовъ, прозванныхъ „неплательщиками", Контауровъ, объяснилъ такъ: Богъ далъ землю всѣмъ безъ пошлинъ и безъ налоговъ, и законы до 1861 года соблюдали это божественное установленіе,—крестьянамъ было предоставлено пользоваться всѣми землями, покосами и угодьями, не неся за это никакихъ повинностей. Кто этотъ законъ нарушилъ, тотъ антихристъ, и съ 1861 г. власть сдѣлалась антихристомъ. Это было въ 1880 году. Но еще ранѣе, въ 1878 году, была произведена своеобразная демонстрація противъ антихриста. 25 мая этого года служили въ Михайловскомъ заводѣ молебенъ по случаю избавленія императора отъ опасности, грозившей ему отъ покушенія на его жизнь. Десять человѣкъ изъ толпы, не снимая шапокъ, стали кричать: „Кому вы молитесь? Это антихристы", а на допросѣ заявили, что приходили на молебенъ для изобличенія антихриста, уподобляющагося Богу. Всѣ они оказались неплательщиками. Въ связь съ этими данными надо поставить показаніе того же Контаурова, что со времени Никона церковь осквернена, и церковное крещеніе не омываетъ, а загрязняетъ, а потому у него, Контаурова, нѣтъ ни имени, ни фамиліи: отъ оскверненныхъ въ церкви онъ отказался, а новыхъ не получилъ *).

Эти отрывочныя данныя указываютъ намъ, что въ красноуфимскомъ уѣздѣ сектантское движеніе приняло окраску бѣгунской или страннической идеологіи. Сами сектанты выдаютъ это вліяніе, называя себя „сынами

*) А. С. Пругавинъ, повидимому, склоненъ связывать уральскихъ немоляковъ съ донскими немоляками, секта которыхъ была основана въ 30-хъ годахъ XIX вѣка казакомъ Зиминымъ. Зиминъ былъ раскольникомъ-безпоповцемъ, но послѣ долгихъ размышленій выработалъ новое ученіе, дѣйствительно, сходное съ ученіемъ уральскихъ немоляковъ въ томъ отношеніи, что оно отвергаетъ всякія наружныя проявленія благочестія и допускаетъ лишь духовное общеніе съ Богомъ. Но въ ученіи Зимина, съ одной стороны, сильны раскольничьи элементы (почитаніе старыхъ книгъ, мощей), съ другой стороны, у него есть ученіе, повидимому, навѣянное чисто книжными вліяніями, именно ученіе о міровыхъ временахъ, вѣкахъ, или періодахъ (ср. греческіе эоны). Наконецъ, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы донское немоляйство вступало въ какія бы то ни было соприкосновенія съ Пріуральемъ. Все это заставляетъ думать, что между пріуральскимъ и донскимъ немоляйствомъ общаго только одно названіе.

*) Въ 60-хъ годахъ появилась немногочисленная секта *медальщиковъ* въ сѣверной части Вятской губерніи. Ея религіозная идеологія неясна; но зато чрезвычайно характерно ея отношеніе къ реформѣ 1861 г. Самъ царь въ 1861 г. далъ крестьянамъ землю и освободилъ отъ всякихъ повинностей, въ знакъ чего и выбилъ медаль. Всякій, кто носитъ на шеѣ такую медаль (въ память освобожденія отъ крѣпостной зависимости), освобожденъ отъ податей; медаль это—печать освобожденія.

божіими“ и „странниками по всей землѣ“. Даже несвойственное какъ будто чистому странничеству странное смѣшеніе гражданскихъ законовъ съ божественнымъ закономъ также находитъ себѣ оправданіе въ одной страннической пѣснѣ, записанной И. С. Аксаковымъ въ Ярославской губерніи.

До конца тлѣетъ благочестіе,
Процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе,
Духовный законъ съ коренія ссѣченъ,
Умъ священничинъ сребромъ весь плѣненъ,
Законъ градской въ конецъ истребленъ,
Вмѣсто законовъ водворилось беззаконіе,
Лихоимцы всѣ грады содержатъ,
Немилосердые въ градахъ первые,
На мѣстахъ злые приставники!
Духъ антихристовъ возвѣя на насъ...

Такимъ образомъ, какъ сарапульскимъ немолякамъ дало идеологію молоканство, такъ красноуфимскимъ неплательщикамъ — бѣгунство, для котораго лѣсныя предгорія Урала съ ихъ крайне рѣдкимъ населеніемъ давали самое надежное убѣжище. Крестьянская реформа подѣйствовала на развитіе бѣгунства самымъ неожиданнымъ образомъ. Бѣгунство по своему соціальному основанію и по своей идеологіи—явленіе глубоко реакціонное; патріархальныя условія хозяйственнаго быта въ огромныхъ лѣсныхъ пространствахъ Пріуралья вполнѣ соотвѣтствовали этой идеологіи. Крестьянская реформа была первымъ грубымъ вторженіемъ капиталистическаго процесса въ эту дѣвственную среду. Она принесла съ собою идею о земельной собственности, требованія налоговъ, необходимость достать для нихъ деньги. Немудрено, что мѣстное крестьянство сейчасъ же обратило взоры въ сторону своихъ бродячихъ лѣсныхъ сосѣдэй, бѣгуновъ. И вотъ, кромѣ секты неплательщиковъ, образовалась уже чисто бѣгунская секта, лучинковцевъ. Съ начала семидесятыхъ годовъ власти съ безпокойствомъ стали замѣчать, что въ различныхъ мѣстностяхъ екатеринбургскаго уѣзда начали скрываться крестьяне. Они уходили изъ мѣстъ своего жительства въ лѣса, или скрывали, неизвѣстно куда, своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Началось слѣдствіе, которое обнаружило, что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о новой сектѣ, которой въ народѣ дали прозваніе лучинковцевъ, такъ какъ сектанты при богослуженіи не употребляютъ никакихъ другихъ орудій освѣщенія, кромѣ лучинъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мѣстными миссіонерами, идеологія лучинковцевъ совпадаетъ съ бѣгунской: съ 1666 года въ Московскомъ государствѣ воцарился антихристъ, и всякій, кто не хочетъ принять его печать, долженъ бѣжать въ пустыню, гдѣ только и можно спастись отъ прелести антихристовой. Уклонялись въ секту по преимуществу люди небогатые, которымъ трудно было справиться съ тяжелымъ тягломъ. Но въ ихъ средѣ идеологія бѣгунства все-таки получила извѣстный своеобразный отпечатокъ. Печать антихристова—это уже не паспортъ, а *деньги*; эта печать повсюду распространяется въ купляхъ-продажахъ, и всякій, кто принимаетъ участіе въ обмѣнѣ, принимаетъ на себя печать антихристову. Поэтому и всѣ способы освѣщенія такъ или иначе осквернены антихристомъ: либо черезъ вѣсъ, такъ какъ гири и коромысла вѣсовъ заклеймены печатью антихриста, либо черезъ продажу,

при которой имѣютъ мѣсто деньги и торговые патенты съ гербомъ антихриста въ видѣ двуглаваго орла, либо чрезъ молебствія, которыя служатся еретическими священниками при отправкѣ кораблей съ воскомъ и масломъ. Чиста и угодна Богу лишь березовая лучина, добытая въ лѣсу изъ сырого березоваго дерева; это самое пріятное Богу „кандило". Антихристова прелесть распространилась повсюду въ мірѣ, какъ чума; только въ горы и въ пустыни она еще не проникла; поэтому лучинковцы, если сами не могутъ уйти въ горы или въ пустыню, отправляютъ туда, по крайней мѣрѣ, своихъ дѣтей, чтобы воспитать ихъ тамъ на подобіе Іоанна Крестителя, приготовить изъ нихъ дѣтей пустыни.

Въ лицѣ лучинковцевъ мы имѣемъ такимъ образомъ протестъ крестьянства, живущаго еще всецѣло на натурально-хозяйственной основѣ, противъ прогрессирующаго развитія денежнаго хозяйства и капитализма, которое разоряло его. Если секты немоляковъ и неплательщиковъ еще можно считать прогрессивными, поскольку онѣ защищали кровные интересы крестьянства и ихъ земли отъ расхищенія, то секта лучинковцевъ— явленіе еще болѣе реакціонное, чѣмъ ея бѣгунскій прародитель. И надо отдать ей справедливость: она провела свою натурально-хозяйственную тенденцію до послѣднихъ предѣловъ. Березовая лучина, сырая и коптящая, поистинѣ, ея символъ, и названіе въ народѣ было ей дано самое мѣткое. Она представляла чрезвычайно характерное явленіе для Урала, въ которомъ еще до сихъ поръ ярко освѣщенные электричествомъ заводы съ огненными жерлами плавильныхъ печей стоятъ посреди безмолвныхъ и безлюдныхъ лѣсныхъ пространствъ, гдѣ и сейчасъ, быть можетъ, скрываются враги огненнаго антихриста съ дымящимися березовыми лучинами.

5.

Сектантство второй половины XIX вѣка.

Сектантство послѣ эпохи эмансипаціи пошло по иному пути. На первый планъ въ крестьянской жизни выдвинулись тѣ вопросы, которые отчасти уже были затронуты духоборчествомъ и молоканствомъ. Это прежде всего вопросъ о землѣ. Аграрныя отношенія играютъ рѣшительную роль во второй половинѣ XIX вѣка и опредѣляютъ собою въ значительной степени всю русскую политику до нашихъ дней. Борьба между аграріями и крестьянами окрашиваетъ собою всѣ отношенія; государственная власть, защищающая вмѣстѣ съ господствующей церковью интересы земельныхъ собственниковъ, является для крестьянства въ теченіе всей второй половины XIX вѣка тѣмъ же бариномъ, отъ власти котораго въ 1861 году крестьяне до извѣстной степени освободились. Съ другой стороны, дифференціація деревенскаго населенія, которая и ранѣе, при всемъ ея медленномъ темпѣ, все же оказывала огромное вліяніе на развитіе раскола и сектантства, теперь пошла необыкновенно быстро, и вмѣстѣ съ нею необыкновенно быстро росло вліяніе города на деревню.

Участились и умножились пункты соприкосновенія между городомъ и деревней путемъ личныхъ сношеній: ухода на заработки, сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Желѣзныя дороги, усиленно строившіяся въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIX вѣка, были уже подлиннымъ вторженіемъ въ деревню города съ его капиталами, машинами, сутолокой и дерзкимъ вызовомъ всему допотопному патріархальному быту. Крестьянская мысль, всегда работавшая туго, всегда безнадежно запутанная старыми традиціонными суевѣріями, церковными догматами и обрядностью, никогда, даже въ самые критическіе моменты развитія сектантства, не умѣвшая освободиться отъ традиціонныхъ суевѣрныхъ путъ, теперь начала работать нѣсколько быстрѣе. Городъ будоражилъ крестьянскую мысль, разрушалъ старыя путы, ограничивалъ чувство, требовалъ открыть шире дорогу для разума. Онъ врывался въ традиціонное міросозерцаніе школьной учебой, распространявшейся земствами, пищей скудной и невсегда пригодной, но игравшей все-таки роль дрождевыхъ грибковъ, вздымавшихъ разумную мысль. Процессъ шелъ крайне медленно; какъ капля точитъ камень, такъ вѣками наросшая косность крестьянина незамѣтно и медленно подчинялась распыливающему вліянію города, и до сихъ поръ наше крестьянство живетъ и долго еще будетъ жить въ кругу старыхъ, лишь слегка отполированныхъ представленій. Но если такъ обстоитъ дѣло относительно крестьянской массы въ цѣломъ, то нельзя того же сказать объ отдѣльныхъ группахъ среди крестьянства. Эти послѣднія быстрѣе подчинялись прогрессивному вліянію города; и сектантство во вторую половину XIX вѣка нашло для себя почву именно въ этихъ группахъ.

Переворотъ шестидесятыхъ годовъ для всей крестьянской массы въ цѣломъ имѣлъ то значеніе, что старыя линіи, по которымъ шла крестьянская мысль, хотя и оказались живучими, но уже не могли болѣе стать тѣми линіями, по которымъ могло пойти и протестантское движеніе. Взамѣнъ конца свѣта пришла эмансипація. Конецъ свѣта и связанный съ нимъ мессіанизмъ или христовство потеряли почву подъ собою. Это были по существу старыя идеи, заимствованныя изъ церковной догматики. Оставалось или сохранить ихъ въ церковной оправѣ въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимала ихъ церковная догма, и, слѣдовательно, примириться съ церковью, или отбросить ихъ совершенно и поискать новыхъ линій для развитія мысли. Огромное большинство крестьянства поступило первымъ способомъ. Развитіе сектантства на старыхъ началахъ пріостановилось. Но уже въ шестидесятыхъ годахъ обнаружились слѣдствія частичной экспропріаціи крестьянства. Насталъ земельный голодъ, и вмѣстѣ съ нимъ вновь заработала крестьянская мысль. Однако теперь она пошла по новому пути.

На этомъ новомъ пути всѣ остальныя проявленія сектантства заслоняются *штундой*, этимъ страшнымъ врагомъ, на борьбу съ которымъ были направлены всѣ усилія господствующей церкви и правительства съ конца семидесятыхъ годовъ. Этотъ

врагъ появился въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Херсонской, а затѣмъ и въ Кіевской губерніяхъ; оттуда онъ быстро разлился по всему югу, а въ концѣ 70-хъ годовъ явился уже въ великорусской Орловской губерніи. Онъ замѣнилъ собою молоканство, которое быстро растворялось въ штундѣ. Вопросъ о штундѣ сталъ самымъ боевымъ вопросомъ миссіонерскихъ съѣздовъ, по ходатайству которыхъ въ 1894 году штунда была объявлена особо вредною сектою, и ей было запрещено общественное богослуженіе. Въ борьбѣ съ нею, ревнители православія доходили до того, что отбирали дѣтей у штундистовъ, крестили и воспитывали ихъ въ православной вѣрѣ. Но... при всемъ своемъ стараніи офиціальные обличители и изслѣдователи этой страшной секты до сихъ поръ не знаютъ, что, собственно, врагъ изъ себя представляетъ. Изъ собранныхъ наблюденій одни выводятъ, что секта эта мистическая, другіе — что раціоналистическая; третьи думаютъ, что въ настоящій моментъ она, правда, носитъ раціоналистическій оттѣнокъ, но это зависитъ отъ ея молодости, и когда она созрѣетъ, то сольется съ молоканствомъ и духоборчествомъ. Наконецъ, изслѣдователь южнорусскаго штундизма, весьма толковый и добросовѣстный священникъ, Арсеній Рождественскій, находитъ, что догматическое и нравственное ученіе штундистовъ мало развито и не сформулировано, но что основная цѣль штундистовъ — практическая жизнь по Евангелію, осуществленіе въ жизни евангельскаго идеала христіанина. Третій миссіонерскій съѣздъ 1898 года разрѣшилъ спорный вопросъ весьма неопредѣленно: онъ постановилъ признать существованіе двухъ толковъ штундизма, староштундизма и новоштундизма, исходя изъ различія точекъ зрѣнія штундистовъ разныхъ оттѣнковъ на время совершенія крещенія (староштундизмъ требуетъ крещенія въ зрѣломъ возрастѣ, младоштундизмъ — нѣтъ). Такимъ образомъ была установлена офиціальная терминологія и созданъ нѣкоторый для нея критерій. Но по существу вопросъ остался такъ же мало разрѣшеннымъ, какъ и прежде.

Эта загадочность штундизма объясняется легко тѣмъ обстоятельствомъ, что однимъ и тѣмъ же именемъ офиціальная терминологія называетъ различныя во многомъ секты, различныя и по своей основѣ, и по мѣстности и по вѣроученію. Этотъ свойственный офиціальнымъ изслѣдователямъ способъ былъ усвоенъ даже такимъ знатокомъ раскола и сектантства, какъ Пругавинъ; этотъ способъ спуталъ различныя сектантскія движенія въ одинъ клубокъ, который, дѣйствительно, трудно распутать.

Именемъ штундистовъ впервые окрестили сектантовъ села Основы одесскаго уѣзда, гдѣ проповѣдникомъ былъ крестьянинъ Михаилъ Рожденный. Имя было взято отъ нѣмецкаго термина *Stunde*, какъ назывались нѣмецкіе евангельскіе кружки XVIII вѣка; это названіе было перенесено нѣмецкими колонистами въ Россію и между прочимъ примѣнялось для религіозныхъ собраній въ нѣмецкой колоніи Рорбахъ Херсонской губерніи, въ которыхъ участвовали и русскіе. Послѣ 1865 г. проповѣдники новой секты, исключительно крестьяне, разнесли его сначала по

другимъ уѣздамъ Херсонской губерніи, а затѣмъ по Кіевской, Екатеринославской, Подольской и Волынской губерніямъ. Такъ образовался южнорусскій или малороссійскій штундизмъ, представляющій изъ себя наиболѣе крайнее направленіе среди сектантскихъ движеній, обозначаемыхъ названіемъ штундизма.

Первое, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи южно-штундистской доктрины, это ея связь съ молоканствомъ. Мы уже видѣли, что штундизмъ распространялся на югѣ въ средѣ молоканства; поэтому это родство неудивительно. Родственные черты съ молоканствомъ проявляются главнымъ образомъ въ религіозномъ вѣроученіи. Источникъ вѣры—двойственный: это *духовное озареніе*, или *духъ пророчества*, и *Священное Писаніе*, свидѣтельство Іисуса Христа. Въ силу этого южные штундисты толкуютъ аллегорически многія мѣста Писанія въ примѣненіи къ современной имъ эпохѣ; но въ отрицаніи всякаго рода наружныхъ проявленій благочестія они не пошли слишкомъ далеко. Въ концѣ концовъ они остались при отрицаніи храмовъ, иконъ, мощей и прочихъ принадлежностей культа, но приняли таинство крещенія въ той формѣ, въ какой его признавали сосѣдніе баптисты-нѣмцы. Они признавали необходимымъ совершать крещеніе въ зрѣломъ возрастѣ надъ сознательными людьми, а не надъ безсознательными младенцами. Такимъ образомъ религіозное вѣроученіе южныхъ штундистовъ представляетъ мало отличій отъ молоканщины, уклоняясь отъ нея однако въ болѣе умѣренную сторону.

Молоканская религіозная идеологія однако нужна была южнымъ штундистамъ для того, чтобы обосновать свою соціологическую идеологію. Послѣдняя была всецѣло порождена вторженіемъ города въ деревню и была тѣмъ вредоноснымъ жаломъ штундизма, изъ-за котораго съ нимъ больше всего боролось правительство. Исходя изъ молоканскаго тезиса, что власть существуетъ не для добрыхъ, а для злыхъ, южные штундисты построили цѣлую теорію происхожденія неравенства между людьми и ихъ порабощенія. Богъ, заставляя землю произрастать хлѣбъ, далъ человѣку всевозможные предметы для его жизни съ тѣмъ, чтобы люди любили другъ друга *), жили по-братски, дѣлились поровну. Но люди стали торговать божественными дарами: они взяли ихъ себѣ въ собственность, сдѣлали ихъ предметомъ купли-продажи, стали торговать даже совѣстью, даже людьми. И вотъ Господь разгнѣвался за это на людей. Ветхозавѣтная исторія рабства египетскаго есть аллегорія, изображающая современное рабство людей. Какъ евреевъ мучили и заставляли работать фараоны, такъ теперь люди порабощены новыми египтянами, сильными міра сего. Они эксплуатируютъ крестьянскій трудъ, обираютъ людей, насильничаютъ, заставляютъ другихъ жить такъ, какъ имъ не хотѣлось бы. На войнѣ они проливаютъ невинную кровь человѣческую; внутри идутъ грабежи и убійства. Всѣ бѣдствія, напримѣръ, саранча, голодъ, градъ,

*) Любовь, по мнѣнію южныхъ штундистовъ, есть основная добродѣтель, сущность самого божества. Воскресеніе Христа аллегорически изображаетъ будущее воскресеніе любви.

эпизоотіи, эпидеміи—все это тѣ же казни египетскія. Стремленія людей должны быть направлены на то, чтобы возстановить на землѣ порядокъ, соотвѣтствующій божественной волѣ. Земля и всѣ другіе полезные существа и предметы, животныя, воды, нѣдра, растительность, должны быть общими. Это—даръ божій, благодать божія. Право на хлѣбъ долженъ имѣть только трудившійся: трудившійся да ястъ. Поэтому каждый долженъ въ потѣ лица обрабатывать землю въ такомъ количествѣ, какое нужно для его потребностей. Люди должны раздѣлиться на общины со спеціализаціей труда и съ обмѣномъ продуктовъ натурою. Всякая торговля грѣхъ и должна прекратиться, деньги должны исчезнуть, купцы не имѣютъ права на существованіе.

Знакомая доктрина! Передъ нами встаютъ англійскіе вистенлисты и копатели эпохи англійской республики, объявлявшіе земледѣльческій трудъ и общественное владѣніе землею основными нормами общественнаго устройства; а торговлю—богопротивнымъ дѣломъ; приходитъ на память позднѣйшая доктрина сначала земле-вольцевъ, а потомъ соціалистовъ-революціонеровъ. Почти буквальное совпаденіе англійской доктрины и южно-штундистскаго ученія объясняется сходствомъ условій Англіи XVII вѣка и русскаго юга XIX вѣка. Быстрое развитіе капитализма, земельнаго и промышленнаго, за которымъ не поспѣвало мелкое крестьянство, безземелье и голодъ, а рядомъ фабрика, латифундія и безумная роскошь и надъ всѣмъ звонъ золотого металла—картины одинаково свойственныя Англіи XVII и рускому югу XIX вѣка. Штундизмъ выставилъ реакціонно-утопическую доктрину. Онъ требовалъ возвращенія къ первобытному коммунизму; этого возвращенія не требовала доктрина соціалистовъ-революціонеровъ, но между нею и штундизмомъ общею сходною чертою является то требованіе, которое впослѣдствіи стало лозунгомъ трудового крестьянства: земля—народу.

Но прежде чѣмъ пришла революція и провозгласила этотъ лозунгъ, въ Кіевской губерніи отъ штундистовъ отдѣлилась секта, ожидавшая божественнаго переворота. Это было въ началѣ девяностыхъ годовъ. Крестьянинъ Кондратій Малеванный сталъ проповѣдывать близость второго пришествія, которое произведетъ чудеснымъ образомъ ожидаемый штундистами переворотъ. Послѣдователи Малеваннаго собирались на радѣнія, въ родѣ хлыстовскихъ, но безъ примѣси оргіазма; главнымъ образомъ на ихъ собраніяхъ пѣлись стихи, изобличавшіе власти и гонителей и рисовавшіе картины будущаго царства. Новое царство должно сначала выразиться духовнымъ перерожденіемъ людей, которое сдѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее обновленіе міра. Но времена были уже не тѣ, и эсхатологическая пропаганда не нашла теперь себѣ такой благодатной почвы, какъ въ шестидесятыхъ годахъ. Мессіанизмъ и второе пришествіе все болѣе и болѣе становились мертвыми формулами церковной догмы, а народная мысль все болѣе привязывалась къ земной практической жизни. „Малеванщина“ просуществовала недолго и быстро разложилась, исчезнувъ почти безслѣдно.

Таковы черты южнорусскаго штундизма, поскольку ихъ можно установить на основаніи имѣющихся у насъ разрозненныхъ и разнорѣчивыхъ данныхъ. Съ начала 1880 года въ трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи появляются сектанты, называющіе сами себя *библейскимъ обществомъ*, но офиціально сейчасъ же подведенные подъ категорію штунды. Изъ Орловской губерніи новая секта распространилась по другимъ смежнымъ губерніямъ (Смоленской, Калужской, Воронежской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской), т. е. главнымъ образомъ по губерніямъ средне-черноземной полосы съ преобладающимъ значеніемъ земледѣльческаго хозяйства и съ крайне слабо развитой фабричной промышленностью. Тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются объ этомъ великорусскомъ штундизмѣ, рисуютъ его въ значительной мѣрѣ инымъ, чѣмъ южнорусскій штундизмъ.

Прежде всего трудно говорить о *распространеніи* штунды изъ Малороссіи въ Орловскую губернію. Напротивъ, на основаніи добросовѣстныхъ разслѣдованій А. С. Пругавина и его корреспондентовъ, сектантство въ трубчевскомъ уѣздѣ появилось вполнѣ самостоятельно. Сектантская община вышла изъ кружковъ крестьянъ, собиравшихся по вечерамъ другъ у друга и бесѣдовавшихъ о вѣрѣ; ихъ отдѣленію отъ православія способствовало еще поведеніе мѣстныхъ священниковъ. Священникъ, служившій въ то время въ селѣ Любцахъ, гдѣ впервые появилась секта, былъ, повидимому, однимъ изъ худшихъ представителей клира. Талантами, о которыхъ говорится въ евангельской притчѣ, онъ называлъ деньги; за молебны различнымъ святымъ и иконамъ была установлена такса (напримѣръ, за молебенъ просто Николѣ-угоднику—20 к., а за молебенъ Николѣ-явленному — 30 к.). Монахи изъ сосѣдняго монастыря постоянно являлись въ село за поборами „на Божію матерь“: въ ея пользу они собирали зерно, хлѣбъ, картофель и др. Отсюда и возникло впервые критическое отношеніе къ церкви. Оно соединилось съ тѣмъ же проклятымъ вопросомъ о землѣ, изъ-за которой приходилось проливать столько слезъ и доходовъ съ которой не хватало на подати и поборы духовенства. Эти поборы, тяжкимъ бременемъ ложившіеся на крестьянскій бюджетъ, выдвинули на первый планъ вопросъ объ отношеніи къ духовенству, а потомъ и ко всему церковному ученію и обрядамъ.

Нужно было найти критерій для сужденія и основаніе для созданія новой религіозной доктрины. Любцовцы были люди основательные и трезвые и, не гоняясь за духомъ, обратились прямо къ Библіи. Изъ нея они вывели, что священникъ долженъ быть подъ наблюденіемъ прихожанъ, которые могутъ удалить его, если онъ не будетъ отвѣчать тѣмъ требованіямъ, которыя установлены посланіемъ Павла къ Тимоѳею (III, 2—12): епископъ долженъ быть непороченъ, одной жены мужъ, трезвъ, цѣломудренъ, благочиненъ, честенъ, не пьяница, не убійца, не корыстолюбивъ, не сребролюбивъ; діаконы также должны быть честны, не злоязычны, не пристрастны къ вину, не корыстолюбивы. Существу-

ющее духовенство они характеризовали словами изъ Исаіи, LVI, 11—12: это псы, жадные душою, не знающіе сытости, это пастыри безсмысленные, всѣ, каждый до послѣдняго, смотрятъ на свою дорогу, на свою корысть; приходите, говорятъ, я достану вина, и мы напьемся сикеры, и завтра то же будетъ, что и сегодня, да и еще больше. Эти пастыри „ѣли тукъ и волною одѣвались, откормленныхъ овецъ закалали, а стада не пасли“ (Іезек. XXXIV, 3).

Послѣ такой уничтожающей характеристики алчности и невѣжества духовенства сектанты перешли къ разбору правильности различныхъ обрядовъ и догматовъ. Свѣрили ихъ со Священнымъ Писаніемъ и оказалось, что добрая половина обрядовъ и таинствъ не находитъ себѣ оправданія въ Писаніи и существуетъ только для выгоды духовенства. Изъ священныхъ книгъ они узнали, что поклоняться кумирамъ запрещено, и вынесли иконы изъ избъ; мощи также были отвергнуты на томъ основаніи, что все тлѣнное должно разрушиться. Сохранивъ догматъ троичности, сектанты признали принципіально и четыре таинства изъ семи: крещеніе, причащеніе, бракъ и елеосвященіе. Но совершеніе этихъ таинствъ не обязательно, а лишь факультативно; въ случаѣ нужды достаточно, напримѣръ, вмѣсто обряда таинства брака, прочитать передъ женихомъ и невѣстой мѣста изъ Священнаго Писанія, говорящія о бракѣ. Въ остальномъ ученіе великорусскихъ штундистовъ не представляло изъ себя ничего оригинальнаго.

На процессѣ любцовскихъ штундистовъ, происходившемъ въ 1883 г., обнаружился и соціальный составъ штундистовъ. Когда ихъ приговорили къ ссылкѣ на поселеніе въ Закавказье, они были чрезвычайно рады, такъ какъ на родинѣ отъ безземелья имъ „житья не стало“. Присутствовавшіе на судѣ штундисты, не привлеченные къ процессу, тутъ же объявили себя штундистами и просили ихъ также переселить за Кавказъ по той же причинѣ безземелья. Таково было совершенно естественное происхожденіе орловскаго штундизма. Само собою понятно, что въ средѣ этихъ первыхъ сектантовъ не могло быть и рѣчи о какихъ бы то ни было коммунистическихъ тенденціяхъ. Въ ихъ средѣ крѣпко сидѣла обычная мужицкая практическая нравственность. Воровство въ ихъ средѣ строго преслѣдовалось; право собственности было объявлено священнымъ. Вполнѣ естественнымъ имъ представлялось сословное раздѣленіе; всѣ казенныя повинности они несли исправно и молились за царя. Они не отрицали ни воинской повинности, ни присяги. Въ семьѣ, по старому крестьянскому обычаю, мужъ считался головой; въ оправданіе такого положенія мужа въ семьѣ они охотно приводили цитаты изъ Священнаго Писанія. Мы имѣемъ такимъ образомъ дѣло съ евангелическимъ христіанствомъ, въ стилѣ лютеранства, выросшимъ самостоятельно на великорусской крестьянской почвѣ. Въ западной части средне-черноземной полосы, гдѣ возникло и распространилось это христіанство, условія были менѣе сложны, чѣмъ на югѣ; правда, было трудно, но было трудно только отъ малоземелья, дѣло было ясное, и не было никакихъ привходящихъ

факторовъ, которые могли бы толкнуть мысль въ болѣе крайнемъ направленіи. Образовавшіяся вслѣдъ затѣмъ общины „библейскихъ христіанъ“ въ другихъ губерніяхъ, обнаруживаютъ также немалое сходство съ лютеранствомъ и черты практической крестьянской сметки.

Эти штундистскія общины составляютъ прежде всего религіозное братство, собирающееся по воскресеньямъ во главѣ съ проповѣдникомъ. Читается Священное Писаніе, поются псалмы и духовные стихи, произносится проповѣдь. Особою любовью пользуются нѣкоторые духовные стихи Пашкова, гдѣ восхваляется *вѣра*, какъ источникъ спасенія, и безмѣрная любовь искупителя Іисуса. Въ рай, гдѣ царствуетъ любящій насъ безмѣрно Іисусъ, введетъ насъ лишь „вѣра чистая, живая“. Рай — это родная и желанная страна; она находится на недосягаемой высотѣ, гдѣ не слышенъ вопль земныхъ скорбей, гдѣ около Іисуса душа отдохнетъ отъ мучительныхъ огней. Если въ сосѣдней деревнѣ оказываются сочувствующіе сектѣ, туда сейчасъ же на общинный счетъ посылается проповѣдникъ, который можетъ даже поселиться тамъ, если ему удастся сорганизовать новую общину. Далѣе, штундистскія общины, не только великорусскія, но и южныя, являются братствами взаимопомощи. Въ нихъ существуютъ общинныя кассы, которыя платятъ за недостаточныхъ собратьевъ казенные налоги, выдаютъ пособіе бѣднякамъ при вступленіи въ секту, выдаютъ пособія тѣмъ членамъ общинъ, дѣла которыхъ почему-либо пошатнулись. Такимъ образомъ эти общинныя организаціи, имѣя религіозную оправу, по существу являются крестьянскими организаціями взаимопомощи, своего рода кредитными товариществами, дающими возможность бороться съ кулачествомъ и съ тяжестью казенныхъ сборовъ.

Отсюда вполнѣ понятна та нетерпимость, которую неожиданно проявили къ орловскому штундизму мѣстныя крестьянскія общества, обычно столь терпимыя ко всякаго рода религіознымъ разномысліямъ. То же самое православное крестьянство, которое терпѣло въ своей средѣ и хлыстовъ, и скопцовъ, и молоканъ и духоборцевъ, почему-то отказалось терпѣть невинныхъ библейскихъ христіанъ. Любцевское и Сагутьевское крестьянскія общества составили приговоры объ удаленіи изъ своей среды наиболѣе ревностныхъ послѣдователей новаго ученія, ссылаясь на оскверненіе иконъ, а у одного изъ сектантовъ міръ, *за водку*, отнялъ надѣлъ и передалъ другому крестьянину. Эти магическія слова „за водку“ выясняютъ сразу сущность дѣла. Общеизвѣстенъ фактъ, что мірскіе сходы являются простой игрушкой въ рукахъ деревенскихъ кулаковъ, которые и воспользовались иконоборствомъ „библейскихъ христіанъ“, чтобы натравить на нихъ православную крестьянскую массу и разрушить враждебныя имъ товарищескія организаціи. Подобнаго рода факты происходили и въ другихъ великорусскихъ и южныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего штундисты стали чрезвычайно скрытны, и собирать свѣдѣнія о нихъ стало очень трудно.

Такимъ образомъ подъ общимъ именемъ штунды существуютъ два

совершенно различныхъ явленія: утопически-коммунистическая южно-русская секта, называющая себя „духовными христіанами“, и практически-евангелическая великорусская секта, называющая себя „библейскимъ обществомъ“. Несостоятельность офиціальной терминологіи очевидна; и ея несостоятельностью объясняется то обстоятельство, что до сихъ поръ не было сдѣлано точнаго опредѣленія штунды. Насколько мало обоснована эта терминологія, показываетъ другая великорусская секта, которая является великорусскимъ изданіемъ южнорусскаго штундизма, но называется почему-то не штундизмомъ, а по имени основателя, Василія Сютаева, *сютаевщиной*.

Эта секта появилась въ концѣ семидесятыхъ годовъ; единственныя болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о ней сообщаетъ А. С. Пругавинъ, который лично познакомился съ основателемъ секты и узналъ отъ него основныя положенія вѣроученія и общественнаго міровоззрѣнія сектантовъ. Сютаевъ—крестьянинъ новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи—жилъ, слѣдовательно, бокъ о бокъ съ однимъ изъ самыхъ старинныхъ районовъ фабричной промышленности. Какъ онъ разсказывалъ Пругавину, мысль объ отдѣленіи отъ православія не была навѣяна ему со стороны, но пришла сама собою, вслѣдствіе критическаго анализа вѣроученія и обрядовъ православной церкви. Первое сомнѣніе зародилось у Сютаева, когда нужно было хоронить умершаго ребенка. Священникъ дешевле полтинника хоронить не соглашался, а Сютаевъ такихъ денегъ заплатить не могъ, у него было только тридцать копеекъ. Такъ онъ и похоронилъ ребенка самъ безъ отпѣванія и попа. Сталъ онъ размышлять и пришелъ къ тому, что въ церкви во всемъ установлена торговля, купля и продажа благодати. Какъ мы потомъ увидимъ, торговля вообще, по мнѣнію сютаевцевъ, грѣхъ, а въ церкви она еще болѣе грѣховна. За все берутъ деньги—за крещеніе, вѣнчаніе, похороны, исповѣдь, причащеніе, заставляютъ ставить свѣчи, класть на тарелочки, собираютъ на монастыри, на разныхъ святыхъ, поощряютъ даже самое грубое идолопоклонство: въ сосѣднемъ селѣ Толожномъ стоитъ статуя преподобнаго Милія, которому народъ несетъ, что можетъ: кто деньги, кто ленъ, кто яйца, кто масло, кто баранки, кто нитки, кто платки, и духовенство это поощряетъ, и пользуется всѣми этими приношеніями. Сталъ онъ читать Библію, съ трудомъ научившись грамотѣ, и увидѣлъ, что вообще люди живутъ неправедно, не по-божески. Тогда онъ отсталъ отъ церкви, другихъ сталъ отговаривать и составилъ группу своихъ послѣдователей.

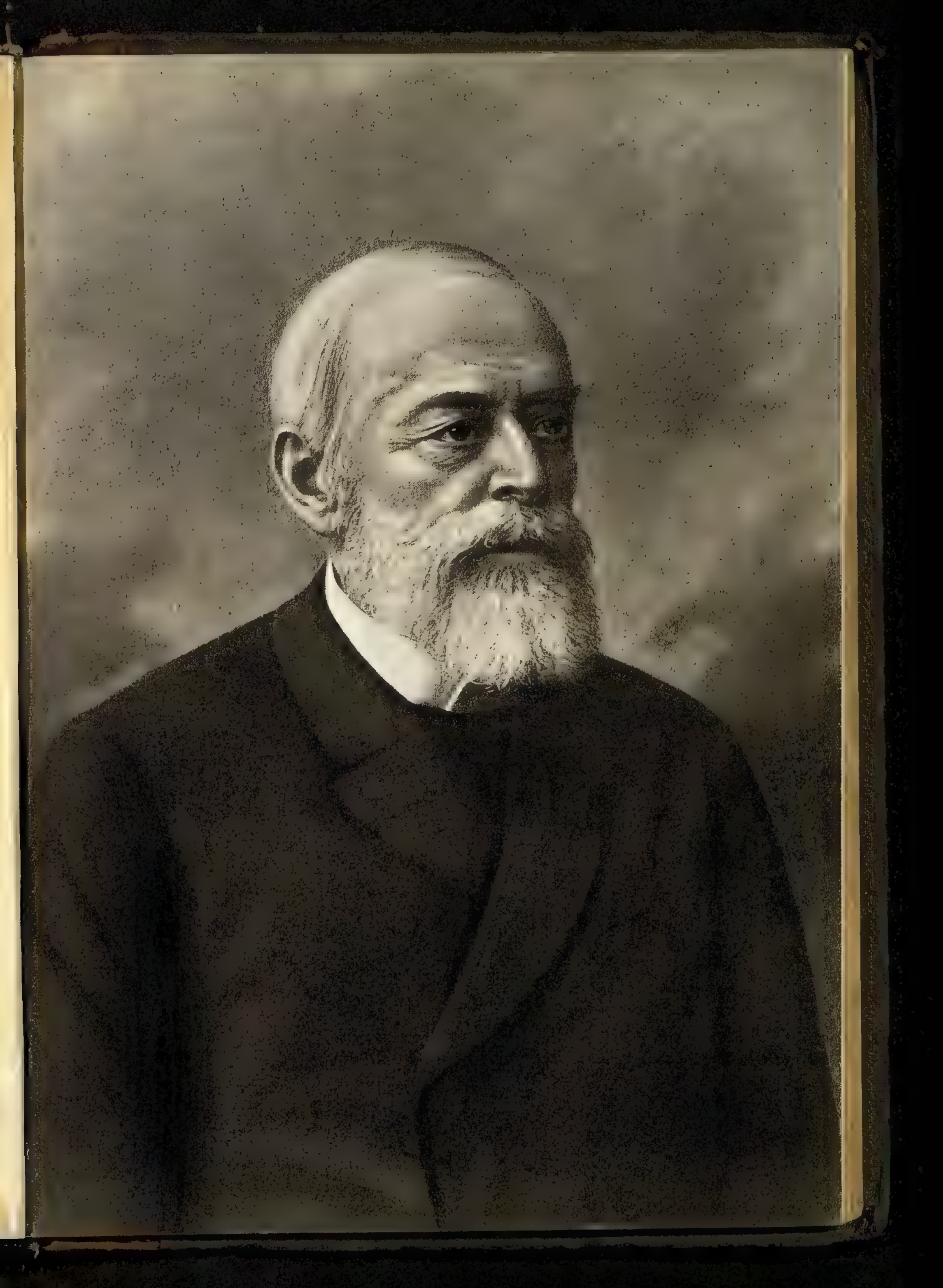
Доктрина сютаевщины по существу вполнѣ сходна съ южной штундистской доктриной, хотя проще ея изложена. Основа вѣры — Библія и главнымъ образомъ Евангеліе; но его надо понимать духовно. Надо возродиться духомъ, и тогда человѣкъ уразумѣетъ свое назначеніе и пойметъ Евангеліе. Троица существуетъ, но этотъ догматъ надо понимать духовно. Троица—это любовь, ибо и отецъ—любовь, и сынъ—любовь, и духъ—любовь. Любви противоположенъ міръ, изображенный символически въ

Николай Христіановичъ Бунге.

Съ портрета, писаннаго Н. Яшемъ. 1895 г.
(Дашковское собраніе при Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

15

числѣ 666 апокалиптическаго звѣря. Все мірское и суетное грѣховно и должно быть отвергнуто. Таинства, посты, молитвы,—все это пустые обряды, которые только увеличиваютъ людскую грѣховность; иконы—тѣ же идолы, которымъ запрещено поклоняться. Отвергая на основаніи духовнаго пониманія Евангелія всю церковную обрядность, таинства и даже догматъ троичности, Сютаевъ находитъ, что и вообще вся жизненная практика противорѣчитъ порядку, соотвѣтствующему божіей правдѣ: Богъ создалъ все, слѣдовательно, все принадлежитъ ему, и никто изъ людей не долженъ заявлять претензіи на право владѣнія чѣмъ бы то ни было. Но люди захватили землю въ собственность, всю ее располосовали межами, перегородили загородками. Однѣ земли казенныя, другія—господскія; господа грѣшатъ, захвативъ огромные участки и предоставивъ крестьянамъ лишь ничтожные надѣлы; они властвуютъ, а крестьяне рабствуютъ, платятъ имъ тяжелый оброкъ въ видѣ аренды господской земли исполу. Богъ заповѣдалъ трудиться надъ землей въ потѣ лица, поэтому нѣтъ грѣха только въ хлѣбопашествѣ. А люди завели торговлю, связанную съ обмѣромъ, обвѣсомъ, съ прибылью, т. е. съ ростомъ. Богъ поставилъ власти, чтобы онѣ правили по-божески, и такую власть надо почитать: но современная власть—злая власть. Богъ заповѣдалъ любить другъ друга, запретилъ убивать, а власти затѣваютъ братоубійственныя войны, сажаютъ въ остроги, требуютъ оброки, чтобы имѣть деньги на свои злыя дѣла, а когда оброковъ не платятъ, власть продаетъ послѣднюю корову со двора. Такъ долго продолжаться не можетъ, когда-нибудь божественная правда восторжествуетъ, и воцарится рай на землѣ. Тогда не будетъ собственности, все станетъ общее, не будетъ наемныхъ рабочихъ и батраковъ, не будетъ торговли, а всѣ люди будутъ въ потѣ лица трудиться надъ землей. Исчезнетъ раздѣленіе на народы, убійства и вражда прекратятся. Тогда будетъ царство сютаевцевъ на землѣ. Сютаевъ хотѣлъ было предвосхитить это царство, уничтоживъ всѣ запоры и замки въ своемъ домѣ и въ амбарѣ, но очень скоро убѣдился въ невыгодности этого предвосхищенія. Пропаганда дѣйствіемъ не удалась, но зато успѣшно шла пропаганда словомъ: по офиціальной статистикѣ въ короткое время число послѣдователей Сютаева возросло до 1.000 человѣкъ.

Доктрина сютаевщины такимъ образомъ отличается отъ доктрины южнаго штундизма лишь своею оправой. Южно-штундистская доктрина, создававшаяся въ молоканской и нѣмецко-баптистской средѣ, построена въ видѣ систематической и стройной отвлеченной теоріи; сютаевская доктрина исходитъ изъ конкретныхъ жизненныхъ фактовъ, встрѣчавшихся въ практикѣ Сютаева. Но почти буквальное сходство во всѣхъ основныхъ вопросахъ поразительно и объясняется исключительно одинаковыми условіями: малоземельемъ и рядомъ съ этимъ мощнымъ развитіемъ фабричнаго капитализма. Мысль крестьянина безпомощно металась между неблагодарнымъ хлѣбопашествомъ, никогда не прекращавшейся

кабалой помѣщику, и между городомъ и фабрикой, поглощавшимъ всѣ лучшіе соки и лучшіе продукты деревни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы прожить, чтобы не закабалиться въ конецъ помѣщику и не остаться безъ необходимаго инвентаря за неплатежъ податей, приходилось пускаться въ торговыя операціи: продавать хлѣбъ по осени, а зимой покупать недостающій, арендовать лѣсъ, арендовать лугъ и за все тоже или работать или платить все тѣ же ненужныя крестьянину деньги. Эти тяжелыя условія жизни тверского крестьянина выяснены были въ ту же поѣздку Пругавинымъ, и ими объясняется возникновеніе секты и ея необыкновенное сходство съ южнорусскимъ штундизмомъ.

Таковы основныя теченія въ русскомъ сектантствѣ второй половины XIX вѣка. Всѣ прочія секты группируются около этихъ двухъ основныхъ категорій. Баптисты, бѣлоризцы, примыкаютъ къ „библейскимъ христіанамъ", толстовцы съ ихъ проповѣдью уничтоженія всей культуры, созданной денежно-хозяйственнымъ развитіемъ и возвращеніемъ къ личному труду на натурально-хозяйственной основѣ, зосимовцы, новоштундисты и др. — къ южнорусскому штундизму. Всѣ эти секты не получили особенно широкаго распространенія и представляютъ мало оригинальныхъ чертъ. Но ихъ основной тонъ—тяга къ землѣ—соединяетъ всѣ ихъ въ одинъ общій потокъ, сливающійся съ другимъ такимъ же широкимъ потокомъ уже соціально-политическаго характера; эти оба потока въ началѣ девятисотыхъ годовъ потонули въ широкомъ морѣ общекрестьянской жакеріи, въ которой спутались и смѣшались самые разнородные мотивы, начиная отъ ссылокъ на несуществующія царскія грамоты и кончая формальной проповѣдью доктрины соціалистовъ - революціонеровъ. Русское сектантство такимъ образомъ является продуктомъ почти исключительно крестьянскаго происхожденія; даже скопчество было по существу явленіемъ, глубоко связаннымъ съ крестьянской дифференціаціей. Рано гадать о будущемъ сектантства; но если въ Россіи дѣйствительно въ ближайшемъ будущемъ установится хоть мало-мальски приличная политическая свобода и религіозная терпимость, если смягчится усиленная пролетаризація крестьянства, производимая по закону 9 ноября правительствомъ, сектантство врядъ ли получитъ еще болѣе широкое распространеніе. Напротивъ, если тяжелый процессъ кризиса стараго порядка еще затянется, то крестьянская масса дастъ новые отпрыски сектантства и, быть можетъ, создастъ почву для народной реформаціи, подобной той, какую мы наблюдали въ Германіи XV и XVI вѣка.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о судьбѣ духоборчества во второй половинѣ XIX вѣка. Его исторія въ этотъ періодъ стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ сектантскихъ теченій, такъ какъ оно, вмѣстѣ съ выселеніемъ за Кавказъ, потеряло связь съ народной почвой и стало обособленной религіозной общиной, чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ, подобно іудейской общинѣ второго храма.

Исторія духоборческой общины, начиная съ шестидесятыхъ годовъ,

есть исторія ея разложенія, явившагося слѣдствіемъ вторичной дифференціаціи среди ея членовъ. Мы видѣли, что коммунистическую организацію пришлось на Кавказѣ отбросить; осталась только общинная касса, которая быстро росла, благодаря успѣшному ходу торговыхъ дѣлъ духоборчества. Подряды и поставки на армію и обслуживаніе ея обоза, во время войны 1854—1855 годовъ, дали возможность многимъ членамъ духоборческой общины нажить себѣ огромные капиталы. Изъ коммунистической общины произошла капиталистическая организація, имѣвшая дѣло съ крупными банкирскими домами внутри Россіи и пользовавшаяся особеннымъ покровительствомъ намѣстника Кавказа, великаго князя Михаила Николаевича. Управленіе „Сіономъ" было всецѣло въ рукахъ капиталистовъ, изъ которыхъ состоялъ совѣтъ при пророчицѣ Лукерьѣ Калмыковой; духоборческая масса терпѣливо подчинялась этой олигархіи, хотя временами и поднимался глухой ропотъ. Кризисъ настaлъ, когда Лукерья умерла въ 1886 году, не назначивъ никого въ свои преемники. Управленіе осталось въ рукахъ одного совѣта; но такъ продолжалось недолго. Нѣсколько времени спустя заявилъ претензію на званіе пророка нѣкто Петръ Веригинъ, молодой красавецъ, сумѣвшій привлечь на свою сторону духоборческую массу. Онъ былъ провозглашенъ пророкомъ и наслѣдникомъ Лукерьи; но совѣтъ отказался признать его и сдать ему Сіонъ со всѣми капиталами. Тогда произошелъ формальный расколъ, и дѣло дошло сначала до рукопашныхъ свалокъ, а потомъ былъ начатъ процессъ противъ „горѣловцевъ", какъ прозвали веригинцы противную партію. Въ эти смуты вмѣшалось правительство, которое, естественно, стало на сторону горѣловцевъ. Надъ веригинцами произвели экзекуцію казаки, а самъ Веригинъ былъ арестованъ и сосланъ въ Шенкурскъ. Горѣловцы со всѣми капиталами поспѣшили уѣхать съ Кавказа во внутреннюю Россію, а веригинцы остались на мѣстѣ, и среди нихъ началось возрожденіе стараго духоборческаго духа.

Это возрожденіе было естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ совершившихся событій. Оставалось одно изъ двухъ: или отказаться отъ Веригина, признавъ его за ложнаго пророка, разрушившаго своимъ вмѣшательствомъ святой Сіонъ, или признать, что самое это разрушеніе пришло вслѣдствіе того, что старый коммунистическій строй былъ оставленъ. Къ первому веригинцы не были способны; оставалось только второе. И вотъ было возстановлено все старое въ томъ же видѣ, какъ оно было на „Молочныхъ водахъ". Частная собственность была уничтожена; духоборцы отказались отъ платежа податей и воинской повинности и приглашали своихъ единовѣрцевъ, служившихъ въ войскахъ, оставлять военную службу; не было только пророка во главѣ общины. Правительство отвѣтило на это самыми крутыми мѣрами, изъ которыхъ насильственныя переселенія съ мѣста на мѣсто были еще самыми умѣренными. Избіенія нагайками, военные постои, отбираніе дѣтей сдѣлали положеніе веригинцевъ совершенно невыносимымъ.

Продолжать жить коммунистическимъ государствомъ въ полицейскомъ государствѣ было невозможно. Остался одинъ выходъ, если духоборчество не хотѣло терять своей своеобразной физіономіи: выселиться совсѣмъ изъ Россіи. Необходимыя для этого средства духоборцы разсчитывали получить путемъ выигрыша процесса, начатаго противъ горѣловцевъ; но эта надежда рухнула, такъ какъ судъ сталъ всецѣло на сторону горѣловцевъ, и процессъ былъ проигранъ. Кое-какъ своими средствами часть духоборцевъ перебралась сначала на Кипръ, а оттуда въ Америку; но очутившись безъ средствъ въ чужой странѣ, духоборцы погибали. Въ это время на помощь имъ пришла либеральная буржуазія, поддерживавшая въ девяностыхъ годахъ всякія протестантскія движенія противъ абсолютизма и всѣхъ отъ него потерпѣвшихъ. Было пущено въ ходъ имя графа Толстого, сочувствовавшаго духоборцамъ, удалось собрать большія средства; духоборцы были переселены въ Канаду и получили деньги на необходимое первоначальное обзаведеніе. Удалось даже выхлопотать и для Веригина разрѣшеніе переѣхать въ Канаду и поселиться вмѣстѣ со своими единовѣрцами. Но и въ Канадѣ коммунистическія попытки остались утопіями. Лишь небольшая часть духоборцевъ сумѣла сохранить коммунистическій строй; остальные живутъ либо сельско-хозяйственными общинами, либо отдѣльными хозяйствами.

Духоборчество оказалось въ концѣ концовъ наиболѣе послѣдовательнымъ сектантскимъ теченіемъ; но судьба его вслѣдствіе этого особенно поучительна. Исканія и попытки создать въ условіяхъ капиталистическаго общества коммунистическій строй привели только къ цѣлому ряду переселеній и въ концѣ концовъ все-таки кончились полной неудачей. Такъ только и могла кончиться русская параллель къ англо-американскимъ попыткамъ Роберта Оуэна. Коммунизмъ въ условіяхъ капиталистическаго общества оказался одинаково непримѣнимымъ ни къ промышленному, ни къ сельско-хозяйственному производству.

ГЛАВА VII.

Завоеваніе Кавказа.

(М. Н. Покровскаго).

1.

Россія, Турція и Персія въ Закавказьѣ (1800—1829).

Если въ Европѣ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка восточный вопросъ представлялся, главнымъ образомъ, какъ вопросъ турецкій, то въ Азіи это былъ, почти исключительно, вопросъ персидскій. Русскіе колонисты, если вѣрить чеченскимъ сказаніямъ, являются на сѣверныхъ отрогахъ

Кавказскаго хребта еще въ XVII вѣкѣ. Но то была частная предпріимчивость отдѣльныхъ удальцовъ съ Дона и Волги. Они переходили Терекъ и Сунжу не по порученію московскаго правительства, а именно потому, что надѣялись укрыться отъ его длинныхъ рукъ здѣсь, въ „черныхъ горахъ", гдѣ потомъ столько было схоронено русскихъ солдатъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Первые же представители русской „государственности", какихъ увидѣли Кавказскія горы, были войска Петра Великаго, шедшія драться съ персами. Въ Дагестанѣ еще въ 60-хъ годахъ XIX вѣка показывали кручи, съ которыхъ были сброшены драгуны Петра горцами, такъ же отчаянно отстаивавшими свою свободу, какъ и сто лѣтъ спустя, въ дни Шамиля. Но кавказскіе походы въ XVIII вѣкѣ, почти до самаго его конца, были рѣдкими эпизодами—и кавказскій вопросъ сталъ на очередь дня лишь съ той минуты, какъ царь грузинскій, фактическій вассалъ персидскаго шаха, нашелъ себѣ новаго сюзерена въ лицѣ русскаго императора. Слѣдующія за этимъ тридцать лѣтъ русской исторіи на Кавказѣ почти сплошь заполнены войной съ персами, лишь время отъ времени осложнявшейся и борьбою противъ турокъ. Въ результатѣ не только Грузія, но и вся сѣверная Персія по лѣвую сторону Аракса превратилась въ рядъ русскихъ губерній, и только общеевропейскія компликаціи, постоянно отражавшіяся на русской восточной политикѣ, спасли отъ той же участи Азербейджанъ съ Тавризомъ, привлекающіе въ наши дни такое всеобщее вниманіе. Если бы полковникъ Ляховъ, столь популярный теперь среди читателей газетъ не одной Россіи, захотѣлъ „гордиться предками", онъ могъ бы назвать ихъ цѣлый рядъ, начиная съ кн. Циціанова и Котляревскаго и кончая „отцомъ-командиромъ" Николая Павловича, фельдмаршаломъ Паскевичемъ. Всѣ они, каждый по своему, заводили въ коренныхъ персидскихъ областяхъ русскіе порядки, и послѣдній былъ весьма недалекъ отъ того, чтобы облагодѣтельствовать этими порядками всю Персію. Война съ горцами,—Кавказская война въ тѣсномъ смыслѣ—непосредственно вытекла изъ этихъ персидскихъ походовъ: ея значеніе было чисто стратегическое и всего менѣе колонизаціонное. Свободныя горскія племена всегда угрожали русской арміи, оперировавшей на берегахъ Аракса, отрѣзать ее отъ базы. Съ ними, пожалуй, не невозможно было бы столковаться: Екатерина II твердо стояла на этой мысли, и ее унаслѣдовалъ отъ бабушки Александръ I. Но предлагать такое рѣшеніе значило не понимать психологіи военныхъ людей, дѣйствовавшихъ въ Закавказьѣ. Имъ, разумѣется, казалось гораздо легче покорить этихъ „мошенниковъ" (терминъ, нерѣдко встрѣчавшійся и въ офиціальныхъ бумагахъ того времени), нежели вести съ ними какіе-то переговоры и уважать какіе-то ихъ права и обычаи. Неужели „русскій штыкъ", передъ которымъ бѣжали въ паническомъ страхѣ „регулярныя войска" государя довольно большой державы, персидскаго шаха, не смиритъ въ самое короткое время оборванцевъ, годныхъ, казалось, лишь на то, чтобы воровать лошадей у

казаковъ? Практика скоро показала, что выбить „мошенниковъ“ и конокрадовъ изъ ихъ горныхъ убѣжищъ— дѣло неизмѣримо болѣе трудное, чѣмъ взять „глиняный горшокъ“, именовавшійся крѣпостью Эриванью *), или даже прійти въ Тавризъ. Но разъ дѣло было начато, честь мундира требовала его окончить. Персидскія— и лишь отчасти турецкія — войны опредѣлили таким образомъ не только объективно Кавказскую войну, но и субъективно: онѣ объясняютъ намъ ея психологію.

Соперничество Россіи и Персіи въ Закавказьѣ имѣло подъ собою однако болѣе серьезную почву, чѣмъ простая сосѣдская ссора изъ-за Грузіи. Персія начала XIX вѣка стояла приблизительно на той ступени экономическаго и политическаго развитія, какъ Россія XVII в.: въ ней складывалась бюрократическая монархія примитивнаго типа, опираясь на зачаточныя формы капитализма и сама вызывая ихъ къ жизни. Генералъ Ермоловъ въ 1817 году нашелъ тамъ литейные заводы, оружейныя фабрики, арсеналы и крѣпости „по образу европейскому“—и слышалъ разговоры объ учрежденіи суконныхъ фабрикъ и свеклосахарныхъ заводовъ, по почину правительства и подъ руководствомъ европейцевъ: совсѣмъ, какъ въ Россіи временъ „тишайшаго“ Алексѣя или его отца **). Въ довершеніе сходства орудіемъ переворота и здѣсь была новая династія,—тюркскіе каджары, не безъ кровавой борьбы вытѣснившіе своихъ предшественниковъ, зендскую династію потомковъ Керимъ-хана, нѣсколько старшаго современника Екатерины II. Случайное обстоятельство избавило Россію отъ непосредственнаго столкновенія съ основателемъ новой династіи, Агою Магометъ-ханомъ: онъ былъ убитъ своими приближенными какъ разъ въ ту минуту, когда готовился воевать съ русскими. Передъ этимъ онъ успѣлъ однакоже опустошить Грузію, мстя ей за ея переходъ подъ покровительство Россіи. Конфликтъ уже совершенно назрѣлъ —и разразился при второмъ государѣ каджарскаго дома, Фетхъ-Алишахѣ: фактически отъ его имени сѣверной Персіей самостоятельно правилъ Аббасъ-Мирза, его третій сынъ и предполагаемый наслѣдникъ, глава персидскихъ „западниковъ“, — изъ своей столицы, Тавриза, руководившій всѣми персидскими нововведеніями. Европейцы ему нужны были, какъ помощники—и въ то же время учителя—въ дѣлѣ этихъ послѣднихъ:

*) Подлинное выраженіе Николая I, когда онъ лично увидѣлъ эту „твердыню“, за взятіе которой онъ далъ Паскевичу графскій титулъ.

**) Передъ этимъ Ермоловъ рисуетъ чрезвычайно яркую картину только что начинавшагося „первоначальнаго накопленія“: „Нынѣшняго шаха господствующая страсть собирать сокровища“, пишетъ онъ: „и народъ обременяется чрезмѣрными налогами. Грабительство приведено въ систему и обращено въ необходимость для каждаго изъ управляющихъ, ибо безъ денегъ и подарковъ ни милости шаха, ни покровительства вельможъ, ниже уваженія между равными снискать невозможно. Деньги доставляютъ почести и преимущества, коихъ персіяне не насытимы. Деньги разрѣшаютъ преступленія, съ коими персіяне не разлучны“. Донесеніе Ермолова Александру I отъ 22 октября 1817 г. см. у Щербатова: „Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ“. Т. II, приложеніе, стр. 17.

но международныя отношенія въ самой Европѣ такъ складывались въ то время, что и онъ оказывался нуженъ европейцамъ. Лишь очень короткое время русско-персидская война оставалась изолированной отъ общеевропейскихъ отношеній: и въ это время она шла съ полнымъ успѣхомъ для России. Въ 1803—1804 гг. цѣлый рядъ „ханствъ" къ сѣверу отъ Аракса—полу-провинцій, полу-вассальныхъ владѣній Персіи—подчинился Россіи, и нѣкогда такъ грозная для Грузіи „Ганжа" получила весьма стильное, въ екатерининскомъ духѣ, имя—Елизаветполя (по имени жены Александра I, Елизаветы Алексѣевны). Начальникъ русскихъ войскъ въ Грузіи, кн. Цицiановъ, въ глазахъ туземнаго населенія съ самими ханами во главѣ, сталъ воплощеніемъ всякой власти и всякаго могущества: русскаго „инспектора" боялись гораздо больше, чѣмъ самого шаха. Но эта репутація всемогущества и погубила Цицiанова: она внушила мысль одному изъ угрожаемыхъ русскими войсками хановъ (бакинскому), что со смертью русскаго генерала кончится и порабощеніе персовъ русскими. Цицiановъ былъ измѣннически убитъ во время свиданія съ этимъ ханомъ (8 февраля 1806 г.) и то, что послѣдовало непосредственно за этимъ убійствомъ, какъ будто оправдало суевѣрный предразсудокъ его убійцы: русскія войска должны были отступить отъ Баку. А явившійся на мѣсто Цицiанова гр. Гудовичъ нашелъ передъ собою уже иную, гораздо менѣе благопріятную для Россіи, комбинацію силъ. Уже въ январѣ слѣдующаго 1807 года ему пришлось увѣрять персидскаго шаха, будто французскій императоръ Наполеонъ I „потерялъ баталію, разбитъ и прогнанъ, и теперь лежитъ при смерти боленъ въ прусскомъ владѣніи, можетъ уже и умеръ". Но въ Тегеранѣ, повидимому, лучше были освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ западной Европѣ, чѣмъ этого хотѣлось русскому главнокомандующему. 10 мая того же 1807 года между Персіей и Франціей былъ заключенъ договоръ, согласно которому Наполеонъ обязался содѣйствовать возвращенію Персіи не только отобранныхъ при Цицiановѣ ханствъ, но и Грузіи. На Араксѣ Россія имѣла теперь того же противника, что и на берегахъ Вислы.

Одновременно—въ томъ же январѣ 1807 года—начали военныя дѣйствія и турки*). Это было тѣмъ болѣе досадное усложненіе, что изъ сосѣднихъ турецкихъ пашалыковъ, главнымъ образомъ карсскаго, продовольствовалась ранѣе русская армія, дѣйствовавшая противъ персовъ. Собственно въ военномъ отношеніи турки въ Малой Азіи не страшны были въ это время, какъ и позже: ихъ главныя и лучшія силы всегда оставались на европейскомъ театрѣ войны, гдѣ русскіе могли угрожать непосредственно Константинополю. Иниціатива военныхъ дѣйствій въ Закавказьѣ оставалась обыкновенно въ рукахъ туземныхъ ополченій, формируемыхъ и руководимыхъ мѣстными пашами,—полу-губернаторами, полу-вассалами, какъ и ханы пограничныхъ съ нами персидскихъ областей. Но среди туземнаго населенія здѣсь были довольно энергичныя и

*) См. въ II томѣ „Внѣшняя политика", 4. Восточная политика Николая I.

воинственныя племена, въ родѣ *лазовъ* въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ. Въ крѣпостной же войнѣ турецкія войска и здѣсь обнаруживали такую же опытность и стойкость, какъ на Дунаѣ. Попытка Гудовича взять крѣпость Ахалкалаки потерпѣла полную неудачу. Пришлось перейти къ оборонѣ: и хотя переходъ турокъ въ наступленіе кончился, какъ обыкновенно кончались подобныя попытки, побѣдой русскихъ войскъ,—вниманіе послѣднихъ было развлечено новымъ противникомъ настолько, что о продолженіи блестящихъ успѣховъ Циціанова въ войнѣ противъ главнаго врага, персовъ, не могло уже быть и рѣчи. Руководимые французскими офицерами солдаты Фетхъ-Али-шаха неожиданно оказались очень солиднымъ противникомъ: преемникъ Гудовича, Тормасовъ, такъ же безуспѣшно штурмовалъ укрѣпленную наполеоновскими инженерами Эривань, какъ его предшественникъ—Ахалкалаки. Тильзитскій миръ, превратившій русскаго и французскаго императоровъ въ союзниковъ, не только не помогъ дѣлу, но, пожалуй, даже ухудшилъ его. Для Наполеона, въ его политикѣ отвлеченія сѣвернаго союзника восточными дѣлами *), Персія представляла не меньшую цѣнность, чѣмъ Турція. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, какъ ловко использовалъ онъ свою роль посредника между этой послѣдней и Россіей — упорно торгуясь съ Александромъ I изъ-за Дунайскихъ княжествъ, давнымъ - давно фактически перешедшихъ въ русскія руки. Здѣсь, въ Закавказьѣ, его уполномоченный, генералъ Гарданнъ, велъ точь въ точь такую же игру,—подъ предлогомъ посредничества всячески хлопоча о возвращеніи шаху областей, занятыхъ въ свое время войсками кн. Циціанова. Какъ тамъ, такъ и здѣсь результатъ былъ одинъ—война затягивалась. Но формальная дружба съ Франціей вела къ формальному же разрыву съ Англіей, которая никогда не принадлежала къ числу русскихъ друзей въ передней Азіи,—вплоть до начала XX столѣтія. Какъ ни цѣнна была Россія для англійской промышленности въ эти дни — дни борьбы съ „континентальною блокадою“ *), это нисколько не мѣшало остъ-индскимъ англичанамъ занять по отношенію къ Персіи то же положеніе, которое не совсѣмъ еще оставили и французы: на мѣсто генерала Гарданна съ его инженерами и артиллеристами явились англійскіе офицеры, принявшіеся обучать европейскому строю персидскую пѣхоту. Аббасъ-Мирза получилъ двадцать тысячъ англійскихъ ружей для своихъ сарбазовъ; въ 1810 году Англія формально обязалась уплачивать шахскому правительству ежегодно 200.000 тумановъ (2 милліона серебряныхъ рублей). И тщетно Тормасовъ въ своихъ обращеніяхъ къ шаху яркими красками расписывалъ бѣдствія, постигавшія будто бы всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе подчиниться коварному англійскому вліянію,—всячески возвеличивая теперь побѣды Наполеона, который еще недавно едва не умеръ на страницахъ подобныхъ же бумагъ гр. Гудовича: персы такъ же мало

*) См. тамъ же

*) См. тамъ же, 2.

вѣрили франкофильству новаго русскаго главнокомандующаго, какъ и франкофобству прежняго. Англійское золото, англійскія пушки и ружья говорили сами за себя. По иниціативѣ Англіи шахъ заключилъ союзъ съ турецкимъ султаномъ—и оба мусульманскіе врага Россіи, дѣйствовавшіе до сихъ поръ не совсѣмъ неудачно порознь, готовились вмѣстѣ дѣйствовать еще болѣе успѣшно. Конецъ войны въ Азіи—неожиданно съ точки зрѣнія мѣстныхъ дѣлъ—положилъ крутой поворотъ въ европейской политикѣ: разрывъ Россіи съ Наполеономъ, возобновленіе англо-русскаго союза и война 1812 года привели закавказскія дѣла къ развязкѣ, какой совсѣмъ нельзя было ожидать въ 1810 году. Бухарестскій миръ съ Турціей *) прекратилъ военныя дѣйствія и на малоазіатской турецкой границѣ. Персы остались одни. Англійскіе дипломаты, до того всячески поддерживавшіе воинственные планы Аббаса-Мирзы, хлопотали теперь о посредничествѣ, — довольно точно копируя поведеніе ген. Гарданна и его агентовъ послѣ Тильзитскаго мира. Наскоро созданная англійскими офицерами регулярная персидская армія оказалась еще не въ силахъ выдерживать бой съ кавказскими войсками Россіи, когда силы этой послѣдней не были раздроблены борьбой одновременно съ двумя противниками. Разгромъ Аббаса-Мирзы Котляревскимъ (при Асландузѣ, на берегахъ Аракса, въ октябрѣ 1812 г.) заставилъ шахское правительство послушаться миролюбивыхъ теперь совѣтовъ британской дипломатіи *),—съ своей стороны, Александръ I былъ такъ же радъ развязаться съ персидской войной, какъ раньше съ турецкой. 1 октября 1813 г. были подписаны предварительныя условія Гюлистанскаго мира, который дождался ратификаціи только три года спустя,—почти наканунѣ новой русско-персидской войны. То былъ тотъ „худой миръ", который, по пословицѣ, лучше доброй ссоры. Онъ былъ выгоднѣе Бухарестскаго трактата для Россіи въ томъ отношеніи, что русскія войска не вышли изъ оккупированныхъ ими ранѣе персидскихъ провинцій—и послѣднія фактически остались въ русскомъ обладаніи. Но юридическое положеніе ихъ было крайне неопредѣленное,—изъ словесныхъ комментаріевъ къ Гюлистанскому договору персидское правительство вынесло увѣренность, что если не всѣ ханства къ сѣверу отъ Аракса, то, по крайней мѣрѣ, часть ихъ будетъ со временемъ возвращена Россіей. Эта неопредѣленность „худого мира" уже съ самаго начала грозила новой „доброй ссорой".

Тринадцать лѣтъ, прошедшія между первой и второй войной съ персами, показали, что надежды послѣднихъ на обратное возвращеніе имъ спорныхъ ханствъ имѣли подъ собою и гораздо болѣе твердое основаніе, чѣмъ какія-нибудь недомолвки въ какомъ-нибудь дипломатическомъ документѣ. Англійская дипломатія, работая въ Персіи, пролагала пути туда англійскому капиталу—у нея

*) См. тамъ же.

*) Которая, впрочемъ, обосновывала эти совѣты довольно вѣскими аргументами, — прямо угрожая Персіи лишеніемъ англійскихъ субсидій.

были вполнѣ конкретныя экономическія задачи. Никакихъ задачъ подобнаго рода не преслѣдовали русскія завоеванія. Правда, центральное правительство напоминало постоянно своимъ представителямъ въ Закавказьѣ о необходимости заботиться объ интересахъ русскаго торговаго капитала въ Персіи: императоръ Александръ I выразился даже однажды, что онъ ставитъ торговыя выгоды выше территоріальныхъ пріобрѣтеній *). Въ періодъ переговоровъ, предшествовавшихъ окончательной ратификаціи Гюлистанскаго трактата, русская дипломатія очень хлопотала объ устройствѣ русскихъ торговыхъ конторъ въ Энзели и Астрабадѣ и о допущеніи русскихъ консуловъ въ Рештъ и другіе крупные коммерческіе центры Персіи,—что было, повидимому, особенно не по душѣ правительству шаха. Но мѣстные агенты Россіи относились къ подобнаго рода вопросамъ весьма вяло: то были люди военные, а не торговые,—для нихъ на первомъ планѣ были комбинаціи, которыя имъ самимъ казались, конечно, болѣе „возвышенными", чѣмъ охрана выгодъ и интересовъ какихъ-то астраханскихъ купцовъ. Экономическое значеніе Закавказья съ его нефтью, превращеніе Персіи въ рынокъ для русской мануфактуры—все это было далеко впереди. Если видѣть въ закавказскихъ войнахъ Россіи поступательные шаги развивающагося русскаго капитализма,—то придется допустить, что этотъ послѣдній способенъ заготовлять для себя арену дѣятельности задолго впередъ. Закавказье завоевала не буржуазная, а еще дворянская Россія,—и ея отношеніе къ своимъ пріобрѣтеніямъ было въ высокой степени „феодальнымъ". Маленькимъ, но весьма яркимъ образчикомъ этого отношенія является одинъ проектъ, зародившійся въ головѣ новаго главнокомандующаго, ген. Ермолова, какъ только онъ прибылъ въ 1817 году на мѣсто своей будущей дѣятельности: не забудемъ при этомъ, что Ермоловъ, другъ и покровитель декабристовъ, самъ заподозрѣнный впослѣдствіи въ прикосновенности къ заговору, совсѣмъ не былъ бурбономъ скалозубовскаго типа. Это былъ человѣкъ просвѣщенный, въ духѣ XVIII вѣка,—гордившійся этимъ просвѣщеніемъ и считавшій себя призваннымъ водворить его во вновь покоренныхъ Россіей земляхъ. И вотъ, едва явившись въ Персію и осмотрѣвшись среди тамошней обстановки, просвѣщенный генералъ выступаетъ съ предложеніемъ: вопреки формальнымъ постановленіямъ только что заключеннаго Гюлистанскаго трактата, которымъ мы обязались признавать наслѣдникомъ персидскаго престола Аббаса-Мирзу, поддержать интригу, ведшуюся въ пользу кандидатуры его старшаго брата. Кѣмъ—это достаточно ясно даетъ понять самъ же Ермоловъ, говоря, что этотъ старшій братъ популяренъ благодаря „постоянному сохраненію нравовъ и обычаевъ народа" и тому, что „не терпитъ онъ европейскихъ учрежденій и къ англичанамъ имѣетъ ненависть". Можно бы подумать, что единственной цѣлью русскаго главнокомандующаго было парализовать вліяніе въ Персіи этихъ послѣднихъ:

*) Въ инструкціи генералу Ермолову отъ 29 іюня 1816 г.

но нѣтъ, Ермоловъ мѣтилъ гораздо дальше и не думалъ скрывать этого. Послѣ междоусобія изъ-за престола, которое имѣетъ возникнуть благодаря поддержкѣ Россіей упомянутой сейчасъ интриги, Персія, говоритъ Ермоловъ въ своемъ донесеніи императору, „долгое время не придетъ и въ теперешнее состояніе спокойнаго безпорядка, а *начинающее рождаться во многихъ частяхъ устройство по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе отдалено будетъ*". Такова конечная цѣль: а ближайшей выгодой для Россіи будетъ безпрепятственный захватъ Эриванскаго ханства, оставшагося по Гюлистанскому миру еще въ рукахъ Персіи. Александръ Павловичъ строго запретилъ эту авантюру, разореніемъ цѣлой страны покупавшую совсѣмъ въ сущности ненужный Россіи клочокъ земли,—но, кажется, Ермоловъ „не проникся" этимъ и велъ интригу дальше за свой частный счетъ, что однажды и было открыто случайно министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Разоренія Персіи онъ этимъ не достигъ—но въ сильнѣйшей степени обострилъ, конечно, ненависть къ Россіи Аббаса-Мирзы, и безъ того мало имѣвшаго основаній любить насъ. А этимъ, въ числѣ другихъ причинъ, была, несомнѣнно, подготовлена вторая персидская война, заставившая и русское правительство и самого Ермолова пережить нѣсколько довольно непріятныхъ минутъ. Является вопросъ, что же заставляло русскія военныя власти выступать съ такими проектами,—которые можно было бы назвать макіавеллистическими, не будь они слишкомъ мелки для имени Макіавелли? Была ли это безкорыстная жажда завоеваній ради нихъ самихъ, ради славы и блеска? Нѣсколько образчиковъ ермоловской же администраціи въ уже завоеванныхъ ханствахъ покажутъ намъ это. Мы разскажемъ ихъ, придерживаясь, по возможности, подлинныхъ словъ почти оффиціальнаго историка покоренія Закавказья, притомъ большого почитателя ген. Ермолова, такъ что его нельзя заподозрить въ желаніи усилить темныя краски,—ген. Дубровина. 24 іюля 1819 года умеръ „послѣ непродолжительной болѣзни" Измаилъ - ханъ шекинскій (персы открыто говорили, что онъ былъ отравленъ состоявшимъ при немъ русскимъ чиновникомъ—и дѣлали въ этомъ смыслѣ даже оффиціальныя заявленія). Въ столицу умершаго хана, Нуху, немедленно же были двинуты „для предупрежденія волненій" русскія войска. Затѣмъ, повѣствуетъ генералъ Дубровинъ, „главнокомандующій, *подъ предлогомъ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ*, приказалъ ввести въ ханствѣ Шекинскомъ русское управленіе... Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано: привести въ извѣстность ханскіе доходы, не измѣняя ни количества ихъ, ни порядка взноса; печать ханскую и Мирзу, управляющаго дѣлами, взять подъ стражу, дабы пресѣчь ему возможность выдавать фальшивыя ханскія грамоты. Привести въ извѣстность грамоты, выданныя Измаилъ-ханомъ на управленіе деревнями или на разнаго рода имущество, данное въ собственность, *описать собственное имущество хана, долженствующее поступить въ казну;* составить списокъ всему ханскому семейству съ обозначеніемъ состоявшей у каждаго собственности, чтобы

опредѣлить имъ приличное содержаніе отъ казны" *). Семейство умершаго хана было попросту такимъ образомъ ограблено: официальные документы, на которыхъ основано изложеніе Дубровина, умалчиваютъ только объ одномъ—какой комиссіонный процентъ учли въ свою пользу исполнители этой операціи, русскіе чиновники, штатскіе и военные. Что они были здѣсь нѣсколько заинтересованы, показываетъ всеобщая увѣренность, раздѣлявшаяся и рускими офицерами, что отравленъ былъ Измаилъ-ханъ по прямому приказу главнаго военнаго начальника края, генерала кн. Мадатова. Этотъ же послѣдній, по общему мнѣнію, былъ виновникомъ и другой не менѣе смѣлой операціи, совершенной въ сосѣднемъ Карабахскомъ ханствѣ. Здѣшняго хана, повидимому, отрава не брала—и для устраненія его пришлось прибѣгнуть къ средству, менѣе трагическому, но зато для того времени необычайно прогрессивному,—теперь мы назвали бы его провокаціей. Племянника хана подговорили донести на дядю, будто тотъ хочетъ его убить, при чемъ, для большей убѣдительности, было симулировано даже и самое покушеніе. Немедленно было наряжено строгое слѣдствіе. Понявъ, къ чему клонится дѣло, ханъ бѣжалъ въ Персію, предусмотрительно захвативъ съ собой большую часть жалованныхъ грамотъ императора Александра, но зато бросивъ все свое имущество. Тогда племянника, который уже видѣлъ себя наслѣдникомъ всего оставленнаго ханомъ, включая и самое ханство, преспокойно сослали въ Симбирскъ—а „выморочное" достояніе карабахской династіи поступило въ собственность русской казны. Поступило юридически, конечно: фактически же „для управленія ханствомъ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ назначенъ былъ полковникъ Реутъ". Объ этомъ храбромъ офицерѣ мы знаемъ, что у него были къ его начальнику, кн. Мадатову, не только служебныя отношенія: „41-й егерскій полкъ полковника Реута почти весь былъ занятъ въ Карабахѣ постройкой усадьбы въ имѣніи Чинахчи генералъ-маіора князя Мадатова", пишетъ другой русскій генералъ—историкъ, кн. Щербатовъ *). Немудрено, что въ результатѣ своей успѣшной административной дѣятельности начальникъ Реута—и правая рука Ермолова по управленію отобранными у Персіи ханствами—сдѣлался „изъ первыхъ помѣщиковъ въ Карабахѣ", по отзыву Паскевича—который вовсе не хотѣлъ этимъ сдѣлать какой-либо намекъ, а просто констатировалъ фактъ, желая даже сказать хорошее о Мадатовѣ. Послѣ этого Ермоловъ сколько угодно могъ увѣрять „бековъ и прочихъ состояній жителей" завоеванныхъ персидскихъ провинцій, что „собственность ихъ останется неприкосновенною",—сколько угодно могъ утѣшать и себя, что „какъ ни противится вѣра сихъ народовъ всякому просвѣщенію, не могутъ они не чувствовать выгодъ благоустройства": „беки и прочихъ состояній жители" оставались при

*) „Исторія войны и владычества рускихъ на Кавказѣ". Т. VI, стр. 388. Курсивъ нашъ.

*) Ген.-фельдм. кн. Паскевичъ. II, 30.

особомъ мнѣніи и массами бѣжали въ непросвѣщенную и варварскую Персію отъ русскаго „благоустройства“. И бѣдному просвѣщенному генералу ничего не оставалось, какъ— вѣшать строптивыхъ за ноги, что онъ и дѣлалъ, къ нѣкоторому, впрочемъ, конфузу своихъ подчиненныхъ. Послѣднихъ однако смущала болѣе азіатская форма заводившихся въ Закавказьѣ добрыхъ вотчинныхъ порядковъ: по существу же они сживались съ этими порядками съ такою же быстротой, какъ если бы дѣло происходило гдѣ-нибудь въ Тамбовской губерніи. „7-й карабинерный полкъ полковника Ладинскаго“, пишетъ тотъ же русскій генералъ, котораго мы цитировали нѣсколько выше, „строилъ въ Тифлисѣ домъ для любовницы своего командира; почти на самой границѣ Персіи командиръ 3-го карабинернаго полка князь Северсемидзе воздѣлывалъ землю и сѣялъ хлѣбъ руками ввѣренныхъ ему нижнихъ чиновъ“ *).

Все, творившееся въ бывшихъ персидскихъ ханствахъ, было, разумѣется, какъ нельзя лучше извѣстно ихъ прежнему государю,—а особенно его намѣстнику въ сосѣднемъ съ нами Азербейджанѣ, Аббасу-Мирзѣ. Въ то время, когда русскія войска занимались постройкой домовъ или пахали землю, въ Тавризѣ кипѣла работа совсѣмъ другого рода. Русскій представитель, проживавшій въ этомъ городѣ, писалъ Ермолову въ 1825 году, что уши членовъ русской миссіи „очень страдаютъ отъ залповъ, которые производятся каждый день послѣ обѣда“. „Мои палатки“, пояснялъ онъ, „раскинуты въ трехъ или четырехстахъ шагахъ за тѣми мѣстами, гдѣ формируются „безсмертные“ полки новаго Дарія, который въ самомъ дѣлѣ мечтаетъ противопоставить ихъ фалангамъ императора Александра“. Видѣвшій эти „безсмертные“ полки, о которыхъ съ такой ироніей отзывался штатскій дипломатъ, военный человѣкъ — самъ генералъ Ермоловъ — вынесъ изъ своего знакомства съ ними совсѣмъ не комическое впечатлѣніе. „Въ Персіи почти каждый поселянинъ воинъ и съ ребячества пріобыкаетъ къ ружью“, писалъ онъ Александру I еще въ 1817 году: „а потому каждый поступаетъ на службу хорошимъ стрѣлкомъ. Труды переносятъ терпѣливо, въ пищѣ чрезвычайно умѣренны, удобны къ движеніямъ необычайно скорымъ, и въ короткое время Персія можетъ имѣть пѣхоту, которая станетъ наряду съ лучшими въ Европѣ“. Настроеніе въ Персіи все поднималось, — чему не мало способствовало поведеніе русскихъ властей въ занятыхъ Россіей ханствахъ. Съ населеніемъ послѣднихъ, черезъ Араксъ, поддерживалась дѣятельная переписка—тамъ не могли дождаться, когда же, наконецъ, оставшіеся свободными братья придутъ освободить ихъ изъ русской неволи? *) Духовенство (мусульманское) по обѣ стороны границы вело совершенно открыто проповѣдь „священной войны“ съ невѣрными. Шахскому правительству нуженъ былъ только предлогъ, чтобы „начать“. Сначала его искали въ спорахъ изъ-

*) Кн. Щербатовъ, ibid.

*) См. особенно названное сочиненіе Дубровина. VI, стр. 608.

за неясныхъ мѣстъ Гюлистанскаго трактата. Но это былъ очень длинный путь — русскія власти, увѣренныя, что персы ничего серьезнаго предпринять не посмѣютъ (вѣдь стоила же чего-нибудь побѣда Котляревскаго?)—и не желая въ то же время обострять отношеній, весьма охотно тянули переговоры, не давая имъ прійти ни къ какому опредѣленному результату. Является вопросъ: почему бездѣйствовалъ лучше всѣхъ освѣдомленный и, несомнѣнно, многое предугадывавшій Ермоловъ? Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что онъ и тутъ велъ личную политику: революціоннаго настроенія въ ханствахъ онъ, по своей самоувѣренности, не видѣлъ,—а въ побѣдѣ надъ войсками Аббаса-Мирзы, по той же самоувѣренности, онъ былъ твердо увѣренъ; въ результатѣ, онъ не прочь былъ отъ новой войны, которая, сосредоточивъ въ его рукахъ большія военныя силы и окруживъ его ореоломъ побѣдъ, дѣйствительно, дала бы ему то положеніе властнаго проконсула Кавказа, „Цезаря", какъ иронизировали въ Петербургѣ, о какомъ онъ всегда мечталъ. Думалъ ли онъ использовать это властное положеніе для цѣлей болѣе далекихъ и возвышенныхъ,—какъ въ томъ же Петербургѣ склонны были бояться,—вопросъ до сихъ поръ невыясненный. Кажется, въ этомъ пунктѣ враги переоцѣнивали „Цезаря": хотя въ существованіи у него сношеній съ декабристскими кругами, если и не прямо съ тайными обществами, едва ли можно сомнѣваться. Выступить въ роли политическаго дѣятеля у него едва ли хватило бы иниціативы. Но если бы 14 декабря на Сенатской площади побѣдителемъ остался не Николай Павловичъ, „временное правительство" нашло бы въ честолюбивомъ генералѣ одного изъ преданнѣйшихъ слугъ новаго порядка: а при популярности Ермолова въ войскахъ это была не шутка. Не мудрено, что будущій побѣдитель вспомнилъ о кавказскомъ главнокомандующемъ наканунѣ рѣшительнаго дня—и вспомнилъ съ жуткимъ чувствомъ. „Я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю", писалъ Николай Павловичъ о Ермоловѣ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Дибичу, начинавшемся словами: „Послѣ завтра поутру я или государь, или — безъ дыханія".

14 декабря рѣшало сразу судьбу и Ермолова и войны. Отставка кавказскаго главнокомандующаго*) подразумѣвалась сама собою, разъ Николай къ вечеру этого дня былъ государемъ, а не „безъ дыханія". Но просто отнять власть у „Сардаря-Ермулу", какъ называли его кавказскіе туземцы, считалось слишкомъ рискованнымъ—у Ермолова было еще до сорока тысячъ солдатъ, привыкшихъ его слушаться. При нѣкоторой рѣшимости съ его стороны—будь онъ въ самомъ дѣлѣ союзникомъ декабристовъ — тутъ дѣло могло выйти серьезнѣе, чѣмъ съ возстаніемъ въ черниговскомъ полку. Николай на первое время удостаивалъ генерала, которому онъ „менѣе всѣхъ вѣрилъ", даже лестными письмами, гдѣ изъяснялось, что „будь Николай Павловичъ прежній человѣкъ", онъ бы не

*) Ермоловъ официально этого титула и связанныхъ съ нимъ правъ не имѣлъ,—но въ просторѣчіи его часто такъ называли.

преминулъ обнажить шпагу подъ начальствомъ своего бывшаго командира (Ермоловъ когда-то командовалъ гвардіей). Тѣмъ временемъ „Цезаря“ окружили преданными новому императору людьми. Первымъ изъ нихъ былъ князь А. С. Меншиковъ *), посланный якобы для привѣтствія персидскаго шаха отъ имени вновь вступившаго на престолъ русскаго государя, а также для окончательнаго улаженія споровъ изъ-за толкованія Гюлистанскаго трактата; а на самомъ дѣлѣ для надзора за Ермоловымъ. Затѣмъ явился братъ шефа жандармовъ, генералъ Бенкендорфъ, съ цѣлями уже прямо соглядатайскими; онъ, впрочемъ, оказался такимъ безтолковымъ и ограниченнымъ человѣкомъ, что даже въ качествѣ шпіона былъ мало полезенъ **), хотя доносилъ весьма усердно и навелъ на тифлисскихъ генераловъ и чиновниковъ настоящую панику. Отъ Меншикова однакоже судьба избавила Ермолова очень скоро и довольно неожиданнымъ образомъ. Еще раньше, чѣмъ онъ пріѣхалъ въ Персію, туда уже дошли слухи о 14 декабря,— какъ могли они дойти на такомъ разстояніи и сквозь призму восточной фантазіи. Приближенные шаха разсказывали, что въ Россіи теперь государя нѣтъ, Константинъ и Николай воюютъ другъ съ другомъ, и въ странѣ господствуетъ полная анархія. Удобнѣе момента для войны съ Россіей, казалось, было не найти. Повидимому, этого мнѣнія держались не только персидскіе министры, но и субсидировавшая шаха англійская Остъ-индская компанія, настоятельно рекомендовавшая персамъ не терять времени. Когда Меншиковъ явился въ резиденцію персидскаго государя, война уже была здѣсь рѣшена въ принципѣ: посла „сомнительнаго“ императора приняли какъ нельзя хуже, а затѣмъ попросту задержали,—а персидскія войска тѣмъ временемъ (въ іюлѣ 1826 года) переходили русскую границу. Пограничное населеніе встрѣчало ихъ съ распростертыми объятіями. „Въ Талышинскомъ ханствѣ“, пишетъ одинъ изъ историковъ этой эпохи, „все населеніе возстало поголовно, и до сей поры намъ всегда преданный ханъ талышинскій сталъ во главѣ возстанія. Ханъ талышинскій, говоритъ одинъ изъ русскихъ дѣятелей Закавказья, опасался рано или поздно подвергнуться участи сосѣднихъ съ нимъ хановъ и еще болѣе былъ выведенъ изъ терпѣнія беззаконіями и грабежами русскаго коменданта Ленкорани (онъ же и правитель ханства)“ *). Но театромъ настоящей революціи сталъ Елизаветполь. „27 іюля, когда татары узнали о скоромъ оставленіи города русскими войсками, они вооружились поголовно саблями и кинжалами, ворвались въ крѣпость и направились прямо къ острогу, для освобожденія заключенныхъ. Одна часть мятежниковъ бросилась на караулъ, защищавшій доступъ къ тюрьмѣ, а другая стала бросать въ окна кинжалы и такимъ путемъ снабдила преступниковъ оружіемъ.

*) См. о немъ т. III. „Крымская кампанія“. Стр. 15—16, 43 и сл.

**) См. о немъ въ запискахъ Н. Н. Муравьева, „Русскій Архивъ“. 1889 г. кн. 8, стр. 555 и слѣд.

*) Кн. Щербатовъ, названное сочиненіе. II, стр. 50.

Они легко разбили двери и запоры острога и устремились на караулъ съ тыла. Семь человѣкъ солдатъ было убито, а остальные переранены. Затѣмъ мятежники напали на отрядъ, подъ прикрытіемъ котораго было отправлено казначейство, и успѣли отбить нѣсколько тюковъ мѣдныхъ денегъ. Въ самомъ городѣ, въ ночь съ 27-го на 28-е число многіе русскіе были вырѣзаны... всѣ дѣла присутственныхъ мѣстъ остались въ рукахъ возмутившихся и были потомъ сожжены ими" *). Гдѣ населеніе не рѣшалось возстать открыто, оно оказывало пассивное сопротивленіе, прибѣгая къ бойкоту и забастовкѣ: хлѣбъ не только не продавали прямо русскимъ войскамъ, но не вывозили его вовсе на рынки; приходилось выписывать хлѣбъ изъ Астрахани. Въ Шемахѣ удалось добыть 400 четвертей пшеницы, но не нашлось ни одной мельницы, гдѣ бы ее можно было смолоть. Въ довершеніе всего кн. Мадатовъ, бывшій между прочимъ и поставщикомъ провіанта въ находившіяся подъ его командой войска, не исполнилъ своихъ обязательствъ, и крѣпость Шуша, которая скоро осталась единственнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ, гдѣ еще держались русскіе въ бывшихъ персидскихъ ханствахъ, неизбѣжно должна была сдаться отъ голода при сколько-нибудь настойчивой блокадѣ со стороны персидскихъ войскъ. Но далеко не всѣ русскія войска съ береговъ Аракса успѣли стянуться въ это убѣжище среди всеобщаго мятежа, когда врагъ грозилъ буквально со всѣхъ сторонъ: нѣсколько отрядовъ было истреблено, въ томъ числѣ одинъ довольно значительный, съ пушками; такихъ трофеевъ у персовъ давно не было.

*) Дубровинъ, названное сочиненіе, VI, 555.

Ермоловъ въ это время имѣлъ видъ человѣка совершенно растерявшагося,—трудно сказать, отъ чего болѣе: отъ сознанія ли неминуемой близкой опалы, или отъ неожиданности персидскаго нашествія и революціи въ ханствахъ. Это былъ великолѣпный предлогъ, чтобы смѣнить его не по политическимъ причинамъ, а „для пользы службы". При первомъ извѣстіи о войнѣ и нашихъ неудачахъ, Николай отправилъ въ Закавказье одного изъ наиболѣе надежныхъ своихъ генералъ-адъютантовъ, Ивана Федоровича Паскевича,—для того, чтобы командовать дѣйствующими противъ персовъ войсками „подъ главнымъ начальствомъ генерала Ермолова", но съ правомъ непосредственно сноситься съ самимъ императоромъ: не трудно было догадаться, что это означало отнятіе у Ермолова всякаго начальства надъ войсками и оставленіе его при одной „гражданской части", гдѣ онъ совершенно не былъ страшенъ. Было предусмотрѣно, что „Сардарь-Ермулу" можетъ не согласиться на такое разжалованіе—и на этотъ конецъ Паскевичъ былъ снабженъ секретнымъ высочайшимъ повелѣніемъ, смѣщавшимъ Ермолова и назначавшимъ его, Паскевича, на его мѣсто. Повелѣніе однако не пришлось пустить въ ходъ: Ермоловъ не пошелъ дальше нѣкоторыхъ невѣжливостей чисто личнаго свойства по адресу своего замѣстителя, и послѣднему пришлось изыскивать признаки неблагонадежности

Николай Александровичъ Морозовъ.

16

Julius Sittenfeld, Berlin W.

прежняго главнокомандующаго въ томъ, что тотъ принималъ у себя прапорщиковъ и поручиковъ заурядъ съ генералами,—да еще и не въ установленной формѣ; при чемъ прапорщикъ сидѣлъ, а генералъ долженъ былъ стоять. При томъ же Паскевичу, если онъ хотѣлъ совершать подвиги, нужно было спѣшить: появленіе новаго генерала изъ Петербурга подстрекнуло въ Ермоловѣ духъ военнаго соперничества, и онъ вышелъ изъ своей апатіи: высланный имъ противъ Аббаса-Мирзы кн. Мадатовъ, при всѣхъ своихъ административныхъ особенностяхъ все же „храбрый гусаръ", по признанію самого Паскевича, успѣлъ уже одержать одну побѣду надъ персами. „Отецъ-командиръ" Николая Павловича еле поспѣлъ во-время, чтобы не дать ермоловскому любимцу кончить все дѣло безъ него. Онъ прибылъ почти наканунѣ рѣшительнаго боя: Аббасъ-Мирза, замѣтивъ, что русскіе стягиваютъ подкрѣпленія изъ Грузіи и другихъ мѣстъ, поспѣшилъ предупредить сосредоточеніе русскихъ силъ и атаковалъ отрядъ Мадатова у Елизаветполя (13 сентября 1826 г.). Новыя персидскія войска произвели на Паскевича, ожидавшаго видѣть нестройную толпу, весьма сильное впечатлѣніе: „пришли въ дистанцію безъ выстрѣла, фрунтомъ открыли батальонный огонь хотя бы лучшей пѣхотѣ", писалъ онъ потомъ начальнику главнаго штаба, Дибичу. По словамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, онъ совершенно растерялся—сидѣлъ на барабанѣ позади войскъ въ полномъ смущеніи и не отдавалъ никакихъ приказаній. Самъ онъ, не скрывая, впрочемъ, своего мѣстопребыванія, увѣряетъ, въ своемъ дневникѣ, будто онъ „бросился въ резервъ", опасаясь, что ермоловскими солдатами овладѣетъ „паническій страхъ". Опасеніе едва ли не было черезчуръ субъективнымъ—ударъ въ штыки этихъ самыхъ солдатъ черезъ нѣсколько минутъ рѣшилъ бой: Аббасъ-Мирза первый бѣжалъ съ поля битвы, а за нимъ бѣжали его сарбазы. И, судя по тому, что иниціативу смѣлой атаки приписывали себѣ разные генералы, есть большое основаніе думать, что эта иниціатива, какъ часто бываетъ въ минуты суматохи, принадлежала самимъ солдатамъ. Какъ бы то ни было, персидское нашествіе разсѣялось 13 сентября, какъ дымъ,—регулярной арміи Аббаса-Мирзы, стоившей ему столькихъ денегъ и столькихъ хлопотъ, опять не существовало, а справиться съ однимъ возставшимъ населеніемъ было уже не такъ трудно.

Недостатокъ продовольствія и перевозочныхъ средствъ помѣшалъ немедленно использовать елизаветпольскій успѣхъ—и противъ персовъ пришлось вести еще одну кампанію, въ слѣдующемъ 1827 году. Паскевичъ приписывалъ эту задержку интригамъ Ермолова и Мадатова, но такъ какъ русскія войска терпѣли недостатокъ въ обоихъ указанныхъ отношеніяхъ и въ слѣдующемъ году, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ подготовки, то мы вправѣ отнести жалобы Паскевича насчетъ его излишней подозрительности ко всему „ермоловскому". Тѣмъ болѣе, что вторую кампанію онъ велъ уже совершенно самостоятельно: въ промежуткѣ между нею и предыдущимъ походомъ 1826 года на Кавказъ явил-

ся третій и самый полномочный агентъ императора Николая, начальникъ его штаба, баронъ Дибичъ (два года спустя главнокомандующій въ Европейской Турціи),—и окончательно „развелъ“ спорящихъ генераловъ, такъ именно, какъ этого можно было ожидать заранѣе. Ермоловъ былъ уволенъ отъ всѣхъ своихъ должностей, а Паскевичъ назначенъ на его мѣсто *). Въ чисто военномъ отношеніи ходъ дѣла послѣ елизаветпольской побѣды не представлялъ уже никакихъ сомнѣній. Если что задерживало еще рѣшительные удары въ теченіе всего лѣта 1827 г., то это были климатическія условія и развившіяся подъ ихъ вліяніемъ въ рядахъ русской арміи болѣзненность и смертность. Только съ наступленіемъ осени дѣла въ этомъ отношеніи поправились—1 октября Паскевичъ могъ порадовать Николая Павловича взятіемъ Эривани. Чего стоила на самомъ дѣлѣ эта крѣпость (выразительное опредѣленіе ея, сдѣланное впослѣдствіи самимъ императоромъ Николаемъ, мы уже знаемъ), показываетъ тотъ фактъ, что на осаду ея потребовалась ровно одна недѣля: затѣмъ Эривань защищаться уже болѣе не могла. Но не болѣе упорное сопротивленіе встрѣтили русскія войска и въ коренныхъ областяхъ Персіи,—въ самомъ Азербейджанѣ, куда тотчасъ же послѣ занятія Эриванскаго ханства были перенесены военныя дѣйствія. Вторичная неудача каджаровъ въ борьбѣ съ русскими обходилась имъ дорого: ихъ грабительской политики имъ никогда не прощали, какъ и ихъ тюркскаго происхожденія. Въ глазахъ шіитскаго духовенства они всегда были узурпаторами,—ибо истиннымъ повелителемъ правовѣрныхъ въ глазахъ шіита могъ быть только потомокъ Али. Теперь, когда военная сила каджаровъ пала во прахъ, шіитскіе проповѣдники, съ тавризскимъ муштехидомъ во главѣ, заговорили объ этомъ открыто. Опытъ 1826 года принесъ все-таки нѣкоторую пользу: Паскевичъ очень заботился о томъ, чтобы на первыхъ порахъ не раздражать мѣстнаго населенія, и не трогалъ туземныхъ властей. При такихъ условіяхъ азербейджанскіе ханы, давно уже обезпокоенные централизаторскими наклонностями Аббаса-Мирзы, весьма не прочь были промѣнять прямое подданство каджарамъ на вассальную зависимость отъ русскаго императора. Передъ русскимъ главнокомандующимъ уже открывались необыкновенно блестящія перспективы. „Англичане“, писалъ Паскевичъ Николаю изъ занятаго имъ (13 октября 1827 г.) Тавриза, „гораздо болѣе персіянъ соболѣзнуютъ объ участи Аббаса-Мирзы; они не скрываютъ своего опасенія, что Азербейджанъ по всей справедливости можетъ за нами остаться, и тогда могущество ихъ истиннаго союзника рушится. Здѣсь, въ Тавризѣ, въ корнѣ ихъ настоящаго вліянія, кромѣ Аббаса-Мирзы, несмотря на расточительность ихъ дипломатовъ, никто ихъ не только покровительствовать, но и терпѣть не будетъ; съ утратою Азербейджана англійскіе чиновники могутъ сѣсть

*) Не совсѣмъ къ полному удовольствію барона Дибича,—который, повидимому, не прочь былъ сѣсть на мѣсто Ермолова самъ, но наткнулся на рѣшительное противодѣйствіе Николая.

на корабли въ Бендеръ-Буширѣ и возвратиться въ Индію". Но англичане какъ разъ въ этотъ моментъ были союзниками Николая Павловича: *) а кромѣ того, произвести въ Персіи описываемый Паскевичемъ переворотъ можно было только, опираясь на антидинастическое движеніе, руководимое духовенствомъ; императору же Николаю I въ высокой степени противна была мысль о поддержкѣ какихъ бы то ни было революціонеровъ, хотя бы то были шіитскіе мистики. Широкіе планы Паскевича не получили высочайшаго одобренія; граница Россіи осталась на Араксѣ—въ нее вошло, изъ новыхъ территорій, только Эриванское ханство. Азербейджанъ Аббасъ-Мирза получилъ возможность выкупить цѣною контрибуціи въ 70 милліоновъ рублей ассигнаціями,—изъ которыхъ одинъ милліонъ достался непосредственно „графу Эриванскому".

Спѣшить съ заключеніемъ „Туркманчайскаго" мира **) приходилось еще и по другимъ причинамъ: послѣ Наваринской битвы (20 октября 1827 г.) въ близости войны съ Турціей не могло болѣе быть сомнѣній. Оттого въ Петербургѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ждали прекращенія военныхъ дѣйствій въ Персіи и такъ боялись увлеченій Паскевича. Русскія войска въ Закавказьѣ изъ персидскаго похода прямо пошли въ турецкій Какого рода противникъ ихъ здѣсь ожидалъ, мы уже видѣли выше: за двадцать лѣтъ условія нисколько не измѣнились. Нестройныя ополченія турецкихъ пашей были, пожалуй, еще менѣе грознымъ врагомъ, чѣмъ обученные англійскими офицерами батальоны Аббаса-Мирзы. Кто знаетъ исторію нашихъ позднѣйшихъ кампаній въ Азіатской Турціи, 1853—56 и 1877—78 гг., когда довольно значительнымъ русскимъ силамъ — болѣе крупнымъ, чѣмъ тѣ, какія находились въ распоряженіи Паскевича, — приходилось покупать каждый шагъ впередъ тяжелыми жертвами, не можетъ безъ удивленія читать разсказъ о походахъ русскихъ войскъ въ тѣхъ краяхъ въ 1828—29 гг., и неизбѣжно выноситъ впечатлѣніе, что турки, какъ военная сила, значительно поднялись въ теченіе XIX вѣка. Главное затрудненіе для Паскевича,—какъ въ свое время для Гудовича и Тормасова,—представляли воинственныя горныя племена разныхъ наименованій,—лазы, аджарцы и тому под. Взятіе защищавшихся послѣдними горныхъ крѣпостей, Ахалкалаки и Ахалцыха (въ іюлѣ—августѣ 1828 г.), принадлежало, пожалуй, къ самымъ труднымъ операціямъ этой войны. Съ самими турками дѣло шло гораздо легче: тотъ самый Карсъ, который стоилъ русской арміи столько крови въ два послѣдующіе раза — въ Крымскую войну и въ войну 1877 года—теперь былъ захваченъ съ налета, безъ осады, съ ничтожными относительно потерями. Въ концѣ концовъ Паскевичу и здѣсь угрожала опасность зайти слишкомъ далеко и взять слиш-

*) См. т. I: „Внѣшняя политика". 4. Восточная политика императора Николая I.

**) Онъ былъ подписанъ въ ночь съ 9 на 10 февраля 1828 года „ровно въ 12 часовъ ночи, въ минуту, объявленную астрологомъ персіянъ самой благопріятнѣйшей", писалъ Паскевичъ. Какое настроеніе миръ оставилъ у персовъ, показываетъ убійство Грибоѣдова.

комъ много: русскія войска проникли въ 1829 году въ такія мѣста, куда они уже не заходили никогда потомъ. Былъ занятъ не только Эрзерумъ, но и Байбуртъ, а передовые отряды Паскевича готовы были итти еще далѣе—въ глубь Малоазійскаго полуострова. Изъ Петербурга все это казалось чуть не повтореніемъ походовъ Александра Македонскаго, и счастливый побѣдитель былъ осыпанъ наградами, какихъ не получалъ еще ни одинъ русскій генералъ со временъ Суворова и Кутузова,—до Георгія первой степени включительно. На дѣлѣ же, полунезависимымъ, весьма рыхло связаннымъ тогда съ Турецкой имперіей племенамъ Армянскаго нагорья въ сущности было все равно, кого признавать своимъ сюзереномъ—турецкаго султана или русскаго императора. А на туземныхъ ополченіяхъ этихъ народцевъ держалась здѣсь вся турецкая оборона. Николай поступилъ вполнѣ разумно, удержавъ за Россіей только стратегически ей нужныя части ахалцыхскаго пашалыка—не увлекшись и здѣсь широкими завоевательными планами своего новаго фельдмаршала. Но отъ иллюзій, созданныхъ легкостью побѣды здѣсь, онъ не могъ уберечься: ему стало казаться, что на Кавказѣ вообще весьма легко дѣлать завоеванія. „Кончивъ такимъ образомъ одно славное дѣло“, писалъ Николай Паскевичу, посылая ему фельдмаршальскіе эполеты, „предстоитъ вамъ другое, въ моихъ глазахъ столь же славное, а въ разсужденіи прямыхъ пользъ гораздо важнѣйшее,—усмиреніе навсегда горскихъ народовъ или истребленіе непокорныхъ“. Послѣ первой же удачной экспедиціи императоръ былъ уже „несомнѣнно увѣренъ, что усмиреніе прочихъ непокорныхъ народовъ Кавказа вскорѣ увѣнчаетъ усилія“ побѣдителя Эривани, Ахалцыха, Карса, Эрзерума и прочихъ „твердынь“: и могло ли, казалось, быть иначе?

2.

Горцы и мюридизмъ.

Въ глазахъ русской администраціи начала XIX в. всѣ народы, населявшіе Кавказскій хребетъ и его предгорья, были на одно лицо: все это были „мошенники“ и „злодѣи“. Въ глазахъ русскаго обывателя не только того, но и много болѣе поздняго времени, все это были „черкесы“—и, конечно, тоже „коварные хищники“ *). Борьба съ ними казалась неизбѣжной для Россіи, какъ и для всякаго благоустроеннаго государства, имѣвшаго несчастіе стать ихъ сосѣдомъ: они же дѣлали „набѣги“ и, повидимому, это была основная ихъ профессія,—какъ иначе было съ ними поступать? Однако даже русскіе офицеры,—если они по происхожденію были сродни тѣмъ, съ кѣмъ приходилось имъ воевать,—

*) Уже цитированный нами почти офиціальный историкъ Кавказскихъ войнъ такъ и начинаетъ оглавленіе отдѣла о черкесахъ въ своемъ сочиненіи съ рубрики: „Одежда черкеса, его жизнь и хищничество“. См. Дубровинъ, названное сочиненіе, I, стр. V.

должны были признать, по крайней мѣрѣ, односторонность такого объясненія. Вотъ какъ, напримѣръ, объясняетъ начало столкновеній между русскими и чеченцами одинъ русскій ротмистръ, — чеченецъ родомъ, но воспитывавшійся въ русскомъ кадетскомъ корпусѣ, и офиціальный патріотизмъ котораго не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: по его мнѣнію, „издавна вольные чеченцы“ стали „наслаждаться свободою“ только послѣ покоренія ихъ русскими. Для пониманія его разсказа, вспомнимъ, что русскіе колонисты еще въ XVII вѣкѣ встрѣчаются къ югу отъ Терека и Сунжи— и лишь въ XVIII оставляютъ эти мѣста. „Опасаясь русскихъ и полагая, что они такъ же легко могутъ возвратиться въ Чечню, какъ могли оставить ее, они (чеченцы) селились сперва хуторами, да и то въ неприступныхъ мѣстахъ ущелій, лѣсовъ и проч. Русскіе нападали на нихъ, грабили ихъ имущество, жгли хутора, убивали и плѣняли людей, такъ что еще долго чеченцы не рѣшались водворяться на ней (плоскости между Терекомъ и горами). Съ своей стороны и чеченцы не менѣе безпокоили русскихъ, *мстя имъ тѣми же средствами*, уводя ихъ въ плѣнъ и угоняя табуны и скотъ“. „Безпрестанно разоряемые русскими, чеченцы такъ свыклись съ переселеніемъ съ одного мѣста на другое, что это составляетъ ихъ народную отличительную черту“ *).

Авторъ приводитъ и нѣсколько характерныхъ случаевъ, свидѣтельствующихъ, какъ чеченцы восемнадцатаго столѣтія боялись русскихъ; мы не будемъ ихъ перечислять, отмѣтимъ только одинъ выразительный примѣръ,—показывающій, что поселеніе въ „предѣлахъ досягаемости“ для своихъ русскихъ сосѣдей обитатели Чечни считали своего рода молодечествомъ: одинъ изъ первыхъ ауловъ, основанныхъ на плоскости, получилъ названіе „Маюртупъ“ — „становище храбрыхъ“. Какъ видимъ, „злой чеченъ“ не даромъ такимъ сдѣлался— и невсегда былъ такимъ злымъ, надо прибавить: „до принятія ислама чеченцы были миролюбивѣе своихъ сосѣдей“, — говоритъ нашъ авторъ, забывая прибавить, или не замѣчая (хотя самъ же онъ подробно разсказываетъ объ этомъ въ другой связи), что самое „принятіе ислама“ чеченцами въ XVIII вѣкѣ было тѣсно связано съ рѣзкимъ подъемомъ настроенія у этого племени, подъ вліяніемъ непрерывной и ожесточенной борьбы съ русскими. Исламъ былъ боевой религіей горцевъ, раньше бывшихъ фактически язычниками,—а номинально иногда исповѣдывавшихъ и христіанство. Но объ этомъ намъ еще придется говорить дальше, а пока отмѣтимъ, что и представленіе объ однообразіи или, по крайней мѣрѣ, родствѣ всѣхъ горскихъ племенъ Кавказа столь же мало состоятельно, какъ и мнѣніе о „коварномъ хищничествѣ“, какъ нѣкоторомъ прирожденномъ ихъ качествѣ. „Злой чеченъ“ понялъ бы „коварнаго хищника“ изъ Кабарды нисколько не лучше, чѣмъ русскаго или грузина. А среди дагестанскихъ лезгинъ бывали случаи, что два сосѣдніе аула, на разстояніи верстъ двадцати другъ отъ друга, имѣли различныя нарѣчія.

*) У. Лаудаевъ. — Чеченское племя. „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, выпускъ VI.

Лингвистическое родство кавказскихъ народностей до сихъ поръ плохо выяснено (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, напримѣръ, осетинъ). Общій языкъ они получили лишь съ исламомъ,—и весьма любопытно, что русскія власти вынуждены были въ своихъ обращеніяхъ къ горцамъ прибѣгать именно къ офиціальному языку мусульманскаго богослуженія, арабскому, который знали чаще всего одни муллы: какой это былъ надежный проводникъ русскаго вліянія, не трудно себѣ представить.

Различные по языку, горскіе народы не болѣе походили другъ на друга и своимъ общественнымъ строемъ. И здѣсь объединяющимъ началомъ явилось только мусульманство, со своимъ каноническимъ правомъ („шаріатомъ"), игравшимъ въ этихъ мѣстахъ приблизительно такую же роль, какъ римское право въ средневѣковой Европѣ. Съ этой послѣдней наиболѣе культурное изъ горскихъ племенъ, черкесы въ собственномъ смыслѣ („адиге"), населявшіе западную половину Кавказскаго хребта, представляютъ сходство, рѣзко бросающееся въ глаза—и давно отмѣченное. Даже совершенно чуждые всякихъ слѣдовъ сравнительнаго метода этнографы-описатели не сумѣли передать нѣкоторыхъ черкесскихъ обычаевъ безъ помощи феодальной терминологіи. Здѣсь мы имѣли сложную лѣстницу вассалитета съ сюзереномъ-княземъ („пшитлъ"), вассалами первой степени („тлехотлями"), арьеръ-вассалами („бесленъвуорками",—„вуоркъ" вообще вассалъ), вооруженной челядью—дружиной (узденями), невооруженными, и потому неблагородными, челядинцами—„логанапутами" и „унаутами" (холопами) и, наконецъ, крѣпостнымъ крестьянствомъ разныхъ степеней зависимости и различныхъ наименованій. Подобно французскому сеньеру XII столѣтія, черкесскій дворянинъ—такъ же, какъ и этотъ сеньеръ, высоко цѣнившій чистоту своей крови—имѣлъ право „мертвой руки" по отношенію къ жившему на его землѣ крестьянину и „право отъѣзда" по отношенію къ своему сюзерену-князю. Подобно французскому королю или герцогу той же эпохи, этотъ сюзеренъ ничего не предпринималъ безъ совѣщанія со своими вассалами,—а въ болѣе важныхъ случаяхъ созывалъ представителей всѣхъ „чиновъ", кромѣ, конечно, крѣпостныхъ крестьянъ и холоповъ. Изъ этой „куріи", какъ и въ западной Европѣ, мало-по-малу выдѣлилось спеціально судебное учрежденіе, изъ крупнѣйшихъ вассаловъ и свѣдущихъ въ писанномъ правѣ духовныхъ лицъ—зародышъ средневѣковаго „парламента". Но писанное право начинало брать верхъ, вмѣстѣ съ усиленіемъ вліянія ислама, въ послѣднія десятилѣтія черкесской независимости: раньше господствовали исключительно *кутюмы* („адатъ"), свои у каждаго племени и даже у каждой мѣстности, передававшіеся изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Судъ по этимъ кутюмамъ имѣлъ характеръ упорядоченной борьбы, но неограниченнаго права кровной мести черкесы уже не знали: отъ кровомщенія юридически всегда можно было откупиться; на практикѣ и черкесское общество, какъ всякое феодальное, жило больше самосудомъ: обиженный, пока не получалъ удо-

влетворенія, всячески досаждалъ обидчику, чѣмъ могъ, сжигалъ его постройки, захватывалъ у него скотъ и другое имущество: эту „баранту" и военный историкъ Кавказа не сумѣлъ передать иначе, какъ черезъ „represailles". Если спорящими сторонами были князья или ихъ крупные вассалы, ссора обыкновенно принимала характеръ настоящей войны, при чемъ больше всего доставалось, конечно, ни въ чемъ неповиннымъ крестьянамъ обѣихъ сторонъ. Но, вообще говоря, черкесскій крестьянинъ—подобно крестьянину средневѣковой Европы—далеко не былъ такимъ „движимымъ имуществомъ" своего помѣщика, какъ русскій крѣпостной, его современникъ: продавались и мѣнялись поштучно только холопы, которыхъ было немного, преимущественно изъ военноплѣнныхъ и ихъ потомства. По средневѣковому обыкновенію, имущественныя права крестьянина были лучше ограждены, чѣмъ личныя: на имущество своего крѣпостного черкесскій баринъ имѣлъ лишь строго опредѣленныя обычаемъ права и не могъ требовать отъ него ни работы, ни оброка сверхъ обычая. Съ другой стороны, и крестьянинъ, по обычаю, имѣлъ право требовать отъ своего помѣщика матеріальной поддержки въ извѣстныхъ случаяхъ. „Вспахать поле—мое дѣло, говорилъ крестьянинъ, но сѣмена и волы его (господина); выкосить сѣно—горе рукъ моихъ, а коса, просо и два барана—камень на его шеѣ". Зато отъ вспышекъ барскаго гнѣва—до убійства включительно—черкесскій крестьянинъ юридически ничѣмъ не былъ гарантированъ точно такъ же, какъ и его далекій прообразъ—средневѣковой вилланъ: тутъ сдержки были только моральныя. Тѣмъ не менѣе „крестьянинъ говорилъ со своимъ господиномъ, какъ съ равнымъ себѣ; въ обращеніи же съ нимъ господина не было ничего унизительнаго или оскорбительнаго. Крестьянинъ, дворовый человѣкъ и даже рабъ не терпѣли никакихъ кличекъ и откликались только на свое настоящее имя". „Мщеніе обиженныхъ крестьянъ противу владѣльцевъ встрѣчалось очень рѣдко; бѣгство же крестьянъ изъ непокорныхъ обществъ въ наши предѣлы бывало еще рѣже" *).

Какъ и всякое феодальное общество, черкесское было весьма далеко отъ европейскаго идеала „общественной безопасности": остается вопросъ однако, такъ ли близко къ этому идеалу было русское общество начала XIX вѣка и даже вообще всей первой его половины? Стоитъ вспомнить „Стучитъ" Тургенева, чтобы живо представить себѣ обстановку, въ какой жили въ этомъ отношеніи наши совсѣмъ недавніе предки. Но было бы весьма ошибочно думать, что разбой считался нормальнымъ и естественнымъ явленіемъ у черкесовъ: они знали свою полицію безопасности, организованную на подобіе средневѣковой англійской и нашихъ „губныхъ учрежденій" московскихъ временъ. Власти той мѣстности, гдѣ слишкомъ участились разбои, прибѣгали къ „повальному обыску",—подъ присягой допрашивали мѣстныхъ жителей, кто у нихъ тутъ „лихіе люди". Обнаруженныхъ такимъ путемъ разбойниковъ ждало наказаніе—въ пред-

*) Дубровинъ, назв. соч., I, стр. 214—215.

видѣніи котораго они, обыкновенно, предпочитали скрыться изъ даннаго округа. Кромѣ того, черкесское общество отнюдь не было стоячимъ болотомъ, въ немъ происходила своя эволюція, аналогичная и въ этомъ случаѣ эволюціи всякаго феодальнаго общества. Въ основѣ ея лежалъ хозяйственный подъемъ. Населеніе росло, параллельно съ этимъ развивалась торговля (при посредствѣ турокъ, черезъ Анапу) и промыслы: нѣкоторые продукты черкесской мелкой индустріи,—кожаныя и ювелирныя издѣлія, напримѣръ,—находили себѣ сбытъ далеко за предѣлами Кавказа. Насколько интенсивна была земледѣльческая культура, показываютъ и до сихъ поръ остатки искусственнаго орошенія, фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ около развалинъ черкесскихъ ауловъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать отъ горныхъ мѣстностей, основу богатства составляло скотоводство,—въ особенности коневодство. Даже теперь, послѣ неоднократнаго разоренія страны русскими, Кабарда славится своими лошадьми. Все это не могло не перенести постепенно центра соціальной тяжести съ непроизводительнаго военнаго класса, „вуорковъ" съ ихъ узденями, на производительный—на крестьянство. Стоитъ отмѣтить, что еще до начала войны съ Россіей эта соціальная перестановка давала уже и политическіе результаты: въ черкесскихъ „чинахъ" начинаютъ играть роль молчавшіе до сихъ поръ представители черкесскаго „третьяго сословія". Эволюція только въ одномъ случаѣ дошла до своего логическаго конца: въ землѣ *шапсуговъ*, одного изъ черкесскихъ племенъ, господство дворянъ было совершенно свергнуто, по крайней мѣрѣ, на время. Причина—вѣрнѣе, непосредственный поводъ—революціи была необыкновенно характерна: дворяне Шеретлуковы ограбили купеческій караванъ и при этомъ убили нѣсколько защитниковъ торговцевъ изъ числа мѣстныхъ жителей (купцы обыкновенно прибѣгали къ подобному покровительству, какъ это опять-таки не чуждо было и средневѣковой Европѣ). Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кровавой борьбы удалось дворянамъ вернуться въ страну (дѣло происходило въ 90-хъ годахъ восемнадцатаго вѣка)—но это была не побѣда, а лишь компромиссъ: благородное сословіе сохранило только нѣкоторыя почетныя привилегіи, участіе же въ управленіи народными дѣлами оно должно было раздѣлить съ „неблагородными". Уравненіе сословій сказалось особенно рѣзко на размѣрахъ платы за убитаго („головничества", какъ называлось это у насъ въ дни „Русской Правды"): прежде за дворянина платили въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ за смерть простого человѣка; теперь за перваго платили 30 головъ скота,—за второго 28. Примѣръ шапсуговъ такъ подѣйствовалъ, что у *абадзеховъ* и *натухайцевъ* подобная же демократизація общества прошла безъ всякой революціи. Нѣтъ надобности говорить, что русское правительство—уже тогда сосѣдъ черкесовъ—было на сторонѣ дворянъ: имъ помогали нѣсколько сотенъ казаковъ съ пушкою, по прямому разрѣшенію Екатерины II. Черкесское крестьянство въ первомъ же бою очень пострадало отъ русской артиллеріи,—но не сдалось...

У черкесовъ аристократическій строй мало-по-малу уступалъ мѣсто демократіи: у чеченцевъ аристократія совсѣмъ еще не успѣла сложиться ко времени войны. Если первые даютъ намъ картину развитого феодальнаго общества, напоминая Европу XI—XII вѣка, то вторые не меньше напрашиваются на аналогію съ германцами Цезаря и Тацита. Чечня конца XVIII вѣка—страна до-феодальной, патріархальной демократіи. Земля принадлежала родамъ, а не отдѣльнымъ лицамъ: при занятіи новой территоріи (въ данномъ случаѣ Ичкеріи) „земля дѣлилась при собраніи цѣлаго народа; когда фамилія (= родъ) получала свою часть, то для отстраненія на дальнѣйшее время поземельныхъ недоразумѣній всѣ присутствовавшіе брались свидѣтелями въ означеніи границъ". *) Междуродовые споры обычно разрѣшались кровной местью; посредническій судъ только еще вырабатывался. Въ то же время „чеченцы не имѣли князей и были всѣ равны между собою, а если случалось, что инородцы высшихъ сословій селились между ними, то и они утрачивали свой высокій родъ и сравнивались съ чеченцами. Чеченцы называютъ себя узденями; слово это имѣетъ у нихъ другое значеніе, чѣмъ у ихъ сосѣдей. У послѣднихъ узденство дѣлилось на степени, у чеченцевъ же всѣ люди стояли на одной степени узденства, различаясь между собою только качествами: умомъ, богатствомъ, щедростью, храбростью, а нерѣдко и другими дѣлами, разбоями, воровствомъ и т. д. Слово уздень, заимствованное ими отъ сосѣдей, означаетъ у чеченцевъ—человѣкъ свободный, вольный, независимый или, какъ они сами выражаются, „вольный какъ волкъ" *). Для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ все племя собиралось на вѣче—и мѣста этихъ собраній были извѣстны всѣмъ: ичкеринцы (горные чеченцы) собирались около аула Цонтари, плоскостные чеченцы—въ Ханкальскомъ ущельѣ, на курганѣ, который русскіе потомъ назвали Ермоловскимъ, и т. д. Рѣшенія такого собранія имѣли такую же силу, какъ и „адатъ" (обычай)—и только такое собраніе могло установить новый адатъ. Постоянной власти надъ собой чеченцы не выносили: они подчинялись выбранному предводителю въ походѣ, но въ мирное время ихъ выборные старшины встрѣчали мало повиновенія внѣ предѣловъ своего рода. Князья были только у племенъ, жившихъ по Тереку, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ русскими: и цитированный нами историкъ Чечни возводитъ эту особенность притерекскихъ чеченцевъ къ прямому вліянію русскаго правительства, которое съ помощью князей надѣялось прибрать къ рукамъ чеченскую демократію. Какъ и тацитовскіе германцы, чеченцы не были, конечно, удобными и покойными сосѣдями. Но нужно было все безграничное непониманіе особенностей первобытныхъ народовъ, чтобы трактовать населеніе Чечни, какъ одну сплошную „шайку разбойниковъ",—какъ это дѣлалъ Ермоловъ, офиціально утверждавшій, что „сего народа, конечно, нѣтъ

*) Лаудаевъ, цитированное сочиненіе, стр., 39 (примѣчаніе XI).

*) Ibid., стр. 23—4.

подъ солнцемъ ни гнуснѣе, ни коварнѣе, ни преступнѣе". Ермоловскіе солдаты были иного мнѣнія—и массами дезертировали въ демократическую Чечню, тогда какъ въ феодальную Кабарду не бѣжалъ почти никто. Вопросъ о выдачѣ этихъ бѣглецовъ былъ однимъ изъ наиболѣе острыхъ и портившихъ отношенія между русской администраціей и чеченцами. Что послѣдніе вовсе не были профессіональными разбойниками—едва ли нужно прибавлять. Горныя племена занимались главнымъ образомъ скотоводствомъ: можетъ быть, и самое названіе чеченцевъ, „нахчой" (такъ они называли себя сами: чеченцами ихъ прозвали русскіе по имени главнаго торговаго пункта на плоскости аула Шашанъ или Чеченъ) сродни чеченскому слову „нахчи", „сыръ". На плоскости чеченцы усиленно стали заниматься земледѣліемъ—и сбывали хлѣбъ не только въ сосѣднюю Кабарду, а и за границу (въ Турцію). Чеченскимъ хлѣбомъ питался и Дагестанъ: населявшія его пастушескія, лишь отчасти занимавшіяся и земледѣліемъ, чаще нѣкоторыми кустарными промыслами (ковры, шелковыя ткани и т. под.) племена *лезгинъ* (въ сущности народностей очень различнаго происхожденія и языка) по своему общественному строю близко подходили къ горнымъ чеченцамъ—и представляли собою ту же патріархальную демократію, только на болѣе ранней ступени развитія: если тѣ были германцами эпохи Тацита, то эти больше походили на германскія племена, которыя зналъ Цезарь.

До начала XIX вѣка русское правительство держалось по отношенію къ горскимъ племенамъ оборонительной тактики: этой системѣ дѣйствій отвѣчало устройство во второй половинѣ позапрошлаго вѣка кавказской оборонительной линіи, вдоль Кубани и Терека. На той же точкѣ зрѣнія относительно кавказскихъ дѣлъ продолжало стоять и правительство Александра I. „Съ горскими народами вести войну попрежнему", говоритъ высочайше утвержденная инструкція главнокомандующему 1806 года: „сохраняя возможную бдительность для отраженія ихъ наглостей, соразмѣряя однакоже наказаніе съ преступленіемъ, поелику война есть обыкновенный ихъ образъ жизни. Но Дагестанъ непремѣнно и надолго нужно еще держать въ блокадѣ, не подаваясь ни мало во внутренность горъ, хотя бы представилась къ тому временная удобность. Ибо между могущею быть пользою и опасностью нѣтъ никакой соразмѣрности. Единственный способъ, могущій быть дѣйствительнымъ и полезнымъ противъ горскихъ народовъ, состоитъ въ томъ, чтобы, довольствуясь наружными знаками ихъ подданства, стараться удержать ихъ въ блокадѣ". Но параллельно съ этимъ мы встрѣчаемъ робкія и довольно неуклюжія попытки *экономическаго* завоеванія Кавказа—единственной системы, которая могла съ теченіемъ времени къ чему-нибудь привести. Прямымъ средствомъ къ этому была русская колонизація: въ 1811 году на Кавказской линіи была поселена 1.631 семья, въ которыхъ считалось 4.901 человѣкъ мужескаго пола. Въ 1821 году общее число переселенцевъ доходило до 16.794 душъ мужескаго пола—изъ Черниговской и Полтавской губерній. Переселенцы эти „на-

ходились въ самомъ бѣдственномъ положеніи и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Продавъ на мѣстѣ свое имущество за безцѣнокъ, переселенцы были отправлены въ путь осенью, въ самое неудобное время и, лишившись по дорогѣ скота, доходили до Черноморія или нищими, или оставались зимовать по разнымъ губерніямъ, прося милостыни". Ермоловъ пробовалъ устроить въ ихъ пользу частную подписку, которая дала около 10.000 руб. ассигнаціями и 16 лошадей: нѣсколько менѣе одного рубля и безконечно малую дробь лошади на каждаго переселенца *). Не лучше удавались и косвенныя средства. У одного изъ кавказскихъ главнокомандующихъ, Тормасова, сложился не лишенный грандіозности проектъ—поставить Россію на мѣсто Турціи, до тѣхъ поръ снабжавшей всѣми необходимыми фабрикатами, а главнымъ образомъ—солью, племена западнаго Кавказа (такъ называемыхъ черкесовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова). Такъ какъ этимъ племенамъ и хлѣба своего никогда не хватало—а хлѣбъ уже, конечно, Россія могла имъ доставить, то экономическая зависимость ихъ отъ Россіи казалась дѣломъ не невозможнымъ. Были устроены „мѣновые дворы",—а позднѣе, около 1820 года, создана особая административно-коммерческая организація съ „попечителемъ торговли" во главѣ и цѣлымъ штатомъ чиновниковъ при немъ. Какъ вся эта компанія вела дѣла — представить себѣ не трудно: Ермоловъ впослѣдствіи открылъ, что въ складахъ „попечителя торговли" вмѣсто нужныхъ горцамъ товаровъ нѣтъ ничего, кромѣ „съѣденнаго ржавчиною желѣзнаго лома". Всѣ планы и намѣренія Петербурга—или отдѣльныхъ мечтателей среди мѣстныхъ администраторовъ, въ родѣ Тормасова—разбивались о суровую дѣйствительность, которой никто лучше и выразительнѣе не описалъ, чѣмъ тотъ же Тормасовъ, въ одномъ изъ своихъ „отношеній" военному министру *). „Расширеніе Кавказской линіи насчетъ лучшей ихъ земли сдѣлало кабардинцевъ къ намъ недовѣрчивыми", писалъ онъ здѣсь: „жестокости начальниковъ привели ихъ въ уныніе, система, принятая, чтобы черезъ сокровенныя пружины производить вражду между владѣльцами, узденями и народомъ и содержать посреди ихъ междоусобіе, родила въ нихъ привычку къ войнѣ; наконецъ, суетное желаніе нѣкоторыхъ изъ начальствовавшихъ на линіи, чтобы отличить себя военными дѣйствіями противъ кабардинцевъ, вмѣсто того, чтобы привлечь ихъ къ себѣ черезъ кроткое и справедливое управленіе, ввело почти въ обыкновеніе, чтобы каждый годъ дѣйствовать противъ нихъ или другихъ народовъ войсками, *нерѣдко безъ всякой причины*. Таковыми мѣрами кабардинцы ожесточены до того, что хотя они и не имѣютъ и тѣни своей прежней могущественности, слѣдовательно, при послѣднемъ изнеможеніи своемъ, питаютъ однакоже донынѣ неодолимый духъ мщенія противъ Россіи..."

Если бы Тормасовъ не писалъ за нѣсколько лѣтъ до появленія на Кавказѣ Ермолова, его характеристику

*) Дубровинъ, названное сочиненіе, V, 408, VI, 488 9.

*) Отъ 12 октября 1810 года. См. тамъ же, V, 411. Курсивъ ниже нашъ.

поведенія „нѣкоторыхъ изъ начальствовавшихъ“ послѣдній имѣлъ бы полное право принять за намекъ. Именно своей „энергіей“ по адресу горскихъ племенъ Ермоловъ и создалъ себѣ въ кавказской арміи ту популярность, которая заставляла такъ бояться его въ Петербургѣ въ смутные дни конца 1825 года. Исторія его управленія представляетъ собою, собственно для Кавказской линіи, непрерывную цѣпь тѣхъ „дѣйствій войсками, нерѣдко безъ всякой причины“—и всегда почти по причинамъ ничтожнымъ—о какихъ говоритъ его предшественникъ. Исходной точкой ермоловской политики по отношенію къ горцамъ составляли, конечно, „набѣги“. Ему, вѣроятно, было извѣстно то, о чемъ сорокъ лѣтъ спустя писалъ цитированный нами выше офицеръ-чеченецъ, и что косвенно подтверждалъ и Тормасовъ: что „набѣги“ были въ сущности дѣломъ обоюднымъ, и весьма нелегко было установить, кто на кого первый сталъ „набѣгать“, горцы ли на линейныхъ казаковъ, или линейные казаки на горцевъ. Ему извѣстно было даже болѣе,—что набѣги вовсе не носили, такъ сказать, „національнаго“ характера: очень часто разбойничали сообща представители обѣихъ сторонъ, по-братски дѣлясь потомъ добычей, захваченной ли у русскихъ, или у кавказцевъ—безразлично. Въ одномъ офиціальномъ документѣ русскій главнокомандующій свидѣтельствуетъ даже, что этимъ полюбовнымъ соглашеніямъ не чужда была и мѣстная администрація: онъ нашелъ „чиновниковъ сихъ (казачьихъ) войскъ, вдавшихся въ ябеды и распутства, и нѣкоторыхъ изъ нихъ даже въ участіи въ воровствахъ съ заграничными хищниками“. Въ другихъ случаяхъ, какъ видно изъ одного приказа Ермолова, казаки нарочно допускали партію черкесовъ сдѣлать набѣгъ,—чтобы имѣть законный поводъ къ репрессаліямъ, съ лихвой вознаграждавшимъ ихъ за потерянное при этомъ набѣгѣ. Несмотря на все это, отвѣтственность за набѣги ложилась только на горцевъ и притомъ вовсе не на однихъ тѣхъ, которые были уличены въ соучастіи съ хищниками, а на всѣхъ сосѣднихъ горцевъ вообще. При постоянныхъ порубежныхъ столкновеніяхъ это дѣлало жизнь пограничныхъ съ Россіей племенъ совершенно невыносимой. Вотъ, напримѣръ, въ какой обстановкѣ жили при Ермоловѣ чеченцы на плоскости,—наиболѣе близкіе къ намъ сосѣди. „Въ случаѣ воровства каждое селеніе обязано выдать вора, а если онъ скроется, то его семейство. Но если жители дадутъ средство къ побѣгу всему семейству вора, то цѣлое селеніе предается огню. Точно такъ же обѣщано поступить съ селеніемъ въ томъ случаѣ, если жители, видя, что хищники увлекаютъ въ плѣнъ русскаго, не отобьютъ его или не отыщутъ; изъ такой деревни за каждаго русскаго, взятаго въ плѣнъ, приказано брать въ солдаты по два человѣка туземцевъ. Извѣстно было, что безъ пособія и укрывательства самихъ владѣльцевъ горцы не могли проѣзжать отъ рѣки Сунжи, а потому по всему пространству своихъ земель владѣльцы должны были имѣть постоянные караулы. Если же затѣмъ, по изслѣдованію, окажется, что жители безпрепятственно пропу-

стили хищниковъ и не защищались, то деревня истребляется, *женъ и дѣтей вырѣзываютъ...*" „Такимъ образомъ жители, попрежнему продолжая воровство и разбои" (или даже только не сопротивляясь разбойникамъ, прибавимъ мы), „непремѣнно истреблены будутъ" *). И это не была пустая фраза—чеченцы могли разсказать о случаяхъ, когда за убійство одного казака истреблялись до послѣдняго жители цѣлаго аула. А чтобы имѣть постоянно подъ руками объектъ для мести—ибо находившіеся на свободѣ горцы могли вѣдь и убѣжать — отъ пограничныхъ племенъ неукоснительно требовали заложниковъ,—обыкновенно изъ молодежи самыхъ вліятельныхъ семей. При малѣйшей „измѣнѣ" (притомъ часто и не ихъ родичей, а просто сосѣднихъ горцевъ) ихъ вѣшали—въ лучшемъ случаѣ ссылали въ Сибирь. „Остерегитесь уходить безъ заложниковъ", писалъ Ермоловъ одному изъ подчиненныхъ ему генераловъ: „народы невѣжественные и испорченные нашей слабостью (!) сочтутъ тогда возможнымъ уклониться отъ исполненія нашихъ требованій". Этотъ генералъ—носившій, къ сожалѣнію, имя Пестеля,—вполнѣ проникся наставленіями своего главнокомандующаго. „Ужасный ропотъ въ народѣ на несправедливые и нерезонные поступки Пестеля дошелъ до меня въ самомъ началѣ въѣзда моего въ здѣшнія провинціи", писалъ другой любимецъ Ермолова, кн. Мадатовъ, посланный разслѣдовать дѣло, когда Пестель довелъ горцевъ до всеобщаго возстанія. „Народъ говоритъ, что ни удовлетворенія ни въ чемъ не видитъ и даже ни одного ласковаго слова отъ Пестеля, а слышитъ одни лишь только всегдашнія повторенія его: *прикажу повѣсить*".

Ермоловская политика загоняла горцевъ въ тупикъ, изъ котораго не было никакого выхода: русскія власти надѣялись, что результатомъ будетъ полное и безпрекословное подчиненіе горскихъ племенъ русскому правительству, — вплоть до отказа отъ своего обычнаго права и мѣстнаго самоуправленія, и признанія русскаго суда и русскихъ чиновниковъ. Ибо, съ точки зрѣнія Ермолова и его генераловъ, только невѣжество горцевъ было причиною того, что они не видѣли превосходства русскихъ порядковъ надъ ихъ, туземными: „понятія многихъ чеченцевъ не превышаютъ скотовъ...", писалъ одинъ изъ этихъ просвѣщенныхъ покорителей Кавказа своему начальнику,—писалъ, прибавимъ, наканунѣ общаго возстанія, которое должно было стоить жизни и самому писавшему. Возможно, впрочемъ, что за этой цѣлью—въ которой находили возможнымъ признаваться открыто—во мракѣ ихъ совѣсти скрывалась и другая, о которой не говорили—но которую генералъ Тормасовъ въ своей наивности называлъ всѣми буквами: война съ горцами была въ сущности такъ легка въ то время, такъ прибыльна для грабившихъ все и вся солдатъ и въ особенности казаковъ, доставляла такія добавочныя удовольствія офицерамъ *)—по-

*) „Объявленіе владѣльцамъ андреевскимъ и пр. 5 августа 1818 г." у Дубровина, т. VI, стр. 302—303.

*) Даже полуофиціальный историкъ Кавказской войны не могъ не сказать, что

мимо военной карьеры, вездѣ въ другихъ мѣстахъ закрытой послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ—что, можетъ быть, окончательное замиреніе горцевъ и не очень порадовало бы ихъ русскихъ „просвѣтителей“. Такъ какъ даже желаніемъ „полнаго подчиненія“ трудно объяснить такія мѣры, какъ конфискація *всѣхъ земель* кабардинцевъ (правда, скоро взятая назадъ,—по явной невыполнимости) или сознательное отнятіе у чеченцевъ тѣхъ земель, которыя были совершенно необходимы для ихъ хозяйства: если и допустить, что горцы могли отказаться отъ своей свободы и своего права, то привычка ѣсть слишкомъ неискоренима въ человѣкѣ. А между тѣмъ именно съ этими послѣдними мѣрами, доведшими горское населеніе до крайней нужды—о которой съ удивленіемъ говорили сами русскіе администраторы, что они не понимаютъ, какъ горцы могутъ переносить ее—связанъ тотъ взрывъ религіознаго энтузіазма, который сплотилъ воедино разноязычныя племена Кавказскаго хребта, подчинилъ эту пеструю и плохо слушавшуюся своихъ мѣстныхъ вождей массу желѣзной военной диктатурѣ и превратилъ легкую добычу карательныхъ экспедицій въ грознаго врага, съ которыми лучшія силы николаевской арміи не могли справиться тридцать лѣтъ.

Религіозное движеніе, охватившее сначала восточный, а потомъ и западный Кавказъ въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, носитъ названіе *мюридизма* (послушничества). Мюридизмъ вовсе не мѣстное кавказское явленіе: онъ неразрывно связанъ съ мусульманскимъ мистицизмомъ вообще и даже былъ занесенъ на Кавказъ извнѣ—изъ Бухары. Въ основѣ мусульманскаго „послушничества“, какъ и въ основѣ аналогичныхъ явленій въ христіанской и другихъ религіяхъ, лежитъ аскетическое отреченіе человѣка отъ своей личной воли—ради непосредственнаго сближенія съ божествомъ. Магометанская практика аскетизма („тарикатъ“) знала нѣсколько ступеней этого самоотреченія: стоявшіе на низшей ступени рядовые „мюриды“ нуждались въ посредникахъ между ними и Богомъ, „мюршидахъ“, (или „шейхахъ“),—которые для нихъ являлись какъ бы воплощеніемъ воли божіей и могли поэтому требовать себѣ безпрекословнаго повиновенія *). Мистика созда-

упоминавшійся выше генералъ Пестель „проводилъ день въ самомъ оскорбительномъ для населенія распутствѣ“.

*) Не вдаваясь въ подробности относительно идеологіи мюридизма, приводимъ, какъ иллюстрацію, „заповѣди мюрида“ въ изложеніи одного мусульманскаго писателя—онѣ лучше длинныхъ разсужденій могутъ подтвердить нашу краткую характеристику. „1) Мюридъ долженъ быть постоянно и всегда занятъ молитвами и служеніемъ своему Господу, Творцу: днемъ ли, ночью ли, въ тайнѣ и наяву, лѣтомъ и зимою, въ трудѣ и при свободѣ, ничто на свѣтѣ не должно отвлекать его отъ исполненія молитвы, поста, чтенія Корана и вообще богослуженія. 2) Онъ долженъ стараться замѣнить свои дурныя и низкія наклонности и привычки похвальными и хорошими; очистить свое тѣло отъ оскверненія грѣхами и сердце отъ вражды, ненависти къ ближнему и проч., а главное—заняться тѣмъ, чтобы обновить свое нравственное существо. 3) Онъ долженъ обратиться всѣми мыслями къ Богу съ полнымъ раскаяніемъ во всѣхъ грѣхахъ, ибо грѣхъ заграждаетъ совершителю онаго путь къ блаженствамъ будущаго свѣта. А

етъ такимъ образомъ іерархію, но основанную не на обладаніи старшими какими-либо матеріальными преимуществами, а на глубокомъ энтузіазмѣ младшихъ, на ихъ жаждѣ повиновенія, если можно такъ выразиться. Такая аскетическая іерархія, аналогичная іерархіи католическихъ монашескихъ орденовъ въ средніе вѣка, упраздняла всякую свѣтскую іерархію рядомъ съ собой: во имя тариката дагестанскій пастухъ требовалъ себѣ повиновенія отъ знатнѣйшихъ черкесскихъ князей—и получалъ его. Здѣсь былъ *демократическій* элементъ аскетизма, такъ ярко выступающій на Западѣ въ орденѣ францисканцевъ, напримѣръ. Но какъ и тамъ, на Кавказѣ для появленія и распространенія такого ученія необходимы были, во-первыхъ, соотвѣтствующая соціальная почва—во-вторыхъ, соотвѣтствующее настроеніе массъ. Первая нашлась въ демократическихъ общинахъ Дагестана—гдѣ зародился и дольше всего продержался кавказскій мюридизмъ, а второе въ большей, чѣмъ даже нужно было, степени создавала русская политика относительно горцевъ.

Связь распространенія и усиленія ислама въ горахъ съ войною противъ русскихъ была замѣтна еще гораздо раньше 20-хъ годовъ девятнадцатаго вѣка. Вотъ какими чертами описываетъ уже цитированный нами историкъ Чечни движеніе, поднятое Шейхомъ-Мансуромъ въ концѣ предшествовавшаго столѣтія. „Наложивъ на страну трехдневный постъ, онъ

потому искатель будущаго долженъ отказаться отъ всего желаемаго, кромѣ Бога, такъ, чтобы онъ забылъ ту часть, которая принадлежитъ ему въ семъ свѣтѣ, и считалъ, что онъ будто даже и не существуетъ въ семъ свѣтѣ. 4) Онъ долженъ отказаться отъ всего, что соблазняетъ человѣка на свѣтѣ, какъ-то: богатства, величія и пр., такъ, чтобы цѣлый свѣтъ съ его украшеніями не равнялся въ глазахъ его даже съ крыломъ комара. 5) Онъ долженъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ уповать на Бога съ полною вѣрою въ него. Богъ сказалъ: „кто уповаетъ на Бога, тому Богъ поручитель". Слѣдовательно, мюридъ долженъ положиться на Творца своего во всѣхъ дѣйствіяхъ, мысляхъ и словахъ. 6) Онъ долженъ освободить себя отъ подчиненія тѣлеснымъ потребностямъ и желаніямъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ для существованія человѣка, такъ, что мюридъ долженъ избѣгать роскоши, излишествъ въ пищѣ, удобствъ въ жильѣ, ограничиваясь только тѣмъ, что необходимо для поддержанія тѣлесныхъ силъ, и то ради того, чтобы могъ исполнять богослуженіе. 7) Онъ долженъ постоянно вспоминать всевышняго Бога словами: „*Ла илаһа илла-ллаһ*" (нѣсть Бога, кромѣ единаго) или же словомъ *аллаһ* (существо, которому поистинѣ всѣ прочіе должны поклоняться) или же наконецъ словами „һу" (онъ), произнося таковыя постоянно день и ночь, и 8) онъ долженъ поставлять себя ниже всякой божьей твари такъ, *чтобы самый сильнѣйшій вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными*, чтобы слонъ и мошка производили на него одинаковое впечатлѣніе, чтобы онъ дрожалъ отъ страха передъ всякою тварью божіей, точно бы онъ стоялъ передъ грознымъ повелителемъ, сознавая, что она есть тварь всемогущаго Господа Бога". Объ отношеніи мюрида къ своему наставнику тотъ же авторъ говоритъ: „Мюридъ обязывается привязать сердце свое къ одному изъ истинныхъ шейховъ, который провелъ большую часть жизни въ униженіи своего тѣла" и т. д. Посолъ Божій сказалъ: „Кто не имѣетъ себѣ шейха, то его шейхъ есть дьяволъ". См. Мугединъ-Магомедъ-Ханова, „Истинные и ложные послѣдователи тариката" (въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", вып. IV.). О мусульманскомъ аскетизмѣ вообще см. А. Крымскій. „Очеркъ развитія суфизма", М. 1896.

(Мансуръ) съ приближенными своими (мюридами) сталъ навѣщать аулы, сопровождаемый пѣніемъ зикра (славословія). Жители выходили къ нему навстрѣчу, каялись передъ нимъ въ грѣхахъ и обращались къ *таба* (покаянію), обязывались не дѣлать дурныхъ поступковъ, какъ-то: не красть, не спорить, не курить табаку, не пить крѣпкихъ напитковъ, но усердно молиться Богу, не пропуская назначенныхъ для этого сроковъ. Народъ призналъ Мансура своимъ *устасомъ*, т. е. ходатаемъ передъ Богомъ: цѣловали полы его одежды, и такъ увлекались религіознымъ настроеніемъ, что прощали другъ другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самую кровь" *). И тогда, какъ тридцать лѣтъ спустя, подъемъ ислама сопровождался рѣзкимъ обостреніемъ отношеній къ русскимъ: какъ разъ къ этому времени относится первая большая наша неудача въ горахъ Чечни (истребленіе отряда Піери на рѣкѣ Сунжѣ), — когда, по чеченскому преданію, отъ всего русскаго войска остались только фуражки, несшіяся по теченію рѣки. Возстаніе, поднятое Шейхомъ-Мансуромъ, охватило весь сѣверный Кавказъ—но напоръ со стороны русскихъ былъ еще недостаточно силенъ, чтобы сплотить всѣ горскія племена въ одну организацію. Достаточно припомнить, что русскій отрядъ, объ истребленіи котораго сейчасъ говорилось, былъ первымъ русскимъ войскомъ, которое проникло въ глубь Чечни. Горцамъ послѣ первыхъ успѣховъ стало казаться, что все уже сдѣлано—энтузіазмъ упалъ, Мансуръ не находилъ уже прежней поддержки въ массахъ, долженъ былъ бѣжать въ Анапу—и тамъ, при взятіи этой крѣпости Гудовичемъ въ 1791 году, попалъ въ плѣнъ къ русскимъ. Это былъ первый кавказскій революціонеръ, которому пришлось умереть на далекомъ сѣверѣ (его сослали въ Соловецкій монастырь).

Въ самомъ концѣ ермоловскаго правленія, въ 1825 году, Чечня опять сдѣлалась театромъ подобнаго же движенія,—исторію котораго мы изложимъ болѣе подробно. Но оно было, — какъ, по всей вѣроятности, и первое — не туземнаго происхожденія: религіозная волна шла съ юга, изъ Дагестана. До сихъ поръ поръ, характеризуя послѣдній, мы отмѣтили только одну черту—крайнюю примитивность общественныхъ формъ его населенія. Но это далеко не единственная особенность кавказскаго Граубюндена, и для того, чтобы понять, почему онъ сдѣлался родиной мюридизма, надо имѣть въ виду еще двѣ его черты. Первой изъ нихъ является чрезвычайная сплоченность и дружность той первобытной общины, которая представляла здѣсь основную соціальную ячейку. Вотъ какъ описываетъ дагестанскую народную сходку, *джамаатъ*, одинъ русскій наблюдатель, имѣвшій случай познакомиться съ нею не очень долго послѣ потери Дагестаномъ самостоятельности. „Всѣ члены его (джамаата) держатъ себя весьма дисциплинированно: у мѣста молчатъ, у мѣста говорятъ, и нѣкоторые говорятъ весьма бойко, плавно и дипломатично, у мѣста слушаютъ; интересъ каждаго—предметъ сходки, совѣщанія, а если джамаатъ собрался

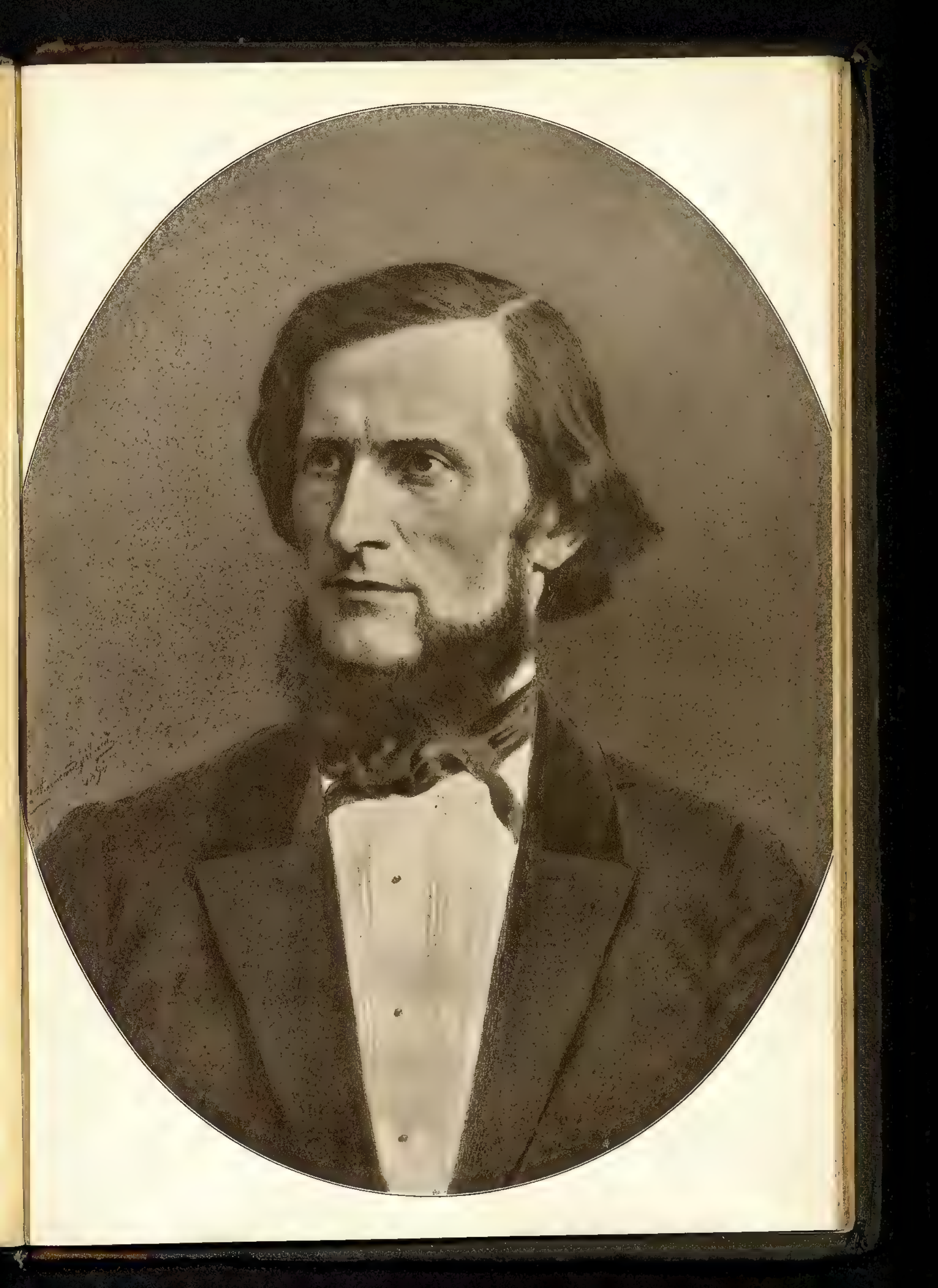
*) Лаудаевъ, цит. сочиненіе, стр. 60.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Съ акварели, писанной С. Ѳ. Александровскимъ 1894 г.
(Съ любезнаго разрѣшенія Н. К. Ушинской въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

17

въ аулѣ подлѣ строеній, то крыши ихъ переполнены любопытными наблюдателями и слушателями, которымъ нѣтъ мѣста въ средѣ самаго джамаата — несовершеннолѣтними, а иногда и женщинами. Это не стадо; это—строго дисциплинированная толпа, импровизированнымъ поведеніемъ ея на сходкѣ можетъ остаться доволенъ любой поклонникъ порядка"*). Такъ дисциплинированный народъ представлялъ собою превосходную основу для будущей военной организаціи Шамиля. При этомъ члены тѣсно сплоченной общины отнюдь не представляли собой косной, малоподвижной массы, какъ можно бы ожидать по первому впечатлѣнію. Въ этой суровой странѣ, гдѣ не только дерево является рѣдкостью, но и травы не слишкомъ много, самыя условія производства требовали отъ жителей извѣстной подвижности. Здѣсь, не говоря уже о земледѣліи,— и скотоводствомъ пропитаться невсегда было можно. Мы уже упоминали о дагестанскихъ кустарныхъ промыслахъ: цѣлые аулы нерѣдко были сплошными поселеніями перехожихъ ремесленниковъ, проводившихъ дома иногда не больше трети года; одинъ аулъ славился своими кожевниками, другой—каменщиками, третій—кузнецами, четвертый—золотыхъ дѣлъ мастерами: такую картину особенно представлялъ средній Дагестанъ,—какъ разъ очагъ мѣстной туземной интеллигенціи. Нужно прибавить, что и эта послѣдняя складывалась по типу такого же „отхожаго промысла": въ числѣ другихъ ремесленниковъ Дагестанъ снабжалъ весь восточный Кавказъ знатоками арабскаго языка, чтецами (муталимами—родъ средневѣковыхъ странствующихъ школяровъ), муллами и кадіями. Эта груда голыхъ скалъ была едва ли не самымъ грамотнымъ мѣстомъ на Кавказѣ: въ рѣдкой уважающей себя семьѣ не учили дѣтей, по крайней мѣрѣ, мальчиковъ, читать по-арабски *). Исламъ кормилъ, прямо и въ буквальномъ смыслѣ, добрую долю населенія: оттого оно и относилось къ исламу такъ сознательно, какъ нигдѣ, и въ то время, какъ въ гораздо болѣе богатыхъ Чечнѣ и Кабардѣ мусульманство еле прикрывало сверху первобытныя религіозныя вѣрованія массы населенія, въ нищемъ Дагестанѣ богословскіе споры и жизнь по тарикату были обычнымъ домашнимъ дѣломъ.

Въ 1823 году одинъ изъ проповѣдниковъ южнаго Дагестана—наиболѣе близкаго къ тѣмъ, бывшимъ персидскимъ, ханствамъ, о которыхъ шла рѣчь въ 1 отдѣлѣ нашего очерка,—по отзыву его русскаго историка „человѣкъ весьма состоятельный, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ за свой умъ, ученость и честность", по имени Курали-Магома, сдѣлавшись старшимъ мюршидомъ мѣстныхъ послѣдователей тариката, сталъ учить, что „мусульмане не могутъ находиться подъ властью невѣрныхъ. Мусульманинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ и никому не долженъ платить подати. Между

*) Н. Вороновъ. „Изъ путешествія по Дагестану". Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. III, стр. 20. Авторъ ѣздилъ въ 1867 году.

*) См. „Воспоминанія Муталима". Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. I.

всѣми мусульманами должно существовать равенство. Для мусульманина первое дѣло Казаватъ (священная война съ невѣрными), а потомъ исполненіе шаріата. Исполненіе шаріата безъ Казавата не есть спасеніе. Кто исполняетъ шаріатъ, тотъ долженъ вооружиться во что бы то ни стало, бросить семейство, домъ и не щадить самой жизни. Подъ властью невѣрныхъ или чьей бы то ни было всѣ намазы, посты, странствія въ Мекку, жертвы бѣднымъ и чтенія Корана—ничего не значатъ, узы брака, связывающіе мусульманъ, и ихъ дѣти дѣлаются незаконными" *). Мы не знаемъ, была ли какая связь у этой проповѣди съ возстаніемъ, вспыхнувшимъ два года спустя въ недалекомъ отъ этой части Дагестана Закавказьѣ. Лучше извѣстна связь выступленія Курали-Магома съ тѣмъ, что въ слѣдующемъ же году разыгралось въ Чечнѣ: здѣсь дѣйствовали прямые ученики и агенты южно-дагестанскаго проповѣдника—и одинъ изъ нихъ провозгласилъ себя „имамомъ" — предводителемъ правовѣрныхъ въ войнѣ съ невѣрными. Русскіе генералы, конечно, не усмотрѣли въ проповѣди „Казавата" ничего, кромѣ „одного мошенничества разбойниковъ, желающихъ симъ способомъ поколебать народъ"—по этому именно поводу одинъ изъ нихъ выразилъ мнѣніе, что „понятія чеченцевъ не превышаютъ скотовъ"—и находили совершенно достаточной предупредительной мѣрой гоняніе сквозь строй (до смерти) тѣхъ проповѣдниковъ „нелѣпости", которые попадали въ русскія руки. Но очень скоро они должны были убѣдиться, что дѣло серьезнѣе, чѣмъ имъ кажется. Лишь весною по Чечнѣ прошла одна изъ карательныхъ экспедицій, наказывавшая жителей за страшное преступленіе — укрывательство бѣжавшихъ отъ русскихъ властей кабардинцевъ. Цѣлый рядъ ауловъ былъ разоренъ—при чемъ у населенія отнятъ или истребленъ былъ кормъ, запасенный имъ для скота. Послѣдній падалъ массами—сами лишенные крова чеченцы страшно страдали отъ холода: но все это, достаточное, по мнѣнію руководившаго карательной экспедиціей генерала (все тотъ же, отзывы котораго о чеченцахъ выписаны выше), „чтобы поработить всякій другой народъ"—„едва поколебало нѣсколькихъ чеченцевъ—упорство ихъ неимовѣрное". А лѣтомъ того же года возставшее подъ предводительствомъ одного изъ послѣдователей Курали-Магома населеніе взяло одну изъ русскихъ крѣпостей по Тереку и тѣсно обложило другую. Подъ ея стѣнами подоспѣвшія русскія войска нанесли пораженіе инсургентамъ. Но на другой же день обращеніе командовавшаго русскаго генерала, Лисаневича, вызвало новую вспышку ярости — уже единоличную: и онъ, и его товарищъ (Грековъ), цитированный нами выше, были убиты однимъ мюридомъ. На нѣкоторое время Кавказская линія осталась вовсе безъ генераловъ. Пріѣхавшій Ермоловъ „привелъ все въ порядокъ": но это была иллюзія; наступилъ перерывъ только въ военныхъ дѣйствіяхъ — движеніе же продолжалось съ тѣхъ поръ непре-

*) Кн. Щербатовъ. „Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ". Т. III, стр. 251—252, примѣч. (на основаніи статьи „Военнаго Журнала" 1847 г., № 1).

рывно, если не въ Чечнѣ, то въ Дагестанѣ. Преемникомъ Курали-Магомы, имъ самимъ офиціально признаннымъ, явился знаменитый Казы-Мулла— изъ аула Гимри въ сѣверномъ Дагестанѣ, — въ сношеніяхъ съ которымъ., по донесеніямъ русскихъ шпіоновъ, были „всѣ мусульмане Кавказа". Поддержка, оказанная русскимъ властямъ аварскими ханами и удачная экспедиція русскихъ войскъ къ аулу Гимри временно разбили дагестанское возстаніе,—но населеніе однакоже не выдало Казы-Муллы, какъ требовало русское начальство: послѣднее не рѣшилось настаивать. Оно теперь, повидимому, начало сознавать сдѣланные имъ раньше промахи. „Направленіе политики и отношеній нашихъ къ нимъ (горцамъ) были ошибочны", писалъ Паскевичъ императору Николаю 8 мая 1830 г.: *„Жестокость въ частности умножала ненависть* и возбуждала къ мщенію; недостатокъ твердости и нерѣшительность въ общемъ планѣ обнаруживали слабость и недостатокъ силы". Но было слишкомъ поздно—теперь сами горцы не думали ни о чемъ, кромѣ войны. Казы-Мулла былъ убитъ въ бою съ русскими въ 1832 г., но его дѣло продолжалъ его преемникъ, Гамзатъ-Бекъ. Руссофильская политика аварскихъ хановъ (крупнѣйшихъ изъ дагестанскихъ князьковъ) только вырыла имъ могилу: движеніе, и безъ того демократическое, и безъ того смѣщавшее всѣхъ хановъ и бековъ и замѣнявшее ихъ „наибами" предводителя священной войны, имама, расправилось съ измѣннической династіей съ особенной жестокостью. Ханское семейство было истреблено до послѣдняго—не пощадили ни женщинъ, ни дѣтей. Дворецъ хановъ былъ разграбленъ, а ихъ подданные признали власть имама. Гамзатъ-Бекъ поплатился жизнью за эту расправу—его убили кровомстители за смерть аварскихъ хановъ. Но движеніе отъ этого только выиграло, получивъ въ качествѣ вождя способнѣйшаго администратора и полководца, какого только выдвинули горцы во время борьбы съ русскими, гимринца Шамиля.

Одинъ изъ преданныхъ мюридовъ Казы-Муллы, тяжело раненый въ той битвѣ, гдѣ палъ старый вождь, новый имамъ представлялъ собою чрезвычайно счастливое въ его положеніи соединеніе авторитетнаго богослова, шейха въ настоящемъ смыслѣ этого слова, съ типичнымъ предводителемъ такого первобытнаго племени, какимъ были тогдашніе дагестанскіе лезгины. „Шамиль", говоритъ о немъ его туземный біографъ, „былъ человѣкъ ученый, набожный, проницательный, храбрый, мужественный, рѣшительный и въ то же время хорошій наѣздникъ, стрѣлокъ, пловецъ, борецъ, бѣгунъ, однимъ словомъ—никто ни въ чемъ не могъ состязаться съ нимъ" *).

Имаматъ Шамиля представляетъ собою высшую точку, до которой поднималось когда-либо политическое творчество кавказскихъ горцевъ. Произведенный имъ переворотъ невольно напрашивается на сравненіе съ другимъ, пережитымъ на тысячу лѣтъ ранѣе такимъ же примитивнымъ племенемъ,—арабами Хиджаса. Какъ

*) Гаджи-Али. Сказаніе очевидца о Шамилѣ (перев. съ арабскаго) („Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ". VII).

и мединское государство Магомета, государство Шамиля по формѣ было *теократіей*—какъ и пророкъ-основатель ислама, имамъ Дагестана былъ посланникъ божій, правившій не въ силу собственнаго права, а какъ представитель всемогущаго „владыки суднаго дня". Его власть была безгранична,—но лишь до тѣхъ поръ, пока онъ самъ шелъ „по пути правому": а такъ какъ вопросъ объ этомъ „правомъ пути", при всей строгости мусульманской ортодоксіи, все же былъ достаточно субъективнымъ, то имаму съ первыхъ же шаговъ приходилось отступать отъ чисто теологической точки зрѣнія и требовать себѣ повиновенія уже на чисто земномъ основаніи,—ради надобностей военной дисциплины. „Должно быть исполняемо приказаніе имама",—гласитъ первая же глава „Низама" (устава) Шамиля—„....даже въ томъ случаѣ, если бы исполнитель считалъ себя умнѣе, воздержнѣе и религіознѣе имама" *). Теократія здѣсь, какъ и всюду, являлась лишь идеологической оболочкой вполнѣ реальной, свѣтской власти. Чтобы понять смыслъ этой послѣдней въ условіяхъ общественной жизни какъ арабовъ Хиджаса VII вѣка, такъ и лезгинъ Дагестана XIX, нужно имѣть въ виду, что раньше и тѣ, и другіе имѣли лишь организацію власти, возникшую естественнымъ путемъ—власть родовыхъ старшинъ или власть „джамаата"—народной сходки. Наслѣдственные ханы были единственной властью, наложенной сверху на эту примитивную организацію въ Дагестанѣ: но это была очень слабая власть, лишь отъ случая къ случаю вымогавшая себѣ повиновеніе. Власть Шамиля (какъ ранѣе Магомета) была чисто демократической, основанной на признаніи и избраніи, притомъ на признаніи и избраніи не какой-нибудь привилегированной группы, а всего народа. Ей не приходилось вымогать себѣ повиновенія—когда дѣло до этого дошло въ 50-хъ годахъ, пробилъ послѣдній часъ имамата. И въ то же время эта власть не считалась ни съ какими родовыми и племенными перегородками; на мѣсто пестраго обычнаго права она ставила одно право, общее для всѣхъ мусульманъ—*шаріатъ*, толкуемый и примѣняемый духовенствомъ: муфтіями и кадіями. На мѣсто рода она ставила приходъ—и рѣшеніе приходского кадія замѣняло всѣ способы суда и расправы, какіе зналъ родовой бытъ. Уже изъ этой правовой реформы ясно, что подъ оболочкой религіознаго переворота крылся переворотъ соціально-экономическій: смыслъ этого послѣдняго вскрываетъ намъ одно мелкое постановленіе шамилевскаго низама, требовавшее отъ правовѣрныхъ, чтобы они при расчетахъ между собою принимали серебро русскаго (тифлисскаго) чекана. Если бы мы и не знали о финансовой организаціи Шамиля, одного этого было бы достаточно, чтобы не считать имаматъ ни только религіознымъ учрежденіемъ, ни только временной импровизаціей ради ближайшихъ военныхъ цѣлей. Онъ отвѣчалъ высшей ступени экономическаго развитія, достигнутой тогда горцами, и интересамъ наиболѣе передовыхъ горскихъ

*) Низамъ Шамиля. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. III.

группъ: не даромъ изъ черкесовъ, напримѣръ, его приняли первыми тѣ самыя племена, которыя только что пережили демократическій переворотъ — шапсуги, абадзехи и натухайцы.

Опиравшаяся на денежное хозяйство система имамата выработала военно-финансовую организацію, далеко превосходившую все, что до тѣхъ поръ знали горскія племена. Шамиль не только унаслѣдовалъ подати, которыя раньше платились ханамъ, но и ввелъ новую подать, по шаріату, — *зекатъ*, процентный сборъ со всего движимаго имущества правовѣрныхъ (12% съ хлѣба, 1% со стадъ и 2% съ наличныхъ денегъ—при чемъ примѣнялось нѣчто въ родѣ зачаточной пропорціональности, а именно имѣвшіе менѣе 50 мѣръ=42 пудамъ хлѣба и менѣе сорока рублей денегъ были избавлены отъ налога). Набѣги на русскія владѣнія, которые теперь стали регулярнымъ пріемомъ военныхъ дѣйствій, также были использованы съ финансовыми цѣлями— со всей добычи извѣстная доля аккуратно поступала имаму. На эту финансовую систему опирались военно-административныя: всѣ подчиненныя Шамилю области были раздѣлены на „наибства“, и каждый наибъ обязанъ былъ являться на войну съ опредѣленнымъ количествомъ боевыхъ силъ, до извѣстной степени правильно организованныхъ,—раздѣленныхъ на сотни и т. п. мелкіе отряды. Шамиль, отчасти подъ вліяніемъ попадавшихъ на его службу мусульманъ-иностранцевъ, несомнѣнно носился съ мыслью создать для противодѣйствія русскимъ нѣчто въ родѣ регулярной арміи. Но эти попытки такъ же, какъ и заведенная имъ артиллерія, имѣли на самомъ дѣлѣ минимальное значеніе: настоящей областью горцевъ оставались попрежнему партизанскія дѣйствія — и этими дѣйствіями, поставленными Шамилемъ такъ широко, какъ никогда раньше, опредѣлился прежде всего характеръ Кавказской войны.

3.

Кавказская война.

Военная исторія Шамиля (внутреннюю исторію имамата трудно было бы написать за отсутствіемъ точныхъ и детальныхъ данныхъ) отчетливо распадается на три періода, характерные признаки которыхъ даютъ въ то же время ключъ и къ пониманію самаго процесса. Въ первые шесть лѣтъ (1834—1840) власть новаго имама все время виситъ на волоскѣ: кажется, вотъ-вотъ еще одна удачная экспедиція въ горы — и съ мюридизмомъ въ Дагестанѣ, по крайней мѣрѣ, съ военнымъ государствомъ мюридовъ, будетъ покончено. Съ самаго начала сороковыхъ годовъ картина рѣзко мѣняется: еще вчера чуть не погибшій Шамиль оказывается полновластнымъ главою всего восточнаго и отчасти даже западнаго Кавказа. Грандіознѣйшія экспедиціи, передъ которыми всѣ прежніе „поиски“ и „набѣги“ были шуткой, кончаются полнымъ крахомъ. Самъ намѣстникъ Кавказа, двинувшійся въ горы съ

лучшими своими войсками, едва не становится плѣнникомъ мюридовъ,— а въ Петербургѣ, гдѣ еще въ 1830 году считали покоренiе горцевъ такимъ простымъ и легкимъ дѣломъ, теперь начинаютъ сомнѣваться, удастся ли намъ стать хозяевами въ горахъ въ сколько-нибудь обозримомъ будущемъ? Но уже очень скоро, со второй половины тѣхъ же сороковыхъ годовъ, положенiе снова начинаетъ мѣняться. Безъ всякихъ крупныхъ, бросающихся въ глаза катастрофъ, военное могущество имама начинаетъ клониться къ упадку; пораженiе за пораженiемъ преслѣдуютъ горцевъ; Восточная война на нѣсколько лѣтъ отсрочиваетъ развязку—но только она окончилась, военныя дѣйствiя противъ Шамиля возобновляются, и въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, которыя были свидѣтелями стольких русскихъ неудачъ за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, теперь тѣ же войска не встрѣчаютъ сколько-нибудь серьезныхъ препятствiй. Въ два года (1857—1859) судьба восточнаго Кавказа рѣшается окончательно,—а черезъ пять лѣтъ прекращается борьба и на западномъ Кавказѣ, гдѣ русскiе со временъ Ермолова и до половины 50-хъ годовъ не сдѣлали никакихъ замѣтныхъ успѣховъ.

Военнымъ историкамъ все дѣло, естественно, кажется результатомъ перемѣны *лицъ*—и, вмѣстѣ съ лицами, *методовъ дѣйствiй*. У нихъ много можно прочесть о „новой системѣ", которой будто бы держался покоритель Кавказа, князь Барятинскiй,— о „новомъ планѣ" Барятинскаго, состоявшемъ въ томъ, чтобы подвигаться впередъ медленно и постепенно, шагъ за шагомъ, вырубая лѣса и прокладывая дороги, связывая занимаемыя позицiи въ одну сплошную сѣть, со всѣхъ сторонъ охватывавшую убѣжища горцевъ. Но въ планѣ этомъ, прежде всего, едва ли было что-нибудь новое: его предлагалъ, и въ очень опредѣленной формѣ, еще въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ — значитъ, передъ крупнѣйшими русскими неудачами— военный министръ Николая Павловича, гр. Чернышевъ. Но и тогда онъ не былъ новостью: той же методы въ сущности держался еще Ермоловъ,—и въ его еще времена сложились афоризмы, что горцевъ смиритъ „не штыкъ—а топоръ", что вырубка лѣсовъ для нихъ страшнѣе всякихъ военныхъ неудачъ. Съ другой стороны, о медленномъ и систематическомъ движенiи впередъ и Барятинскiй больше разговаривалъ, на самомъ же дѣлѣ рѣшительный ударъ, нанесенный имъ Шамилю,— движенiе къ Гунибу въ концѣ лѣта 1859 года,—кончившiйся плѣненiемъ послѣднихъ мюридовъ Дагестана и съ ними самого имама, это движенiе носило характеръ такого же „набѣга", какъ походъ Розена къ Гимрамъ въ 1832 году (когда былъ убитъ Казы-Мулла) или взятiе Ахульго отрядомъ генерала Граббе въ 1839 году— когда и самъ Шамиль едва не погибъ. Принявъ эту точку зрѣнiя— ставить исходъ войны въ исключительную зависимость отъ операцiоннаго плана—мы должны будемъ прiйти къ весьма пессимистическому, для историка, заключенiю, что на войнѣ все зависитъ отъ случайностей: случайно Шамиль уцѣлѣлъ подъ Ахульго, а подъ Гунибомъ

случайно же ему не удалось уйти отъ русскихъ. Но надъ такимъ пониманіемъ исторіи возвысились уже сами горцы: секретарь и біографъ Шамиля ищетъ все-таки *общихъ* причинъ его неудачи, независимыхъ отъ случайнаго исхода военныхъ операцій. „Власть Шамиля была уничтожена коварствомъ и измѣною наибовъ и его приближенныхъ, русскимъ войскомъ и золотомъ",—такими словами заканчиваетъ дагестанскій историкъ свое сочиненіе *).

Мы скоро увидимъ, что у того же біографа послѣдняго имама Дагестана можно найти факты, допускающіе и болѣе глубокое объясненіе катастрофы 1859 года, и что онъ не сумѣлъ резюмировать этихъ фактовъ, можетъ быть, просто благодаря своей примитивной литературной техникѣ, а вовсе не потому, чтобы про себя онъ не понималъ ихъ значенія. Пока остановимся на роли, которую онъ приписываетъ русскому войску и русскому золоту. Золото, дѣйствительно, было пущено въ ходъ кн. Барятинскимъ въ такихъ размѣрахъ, какъ никогда раньше: лазутчикамъ, принесшимъ донесеніе вовсе не Богъ знаетъ какой важности, но оправдавшееся,—червонцы давались буквально пригоршнями**). За поимку Шамиля живымъ въ 1859 году было обѣщано 10.000 рублей—для нищаго Дагестана цѣлое состояніе. Но помимо подкупа въ прямой и грубой формѣ „покоритель Кавказа" весьма умѣло примѣнялъ и подкупъ косвенный. Мюридизмъ, какъ мы уже неоднократно упоминали, былъ демократическимъ движеніемъ, всюду низвергавшимъ власть бековъ и хановъ, основанную на наслѣдственномъ правѣ, и ставившимъ на ихъ мѣсто власть наибовъ нерѣдко очень скромнаго происхожденія, назначенныхъ имамомъ. Но истребить туземную родовую аристократію не всегда удавалось такъ чисто, какъ это было съ аварскими ханами: да и послѣ тѣхъ скоро нашлись претенденты на ихъ наслѣдство. Со всякимъ крупнымъ дворянскимъ родомъ была связана масса челядинцевъ-кліентовъ и захребетниковъ, раздѣлявшихъ его судьбу—и его ненависть къ новымъ порядкамъ. Если внутри Дагестана, гдѣ зависимость пастушеской демократіи отъ хановъ и бековъ была чисто номинальной, этотъ оппозиціонный имамату слой не могъ быть плотнымъ, то чѣмъ ближе къ болѣе культурнымъ окраинамъ—и, значитъ, чѣмъ ближе къ русскимъ,—тѣмъ общество было болѣе феодализовано и дворянская оппозиція больше давала себя чувствовать. Стать на сторону этой оппозиціи въ ея борьбѣ съ Шамилемъ такой типичный представитель русскаго феодализма, какъ кн. Барятинскій, могъ бы и помимо всякихъ дипломатическихъ соображеній, совершенно искренно. Въ тѣ годы, когда внутри Россіи дворянство столько должно было уступать нарождавшемуся буржуазному строю, ничего не могло быть пріятнѣе, какъ найти страну, гдѣ поддержка дворянскаго начала противъ черни являлась прямо „патріотическимъ дѣломъ".

*) „Сказаніе очевидца о Шамилѣ". Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. VII, стр. 76.

**) Одинъ такой случай, съ весьма живописными подробностями, разсказываетъ А. Зиссерманъ въ своей біографіи Барятинскаго. См. т. I, стр. 126—127.

„Мюридизмъ есть не только религіозное учрежденіе, но и общественный законъ, который, уравнивая всѣ классы и состоянія, опредѣляетъ и право судебное, и порядокъ взиманія податей“, говоритъ кн. Барятинскій въ своей запискѣ „О внутреннемъ состояніи Кавказа“—составленной, повидимому, какъ разъ въ дни его похода къ Гунибу. „Изъ этого очевидно, что если опять, въ связи съ военными успѣхами, мы не будемъ стараться теперь же обезсиливать самое начало, изъ котораго сложился мюридизмъ, то должны будемъ постоянно ожидать, что рано или поздно мюридизмъ снова, подъ вліяніемъ того или другого имама, подыметъ голову при первой возможности и вновь разрушитъ всѣ наши усилія къ умиротворенію края. Чтобы достигнуть этого естественнымъ путемъ, надобно прежде всего стремиться къ возстановленію высшаго сословія тамъ, гдѣ сохраняются еще болѣе или менѣе слѣды его, и создавать его дѣйствующимъ въ Имперіи порядкомъ тамъ, гдѣ оно не существуетъ. Такимъ образомъ по мѣрѣ возстановленія дворянства, правительство будетъ имѣть въ немъ лучшее орудіе къ ослабленію исламизма...“ *). Въ чрезвычайно характерной связи съ этими общими взглядами побѣдителя Шамиля стоитъ его проектъ—обезвредить бывшаго имама и даже использовать его въ интересахъ русскаго правительства, превративъ его самого... въ помѣщика. „Если бы ловкими дипломатическими дѣйствіями внушить мысль султану дать Шамилю въ своемъ владѣніи пустопорожнія земли для колонизаціи кавказскихъ выходцевъ“, писалъ Барятинскій Милютину (въ концѣ 1861 года), „и вмѣстѣ съ тѣмъ при отпускѣ Шамиля обязать его словомъ помогать, а не вредить власти государевой на Кавказѣ, то я почти увѣренъ, что онъ всѣми мѣрами будетъ стараться исполнить обѣщанія и затѣмъ съ радостью устроитъ крымскихъ и кавказскихъ переселенцевъ въ Анатоліи или т. п. Онъ непремѣнно сумѣетъ привлечь къ себѣ большое переселеніе“ *). Западный Кавказъ могъ бы дать автору очень убѣдительный примѣръ того, что одной феодализаціи страны еще мало, чтобы обезпечить ея покорность,—и что возрожденіе дагестанскаго дворянства (всегда, нужно это помнить, неизмѣримо болѣе слабаго, чѣмъ черкесское) въ лучшемъ, для русскихъ, случаѣ, могло бы помочь дезорганизаціи господства Шамиля, но не организаціи русскаго господства. Пока однако шла война, политика кн. Барятинскаго, въ ряду прочихъ благопріятныхъ для русскаго правительства условій, вбивала въ систему Шамиля лишній клинъ: и въ этомъ случаѣ оказывалось возможнымъ опираться не только на лезгинскую аристократію, но и на чеченскую демократію. Мюридизмъ стремился стереть не только горизонтальныя, но и вертикальныя общественныя перегородки, рѣшительной рукой водворяя на мѣсто пестраго мѣстнаго обычая („адатъ“) однообразное мусульманское право („шаріатъ“). Это невсегда нравилось

*) „Русскій Архивъ“, 1889 г., № 4. Ср. цит. соч. Зиссермана.

*) Ibid., № 6.

вольной чеченской общинѣ—и не всѣмъ въ ней: устройство въ Грозномъ для чеченцевъ суда изъ мѣстныхъ жителей (но подъ предсѣдательствомъ русскаго офицера), рѣшавшаго дѣла по адату, несомнѣнно притягивало къ намъ недовольные Шамилемъ элементы чеченскаго общества и,—опять-таки въ ряду прочихъ условій,—ослабляло власть имама надъ Чечней.

Въ ослабленіи имамата именно здѣсь и заключался корень всего дѣла, какъ мы сейчасъ увидимъ,—но прежде скажемъ нѣсколько словъ о вліяніи другого фактора, отмѣченнаго біографомъ Шамиля,—русскаго войска. Обычно описывающіе завоеваніе Кавказа придаютъ значеніе сосредоточенія тамъ къ концу 50-хъ годовъ большого *количества* военныхъ силъ: біографъ кн. Барятинскаго насчитываетъ подъ его командой до 300 тысячъ человѣкъ,—принимая, впрочемъ, въ это число, по всей вѣроятности, и всѣ казачьи войска, и всѣ мѣстные гарнизоны, какъ сѣвернаго Кавказа, такъ и Закавказья; потому что непосредственно противъ Шамиля дѣйствовало не болѣе 40—50 тысячъ войска, а вообще противъ горцевъ—тысячъ до ста. Цифра, впрочемъ, очень солидная, если припомнить, что само-то горское населеніе не превышало милліона: на каждыхъ 10 горцевъ обоего пола и всякаго возраста приходился такимъ образомъ одинъ русскій солдатъ! Это, конечно, весьма яркое свидѣтельство того напряженія силъ, какого потребовала отъ русскаго правительства борьба съ мюридизмомъ. Но нужно сказать, что въ подобномъ масштабѣ война велась уже давно,—тотъ же авторъ и подъ начальствомъ кн. Воронцова (въ половинѣ 40-хъ годовъ) насчитываетъ уже 250.000 человѣкъ. Если мы сравнимъ боевыя силы въ тѣсномъ смыслѣ,—тѣ войска, которыми непосредственно располагалъ Воронцовъ во время своей знаменитой даргинской („сухарной") экспедиціи—лѣтомъ 1845 года,—съ тѣмъ, что было въ распоряженіи Барятинскаго во время его похода къ Гунибу, въ августѣ 1859 г., мы получимъ цифры, не слишкомъ рѣзко различающіяся другъ отъ друга *). Если первый едва не попалъ въ плѣнъ къ Шамилю, а послѣдній самъ взялъ Шамиля въ плѣнъ, то это, конечно, нельзя объяснить только количественнымъ соотношеніемъ силъ ихъ обоихъ, съ одной стороны, и ихъ противника—съ другой. Нѣсколько лучше объясняютъ дѣло *качественныя* измѣненія, испытанныя русской арміей за этотъ промежутокъ времени. Что такое представляла изъ себя вообще армія Николая Павловича, мы уже знаемъ **). Кавказская армія раздѣляла до извѣстной степени преимущество черноморскаго флота—быть за глазами у Николая, и имѣла благодаря этому возможность тратить силы не на подготовку къ парадамъ и смотрамъ, а на

*) У Воронцова было къ началу іюня 1845 г. 21 батальонъ пѣхоты, 7 ротъ саперовъ и стрѣлковъ, 1.000 человѣкъ грузинской пѣшей милиціи, 16 сотенъ казаковъ и 46 орудій: изъ послѣднихъ, впрочемъ, часть была отправлена обратно. Во всѣхъ трехъ отрядахъ Барятинскаго, въ его послѣднюю кампанію противъ Шамиля, было $37^1/_2$ батальоновъ, $46^1/_2$ эскадроповъ и сотенъ и 48 орудій: но силы его были разбросаны на очень большое разстояніе.

**) См. т. III, стр. 21—23.

свое прямое дѣло. Поклонники шагистики изрѣдка дѣлали такіе же набѣги на кавказскую армію, какъ та — на кавказскихъ горцевъ: однимъ изъ первыхъ въ ихъ ряду былъ Паскевичъ, начавшій учить кавказцевъ маршировать чуть не прямо на полѣ битвы съ персами. Но суровая дѣйствительность Кавказской войны скоро отучала отъ петербургскихъ замашекъ,—какъ это было и съ Паскевичемъ: года черезъ два и онъ уже находилъ ермоловскую „распущенность" по части фронта вполнѣ естественной при мѣстныхъ условіяхъ. Но несмотря на все это, основной типъ тактики и здѣсь оставался тотъ же, что и всюду: сомкнутый строй и ударъ въ штыки и здѣсь были самымъ общепринятымъ построеніемъ и наиболѣе распространеннымъ тактическимъ пріемомъ. Плохія подражанія европейскимъ войскамъ, какими были тогда персидская и турецкая арміи, въ качествѣ главнаго нашего противника, очень помогли укорениться этимъ пріемамъ: ни турки, ни персы „штыка не выдерживали". Совсѣмъ иное дѣло были горцы: не имѣя вовсе штыковъ, они кидались въ рукопашную только въ самомъ крайнемъ случаѣ—и тогда дрались отчаянно, до послѣдняго человѣка. Обычная же ихъ тактика была всецѣло построена на примѣненіи ружейнаго огня—столь презиравшагося не только николаевскими стратегами, но и долго послѣ, до Драгомирова включительно *). На полудикомъ Кавказѣ русскій солдатъ, со своей кремневой гладкостволкой временъ двѣнадцатаго года, впервые познакомился съ дѣйствіемъ нарѣзного оружія—познакомился на самомъ себѣ. Винтовки горцевъ представляли собою, правда, одинъ изъ самыхъ первобытныхъ образчиковъ этого типа, но все же онѣ давали имъ возможность поражать противника на такомъ разстояніи, на которомъ русскія гладкостѣнныя ружья были для нихъ совершенно безвредны. То, что тогдашняя винтовка,—куда пулю приходилось загонять молоткомъ,—стрѣляла много медленнѣе нашего солдатскаго ружья, было весьма плохимъ утѣшеніемъ: горецъ отвѣчалъ на сто нашихъ выстрѣловъ однимъ, но почти никогда не давалъ промаха, тогда какъ изъ ста русскихъ пуль рѣдко попадала въ цѣль хоть одна. Въ концѣ концовъ „опытные" кавказскіе генералы примѣнились къ оружію своего противника, но при помощи средства столь варварскаго, что оно могло употребляться лишь въ русской арміи Николаевскихъ временъ: идя въ атаку, они, обыкновенно, пускали первую роту отдѣльно впередъ,— подъ разстрѣлъ горцамъ, въ томъ расчетѣ, что послѣдніе, разрядивъ по ней свои винтовки, не успѣютъ зарядить ихъ снова раньше, чѣмъ остальныя роты будутъ уже у нихъ на шеѣ. Пріемъ иногда удавался но горцы были не столь просты, чтобы допускать русскихъ безпрепятственно на близкую дистанцію къ своимъ позиціямъ. Они всячески старались затруднить доступъ атакующему, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примѣняя искусственныя препятствія. Классическимъ ихъ образчикомъ сдѣлался *завалъ*, такъ хорошо всѣмъ извѣстный изъ лермонтовскаго

*) См. ниже въ т. VI. „Восточный вопросъ".

стихотворенія; это была груда срубленныхъ деревьевъ, плотно переплетенныхъ между собою вѣтвями. Пока наступающая русская колонна преодолѣвала эту преграду, непріятель успѣвалъ отступить на другую позицію и снова зарядить свои винтовки. А за первымъ заваломъ русскіе встрѣчали второй, третій—и такъ далѣе, пока сомкнутый строй русской пѣхоты не бывалъ окончательно разстроенъ, и дальнѣйшія штыковыя атаки становились невозможными. Но и самый сомкнутый строй можно было использовать: другимъ любимымъ пріемомъ горцевъ было занятіе фланговыхъ позицій, откуда они успѣвали перебить на выборъ массу людей, прежде чѣмъ неуклюжая въ горахъ или въ лѣсной чащѣ пѣхотная колонна успѣвала перестроиться и перемѣнить направленіе атаки. Что горцы тѣмъ временемъ исчезали,—это само собою разумѣлось, и тѣ же опытные генералы принимали за правило не отвѣчать на фланговыя атаки противника, стараясь только не дать послѣднему разрѣзать отрядъ и отхватить арріергардъ или авангардъ, какъ это нерѣдко бывало во время даргинской экспедиціи 1845 года. Во избѣжаніе такого несчастія, отрядъ въ горахъ обыкновенно двигался „ящикомъ“—артиллерія и обозъ въ центрѣ, пѣхота въ нѣсколько рядовъ по обѣимъ сторонамъ, спереди и сзади смѣшанные отряды изъ пѣхоты и кавалеріи. Такой „ящикъ“ медленно преодолѣвалъ одинъ завалъ за другимъ, не обращая вниманія на сыпавшіяся справа и слѣва пули—и настоящія „военныя дѣйствія“ начинались лишь тогда, когда на дорогѣ отряда попадался аулъ: тогда жгли сакли, топтали посѣвы, истребляли фруктовыя деревья и виноградники (скотъ горцы, обыкновенно, успѣвали угнать), словомъ, уничтожали „жизненныя средства“ непріятеля, неуловимаго и неуязвимаго для русскаго оружія. Но уничтоженіе двухъ или трехъ ауловъ стоило обыкновенно такихъ жертвъ—благодаря обстановкѣ всего похода,—что дальше не рѣшались итти, и съ торжественными реляціями о „побѣдѣ“ возвращались домой, въ одно изъ русскихъ укрѣпленій. Результатомъ было подновленіе ненависти къ русскимъ у противника, серьезно вовсе не ослабленнаго истребленіемъ двухъ-трехъ деревень, новые успѣхи мюридизма, который на живомъ примѣрѣ могъ доказать, что съ такимъ врагомъ, какъ русскіе, миръ невозможенъ,—да нѣсколько георгіевскихъ крестовъ тѣмъ изъ участниковъ похода, у кого была получше протекція: „пріѣхавшій за отличіями“ офицеръ—обыкновенно гвардейскій—это было почти официальное званіе на Кавказѣ съ 30-хъ по 50-е годы, во всякомъ случаѣ, это былъ общераспространенный бытовой терминъ, сразу опредѣлявшій въ глазахъ кавказца лицо, о которомъ шла рѣчь. Менѣе замѣтнымъ (въ реляціяхъ) результатомъ была сотня-другая убитыхъ и искалѣченныхъ солдатъ—но то были неизбѣжныя „издержки производства“ георгіевскихъ крестовъ и золотыхъ сабель „за храбрость“. Нужно прибавить, что реляціи, стыдясь хвастаться только сожженными аулами и желая показать дѣло въ глазахъ начальства болѣе „прибыльнымъ“, обыкновенно немилосердно привирали (кто же и какъ сталъ бы провѣрять,

что тамъ именно происходило въ горахъ?), живописуя такіе военные эффекты, какихъ никто изъ участниковъ похода и не думалъ видѣть. Это было обычаемъ—и его не стыдились даже крупные люди, какъ Барятинскій, не говоря уже о другихъ, для которыхъ карьера составляла всю цѣль жизни*).

Изъ такого безплоднаго хожденія по горамъ ничего, конечно, въ военномъ смыслѣ, не могло выйти: пока господствовала николаевская тактика съ ея сомкнутымъ фронтомъ и культомъ штыка, горцы на полѣ битвы всегда имѣли перевѣсъ надъ нами, какъ представители болѣе *прогрессивнаго* способа борьбы. Не случайно поэтому побѣда надъ Шамилемъ хронологически совпала съ перевооруженіемъ русской арміи нарѣзнымъ оружіемъ,—что именно на Кавказѣ велось, начиная съ 1857 года, съ особенной настойчивостью и энергіей. Ко времени взятія Гуниба у Барятинскаго было уже 12 баталіоновъ, сплошь вооруженныхъ винтовками, не считая отдѣльныхъ стрѣлковыхъ ротъ въ полкахъ, сохранившихъ прежнее вооруженіе. Борьба на равномъ оружіи быстро начала давать себя чувствовать: увидѣвъ, что ихъ привилегія—бить мѣтко и издали—у нихъ отнята, и что русскія пули попадаютъ теперь дальше и мѣтче ихъ (потому что европейскія винтовки русскихъ стрѣлковъ далеко превосходили первобытное нарѣзное оружіе кавказскихъ племенъ) горцы стали падать духомъ. Что моральный эффектъ новаго русскаго вооруженія очень *ускорилъ* побѣду Барятинскаго, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но *рѣшено* было дѣло все же и не этимъ; перевѣсъ сталъ уже склоняться на русскую сторону за нѣсколько лѣтъ до того, какъ началось перевооруженіе русскихъ войскъ,—когда даже капсюльные курки на Кавказѣ были новостью, и старая кремневая гладкостволка безраздѣльно господствовала. Стратегическая побѣда русскими была одержана раньше, чѣмъ они получили надъ горцами тактическій перевѣсъ,—и это опять-таки было отмѣчено цитировавшимся нами выше горскимъ историкомъ: уже говоря о событіяхъ 1847 годъ, онъ находитъ возможнымъ заявить, что „съ этого времени дѣла и предпріятія Шамиля начинаютъ быть безуспѣшны"; а въ 1857 году, когда Барятинскій только что началъ свои дѣйствія, Шамиля, по словамъ его біографа, „можно было уподобить овцѣ, схваченной волкомъ за шею и потерявшей всякую надежду на спасеніе".

Непосредственныхъ причинъ всѣхъ этихъ злоключеній наиба дагестанскій историкъ ищетъ, разумѣется, въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ и въ отдѣльныхъ событіяхъ. Поводъ къ печальнымъ размышленіямъ около 1847 г. подала ему попытка Шамиля превратить имаматъ въ наслѣдственную монархію, заставивъ горцевъ присягнуть его сыну, Кази-Магомѣ. Это будто бы произвело крайне дурное впечатлѣніе на наибовъ, изъ которыхъ каждый ранѣе, конечно, считалъ себя достойнымъ за-

*) Этого не рѣшается скрыть даже біографъ—и панегиристъ—кн. Барятинскаго. См. А. Зиссерманъ, назв. сочин., т. I, стр. 194 и 336—7, а также и въ др. мѣстахъ.

нять мѣсто Шамиля послѣ его смерти. Лишенные теперь всякой надежды на это, наибы, по словамъ нашего автора, старались дискредитировать имама въ глазахъ его подданныхъ и заботились исключительно о себѣ: „начали копить богатства и убивать напрасно мусульманъ, не различая между позволеннымъ и запрещеннымъ, между истиной и ложью". Чтобы понять это мѣсто, надобно имѣть въ виду, что по прежнему порядку имѣніе всякаго, казненнаго за измѣну общемусульманскому дѣлу, конфисковалось: косвенное подтвержденіе словъ дагестанскаго историка и можно видѣть въ томъ, что около этого времени Шамиль нашелъ себя вынужденнымъ отмѣнить это правило и постановить, „чтобы не брать имѣнія казненнаго, въ особенности, когда остаются послѣ него сироты". На томъ же совѣщаніи, гдѣ было издано это постановленіе (въ Андіи, въ 1847 году), было принято и другое, не менѣе характерное; „чтобы взвѣшивать всѣ поступки свои на вѣсахъ шаріата и не итти путемъ эмировъ-тирановъ, дабы еще болѣе не сбиться съ прежняго пути, какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни"*). Административный упадокъ имамата —если даже и не приписывать наибамъ такихъ макіавеллистическихъ мотивовъ, какіе имъ присваиваетъ нашъ историкъ, — можно считать такимъ образомъ установленнымъ. Остается вопросъ,—была ли это, дѣйствительно, одна изъ основныхъ причинъ общаго упадка или это было лишь слѣдствіе болѣе глубокихъ причинъ? У того же историка мы можемъ найти, по крайней мѣрѣ, намекъ и на послѣднее. Резюмируя, на послѣднихъ страницахъ своего сочиненія, условія разложенія Шамилева господства и отмѣчая еще разъ злокозненность наибовъ,—„измѣны" которыхъ онъ не перестаетъ обличать на протяженіи всей второй половины своей исторіи—онъ обмолвливается такимъ замѣчаніемъ: „когда такимъ образомъ всѣ выходы для набѣговъ со стороны Чечни, Дагестана и Лезгинской линіи (граница съ Грузіей) были заняты, то пограничный доходъ Шамиля прекратился. *Имѣнія наибовъ начали уменьшаться.* Горцы, по привычкѣ, начали грабить другъ друга, началась междоусобная вражда". Итакъ, виновата была не одна недобросовѣстность наибовъ, или зависть ихъ къ имаму и его наслѣднику,—стали уменьшаться матеріальныя средства имамата, и отъ этого зависѣло остальное. Нужно сдѣлать еще одинъ шагъ и спросить себя, кто же доставлялъ эти средства? Доходы отъ военной добычи — на что указываетъ въ данномъ мѣстѣ нашъ авторъ—никогда не составляли главнаго рессурса для Шамиля: даже цифры, приводимыя самимъ дагестанскимъ историкомъ, достаточны, чтобы опровергнуть его предвзятое мнѣніе. Лишь за одинъ годъ онъ можетъ указать 15.000 руб. доходу отъ „мугаджировъ": такъ назывались, по примѣру первыхъ лѣтъ ислама, люди, бросившіе все и всецѣло посвятившіе себя священной войнѣ;—въ другіе же годы доходъ эттотъ падалъ до 1.000 рублей. При всей бѣдности Дагестана въ деньгахъ это сумма слишкомъ ничтож-

*) „Низамъ Шамиля". Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. III, стр. 14—15.

ная, чтобы играть какую бы то ни было роль въ *государственномъ* бюджетѣ,—какимъ все-таки былъ бюджетъ имама. Зато подати съ хлѣба собирались ежегодно до 435.000 пудовъ,—по самой скромной цѣнѣ, тысячъ на 80 руб. Мы уже упоминали (см. выше 2. Горцы и мюридизмъ) о томъ странномъ фактѣ, что % хлѣбнаго сбора былъ значительно выше той пропорціи, въ которой „зекатъ" взимался со скота и даже съ денегъ: въ первомъ случаѣ—12%, во второмъ 1 или 2%. И это даетъ намъ отвѣтъ на вопросъ: кто, въ дѣйствительности, содержалъ государство Шамиля и оплачивалъ расходы „священной войны". Это не могъ быть Дагестанъ, который никогда не въ состояніи былъ прокормиться своимъ хлѣбомъ. Это могла быть только житница и самого Дагестана, и всего восточнаго — а отчасти и западнаго—Кавказа: Чечня.

Значеніе Чечни для имамата съ необыкновенной яркостью выступаетъ въ той безхитростной біографіи великаго дагестанскаго вождя, которую мы такъ часто цитировали. Слѣдуя за этими полулѣтописными отмѣтками, вы отчетливо видите, какъ *одинъ* Дагестанъ былъ совершенно не въ силахъ упрочить положеніе Шамиля хотя бы на короткое время. Идея блокады Дагестана, которую мы впервые встрѣчаемъ въ одномъ документѣ Александровскихъ еще временъ, цитированномъ выше (см. 2. Горцы и мюридизмъ), была, несомнѣнно, правильной военной идеей. Дагестанъ могъ дать одну—двѣ отчаянныхъ битвы русскимъ: долго держаться онъ не могъ. „Потерявъ рѣшительное дѣло, въ Дагестанѣ все усмирялось и успокоивалось на нѣкоторое время", говоритъ военный историкъ Кавказа, характеризуя военные пріемы различныхъ горскихъ племенъ. „Обстоятельства, вынуждавшія ихъ или на открытый и рѣшительный бой или на скорую покорность, заключались, во-первыхъ, въ ограниченности земли, удобной къ воздѣлыванію, а во-вторыхъ, въ трудности доставки лѣса для построекъ. Недостатокъ воздѣланной земли заставлялъ горца дорожить своимъ родным ъ ущельемъ, небольшимъ кускомъ поля и сада. Бросить аулъ значило отказаться отъ матеріальнаго обезпеченія и сдѣлаться нищимъ—тѣмъ болѣе, что въ большей части Дагестана приходилось, за неимѣніемъ въ горахъ арбъ и арбяныхъ дорогъ, тащить лѣсъ волокомъ за 40, 50, а иногда и 70 верстъ" *). Такимъ образомъ экономическая обстановка дѣлала первый военный народъ Кавказа **) наименѣе стойкимъ и упорнымъ изъ нашихъ противниковъ. Пока за Ша-

*) Дубровинъ. „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ". I, стр. 614—615.

**) Вотъ что говоритъ объ этомъ ген. Дубровинъ: „Чеченцы и дагестанцы одинаково искусно пользовались мѣстностью, но послѣдніе превосходятъ чеченцевъ въ искусствѣ укрѣпляться, и эта часть у нихъ доведена была до нѣкотораго совершенства. Завалы и всѣ укрѣпленія ихъ всегда имѣли сильный перекрестный огонь. Противъ дѣйствія нашей артиллеріи они вырывали канавы, съ крѣпкими навѣсами, засыпанными землею, гдѣ было довольно безопасно отъ ядеръ и гранатъ, а для большей безопасности защитникввъ дѣлали иногда крытые ходы и устраивали подземныя канавы (?) въ нѣсколько ярусовъ или рядовъ. Вообще же завалы дѣлались изъ камня или деревянныхъ срубовъ, пересыпанныхъ землей",—а не просто изъ наваленныхъ деревьевъ, какъ у чеченцевъ. Ibid.

милемъ были силы только однихъ дагестанцевъ—т. е. до 1840 года,—онъ, по словамъ его біографа, „не извлекъ никакой пользы изъ своихъ набѣговъ“ и уже въ 1839 г. былъ очень близокъ къ тому положенію, въ какомъ засталъ его двадцать лѣтъ спустя Барятинскій. Большинство его единоплеменниковъ бросило его послѣ первыхъ неудачъ, часть даже перешла на сторону русскихъ, въ его распоряженіи оставалось только одно укрѣпленное убѣжище, гдѣ онъ и держался со своими мюридами,—Ахульго. Въ этой крѣпости, очень напоминавшей Гунибъ и своимъ расположеніемъ (Ахульго съ трехъ сторонъ было окружено неприступными обрывами), онъ былъ запертъ войсками ген. Граббе, которому помогала „вся конница Дагестана“, т. е. дружины враждебныхъ Шамилю дагестанскихъ бековъ и хановъ,—и, какъ мы уже упоминали, едва спасся, всего съ семью мюридами. На немъ „не осталось даже черкески“, какъ разсказывали тогда между горцами. А всего через полтора года мы встрѣчаемъ его полновластнымъ повелителемъ всего восточнаго Кавказа, населеніе котораго онъ „слилъ въ одинъ народъ, готовый исполнять всѣ его приказанія“, „прекративъ междоусобныя брани и родовыя непріязни“. И вся эта феерическая перемѣна объяснялась только тѣмъ, что въ 1839 году въ Чечнѣ вновь вспыхнуло возстаніе, вызванное причинами, совершенно аналогичными тѣмъ, какія дѣйствовали и прежде въ подобныхъ случаяхъ—притѣсненіями и грабежами русскихъ властей (на этотъ разъ въ лицѣ нѣкоего генерала Пулло),—и отпавшіе отъ русскаго правительства чеченцы признали имама своимъ государемъ; что чрезвычайно характерно, его власть тотчасъ же призналъ снова и покинувшій было его Дагестанъ. У русскаго военнаго начальства былъ въ то время въ ходу афоризмъ: „горы наши, плоскость наша“: почему оно и старалось проникнуть со своими экспедиціями возможно дальше въ глубь Дагестана. Афоризмъ этотъ былъ замѣчательно вѣренъ наоборотъ: кто владѣлъ чеченской плоскостью, тотъ былъ хозяиномъ и въ горахъ Дагестана.

Но Чечня возстала противъ русскихъ не для того, чтобы промѣнять одинъ деспотизмъ на другой. Она готова была временно подчиниться военной диктатурѣ Шамиля—но для государства мюридовъ съ его своеобразной пуританской дисциплиной сравнительно зажиточная и мало наклонная къ аскетизму Чечня представляла плохую почву. Режимъ Шамиля съ его наибами здѣсь невольно наводитъ на воспоминанія о режимѣ Кромвеля и его генералъ-маіоровъ, подготовившемъ въ Англіи XVII вѣка антиреспубликанскую и антипуританскую реакцію. „Употребленіе крѣпкихъ напитковъ, пѣсни, пляски, музыка—словомъ, все, что отвлекаетъ мысль отъ Аллаха, было строжайше запрещено. Точно такому же преслѣдованію подвергался и каждый курящій или нюхающій табакъ. Житель, пойманный съ крошечною на тонкомъ чубукѣ трубкою въ зубахъ или спрятанною за околышемъ папахи, подвергался въ первый разъ штрафу, а во второй разъ ему продѣвали чубукъ сквозь ноздрю; иногда же продѣвали сквозь ноздрю

бечевку и на ней привѣшивали трубку или табакерку. За пристрастіе къ вину виновный подлежалъ смертной казни; уличенный въ пристрастіи къ музыкѣ подвергался самъ аресту и палочнымъ ударамъ, а его инструментъ—немедленному сожженію. Охотниковъ потанцовать наказывали палками или пачкали имъ лицо грязью, иногда сажею, и, посадивъ верхомъ на ишака лицомъ къ хвосту, возили въ такомъ видѣ по аулу" *). За каждую попытку сопротивляться власти имама или даже просто уклониться отъ исполненія его приказанія, виновная семья или цѣлый аулъ подвергались военной экзекуціи,—своего рода драгоннадѣ: къ нимъ ставили на постой дагестанскія войска. Этотъ послѣдній пріемъ придавалъ власти Шамиля надъ Чечней характеръ форменнаго иноземнаго господства,—и чеченцамъ оставалось выбирать, что лучше, быть ли подъ властью русскихъ или подъ игомъ лезгинъ. О частомъ примѣненіи смертной казни и, какъ ея послѣдствія, конфискаціяхъ, мы уже упоминали выше. Пока русская опасность была близка, а русскій гнетъ въ свѣжей памяти, этотъ режимъ еще переносился—съ глухимъ ропотомъ, но безъ открытаго протеста. Но старая неволя быстро сглаживалась въ памяти, а опасность вторичнаго русскаго завоеванія, именно благодаря поддержкѣ имама чеченцами, казалось, все болѣе и болѣе удалялась. Пять слѣдующихъ за возстаніемъ Чечни лѣтъ (1840—1845) были періодомъ самыхъ блестящихъ военныхъ успѣховъ Шамиля. Къ 1843 году всѣ русскія укрѣпленія въ Дагестанѣ и Чечнѣ были разрушены и взяты, гарнизоны ихъ частью истреблены, частью попали въ плѣнъ: до 700 русскихъ солдатъ и офицеровъ и десять русскихъ орудій оказались въ рукахъ горцевъ. Самъ командующій русскими войсками въ Дагестанѣ, генералъ Клюки-фонъ-Клюгенау, былъ запертъ въ Хунзахѣ и едва вырученъ войсками князя Аргутинскаго. Перейти въ наступленіе противъ Шамиля и оба соединившіеся русскіе генералы однако не сочли себя въ силахъ, и Шамиль блестяще закончилъ кампанію этого года взятіемъ Гергебиля, главнаго опорнаго пункта русскихъ въ сѣверномъ Дагестанѣ. Послѣ этого вся чеченская плоскость перешла въ руки имама—и мѣста, гдѣ русскіе отряды безпрепятственно ходили еще во времена Ермолова, стали теперь для насъ, по словамъ одного современника, „чѣмъ-то фантастическимъ". Попытка русскихъ вернуть себѣ утраченное (экспедиція Лидерса и Аргутинскаго въ слѣдующемъ году) кончилась неудачей; обаяніе Шамиля такъ возросло, что даже дагестанскіе беки, находившіеся въ русской службѣ и имѣвшіе въ ней высокіе чины, стали переходить къ нему: все это, вмѣстѣ взятое, побудило императора Николая къ рѣшительнымъ мѣрамъ. На Кавказъ, въ качествѣ императорскаго намѣстника съ чрезвычайными полномочіями, былъ назначенъ кн. Воронцовъ, и въ его распоряженіе были предоставлены невиданныя прежде въ этихъ мѣстахъ военныя силы. Команду надъ главной экспедиціей къ столицѣ Шамиля, Даргамъ, принялъ

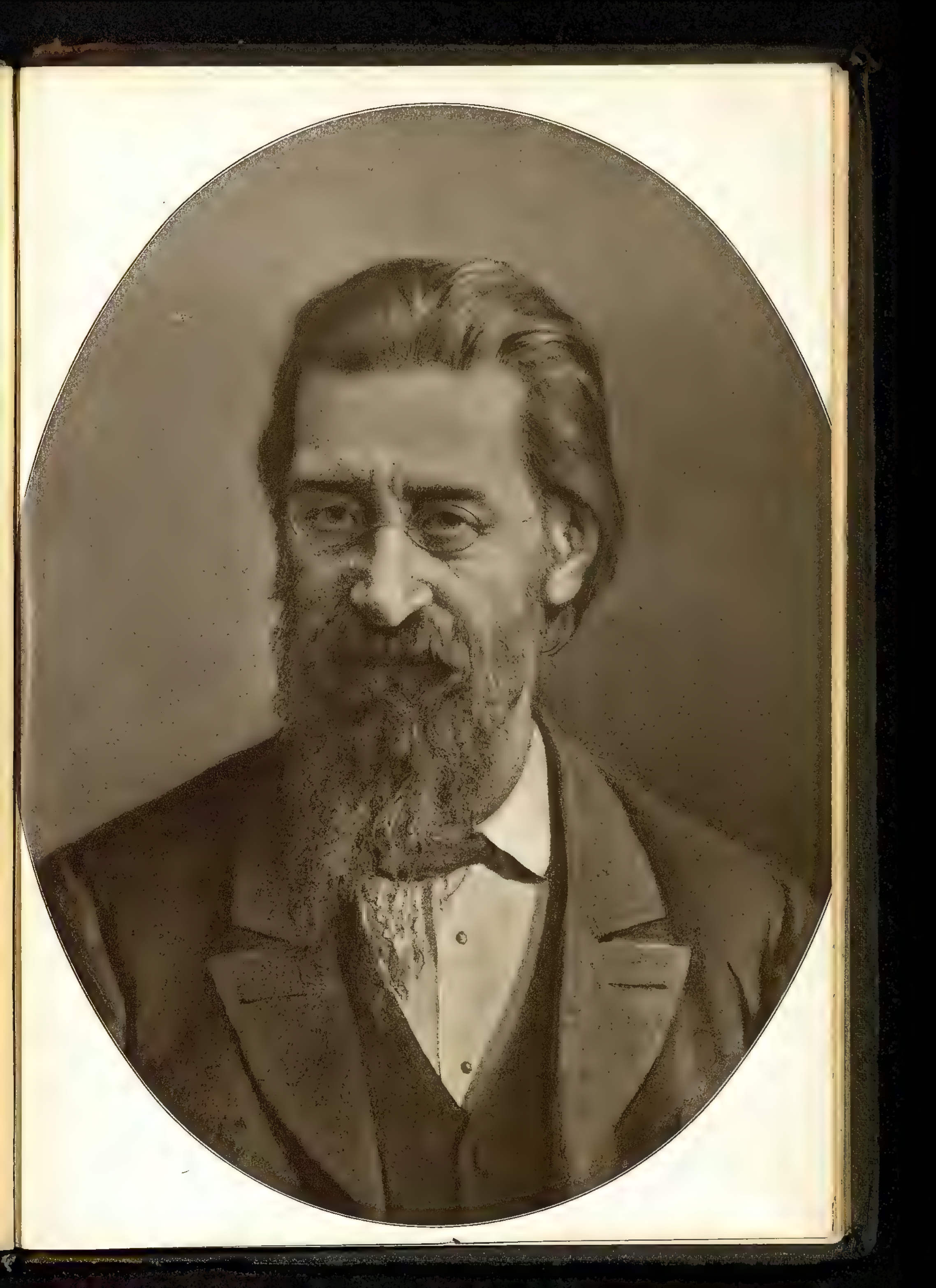
*) Дубровинъ, цит соч., стр. 479.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ.

Съ портрета, писаннаго А. А. Жаровой.
(Съ любезнаго разрѣшенія М. Н. Стоюниной въ С.-Петербургѣ.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКЪ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

18

на себя самъ намѣстникъ: Дарги были взяты, но Шамиль перехватилъ транспортъ съ провіантомъ, шедшій за русскими колоннами; Воронцовъ былъ вынужденъ отступить, и во время этого отступленія его отрядъ подвергся полному разгрому—причемъ не рѣдки были минуты, когда казалось, что никому изъ русскихъ не вернуться домой изъ этой экспедиціи. Весьма возможно, что не подоспѣй во-время помощь, въ лицѣ ген. Фрейтага, намѣстника въ чеченскихъ лѣсахъ и дѣйствительно постигла бы судьба Вара съ его легіонами. Никогда еще не было такого ликованія въ горахъ. „Бѣднякъ, который прежде не имѣлъ осла, пріобрѣлъ нѣсколько лошадей и одѣлся въ суконную чуху; тотъ, кто прежде и палки въ рукахъ не держалъ, добылъ хорошее оружіе“, разсказываетъ біографъ Шамиля. „Наибы и народъ, въ особенности чеченцы, которыхъ даже жены нападали на солдатъ и обирали ихъ, торжествовали, видя неожиданные свои успѣхи, какъ будто бы русскихъ болѣе не осталось, кромѣ тѣхъ, которые убиты“. Попытки Воронцова загладить даргинскую неудачу въ ближайшіе годы ни къ чему не приводили: осада Гергебиля, предпринятая съ очень большими силами, закончилась неудачнымъ штурмомъ, стоившимъ русскимъ весьма тяжелыхъ потерь.

Это было въ томъ самомъ 1847 году, когда предпріятія Шамиля, по словамъ его историка, „начали быть безуспѣшны“. Не въ военномъ отношеніи, какъ видимъ: но этотъ годъ дагестанскій историкъ отмѣтилъ указаніемъ на начинавшійся ропотъ народныхъ массъ—а совѣщаніе въ Андіи—рядомъ уступокъ этимъ массамъ и косвеннымъ самоосужденіемъ всего режима. Уже скоро послѣ этого Барятинскій могъ спекулировать на чеченской оппозиціи Шамилю, устраивая для недовольныхъ шаріатомъ особый судъ по адату, подъ предсѣдательствомъ русскаго офицера (см. выше). А сильные и вліятельные люди бѣжали теперь не отъ русскихъ къ имаму, а обратно: на эти годы падаетъ переходъ къ русскимъ такого вліятельнаго вождя, какъ Хаджи-Мурадъ, одного изъ лучшихъ наибовъ Шамиля, долгое время бывшаго его правой рукой. Параллельно съ этимъ и военныя экспедиціи русскихъ начинаютъ быть все успѣшнѣе: вторая осада Гергебиля (въ 1848 г.) Аргутинскимъ и Барятинскимъ кончилась уже удачнѣе первой—укрѣпленія аула были разрушены, и только удержать его за собой окончательно русскимъ не удалось. Русскіе отряды теперь все чаще и чаще появляются на плоскости и проходятъ ее изъ конца въ конецъ безъ особенно непріятныхъ для себя послѣдствій. Все большее и большее количество чеченцевъ перебѣгаетъ отъ Шамиля къ русскимъ,—предпочитая спокойное рабство вѣчной тревогѣ жителей „немирной“ Чечни. Повидимому, и самъ имамъ начинаетъ понимать около этого времени, что здѣсь струна слишкомъ натянута—и, помимо мѣръ къ обузданію своей администраціи, старается и военныя дѣйствія противъ русскихъ переносить въ противоположную сторону отъ Чечни: въ Кабарду (въ 1846 г.), въ юго-восточный Дагестанъ, къ Ахтамъ (въ 1848) на

юго-западъ, къ Закаталамъ (въ 1852 г.) и, наконецъ, въ Грузію (въ Кахетію)— въ 1854. Это была послѣдняя крупная экспедиція Шамиля, кончившаяся для него удачно. Она была предпринята въ связи съ начавшеюся Восточной войной (1853—55 гг.) и представляетъ собою попытку горцевъ комбинировать свои дѣйствія съ операціями турецкой арміи (движеніе Омера-паши къ Кутаису). Дальнѣйшее зависѣло отъ успѣховъ этой послѣдней. Русское военное начальство считало свое положеніе очень рискованнымъ: шла уже рѣчь о совершенномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ; нѣсколько позже на этой же почвѣ зародилась идея о примиреніи съ Шамилемъ на основѣ признанія его власти собственно надъ Дагестаномъ—и отказа его отъ военныхъ дѣйствій противъ русскихъ; идея, упорно державшаяся въ петербургскихъ сферахъ даже еще и во время похода Барятинскаго къ Гунибу. Но и страхи съ одной стороны, и надежды—съ другой оказались преждевременными. Какъ разъ въ Азіатской Турціи война кончилась побѣдой русскихъ войскъ *). Отсроченная, благодаря войнѣ, на три года развязка стала быстро приближаться. Военныя дѣйствія опять были перенесены на самую неудобную теперь для Шамиля территорію— въ Чечню. Имамъ уже отчетливо сознавалъ, что онъ не пользуется здѣсь прежней популярностью, и что прежней беззавѣтной преданности чеченцевъ, основы его побѣдъ въ первой половинѣ 40-хъ годовъ, нѣтъ и слѣда. Въ своихъ обращеніяхъ къ народу онъ старается теперь возбудить въ немъ инстинктъ самосохраненія,— пророчитъ, напримѣръ, горцамъ, что русское начальство превратитъ ихъ въ подобіе крѣпостныхъ крестьянъ и станетъ брать ихъ въ рекруты. „Они отберутъ у васъ оружіе и даже не позволятъ имѣть ножа. Всѣхъ почетныхъ вашихъ сошлютъ въ Сибирь, и вы будете послѣ того какъ мужики. Вы подождите немного — и увидите, что будетъ послѣ. Вы будете раскаиваться и грызть себѣ пальцы; но ничто вамъ тогда не поможетъ“—говорилъ имамъ на собраніи въ аулѣ Шали осенью 1858 года. Или же старался подѣйствовать на самолюбіе чеченцевъ, говоря: „Во всемъ Дагестанѣ нѣтъ храбрѣе васъ, чеченцы! Вы свѣтъ религіи, опора мусульманъ. Вы были причиною возстановленія исламизма послѣ его упадка. Вы много пролили русской крови, много забрали у нихъ имѣній, плѣнили знатныхъ ихъ. Сколько разъ вы заставляли трепетать сердца ихъ отъ страха!“ Но, говоритъ его біографъ, когда главнокомандующій (Барятинскій, назначенный въ 1856 г. намѣстникомъ Кавказа) „выступилъ съ большимъ отрядомъ въ Чечню, народъ толпами съ покорностью сталъ приходить къ нему со всѣхъ сторонъ. Главнокомандующій ласково принималъ покорныхъ и дѣлалъ имъ щедрые подарки, которыхъ они отъ Шамиля никогда не видѣли. Они забыли Шамиля и данную ему присягу, прельстясь золотомъ и серебромъ, а еще болѣе *обѣщаніями оградить ихъ отъ переносимыхъ ими насилій и притѣсненій*. Даже самые приближенные, довѣренные его лица, наибы и самыя дѣти

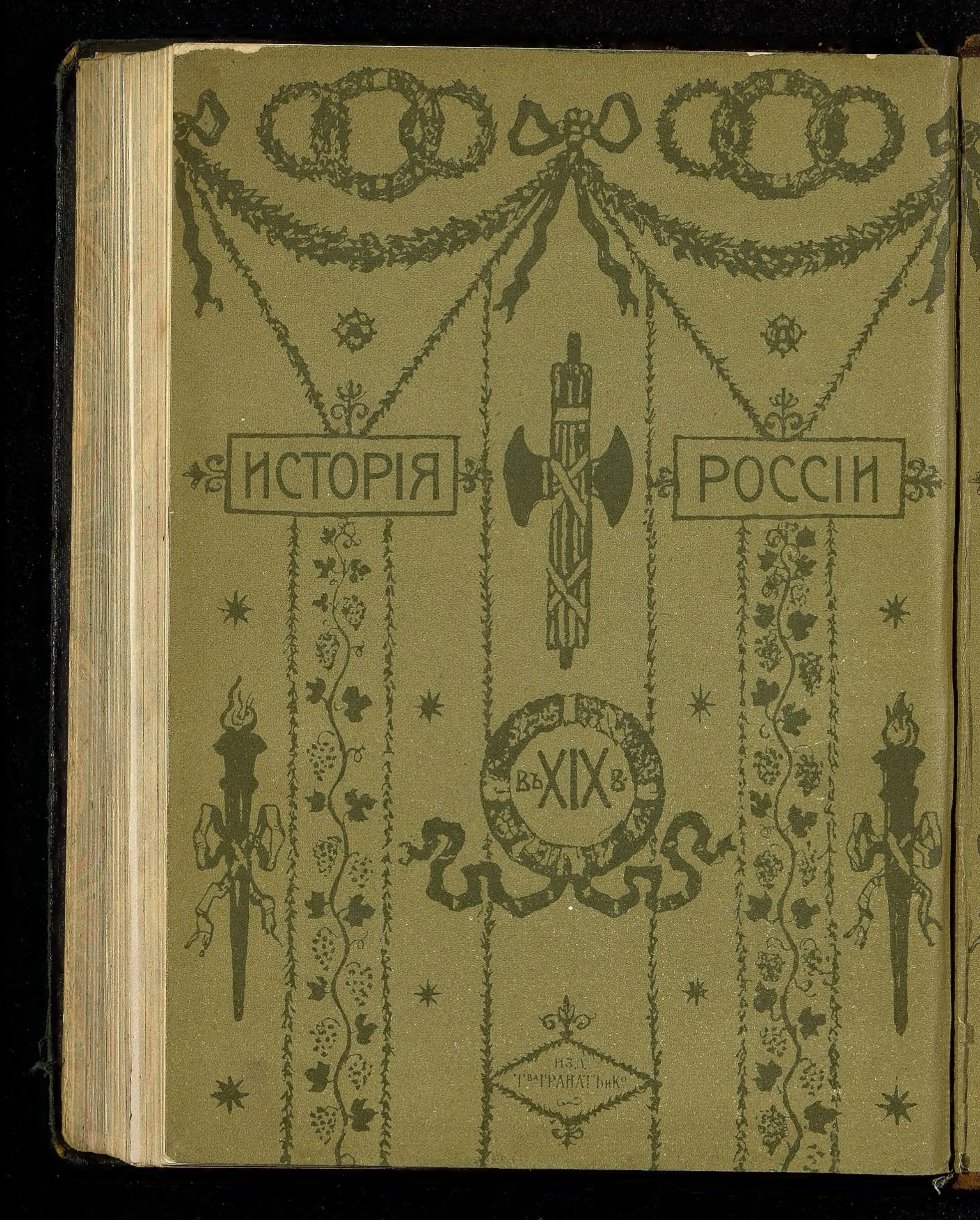
*) См. въ III томѣ главу 1. „Крымская кампанія“.

(Шамиля) въ тайнѣ хотѣли передаться русскимъ" *). При такой обстановкѣ даже и безъ помощи нарѣзного оружія успѣхъ русскихъ былъ обезпеченъ. 1 апрѣля 1859 года Евдокимовъ взялъ Ведень (Дарги). А 26 августа Барятинскій имѣлъ возможность издать свой знаменитый приказъ по войскамъ: „Гунибъ взятъ. Шамиль въ плѣну. Поздравляю кавказскую армію".

Паденіе военно-религіозной организаціи, созданной мюридизмомъ на восточномъ Кавказѣ, въ сущности кончало Кавказскую войну. До 1864 года оставался незамиреннымъ западный Кавказъ—но тутъ не могло образоваться такого центра сопротивленія, какъ государство Шамиля. Мюридизмъ проникъ и сюда, и въ лицѣ Мегметъ-Аминя Шамиль имѣлъ здѣсь своего представителя. Но болѣе аристократическій строй черкесскаго общества самъ по себѣ плохо мирился съ новымъ ученіемъ. Въ описанной нами соціальной враждѣ (см. выше) русское господство имѣло твердую точку опоры: черкесское дворянство всегда было болѣе склонно къ соглашеніямъ съ русскими,—если не прямо готово измѣнять своимъ землякамъ. Партія войны находила себѣ поддержку преимущественно у наиболѣе демократизированныхъ племенъ (шапсуговъ, абадзеховъ и натухайцевъ): но и они дѣйствовали врозь. Покореніе здѣсь было главнымъ образомъ военной задачей, лишенной той политической примѣси, которую оно имѣло въ Чечнѣ и Дагестанѣ: было слишкомъ ясно, что западные горцы, охваченные русскими съ двухъ сторонъ—Кавказской линіей по Кубани и Черноморской вдоль морского берега—не могутъ вести сопротивленіе сколько-нибудь продолжительное время; завоеваніе замедлялось главнымъ образомъ наличностью помощи со стороны Турціи, номинальными подданными которой состояли черкесы до Адріанопольскаго мира 1829 г., когда они стали столь же номинальными подданными Россіи. Крымская война заставила даже на время вовсе бросить Черноморскую береговую линію, т. е. выпустить черкесовъ изъ русскихъ тисковъ. Затѣмъ, уже съ начала 40-хъ годовъ война съ Шамилемъ настолько занимала и время и средства русскаго правительства, что на западномъ Кавказѣ поневолѣ приходилось ограничиваться обороной. Конецъ Шамиля былъ сигналомъ къ рѣшительному наступленію на западный Кавказъ—и уже здѣсь не находили нужнымъ церемониться съ населеніемъ, привлекая его на свою сторону кротостью и соблазномъ лучшей жизни, какъ это дѣлалъ Барятинскій въ Чечнѣ. Благодатныя причерноморскія земли рѣшено было сдѣлать вполнѣ русскими—и черкесамъ было предложено на выборъ: или переселиться на Кубань, или вовсе оставить Кавказъ и выселиться въ Турцію. Около 30 тысячъ согласились на первое—до 400.000 предпочли второе. Изъ черкесскихъ племенъ только кабардинцы — самые старые сосѣди русскихъ, почти окончательно „усмиренные" еще Ермоловымъ, остались подъ русскимъ подданствомъ въ пол-

*) „Сказаніе очевидца о Шамилѣ". Стр. 52, 54, 56. Авторъ какъ разъ въ это время былъ секретаремъ имама, почему его показанія особенно цѣнны.

номъ составѣ; зато шапсуги выселились почти сплошь въ Турцію. Западный Кавказъ не сталъ отъ этого русскимъ — на добрую долю онъ просто превратился въ пустыню, усѣянную развалинами, свидѣтельствовавшими о нѣкогда завязывавшейся здѣсь культурной жизни. Да и населеніе восточнаго Кавказа довольно скоро начало разочаровываться въ тѣхъ благахъ, которыя сулило русское господство: первое возстаніе чеченцевъ, уже въ качествѣ настоящихъ русскихъ подданныхъ, имѣло мѣсто всего черезъ годъ послѣ того, какъ они восторженными толпами встрѣчали кн. Барятинскаго. Вспышки не разъ повторялись и позже: крупнѣйшая изъ нихъ ознаменовала русско-турецкую войну 1877 года. Но это уже не была война, требовавшая „покоренія“: это былъ лишь „бунтъ“, который нужно „усмирять“. Рескриптъ Александра II, учреждавшій—въ 1864 году — особый знакъ отличія для участвовавшихъ въ Кавказской войнѣ, былъ правъ, констатируя окончаніе „многолѣтней кровавой борьбы, поднятой для огражденія нашихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ кавказскимъ краемъ, отъ набѣговъ хищниковъ“...

ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX В.
ИЗД.
Т-ВА ГРАНАТЪ и К°

ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX В.
ИЗД.
Т-ВА ГРАНАТЪ и К°

